

РУССКОЕ СЛОВО.

X.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

1859.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

25284 ED
CANCELED

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 1 Октября 1859 года

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА. В. Я. ШУЛЬГИНА	1	✓
ПЫЛКАЯ НАТУРА. Безымянный очеркъ. А. С. АѦНАСЬЕВА- ЧУЖБИНСКАГО	63	✓
КУКЛА. (Изъ Сырокомли.) Стихотвореніе. Переводъ А. С. . .	110	
ГОСПОЖА МЭНТЕНОНЪ. Н. А. ЛАВРОВСКАГО	113	✓
ПѢСНИ ГЕЙНЕ. М. Л. МИХАЙЛОВА	179	
НА ЗАЛІВЪ. Стихотвореніе. Н. И. КРОЛЯ	185	
РАЗСКАЗЫ СТЕПНЯКА. І. Флоръ Ивановичъ. В. Н. ЕЛАГИНА	187	✓
ТІАДА. В. В. КРЕСТОВСКАГО	218	
СТИХОТВОРЕНІЕ Н. И. КРОЛЯ	219	
МЪСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦЕВЪ. Н. А. СЪВЕРЦОВА	221	✓
СТИХОТВОРЕНІЕ М. И. РОЗЕНГЕЙМА	319	

ОТДѢЛЪ II.

Критика. УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ МАРКА ВОВЧКА. М. Ѧ. ДЕ-ПУЛЕ	1	✓
ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г-НА ФИЛИПОВА. А. В. ЛОХВИЦ- КАГО	15	
Библиографія. Сочиненія Э. И. Губера, изданныя подъ редакціей А. Г. Тихменева. М. Л. — Пермскій Сбор- никъ. М. Л. и Н. Ш. — Постороннее вліяніе, романъ кн. Г. В. Кугушева. И. Р. — Собраніе важнѣйшихъ па- мятниковъ по исторіи древняго русскаго права. А. В. ЛОХ- ВИЦКАГО. — Ужинокъ риднаго поля. А. С. А. ЧУЖ- БИНСКАГО. — Возраженіе на статью: «Изнапка крым- ской войны, другая сторона». Генералъ-маіора Затлера.		

А. ДОКУЧАЕВА. — Руководство къ добыванію смолы, вара, дёгтя и скипидара. *В. фонъ-Гребнера*. Н. Л. — Категорическая классификація болѣзней. Сочиненіе доктора медицины *Росновскаго*. В. Л. ХАНКИНА. — Галвано-терапия, или леченіе гальванизмомъ болѣзней мышечной и нервной системъ. Обработалъ по Ремаку *Оскаръ Ковалевскій*. Его-же 23

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Письмо изъ Праги. А. В. ЛОХВИЦКАГО . . .	1
Отрывокъ изъ исторіи провинціального кадетскаго корпуса. Г. Н. ПОТАНИНА	7
Галлерейя дагеротипныхъ портретовъ. ЭРАСТА ВЕСЕЛКИНА	28
Туда и обратно. А. М. П.	47
Письмо изъ Китая. Д. РОМАНОВА	57
Открытие въ Кіевѣ приготовительной школы. Е. СУД. .	59
Вѣсти изъ Новгорода. Н. Н.	66
Некрологи. I. Академикъ А. В. Тырановъ. II. Академикъ А. И. Терещневъ. В. Т—НА	70
Туринь и Миланъ. В. И. ВОДОВОЗОВА	82
Французскія провинціи. М. И. С—ГО	111
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Гласность. — Жалобы на кухарокъ, лавочниковъ и зубныхъ врачей. — Жалобы супруга. — За что можно иногда попасть въ острогъ. — Популярность А. С. Пушкина. — Что дѣлаютъ различныя компании и ихъ десятники. — Нѣсколько словъ о томъ, какъ прежде чинили дороги. — Истинный любитель балета и излишняя услужливость. — Иллюминація и нѣкоторыя приключенія. — Гонка яликовъ на Невѣ. — Балъ въ дворянскомъ собраніи. — Шамиль и его семейство. — Сюжетъ для драмы. — Водевиль. — Французская труппа въ конномъ циркѣ. — Новости драматической литературы. — Новыя книги. Е. О. МОЛМЕРА	121
Изъявленіе благодарности. А. ДОКУЧАЕВА	134
Шахматный листокъ. О задачѣ А. Д. Петрова, посвященной американцу Морфи. — Рѣшеніе ея Н. И.	

Петровскимъ. — О различіи итальянскихъ правилъ отъ правилъ принятыхъ въ прочихъ странахъ Европы. — Рокровка. — Passar bataglia. — Переименованіе пѣшекъ въ офицеры. — О новомъ уставѣ с. петербургскаго общества любителей шахматной игры. — Партіи: Дюбуа съ французскимъ любителемъ, Чайковскимъ, Уейвиллемъ и Робелло. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. — Руководство къ изученію шахматной игры. Соч. князя Урусова. (Статья восьмая.) В. М. МИХАЙЛОВА 269

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- 1) Поль Ферроль. Романъ. Переводъ съ англійскаго. О. М. НЕ-НАРОКОМОВА.
  - 2) Лестный отзывъ «Русскаго Инвалида» о «Русскомъ Словѣ».
-

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

Мыры къ открытію университета св. Владиміра. — Уставъ. — Торжество открытія. — Періоды университетской жизни.

Первая оффиціальная вѣсть о высочайшемъ соизволеніи государя императора на учрежденіе университета св. Владиміра получена въ Кіевѣ 11 ноября 1833 года. Тогда же попечитель округа поспѣшилъ извѣстить объ этой монаршей милости директоровъ и почетныхъ попечителей всѣхъ гимназій для оповѣщенія чиновниковъ и дворянъ округа. Вслѣдъ за тѣмъ (23 ноября) получена была копія съ именнаго высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 8-й день ноября 1833 года.

«Обращая безпрерывное вниманіе Наше на успѣхи общаго, истинно-народнаго воспитанія въ государствѣ, признали Мы за благо, по переводѣ вольнскаго лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ, преимущественно для жителей кіевской, вольнской и подольской губерній, конхъ наслѣдственное усердіе въ пользу просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края. Такимъ образомъ, избравъ городъ Кіевъ, съ давнихъ лѣтъ къ учрежденію университета предназначенный, равно драгоценный для всей Россіи, колыбель святой вѣры нашихъ предковъ и, вмѣстѣ съ симъ, первый

свидѣтель ихъ гражданской самобытности, Мы повелѣли учредить въ ономъ университетъ подѣ особымъ покровительствомъ и въ память великаго просвѣтителя Богомъ врученной Намъ страны, на слѣдующихъ началахъ :

1) Въ Кіевѣ открываемый университетъ наименовать императорскимъ университетомъ св. Владиміра.

2) Университетъ сей составить изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Учрежденіе въ ономъ факультета медицинскаго предоставляемъ Мы, впослѣдствіи, собственному Нашему усмотрѣнію.

3) Университету св. Владиміра присвоиваются всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ волынской, подольской и кіевской губерній для волынскаго лицея, кои и имѣютъ составлять впредь неприкосновенную сего университета собственность. Сверхъ того, на содержаніе университета св. Владиміра и на возведеніе зданій, обращаются всѣ источники и суммы, подробно перечисленныя въ утвержденномъ Намъ сего числа докладѣ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. За симъ недостающую на содержаніе университета сумму пополнять изъ государственнаго казначейства.

4) Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ подѣ непосредственнымъ руководствомъ Нашимъ начертать нынѣ же уставъ и штатъ университета св. Владиміра и поднести оные на Наше утвержденіе».

Едва разнеслась первая вѣсть объ этомъ многознаменательномъ для края событіи, какъ она сдѣлалась пасущою пищею разговоровъ во-всѣхъ слояхъ кіевского общества. Чувство благодарности къ императору перемѣшивалось съ самыми разнообразными надеждами и ожиданіями. Но рядомъ съ выраженіемъ надеждъ, быть-можетъ, слишкомъ богатыхъ и мечтательныхъ, слышались сомнѣнія и опасенія. Свѣжи еще были въ обществѣ воспомнанія о недавнихъ событіяхъ въ краѣ, не улеглись еще страсти, возбужденныя этими событіями. Многіе боялись вѣрять скорому осуществленію надежды на открытіе университета, другіе сомнѣвались даже въ возможности его существованія среди слишкомъ еще натянутыхъ

мѣстныхъ общественныхъ отношеній *). Но какъ ни разнообразны были толки, всѣ они сводились къ одной мысли о томъ, что въ древнемъ городѣ готовится событіе важное, рѣзко выходящее изъ круга явленій его обыкновенной жизни. Смутно предчувствовали это, по слухамъ съ чужихъ словъ, даже люди, далеко не сознававшіе всего значенія университета.

Всѣхъ болѣе радовался, всѣхъ болѣе и яснѣе сознавалъ всю важность университета и всѣ затрудненія къ открытію его, тотъ, у котораго университетъ былъ завѣтною мечтою, кто болѣе всѣхъ трудился надъ осуществленіемъ ея, кому городъ и край обязаны были по преимуществу царскою милостію. За то глубокое сочувствіе и признательность громко выражались къ попечителю округа, *Егору Федоровичу фонъ-Брадке*, во-всѣхъ слояхъ кievскаго общества, вездѣ гдѣ онъ ни появлялся. Скоро стали доноситься до него отзывы общественного мнѣнія изъ окрестныхъ губерній.

«Извѣщеніе объ учрежденіи университета, — писалъ одинъ директоръ, — обрадовало меня и всѣхъ тѣхъ, кому я успѣлъ сообщить о сей монаршей милости. Таковое счастливое для здѣшняго края событіе должно восхищать всякаго благомыслящаго, тѣмъ болѣе, что новое сіе заведеніе будетъ возникать и усовершенствоваться подъ руководствомъ начальника, неуныпно пекущагося о ввѣренной ему государственной части и объ общемъ добрѣ **»).

«Извѣстіе это — писалъ другой директоръ, — я принялъ въ отношеніяхъ моего вѣдомства, самой страны, всего отече-

*) На эти мнѣнія о затрудненіяхъ къ открытію университета есть официальные свидѣтельства: во-первыхъ, въ объявленіяхъ объ открытіи университета, разсланныхъ совѣтомъ университета жителямъ края, гдѣ, между прочимъ, сказано: «основаніе университета въ семь году сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ.» Во-вторыхъ, г. министръ народнаго просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю императору объ открытіи университета, 15 іюля 1834 года, между прочимъ говорить: «Сіе исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія сопряжено было съ многоразличными затрудненіями.»

**») Директоръ лицей князя Безбородко Д. Ясновскій, ноября 18-го, за № 264.

ства, учености и лично моемъ съ неописанною радостію. Съ благоговѣніемъ видя сіе великое событіе въ предѣлахъ наукъ, столь благопріятное возрожденіе ихъ въ новую славу мѣста, исполненіемъ преданности моей и ввѣреннаго мнѣ заведенія побуждаюсь принести вашему превосходительству поздравленіе и въ лицѣ вашемъ всей власти глубочайшую благодарность *)».

«Этотъ добродѣтельное изліяніе умной и государственной объ наукахъ бдительности, — писалъ одинъ почетный попечитель, — достовѣрно возродитъ въ нихъ всемѣрную старательность, дабы мы столь великолѣпной всепресвѣтлѣйшаго государя опеки и столь дѣятельно вашимъ превосходительствомъ береженному возрасту наукъ могли достойно отвѣтствовать. Всякъ, хотя бы и въ наименьшемъ округѣ своихъ дѣяній, всѣми силами стараться будетъ о распространеніи сущаго образованія, основаннаго на святыхъ правилахъ закона Божія и дабы въ томъ попеченіи, столь пріятномъ Богу а полезномъ обществу, никому упредить себя не позволять **).

Наконецъ одинъ изъ почетныхъ попечителей выразилъ свои чувства въ слѣдующихъ словахъ: «Чувствую каково увеселеніе сіе высочайшая милость, клонящаяся къ образованію юношества, принесетъ сердцамъ родителей, бывъ очевидцемъ несравненнаго утѣшенія, благодарности и стремленія къ наукамъ при первомъ открытіи волынской гимназіи въ Кременцѣ. Воспитывать дѣтей есть то прихоть господствующая родинѣ нашихъ, которые ежечастно посвѣщали все свое состояніе, то по сему самому не могучь не возчувствовать сихъ щедротъ всеавгустѣйшаго монарха, употребившаго на соотвѣтственную цѣль ихъ приношеній и увеличившаго оныя съ своей стороны на улучшеніе средствъ къ воспитанію наследственнаго племени.... Дай Богъ, чтобы престарѣлый мой вѣкъ дозволилъ мнѣ счастливо наслаждаться зрѣніемъ того торжественнаго обряда, дабы могъ раздѣлить еще мои чувства съ радостію вообще трехъ губерній, ко-

*) Директоръ новгородъ-сѣверской гимназіи, Иванъ Тимковскій, 21 ноября, за № 341.

***) Почетный попечитель волынской гимназіи, камергеръ Скибицкій 28 ноября, № 199.

торыя сего съ совершенною жаждостію довѣли, сколь же утѣшительно на самое послѣдствіе смотрѣть будутъ. Примите ваше превосходительство отъ меня по должности, въ которую отцами семействъ избранъ, благодарность за неутомимое усердіе ваше къ благу дѣтей ихъ... *)».

Читая теперь эти, довольно нескладно выраженные изъясненія чувствъ современниковъ основанія университета, мы невольно улыбаемся, — но они важны не по формѣ своей, а по содержанию, какъ живое выраженіе тогдашняго общественнаго мнѣнія. Въ нихъ достойный попечитель округа могъ слышать утѣшительное признаніе заслугъ его и откликъ на чувства, волновавшія его благородную душу, при мысли о важности учрежденія, которымъ край обязанъ его предстательству у престола.

25 декабря 1833 года, въ день, посвященный празднованію всемірно-историческаго событія въ жизни христіанскаго міра и воспоминанію о великомъ событіи въ жизни русскаго народа, государь императоръ Николай I-й утвердилъ проектъ устава и штатъ университета св. Владиміра.

Такъ какъ организація, данная университету св. Владиміра проектомъ устава, отличалась отчасти и отъ организаціи существовавшихъ въ то время другихъ русскихъ университетовъ и отъ той, какую онъ получилъ впоследствии, по окончательному уставу 1842 года, — то не лишнимъ будетъ изложить въ общихъ чертахъ уставъ 1833 года.

1) Университету св. Владиміра, принятому подъ особое покровительство его императорскаго величества, предоставлены всѣ права и преимущества прочихъ университетовъ въ государствѣ. Онъ ввѣрялся ближайшему начальству попечителя округа, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго все внутреннее управленіе университета должно принадлежать совѣту изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и синдика, подъ предсѣдательствомъ ректора. Вообще предметы занятій *совѣта* заключались: въ избраніи членовъ ученаго сословія, въ опредѣленіи и увольненіи всѣхъ учителей

---

*) Почетный попечитель подольскихъ гимназій, О. Држевецкій, отъ 8 декабря, за № 60.

и другихъ чиновниковъ какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ его округа, въ мѣрахъ къ устройству и правильному ходу ученой и учебной части какъ въ университетѣ, такъ и въ училищахъ округа. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Ректоръ, непосредственный начальникъ университета, избирался въ совѣтъ по большинству голосовъ на два года изъ ординарныхъ профессоровъ и утверждался въ этомъ званіи высочайшею властію. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни ректора, мѣсто его заступаетъ проректоръ, избираемый ежегодно совѣтомъ изъ членовъ своихъ и утверждаемый министромъ.

Всѣми хозяйственными дѣлами по университету и округу должно было завѣдывать *правленіе* университета, которое, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляли деканы, совѣтникъ по управленію фондами и недвижимымъ имуществомъ и синдикъ.

Управленіе учебною частію училищъ, существующихъ въ округѣ, ближайшимъ образомъ ввѣрялось *училищному комитету*, какъ отдѣленію совѣта. Въ немъ предсѣдательствовалъ ректоръ и присутствовали избираемые на два года и утверждаемые попечителемъ, три профессора и синдикъ.

Наблюденіе за нравственностію и поведеніемъ студентовъ вообще, и казеннокоштныхъ въ-особенности, имѣли *инспекторъ* и два его *помощника*.

Сверхъ того, по части дѣлопроизводительной и въ-особенности хозяйственной и полицейской, назначено опредѣленное количество чиновниковъ.

Наконецъ къ личному составу университета принадлежатъ: бібліотекарь съ секретаремъ и двумя помощниками и хранители разныхъ университетскихъ коллекцій.

II) *Учебная* часть университета проектомъ устава была организована первоначально слѣдующимъ образомъ:

Университетъ св. Владиміра составленъ былъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго, раздѣленнаго на два отдѣленія, и юридическаго.

Въ составъ философскаго факультета входили слѣдующія кафедръ: а) по 1-му отдѣленію: 1) философія, 2) греческая

словесность и древности, 3) римская словесность и древности, 4) российская словесность и 5) всеобщая и российская история и статистика. б) по 2-му отдѣленію: 1) чистая и прикладная математика, 2) астрономія, 3) физика и физическая географія 4) химія, 5) минералогія и геогнозія, 6) ботаника, 7) зоологія, 8) технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ *юридическомъ* преподавалось: 1) общее систематическое обозрѣніе законовѣднія (энциклопедія правъ) 2) основные законы и учрежденія российской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ, 3) российскіе гражданскіе законы, какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, которые дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ; 4) российскіе уголовные законы; 5) законы благочинія, 6) законы о государственныхъ повинностяхъ и о финансахъ, 7) римское законодательство въ связи съ внутреннею и внѣшнею исторіею его.

Для преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ назначено въ университетѣ пятнадцать профессоровъ ординарныхъ, четыре экстраординарныхъ и шесть адъюнктовъ. Въ ординарные и экстраординарные профессора могъ быть избранъ только докторъ и магистръ того факультета, къ которому принадлежитъ кафедра.

Сверхъ того для догматическаго и правоучительнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго права опредѣлены двѣ особыя кафедры, не принадлежащія къ факультетамъ: одна для студентовъ греко-российскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Профессоры этихъ кафедръ избирались изъ духовныхъ лицъ по сношенію съ епархіальными начальствами.

Въ университетѣ полагались лекторы языковъ: французскаго, нѣмецкаго, италіянскаго и польскаго, и учителя искусствъ: рисованія, музыки, танцованія, фехтованія, вольтижерованія и верховой ѣзды.

Университетское преподаваніе вообще раздѣлялось на полугодія. Полный курсъ продолжался четыре года, изъ коихъ послѣдній, особенно для казенныхъ студентовъ, могъ

быть преимущественно посвященъ спеціальнымъ и практическимъ трудамъ по избранной отрасли наукъ.

За направлениемъ, постепенностию и успѣхомъ преподаванія въ факультетахъ должны были наблюдать три *декана*, два — по философскому, и одинъ — по юридическому, избираемые ежегодно совѣтомъ и утверждаемые министромъ. Подъ предсѣдательствомъ ихъ происходили факультетскія собранія изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Предметы занятій факультетскихъ собраній заключались въ правильномъ устройствѣ преподаванія по факультетамъ, въ испытаніяхъ студентовъ и желающихъ получить ученые степени и въ ценсурѣ сочиненій, издаваемыхъ профессорами на счетъ университета.

III. Относительно приѣма, состава и выпуска *слушателей* университетскихъ лекцій, проектомъ устава постановлены слѣдующія основныя правила:

Всѣ поступающіе въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе изъ предметовъ гимназическаго курса.

Приѣмъ студентовъ назначался два раза въ годъ.

Всѣ служащіе и не служащіе чиновники, первые съ разрѣшенія своего начальства, могутъ посѣщать университетскія лекціи, по выдержаніи предварительнаго испытанія, въ качествѣ вольныхъ слушателей.

При университетѣ находилось опредѣленное число казеннокоштныхъ студентовъ, коихъ комплектъ на первый разъ полагался пятьдесятъ, въ томъ числѣ двадцать шесть предназначалась въ учительское званіе и двадцать четыре въ гражданскіе чиновники.

Казеннокоштные студенты, предназначаемые къ званію учителей, сверхъ слушанія университетскихъ курсовъ, получали руководство въ практическихъ упражненіяхъ отъ профессоровъ русской словесности, древнихъ языковъ, математики и философіи, изъ коихъ послѣдній долженъ преподавать педагогію, — сочиняли разсужденія, произносили пробныя лекціи и подъ надзоромъ профессоровъ давали уроки въ училищахъ.

Казеннокоштные студенты, назначаемые для приготовленія въ гражданскіе чиновники, сверхъ слушанія курсовъ юри-

дического факультета, должны заниматься практически под руководством одного из факультетских профессоров по назначению совета. Въ послѣдній же годъ бытности въ университетѣ они употреблялись, въ свободное отъ лекцій время, для практики въ университетскомъ правленіи подъ руководствомъ синдика и секретарей. — Списки оканчивающихъ курсъ студентовъ правовѣдѣнія должны препровождаться съ подробнымъ объясненіемъ ихъ знаній и нравственныхъ качествъ къ кievскому военному губернатору для распределенія студентовъ въ государственную службу, по способностямъ, въ губерніяхъ кievской, волынской и подольской.

Всѣ вообще казенные студенты обязаны по выходѣ изъ университета прослужить въ томъ вѣдомствѣ, въ какое они начальствомъ опредѣлены будутъ (срокъ не опредѣленъ).

Вотъ въ общихъ чертахъ устройство, которое долженъ былъ получить новый университетъ по первоначальному уставу 1833 года. Еще въ высочайшемъ указѣ, 8 ноября 1833 г., указаны были и первыя *матеріальныя средства* на содержаніе университета и на возведеніе зданій его. Средства эти заключались:

1) Въ доходахъ съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ кievской, волынской и подольской губерній для волынскаго лицея и обращаемыхъ въ неприкосновенную собственность университета. Въ 1833 году фундушевыя капиталы состояли изъ

4,796 р. — асс. золотомъ
509,485 — 85 к. сер.
44,696 — 99 ³ / ₄ к. асс.

Всего на ассигнаціи 1,832,695 р. 47¹/₄ к.

На серебро . . . . . 523,627 р. 28⁶/₇ к.

Доходы съ капиталовъ лицея въ 1833 году состояли въ 115,000 р. ассигн., или 32,857 р. 14 к. серб.

2) Въ процентахъ съ пожертвованнаго дворянствомъ кievской губерніи въ 1805 году на содержаніе кievской гимназій и нѣкоторыхъ повѣтовыхъ училищъ капитала, который въ 1833 году взросъ до 489,439 руб. 19¹/₂ коп. асс., или 139,854 р. сер.

Изъ доходовъ съ этого капитала предположено было исключить сумму, ежегодно употребляемую на уѣздныя училища въ Махновкѣ и Радомыслѣ, и одновременно—сумму, необходимую на первоначальное обзаведеніе при^кіевской гимназій благороднаго пансіона.

3) Въ 12,900 р. асс., или 3685 р. сер., ежегодно отпускаемыхъ, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія комитета гг. министровъ 9 мая 1833 года, изъ капитула императорскихъ и царскихъ орденовъ на предполагавшійся къ учрежденію въ Кіевѣ институтъ правовѣдѣнія, который долженъ былъ теперъ войти въ составъ университета.

4) Въ суммѣ 2,970 р. сер. ежегодно отпускаемой изъ поіезунтскихъ общихъ доходовъ на конвиктъ для бѣдныхъ дѣтей, который вмѣстѣ съ существовавшими съ нимъ при валынскомъ лицѣѣ, механическою школою и училищемъ землемѣровъ, причисленъ къ кіевской гимназій на основаніи высочайшаго указа 25 декабря 1833 года.

Опредѣляя означенные капиталы на содержаніе университета св. Владиміра, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, недостающую за тѣмъ на это содержаніе сумму увеличить пособіями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ и указаніямъ опыта.—

Озабочиваясь обезпеченіемъ будущности новоучреждаемаго университета, правительство опредѣлило слѣдующія суммы на *возведеніе зданій* его:

1) Капиталь въ 50,000 р. асс., пожертвованный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Демидовымъ на университетъ въ Кіевѣ и взросшій въ 1833 году до 200,000 р. асс., или 57,142 р. 85 к. серебромъ.

2) Принятыя изъ капитула императорскихъ царскихъ орденовъ 150,000 р. ассиг., или 42,857 р. 14 к. серебромъ, на обзаведеніе института правовѣдѣнія.

3) Полученные изъ комиссіи духовныхъ училищъ 200,000 р. асс., или 57,142 р. 85 к. сер., за уступку въ Кременецѣ зданій, принадлежавшихъ волынскому лицѣю; наконецъ

4) Суммы назначенныя на постройку отгѣняемаго съ учрежденіемъ университета лица въ мѣстечкѣ Оршѣ и за-

ключавшіяся въ 291,214 р. сер., вмѣстѣ съ свободными остатками съ общаго эдукаціоннаго фондуша за 1833 годъ.

Въ день подписанія проекта устава и штата университета св. Владиміра послѣдовали два высочайшіе указа: первый правительствующему сенату о приведеніи въ дѣйствіе этого устава и штата съ сохраненіемъ силы его на четыре года, соотвѣтствующихъ продолженію перваго учебнаго курса; второй на имя управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о распоряженіяхъ къ открытію университета св. Владиміра, при первой возможности, и къ начатію въ немъ публичныхъ курсовъ, не ожидая замѣщенія всѣхъ кафедръ. При чемъ на непосредственное усмотрѣніе г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія возложенъ былъ первый выборъ и назначеніе всѣхъ преподавателей и чиновниковъ новаго университета.

Съ 16 января по 15 іюля 1834 года, т. е., со дня получения попечителемъ округа копій съ означенныхъ указовъ по день открытія университета, ровно въ теченіе полугода, мѣстное учебное и гражданское начальство предпринимало мѣры къ приведенію въ дѣйствіе высочайшихъ предначертаній касательно образованія университета. Мѣры эти не представляли блестящихъ результатовъ, быть-можетъ, вслѣдствіе поспѣшности онѣ соединены были съ нѣкоторыми ошибками, которыя оказались впоследствии и имѣли невыгодное вліяніе на первоначальную судьбу университета. Тѣмъ не менѣе онѣ важны, какъ первыя основанія важны для капитальнаго зданія, — трудны, какъ труденъ первый шагъ въ каждомъ предпріятіи, особенно если принять во-вниманіе мѣстныя обстоятельства края, еще недавно взволнованнаго смутными событіями 1830 и 1831 годовъ. Общее мнѣніе отлагало открытіе университета на многіе годы; но старанія г. министра народнаго просвѣщенія Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора графа Василія Васильевича Левашова, дали возможность неутомимой и благоразумной дѣятельности попечителя округа Егора Федоровича фонъ-Брадке преодолѣть всѣ препятствія къ скорому исполненію высочайшей воли. Особенно трудно было замѣстить достой-

нымъ образомъ каѳедры университета. Если недостатокъ въ способныхъ и достойныхъ преподавателяхъ чувствовался въ то время и въ другихъ русскихъ университетахъ, тѣмъ труднѣе было замѣщеніе всѣхъ каѳедръ новаго университета, особенно по юридическому факультету, который въ университетѣ св. Вадимира предназначался въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ дотолѣ не существовалъ. Затрудненіе еще болѣе увеличивалось въ томъ отношеніи, что кромѣ общихъ условій, требуемыхъ отъ университетскаго профессора его званіемъ, на преподавателей новаго университета мѣстныхъ обстоятельства возлагали какъ бы особенную миссію. «Учрежденіе высшаго учебнаго заведенія для западныхъ губерній,— писалъ попечитель округа къ министру народнаго просвѣщенія,— кромѣ общей всѣмъ подобнымъ заведеніямъ цѣли, должно имѣть цѣлью сближеніе жителей сихъ губерній къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ исповѣданію и содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества». (Отношеніе попечителя министру народнаго просвѣщенія 16 сентября 1833 года, N° 64). На преподавателей, которые приготовлялись въ дерптскомъ профессорскомъ институтѣ и при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, университетъ св. Вадимира въ началѣ рассчитывать не могъ какъ потому, что эти преподаватели предназначались для другихъ университетовъ, такъ и потому, что многіе изъ нихъ еще довершали свое образованіе за-границею. Поэтому начальство новаго университета должно было замѣстить его каѳедры главнымъ образомъ бывшими преподавателями волынскаго лиція, соединить преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ въ одномъ лицѣ и отложить до нѣкотораго времени организацію юридическаго факультета. Такимъ образомъ въ первоначальномъ ученomъ сословіи университета въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при открытіи, только три лица не принадлежали къ числу лицейскихъ профессоровъ. Сословіе это составляли:

По каѳедрамъ *богословія*:

1) Православнаго исповѣданія протоіерей Иванъ Михайловичъ *Скворцьевъ*, ординарный профессоръ философіи въ кiev-

ской духовной академіи, докторъ богословія, получившій образование въ с.-петербургской духовной академіи (40-ка лѣтъ).

2) Римско-католическаго исповѣданія Іустинъ Казимировичъ *Ходыкевичъ*, магистръ богословія, получившій образование въ динабургскомъ и полоцкомъ іезуитскихъ училищахъ (45 лѣтъ).

По 1-му отдѣленію философскаго факультета.

1) По кафедрѣ русской словесности, ординарный профессоръ Михаилъ Александровичъ *Максимовичъ*, ректоръ университета, деканъ отдѣленія, магистръ физико-математическихъ наукъ и разныхъ ученыхъ обществъ членъ, получившій образование въ московскомъ университетѣ и служившій въ немъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ ботаники (30-ти лѣтъ).

2) По кафедрѣ римской словесности и древностей, ординарный профессоръ Максимилианъ Юрьевичъ *Якубовичъ*, членъ училищнаго комитета, магистръ философіи, получившій образование въ вилельскомъ университетѣ и занимавшій мѣсто учителя латинскаго языка въ вольнскомъ лицей (50-ти лѣтъ).

3) Адъюнктъ по кафедрѣ древней словесности и древностей, секретарь отдѣленія Іосифъ Викентьевичъ *Корженевскій*, получившій образование въ вольнской гимназій и въ варшавскомъ университетѣ, бывшій старшій учитель польскаго языка въ вольнскомъ лицей (35-ти лѣтъ).

4) По кафедрѣ всеобщей и русской исторіи и статистики, экстраординарный профессоръ Владиміръ Францовичъ *Цыхъ*, членъ училищнаго комитета, магистръ этико-филологическаго отдѣленія, получившій образование въ харьковскомъ университетѣ и занимавшій въ немъ мѣсто адъюнкта по кафедрѣ всеобщей исторіи (24-хъ лѣтъ).

Лекторы языковъ: *французскаго* — Антонъ Карловичъ *Плянсонъ* (Planson), титулярный совѣтникъ, получившій образование въ французскихъ училищахъ (sic) и преподававшій тотъ же языкъ въ вольнскомъ лицей (43-хъ лѣтъ); *нѣмецкаго* языка, Адальбертъ Францовичъ *Лидль*, обучавшійся и преподававшій тотъ же языкъ въ вольнскомъ лицей (30-ти лѣтъ); *польскаго* языка Іосифъ Іосифовичъ *Микульскій*, коллежскій секретарь, помощникъ бібліотекаря, получившій воспитаніе

въ галиційскихъ училищахъ и въ вольнской гимназіи и преподававшій въ вольнскомъ лицее́ английскій языкъ (38-ми лѣтъ).

По 2-му отдѣленію философскаго факультета.

1) По кафедрѣ чистой и прикладной математики, ординарный профессоръ Степанъ Степановичъ *Выжевскій*, деканъ отдѣленія, надворный совѣтникъ, магистръ философіи, получившій образованіе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и бывшій учителемъ этого предмета въ вольнскомъ лицее́ (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

Адъюнктъ его, Григорій Власьевичъ *Гречина*, магистръ философіи, секретарь отдѣленія, воспитывавшійся въ вольнской гимназіи и въ виленскомъ университетѣ, учитель математики въ вольнскомъ лицее́ (38-ми лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

2) По кафедрѣ физики и физической географіи, ординарный профессоръ Игнатій Карловичъ *Абламовичъ*, магистръ философіи, получившій образованіе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и слушавшій лекціи въ Парижѣ (sic), бывшій учитель этого предмета въ вольнскомъ лицее́ (48-ми лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

3 и 4) По кафедрамъ химіи, минералогіи и геогнозіи, ординарный профессоръ химіи Степанъ Федоровичъ *Эльновичъ*, кандидатъ, получившій воспитаніе въ педагогическомъ заведеніи при виленскомъ университетѣ и преподававшій въ званіи учителя въ вольнскомъ лицее́ химію, минералогію и технологию (54-хъ лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

5) По кафедрѣ ботаники — ординарный профессоръ Виллибальдъ Готлибовичъ *Бессеръ*, докторъ медицины, разныхъ ученыхъ обществъ членъ, надворный совѣтникъ, получившій образованіе въ краковской академіи, состоявшій въ званіи учителя ботаники въ вольнскомъ лицее́ (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія, изъ австрійскихъ дворянъ).

6) По кафедрѣ зоологіи — адъюнктъ зоологіи Антонъ Лукіановичъ *Андржеевскій*, московскаго общества испытателей природы дѣйствительный членъ, коллежскій секретарь, получилъ воспитаніе въ вольнской гимназіи и состоялъ въ званіи по-

мощника учителя зоологін и ботаники въ волинскомъ лицѣѣ (50-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

7) По кафедрѣ архитектуры, ординарный профессоръ архитектуры Францъ Ивановичъ *Мльховичъ*, исправляющій должность архитектора въ университетѣ и округѣ, получившій первоначальное образованіе въ кременецкомъ воеводскомъ училищѣ и довершившій его за-границею, особенно въ политехнической школѣ Париза, — бывшій учитель архитектуры и механики въ волинскомъ лицѣѣ (49-ти лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія).

Учителемъ живописи опредѣленъ Бонавентура *Клембовскій*, коллежскій секретарь, воспитанникъ волинскаго лица, продолжавшій образованіе за-границею (32-хъ лѣтъ). Завѣдываніе библиотекою и милицъ-кабинетомъ университета поручено было коллежскому ассессору Павлу *Ярковскому*, окончившему образованіе въ кременецкомъ выдзьяловомъ училищѣ, занимавшему ту-же должность въ лицѣѣ. Помощниками его опредѣлены: лекторъ Микульскій (по библиотекѣ) и Иванъ *Багриловскій*, ученикъ волинской гимназіи (по милицъ-кабинету). Таковъ былъ личный ученый составъ университета. Поставленное обстоятельствомъ въ необходимость сформировать его изъ старыхъ лицейскихъ профессоровъ, начальство руководилось, при назначеніи ихъ, между прочимъ тѣмъ, что всѣ они пользовались болѣе или менѣе ученою извѣстностью у мѣстнаго населенія, если и не всѣ вполне удовлетворяли современнымъ требованіямъ университетской науки. Организуя ученое сословіе университета какъ предметъ первой важности, мѣстное начальство ввѣрило не менѣе важную право-наблюдательную часть инспектору студентовъ, отставному полковнику Федору Ивановичу *Люце*, и его двумъ помощникамъ, титулярному совѣтнику *Фишеру* и штабсъ-капитану *Любимову*, получившимъ воспитаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Тогда же замѣщены были вакансіи прочихъ штатныхъ чиновниковъ при университетѣ слѣдующими лицами: синдикомъ университета назначенъ учитель кievской гимназіи коллежскій ассесоръ Александръ Григорьевичъ *Петровъ*, совѣтникомъ правленія коллежскій секретарь Игнатій Петровичъ *Казачинскій*, секретаремъ совѣта коллежскій секретарь Ни-

колай *Черемисиновъ*, секретаремъ правленія титулярный совѣтникъ *Волошинскій*, кассиромъ титулярный совѣтникъ *Кручковскій*, бухгалтеромъ *Янушевскій*, экзекуторомъ отставной маіоръ Сила Ивановичъ *Шишкинъ*. Врачемъ штабъ-лѣкаръ коллежскій ассесоръ Адальбертъ *Маевскій*.

Дальнѣйшія работы попечителя округа и предварительно учрежденныхъ имъ совѣта и правленія университета заключались: 1) въ составленіи плановъ и смѣтъ на постройку университетскихъ зданій и въ наймѣ частныхъ домовъ для временнаго помѣщенія многосложныхъ частей университета и его коллекцій; 2) въ распоряженіяхъ о приѣмѣ, перевозкѣ, размѣщеніи и устройствѣ университетскихъ коллекцій, перевозимыхъ изъ Кременца и Вильно; 3) въ распоряженіяхъ о приѣмѣ и устройствѣ университетскихъ пмѣній и, наконецъ, 4) въ приготовленіяхъ къ торжеству открытія университета, изготовленій для этого торжества рѣчей и оповѣщеніи дворянства трехъ западныхъ губерній объ этомъ важномъ событіи.

Наконецъ торжественное открытіе университета св. Владиміра произошло *въ 15 день іюля 1834 года*, въ который Церковь празднуетъ память равноапостольнаго Владиміра. Въ девять часовъ утра сословіе университета отправилось въ пещерскую лавру для слушанія божественной литургіи, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ кievскій и галицкій Евгенийъ, и послѣ которой профессоромъ богословія протоіереемъ Іоанномъ Скворцовымъ произнесено было слово «о свойствахъ великаго просвѣтителя Россіи св. князя Владиміра.»

По окончаніи литургіи и молебствія равноапостольному князю, ученое сословіе возвратилось въ домъ университета, куда собралась знатнѣйшіе воинскіе и гражданскіе чиновники и многочисленное дворянство трехъ западныхъ губерній, прибывшее къ этому дню въ Кіевъ. Вскорѣ прибылъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ въ сопровожденіи высшаго духовенства, и торжество началось пѣніемъ стихиря: «днесь благодать св. духа насъ собра.»—Митрополитъ, совершивъ молебствіе, окропилъ св. водою покои университета. Когда собраніе заняло мѣста, секретаремъ совѣта прочтены были

высочайшіе указы правительствующему сенату объ учрежденіи въ Кіевѣ университета св. Владиміра. За тѣмъ ^{судникъ} университета прочелъ записку о состояніи университета, о средствахъ дарованныхъ ему отъ правительства и пожертвованіяхъ, принесенныхъ въ коллекціи его отъ частныхъ лицъ *). Вслѣдъ за этимъ хоръ пѣвчихъ пропѣлъ народный гимнъ «Боже царя храни.»

Тогда началось произнесеніе рѣчей. Попечитель округа Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке въ рѣчи своей, изложивъ дѣйствія правительства касательно устройства училищъ въ западныхъ губерніяхъ, старался развить ту мысль, что для успѣшнаго достиженія цѣли общественнаго воспитанія, необходимо дружное содѣйствіе со стороны родителей, которое должно состоять въ правильномъ воспитаніи дѣтей до поступленія въ общественныя заведенія и въ руководствѣ по опредѣленіи ихъ въ эти заведенія. «Благородные пансіоны при казенныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ,—сказалъ между прочимъ попечитель,—есть самое благонадежное средство къ обезпеченію воспитанія.» За тѣмъ, обращаясь къ ученому сословію университета, попечитель выразилъ надежды, что «университетъ св. Владиміра, облеченный именемъ того, кто первый «водрузилъ крестъ Спасителя въ благословенномъ отечествѣ «нашемъ, конечно оснуетъ на семъ крестѣ всю свою мудрость.» Припоминая, что «юридическій факультетъ обязанъ своимъ образованіемъ единовременному окончаніюс вода законовъ,—ораторъ выразилъ живѣйшее желаніе — «да изгонитъ положительность законовѣдѣнія въ этомъ краѣ безконечныя тяжбы, раззорившія столь многія семейства, и питомцы университета да содѣлаются, одушевленные любовью къ правдѣ, поборниками ея въ судѣ и расправѣ.» Въ заключеніе попечитель сказалъ слѣдующія слова, которымъ пребылъ неизмѣнно

---

*) Отъ графа Илинскаго (Януарія), гг. Лохвицкаго, Рыльке, Добелесскаго, Ковалевскаго, Авненкова, Пирожкова, Воейкова, Шмидта и г-жъ Сулятицкой и Иваленковой. «Совѣтъ университета — сказано въ запискѣ — цѣнитъ въ этихъ приношеніяхъ не только внутреннее достоинство, но и всеобщее изъясняемое жертвами (sic) доброжелательство къ возникающему заведенію.» — Пожертвованія преимущественно вошли въ минералогическій, зоологическій и минцъ-кабинеты.

вѣрешъ во-все управленіе округомъ и университетомъ: «Я принимаю пазначеніе моего званія въ полномъ смыслѣ сего имени, и въ сей торжественный день торжественно обѣщаю, что дѣти ваши всегда найдутъ во мнѣ отца, но не слабого, потворствующаго порывамъ страстей и дурнымъ наклопностямъ, а твердаго, постояннаго заботящагося о направленіи ихъ къ нравственному совершенству. Ухо и сердце мое всегда будутъ для нихъ открыты; охотно сообщу я имъ, изъ опытовъ собственной жизни, совѣты пужные ихъ несозрѣвшей опытности, охотно поддержу ихъ стремленіе къ добру, охотно прощу слабости ихъ, если увижу чистое раскаяніе и твердую волю къ исправленію.»

Въ отвѣтъ на одушевленные слова попечителя, гг. губерпскіе предводители дворянства — кіевскій (графъ Тышкевичъ), волинскій (Ленкевичъ) и подольскій (Раковскій), въ рѣчахъ своихъ высказали въ разныхъ формахъ и фразахъ одну и ту-же вѣрноподданпческую признательность всего дворянства къ государю, даровавшему западному краю высшее учебное заведеніе, и дали обѣщаніе содѣйствовать съ своей стороны успѣхамъ университета.

Послѣ этого исправляющимъ должность ректора, ординарнымъ профессоромъ Максимовичемъ, поднесены были дипломы на званіе почетныхъ членовъ новаго университета тремъ сановникамъ: высокопреосвященному митрополиту кіевскому и галицкому Евгенію, г. генераль-фельдмаршалу князю Фабіану Вильгельмовичу фонъ-дербъ-Остенъ-Сакену и генераль-губернатору графу Василю Васильевичу Левашеву. Послѣ поднесенія дипломовъ прочитаны были двѣ академическія рѣчи — ординарнымъ профессоромъ древней словесности Якубовичемъ «De pulchro Platónico», и экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи Цыхомъ: О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ этой послѣдней рѣчи ораторъ, въ самомъ началѣ ея, слѣдующими словами обозначаетъ существенное ея содержаніе: учрежденіе университета въ странѣ сей есть событіе, истинно важное какъ для края сего, такъ, можно сказать, и для цѣлаго государства. Въ наше время никто не сомнѣвается въ пользѣ и выгодахъ высшаго образованія для всякаго лица въ-осо-

бенности; но смѣло можно сказать, не всѣ въ состояніи оцѣнить благотѣльное вліяніе его на цѣлыя общества.... Выгоды государственной службы, сопряженныя съ основательной образованностію, выгоды вещественныя, получаемыя отъ учености, значеніе въ обществѣ, доставляемое образованіемъ — вотъ та точка зрѣнія, съ которой смотритъ на пользу просвѣщенія простой взглядъ на вещи, вотъ тотъ масштабъ, которымъ измѣряетъ онъ важность этого событія. Такое воззрѣніе неприлично человѣку истинно-образованному, неприлично гражданину, коего сердцу дорого благо его отечества: важность сего событія должна быть измѣряема вліяніемъ его на улучшеніе быта государственнаго и гражданскаго, важностію слѣдствій его для блага общественнаго.» Развитие этихъ слѣдствій составляетъ предметъ одушевленной рѣчи профессора. Говоря подъ вліяніемъ минуты, увлекаясь общими въ то время сочувствіемъ къ такому важному событію, каково было дѣйствительно появленіе новаго университета въ Россіи, ораторъ въ своихъ надеждахъ и предвѣщаніяхъ переходитъ даже за предѣлы возможнаго. «Колечко, нельзя требовать, чтобы сей новый разсадникъ просвѣщенія — говорятъ Цыхъ — принесъ полные плоды тотчасъ по своемъ насажденіи.... Дайте ему время созрѣть и тогда судите его со всею строгостію. Университетъ св. Владиміра предстанетъ предъ вами въ полныхъ силахъ зрѣлости. Нѣсколько сотъ юношей, пріобрѣвшихъ основательныя свѣдѣнія въ различныхъ отрасляхъ знаній человѣческихъ, утвержденныхъ въ религіи и нравственности, готовы посвятить себя разнымъ родамъ государственной службы, готовы оправдать отеческія попеченія объ ихъ правительствѣ. Иные изъ нихъ, расположенные отъ природы болѣе къ тихой, спокойной жизни, посвятивъ себя трудамъ педагогическимъ, сдѣлаются почтенными наставниками юнаго поколѣнія въ странѣ сей; въ-другихъ вы увидите ученыхъ судей и гражданскихъ чиновниковъ, съ возвышенными понятіями о справедливости; въ-третьихъ отечество узритъ достойныхъ своихъ защитниковъ, съ твердою нравственностію, съ основательными свѣдѣніями, съ истинными понятіями о чести. Но я простираю свои надежды далѣе: почему не думать, что въ юной душѣ

кого-нибудь изъ нихъ сокрыты искры генія и тогда честь родителямъ, давшимъ ему первое воспитаніе; честь университету, развившему геній его; слава родинѣ, слава отечеству, доставившему ему средства образованія. Почему не думать, что какое-нибудь прекрасное дитя, коего малое лепетанье восхищаетъ теперь нѣжныхъ родителей, окончивъ впоследствии времени свое образованіе въ семъ университетѣ, содѣлается представителемъ своего вѣка, однимъ изъ тѣхъ чудныхъ явленій нравственнаго міра, изъ тѣхъ великихъ людей, коимъ суждено Промысломъ быть преобразователями человѣчества, путеводителями современнаго поколѣнія на поприщѣ стремленія его къ усовершенствованію... Какая же знаменитость ожидаетъ Кіевъ, стяжавшій уже славу въ другихъ отношеніяхъ? Какія выгоды доставитъ ему сіе событіе? Университетъ дастъ совершенно другой видъ сему городу. Бѣдныя лачужки, тѣсняціяся одна подлѣ другой въ отдаленныхъ частяхъ города, обратятся въ огромныя красивыя зданія; на обширныхъ пустыряхъ, отдѣляющихъ одну часть города отъ другой, представляющихъ столько неудобствъ для жителей его, столь препятствующихъ движенію внутренней его промышленности, возникнутъ прекрасныя строенія или красивыя гульбища; полный, широкій Днѣпръ покроется безчисленными судами, везущими сюда драгоцѣнныя произведенія изъ всѣхъ концовъ Россіи. Народонаселеніе увеличится, просвѣщеніе распространится на всѣ классы общества»....

По прочтеніи рѣчей, г. генераль-фельдмаршалъ вручилъ шиаги воспитанникамъ кіевской гимназіи В. Гиршу, В. Превлоцкому и А. Потаповичу, принятымъ въ студенты новаго университета, и торжественный актъ былъ заключенъ пѣніемъ хора, слова котораго были сочинены на этотъ случай г. Скуридынымъ и положены на музыку г. попечителемъ кіевской гимназіи, камеръ-юнкеромъ графомъ Илинскимъ. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ. Университетскій домъ былъ украшенъ прозрачною картиною, на которой представлены были: изображение императора, вѣнчаемаго мудростію и благодарностію, и въ отдаленіи Кіевъ, озаряемый лучами солнца. Оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ, находив-

шіеся вблизи картины, до глубокой ночи привлекали многочисленныя толпы народа на площадь предъ университетскимъ домомъ. Высшее общество весело проводило достопамятный день на балѣ у г. генералъ-губернатора.

Но этимъ днемъ не оканчивается торжество Кіева: въ продолженіе цѣлой недѣли городъ праздновалъ учрежденіе университета.

Спустя недѣлю по открытіи университета, началъ свои дѣйствія испытательный комитетъ, а 28-го августа 1834 г. открыто было чтеніе лекцій въ новомъ университетѣ.

Университетъ св. Владимира прожилъ *первое двадцатипятилѣтіе*. Старое, установившееся заведеніе не такъ скоро мѣняетъ свой характеръ и направленіе, какъ молодое. Последнее долго колеблется, пока найдетъ точку опоры, избираетъ разные пути, принимаетъ разнообразный характеръ, легче подчиняется вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ и только установившись, вполне сформированное, начинаетъ идти уже по одному избранному пути, рѣже мѣняетъ духъ, характеръ свой, и, окрѣпши въ силахъ, скорѣе подчиняетъ себѣ окружающую среду, нежели подчиняется само ея вліянію.

То-же случилось и съ университетомъ св. Владимира: въ первые 25-ть лѣтъ своей жизни онъ довольно часто мѣнял свое направленіе и, въ извѣстной мѣрѣ, былъ не въ силахъ одолѣть вліяніе окружающихъ его событій и отрѣшиться отъ мѣстныхъ преданій того края, среди коего долженъ былъ дѣйствовать.

Вотъ почему небольшое число лѣтъ, прожитыхъ нашимъ университетомъ, едва подходящее по объему къ тому періоду, въ который одно поколѣніе смѣняется другимъ, представляетъ три существенно между собою различныя періода.

I. Въ *первые пять лѣтъ* жизни университета, отъ 15 іюля 1834 г. по 15 іюля 1839 года, наука развилась въ немъ мѣстными дѣятелями, для мѣстныхъ слушателей, при посредствѣ мѣстныхъ ученыхъ и учебныхъ пособій, подъ преобла-

дающимъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій и среды окружавшей университетъ. По характеру онъ не былъ университетомъ въ обширномъ, идеальномъ смыслѣ слова, не былъ университетомъ даже русскимъ, но въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова былъ университетомъ *западно-русскимъ*, *мѣстнымъ*, то, что поляки называютъ *krajowut*. Это придавало ему свою оригинальную фізіогномію; по такую оригинальность нельзя назвать самобытностію, самостоятельностью, въ которой заключались бы залогомъ успѣха. До этой послѣдней оригинальности молодой университетъ въ пять лѣтъ, само-собой разумѣется, вырости не могъ; напротивъ, его оригинальность была болѣе странностію, болѣе преданіемъ отжившей старины, чѣмъ выраженіемъ современныхъ потребностей. Не жизнь, а застой внесла въ университетъ эта оригинальность. Ей обязанъ онъ слишкомъ узкою, школьною организаціею, которая стѣсняла самодѣятельность учащихся; она нарушила тѣ благопріятныя научныя стремленія, которыя, сильнѣе, можетъ-быть, чѣмъ когда-либо, начали проявляться въ немъ. Она отклонила университетъ отъ прямого назначенія и обратила его въ орудіе чуждыхъ наукъ цѣлей и узкихъ національныхъ антипатій, въ орудіе къ воскрешенію того, надъ чѣмъ, не за-долго предъ основаніемъ университета, произнесенъ былъ приговоръ закономъ исторической необходимости. Въ мартѣ 1839 года университетъ былъ закрытъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возникъ снова, перемѣнивъ большую частію и слушателей и преподавателей, весь составъ свой.

II. Слѣдующія *десять лѣтъ*, отъ (15 іюля) 1839 г. по (15 іюля) 1849 годъ, могутъ быть названы временемъ колебанія университета между разными направленіями при выходѣ его на настоящую дорогу, временемъ *переходнымъ*. Въ переходныя эпохи трудно уловить преобладающія свойства характера въ жизни лицъ и учрежденій; а потому въ этотъ періодъ времени и университетъ св. Владимира не имѣетъ рѣзко обозначившейся фізіогноміи. Первые три года университетъ развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго слушанія смѣшанныхъ*, строго не раздѣленныхъ *факультетскихъ предметовъ*; потомъ, со введе-

вѣемъ новаго устава въ 1842 г., вдругъ рѣзко долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ *вольнаго слушанія* и рѣзкаго *спеціального разграниченія факультетскихъ курсовъ*. Трудно было сразу попасть на прямой путь: отсюда колебаніе то въ ту, то въ другую сторону, а колебаніе въ жизни такихъ учреждений, какъ университетъ, равно застою, — который выразился въ учебной и ученой дѣятельности его апатією и упадкомъ научныхъ стремленій. Въ университетѣ начинаютъ учить и учиться не науки, а службы ради. Сверхъ того, съ 1841 года въ число факультетовъ входитъ медицинскій, захватываетъ огромное количество слушателей, не имѣющихъ почти ничего общаго, ни въ наукѣ, ни въ практическихъ цѣляхъ, съ слушателями другихъ факультетовъ, и такимъ образомъ въ университетѣ, мало-по-малу, образуется какъ-бы два отдѣльные учрежденія, каждое съ своимъ направленіемъ и характеромъ. Это обстоятельство также, съ одной стороны, лишаетъ университетскую жизнь опредѣленной общей физиогноміи, съ другой стороны, внеся въ университетъ преобладающую массу слушателей съ одностороннимъ матеріально-практическимъ направленіемъ, способствуетъ упадку гуманнаго и научнаго направленія въ университетѣ. Къ концу этого періода «*wissenschaftliche Tendenz*» дѣлается не-рѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слушателей, а иногда и преподавателей. Отъ вліянія тѣхъ же обстоятельствъ страдаетъ, особенно подъ конецъ этого періода, и нравственное развитіе университета, и проявляется въ пошлости и огрубеніи житейскихъ отношеній. Ни общество на университетъ, ни университетъ на общество вліянія не имѣютъ: между ними нѣтъ почти сближенія. Съ конца 1847 года, когда такое разложеніе проявилось съ особенною силою, начинаются первыя попытки реакціи, обнаруживается стремленіе избрать одинъ путь и принять болѣе опредѣленный характеръ. Къ концу 1849 года попытки эти приносятъ уже видимый результатъ, и потому съ этого времени можно начать новый періодъ университетской жизни.

III. Въ *последнія десять лѣтъ* своего двадцати-пяти-лѣтія, т. е. съ конца 1849 по 1859 годъ, университетъ полу-

часть болѣе опредѣленную физиогномію, хотя ея нельзя назвать общею, потому что въ немъ по прежнему продолжаетъ существовать два заведенія: медицинскій факультетъ образуетъ одно, а прочіе факультеты другое.

Въ предлагаемомъ историческомъ обзорѣ перваго двадцати-пяти-лѣтія университета св. Владиміра весь матеріалъ будетъ разгруппированъ на слѣдующіе отдѣлы:

I. *Университетская администрація* вообще и въ частности ученая, хозяйственная и полицейская.

II. *Умственная дѣятельность* университета:

1. Быть профессоровъ: а) учебная дѣятельность ихъ, б) ученая дѣятельность ихъ, с) житейскія отношенія.

2. Быть студентовъ: а) движеніе университетскаго населенія, б) нравственное состояніе его, с) умственное и д) житейскія отношенія.

III. *Ученыя коллекціи университета* и другія при немъ установленія.

IV. *Вѣвшая исторія* университета.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ГЛАВА I.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ.

(1834 — 1839.)

Составъ университетской администраціи опредѣленъ въ проектѣ устава университета св. Владиміра слѣдующимъ образомъ:

«Подъ личнымъ наблюденіемъ *попечителя*, внутреннее управленіе университетомъ принадлежитъ *совѣту*, въ коемъ предсѣдательствуетъ *ректоръ*, который, какъ непосредственный начальникъ университета, имѣетъ попеченіе о благоустройствѣ всѣхъ частей сего заведенія (§§ 3, 24). Всѣ хозяйственныя дѣла по университету и округу поступаютъ въ *правленіе*, которое подъ предсѣдательствомъ ректора составляютъ деканы, совѣтники по управленію фундашами и снѣдакъ

(§§ 81, 82).» Вислѣдствіи попечителю приданъ особый *помощникъ*, а при ректорѣ въ этомъ качествѣ состоятъ *проректоры*.

На этомъ основаніи въ изображеніе университетской администраціи у насъ войдутъ:

А) Изображеніе характеровъ и дѣятельности начальствующихъ лицъ, завѣдывающихъ общимъ управленіемъ въ университетѣ: а) *попечителя* съ его помощникомъ и б) *ректора* съ проректоромъ.

В) Изображеніе дѣйствій совѣщательныхъ собраній въ университетѣ: а) *совета*, завѣдывающаго по преимуществу учебною частію и б) *правленія*, завѣдующаго по преимуществу хозяйственною частію въ университетѣ.

А) *Начальствующія лица по разнымъ частямъ университетской администраціи.*

а) *Попечитель округа и его помощникъ.*

Основатель университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке* былъ попечителемъ университета въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ его существованія. Онъ живетъ, до-сихъ-поръ, въ памяти здѣшнихъ жителей какъ возстановитель просвѣщенія послѣ страшной ломки, слѣдовавшей за событіями 1830 года. И русскій и полякъ воспоминаютъ съ благодарностію объ этомъ добросовѣстномъ труженикѣ на пользу общую, дѣйствовавшемъ среди страшно запутанныхъ обстоятельствъ.

Кругомъ были одни развалины 245 учебныхъ заведеній, когда фонъ-Брадке принялъ на себя обязанность попечителя.

Онъ былъ органъ правительства. Посмотримъ чего требовало отъ него правительство.

«Общая наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе согласно съ Высочайшимъ намѣреніемъ Августѣйшаго Монарха совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности *).»

«Университетъ требуетъ непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора, дабы достигнуть возможнаго совершенства....»

---

*) Циркуляръ при вступленіи въ управленіе министерствомъ Т. С. Уварова. 21 марта 1833 года.

само-собою разумѣется, что дисциплина внутренняя между студентами составляет главное ручательство въ благосостояніи университета и начальство онаго обязано принимать къ водворенію сей дисциплины всѣ мѣры, закономъ предписанныя *).

Такъ говоритъ министр народнаго просвѣщенія Уваровъ въ циркулярныхъ инструкціяхъ попечителямъ округовъ. Какъ органъ правительства, фонъ-Брадке долженъ былъ проводить эти идеи въ администрацію, духъ и направленіе новаго университета, и проводилъ ихъ тѣмъ съ большею ревностію, что они сходились съ собственными его убѣжденіями. На университетъ фонъ-Брадке смотрѣлъ какъ на заведеніе, имѣющее главною цѣлью «сближеніе жителей западныхъ губерній къ русскимъ правамъ и обычаямъ, уменьшеніе религіознаго фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ вѣроисповѣданію, содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества.... «Въ семъ отношеніи — продолжаетъ онъ — «хорошо распитаны дѣйствія миссіонеровъ, которые полагаютъ, что половина пути ими совершена, если послѣ долгихъ неудачъ они получаютъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края **).» Средствомъ къ направленію университета къ этой цѣли попечитель вмѣстѣ съ министромъ полагалъ внутреннюю дисциплину надъ студентами, какъ людьми, которые находятся въ такихъ лѣтахъ, когда пылкія страсти дѣйствуютъ во всей своей силѣ, когда воля дѣлается самостоятельнѣе, но не имѣетъ твердыхъ основъ, когда ложная свобода въ дѣйствіяхъ считается свободою истинною ***).

Съ другой стороны, основываясь на современныхъ настоятельныхъ потребностяхъ края, фонъ-Брадке на первомъ планѣ университетской дѣятельности ставилъ не столько внутреннюю учебную и ученую дѣятельность его членовъ, сколько руководство средними учебными заведеніями и снабженіе ихъ способными учителями, посредствомъ состоявшаго при университетѣ училищнаго комитета. Сообразно съ этими убѣжденіями, фонъ-Брадке хотѣлъ, что-

*) Инструкція министра попечителямъ при осмотрѣ ими округовъ. 27 мая 1833 года.

***) Рѣчь фонъ-Брадке при открытіи университета.

***) Отношеніе министра отъ 16 сентября 1833 г., № 64.

бы изъ университетскихъ слушателей выходили благовоспитанные, энциклопедически-образованные и вполне преданные русскому правительству молодые люди, которые могли бы въ случаѣ нужды передать свои свѣдѣнія ученикамъ гимназій. Но образовать въ университетѣ ученыхъ специалистовъ, которые, по выходѣ изъ него, могли бы двигать впередъ науку, — этого Брадке не имѣлъ въ виду; онъ полагалъ, что думать объ этомъ было еще рано и что ученость и специализмъ роскошь въ университетѣ Св. Владиміра. — Въ этомъ отношеніи, какъ и во-многихъ другихъ, онъ сходилъ съ Чацкимъ. — Впослѣдствіи мы увидимъ, что идеи Брадке отразились сильно на устройствѣ всѣхъ частей университета, въ первый періодъ университетской жизни. Это потому, что онъ не стоялъ внѣ университета и не ограничивался, по точному смыслу устава, «наблюденіемъ за неукоснительнымъ исполненіемъ подчиненными ему лицами своихъ обязанностей,» по слѣдовалъ началу дѣятельной интервенціи, относительно внутренней жизни университета. — При основаніи университета оставить его на произволъ стараго ученаго лицейскаго совѣта было бы дѣйствительно опасно, и потому такая система дѣйствій была, можетъ-быть, не безъ пользы. Но она внесла въ университетскую администрацію опасное преданіе, которое могло впослѣдствіи парализовать дѣйствіями одного лица дѣйствія совѣта и ставить духъ и направленіе университета въ зависимость отъ личности окружнаго начальника.

Придерживаясь, быть можетъ слишкомъ, начала вмѣшательства въ дѣйствія своихъ касательно университетскаго совѣта, фонъ-Брадке, въ отношеніяхъ своихъ съ каждымъ профессоромъ въ частности, отличался въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ, какъ человекъ, и выкалъ въ нужды и потребности всѣхъ и cadaго, какъ добрый начальникъ. — Упрекали его нѣкоторые въ привязанности къ нѣмцамъ. Но это потому только, что онъ былъ самъ нѣмецъ и что по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, одно ихъ русское происхожденіе, независимо отъ всѣхъ личныхъ достоинствъ, должно было обращать на нихъ преимущественное вниманіе начальника. — Для Брадке русскій, нѣмецъ и полякъ не существовали: существовали только способные и неспособные

люди. Въ оцѣнкѣ ихъ онъ могъ ошибаться, но пристрастія въ немъ не было. Скорѣе, какъ органъ правительства, онъ, при выборѣ людей въ университетъ, руководствовался критеріемъ, противоположнымъ тому, за который его обвиняли.

Въ отношеніяхъ къ студентамъ, онъ былъ до конца вѣренъ обѣту, данному при открытіи университета: «быть ихъ отцемъ, но не слабымъ, потворствующимъ порыву страстей, а твердымъ, постоянно заботившимся о направленіи ихъ къ нравственному совершенству.» Онъ изучалъ характеры и способности молодыхъ людей еще во-время пребыванія ихъ въ гимназій и часто руководилъ совѣтами, при выборѣ ими факультетовъ, когда они поступали въ университетъ. Въ самомъ университетѣ, онъ постоянно слѣдилъ за хорошими и слабыми студентами, посѣщая лекціи университета сначала ежедневно, а потомъ когда здоровье ему измѣнилось, черезъ день или непременно два раза въ недѣлю.

Высоко цѣнимый и уважаемый въ общественномъ мнѣніи, онъ поставилъ высоко и тѣ лица, которые находились подъ его начальствомъ. Онъ умѣлъ облагородить до-тѣхъ-поръ сильно упавшее въ общественномъ мнѣніи званіе учителя, заставивъ прежде всего самихъ учителей уважать свое званіе. О профессорахъ и говорить нечего: попечитель умѣлъ выставить предъ обществомъ все значеніе профессорскаго званія.... Дѣятельность фонъ-Брадке, особенно въ первые годы управленія округомъ, когда онъ имѣлъ самую ограниченную канцелярію, была по-истинѣ изумительна. Пересматривая дѣла по округу и университету, мы находимъ, что во-всѣхъ, скольконибудь важныхъ случаяхъ, онъ самъ писалъ и отписывалъ бумаги; очень часто объѣзжалъ округъ, и во-время пребыванія въ Кіевѣ ежедневно посѣщалъ всѣ учебныя заведенія, всюду внося жизнь и движеніе.

И округъ и общество умѣли цѣнить такого попечителя: въ 1837 году, когда неутомимые труды разстроили и безъ того слабое здоровье его, глубокая печаль и сочувствіе ученаго сословія и всего кіевскаго общества выражались къ нему и въ глаза и за-очно. Благодарность свою университетъ выражалъ и по русски и по латини: *Curator universitatis hujus optimus, vir laboriosissimus, qui virtutum humanitatis*

in litteris amoris, in muneribus abundis diligentiae et industriae admirabile exemplum docentium aequae ad discentium animos, ejusdem virtutibus, quibus ipse splendet, imbuat et studia ad perficienda quocunque pia, proba honestaque sint, suo exemplo incitat *).

Чувства, выраженные университетомъ въ 1839 году при прощаніи съ своимъ основателемъ, были завиднымъ доказательствомъ того, что жизнь этого человѣка не даромъ потрачена была для здѣшняго края. Административная дѣятельность Брадке была въ высшей степени плодотворна и добросовѣстна. Не свободенъ былъ онъ отъ ошибокъ, но эти ошибки, какъ покажетъ вся исторія университета, принадлежали не столько ему лично, сколько вызваны были и современнымъ состояніемъ науки въ Россіи, и труднымъ, запутаннымъ положеніемъ края, въ которомъ Брадке долженъ былъ дѣйствовать.

Помощникомъ попечителя при фонъ-Брадке, въ послѣднее время состоялъ полковникъ артиллеріи *Гинцель*, уволенный въ 1839 году. Вліянія на университетъ онъ не имѣлъ никакого.

б) Первымъ ректоромъ университета былъ ординарный профессоръ русской словесности *Михаилъ Александровичъ Максимовичъ*. Максимовичъ родился въ 1804 году, въ украинской степи, на востокъ отъ Золотоноши, въ згарскомъ хуторѣ Тимковщины. Первая половина его ученой дѣятельности принадлежала московскому университету, въ которомъ онъ получилъ окончательное образованіе и занималъ съ честію должность сначала адъюнкта, а потомъ ординарнаго профессора ботаники. Въ біографическомъ словарѣ московскихъ профессоровъ помѣщена его автобіографія, изъ нея мы заимствуемъ тѣ свѣдѣнія, которыя относятся собственно къ административной дѣятельности его въ университетѣ св. Владимира **).

«13 іюля 1834 года Максимовичъ прибылъ въ Кіевъ; того же дня былъ уже въ университетскомъ засѣданіи и того же дня попечитель возложилъ на него исправленіе должности рек-

*) De pulchro platonico. Рѣчь пр. Якубовича.

***) Біогр. слов. моск. университета, II, стр. 1—12 зг.

тора. 15-го іюля онъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ торжественнаго открытія университета, въ сентябрѣ началъ преподаваніе русской словесности, а 16-го октября того же года, по положенію комитета министровъ, утвержденъ ректоромъ.»

«Многотрудныя занятія по устройству новаго университета (въ которомъ былъ тогда и училищный комитетъ для управленія округомъ) и, въ то-же время, занятія по новой каеедрѣ сильно изнурили здоровье Максимовича. Надобно было или оставить преподаваніе, или сложить съ себя ректорство. Наступившая болѣзнь заставила Максимовича подать попечителю прошеніе объ увольненіи его за болѣзнію отъ должности ректора, и 11 декабря 1835 года послѣдовало на то высочайшее соизволеніе. Декабря 21, въ засѣданіи совѣта прочтено было объ этомъ предложеніе попечителя и его письмо къ Максимовичу, выражавшее благодарность за управленіе университетомъ. Послѣ чего Максимовичъ сказалъ прощальное слово къ членамъ университета.»

Въ этомъ прощальномъ словѣ Максимовичъ, говоря объ единодушіи, какое господствовало при немъ въ совѣтѣ, высказалъ, между прочимъ, то начало, которому онъ слѣдовалъ во-время своего ректорства: «Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться съ общимъ закономъ необходимости; и въ оправданіе моего управленія скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета, руководиться искренностію и правотою мнѣнія и вмѣстѣ желаніемъ, чтобы всѣ предпріятія и рѣшенія совѣта были исполнены на самомъ дѣлѣ. Такъ ли я дѣйствовалъ, о томъ вы лучшіе судьи мои.... Дай Богъ, чтобы и всѣмъ будущимъ преемникамъ моимъ было такъ хорошо служить, какъ было мнѣ съ вами.»

Такъ кончилось ректорство Максимовича, въ продолженіе котораго онъ трижды исправлялъ должность попечителя. Сколько можно судить по сохранившемуся преданію, Максимовичъ по натурѣ своей не былъ созданъ администраторомъ. — Въ дѣйствительности, обязанности ректора при немъ исполняли — попечитель фонъ-Брадке, къ которому онъ являлся за распоряженіями по каждому вопросу, возникавшему въ совѣтѣ, во

вторыхъ свидѣль, на которомъ лежала вся бюрократическая дѣятельность ректора.

По увольненіи Максимовича, исправленіе должности ректора было ввѣрено, 11 декабря 1835 года, ординарному профессору всеобщей исторіи, проректору Владиміру Францовичу Цыху, который 1 декабря 1836 года, вслѣдствіе избранія университетскимъ совѣтомъ, былъ высочайше утвержденъ въ званіи ректора.

В. Ф. Цыхъ, сынъ майора русской службы, родился въ 1805 году въ харьковской губерніи. По окончаніи наукъ въ скатерпнославской гимназій — поступилъ въ 1822 г. въ харьковскій университетъ по словесному факультету и въ 1825 г. кончилъ курсъ съ степенью кандидата. Съ 1830 года началась его служба, сперва въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ должности учителя исторіи и французскихъ переводовъ (?), и инспектора классовъ; потомъ, въ 1831 году, ему поручено было преподаваніе всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ, при которомъ онъ назначенъ былъ въ члены испытательнаго комитета для поступающихъ въ учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, а въ 1833 году былъ командированъ въ С. Петербургъ для доставленія воспитанниковъ харьковскаго университета въ профессорскій институтъ. Въ 1833 году онъ получилъ степень магистра и званіе адъюкта.

При учрежденіи университета св. Владиміра, Цыхъ, не смотря на соискательство Гоголи, былъ переведенъ, по представленію попечителя фонъ-Брадке, экстраординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ новый университетъ. — По прибытіи въ Кіевъ, 21 апрѣля 1834 г., еще до открытія университета, Цыхъ былъ командированъ на визитацію подольской и волынской гимназій и уманскихъ пансіоновъ. Ревностное и отличное исполненіе этого порученія, обнаружило его служебныя способности. Какъ преподаватель, онъ почитался украшеніемъ университета, но объ его профессурѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Повышенный въ 1835 году въ званіе ординарнаго профессора, онъ, сверхъ прямой своей обязанности, былъ членомъ училищнаго комитета, визитаторомъ частныхъ училищъ въ Кіевѣ, и деканомъ I отдѣленія

философскаго факультета. Наконецъ, въ 1836 г. избранъ въ ректоры. Но преждевременная смерть похитила его съ поприща общественной дѣятельности, на которомъ явился онъ съ большими дарованіями и быстрыми успѣхами. При всемъ наружномъ здоровьи, онъ уже давно страдалъ внутреннею болѣзнію, которая, обратясь въ сильное удушье, отняла рано и внезапно жизнь, подававшую богатыя надежды для пользы общей. Онъ умеръ на второй день пасхи, 19 апрѣля 1837 г., погребенъ 31 сентября, ровно чрезъ три года пребыванія его въ Кіевѣ. Живая скорбь сослуживцевъ, учениковъ и знакомыхъ, сопровождала его въ могилу. Изъ горестныхъ словъ, раздавшихся надъ гробомъ его, можно заключить, какова была административная дѣятельность Цыха. Умѣнье поддержать своимъ личнымъ достоинствомъ значеніе всего сословія, имъ представляемаго, скромность по отношенію къ товарищамъ, отсутствіе всякихъ казенно-начальническихъ притязаній въ отношеніи къ подчиненнымъ, неутомимая дѣятельность, терпѣнье и умѣнье выскнуть въ малѣйшія подробности многосложной ректорской должности и дѣлъ, отъ нея зависѣвшихъ, стремленіе скорѣе самому работать за другихъ, чѣмъ заставлять другихъ работать за себя — вотъ достоинства Цыха какъ ректора, по единодушному признанію всѣхъ его знавшихъ и дѣлившихъ съ нимъ труды по управленію университетомъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ правою рукою Фопъ-Брадке, который вполне умѣлъ цѣнить его. Ревность его къ своему дѣлу простиралась до того, что онъ иногда въ теченіе цѣлаго дня, почти ничего не ѣлъ, чтобы обремененіе тѣла не мѣшало умственнымъ соображеніямъ и трудамъ его. Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ своихъ съ учениками, онъ высказалъ желаніе: «оставить по себѣ неукоризненную память человѣка честнаго *).»

Мѣсто Цыха, съ апрѣля до 1 іюня 1836 года, т. е., до избранія поваго ректора, занималъ проректоръ, ординарный профессоръ С. О. Богородскій, а потомъ заступилъ избранный въ ректоры *Константинъ Алексѣевичъ Невоминъ*, ординарный профессоръ энциклопедіи законовѣднія и учрежденій рос-

*) -См. Рѣчи надъ гробомъ Цыха. Кіевъ, 1837.

сійской имперіи. — Неволинъ, въ наукѣ русскаго права, есть лицо историческое. Первая ученая и административная дѣятельность его посвящена была университету св. Владимира.

Родился онъ въ г. Орловѣ вятской губерніи, въ 1806 г., былъ сынъ священника, и первоначальное воспитаніе получилъ въ вятской духовной семинаріи, а потомъ въ московской духовной академіи. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1827 году, Неволинъ по высочайшему повелѣнію въ январѣ 1828 года вызванъ былъ во II отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, для образованія въ руссійскомъ законовѣдѣніи. Послѣ полуторогодичныхъ занятій здѣсь, и въ с. петербургскомъ университетѣ, выдержавъ съ отличнымъ успѣхомъ испытаніе, онъ въ сентябрѣ 1829 года, по высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ за-границу для дальнѣйшаго образованія въ юридическихъ наукахъ, подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи, и здѣсь уже успѣлъ обратитъ на себя особенное вниманіе ученыхъ. Савиньи, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ покойному графу Сперанскому, далъ самый лестный отзывъ о г. Неволинѣ и высказалъ увѣренность свою, что онъ, и нѣкоторые изъ его товарищей, по приобрѣтеніи ученыхъ степеней, съ честію могли бы занимать профессорскія кафедры въ германскихъ университетахъ. — Послѣ трехлѣтняго пребыванія за-границею, г. Неволинъ, обозрѣвъ большую часть нѣмецкихъ университетовъ и ознакомившись съ способами преподаванія тамошнихъ профессоровъ, возвратился въ отечество, въ октябрѣ 1832 г., и, по высочайшему повелѣнію, причисленъ былъ ко II отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи. Здѣсь, по распоряженію начальства, вмѣстѣ съ своими товарищами, занимался повѣркой свода остзейскихъ законовъ съ источниками, и переводилъ его на русскій языкъ, и, въ то-же время, готовился къ испытанію для полученія степени доктора законовѣдѣнія, минуя всѣ предшествующія. По окончаніи испытанія, которое произведено было въ юридическомъ факультетѣ санктпетербургскаго университета, въ присутствіи статсъ-секретаря Болугьянскаго, г. Неволинъ, по словамъ одного изъ его товарищей, самымъ блистательнымъ образомъ защитилъ публичное разсужденіе о филосо-

фіи законодательства у древнихъ. Въ этомъ диспутѣ принималъ живое и дѣятельное участіе бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ. Получивъ степень доктора правъ, К. А. Неволинъ въ мартѣ 1835 г. назначенъ былъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ университетѣ св. Владиміра, по кафедрѣ энциклопедіи законовѣднія и государственныхъ законовъ. Въ скоромъ времени онъ утвержденъ въ этой должности, а въ маѣ 1837 г., согласно избранію совѣта, утвержденъ ректоромъ университета на четыре года.

Приводимъ здѣсь мнѣніе объ административныхъ достоинствахъ г. Неволіна, которое высказалъ одинъ изъ его товарищей, предлагая его въ почетные члены университета св. Владиміра. «Объ административныхъ достоинствахъ г. Неволіна, въ бытность его ректоромъ университета св. Владиміра, я не имѣю надобности распространяться: многіе изъ настоящихъ членовъ совѣта служили при немъ и знаютъ его энергію, твердость, безпристрастіе, заботливость объ усовершенствованіи всѣхъ частей управленія, о скорѣйшемъ «повышеніи въ должностяхъ членовъ ученаго сословія (что вошло потомъ въ обычай), и въ-особенности, о водвореніи «между ними единодушія, согласія и примиренія разнородныхъ элементовъ. Для тѣхъ, кои не служили при г. Неволіинѣ, считаю не лишнимъ припомнить, что его ректорство «относится къ тому періоду времени, когда университетъ не «имѣлъ еще ни одного своего зданія, а помѣщался въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, когда слѣдовательно нужно было «ректору заботиться о пріисканіи временныхъ помѣщеній, и «засѣдать въ строительномъ комитетѣ для возведенія зданій «университетскихъ, въ качествѣ члена, а иногда принимать «на себя труды и отвѣтственность предсѣдателя. Порядокъ «управленія разными частями не былъ опредѣленъ проектомъ «устава: нужно было составить правила испытаній, правила «для принятія въ институтъ недостаточныхъ студентовъ, инструкціи инспектору, бібліотекарю, церковнымъ старостамъ «и т. п. Всѣ эти труды принялъ на себя и исполнилъ г. Неволинъ. Самый проектъ устава, составленный на-скоро и «утвержденный на-время, требовалъ тщательнаго пересмотра.

«Этотъ пересмотръ тягостенъ былъ для членовъ совѣта: частыя и продолжительныя засѣданія, въ которыхъ происходили разсужденія объ измѣненіи и дополненіи устава, много отнимали у нихъ времени. Но еще болѣе трудовъ понесъ ректоръ университета. Предъ каждымъ засѣданіемъ, онъ долженъ былъ заготовить и рассмотреть предварительно справки, собранныя въ дѣлахъ совѣта и правленія университета; во время засѣданій управлять ходомъ разсужденій, соглашать различныя мнѣнія и, наконецъ, послѣ засѣданій составить журналы, излагать мнѣнія и заключенія. Приятно вспомнить, что эти труды увѣичались успѣхомъ. Устройство кафедръ по юридическому факультету получило совершенное преобразование, согласно проекту, начертанному факультетомъ *.)» Единодушный выборъ въ 1854 году совѣтомъ университета Неволлина (бывшаго тогда уже профессоромъ петербургскаго университета и получившаго огромную извѣстность) въ почетные члены университета св. Владимира, доказываетъ правду приведеннаго отзыва. — Впрочемъ, справедливость требуетъ добавить, что нѣкоторые изъ сослуживцевъ и товарищей Неволлина, отдавая всю подобающую честь административнымъ способностямъ его и признавая, что и онъ и университетъ ему многимъ обязаны, находили, что онъ слишкомъ деспотически импонировалъ свое мнѣніе въ совѣтѣ и не давалъ отчасти мѣста свободной подачѣ голосовъ. Отъ этого, опредѣленія совѣта — и вѣрныя и ошибочныя, носили отпечатокъ одной личности, а не были выраженіемъ всего ученаго сословія. Большая и, можетъ-быть, труднѣйшая половина ректорской дѣятельности Неволлина, относится къ слѣдующему періоду. Но при этомъ замѣчательно, что пока онъ былъ ректоромъ, университетъ еще отзывался старыми тенденціями: новое доказательство того, какъ сильно господствовалъ онъ въ совѣтѣ. Впрочемъ упрекать его за это едва ли можно: такая импозантность доказываетъ только силу и энергію натуры Неволлина и превосходство его надъ прочими членами совѣта. Съ большимъ, кажется, основаніемъ

*) Дѣло объ избраніи профессора спб. университета Неволлина въ почетные члены университета св. Владимира 1854. — Представленіе ординарнаго профессора Богородскаго.

можно поставить въ упрекъ ректору университета и ученому профессору другой недостатокъ, а именно — недостатокъ человѣчнаго обращенія съ подчиненными, который довольно странно бросался въ глаза въ челоуѣкѣ, такъ высоко развитомъ, какъ Неволинъ: сохранились преданія о томъ, какъ онъ, исправляя должность попечителя, швырялъ чрезъ спину подаваемыя ему учителями прошенія. Наконецъ, надо замѣтить, что если Максимовичъ и Цыхъ не могли равняться съ Невוליнымъ ни въ учености, ни въ юридическихъ знаніяхъ, ни въ административныхъ способностяхъ; то и Неволинъ какъ ректоръ, не могъ занять того положенія въ обществѣ, какое занимали въ немъ Максимовичъ и Цыхъ. Онъ былъ кабинетный ученый и бюрократъ, они общественные люди. Они были достойными представителями ученаго сословія внѣ университета, въ обществѣ, Неволинъ своими странностями если не ронялъ, то и не возвышалъ то сословіе, котораго былъ представителемъ.

Первымъ проректоромъ въ университетѣ былъ Цыхъ, избранный въ 1835 году, но въ этомъ званіи онъ былъ не долго, возведенный чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ректоры. Послѣ него, избранный ординарный профессоръ законовъ благоустройства и благочинія, С. О. Богородскій, занималъ должность проректора во все продолженіе перваго періода.

Сынъ дьячка ярославской губерніи могогскаго уѣзда, *Савва Осиповичъ Богородскій*, родился въ 1805 году. Воспитанный вмѣстѣ съ Неволнымъ, и въ санктпетербургской духовной академіи, и при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи *), и за-границею, находясь съ нимъ въ самыхъ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ, *Богородскій* былъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Неволлина. Предоставляя себѣ охарактеризовать учебную дѣятельность Богородскаго въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ здѣсь, что не уступая Неволнну въ свѣ-

*) Какое человѣческое воспитаніе могъ получить Неволинъ въ Петербургѣ, видно изъ слѣдующихъ замѣтокъ дневника Богородскаго:

14-го апрѣля, въ первый день Пасхи, были у М. А. и М. М. — Отпускная насъ, М. М. подарилъ намъ по десяти р. ассиг.

15-го мая. М. М. заставлялъ насъ перечитывать ему письмо къ намъ Я. Б.—ва.

26-го. Весь день пролежали съ похмѣльемъ.

16-го ноября. Вчера, у Предтеченскаго, подрались за картами.

дѣнійхъ по своему предмету, онъ если не превосходилъ, то школько уже не уступалъ ему и въ административныхъ способностяхъ. Навыкъ къ практическому дѣлопроизводству, приобрѣлъ онъ еще во-время ученія въ семинаріи и духовной академіи, въ которыхъ въ то-же время исправлялъ должность письмоводителя. — Будучи проректоромъ, онъ принималъ участіе во-всѣхъ, сколько-нибудь важныхъ дѣлахъ по университетской администраціи, — управляя впоследствии дирекцію училищъ кievской губерніи, онъ поставилъ вторую кievскую гимназію на ту степень, до какой она ни прежде, ни послѣ никогда не достигала. Если въ университетѣ приходилось составлять какой-нибудь важный проектъ, проректоръ Богородскій былъ необходимъ: учено-дѣловыя бумаги, имъ писанныя, отличались необыкновенною ясностію, стройностію и простотою изложенія, безъ всякихъ педантскихъ выражений и пріемовъ. Подавая мнѣніе объ избраніи Неволлина въ почетные члены университета, Богородскій приписалъ ему отчасти и свои собственные труды. Такъ, важный проектъ объ организаціи каедръ юридическаго факультета принадлежитъ вполне самому Богородскому. Изъ формулярнаго списка его видно, что онъ составлялъ всѣ годичные отчеты о состояніи университета. Исполняя по смерти Цыха, съ 19 апрѣля по 16 іюня 1836 года, должность ректора, Богородскій въ дѣлѣ о предполагаемомъ присоединеніи механической школы отъ первой гимназіи къ университету, показалъ всю свою самостоятельность по отношенію къ окружному начальнику, и умѣлъ оградить совѣтъ университета отъ преобладающаго вмѣшательства попечителя округа. Самостоятельный, по отношенію къ высшему начальнику, онъ былъ гораздо чловѣчнѣе Неволлина по отношенію къ подчиненнымъ. Слабый характеромъ относительно своей частной жизни, относительно самого себя, Богородскій не зналъ никакихъ сдѣлокъ съ своею совѣстію когда дѣло шло о томъ, что онъ почиталъ правдою юридическою. — Быть можетъ, эта неуступчивость, и нежеланіе удержать косвенными путями то мѣсто, на которомъ дѣйствовалъ съ честію и для общей пользы, — лишило его мѣста директора гимназіи. Это обстоятельство, сильно потрясло Богородскаго и развило въ немъ ту слабость, кото-

рая сократила его жизнь. Онъ умеръ 26 ноября 1857 года. Богородскому не-разъ приходилось нести на себѣ обязанно-сти ректора, когда Невольинъ, въ отсутствіе фонъ-Брадке, исправлялъ должность попечителя округа.

В) Коллегіальныя собранія.

а) По учебной и ученой администраціи.

Совѣтъ университета открылъ свои засѣданія 16 марта 1834 года и имѣлъ въ первыя пять лѣтъ своего существованія 454 засѣданія (включая въ то число 90 засѣданій училищнаго комитета). Наибольшее число засѣданій было въ первые 22 мѣсяца существованія университета: съ марта 1834 до конца декабря 1835 года совѣтъ собирался 266 разъ, т. е., почти по три раза въ недѣлю. Въ слѣдующихъ годахъ, собранія происходили не менѣе одного раза въ недѣлю, тогда какъ въ настоящее время совѣтъ собирается въ двѣ недѣли разъ.

Уже такія частыя засѣданія указываютъ, какъ многосложны и трудны были предметы дѣятельности совѣта въ первыя пять лѣтъ жизни университета, не смотря на то, что тогдашній составъ университета былъ не такъ обширенъ, какъ впоследствии. Многосложность и трудность этихъ занятій зависѣла во-первыхъ отъ того, что въ эти годы полагалась закладка всѣхъ частей университета, во-вторыхъ отъ того, что къ вѣдомству его принадлежали всѣ учебныя заведенія округа, которыя въ это время также или преобразовывались, или вновь возникали и устроивались въ западномъ краѣ. Едва положено было первоначальное основаніе университету въ 1834, 35 и 36 годахъ и едва отдѣленъ былъ отъ него училищный комитетъ, какъ наступила пора пересмотра всѣхъ правилъ и уставовъ университетскихъ, введенныхъ въ видѣ опыта на четыре года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, въ 1837 году, вдругъ оказалась потребность замѣстить вновь большую часть каедръ въ университетѣ.

Предметы занятій совѣта, въ разсматриваемый нами періодъ времени, относились во-первыхъ къ университету, во-вторыхъ къ училищамъ округа, ибо хотя училищный комитетъ при университетѣ былъ закрытъ 1 мая 1836 года, но

и послѣ закрытія его, попечитель округа передавалъ постоянно на обсужденіе совѣта многіе вопросы относительно устройства учебной части во всемъ округѣ.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ отраслей административной дѣятельности совѣта:

а) *Распоряженія по университету.* Основаніе благосостоянія и, такъ-сказать, начало жизненной силы учебныхъ заведеній заключается въ личныхъ достоинствахъ преподавателей: вотъ почему замѣщеніе кафедръ лицами способными и благонадежными, какъ предметъ особенной важности, постоянно обращало на себя вниманіе университетскаго совѣта и высшаго начальства. — Впрочемъ, въ этомъ отношеніи совѣтъ университета почти не могъ обнаружить своей самостоятельности въ собственномъ выборѣ преподавателей, уже потому, что онъ самъ постепенно формировался. Высочайшимъ указомъ, 25 декабря 1833 года, государю императору угодно было на первый разъ возложить непосредственно на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія выборъ и назначеніе профессоровъ и чиновниковъ университета св. Владиміра. На этомъ основаніи замѣщена была, какъ мы видѣли, еще до открытія университета большая часть кафедръ, по представленію попечителя, учителями бывшаго кременецкаго лицея. Въ числѣ ихъ только профессоръ богословія протоіерей Скворцовъ, профессоръ русской словесности М. А. Максимовичъ и профессоръ всеобщей исторіи В. Ф. Цыхъ были люди новые, не принадлежавшіе къ составу лицея. И позднѣе, почти во-все теченіе этого періода, назначеніе преподавателей происходило независимо отъ совѣта или изъ воспитанниковъ, состоявшихъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, или изъ воспитанниковъ профессорскаго института, или, наконецъ, изъ воспитанниковъ педагогическаго института, а также дерптскаго, московскаго университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ замѣщены были почти всѣ кафедры юридическаго факультета и многія кафедры по обомъ отдѣленіямъ философскаго факультета *). Собственная дѣя-

*) Вотъ списокъ преподавателей университета св. Владиміра съ 1834—1840 годъ по мѣсту ихъ воспитанія, исключая тѣхъ, которые поименованы прежде и которые назначены до открытія университета.

тельность совѣта въ этомъ отношеніи ограничивалась: 1) избраніемъ въ профессора *Новицкаго*, *Авсенева*, *Чеховича* и каноника *Головинскаго*; 2) оставленіемъ на время съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія уволенныхъ отъ службы ординарныхъ профессоровъ Бессера и Абламовича до пріисканія новыхъ преподавателей по ботаникѣ и физикѣ; 3) предложеніемъ каедрѣ всеобщей исторіи адъюнкту санкт-петербургскаго университета Куторгѣ, которое впрочемъ не имѣло результата; 4) порученіемъ временно чтенія пред-

a) *Изъ воспитанниковъ II отдѣленія собственной его величества канцеляріи.*

1) К. А. *Неволинъ*, ординарный профессоръ энциклопедіи законовѣднія и учреждений российской имперіи. 2) С. О. *Богородскій*, ординарный профессоръ по соединенной каедрѣ законовъ благоустройства, благочинія и казеннаго управленія. 3) С. Н. *Орнатскій*, ординарный профессоръ гражданскихъ законовъ. 4) А. А. *Федотовъ-Чеховскій*, ординарный профессоръ римскаго права.

b) *Изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института:*

1) А. Н. *Ставровскій*, адъюнктъ по каедрѣ всеобщей исторіи. 2) Н. П. *Голубковъ*, адъюнктъ по каедрѣ русской словесности. 3) Г. А. *Цвѣтковъ*, адъюнктъ по каедрѣ законовъ о финансахъ. 4) А. Д. *Иванишевъ*, адъюнктъ по каедрѣ энциклопедіи права и государственныхъ учреждений. 5) А. Н. *Тихомандрицскій*, адъюнктъ по каедрѣ чистой и прикладной математики. 6) Временно — Н. М. *Гренковъ*, старшій учитель первой кievской гимназіи, преподавателемъ алгебры и аналитической геометріи.

c) *Изъ воспитанниковъ профессорскаго института:*

П. Я. *Корнухъ-Троцкій*, по каедрѣ ботаники.

d) *Изъ воспитанниковъ дерптскаго университета:*

1) В. Ф. *Федоровъ*, ординарный профессоръ астрономіи. 2) И. Я. *Пейкиръ*, ординарный профессоръ греческой словесности. 3) А. К. *Делленъ*, адъюнктъ по каедрѣ древней словесности. 4) Э. К. *Гофманъ*, экстраординарный профессоръ по каедрѣ минералогіи и геогнозіи. 5) Р. Э. *Траутфеттеръ*, ординарный профессоръ по каедрѣ ботаники.

e) *Изъ воспитанниковъ виленскаго университета*, кромѣ поименованныхъ прежде:

1) И. Н. *Даниловичъ*, ординарный профессоръ уголовныхъ и мѣстныхъ законовъ. 2) А. Н. *Мицкѣвичъ*, ординарный профессоръ римскаго права (до 1838 г.).

f) *Изъ воспитанниковъ кievской духовной академіи:*

1) О. М. *Новицкій*, профессоръ философіи. 2) П. С. *Авсеньевъ*, адъюнктъ по каедрѣ философіи. 3) В. П. *Чеховичъ*, преподаватель физики.

g) *Изъ воспитанниковъ московскаго университета:*

В. В. *Красовъ*, адъюнктъ по каедрѣ русской словесности.

h) *Изъ воспитанниковъ нѣжинскаго лицей:*

В. Ф. *Домбровскій*, адъюнктъ по каедрѣ русской исторіи.

i) *Изъ прусской земледѣльческой академіи:*

Э. О. *Мертцъ*, преподавателемъ сельскаго хозяйства.

метовъ, по вакантнымъ кафедамъ, наличнымъ преподавателямъ и, наконецъ, 5) открытіемъ конкурса на должности лекторовъ польскаго и италіянскаго языковъ. — Изъ разсужденій, поданныхъ на заданную тему по польской словесности, хотя и признано было одно вполне удовлетворительнымъ, но такъ какъ авторъ его, г. Крашевскій, не могъ представить всѣхъ нужныхъ для опредѣленія его документовъ, — то конкурсъ остался безъ результата. На мѣсто же лектора италіянскаго языка по конкурсу опредѣленъ былъ сардинскій подданный, выдержавшій въ санктпетербургскомъ университетѣ испытаніе на должность домашняго учителя, Ф. О. *Бертони*. — Кромѣ этихъ случаевъ, совѣтъ пользовался предоставленнымъ ему въ проектѣ устава избирательнымъ правомъ, только при повышеніи преподавателей изъ адъюнктовъ въ высшія званія экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ и при избраніи ректора, декановъ и почетныхъ членовъ.

Въ почетные члены университета св. Владиміра избраны были совѣтомъ, въ первые пять лѣтъ его существованія, слѣдующія лица:

Въ 1834 году.

- 1) *Евгеній*, митрополитъ кievскій и галицкій.
- 2) Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ *фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ*, генераль-фельдмаршалъ.
- 3) Графъ Василій Васильевичъ *Левашовъ*, кievскій военный, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ.

Всѣ, «какъ особы, знаменитыя любовью къ просвѣщенію, и оказавшія покровительство учебнымъ заведеніямъ въ здѣшнемъ краѣ».

Въ 1835 году.

- 4) Князь Петръ Христофоровичъ *Витгенштейнъ*, генераль-фельдмаршалъ.
- 5) Дѣйствительный тайный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ *Сперанскій*, «оказавшій незабвенныя услуги отечеству, въ-особенности, составленіемъ свода отечественныхъ законовъ, и такъ много содѣйствовавшій къ образованію и устройству юридическаго факультета въ нашихъ университетахъ».
- 6) Дмитрій Васильевичъ *Дашковъ*, министръ юстиціи.

7) Дмитрій Николаевичъ *Блудовъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ.

8) Графъ Александръ Дмитриевичъ *Гурьевъ*, кіевскій военный, подольскій и вольнскій генераль-губернаторъ.

9) Генераль адъютантъ Николай Николаевичъ *Муравьевъ*, исправляющій должность начальника штаба первой арміи.

10) Тайный совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ *Балуэянскій*, статсъ-секретарь.

11) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Андреевичъ *Жуковский*.

12) Архимандритъ *Иннокентій*, ректоръ кіевской духовной академіи.

13) Михаилъ Трофимовичъ *Каченовскій*, профессоръ московскаго университета.

14) Графъ Янушъ Августиновичъ *Илинскій*, почетный попечитель кіевской гимназіи.

15) Графъ Феликсъ Михайловичъ *Чацкій*, бывшій предсѣдатель училищнаго фондуша.

Въ 1838 году.

16) *Филаретъ*, митрополитъ кіевскій и галицкій, «во уваженіе заслугъ его высокопреосвященства на поприщѣ духовнаго образованія».

17) Генераль-лейтенантъ Дмитрій Гаврпловичъ *Бибиковъ* — «за любовь его къ наукамъ и содѣйствіе успѣхамъ просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ».

18) Прусскій тайный совѣтникъ *фонъ-Савиньи*, профессоръ берлинскаго университета, «извѣстный своими учеными трудами и содѣйствовавшій образованію многихъ профессоровъ университета св. Владиміра».

Къ занятіямъ совѣта, по уставу, отнесены *разсужденія о способахъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ*. Изъ числа мѣръ, предпринятыхъ совѣтомъ по этой части, важнѣйшими были:

1. Рассмотрѣніе, составленное профессоромъ римско-католическаго богословія Ходыкевичемъ, плана преподаванія этого предмета въ университетѣ, который по обсужденію его совѣтомъ представленъ попечителю округа (1835).

2. Организация юридическаго факультета на основаніи

университетскаго устава и особаго подробнаго конспекта, присланнаго изъ министерства народнаго просвѣщенія. Она требовала особаго вниманія совѣта, потому что юридическій факультетъ въ университетѣ св. Владиміра отличался обширнѣйшимъ развитіемъ предметовъ русскаго положительнаго законодательства сообразно системѣ свода законовъ. Первоначальное устройство почти было окончено въ 1835 году распредѣленіемъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ между пятью профессорами. Скоро, однакожь, оказалось, что такое сгруппированіе предметовъ разнородныхъ между малымъ количествомъ преподавателей не можетъ дать успѣшныхъ результатовъ, а потому еще въ 1836 г. отъ занимаемой ординарнымъ профессоромъ Богородскимъ соединенной кафедры законовъ государственнаго благоустройства и благочинія, законовъ казеннаго управленія и законовъ о повинностяхъ, отдѣлены были два послѣдніе предмета и поручены особому адъюнкту (Г. А. Цвѣткову), и съ-тѣхъ-поръ составили предметъ спеціальной кафедры. Сверхъ того, отъ кафедры гражданскихъ законовъ отдѣлены были законы мѣстные, дѣйствующіе въ западныхъ губерніяхъ, и преподаваніе ихъ временно возложено на извѣстнаго по этому предмету участіемъ въ составленіи свода законовъ, ординарнаго профессора уголовного законодательства Даниловича. Наконецъ, въ 1838 году, отъ кафедры энциклопедіи законовѣднія въ томъ объемѣ, въ какомъ читалъ эту науку ординарный профессоръ Неволинъ, отдѣлены были учрежденія російской имперіи и чтеніе ихъ возложено было на адъюнкта Иваннишева. Кромѣ предметовъ спеціально-юридическихъ, въ число вспомогательныхъ наукъ юридическаго факультета включены были: вся философія, исторія русская и всеобщая, статистика, русская словесность, французскій и нѣмецкій языки съ ихъ литературами, и латинскій языкъ. Только съ 1837/8 года въ число обязательныхъ предметовъ поставлены были студентамъ юридическаго факультета одинъ изъ новѣйшихъ языковъ съ его литературою. Впослѣдствіи юридическій факультетъ получилъ опять новое устройство, по указаніямъ опыта и предположенію факультета и совѣта, но это преобразование относится уже къ слѣдующему періоду.

3. Каѳедры обоихъ отдѣленій философскаго факультета постепенно открывались, сообразно съ открытіемъ ежегодно новыхъ курсовъ, и подвергались очень мало измѣненіямъ. Только во второмъ отдѣленіи философскаго факультета, подъ конецъ этого періода, обнаружилось такое скопленіе предметовъ разнородныхъ, что необходимо было подвергнуть преобразованію все отдѣленіе. Коренная реформа его произведена была уже въ началѣ слѣдующаго періода, раздѣленіемъ всѣхъ предметовъ на два разряда наукъ — естественныхъ и наукъ математическихъ, а въ этомъ періодѣ, въ 183⁹/₁₀ году, студенты втораго отдѣленія освобождены были отъ слушанія исторіи философскихъ системъ и отъ одного изъ новѣйшихъ языковъ, по своему выбору.

4. Во исполненіе высочайшей воли о соединеніи преподаванія естественнаго права съ нравственною философіею, оба предмета были соединены и съ началомъ втораго полугодія 1836 года, открыто преподаваніе этой науки.

5. По предположенію перваго отдѣленія философскаго факультета, совѣтъ съ 1838 г. опредѣлилъ слушателей университета, вслѣдствіе неравномѣрной степени ихъ знанія въ новѣйшихъ языкахъ, раздѣлить на два отдѣленія, изъ коихъ въ одномъ назначено было преподавать словесность для слушателей, знакомыхъ съ грамматикою языка, а въ другомъ правила языка для имѣющихъ въ этомъ нужду.

6. Еще въ 1835 году совѣтъ, на основаніи §§ 67, 68 и 70 устава университета, сдѣлалъ распоряженіе объ открытіи практическихъ упражненій казеннокоштныхъ студентовъ, приготавлиющихся къ учительскому званію, — въ русской словесности, древнихъ языкахъ, математикѣ и педагогикѣ; а въ 1837 году привелъ въ дѣйствіе составленное юридическимъ факультетомъ и утвержденное попечителемъ положеніе объ упражненіи въ юридической практикѣ казеннокоштныхъ студентовъ, приготавлиющихся къ гражданской службѣ.

7. Наконецъ совѣтъ занимался развитіемъ предположенія правительства объ открытіи публичныхъ лекцій техническихъ наукъ при университетахъ и объ учрежденіи реальныхъ школъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. По плану, начертанному совѣтомъ университета и представленному на бла-

гоусмотрѣніе высшаго начальства, предположено было открыть, съ 1838—1839 академическаго года, при университетѣ публичныя лекціи практической механики, технологіи, рисованія и черченія, припоровленнаго къ искусствамъ, и купческаго счетоводства. Означенные курсы были открыты дѣйствительно въ 1838—1839 академическомъ году, за исключеніемъ рисованія, черченія и купческаго счетоводства, замѣненныхъ лекціями технической химіи.

8. Кромѣ изложенныхъ нами распоряженій, приведенныхъ по обсужденіи ихъ совѣтомъ въ дѣйствіе, разсмотрѣнію его подвергнуты были три предположенія, которыя хотя и остались безъ исполненія, но тѣмъ не менѣе отняли у совѣта нѣсколько засѣданій. Изъ этихъ предположеній особенно замѣчательно одно, возникшее по предложенному въ 1837 г. попечителемъ на обсужденіе совѣта вопросу: не полезнѣе ли было бы существовавшую при вольнскомъ лицѣѣ, а потомъ отнесенную къ первой кievской гимназій, механическую школу, присоединить къ университету св. Владиміра? Ни по объему учебной части, ни по учебнымъ пособіямъ, ни по матеріальнымъ средствамъ своимъ, ни по цѣли, механическая школа въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Кременцѣ—не могла войти въ составъ университета: прямое ея назначеніе было образовать реальное отдѣленіе при среднемъ учебномъ заведеніи. Странный вопросъ о присоединеніи ея къ университету возникъ по стараніямъ директора первой гимназій, желавшаго сбыть съ рукъ учрежденіе, находившееся въ совершенномъ разстройствѣ и требовавшее большихъ усилій для приведенія его въ надлежащее устройство. Принимая все это во вниманіе, совѣтъ университета, подъ руководствомъ управлявшаго тогда должность ректора, ординарнаго профессора Богородскаго, отвергъ предложеніе присоединить школу къ университету. Такая оппозиція вызвала негодованіе въ окружномъ начальникѣ, но и Богородскій, какъ представитель университета, показалъ сильнѣйшую энергію въ защитѣ интересовъ представляемаго имъ заведенія. Тогда попечитель предложилъ совѣту составить проектъ положенія и штата для механической школы въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла бы войти въ составъ университета, не роняя его

значенія. Богородскій самъ занялся составленіемъ требуемаго проекта и по одобреніи его въ совѣтѣ, представилъ попечителю. Проектъ составленъ былъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Богородскій долженъ былъ по этому случаю выдержать еще нѣсколько жаркихъ споровъ съ попечителемъ, но не уступилъ. Тогда попечитель предложилъ особому комитету изъ бывшихъ кременецкихъ учителей, возведенныхъ имъ въ званіе профессоровъ университета, составить новый проектъ, который и былъ имъ отосланъ въ министерство, гдѣ дѣло не получило дальнѣйшаго хода. Мы нарочно упомянули объ этомъ случаѣ съ нѣкоторою подробностію, потому-что въ немъ совѣтъ обнаружилъ первые проблески самостоятельности и потому-что онъ обрисовываетъ положеніе въ совѣтѣ профессора Богородскаго, котораго кажется уже слишкомъ заслоняетъ въ общемъ мнѣніи личность Неволина....

Два другія предложенія, подвергнутыя въ это время обсужденію совѣта, состояли: 1) въ проектѣ, составленномъ, по высочайшему соизволенію, императорскою академіею художествъ объ учрежденіи при университетѣ св. Владиміра школы живописи и 2) въ проектѣ образованія опытнаго и практическаго земледѣльческаго хутора при университетѣ. Оба предположенія остались неисполненными.

Наконецъ, до 1837 г., какъ мы уже сказали, особенное вниманіе совѣта обращено было на пересмотръ проектовъ устава и штата университета св. Владиміра, введеннаго въ видѣ опыта на четыре года.

Обращая вниманіе на устройство кафедръ въ университетѣ, совѣтъ не упускалъ изъ виду и мѣръ къ строгой и, вмѣстѣ, разумной повѣркѣ знаній учащихся. Такою повѣркою служатъ *испытанія* пріемныя, переводныя и окончательныя. Всѣ они были предметомъ обсужденія и заботливости совѣта.

Пріемныя испытанія, показывающія степень развитія и способности желающаго слушать университетскія лекціи, до 1837 г. производились въ одномъ общемъ комитетѣ, составленномъ изъ членовъ совѣта съ приглашеніемъ профессора богословія. Для пріема въ университетъ требовалось въ

среднемъ выводѣ болѣе половины полнаго числа шаровъ, къ переиспытанію допускались только тѣ, которые получали не менѣе половины полнаго числа баловъ. Съ 1837 года введены были правила, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія, которыя имѣютъ силу въ общихъ своихъ основаніяхъ донынѣ.

Правила *переводныхъ* испытаній окончательнo установлены совѣтомъ въ 1836 году. Главное основаніе ихъ заключалось въ томъ, что перевода въ высшій курсъ могъ быть удостоенъ только тотъ студентъ, который изъ полнаго числа четырехъ балловъ, въ среднемъ выводѣ будетъ имѣть болѣе двухъ, и притомъ по каждой изъ наукъ своего факультета и по богословію не менѣе полтора. Въ юридическомъ факультетѣ, при опредѣленіи средняго числа балловъ, всѣ посторонніе предметы положено принимать за одинъ, чтобы такимъ образомъ главные курсы имѣли нѣкоторое преимущество предъ вспомогательными.

Правила для *окончательныхъ* испытаній, показывающихъ степень усвоенія слушателями университетскихъ лекцій, были составлены совѣтомъ въ 1838 году предъ первымъ выпускомъ. Основнымъ числомъ балловъ для удостоенія степени кандидата принято три съ половиною, по каждому изъ факультетскихъ предметовъ, и два съ половиною, по вспомогательнымъ предметамъ, а для удостоенія званія дѣйствительнаго студента два съ половиною по каждому изъ главныхъ и не менѣе двухъ по побочнымъ предметамъ.

Главное *распоряженіе* всѣмъ принадлежащими университету коллекціями и заведеніями для пособія при преподаваніи поставлено проектомъ устава въ число существенныхъ обязанностей совѣта. И въ этомъ отношеніи, даже болѣе чѣмъ въ другихъ, предстояло совѣту много трудныхъ занятій. Нужно было перевозить коллекціи изъ Кременца и Вильно, для чего командированъ былъ бібліотекаръ Ярковскій; нужно было устраивать временныя помѣщенія въ нанятыхъ домахъ, а для нѣкоторыхъ коллекцій постоянныя (напр. ботаническій садъ), приводить въ извѣстность количество и качество предметовъ, классифицировать ихъ сообразно съ требованіями наукъ, увеличивать всѣ коллекціи и пополнять новыми

необходимыми предметами, а нѣкоторыя создавать вновь, составлять катологи, составлять инструкціи для хранителей коллекцій — словомъ полагать всему начало и, въ то-же время, давать всему видъ, сообразный съ новыми требованіями преподаванія, далеко обширнѣйшаго, чѣмъ то, къ которому основныя старыя коллекціи были приспособлены. Изложеніе распоряженій совѣта объ устройствѣ отдѣльныхъ коллекцій будетъ представлено въ статьѣ о коллекціяхъ ученыхъ и учебныхъ пособіяхъ.

Ученыхъ сношеній внѣ Россіи совѣтъ университета въ разсматриваемый нами періодъ времени не имѣлъ. Но независимо отъ ученыхъ трудовъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, ученая дѣятельность совѣта выразилась въ сношеніяхъ съ императорскою академію наукъ и съ императорскою московскою медико-хирургическою академіею. Ученая переписка съ академіею наукъ возникла по предмету двухъ вопросовъ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касался хранящейся въ библіотекѣ университета рукописи на неизвѣстномъ языкѣ, которая приобрѣтена была графомъ Потоцкимъ во время путешествія его въ Китай въ 1805 году и подарена имъ кременецкому лпцею. Въ 1834 году академія наукъ, желая опредѣлить языкъ и значеніе этой рукописи, просила совѣтъ университета выслать ее съ объясненіемъ исторіи ея приобрѣтенія. Совѣтъ университета исполнилъ это требованіе; но академія не могла вполне опредѣлить языка рукописи и, снявъ съ нея fac simile, напечатала въ своихъ бюллетеняхъ, а самую рукопись возвратила въ университетъ. Второй вопросъ, бывший предметомъ сношеній между конференціею академіи и совѣтомъ университета, касался высылки въ академію восточныхъ монетъ университетскаго милицъ-кабинета для ученыхъ изслѣдованій Френа (въ 1837) и Дорна (въ 1838). Посредникомъ въ этомъ послѣднемъ сношеніи былъ извѣстный нумизматъ баронъ Шодуаръ. Предметомъ ученой переписки совѣта съ конференціею московской медико-хирургической академіи было доставленіе въ конференцію отъ университета матеріаловъ по исторіи зоологическихъ изслѣдованій въ Россіи, для сочиненія, предпринятаго по этому предмету профессоромъ мо-

сковской академіи Рулье (въ 1839 г.). Сверхъ того, въ первый годъ существованія университета, совѣтъ занимался оцѣнкою и разборомъ древнихъ серебрянныхъ колець, выкопанныхъ въ кievскомъ уѣздѣ, и составленіемъ надписи для открытыхъ въ Кіевѣ старыхъ золотыхъ воротъ Ярослава; а въ 1839 году доставленіемъ, по просьбѣ начальника управленія топографической съемки царства польскаго, генерал-маіора Рихтера, оуѣдѣній о метеорологическихъ наблюденіяхъ въ Кременцѣ, Кіевѣ и Одессѣ.

Предметами особыхъ академическихъ засѣданій совѣта были: 1) чтеніе нѣкоторыхъ сочиненій, представленныхъ въ совѣтъ лицами, ищущими профессорскихъ мѣстъ, изъ коихъ одно относилось къ математикѣ (Громовича), одно къ римскому праву (Игнатовича), два къ философіи (Поссельта и Штейна), шесть къ польской и три къ италянскои словесности (представленные на конкурсѣ). 2) Обсужденіе плана программы ученаго журнала, котораго редакцію взялъ на себя профессоръ Максимовичъ, по котораго изданіе не осуществилось. 3) Чтеніемъ сочиненій, предполагаемыхъ университетомъ къ изданію. Такихъ сочиненій было очень мало. Съ 1834 — 1839 годъ совѣтомъ изданы: а) Рѣчи, произнесенныя при погребеніи ректора, В. Ф. Цыха, б) Рѣчь профессора Новицкаго объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи, и записка о состояніи университета въ 183 $\frac{6}{7}$ году, и с) Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной, протоіерея І. Скворцова, 1838 г. — Въ 1839 г. начать печатаніемъ трудъ Неволіна «Энциклопедія Законовѣдѣнія.»

б) *Распоряженія совѣта по учебному округу.*

До 1 мая 1836 года, какъ отдѣленіе совѣта, существовалъ при немъ *училищный комитетъ*, составленный подъ предсѣдательствомъ ректора изъ профессоровъ: Якубовича, Цыха, Неволіна и Мицкевича и синдика, сначала Петрова, а потомъ Зимовскаго. — Съ 1 мая 1836 года, хотя училищный комитетъ былъ закрытъ, и управленіе учебною частію округа, ввѣрено непосредственно попечителю и особому при немъ совѣту, тѣмъ не менѣе фонъ-Брадке продолжалъ поручать совѣту университета разсмотрѣніе важнѣйшихъ предположеній, по устройству учебной части въ западномъ краѣ.

Дѣйствія и распоряженія совѣта, въ этомъ отношеніи, касались какъ казенныхъ, такъ и частныхъ учебныхъ заведеній, и потому могутъ опредѣлить степень вліянія университета на состояніе образованія въ краѣ вообще.

Укажемъ на главнѣйшія изъ этихъ мѣръ и распоряженій.

а) *По казеннымъ учебнымъ заведеніямъ.*

Вслѣдствіе предписанія начальства о составленіи проекта преобразованія училищъ вольнской и пѣдольской губерній, и учрежденія вновь училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ на мѣсто 245 уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, упраздненныхъ въ этомъ краѣ въ 1831 году, совѣтъ входилъ въ разсмотрѣніе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, собранныхъ попечителемъ округа. По соображеніи потребностей дворянства и средняго сословія, мѣстнаго удобства городовъ, избираемыхъ для учрежденія училищъ, а равно соображаясь со штатомъ училищъ бѣлорусскаго учебнаго округа, составлено было имъ, въ концѣ 1834 года, подробное предположеніе объ учрежденіи и преобразованіи училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ и представлено, вмѣстѣ со штатомъ училищъ, на разсмотрѣніе высшаго начальства. 16 іюня 1835 года штатъ этотъ и проектъ, въ главныхъ основаніяхъ, удостоился высочайшаго утвержденія, и предписано было ввести его въ гимназіяхъ и училищахъ западнаго края, съ 1 января 1836 года. Введеніе это производимо было главнымъ образомъ также совѣтомъ университета, и учебныя заведенія округа получили устройство, которое они имѣютъ нынѣ, исключая нѣкоторыхъ, съ теченіемъ времени сдѣлавшихъ отступленій, едва ли служившихъ къ улучшенію воспитанія и обученія въ краѣ *).

Кромѣ этого общаго преобразованія, училищный комитетъ, во время своего существованія при университетѣ, 1) открылъ двѣ гимназіи: вторую кіевскую и киевскую (переведенную изъ Луцка), и пять четырехклассныхъ уѣздныхъ училищъ: въ Меджибожѣ, Немировѣ, Острогѣ, Теофиолѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ; 2) преобразовалъ, по уставу 1828 года, двѣнадцать уѣздныхъ училищъ черниговской губерніи; 3) пре-

*) Последнее, въ-особенности, должно сказать объ учрежденіи съ 1840 года, общихъ ученическихъ квартиръ.

образовалъ преподаваніе новыхъ языковъ, во всѣхъ гимназіяхъ округа, раздѣливъ учениковъ независимо отъ распредѣленія ихъ по классамъ, на шесть отдѣленій, по степени знаній въ языкахъ; 4) неупустительно слѣдилъ за исправленіемъ недостатковъ, открываемыхъ во время осмотра училищъ попечителемъ округа и двумя профессорами-визитаторами: Цыхомъ и Даниловичемъ; 5) заботился о пополненіи училищныхъ бібліотекъ русскими книгами и вообще объ усиленіи преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

b) По частнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Изъ представленныхъ директорами гимназій программъ частныхъ пансіоновъ, изъ срочныхъ вѣдомостей, а также изъ личныхъ наблюденій визитатора пансіоновъ въ Кіевѣ, профессора Цыха, училищный комитетъ увидѣлъ, что учебная часть въ частныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, вообще недостаточна, и не соотвѣтствуетъ цѣли ихъ учрежденія и что, по неопредѣленности программъ, весьма много въ этихъ заведеніяхъ зависитъ отъ произвола ихъ содержателей и держательницъ. Отсюда возникла потребность дать этимъ учебнымъ заведеніямъ устройство болѣе опредѣленное и болѣе сообразное съ цѣлью ихъ учрежденія. — Поэтому, составлено было въ комитетѣ предположеніе о преобразованіи всѣхъ частныхъ пансіоновъ округа, и представлено на разсмотрѣніе высшаго начальства. Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ озаботился составленіемъ: 1) общихъ правилъ для содержателей, относительно учебной части, и приѣма учителей и надзирателей; 2) инструкціи для осматривающихъ пансіоны; 3) правилъ, опредѣляющихъ отношеніе директоровъ, смотрителей и учителей, осматривающихъ пансіоны, къ ихъ содержателямъ и 4) правилъ, опредѣляющихъ отношеніе содержателей пансіоновъ къ высшему начальству.

Этотъ планъ общаго преобразованія частнаго воспитанія основанъ былъ на началѣ строгаго подчиненія частныхъ заведеній надзору правительства и на стремленіи затруднить частнымъ лицамъ конкуренцію съ правительствомъ въ дѣлѣ воспитанія *). — Онъ былъ вызванъ отчасти мѣстными об-

*) Запрещалось, напримѣръ, открывать частные пансіоны въ городахъ, гдѣ не было публичныхъ училищъ. — Строго воспрещалось не только въ

стоятельствами, и отчасти малымъ числомъ лицъ, сколько-нибудь способныхъ заниматься дѣлами народнаго воспитанія и обученія, при огромномъ количествѣ людей, или недостойно спекулировавшихъ на этомъ важномъ предметѣ, или имѣвшихъ въ виду противодѣйствовать видамъ правительства. Вообще начальство боялось упустить изъ рукъ своихъ то сильное средство, на которое рассчитывали миссіонеры, «полагавшіе, что половинна пути ими совершена, если они получаютъ вліяніе на воспитаніе юношества обитаемаго ими края» *). — Стремленіе къ излишней организаціи проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ тогдашняго окружнаго начальства.

Вообще дѣйствія университетскаго совѣта и училищнаго комитета, въ первые два года жизни нашего университета, насколько не доказываютъ словъ, встрѣчаемыхъ нами во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1835 годъ, по министерству народнаго просвѣщенія, «медленность, вялость въ распоряженіяхъ, и нерѣдко неудовлетворительность принятыхъ мѣръ, прикрываемыхъ формами совѣщательныхъ собраній, представляли важныя затрудненія въ самыхъ необходимыхъ усовершенствованіяхъ и не соотвѣтствовали вообще нынѣшнему быстрому ходу дѣлъ **).» Напротивъ, никогда столько не было сдѣлано общихъ преобразованій и учрежденій, никогда не было принято столько замѣчательныхъ частныхъ мѣръ къ улучшенію народнаго образованія въ западномъ краѣ, какъ въ 1834 и 1835 годахъ. — Были конечно ошибки, и ошибки важныя, но развѣ впоследствии, при новомъ устройствѣ окружнаго управленія, ихъ сдѣлано было меньше? — Настоятельная потребность въ мнѣніи университетскаго сословія, при устройствѣ и движеніи впередъ учебныхъ заведеній въ краѣ, выразилась и послѣ закрытія училищнаго комитета, когда всѣ учебныя заведенія, на основаніи положенія объ управленіи учебными округами, высочайше утвержденного 25 іюня 1835 г., перешли въ непосредственное завѣдываніе попечителя. Пра-

---

частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ домашнемъ воспитаніи допускать къ повторенію уроковъ и надзору за гимназистами постороннихъ лицъ безъ разрѣшенія начальства.

*) Слова фонъ-Брадке.

**) Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1835 годъ, стр. VI.

вила объ испытаніи учителей въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разсмотрѣніе учебниковъ для употребленія въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, инструкціи для преподаванія русскаго языка и ариметики въ приходскихъ училищахъ, составленіе правилъ для веденія каталоговъ въ гимназическихъ бібліотекахъ, разсмотрѣніе протоколовъ испытаній на учительскія званія, все это предлагалъ фонъ-Брадке на обсужденіе совѣта, все это отчасти вносится и теперь на заключеніе совѣта. Положеніе объ управленіи округами, освободивъ университетъ отъ стѣснительной для него хозяйственной и административной части учебныхъ заведеній, отняло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма важное для самого университета, а еще болѣе важное для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, средство имѣть вліяніе на ходъ народнаго образованія. Мы разумѣемъ право университета назначать по своей оцѣнкѣ преподавателей въ окружныя училища. Въ дѣлѣ этомъ университетское сословіе едва ли не болѣе компетентный и безпристрастный судья, чѣмъ правитель канцеляріи попечителя учебнаго округа.

Въ заключеніе предлагаемъ таблицу движенія дѣлъ и бумагъ, въ совѣтѣ и училищномъ комитетѣ, на сколько можно было извлечь для нея данныхъ въ годовыхъ отчетахъ:

Д ѣ л ѣ					Б У М А Г Ъ.			
Годы.	По какому учрежденію.	Поступило.	Рѣшено.	Осталось нерѣшен.	Входящихъ.		Исходящихъ.	Число засѣданій.
					Поступило.			
1834	По совѣту.	321	189	132	844	48	1471	87
	По уч. комитету.	125	87	38	619	59	—	35
1835	По совѣту.	426	365	61	1467	20	3107	90
	По уч. ком.	841	713	128	1271	45	—	55
1836	С в ѣ д ѣ н і й			н е	н а й	д е	н о.	49
1837	По совѣту.	свѣдѣн.	нѣтъ.	38	1316	15	1780	51
1838	По совѣту.	398	325	35	1201	5	1595	45
1839	По совѣту.	353	326	27	1440	—	1816	42

На отписку и производство всѣхъ этихъ дѣлъ, по проекту устава 1834 года, полагалось семь чиновниковъ: синдикъ, секретарь совѣта и пять канцелярскихъ служителей.

в) *По хозяйственной и полицейской администраціи.*

Правленіе университета св. Владиміра открыло свои дѣйствія съ 8 марта 1834 года, и до конца 1839 года имѣло 706 засѣданій, т. е. почти по три засѣданія въ недѣлю, второе болѣе сравнительно съ количествомъ засѣданій въ настоящее время.

Хозяйственныя распоряженія правленія были также многосложны какъ и распоряженія совѣта, особенно до 1 мая 1836 года, когда управленіе хозяйственною частію учебныхъ заведеній округа и фондушемъ университета и училищъ отошло непосредственно къ попечителю округа. Дѣятельность правленія главнымъ образомъ состояла:

1) Въ первоначальномъ устройствѣ университетскихъ помѣщеній, какъ то: въ наймѣ домовъ и въ производствѣ необходимыхъ въ нихъ перестроекъ и починокъ, въ приготовленіи мебели и прочихъ движимостей для присутственныхъ мѣстъ университета, аудиторій, ученыхъ коллекцій, помѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ, университетскихъ церквей, госпиталя, типографій и литографій.

2) Въ перевозкѣ многочисленной движимости волынскаго лица изъ Кременца въ Кіевъ (библіотеки, коллекцій, костелной утвари, ботаническаго сада и проч.). Для осмотра, повѣрки и оцѣнки всего перевезеннаго на мѣстѣ, крайне затруднительныхъ при стѣснительности помѣщеній, составленъ былъ особый комитетъ съ присяжными.

3) Въ завѣдываніи фондушами университета, обеспеченіи ихъ благонадежными залогами, защищеніи ихъ отъ споровъ и притязаній, предъявляемыхъ фундаторами и должниками, взысканіи долговъ и капиталовъ посредствомъ продажи заложенныхъ имѣній, въ защитѣ пользы университета и общаго училищнаго фондуша, въ дѣлахъ конкурсовыхъ, въ приведеніи въ ясность и окончаніи межевыхъ дѣлъ съ частными владѣльцами, смежными университетскимъ имѣніямъ, въ отысканіи вознагражденія университету за убытки, причиненные университетскимъ имѣніямъ проходившими въ 1830 году вой-

сками, въ обзорѣніи состоянія университетскихъ имѣній совѣтникомъ правленія Казачинскимъ, въ производствѣ въ нихъ ревизской переписки, отдачѣ въ аренду разныхъ хозяйственныхъ статей и угодій и вообще въ управленіи населенными и ненаселенными имѣніями университета. Съ 1 мая 1836 года, всѣ дѣла въ этой статьѣ означенныя отошли, вмѣстѣ съ совѣтникомъ по фундушной части, въ ближайшее завѣдываніе попечителя и за правленіемъ университета осталось:

4) Собираніе, храненіе, распоряженіе доходами какъ съ университетскихъ недвижимыхъ имѣній, фундусей и капиталовъ, такъ и съ другихъ штатомъ опредѣленныхъ статей; составленіе смѣтъ на содержаніе и обзаведеніе всѣхъ хозяйственныхъ потребностей университета, заключеніе договоровъ и подрядовъ, открытіе торговъ, производство денежныхъ выдачъ, устройство отчетности по правиламъ, изданнымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1834 году, и сношенія съ контрольными инстанціями не только по дѣламъ новаго университета, но и стараго лицея съ 1824 года; сношенія съ кредитными установленіями по отсылкѣ въ оныя основныхъ неприкосновенныхъ капиталовъ, по мѣрѣ ихъ накопленія.

Университетъ, до 1842 и 1843 годовъ, своихъ собственныхъ зданій, кромѣ деревяннаго манежа, построеннаго въ 1834 году на дворѣ первой кievской гимназіи, не имѣлъ, а для помѣщенія своего со всѣми принадлежностями нанималъ нѣскольکو домовъ. Число этихъ домовъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ университетскихъ коллекцій и особыхъ при немъ заведеній, и съ увеличеніемъ числа студентовъ постепенно, съ каждымъ годомъ увеличивалось: въ концѣ 1834 года университетъ помѣщался въ трехъ домахъ, а въ концѣ 1839 года въ семп. Сверхъ того въ разное время были нанимаемы амбары и другія строенія для склада перевозимыхъ изъ Кременца коллекцій.

Чтобы видѣть это наружное распространеніе университета, мы перечислимъ его помѣщенія въ 1834 и 1839 годахъ:

Въ 1834 году университетъ занималъ:

1) Домъ капитана Корта двухъ-этажный каменный съ та-

къмъ же флигелемъ и нижнимъ этажемъ особаго дома, службами и дворомъ. Здѣсь помѣщались въ 1834 году: аудиторіи, квартира казеннокоштныхъ студентовъ, нѣкоторые кабинеты, присутственныя университетскія мѣста, квартиры: инспектора студентовъ, экзекутора и эконома.

2) Часть втораго этажа каменнаго дома подполковника Самойловича для помѣщенія разложенной части библіотеки и университетскаго архива.

3) Часть одно-этажнаго дома генераль-маіора Ахте для помѣщенія университетской больницы.

Сверхъ того для помѣщенія шкаповъ и ящиковъ неразложенной университетской библіотеки нанимаемы были четыре каменные амбара, у купца Подгаецкаго, и отведено бесплатно, по распоряженію мѣстнаго начальства, каменное двухъ-этажное зданіе, занятое прежде хлѣбнымъ магазиномъ. За наемъ всѣхъ этихъ помѣщеній университетъ платилъ 13,750 руб. ас., или 3,928 р. 57 ¹/₇ к. сер.

Въ 1839 году университетъ со всѣми своими принадлежностями занималъ уже слѣдующіе дома:

1) Тотъ же домъ Корта, въ коемъ сверхъ аудиторій помѣщалось теперь пять университетскихъ кабинетовъ, типографія съ литографіею и квартира экзекутора и одного изъ профессоровъ.

2) Весь двухъ-этажный каменный домъ Самойловича съ каменнымъ и деревяннымъ флигелями и со службами, въ которомъ помѣщался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ со всѣми принадлежностями и квартирами двухъ помощниковъ инспектора и эконома институтскаго.

3) Домъ купца Бухтѣева, каменный двухъ-этажный, занятый весь библіотекою университета.

4) Верхній этажъ дома вдовы Ивацкой для присутственныхъ мѣстъ университета.

5) Домъ наслѣдниковъ надворнаго совѣтника Гудимы-Левковича, каменный двухъ-этажный со службами, въ которомъ помѣщался: шесть кабинетовъ и римско-католическая каплица.

6) Двухъ-этажный домъ генераль-адъютанта Гербея, съ

ИСТ	1837.			1838.					1839.	
	СЕРЕБР.		ЧЕРВОНЦ.	АССИГН.		СЕРЕБР.		ЧЕРВОНЦ.	СЕРЕБР.	
	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.
1) Е										
по по										
нымъ										
универ										
отъ к										
въ кр.	...	...	...	4229	56	384	85½	111	17842	60
2) Б	18441	39	90							
МЫХЪ.	...	...	...	509	86	3321	65½	..	2380	60
3) }										
изъ г										
ства :										
а) Д										
нымъ 2	9033	—	..	47033	—	15500	...	..	29380	85½
b) I										
эдука										
кавши										
лицей.	8670	—	..	..	..	8670	...	..	8670	—
c) Е										
тейна										
скихъ										
откупъ	...	...	...	2416	5	...	...	..	6903	..
d) }										
ратор										
новъ,										
туть }										
соста	...	...	...	...	...	...	...	..	3685	71½
e) Е										
вова										
ской										
ской	...	...	...	147	23	2917	69	..	500	50
4) }										
эконд										
данск	...	...	...	4352	96	2300	...	..	6550	62
5	36144	39	90	62842	70	5703	81½	111	75863	89½

(Р. С. стр. 56 и 57.)

Флигелемъ для квартиры недостаточныхъ студентовъ и одного изъ помощниковъ инспектора.

7) Часть дома генераль-маіора Севастьянова для помѣщенія общей больницы кievскихъ учебныхъ заведеній.

Сверхъ всѣхъ этихъ зданій, для помѣщенія временнаго ботаническаго сада и садовника, университетъ нанималъ мѣсто, огородъ и жилой домъ у мѣщанъ Постапыченка и Попова за 77 руб. сер.

Всего на наемъ этихъ помѣщеній университетъ въ 1839 году расходовалъ 6,923 руб. 59²/₇ коп. сер., или 24,132 руб. 54¹/₂ коп. ас.

Съ 1836 года открылъ свои дѣйствія строительный комитетъ для возведенія собственныхъ зданій университета, состоявшій въ вѣдѣніи попечителя, независимо отъ университета.

Разсматривая хозяйственную часть въ университетѣ, изложимъ источники и количество доходовъ университета, штатные расходы его и наконецъ балансъ.

Университетъ въ разсматриваемый нами періодъ времени содержался изъ источниковъ доходовъ, которыхъ движеніе видно изъ особо прилагаемой таблицы.

Мы извлекли изъ отчетовъ всѣ тѣ данныя, которыя въ нихъ имѣются: неполнота таблицы относительно опредѣленія суммъ за всѣ годы, по всѣмъ статьямъ доходовъ, зависитъ отъ неполноты самыхъ годовыхъ отчетовъ.

Опредѣляя движеніе валовой суммы доходовъ по курсу на ассигнаціи, который тогда былъ общимъ, и по нынѣшнему курсу на серебро, получаемъ:

	Ассигнаціями.	Серебромъ.
Въ 1834 году всѣхъ доходовъ	150,494 р. 51 ¹ / ₂ к.	42,998 р. 39 ² / ₇ к.
» 1835 » » »	284,112 » 87 ¹ / ₂ »	81,175 » 10 ⁵ / ₇ »
» 1836 » » »	251,707 » 28 »	71,919 » 22 ² / ₇ »
» 1837 » » »	192,850 » 35 »	55,100 » 10 »
» 1838 » » »	269,926 » 39 »	77,121 » 82 ⁴ / ₇ »
» 1839 » » »	256,523 » 53 ¹ / ₄ »	75,863 » 89 ¹ / ₂ »

Штатъ содержанія университета св. Владиміра, высочайше утвержденный 25-го декабря 1833 года, служилъ нор-

мою основныхъ *расходовъ* университета до 1842 года. Только съ 10-го мая 1836 года, съ отчисленіемъ управленія фондами и имѣніями университета и училищъ округа въ вѣдомство окружнаго начальника, произошли нѣкоторыя перемѣны въ штатѣ университета. Въмѣсто 122,700 р., назначенныхъ на университетъ св. Владимира по прежнему штату, велѣно впредь отпускать изъ государственнаго казначейства на университетъ 105,269 р. асс., а на управленіе округомъ 24,500 р.

Вотъ этотъ штатъ университета:

	Одному.	Всѣмъ.
15-ти профессорамъ ординарнымъ:		
жалованья	4,000 р.	60,000 р. асс.
квартирныхъ	500 »	7,500 »
4-мъ экстра-ординарнымъ: жалов.	3,000 »	12,000 »
кварт.	400 »	1,600 »
6-мъ адъюнктамъ: жалованья . .	2,000 »	12,000 »
квартирныхъ	300 »	1,800 »
4-мъ лекторамъ: жалованья . . .	1,700 »	6,800 »
квартирныхъ . .	300 »	1,200 »
2-мъ профессорамъ богословія:		
жалованья	2,000 »	4,000 »
квартирныхъ	300 »	600 »
Учителю рисованья		1,200 »
Совѣтнику по фондушной части: жалованья		3,000 »
квартирныхъ		500 »
Синдику: жалованья		3,000 »
квартирныхъ		500 »
Секретарю совѣта: жалованья		2,000 »
квартирныхъ		300 »
Секретарю правленія: жалованья		1,500 »
квартирныхъ		300 »
Бухгалтеру: жалованья		1,500 »
квартирныхъ		300 »
Экзекутору казенная квартира и жалованья		1,250 »
Библіотекарю, завѣдывающему и милицъ-кабинетомъ: жалованья		2,000 »
квартирныхъ		500 »
Секретарю библіотеки жалованья		1,000 »

Двумъ помощникамъ библіотекаря

	жалованья 1,000 р.	2,000 р.	асс.
Инспектору студентовъ жалованья		3,000	»
2-мъ помощникамъ, по	1,500 р.	3,000	»
Эконому		600	»
На библіотеку		5,000	»
» минць-кабинетъ		1,000	»
» астрономическую обсерваторію		1,200	»
» физическій кабинетъ		1,800	»
» минералогическій кабинетъ		1,000	»
» ботанический садъ, всего съ содержаніемъ садовниковъ и рабочихъ и на умноженіе гербарія		6,000	»
» зоологическій кабинетъ		1,000	»
» технологическій и собраніе машинъ и моделей для прикладной математики		1,200	»
» рисовальную школу		360	»
» манежъ		2,500	»

(Прислуга при всѣхъ этихъ заведеніяхъ содержится изъ суммъ на оныя назначенныхъ.)

На пенсіи		10,000 р.	асс.
» Награды за рѣшеніе задачъ		900	»
» выпуску періодическихъ изданій		1,350	»
» издержки при визитаціи училищъ		4,000	»
» переписку съ иностранными корреспон- дентами		500	»
» печатаніе ученыхъ сочиненій		1,500	»
» освѣщеніе, отопленіе и содержаніе уни- верситетскихъ зданій до		20,000	»
» содержаніе привратниковъ, сторожей и служителей университета		5,000	»
» канцелярію попечителя		3,800	»
» одинадцать канцелярскихъ служителей въ совѣтъ и въ правленіи		3,850	»
» особый фундушный столъ въ правленіи .		2,200	»
» канцелярскаго служителя высшаго оклада при библіотекѣ		600	»
» паекъ и обмундированіе одинадцати кан-			

целярскихъ служителей средняго и низшаго оклада	1,000 р. асс.
Канцелярскіе расходы въ совѣтѣ и правленіи	2,200 »
На содержаніе 50-ти казеннокоштныхъ студентовъ, по 400 р. на cadaго	20,000 »
» больницу	4,000 »
Доктору	6,200 »
Прибавочнаго жалованья :	
Ректору	1,000 »
Тремъ деканамъ, по 500 р.	1,500 »
Тремъ профессорамъ, членамъ училищнаго комитета, по 360 р.	1,080 »
Пяти профессорамъ для особыхъ занятій съ казеннокоштными студентами, по 360 р. каждому	1,800 »

Итого . . . 248,390 р. асс.

или серебр. 70,968 р. 58 к.

Само-собою разумѣется, что сумма, назначенная по штату на жалованье преподавателямъ, расходовалась по мѣрѣ открытія кафедръ въ университетѣ, и количество ея зависѣло отъ подвергавшагося измѣненіямъ числа наличныхъ ординарныхъ, экстрординарныхъ и адъюнкть-профессоровъ. Остатки отъ этой и отъ другихъ статей употреблялись съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія на другія статьи, и на такіе предметы, которые въ штатѣ не означены, но въ которыхъ открывалась необходимая надобность; таковы на примѣръ: наемъ и ремонтъ университетскихъ помѣщеній, обзаведеніе и содержаніе православной церкви и римско-католической каплицы, и жалованье настоятелямъ и причту, на содержаніе типографіи и литографіи, и на приведеніе въ надлежащее состояніе университетскихъ коллекцій, и, въ-особенности, библіотеки, на которую съ 1837 года разрѣшено ассигновать по 9000 р. асс. изъ экономическихъ суммъ.

Вообще на наемъ и ремонтъ университетскихъ помѣщеній было израсходовано :

	Наемъ.	Ремонтъ.
Въ 1834 году...	13,750 р. » » ас.	» »
— 1835 » ...	21,083 р. 58 к. »	» »
— 1836 » ...	30,848 р. » » »	7,726 р. 89 к. ас.
— 1837 » ...	28,706 р. 7 к. »	10,208 р. »
Въ 1838 » ...	24,305 р. 40 к. »	2,786 р. 90 к. ас.
— 1839 » ...	24,500 р. » » »	2,870 р. »
Итого ассигн. ...	143,193 р. » » »	23,621 р. 79 к. ас.
а на серебро	40,912 р. 30 к. »	6,749 р. 8 ¹ / ₇ к.

Типографія, переданная университету изъ главнаго штаба 1-й арміи въ 1835 году, только въ первый годъ своего существованія, выручивъ 6,712 руб. 68 коп., потребовала сверхъ того 3,083 руб. 86 коп. добавочныхъ для своего улучшенія и содержанія; въ слѣдующіе же за тѣмъ годы, она не только покрывала выручкою суммы, употребляемыя на ея содержаніе, но приносила небольшой доходъ, которымъ увеличивался экономическій капиталъ университета. Такъ въ 1831 году она принесла чистаго дохода 3685 р. ас., въ 1837 году — 1213 р. ас., въ 1838 году—1477 р. 52 к.; въ 1839 году—750 р., а всего 7125 р. 52 к. ас., т. е. 2037 р. сер.

Вновь открытая въ 1838 году литографія, съ ассигнованіемъ на первоначальное обзаведеніе ея 2706 р. ас. и на содержаніе по 3355 р. ассигнаціями,—выручила въ 1839 году всего 1253 р. ассигнаціями, а израсходовала 2681 р. ас., слѣдовательно стоила университету 428 р. ас.

За удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей университета, отсылаемо было въ кредитныя установленія для приращенія процентами неприкосновенныхъ капиталовъ и экономическихъ суммъ:

Въ 1835 году	67,500 р. » » ас.
— 1836 »	25,575 » » » »
— 1837 »	72,000 » » » »
— 1838 »	39,573 » 73 » »
— 1839 »	11,975 » » » »

Всего . . . . . 216,613 р. 73 к. ас.
61,889 р. 63⁵/₇ к. сер.

Сверхъ хозяйственной части, въ правленіи, по § 86 устава, долженъ былъ состоять такъ называемый *ректорскій судъ*, въ которомъ ректоръ, какъ предсѣдатель правленія, обязанъ былъ стараться прекращать миролюбиво всѣ недоразумѣнія и споры между лицами, принадлежащими къ университету. Но во все существованіе этого ректорскаго суда, при правленіи никакихъ дѣлъ рѣшать ему не приходилось.

Движеніе дѣлопроизводства, по правленію университета, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Д Ѣ Л Ъ.			Б У М А Г Ъ.			Число засѣданій. Съ 8 марта 1834 г.
	Поступило.	Рѣшено.	Нерѣшено.	Входящихъ.		Исходящихъ.	
				Поступило.	Исполнено.		
1834	347	328	109	2847	138	1936	126
1835	317	275	151	3080	163	3272	113
1836	271	254	31	2703	37	3154	—
1837	Свѣдѣн.	нѣтъ.	37	2371	43	3009	155
1838	232	159	73	2129	—	2569	106
1839	245	209	36	2738	—	2302	102

Дѣлопроизводствомъ по правленію занимался 8 чиновниковъ: синдикъ, секретарь и шесть канцелярскихъ служителей, а до 1836 года, сверхъ того, по дѣламъ фондушевымъ: совѣтникъ, столоначальникъ и три канцелярскихъ служителя.

ВИТАЛІЙ ШУЛЬГИНЪ.

ПЫЛКАЯ ПАТУРА.

(БЕЗЪИМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.)

Бѣдная низкая комнатка въ два окна убрана дряхлой полуизломанной мебелью. Давно небѣленные стѣны представляютъ въ разныхъ мѣстахъ непріятные узоры—слѣды сырости; по угламъ даже нѣкоторыя пространства покрыты зеленоватою плѣсенью. Между оконъ стоитъ неуклюжій столъ, на которомъ брошены гребень, щетка и маленькое складное зеркальце. Тутъ же въ старомъ сигарномъ ящикѣ лежитъ нѣсколько турецкаго табаку и скомканный листъ папиросной бумаги. Направо въ углу видна не убранная постель, возмутительная по своему неряшеству, и возлѣ нея на треногомъ креслѣ набросано платье военнаго покроя. Изъ подъ кровати торчитъ желтый истасканный чемоданъ, изъ котораго высунулись рукава пестрой ситцевой рубашки. Въ углу, на лѣво, на кругломъ перекосившемся столикѣ стоятъ безносый чайникъ, невыполосканный стаканъ, въ которомъ мѣдная посребренная ложечка, и откупоренная бутылка—неизвѣстно съ лимоннымъ-ли сокомъ или съ дешевымъ ромомъ мѣстнаго произведенія. Въ лѣвомъ же углу надъ столикомъ прибито изображеніе Николая чудотворца, передъ которымъ, треща и вспыхивая, теплится лампадка синяго стекла на мѣдныхъ цѣпочкахъ. Окна открыты. Лѣтній вѣтерокъ по временамъ залетая въ комнату, шевелитъ папиросной бумагой, или шевелитъ простыню на неубраной кровати. Но

вотъ скрипнула дверь, и въ комнату вошелъ высокаго роста молодой человѣкъ и присѣлъ къ столу. Поставивъ походное зеркальце такъ, чтобъ было видно себя, онъ оторвалъ кусокъ папирсной бумаги, положилъ въ нее щепотку табаку, ловко завернулъ, всталъ, зажегъ израсходованную спичку у лампы, закурилъ папирску и снова возвратился къ столу. Онъ въ мундирномъ сюртукѣ военнаго министерства. Имѣеть претензію на щегольство. Густые волосы взбиты и напомажены; изъ за галстука выпущены фальшивые воротнички. По застегнутому борту сюртука лежитъ толстая бронзовая цѣпочка, нижній край которой глубоко запущенъ. Лицо его кругло и довольно чисто. Большіе черные на выкатѣ глаза и нѣсколько горбатый носъ придавали бы этой фізіономіи пріятность, еслибы широкія губы не портили общаго выраженія. Губы эти до того подвижны, что шевелятся ежесекундно. Въ-особенности онѣ играютъ важную роль, когда молодой человѣкъ пишетъ что-нибудь: съ каждымъ взмахомъ пера губы словно вторятъ ему и выдѣлываютъ всевозможныя гримасы.

Молодой человѣкъ глотаетъ съ жадностью дымъ пресквернаго табаку, завернутаго въ желтоватую бумагу и, за неимѣніемъ пепельницы, отряхаетъ золу на полъ. Онъ задумался и, какъ говорилось въ старину, утонулъ въ прошедшемъ. Но исторія его довольно темна и нелюбопытна. Сынъ бѣднаго чиновника, окончилъ онъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, израсходовавъ множество лозы, которая до-сихъ-поръ еще считается у насъ дѣйствительнымъ средствомъ какъ для возбужденія охоты къ ученью, такъ и для исправленія нравственности. Герой нашего очерка служилъ однакоже живымъ противорѣчіемъ этого мудраго правила: не смотря на частыя припарки въ домѣ родительскомъ и на скамейкѣ училища, онъ не возымѣлъ охоты къ ученью, оставался по два года въ классѣ и не оставлялъ наклонности къ шалостямъ, которыя возрастали съ нимъ, переходя отъ отрочества къ юности. Въ десять лѣтъ сѣкли его за лаженье по деревьямъ и битье евреевъ оконъ, въ двѣнадцать за воровство у торговкоъ лакомствъ и за неудержимую игру въ бабки, въ шестнадцать за тѣхъ же самыхъ торговкоъ, у

которыхъ хотя онъ и не похищалъ товаровъ, но въ сношеніяхъ съ которыми замѣчалось стремленіе къ порчѣ нравственности. Добрякъ отецъ его, доморощенный ветеринаръ, лѣчилъ даромъ смотрительскихъ лошадей и корову и это было причиной, что сынъ получилъ удовлетворительный аттестатъ. Молодаго человѣка опредѣлили въ уѣздный судъ, и онъ попалъ изъ огня въ полымя. Секретарь этого присутственнаго мѣста необыкновенно строго обращался съ подчиненными и только смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе тѣхъ панычей, родители которыхъ присылали ему въ годовые праздники посильную дань разными домашними произведеніями. Правда, молодого человѣка не сѣкли въ судѣ, не сѣкли его уже и дома, гдѣ почтенный родитель по временамъ только таскалъ его за волосы или колачивалъ палкой, что называется на лету, безъ особаго комфорта, но тѣмъ не менѣе жизнь канцеляриста проходила гораздо печальнѣе чѣмъ въ уѣздномъ училищѣ. Тѣло его до того привыкло къ розгамъ, что если только не сѣкъ его одноглазый сторожъ, спеціалнсть по этой части, обладавшій особеннымъ искусствомъ, пріобрѣтеннымъ въ арестантскихъ ротахъ, то герой нашъ, по его собственному признанію, чувствовалъ даже пріятный зудъ, и наконецъ смотритель иногда приказывалъ сѣчь по платю. За то же сколько свободы было у разгульнаго ученика! Уроковъ онъ, разумѣется, не училъ, дома то же ничего не дѣлалъ, потому что отецъ иногда на нѣсколько дней уѣзжалъ изъ города на практику, а что значило доброму молодцу выдержать десять какихъ-нибудь розогъ! Повторяю, только было и горя, если экзекуція поручалась одноглазому сторожу. Но къ счастью этотъ экспертъ, занимавшійся также и чеботарствомъ, не всегда былъ свободенъ для исправленія своей официальной обязанности, которая и возлагалась смотрителемъ на старшихъ учениковъ. Все это, какъ говорится, игрушки. Но жизнь канцеляриста въ судѣ при строгости секретаря — совершенно другое дѣло. На службу нельзя не придти въ назначенное время: если бы только наказаніе ограничивалось отцовской потасовкой, отъ которой даже увернуться есть средства, тогда можно бы еще лѣниться и дебоширить, но секретарь

безъ церемоніи отбиралъ обувь, верхнее платье и не смотря на эту предосторожность запиралъ виновныхъ въ чуланъ, въ которомъ хранились рубленныя дрова, гдѣ какъ въ знаменитомъ Едикулѣ, не представлялось возможности даже спать отъ скуки. Доморощенный ветеринаръ такъ былъ доволенъ этой благодѣтельной мѣрой, что публично выразилъ секретарю свою искреннюю признательность и объявилъ, что если только послѣдній заведетъ лошадей, корову или даже свинью, то можетъ надѣяться на его даровую медицинскую помощь. Чего не въ состояніи была сдѣлать лоза и береза, то въ нѣкоторой степени исполнили темный чуланъ и твердая воля секретаря. Буйный канцеляристъ сталъ вести себя нѣсколько лучше и быстро переписывалъ бумаги. Какъ-то у него образовался красивый почеркъ, и хотя товарищи увѣряли, что въ этомъ случаѣ помогали ему губы, однако хорошій почеркъ не ушелъ отъ вниманія строгаго, но справедливаго секретаря. Замѣтивъ эту способность, секретарь налегъ на дальнѣйшее ея развитіе, и чрезъ два года канцеляристъ нашъ могъ поспорить съ любимъ каллиграфомъ. Встрѣтилось дѣло особой важности, именно нужно было представить записку весьма богатому помѣщику того уѣзда по одному дѣлу, въ которомъ секретарь принималъ самое дѣятельное участие. Составивъ записку, секретарь въ одно прекрасное утро, воспользовавшись совершеннымъ отсутствіемъ членовъ, распорядился и самъ выйдти гораздо до полудня и крикнулъ съ собою героя нашего очерка. Молодой человѣкъ непонималъ причины этого требованія, но тотчасъ же поспѣшилъ за своимъ строгимъ начальникомъ, и хотя ему очень желалось знать куда и за чѣмъ ведутъ его, однако онъ не смѣлъ предложить вопроса. Онъ только мысленно припоминалъ свою жизнь въ теченіе послѣдней недѣли и къ удовольствію не нашелъ ни одного предосудительнаго поступка за собою. Конечно онъ разъ напился съ товарищемъ, и пойманъ былъ отцомъ въ интимной бесѣдѣ съ кухаркой, но двѣ, три плюхи отъ дрожайшаго родителя порѣшили дѣло, которое и осталось тайной не только для секретаря, а даже и для канцелярской братіи. Герой нашъ слѣдовалъ довольно бодро за своимъ начальникомъ, держа

приличную дистанцію. Вотъ секретарь поворотилъ съ большой улицы въ переулокъ, прошелъ до слѣдующаго переулка и остановился на углу у небольшого домика въ пять оконъ, возлѣ котораго зеленѣлъ небольшой палисадникъ. Онъ постучалъ въ калитку. Внутри двора залаяла большая собака, и скоро босоногая женщина въ полномъ неглиже высунулась на улицу, но узнавъ господина, отошла въ сторону и растворила дверь. Секретарь вступилъ на дворъ и знакомъ позвалъ за собою недоумѣвающаго канцеляриста. Юноша съ какимъ-то трепетомъ вошелъ въ калитку и сердце его сжалось болѣзненно, когда босоногая женщина задвинула ее тяжелымъ засовомъ. На порогѣ сѣней показалась было хорошенькая молоденькая дѣвушка, но тотчасъ же скрылась, хотя канцеляристъ и успѣлъ разглядѣть ее. Это была дочь секретаря, о которой такъ часто шли задушевные бесѣды въ архивѣ, куда канцеляристы бѣгали затянуться, но съ которою никто не былъ знакомъ, потому что секретарь вообще жилъ страшнымъ нелюдимомъ. Дѣвочка эта, правда, ежедневно выходила въ церковь, однако въ сопровожденіи строгой тетки, одинъ видъ которой въ состояніи былъ держать въ почтительномъ отдаленіи какого угодно канцеляриста. Въ сѣняхъ секретарь обратился къ юношѣ.

— Оботри ноги и ступай за мною.

Канцеляристъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ сѣни, напрасно ища какого-нибудь предмета отереть ноги и по случаю немѣнія носоваго платка, готовился уже приступить къ этой операціи съ помощью полы сюртучка; но секретарь, знакомый съ мѣстностью, приподнялъ корыто, досталъ оттуда тряпку, отеръ ею сапоги и бросилъ молодому человѣку. Черезъ нѣсколько минутъ послѣдній стоялъ почтительно въ залѣ у порога. Секретарь, молча, раскрылъ небольшой столъ, придвинулъ его къ окошку, выходившему въ садъ, поставилъ на немъ чернильницу, песочницу и положилъ нѣсколько листовъ бѣлой бумаги; потомъ сходилъ въ другую комнату и вынесъ исписанную тетрадку. Мановеніемъ руки подозвалъ онъ канцеляриста.

— Садись и перепиши вотъ это четко-на-четко, безъ ошибки. Пиши не торопясь, можно будетъ посидѣть часокъ,

другой и при свѣчкахъ. Обѣдать дадутъ здѣсь. Только смотри у меня въ оба, а главное, Боже сохрани, сказывать объ этомъ и отцу родному. Скажешь, переписывалъ, молю, секретарю душевнеспасительные стихи, если неравно спросятъ. Исполнишь дѣло хорошо, прибавлю въ мѣсяць рубль жалованья, а не исполнишь, недѣлю просидишь въ чуланѣ и прикажу, чтобы при мнѣ отецъ влѣпилъ пятьдесятъ горячихъ. Ну, садись!

Юноша повиновался и распросивъ только, гдѣ начинать отъ строки и гдѣ въ строку и оставлять ли мѣсто для знаковъ препинанія, какъ это водилось въ судѣ, принялся за работу. Выдѣлывая губами неизобразимыя гримасы, онъ красиво выписывалъ буквы, не обращая вниманія на смыслъ, и употребляя прописныя по своему собственному усмотрѣнію. Скоро въ сосѣдней комнатѣ застучали тарелки и черезъ полчаса секретарь вошелъ въ залу. Освидѣтельствовавъ работу и промычавъ что-то въ родѣ благоволенія, онъ проговорилъ юношѣ:

— Ступай обѣдать.

Молодой человѣкъ робко вошелъ въ сосѣднюю комнату и молча поклонился сморщенной, нахмуренной старухѣ и хорошенькой молоденькой дѣвушкѣ. Послѣдняя зардѣлась какъ созрѣвающая вишня. Герой нашъ, съ дѣтскаго возраста чувствовалъ влеченіе къ женской красотѣ, такъ-что бывши мальчикомъ, покупалъ лакомство лишь у хорошихъ торговцевъ, а потому за обѣдомъ у секретаря онъ преимущественно смотрѣлъ на дочку послѣдняго, и, можетъ-быть, остался бы безъ обѣда, если бы отрывистая фраза начальника: «Бшь, не церемонься!» не напомнила ему объ употребленіи ножа, и вилокъ. Молодежь однакоже успѣла переглянуться, и наблюдателю болѣе внимательному чѣмъ секретарь, можно бы замѣтить, что взоры дочки съ особеннымъ удовольствіемъ останавливались на лицѣ юноши, а глаза послѣдняго покрывались какой-то влагой при взглядѣ на молодую дѣвушку. Послѣ обѣда, состоявшаго изъ трехъ блюдъ, секретарь отвелъ канцеляриста обратно въ залу и прочелъ ему нотацію:

— Я въ этой комнатѣ (онъ указалъ на столовую) лягу на часокъ всхрапнуть, а ты смотри у меня работай, не лѣньсь.

Секретарь взялъ въ руки записку и началъ ее перелистывать.

— До моего пробужденія ты долженъ переписать, по крайней-мѣрѣ, до этого якобы, возлѣ котораго поставлены два крестика и слѣдуетъ выноска. Да не стучи, не громко кашляй, потому-что въ другой комнатѣ за дверью отдыхаетъ сестра. Если захочешь напиться, кадушка съ водою стоитъ въ сѣняхъ и тамъ же привѣшенъ ковшикъ. Можешь открыть окно и снять сюртукъ. Только повторяю никому ни гугу.

Съ этимъ секретарь вышелъ и заперъ за собою дверь на замокъ. Канцеляристъ тотчасъ же перевернулъ нѣсколько страницъ черновой тетрадки, отыскалъ якобы съ двумя крестиками, счелъ, покачалъ сомнительно головою и принялся переписывать. Но не смотря что губы его по прежнему выдѣлывали гримасы, рука не выводила такихъ красивыхъ буквъ какъ до обѣда. Прежде между оригиналомъ и его глазами находилось одно пустое пространство, а теперь молодому человѣку представлялись то голубые глазки, то круглое плечико, то малиновый ротикъ. Случалось, что цѣлыя фразы писалъ онъ наобумъ, машинально, и у него по нѣсколько разъ повторялось одно и то-же слово. Онъ замѣтилъ однакоже эту ошибку, взялъ новый листъ бумаги и снова переписалъ, но такъ утомилъ глаза, что бросилъ работу и подошелъ къ окну. Вдоль оконъ шла небольшая стѣнка акацій, за которыми мелькало знакомое голубое платье. Канцеляристъ насторожилъ слухъ и началъ пристально всматриваться. Онъ употребилъ бы нѣкоторыя уловки, чтобы дать себя замѣтить, но боялся попасться секретарю, а ему чрезвычайно хотѣлось поболтать съ секретарской дочкой. Но его замѣтили. Почти у окна, у котораго стоялъ онъ, оказалась дерновая скамейка, и на этой скамейкѣ усѣлась молодая дѣвушка. Нѣсколько секундъ спустя, осторожно раздвинулись вѣтки цвѣтущей акаціи и въ этой зеленой рамкѣ показалось раскраспѣвшееся хорошенькое личико.

— Вы не задремали за работой? слышался чуть слыш-
ный шопотъ.

— Гдѣ намъ дремать? Я только и думалъ....

— О чемъ?

— О васъ.

— Скажите! А мнѣ все жаль было, что васъ засадили
въ такую жару. Отчего вы рѣдко ходите въ соборъ.

— Мы ходимъ въ свою приходскую. А теперь я буду
всегда въ соборѣ.

— Смотрите-же. Вы сошли бы въ садъ.

— Боюсь.

— Бояться нечего. Тятенька спятъ какъ убитые, а те-
тушка и того болѣе.

— Неравно проснутся, а у меня и половины дѣла не
сдѣлано.

— Еще усиѣте.

— Развѣ въ окошко.

— А то какъ же! Разумѣется въ окошко.

Непомня себя отъ восторга, юноша спустился въ садъ,
и ему указали, гдѣ удобнѣе было пробраться сквозь густыя
акаціи. Секретарская дочка сидѣла, прислонясь къ невысо-
кой стѣнкѣ дерновой скамейки. Густые волосы ея подстри-
женные à la polka, вились кудрями, едва достигая до пол-
ной бѣлой шейки, полуприкрытой легкой косынкой. Неу-
клюже сшитое платьє не могло однакоже скрыть роскошно
развитыхъ формъ, хотя къ счастью и закрывало негѣпо-
тупоносые башмаки съ заплатками, въ которыхъ заключены
были маленькія ножки. Плутоватыя глазки, полураскрытыя
губки и слегка вздернутый носикъ придавали этой физіогно-
міи то выраженіе, для котораго у французовъ существуетъ
слово *riquant*, а у насъ неимѣется равносильнаго перевода.
Секретарь, какъ подобаетъ чадолюбивому родителю, строго
держалъ свое единственное дѣтище. По смерти супруги, ко-
торая умерла лѣтъ десять назадъ, онъ тотчасъ выписалъ
свою старшую сестру и поручилъ ей воспитаніе дочери.
Дѣвочку выучили читать, писать, шить и кроить, и съ двѣ-
надцатилѣтняго возраста запрещали смотрѣть на мужчинъ.
Тетушка ея, неславившаяся въ молодости чистотою нравовъ,

сдѣлалась подъ старость ужаснѣйшею ханжою и усиливалась всѣми средствами внушить ханжество молоденькой племянницѣ. Для этого она водила ее аккуратно на всѣ заутрени, обѣдни, вечерни, всенощныя и казнила въ другихъ малѣйшіе проступки. По возвращеніи изъ церкви только было и разговора, что такая-то во время обѣдни три раза оборачивалась, такая-то не положила земнаго поклона гдѣ слѣдовало, такая-то бывши двумя чинами ниже исправницы, постоянно лѣзетъ впередъ въ церкви, а такая-то забывая приличіе и благоговѣніе, крестится въ перчаткѣ. Секретарь вполне одобрялъ направленіе сестры и былъ увѣренъ, что дочь его воспитана въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ. Бывало сестра едва намекнетъ, что племянница оборачивалась въ церкви и посматривала на офицеровъ, секретарь, не выслушавъ обвиненной стороны, чинилъ судъ и расправу, не уважая ни маленькихъ розовыхъ ушекъ молоденькой дочери, ни ея густыхъ каштановыхъ волосъ. Сначала дѣвочку возмущали подобныя обстоятельства, но потомъ она привыкла и научилась, невозбуждая подозрѣній тетки, смотрѣть въ церкви на кого ей было угодно и сколько угодно. Одинъ юнкеръ даже передалъ ей записочку, но вскорѣ ушелъ въ походъ, и романъ прекратился на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Но вотъ канцеляристъ нашъ робко подошелъ къ дѣвушкѣ. Она не много подвинулась въ уголь, какъ бы этимъ движеніемъ приглашая молодаго человѣка сѣсть вѣздѣ. Послѣдній тотчасъ же воспользовался порожнимъ мѣстомъ и сѣлъ на скамейкѣ. Шаловливый вѣтеръ прикрылъ голубымъ платьемъ дѣвушки колѣни молодаго человѣка. Прикосновеніе это служило сильнѣйшимъ проводникомъ для наэлектризованныхъ субъектовъ. Юноша овладѣлъ рукою дѣвушки.

— Ахъ, какія вы хорошенькія! говорилъ онъ, цѣлуя руку и придвигаясь.

— Тише, чтобы кто не услышалъ....

— Нѣтъ, никто не услышитъ.

И юноша горѣлъ отъ восторга. Дѣвушка несколько не жеманилась и не отымала руки, потому что ей самой было необыкновенно пріятно. Она даже нечувствительно подвинулась ближе къ канцеляристу.

- Я зацѣловалъ бы васъ на смерть.
- Какая же отъ этого польза?
- Вы такія хорошенькія?
- Нѣтъ, нѣтъ.... цѣлуйте руку только.
- Душка!
- Перестаньте же, поговоримъ....
- Только позвольте поцѣлую шейку.
- Ахъ, ни за что.

А между тѣмъ молодой человѣкъ прильнулъ губами къ плечу дѣвушки и оставался въ этомъ положеніи нѣсколько секундъ, хотя собесѣдница и отталкивала его слегка, что еще болѣе разгорячило молодаго человѣка. Наконецъ канцеляристъ и секретарская дочка, невѣдомо какъ, очутились въ объятіяхъ другъ друга, и продолжительный поцѣлуй слилъ ихъ свѣжія малиновыя губы. Не берусь дѣлать заключенія, что произошло бы далѣе, но молодыхъ людей пробудилъ къ дѣйствительности ударъ чубукомъ, который потомъ повторился по спинѣ одного юноши, и молодые люди вскочили со скамейки. Передъ ними стоялъ пылавшій гнѣвомъ секретарь. Онъ схватилъ канцеляриста за ухо, но этотъ вырвался, пролѣзъ сквозь акаціи, перескочилъ чрезъ заборъ и очутился на улицѣ.

Герою нашему предстояла не весьма блистательная будущность. Первоначально, стараясь попасть на дорогу домой, онъ и несообразилъ всей невыгоды своего положенія, и только войдя въ сѣни отцовскаго дома, началъ думать: нельзя-ли какъ выпутаться изъ бѣды. Объявить чистосердечно отцу, — значитъ получить предварительно припарку, а потомъ по жалобѣ секретаря наказаніе неизбѣжно. Надо было принять рѣшительныя мѣры. Не заставъ дома отца, собравъ себѣ провизіи сколько могъ, онъ увѣрилъ кухарку что идетъ съ товарищами на охоту, взявъ отцовскій новый картузь въ замѣну своего забытаго у секретаря, отперъ извѣстнымъ ему способомъ отцовскій комодъ, утащилъ цѣлковый бумажку и двугривенный мелочью, захватилъ палку и поспѣшно скрылся изъ дому. Съ ужаснѣйшимъ хаосомъ въ головѣ, онъ почти машинально очутился за городомъ, поминутно составляя и отвергая различные проекты. Отойдя вер-

сты три, онъ присѣлъ подъ развѣсистыми деревьями отдохнуть и съ горя принялся за дорожные припасы. Тутъ на свободѣ припомнилъ онъ недавнее событіе, которое теперь только представилось ему во всей полнотѣ. Скоро однакоже онъ опустилъ катастрофу и мечталъ лишь о дѣвушкѣ, о ея поцѣлуяхъ, о томъ удовольствіи какое ощущалъ онъ держа въ объятіяхъ такую хорошенькую, и слезы невольнаго сожалѣнія потекли изъ глазъ его.... Но вотъ чья то рука тяжело упала къ нему на плечо. Юноша вздрогнулъ, вскочилъ и хотѣлъ бѣжать, но ему загородилъ дорогу господинъ высокаго роста съ краснымъ носомъ и необыкновенно доброй, хотя и комической фізіогноміи. Незнакомецъ принялъ участие въ плачущемъ молодомъ человѣкѣ и требовалъ откровенности. Разказавъ безъ запинки въ чемъ дѣло, канцеляристъ началъ просить помощи.

— Небойся. Вонъ мой тарантасъ подымается въ гору. Садись со мной, я все улажу. Такъ она хорошенькая?

— Хорошенькая.

— И аппетитная?

— То есть, какъ?

— Ха, ха, ха! Ну, полненькая? кругленькая?

— Полненькая.

— И ты поцѣловался?

— Какъ же!

— Плутитшко! Ну, а цѣловалъ куда?

— Въ губки, въ плечо....

— И только?

— Нѣтъ, когда она поворотилась, я цѣловалъ и въ шейку.

— Плутитшко! Ну, а какъ же: вы стояли или сидѣли?

— Сидѣли. Когда я крѣпко обнялъ ее и началъ цѣловать, она то-же обняла меня, и такъ наклонилась ко мнѣ, что я пошатнулся и чуть не легъ на спину, а она прижалась ко мнѣ и отъ нее было жарко, жарко....

— Дурень! Ну, а послѣ?

— Ничего не помню. Знаю, что обхватилъ ее и хотѣлъ приподняться, какъ въ это время почувствовалъ боль въ рукахъ: секретарь ударилъ меня чубукомъ.

— Ха, ха, ха! Счастливъ твой богъ, что ты попался ко

мнѣ, я тебя вызволю. Вашъ судья закадычный мой дружище.

Незнакомецъ этотъ былъ комиссіонеръ. Дѣйствительно онъ избавилъ канцеляриста отъ всякаго наказанія, но не желая дѣлать добраго дѣла въ половину, взялъ молодаго человѣка съ собою, и опредѣлилъ въ комиссію. Любовь послѣдняго къ секретарской дочкѣ исчезла сама-собою, и даже зналъ ли онъ о дальнѣйшей судьбѣ этой дѣвушки — неизвѣстно. Новая служба его шла хорошо, пока жилъ онъ у импровизированнаго благодѣтеля, но когда послѣдній, спившись съ кругу, женился на своей кухаркѣ и поступилъ въ полное распоряженіе своей дражайшей половины, молодому человѣку надобно было перейти на квартиру, жить на свой счетъ; да и самая служба изъ родной матери сдѣлалась для него мачихой. Пока красноносый комиссіонеръ исправлялъ свою должность и имѣлъ вѣсь, протѣжé его пользовался разными снисхожденіями, но добрякъ принужденъ былъ выдти въ отставку, подвергся начетамъ и остался самъ на бобахъ. Герой нашъ, поверхностно занимавшійся службою и ревностно любезничавшій съ прекраснымъ поломъ низшаго сословія, не умѣлъ снискать расположенія начальства, и еще приобрѣлъ себѣ множество недоброжелателей между писарями, по случаю вечернихъ походовъ. Въ-особенности ему стало жутко, когда одинъ писарь, у котораго онъ отбилъ любезную, сдѣлался значительнымъ лицомъ, а именно началъ ворочать дѣлами одного отдѣленія, приобрѣтя неограниченную довѣренность начальника.

Мы познакомились съ героемъ нашего очерка за столикомъ, съ папирской въ зубахъ, предавшимся думамъ. Онъ и теперь сидитъ на прежнемъ мѣстѣ, свирѣпо глотая дымъ, и взъерошивая рукой волосы. Онъ томится ожиданіемъ. Ему предстояла выгодная командировка, но лиходѣй писарь хотѣлъ назначить другаго. Сначала герой нашъ ни за-что не желалъ унизиться и прибѣгнуть съ просьбой къ писарю, но интересъ взялъ верхъ надъ гордостью, и онъ робко пригласилъ злодѣя къ себѣ на пару словъ и на стаканъ чаю. Время проходило. Оборванный денщикъ внесъ уже самоваръ, вытеръ грязнымъ полотенцемъ стаканы, а писарь не являлся. Молодому человѣку надоѣло служить безъ пользы, какъ го-

ворится. Его правда и посылали, но что же это за командировки? Какая, напримѣръ, польза отвезть куда-нибудь деньги? Украсть денегъ нельзя, потому что за это отдадутъ подъ судъ, а пожалуй и сошлютъ въ Сибирь. Одно средство не платить гдѣ-нибудь на станціи за лишнюю лошадь. Эка штука! сбережешь нѣсколько цѣлковыхъ, да ихъ же и проѣшь. Нѣтъ, ему хотѣлось командировки кругленькой, какія выпадали на долю нѣкоторыхъ счастливицевъ. Извѣстные комиссіонеры были уже разосланы, а тутъ встрѣтились еще двѣ экстренныя командировки. Скоро однакоже послышались поспѣшные шаги, и перетянутый въ рюмочку писарь вошелъ въ комнату. Извѣстно съ какимъ подобострастіемъ обращаются военные писаря съ офицерами и чиновниками своего вѣдомства, но иные дѣлаютъ это только на улицѣ, для проходящихъ, въ сущности же многіе изъ нихъ понимаютъ свое значеніе, и въ частной жизни, съ глазу на глазъ, очень хорошо третируютъ своего собесѣдника. Герой нашего очерка привѣтливо кивнулъ головой вошедшему.

— Садись, братъ!

Писарь смѣло подошелъ къ столу, и только что не развалился на стулѣ. Чиновникъ подвинулъ ему табакъ и бумагу.

— Ваше благородіе табакъ берете у Исаака?

— Да.

— Не хорошъ, и должно быть второй сортъ, говорилъ писарь, свертывая неохотно папирску. Вотъ я беру у армянина, отличный дубекъ.

— Дорогъ, я думаю.

— По полтора рубля фунтъ, за то деликатесь.

— Вашему брату, пожалуй, можно курить такой табакъ, а намъ не съ руки.

— Отчего же-съ? Все можно.

— Эй! чаю!

— Сейчасъ! послышалось изъ передней.

Вслѣдъ за этимъ денщикъ налилъ два стакана весьма непривлекательной жидкости. Писарь съ видимымъ отвращеніемъ прихлебнулъ изъ стакана.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ чиновникъ на денщика, и по

уходѣ послѣдняго, обратился къ писарю: — канитель долго тянуть нечего! Можешь ли выхлопотать мнѣ командировку?

— Для чего не могу! Вамъ хорошо извѣстно, что меня жалуютъ ихъ высокоблагородіе.

— Это-то я знаю, но знаю и то, что меня-то ты не жалуешь.

— Напрасно изволите беспокоиться! Какъ мы смѣемъ противъ начальства.

— Ты мнѣ этого не проповѣдуй, а скажи довольно ли будетъ тебѣ десять процентовъ.

— Маловато, ваше благородіе.

— Уже и маловато! Ну, а *тотъ* же что предлагаетъ?

— По истинности сказать, и они предлагаютъ то-же самое, но....

— Такъ рожна тебѣ, что ли?

— Не въ томъ дѣло-сь. Они уже ѣздили однажды, и не обидѣли. Кромѣ того они дали двадцать пять чистогану впередъ, а главное, — вы сами знаете, ваше благородіе.

— Знаю, знаю, любезнѣйшій, что главное здѣсь толстущка, но даю тебѣ честное слово, что съ этихъ поръ я позабуду и думать объ этой сволочи.

— Истинно изволите говорить, согласно разсудку, ваше благородіе, она и не заслуживаетъ другаго названія какъ сволочь, и если мнѣ желательно ваше преданіе ея уничтоженію, такъ потому только, чтобы она вразумилась хоть нѣсколько. Что сдѣлано — сдѣлано, я ни за-что не обращусь къ ногамъ ея, а хотѣлось бы поубавить спѣси. Вѣрите ли, ваше благородіе, намедни она меня осрамила, можно сказать привела въ краску стыда, при порядочной даже публичности, собственно говоря на базарѣ. Я, говорить, не стану связываться съ какимъ-нибудь писаришкой, у меня, говорить, есть почище, и захочу, говорить, такъ мой тебѣ зубы наколотить. Конечно, ваше благородіе, нашего брата не долго сдѣлать несчастнымъ, но какъ же позволить такому, можно сказать, созданію, доходить до такого остервененія, и попирать качество прекраснаго пола.

— Я съ нею даже и не заговорю. Предлагаю тебѣ десять процентовъ, а въ задатокъ....

Здѣсь чиновникъ отстегнулъ цѣпочку, и вытащилъ серебряные часы. Писарь, съ улыбкой, которой невозможно передать, взялъ часы, осмотрѣлъ ихъ и небрежно положилъ въ карманъ.

— Извольте, ваше благородіе, часы я принимаю единственно изъ глубокаго къ вамъ уваженія, ибо у меня прекраснѣйшіе золотые, а за ваши не дадутъ и десяти цѣлковыхъ, но похлопочу болѣе по тому, что вы отрекаетесь отъ вѣроломной и, можно сказать, дурнаго поведенія дѣвушки. Итакъ вы пожалуете мнѣ росписочку.

— За чѣмъ же?

— Самый простой документецъ на двѣсти рублей, потому что предположительно, при стараніи, будете имѣть не менѣе двухъ тысячъ.

— Да вѣдь съ *того* же ты не требуешь вѣроятно.

— Нельзя не взять и съ отца роднаго: всѣ мы люди смертные. Такъ заведено изстари.

— Мошенникъ ты перваго сорта.

— Останетесь довольны, ваше благородіе.

— Ну, напишу и росписку, когда получу отправленіе.

— Никакого сумлительства. Завтра пойдетъ къ докладу, послѣ завтра получите сумму, а если хотите ѣхать, извольте писать подъ диктовку.

Герой немного вздрогнулъ, но рѣшился тотчасъ же. Кликнувъ денщика, онъ послалъ его къ хозяину просить чернильницы, а услужливый писарь вытащилъ изъ кармана полупистъ чистой бумаги. Чернильница была добыта, денщикъ снова изгнанъ въ переднюю.

— Извольте писать, ваше благородіе.

— Ну!

— Такого-то года, мѣсяца и числа, я нижеподписавшійся взялъ подъ сохраненіе у вдовы унтеръ-офицерши...

— Какая, у чорта, унтеръ-офицерша! я ея и въ глаза не видывалъ...

— Неизвольте беспокоиться, — это для порядка.

— Ну!

— У вдовы Акулины Карнауховой двѣсти рублей сереб-

ромъ, которые обязываюсь уплатить по востребованію. Чинъ, имя, отчество и фамилію.

— Это сохранная росписка.

— Точно такъ.

— Гораздо вѣрнѣ векселя.

— Документикъ безхлопотный.

— Но ты же меня не надуешь?

— Помилуйте, за кого же вы меня принимаете?

— То-то же! Грѣхъ будетъ. А больше никому ничего не надо?

— Первый разъ никому. Развѣ знаете, привезите какой-нибудь презентецъ ихъ высокоблагородію.

— Что же?

— Кіевскаго варенья или чего-нибудь дѣтямъ на гости-нецъ. Первый разъ прощается.

— Послѣ уже существуетъ, такъ-сказать, въ родѣ положенія, въ силу котораго взимается надлежащее.

— Ты-жъ меня отрекомендуешь кому слѣдуетъ?

— Съ моимъ удовольствіемъ. Только уже на счетъ безнравственной дѣвушки не обидьте ваше благородіе.

— Экъ какъ она тебѣ насолила!

— Главное осрамила, можно-сказать, при народномъ собраніи.

— Съ нынѣшняго дня я не говорю съ ней ни слова. А ты уже пожалуйста на счетъ командировки.

— Будьте благонадежны, я съ своей стороны сдѣлаю очертацію. Счастливо оставаться.

— А чайку?

— Благодаримъ покорно, еще надобно поспѣть на заку-сочку къ одному подрядчику.

— Съ Богомъ.

Писарь вышелъ. Оставшись одинъ, герой нашъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Ура! сказалъ онъ. Баста нищенствовать и курить мерзкій табакъ! баста играть по грошу въ преферансъ... Да и не думаю, чтобы и хорошенькая булочница устояла теперь противъ моей страсти.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ гостинницѣ одного изъ городовъ, сосѣднихъ съ театромъ послѣдней войны, знакомый нашъ комиссіонеръ занимаетъ просторный номеръ. Круглый столъ передъ диваномъ заваленъ ящиками дорогихъ заграничныхъ сигаръ. Въ окнахъ и на стульяхъ разбросаны въ беспорядкѣ бѣлье и платье: то и другое лучшаго качества, хотя не можетъ похвалиться опрятностью. Самъ герой очерка, въ богатомъ халатѣ и расшитой золотомъ шапочкѣ, ходитъ изъ угла въ уголъ послѣшними шагами какъ человѣкъ, томимый какимъ-нибудь ожиданіемъ. Онъ много переѣзжился. Фигура его потолстѣла значительно, а расплывшееся лицо обросло цѣлой рощей усовъ и бакенбардъ. Черты определеннѣе выражаютъ то, почти неуловимое кистью, сочетаніе низкихъ наклоностей, которое очень хорошо выражается французской фразой *ni foi, ni loi*, и которое невольно отталкиваетъ всякую искренность и довѣрчивость. Съ первой же командировки, судьба улыбнулась нашему герою. Заработавъ вмѣсто двухъ тысячъ три, и привезя приличный гостинецъ кому слѣдовало, онъ сталъ на ряду самыхъ надежныхъ чиновниковъ. Къ довершенію его благополучія, открылась послѣдняя война, и онъ въ годъ достигъ самыхъ блистательныхъ результатовъ. У него уже около полумилліона капитала, а кто знаетъ, сколько еще судьба пошлетъ ему заработки. Передъ своимъ начальствомъ онъ отличался необыкновенной исправностью и аккуратностью. Онъ заготовлялъ хлѣбъ въ обширномъ размѣрѣ, и дѣйствуя съ помощью одного гениальнаго жидка, дѣлалъ дѣла почти неслыханныя въ области своего вѣдомства. Послѣдняя операція должна была удвоить его состояніе, и онъ ожидалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ своего агента. Ему удалось купить огромное количество испорченнаго провіанта за ничтожную цѣну, и провіантъ этотъ сходилъ съ рукъ при помощи оборотливаго и усерднаго хатайства. Агентъ долженъ привезти квитанцію. Дѣло клонилось къ миру, и непредвидѣлось, чтобы провіантъ былъ нуженъ, а съ окончаніемъ войны, будь онъ весь гнилой—кому какое дѣло! Наконецъ, еслибы война и продолжилась, развѣ солдатъ станеть разбирать или жаловаться. Даже пусть нѣкоторые и жалуются — эка штука! Комиссіонеръ ходитъ,

ускоряя шаги и не замѣчаетъ, что у двери стоитъ давно уже длинный рыжеватый жидъ и покашливаетъ.

— Васе высокоблагородіе!

— А! ну что? проговорилъ комиссіонеръ съ невольною дрожью.

— Вотъ квитанція.

— Гдѣ? Давай!

Глаза у него помутились, когда онъ прочелъ магическія строчки, и тутъ же принялся душить еврея въ объятіяхъ.

— Ну, Иуда-предатель! теперь то мы заживемъ припеваючи.

— Никто какъ Богъ, васе высокоблагородіе. Узъ я старяся. Одинъ только, знаете, тотъ не хотѣлъ подписывать.

— Ну?

— Ну, я ему далъ понюхать табакку.

— А! Но табакерка была тяжела, я думаю. Ха, ха, ха!

— Цуть, цуть необорвалъ кармановъ.

— Этакая ненасытная бочка! я вѣдь кажись получилъ на ровнѣ съ другими.

— Такой узѣ целовѣкъ, васе высокоблагородіе.

— Ступай же и собирайся въ дорогу. Завтра разсчитъ, обиды не будетъ.

— Казется, я служилъ цесно.

— Знаю, знаю.

— У меня жена, дѣтки, двѣ мальциски и одинъ дѣвценокъ, да не знаю, цто скоро дастъ Богъ....

— Хорошо, хорошо, завтра, теперь видишь, я жду гостей.

Еврей медленно удалился. Заперевъ за нимъ дверь на крючокъ, комиссіонеръ полѣзъ подъ кровать, вытащилъ чемоданъ и открылъ крышку: внутренность его была завалена пачками разноцвѣтныхъ ассигнацій.

— Теперь вы мои! говорилъ онъ и началъ прыгать по комнатѣ. Мой, и самъ чортъ у меня не отыметъ. Всѣ долги уплачены, а если нѣсколько пачекъ перейдетъ жиду, надобно же и ему съѣсть кусокъ хлѣба.... Вотъ оно что! О, если бы продолжилась война годика два, хоть одинъ! А развѣ недовольно! Нѣтъ не довольно, хотѣлось бы еще. Впрочемъ и то

можно купить хорошее имѣніе, жениться на душкѣ и зажечь баринномъ. А ужъ какую выберу душку.... ухъ какую выберу! Полненькую, нѣжненькую, хорошенькую, кровь съ молокомъ, такую, чтобъ двѣ-три недѣли послѣ свадьбы дверь на крючекъ и никуда ни ногой, ни къ себѣ никого.... Только непремѣнно поѣду въ Одессу, нѣтъ въ Петербургъ. Тотчасъ въ отставку. Чортъ ли мнѣ теперь тянуть ляжку, изъ какихъ доходовъ! Кланяется тому, другому, когда у меня едва не миллионъ! Вотъ еще невидаль. Мнѣ еще нѣтъ тридцати, чинъ порядочный, есть на шеѣ.... ну да главное есть сотни тысячъ. Можно въ отставку, послужилъ отечеству, ночей не спалъ, постоянно получалъ благодарности, чего же больше? А можетъ быть война продолжится. Оно, какъ кто ни говоритъ, а жаль уступить этимъ негодьямъ, надобно держаться до нельзя, укрѣпиться и передушить всѣхъ союзниковъ. Вотъ это называется по русски. Намъ не слѣдъ уступать, не мы начинали войну, не мы пошли въ чужую землю, а къ намъ пожаловали незваные гости....

Въ это время кто-то постучался. Герой нашъ задвинулъ чемоданъ подъ кровать и отперъ дверь. Въ номеръ вошелъ медвѣде-образный коммиссіонеръ, ступни котораго были вогнуты въ средину, что и заставило товарищей дать ему названіе косолапаго. Личность въ высшей степени наглая и отталкивающая.

- А, косолапый! здорово дружище!
- Съ васъ кажется слѣдуетъ шампанское.
- Ну, еще не знаю.
- Да ужъ павѣрное. Не хотите ли перекинемся.
- Вотъ стану я марать руки.
- Да ужъ я для васъ заложу пять радужныхъ.
- Что?

И лицо нашего героя выразило такого рода насмѣшку, въ которой проглядываетъ оскорбленіе.

- Ты вѣрно съ ума сошелъ! продолжалъ онъ.
- Полно важничать! развѣ не деньги?
- Для меня деньги пять радужныхъ! Вона!
- Такъ для меня кушъ не бездѣльный.

Отд. I.

6

— Еще бы! Чай, изъ своего госпиталишка въ недѣлю не вытянешь.

— Ну, это атанде! У меня подрядчики золото, да и прислуги поискать такой! Правду сказать, я подрядчикамъ какъ отецъ родной, а прислугу порю чуть не до смерти, за то и доходы и исправность.

— Можно и попасться.

— Трудно. Теперь у насъ воинскій начальникъ изъ поляковъ, молодець и такой продувной, что съ нимъ можно всякія дѣла обдѣлывать. Да вы знаете какую я недавно штука выкинулъ! Одна эта штука стоптъ шампапскаго.

— Такъ перекинемся что-ли?

— Поди ты съ своими пятью стами рублями! Да теперь кромѣ шутокъ не хочется. Вотъ ужъ вечеркомъ приходи. Я завтра уѣзжаю, такъ сегодня у меня кое-кто будетъ, тогда пожалуй перекинемся, да и преферанчикъ можно составить благородный.

— А теперь что? Небось ожидаешь визита этой нѣмки, какъ бишь ее, что третьяго дня по лавкамъ ходилъ подъ ручку....

— Увы!

— Какъ?

— Поминай какъ звали. Это нѣмочка, братъ, продувная: въ недѣлю стоитъ цѣлковыхъ пятсотъ, да еще требовала, или лучше сказать, канючила брилліантовья сергия, а вчера вечеромъ тутъ же въ гостиницѣ, въ нижнемъ этажѣ, изволила кушать чай въ одиннадцатомъ номерѣ.

— Вотъ что! Ну, а теперь?

— А теперь—побилъ морду, и наше вамъ глубочайшее.

— Жаль.

— Совѣтую. Если успѣлъ сколотить тысячонокъ нѣсколько, живо профуферишь. Нѣтъ, косолапый, все это дребедень, хочу жениться.

— Вы! На комъ?

— Хорошенько не знаю, а пора остепениться. То ли дѣло женушка.

— А по мнѣ это скучная матерія.

— Ну, можно, братъ, выбрать и такую, что самъ чортъ позавидуетъ.

Косолапый махнулъ рукой.

— Эта грамота не при мнѣ писана.

— Не съ твоимъ, братъ, рыломъ въ калашный рядъ соваться.

— Не то, а скажите лучше, что жизнь, то я понимаю настоящимъ образомъ.

— Какъ же это настоящимъ? Развѣ Богъ создалъ человека на одиночество?

— Къ чему же здѣсь Богъ? Не приеми имени Господа Бога твоего всуе.

— Вишь косолапый! А ты, я помню, ходокъ, братъ, даромъ что ступени повывернуты.

— Да у насъ въ мѣстечкѣ все дрянъ.

— За то дешево стоитъ, ха-ха-ха.

— Ну, а каково дѣло?

— Слава Богу.

— Я думаю таки тово....

— Еще бы! Продлись война хоть годикъ....

— О чемъ же и молимъ Бога. Я на что неохотникъ наскучать Всевышнему, а каждую обѣдню аккуратно покупаю свѣчей на цѣлковый.

— И знаешь ли, мы должны желать войны: честь Россіи требуетъ этого. Какъ! пришли, заняли нашу землю, разоряютъ ее, а мы обязаны имъ кланяться.

— Мы съ воинскимъ начальникомъ говоримъ то-же самое и аптекаръ съ нами согласенъ. Аптекаръ однакожь читалъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что миръ скоро.

— Что будетъ, то будетъ, а намъ зѣвать нечего. Надобно до конца служить отечеству,

— Развѣ же не служимъ! Мнѣ почти каждую недѣлю приходится выслушивать по выговору. Приѣдетъ какойнибудь верхолейтъ: «да я васъ! да вы у меня!» А ты стой подъ козырекъ.

— Вѣдь досадно и нельзя окрыситься.

— Только и сгонишь злость, что передерешь прислугу, а уже какъ сильно разсердишься, то выпорешь и писарей.

— О, этихъ каналій не мѣшаетъ.

— Я и съ больными не церемонюсь. Спасибо старшій лѣкаръ самъ не любитъ давать потачки, такъ ихъ чистить по зубамъ, что любо! Однако, вы не хотите срѣзать стосика, пойду же я къ здѣшнему смотрителю.

— А вечеркомъ?

— Ужо приду.

— Шампанскаго будетъ хоть купайся.

Косолапый вышелъ. Герой очерка закурилъ новую сигару.

— Вотъ судьба, подумаешь, говорилъ онъ самъ съ собою. Эта скотина куда какъ важничала передо мною: дрожки завелъ, бровные воротники, вечера дѣлалъ... а я пилъ горькую чашу... Теперь же у меня благодать, а онъ обдираетъ мертвыхъ да раненыхъ, трудится въ потѣ лица, и въ мѣсяцъ едва тыщенки двѣ сколотить. Надобно же на прожитье, и то и другое! Онъ никогда не можетъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, а проиграетъ каналія половину... И то, правду сказать — мелкія дѣлишки. Меня не достало бы на это. При томъ же, какъ ни говорить, а все человѣчество. Ну да чортъ съ нимъ, съ этимъ косолапымъ! пусть его наживааетъ конейку — вѣдь онъ мнѣ не можетъ стать на дорогѣ. Эй, человѣкъ!

Вошелъ слуга.

— Извощикъ здѣсь?

— Здѣсь.

— Вели съѣздить за правителемъ канцеляріи.

— Слушаю-съ.

Въ бель-этажѣ одного изъ домиковъ близъ таврическаго сада гостиная убрана не богато, но со вкусомъ. Драпри, обои и мебель одного рисунка. На козеткѣ передъ маленькимъ рабочимъ столикомъ сидитъ молодая дѣвушка въ легкомъ розовомъ платьѣ. Она очень хороша. Черная лоснящаяся коса подобрана подъ черепаховую гребенку. Виски зачесаны гладко. Бѣлая полная шейка словно выточена изъ мрамора, а бюстъ, заключенный въ розовую кисею, при малѣйшемъ движеніи обнаруживаетъ свою роскошь, и складки на груди то поднимаются, то опускаются. Красота чисто матерьяльна. и

если дѣвушка улыбается, улыбка ея обнаруживъ два ряда бѣлыхъ ровныхъ зубовъ, возбуждаетъ невольное желаніе поцѣловать эти свѣжія, бархатныя губки. Передъ нею съ чашкой кофе въ рукахъ и папирской стоитъ средняго роста старичекъ. Волосы его побѣлѣли; на лбу и подъ глазами кое гдѣ морщины. Онъ въ очкахъ. Выраженіе лица веселое и плутоватое. Онъ часто заливается смѣхомъ и пускаетъ тучами дымъ изъ своей папирски.

— Надѣюсь, я убѣдилъ тебя, говоритъ онъ дѣвущкѣ: — помни, что у тебя два меньшихъ брата, которымъ я обязанъ оставить хоть какое-нибудь состояніе, а ты очень хорошо знаешь, что твои объявленныя пятнадцать тысячъ — пухъ, на который никто не ловится.

— Еще вчера вамъ дѣлали предложеніе.

— Дурочка, дурочка! Только что кончившій курсъ студентъ, у котораго ровно ничего, кромѣ надеждъ на будущую службу. Этотъ безумецъ предлагаетъ тебѣ хижину и сердце, или лучше сказать, одно сердце, потому что и хижины-то нѣтъ у него.

— За то это сердце чего стоитъ!

— Надѣюсь, что ты говоришь не по убѣжденію... Вспомни какъ привыкла ты жить, вспомни какъ мы были богаты, а я не думаю, чтобы ты разомъ рѣшилась отказаться отъ удобствъ и роскоши — для темной нищенской жизни съ мальчишкой, который черезъ годъ-два броситъ тебя.

— Ужъ такъ и бросить...

— Ну охладѣть, это не подвержено никакому сомнѣнію. И я допускаю еще жить въ бѣдности, когда, по крайней мѣрѣ, эта глупая любовь поддерживается; но когда другъ-другу надоѣли, а разстаться невозможно, да еще дѣти и нужда... о, пламенная любовь не рѣдко предается проклятію.

— Какія ужасныя вещи вы говорите!

— Не ужасныя, но весьма обыкновенныя. Слушай отца, и не будешь въ дуракахъ. Вѣдь ты знаешь, что тебѣ двадцать три, знаешь, что хоть ты и хорошенькая, однако красота вещь не продолжительная, любишь и ложи въ оперѣ и порядочную карету, любишь покушать вкусно и покататься верхомъ, и знаешь также, что послѣдней спекуляціей я почти

раззорился и очень скоро долженъ буду переменить образъ жизни. Что же тебѣ предстоитъ? Молодой еще мужъ, глуповатый, но здоровый и у котораго чуть не миллионъ чистогану.

— И это не пухъ? будто-бы миллионъ?

— Если и не полный, то безъ малаго.

— Но вѣдь самъ-то онъ такая дрянь. Помните, я видѣла его на вечерѣ, помните, вы мнѣ его показывали.

— Есть гораздо хуже.

— И то правда. Но почему же вы увѣрены, что онъ женится на мнѣ. Я признаюсь не замѣтила, чтобы онъ обратилъ на меня вниманіе.

— Много тебѣ изъяснять, да и бесполезно. Скажу только, положишься на меня, и у тебя будетъ миллионъ, изъ котораго конечно поможешь намъ немного, а ужъ ты съумѣешь подвести мужа подъ башмакъ, ты, я думаю, на это мастерица.

Дѣвушка улыбнулась.

— Я вижу, что ты сдѣлаешь свое дѣло. Слушай же! Чтобы поймать на удочку такую дорогую рыбку, ты должна исполнить въ точности всѣ мои наставленія. Если, можетъ быть, чего и не поймешь сразу, пожалуйъ объясню впоследствии, но знай, что отецъ желаетъ тебѣ добра. Согласна?

— Согласна, говоритъ дѣвушка, смотря на отца во всѣ глаза и опускаая работу на колѣни.

— Черезъ полчаса баринъ будетъ у насъ. Мы примемъ его самымъ радушнымъ образомъ. Не успѣетъ завязаться общій, разумѣется, глупый разговоръ, какъ меня вызовутъ по очень важному дѣлу. Я извинюсь и попрошу гостя не поскучать съ тобою. Даю тебѣ слово, что если только захочешь, онъ будетъ у ногъ твоихъ.

— Да какъ же, неужели мнѣ самой сдѣлать ему предложеніе?

— Ты все меня не понимаешь.

— Право не понимаю, но я вамъ дала слово.

— Дурочка ты, дурочка.

Старикъ наклонился, досталъ скамеечку, и придвинулъ къ дочери.

— Поставь одну ногу. Теперь приподыми платье такъ,

чтобъ былъ видѣнъ весь ботинокъ и вышитую свою юбку развѣсь фестонами.

Дѣвушка краснѣя исполнила маневръ. Старикъ отошелъ къ двери.

— Приподыми немного юбку. Вотъ такъ. Прими немного лежащее положеніе.

— Этакъ не ловко, у меня нѣтъ ничего на шеѣ.

— И прекрасно. Старайся говорить тихо, а когда я уйду, пригласи его подъ какимъ-нибудь предлогомъ на козетку.

— Папà!

— Слушай же. Когда онъ сядетъ возлѣ, побольше граціозныхъ движеній. Талія у тебя прекрасна, можешь наклоняться почаще. Не удивляйся, если начнетъ говорить о любви, будь нѣжна, смотри на него ласково, и побольше движеній. Если-бы даже взялъ за руку, не препятствуй, не вставай съ козетки, развѣ уже слишкомъ. Но я не думаю, а скорѣе всего онъ упадетъ къ ногамъ твоимъ.

Въ продолженіе всего этого монолога дѣвушка сильно раскраснѣлась и потупила глаза. Что пришло ей въ голову — не знаю, но нѣсколько секундъ она молчала и складки на груди волновались сильнѣе обыкновеннаго.

— Я хотѣла бы знать....

— Ну, ужъ извини! Если хочешь, объясню тебѣ* все послѣ свадьбы, а теперь слѣдуй только наставленіямъ. Впрочемъ тебѣ нечего бояться, я буду стоять за дверью.

Старикъ отошелъ и сѣлъ на противоположной сторонѣ комнаты. Это былъ темный спекулянтъ, адвокатъ, акціонеръ, агентъ многихъ обществъ, но главное человекъ, всю жизнь проведеншій на чужой счетъ. Нѣсколько разъ наживалъ онъ деньги и терялъ ихъ. Послѣдняя спекуляція поглотила почти все его состояніе, но этого еще никто не зналъ, потому что самая спекуляція была темна, какъ и всѣ его поступки. Въ критическія минуты эти познакомился онъ съ героемъ нашего очерка и тотчасъ же понялъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ разобралъ комиссіонера по ниткѣ, и рѣшился воспользоваться его деньгами. Когда комиссіонеръ пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, миръ былъ уже заключенъ и въ столицѣ поговаривали, что многіе изъ нѣкотораго вѣдомства потребуются

къ отчету. Спекулянтъ зналъ все, зналъ что грозило его новому знакомому и задумалъ великое дѣло — спасти простяка отъ предстоявшей гибели, но этимъ же самымъ обеспечить судьбу дочери, да и самому погрѣть руки. Задумавъ дѣло, онъ тотчасъ же началъ слѣдить комиссіонера, и съ первыхъ же дней открылъ въ немъ преобладающую страсть — слабость къ хорошенькимъ женщинамъ. Для большаго убѣжденія, онъ напустилъ на него одну изъ своихъ подругъ и вывѣдалъ всѣ наклонности интереснаго знакома. Пользуясь простотой и незнаніемъ столичной жизни послѣдняго, онъ удачно велъ его на помочахъ и, изучивъ субъектъ окончательно, рассчиталъ, что можетъ женить его на дочери, красота которой, какъ мы уже сказали, была соблазнительна. Онъ замѣтилъ въ комиссіонерѣ одну черту — способность воспламениться въ одну минуту, и для этого подготовилъ интимную бесѣду съ хорошенькой дочкой. Онъ зналъ, что если только послѣдняя съумѣетъ пококетничать полчаса, то комиссіонеръ, падкій на роскошную талію и маленькую ножку, воспламенится до вельзя. Онъ очень хорошо понималъ, что стоитъ герою нашему получить только идею о возможности обладанія прекрасной дѣвушкой, то онъ позабудетъ все, согласится на все и будетъ какъ милости просить руки ея, но только жениться бы поскорѣе, даже если можно въ тотъ же день. Формируя этотъ планъ, онъ уже распорядился на счетъ состоянія; только бы удалось женить барана, а все остальное пойдетъ какъ по маслу.

Дѣвушка, съ своей стороны, проживъ двадцать три года на свѣтѣ, семь лѣтъ выѣзжая и принимая, попривыкла понимать вещи иначе, чѣмъ понимаются онѣ въ институтахъ и пансіонахъ. Она уже давно пріучилась къ мысли, что нѣтъ полнаго счастья безъ хорошаго независимаго состоянія, и хотя дѣйствительно завлеклась было любовью одного красиваго юноши, однако разсудила, что самая пламенная любовь — не любовь, если мужъ не дастъ кареты, ложи, не найметъ дачи, не станетъ платить долговъ по магазинамъ. Милліонъ! Положимъ отецъ воспользуется для спекуляцій половинной, которой и не возвратитъ конечно, за то-же останется еще довольно, а отецъ, нѣтъ сомнѣнія, устронтъ такъ, что эта

половина будетъ находиться въ полномъ ея распоряженіи. Но только за чѣмъ же ей предписываютъ такое немножко безстыдное кокетство? Средства свои она очень хорошо знала и съумѣла бы ими воспользоваться, но приподымать черезъ чуръ платье, ставить ногу на скамейку и еще сажать возлѣ себя молодаго человѣка — это ужъ слишкомъ. Впрочемъ милліонъ не часто попадается, и чтобы пріобрѣсть его, люди готовы приносить жертвы и гораздо болѣе значительныя. Пококетничать такъ или иначе, рѣшительно все равно. Эти мужичины удивительно странный народъ. Вѣдь былъ же у нее двоюродный братъ, который иначе не хотѣлъ цѣловать ее, какъ посадивъ къ себѣ на колѣни, какъ будто не все равно поцѣловать кузину, сидя или стоя возлѣ. Вѣроятно милліонный женихъ любитъ хорошенькія ножки и пышную талію.

Но вотъ послышался очень громкій звонокъ, сильнымъ звономъ котораго зачастую даютъ знать о себѣ провинціалы, и слуга доложилъ о пріѣздѣ желаннаго гостя. Дѣвушка слегка вздрогнула, но живописно откинулась къ спинкѣ козетки, приподнявъ легкое платье, даже не много выше, чѣмъ совѣтовалъ предусмотрительный родитель, и прилежно занялась своей работой. Старикъ всталъ съ дивана и пошелъ въ залу. Тамъ произошло лобызаніе — съ одной стороны ловкое подставленіе щекъ, а съ другой чистосердечные громкіе поцѣлуи, отъ которыхъ дѣвушка сдѣлалось неловко даже въ другой комнатѣ.

— Очень, очень радъ. Позвольте же мнѣ представить васъ моей дочери.

— Какъ! у васъ есть дочь? Можетъ быть я одѣтъ не совсѣмъ прилично.

— И, помиуйте! мы живемъ безъ особыхъ церемоній.

Вслѣдъ за этимъ старикъ ввелъ знакомаго намъ комиссіонера, и послѣдовало обычное представленіе. Герой нашъ устремилъ взоры внизъ и нѣсколько секундъ пробылъ въ состояніи восторга: на скамейкѣ стояла такая хорошенькая ножка въ ботинкѣ съ каблучкомъ, подъ этимъ ботинкомъ приподнятая на четверть висѣла вышитая юбка, а въ глубинѣ виднѣлась другая стройная ножка. Онъ растерялся и хотѣлъ было брякнуть по обычаю лхой комплиментъ, но

одумался и заговорилъ о вчерашней оперѣ. Герой нашъ въ статскомъ платьѣ, которое сидитъ на немъ какъ-то неуклюже, тѣмъ болѣе что онъ привыкъ къ военному покрою. Огромная, массивная цѣпочка отвисла на пестромъ бархатномъ жилетѣ, а сверхъ перчатокъ, на обоехъ указательныхъ пальцахъ, надѣто по кольцу съ большими брилліантами.

— Не угодно ли выкурить папироску? Дочь моя привыкла.

— Если есть папиросы, съ удовольствіемъ, а свернуть самъ никакъ не могу. Эта глупая петербургская мода вездѣ носить перчатки — ужасно непріятна.

Дѣвушка улыбнулась.

— За чѣмъ же подражать модѣ, которая не нравится? сказала она.

— А будто бы можно и не подражать?

— Это зависитъ отъ васъ.

— О, такъ я не буду никогда носить перчатокъ! Я ихъ терпѣть не могу: чортъ знаетъ что такое!

И комиссіонеръ тотчасъ же снималъ кольца, стянулъ перчатки, надѣлъ снова свои солитеры и добылъ сигарочницу.

— Я ужъ лучше сигарку: я вѣдь курю настоящія гаванскія.

Дѣвушка все время внимательно смотрѣла на человѣка, съ которымъ, можетъ-быть, суждено было ей связать свою судьбу на всю жизнь. Онъ еще молодъ, былъ бы недурень, если бы не эти искривленныя губы, но не отесанъ, грубъ, что замѣтно изъ каждаго его слова, каждаго движенія. Фи, какой mauvais genre!.. Но милліонъ. И у нея уже явилась мысль какъ можно скорѣе влюбить его въ себя, выдти за него замужъ и прибрать мужа къ рукамъ. Наставленія отца почти были забыты, но потому, что изобрѣтательной головкѣ хорошенькой бріонетки представились маневры гораздо дѣйствительнѣе, по ея мнѣнію. Она положила шитье на столикъ, отодвинула его отъ себя, и, такимъ образомъ, показала гостю всю роскошь своей талии. Гость въ это время возобновилъ несчастный разговоръ рбъ оперѣ въ томъ смѣшномъ тонѣ, съ которымъ видѣвшіе что-нибудь въ первый разъ и неимѣющіе о видѣнномъ никакого понятія, стараются корчить зна-

тока и позволяютъ себѣ даже строгую критику. Столичникъ умѣетъ, по крайней мѣрѣ, маскироваться и отдѣлываться общими мѣстами, но провинціалъ поступаетъ иначе. Положимъ зайдетъ рѣчь о какой-нибудь пѣвицѣ между двумя особами, которыя спорятъ и въ чемъ-нибудь не соглашаются. Вдругъ незнакомый господинъ встаетъ со стула, подходитъ и говорить тономъ недозволяющимъ опроверженія:

— Вы спорите о NN? Позвольте! я — недѣля какъ приѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ прожилъ цѣлый мѣсяцъ и часто слышалъ NN. Это просто ужасъ! Пищитъ, ломается... Я удивлялся только одному — какъ это почти весь театръ ей аплодируетъ. Въ жизни я не слышалъ пѣнія непріятнѣе.

Пустьвъ подобную рацею, строгій господинъ потомъ съ самой злой улыбкой прибавляетъ:

— Можетъ быть, я и не могу судить объ этомъ, однакоже пять лѣтъ жилъ въ Одессѣ, когда тамъ была отличная опера.

Почти въ такомъ же родѣ ораторствовалъ комиссіонеръ и, не получая возраженій, а улыбку дѣвушки принимая за согласіе, дошелъ до того, что выразился на счетъ Бозіо:

— Скажу вамъ, въ военное время отъ скуки хожу бывало въ Херсонѣ въ театръ, такъ одна актриса Масрова куда не въ примѣръ лучше пѣла въ водевиляхъ. Голосъ какъ-то дебелие. На что ужъ гусары, народъ кажется лихой, и тѣ бывало вызываютъ по нѣсколько разъ.

И въ жару своего разсказа комиссіонеръ не видѣлъ, что возлѣ него стояла серебряная пепельница, и отряхалъ сигару на полъ или клалъ ее огнемъ прямо на подзеркальный столикъ.

Въ это время дѣвушка встала съ козетки и медленной граціозной походкой подошла къ окну. Она почла необходимымъ опустить стору. Хотя въ этомъ, по видимому, небыло никакой надобности, кромѣ развѣ возможности повернуться къ гостю спиною и показать ему во всемъ блескѣ стройность талии, тѣмъ болѣе, что подымая руки и ставъ къ нему въ полуоборотѣ, она представлялась ему съ очень выгодной точки зрѣнія. Комиссіонеръ просто вплыся въ нее глазами.

— Эхъ чортъ возьми, какая милашка! подумалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Вошелъ слуга и шепнулъ что-то старику.

— Вы извините меня, сказалъ послѣдній, обращаясь къ гостю, если я оставлю васъ на четверть или на полчаса: мнѣ нужно дать отвѣтъ по одному очень важному дѣлу. Вамъ останется хозяйка.

— Помилуйте! лишь бы имъ не было скучно.

Старикъ вышелъ. Стуча каблучками, дѣвушка возвратилась на прежнее мѣсто. Опущенная стора уменьшила немного свѣта въ комнатѣ, такъ-что гостю, если онъ хотѣлъ любоваться молодой хозяйкой, необходимо было придвинуться ближе. Онъ уже подумывалъ объ этомъ. Дѣвушка приняла живописную позу, которую нельзя назвать ни сидѣньемъ, ни лежаньемъ, и такъ удачно собрала платье, что обѣ ножки ея остались открыты. Она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ гостю, но произнесла его довольно тихо, заставивъ этимъ комиссіонера подойти ближе.

— Вы долго пробудете въ Петербургѣ? повторила она.

— Отпускъ оканчивается скоро, но можно будетъ взять отсрочку.

— Значитъ вы у насъ не скучаете?

— Нѣтъ не скучаю, здѣсь славный народъ, я вамъ скажу.

— Что же вы не садитесь?

Комиссіонеръ бѣгло взглянулъ вокругъ. Возлѣ столика стояло кресло, но на немъ лежали книги и узоры; можно бы сѣсть на козеткѣ, но онъ не посмѣлъ и думать о такомъ блаженствѣ.

— Садитесь здѣсь, проговорила дѣвушка ласково, указывая мѣсто возлѣ себя.

Не ожидая повтореній, герой нашъ опустился на эластическую подушку, и когда собесѣдница его, желая оправить платье, нечаянно коснулась руки его, у молодаго человѣка потемнѣло въ глазахъ. И вдругъ ему мгновенно представилось майское утро въ далекой сторонѣ, цвѣтуція акація, дерновая скамейка и хорошенькая дочь секретаря..... Но видѣніе это быстро исчезло. Какое же сравненіе! Комиссіонеръ растаялъ. Онъ ничего не пожалѣлъ бы за возможность

поцѣловать хотѣ эту бѣлую нѣжную ручку, которая была такъ близко и небрежно перебирала на груди складки розоваго платья.

— Что вы дѣлаете по вечерамъ? спросила она.

— Ъзжу въ театръ, потомъ играю гдѣ-нибудь въ карты.

— Когда нибудь пріѣзжайте къ намъ, и если любите музыку....

— О, съ удовольствіемъ, когда прикажете.

— Мы всегда будемъ очень рады. Приходите хотѣ послѣ завтра.

Дѣвушка сняла съ руки колечко и играя имъ, словно безъ цѣли, вдругъ уронила его на полъ. Она сдѣлала движеніе.

— Позвольте, сказалъ комиссіонеръ, я отыщу, и очутился на коврѣ.

Колечко такъ хитро упало, что опустилось возлѣ каблучка лѣвой ножки. Герой нашъ совершенно обезумѣлъ: вмѣсто того, чтобы искать колечка, онъ съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на ножки, и взоръ его терялся въ каймѣ вышитой юбки. Дѣвушка поправила платье и отодвинулась немного.

— Не беспокойтесь, можно будетъ велѣть отыскать.

— Нѣтъ я уже нашелъ. Вотъ оно.

И молодой человѣкъ со вздохомъ подалъ находку.

Руки снова встрѣтились, и онъ почувствовалъ будто электрическій токъ по всему тѣлу. Онъ, молча, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Что вы такъ смотрите на меня? сказала дѣвушка.

— Я долженъ сказать вамъ правду, вы такія прелестныя, что я еще въ жизнь не видывалъ.

— Будто бы? неужели тамъ у васъ, въ Херсонѣ...

— Ни въ Херсонѣ, ни въ Симферополѣ, ни въ Кшишевѣ, ни даже въ Одессѣ нѣтъ вамъ равной.

Дѣвушка покраснѣла и не знала, что говорить дальше. Изъясняя въ хорошую сторону ея молчаніе, молодой человѣкъ продолжалъ:

— Какой же я дуракъ, что до-сихъ-поръ съ вами не познакомился.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Знаете ли я, надо правду сказать, не въ ученыхъ, не умѣю вертѣться какъ здѣшніе щеголи, я человекъ простой, но Богъ мнѣ помогъ составить себѣ порядочное состояніе...

Дѣвушка молчала.

— Правда, служилъ, ночи не спалъ, случалось проводить цѣлые дни безъ пищи...

Онъ невольно подвинулся ближе. Дѣвушка чувствовала сильное смятеніе и дышала съ трудомъ, но обратила влажные глаза на своего собесѣдника. Встрѣтивъ этотъ томный ласковый взоръ, герой нашъ окончательно растерялся. Слова замерли у него на языкѣ, да слова были уже и недостаточны облегчить его волненіе, — ему нужно было обнять дѣвушку отъ полноты сердца и разцѣловать ее всю отъ малиновыхъ губокъ — до крошечныхъ пожекъ включительно.

Въ это время появился старикъ. Дѣвушка вздохнула свободнѣе.

— Вотъ и я. Ну, что, не скучали, мой почтеннѣйшій.

— О нѣтъ, помиуйте! развѣ это можно.

Раздался звонокъ, и слуга доложилъ о пріѣздѣ одного господина, для котораго спекулянтъ всегда былъ дома. Появленіе высокаго незнакомца непріятно подѣйствовало на комиссіонера. Онъ взялся за шляпу и началъ раскланиваться.

— Милости просимъ, сказалъ старикъ, прошу не забывать, пока будете въ столицѣ.

— Помните же послѣ завтра вечеромъ, шеннула ему дѣвушка, подавая руку на прощанье.

Прошло десять дней. Вечеръ. Описанная нами квартира освѣщена сильнѣе обыкновеннаго. Въ залѣ за роялемъ сидитъ знакомая намъ брюнетка и довольно мило играетъ Штендхенъ Шуберта. Въ сосѣдней комнатѣ, на зеленомъ сафьянномъ диванѣ, бесѣдуетъ улыбающійся старичокъ и герой нашего очерка. Молодой человекъ влюбился, какъ можетъ быть, немногіе способны воспламениться въ нѣсколько дней и только робѣлъ сдѣлать предложеніе. Вечеромъ брюнетка

дѣйствительно была очаровательна. Она то-же въ свою очередь повяла съ кѣмъ имѣеть дѣло и употребила все искусство усилить свои природныя прелести. Старикъ зоркимъ взоромъ наблюдалъ за гостемъ и, пользуясь отсутствіемъ дочери, которая уходила на минуту отдать какое то приказаніе, увелъ молодаго человѣка въ кабинетъ и предложилъ сигару.

— Ну, признаюсь, у васъ дочка! Создастъ же Богъ такую душку.

— Хоть и отецъ, а долженъ сказать, что день и ночь благодарю Господа за такое сокровище. Не жалѣлъ я ничего для нея, воспитывалъ въ лучшемъ заведеніи.... Только жаль одного....

— Чего же?

— Кому то бѣдняжка достанется? Правда сватаютъ и богатые люди, но знаете, не по ней, люди пожилые, а при- нуждать я не намѣренъ.

— И не должно.

Коммиссіонеръ едва сидѣлъ на мѣстѣ. А тутъ, въ залѣ, словно ропотъ волнъ, переливаются поэтическіе звуки серенады.

— Знаете ли что?... Я, конечно не очень воспитанъ, но еще молодъ, восемьсотъ слишкомъ тысячъ чистагану... Если бы дочь ваша согласилась, я умеръ бы отъ радости.

— Какъ? такой достойный человѣкъ! помиуйте, да я съ радостью, только спросимъ ее. Позвольте же обнять васъ!

И въ кабинетѣ происходили лобызанія со слезами и съ тѣми невнятнымъ междометіями, которыя импровизируются въ подобныхъ случаяхъ. Въ залѣ музыка продолжалась, но внимательное ухо замѣтило бы страшно-фальшивые аккорды. Чрезъ нѣсколько минутъ старикъ велъ за руку коммиссіонера къ фортепяно. Дѣвушка вся пуцовая перешла въ форте-сисме и уже фантазировала на какой-то мотивъ собственнаго сочиненія.

— Душенька! достойный этотъ молодой человѣкъ, неиспорченный столичной жизнью, сразу оцѣнилъ твои маленькія достоинства и поручилъ мнѣ просить руки твоей. Съ моей стороны я согласенъ, зависитъ отъ тебя...

Дѣвушка вскочила съ табурета.

— Не погубите! сказалъ комиссіонеръ, упавъ на колѣни. Она остановилась.

— Вы же общаете любить меня? произнесла она тихо.

— По гробъ моей жизни.

— Я хоть васъ мало знаю, однако если папа согласенъ, значитъ ручается. Я согласна.

Герой нашъ бросился цѣловать ножки. Насилу могли привести его въ себя. Отецъ благословилъ юную чету. Дѣвушка позволила жениху цѣловать свою руку, но дальше уже ничего не позволяла, да и старикъ не отходилъ ни на минуту, а присутствовалъ съ дѣтьми и любовался на ихъ счастье. Комиссіонеръ просилъ нельзя-ли устроить такъ, чтобы на дняхъ обвѣнчаться и, если нужно, онъ не пожалѣетъ пяти тысячъ. Ему однакоже сказали, что надо сдѣлать все благоразумно и что невѣсты у него никто не отыметъ. Какъ водится по- дано было шампанское.

На прощанье невѣста снпзошла на мольбы жениха и позволила поцѣловать себя, но послѣ не рада была этому позволенію, потому что молодой человѣкъ едва не задушилъ ее въ объятіяхъ. Уходя, онъ непремѣнно хотѣлъ подарить ей оба кольца и увѣрялъ, что каждое стоитъ триста цѣлковыхъ, но подарка не приняли, а сказали, что завтра, если хочеть — можетъ подарить какую-нибудь вещицу.

На другой день старикъ сидѣлъ еще въ халатѣ, а уже нареченный зять трезвонилъ изъ всѣхъ силъ въ его квартирѣ. Слуга сердито отворилъ дверь раннему посѣтителю, но поклонился униженно, распознавъ жениха своей барышни, который несъ нѣсколько коробочекъ.

— Баринъ дома?

— Еще чай кушаютъ. Смѣю поздравить.

— Благодарствую. Помогли-ко мнѣ донести въ кабинетъ эти вещи, говорилъ слугѣ счастливый женихъ, отдавая половину коробковъ, а это тебѣ на водку.

И обрадованный лакей положилъ себѣ въ карманъ двадцати пяти рублевый билетъ.

Будущій тесть встрѣтилъ нашего героя съ распростертыми объятіями.

— Что это, батюшка?

— Вчера не хотѣли принять подарка, такъ я ужъ распорядился сегодня.

Старикъ разсмотрѣлъ вещи.

— Господи! и къ чему столько! однако все съ большимъ вкусомъ. Кто это вамъ помогъ выбрать?

— Кто?

И комиссіонеръ ударилъ себя по карману.

— Вотъ кто. Я пріѣхалъ на невскомъ къ ювелиру и говорю: выберите мнѣ самыхъ лучшихъ подарковъ невѣстѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня, знаете какъ-то во-всѣ глаза. А я и говорю: этакъ тысячь на двадцать пять. Нѣмецъ, тово, улыбнулся, поклонился и увѣрилъ что останусь доволенъ. И точно я доволенъ, не знаю только какъ онъ, мое божество.

— Это все такъ хорошо, что васъ, повѣрьте, поцѣлуютъ.

— Даль бы Богъ. А что почиваетъ?

— Нѣтъ, я думаю уже проснулась, но знаете дѣвичье дѣло, пока одѣнется: раньше перваго часу не увидите.

— Неужели? проговорилъ печально молодой человѣкъ. Знаете что, душечка, папенка! умоляю васъ, уговорите ее показаться мнѣ хоть на пять минутъ въ пеньюарцѣ — это такъ обворожительно.

— Не думаю, чтобы согласилась.

— Скажите, что я только сквозь двери посмотрю на нее, поцѣлую ручку, и тотчасъ же уйду до-тѣхъ-поръ, пока прикажетъ.

— О, да какой же вы бѣдовый!

— Что дѣлать, папенка, любовь не свой братъ.

— Посидите же.

Старикъ вышелъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что дочь только уберетъ голову и явится въ гостиную, но не болѣе какъ на пять минутъ.

Коммиссіонеръ сидѣлъ какъ на иголкахъ, а хитрый старикъ не заводилъ съ нимъ серьезнаго разговора, рассчитывая на болѣе удобное время.

— Выпейте со мною чаю, выкурите сигару.

— Послѣ, послѣ какъ увижусь.

— Я рѣшительно васъ не понимаю, а кажется же самъ

Отд. I.

7

былъ молодымъ человѣкомъ: неужели въ нѣсколько дней можно такъ втюряться...

— Вольно же вамъ быть отцомъ и не видѣть всей красоты дочери. Она такая душка, такая мамочка, что я удивляюсь вашимъ петербургскимъ женихамъ. Да у нихъ ни на грошъ нѣтъ вкуса.

— Этого не говорите, вкуса-то, можетъ быть найдется и побольше, да женихи наши предпочитаютъ невѣсту съ приданнымъ.

— Да на кой чортъ приданое, если сама такая дуся.

— Однако съ нынѣшняго дня мы съ вашей дусей начинаемъ хлопотать о приданомъ. Я думаю поторопиться свадьбой, чтобы въ самомъ дѣлѣ ваша милость съ ума не сошла.

— Ахъ, благодѣтель! вотъ что называется отецъ родной! Но знаете ли что? вы откровенно говорили о своемъ положеніи: за чѣмъ вамъ хлопотать о приданомъ? я хочу только одну ее и хочу одѣть ее какъ куколку. Сколько нужно?

— Право незнаю, что и сказать вамъ на это. Вѣдь она мое дитя. А какъ послѣ вы начнете попрекать, что взяли нищую!

— Стыдитесь.

— Ну, коли ужъ такъ, то сдѣлайтесь съ нею сами: она у меня хозяйка, ей же надо все искупить для себя, такъ вы тамъ уже какъ знаете. А я за это поѣду похлопатать нельзя ли недѣлей ускорить свадьбу.

Коммиссіонеръ бросился на шею будущему тестю. Въ это время горничная доложила, что барышня ожидаетъ въ гостиной. Схвативъ футляры съ подарками, герой нашъ полетѣлъ въ гостиную и какъ вкопанный остановился на порогѣ. Свѣжа и прекрасна, словно майское утро, невѣста его въ бѣломъ пеньюарѣ, подпоясанномъ голубой лентой, стояла облокотясь о подзеркальный столикъ. Положивъ свою ношу, женихъ схватилъ протянутую руку, цѣловалъ ее съ ожесточеніемъ и добрался было до локтя, но его остановили.

— Ангельчикъ вы мой! не хотѣли вчера принять колець, не нобрезгайте же сегодня подаркомъ.

— Мерси. Пустите же руку, я посмотрю что здѣсь такое.

Дѣвушка быстро раскрывала футляръ за футляромъ, и у нее разгорѣлись глазки.

— Искренне благодарю васъ, сказала она, у васъ какъ я вижу, много вкуса.

— Такъ вамъ нравится?

— Очень.

И неожиданно невѣста, обвивъ лилейной рукой шею будущаго супруга, поцѣловала его въ лобъ. Онъ свѣта невзвидѣлъ.

— Перестаньте же! Пока еще вы не мой мужъ, то должны меня слушаться.

— Слушаю, ангельчикъ, а послѣ?

— А послѣ? Посмотримъ.

— Мнѣ нужно бы поговорить съ вами.

— Теперъ нельзя, но за то, что вы такой любезный и услужливый, черезъ полчаса я одѣнусь и позволяю вамъ пить со мною кофе. Теперъ идите къ папа въ кабинетъ.

Невѣста протянула руку, но послѣ перваго же поцѣлуя отдернула ее и убѣжала изъ гостиной. Женихъ былъ въ седьмомъ небѣ. Войдя въ кабинетъ, онъ снова бросился обнимать будущаго тестя.

Роскошное приданое было мигомъ приготовлено. Счастливыи женихъ постоянно сидѣлъ въ квартирѣ невѣсты, которая однакоже такъ быстро поняла свою роль, что постепенно позволяла какую-нибудь новую ласку, но пока слѣдовало позволеніе, молодой человѣкъ прибѣгалъ къ пламеннымъ мольбамъ и предлагалъ какое-нибудь пожертвованіе. Она однако же сама никогда не цѣловала жениха и, въ огражденіе себя отъ страшныхъ порывовъ комиссіонера, приглашала къ себѣ одну подругу подъ видомъ сотрудницы по необходимымъ работамъ. Отецъ между прочимъ не дремалъ съ своей стороны, хотя къ удивленію и встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильное сопротивленіе отъ будущаго зятя. Но плутоватый спекулянтъ зналъ приманку и рѣшился покончить однимъ ударомъ. Въ одно прекрасное утро, приказавъ отказывать всѣмъ,

кромѣ женхѣ, и переговоривъ съ дочерью, онъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ комиссіонера. Этотъ не заставилъ долго дожидаться. Послѣ дружескихъ привѣтствій, старикъ усадивъ гостя, сказалъ ему.

— Удалось наконецъ выхлопотать три дня: семнадцатаго можете жениться.

— Семнадцатаго? а сегодня восьмое. Боже мой, девять дней!

— Да вѣдь за то послѣ....

— Все это хорошо.

— Однако послушайте. Мы теперь люди близкіе, и я долженъ говорить съ вами откровенно. Слухи, которымъ вы не вѣрили, подтверждаются: будьте осторожны— за вами могутъ слѣдить.

— Какъ? спросилъ, не много поблѣднѣвъ, комиссіонеръ.

— Да такъ.

Старикъ пошепталъ на ухо молодому человѣку.

— Неужели?

— Дѣйствительно. Имѣнія купить вамъ нельзя, денегъ же отдать въ ломбардъ не приходится, глупо, значитъ самому лѣзть въ петлю.

— Такъ что же дѣлать?

— Что знаете. Я, повторяю, не интересантъ, но согласитесь, что горько мнѣ будетъ видѣть, если Боже сохрани, мужъ моей дочери, котораго она такъ любитъ, подвергнется несчастью.

— Можно извернуться.

— Плохи уже извороты: весь Петербургъ то-же трубитъ во-всеуслышаніе. Разумѣется дѣло началось отъ людей, которымъ неудалось поживиться, хоть ихъ и называютъ патриотами, но вопросъ тѣмъ не менѣ возбужденъ. Послушайте, всѣмъ извѣстно, что я ворочаю сотнями тысячъ, хотя никому кромѣ Бога и васъ неизвѣстно, что меня поддѣли добрые люди. Я могу обдѣлать дѣло.

— Какъ же это? Я, конечно, готовъ для нее на все, но вѣдь я нажилъ, я трудился....

— Да она то будетъ чья? Если положимъ, я куплю имѣніе на свое имя, да и отдамъ за нею въ приданое.

— Знаете ли, какъ то мнѣ не хотѣлось бы этого....

Старикъ незамѣтно дернулъ сонетку. Черезъ нѣсколько минутъ появилась горничная и обратясь къ жениху, доложила что барышня въ своемъ кабинетѣ ожидаетъ съ кофеемъ. Молодой человѣкъ полетѣлъ къ невѣстѣ и пріятно изумился, заставъ послѣднюю совершенно одну. Коммиссіонеръ уже привыкъ ей повиноваться и дѣлался робокъ въ ея присутствіи. Протянувъ ему руку и отдернувъ ее быстро, дѣвушка однакожь усадила пылаго жениха возлѣ себя, такъ-что прикосновеніе было неизбѣжно. Онъ тотчасъ же ободрился и просилъ позволить поцѣловать шейку.

— Напьемся прежде кофе. Позвольте, cher ami, я вамъ положу хорошенькихъ пѣнокъ, позавтракаемъ и послѣ не много побесѣдуемъ.

— Дуся ты моя.

Невѣста какъ будто незамѣчала, что когда наливала кофе, женихъ, слегка наклонившись, цѣловалъ ее талию, и подвигая чашку, проговорила только :

— Пейте же, шалунъ, не то уйду.

— Не буду, душеночекъ.

Кофе продолжался недолго. Отодвинувъ поднось, невѣста обратилась къ жениху.

— Общаете мнѣ быть умницей? спросила она съ улыбкою.

— Общаю.

— Я вижу вы немного сердитесь, что я приглашала пріятельницу, но, другъ мой, иначе нельзя: на это есть много причинъ. Неужели же вы думаете, что я не люблю васъ, что мнѣ не хочется иногда приласкать васъ? Видиде, вотъ я улучила свободную минуту.

Съ этимъ словомъ, обнявъ счастливица, она поцѣловала его въ губы. Этого было довольно. Коммиссіонеръ вскочилъ, какъ опаренный. Онъ сжалъ дѣвушку въ объятіяхъ; онъ не смотрѣлъ, что она уклоняется отъ поцѣлуевъ, ему не было никакого дѣла до этого, онъ вертѣлъ ее на рукахъ, какъ ребенка и цѣловалъ, гдѣ только представлялась возможность. Кружевная косынка была вся въ лохмотьяхъ и шея дѣвушки

покрасѣла. Нѣсколько времени невѣста какъ бы лишена была своей силы, но потомъ начала просить:

— Перестаньте, перестаньте же! Что скажутъ!...

— Дуся, ангелъ мой! шепталъ герой нашъ.

Но въ это время, желая посадить дѣвушку къ себѣ на колѣни, онъ опрокинулъ столикъ. Фарфоровый сервизъ полетѣлъ со звономъ, остатки кофе пролились на бѣлое платье дѣвушки и брызнули жениху на жилетъ и рубашку. Последнй опомнился и пустилъ невѣсту.

— Что я надѣлалъ....

— Къ чему такія манеры? Но ничего, я все какъ-нибудь улажу, я не сержусь....

— Маточка моя, дуся!

— Уходите же. Мы скажемъ, что опрокинули столъ нечаянно.

— Ангельчикъ! я такъ счастливъ, что ты меня приласкала.... А когда же еще?

— Каждый день утромъ, только общайте вести себя воздержнѣе.

— Общаю.

— Подите же ко мнѣ. Видите какъ я васъ люблю.

Невѣста поцѣловала коммиссионера, но тотчасъ же поспѣшила уйти оправиться въ свою комнату.

Словно школьникъ послѣ какой-нибудь шалости, герой нашего очерка вошелъ въ кабинетъ къ старику.

— Что это, любезнѣйшій? гдѣ это такъ отдѣлалъ жилетъ и рубашку?

— Это я нечаянно опрокинулъ столъ съ кофеемъ.

— Шалунъ, шалунъ! бить бы тебя, да не кому.

— Ахъ, папенька, я рѣшительно счастливъ: она меня крѣпко любить.

— Я это и самъ вижу, да еще любить такъ, что готова пожертвовать для васъ отцемъ....

— Дуракъ я, скажу вамъ откровенно. Теперь не моей головѣ разсуждать о дѣлахъ. Вотъ вамъ слово — какъ только повѣнчаюсь, отдаю вамъ всѣ деньги, а себѣ оставлю тысячекъ сотню, вы же дѣлайте что знаете.

— Вотъ это умно. Ужь повѣрьте я не воспользуюсь для себя. А у меня въ виду есть имѣніице этакъ тысячи двѣ душъ. Надо бы ковать желѣзо пока горячо....

— Такъ что-жь?

— Садись-ко да закури сигару. Вотъ что: нужно бы тысячъ пятьдесятъ хоть сегодня. Человѣкъ вѣрный, а ему деньги до зарѣзу. Не буду скрывать, имѣніе немного разстроено, да за то дешево. Видишь ли, если я ему дамъ задатку пятьдесятъ тысячъ, то могу взять росписку такимъ заднимъ числомъ, какого ты былъ еще въ своемъ Херсонѣ или Симферополѣ.

— А, понимаю.

— То-то-же. Я уже тебѣ говорилъ, что многіе привыкли видѣть у меня большія деньги, а всѣ знаютъ, что я ихъ самъ не дѣлаю и ни у кого не краду. Потомъ, когда купимъ имѣніе, я отдамъ его дочери, а вы ужъ сойдетесь, потому-что, мужъ и жена одна сатана.

— Такъ я вамъ, папенька, привезу къ обѣду денегъ.

— И прекрасно сдѣлаете. Да что это вы тамъ съ невѣстой подрались что-ли?

— Помилуйте! это я нечаянно опрокинулъ столикъ, ей Богу, такъ неловко поверотился.

— Ну, душа моя, мнѣ некогда, надо ѣхать обдѣлывать дѣлишки.

— До свиданія. И я поѣду примѣривать новый фракъ.

Прошло два года. Подъ вечеръ къ одной станціи на большомъ проѣзжемъ трактѣ подъѣзжали съ противоположныхъ сторонъ — хорошій тарантасъ и скромная перекладная, какъ называютъ на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, парка. Изъ тарантаса выѣзъ знакомый намъ косолапый, въ пальто военнаго покроя съ орденской ленточкой въ петлицѣ, а съ перекладной соскочилъ въ поляналомъ бурнусѣ герой нашего очерка.

— Ба, ба, ба, ваше высокоблагородіе, сказалъ косолапый: какими судьбами! Вотъ гдѣ привелось встрѣтиться.

— А, косолапушка, очень радъ.

— Но что это значить — въ перекладной! Женился на богачкѣ, у самого денегъ куры не клюютъ, а ѣдешь въ такомъ жалкомъ бурнусишкѣ.

— Пойдемъ лучше въ комнату, тамъ удобнѣе.

Пріятели вошли.

— Косолапушка, угости винцомъ, я знаю ты человѣкъ запасный.

— Изволь почтенный. Да ты что-то спустилъ носъ на квинту. Аль пробубенился? Но, чортъ возьми, такое было состояніе. Говори что-ль, профершился.

— Хуже.

— Ой-ли?

— Ей Богу.

Косолапый свистнулъ. На этотъ зовъ явился денщикъ.

— Подай намъ бутылку хересу и два стакана.

— Нѣтъ, братъ косолапушка, ты умнѣ меня, какъ я вижу.

— А ты только теперь это замѣтилъ. Однако, сдѣлай милость, расскажи, какъ же это ты прогорѣлъ?

— Хочу вина!

— Эй ракалія! что ты тамъ копаешься въ тарантасѣ?

Вино подано, налито въ стаканы. Герой нашего очерка залпомъ опорожнилъ стаканъ.

— Еще!

— Нѣтъ баста! рассказывай прежде, а то вѣдь я знаю — ты какъ напьешься, такъ дѣлаешься свинья свиньею.

— Полстаканчика!

— Ни четверть. Вотъ сигара.

— Да что рассказывать! Чортъ меня поддѣлъ поѣхать въ Петербургъ. Ты знаешь какъ я люблю женщинъ, а тамъ просто на это масляница. Я и пустился кутить. Хорошо, если-бы только кутилъ, провалилъ бы тысячь сотнягу, да все таки одумался-бы...

— А признайся сколько было?

— Какъ другу по совѣсти говорю, было восемьсотъ пятнадцать тысячь чистыми; да вещей большѣ чѣмъ на пятьдесятъ — серебро, брилліанты.

— Ну, братъ, скотина ты послѣ этого.

— Просто подлець! сѣчь бы меня. Богъ послалъ фор-

туну, да какъ говорится, глупому сыну не въ помощь богатство. Вина!

— Прежде рассказывай!.. Послѣ отдамъ всю бутылку.

— Ну, кучу я, кучу, и началъ встрѣчаться съ однимъ обязательнымъ старичкомъ — такой умный и услужливый. Началъ я, знаешь, за цыганками, а тамъ была такая канашка — у! я иногда бывало въ публикѣ и швырну ей порядочный кушъ. Вотъ старикъ отзывается меня разъ и говорятъ: остерегитесь, молодой человекъ, вѣдь вы иногда носите мундирный скюртукъ, — могутъ имѣть подозрѣніе. Это правда, я сдѣлался гораздо осторожнѣе. Старикъ мнѣ сразу понравился. Началъ звать къ себѣ. Я и поѣхалъ. Какъ поѣхалъ, тамъ и пропалъ. Дочка у него! иѣтъ косолапушка, ты не поймешь, что это было за божество! Короче сказать, я втюрился какъ сорокъ котовъ, и тотчасъ жениться, потому-что, какъ я думалъ, иначе овладѣть ею было невозможно. Дѣло сладилось скоро. Съ чѣмъ же тестюшка подѣхалъ? Вы, говорятъ, точно человекъ отличный и Богъ вамъ помогъ приобрѣсть капиталъ, да на это, говорятъ, нынче смотрятъ не по прежнему. Короче — напугалъ меня и уговорилъ отдать ему деньги, чтобы купить имѣніе на имя моей жены. Я, знаешь, былъ шибко влюбленъ, да и врядъ-ли кто устоялъ бы на моемъ мѣстѣ, и отдалъ почти весь капиталъ.

— Какъ, до вѣнца?

— Нѣтъ послѣ, а то пожалуй не видѣлъ бы ни денегъ ни жены. Ну первое время хорошо. Ахъ, это первое время! Боже мой! Если я теперь наказанъ, такъ ужъ пожилъ же я, братъ, медовый мѣсяцъ. Подлинно медовый. Ухъ! вспомнить, такъ одурь возьметъ.

— Нюня ты этакая!

— Слушай же, слушай. Тестюшка, точно, купилъ большое имѣніе, три тысячи душъ, да на свое имя и законнымъ актомъ передалъ дочери только третью часть. Спорить — баста! Я началъ жаловаться женѣ, она прикинулась такою смиренною: я, говоритъ, ничего не знаю. Какъ началась, знаешь, извѣстная исторія, за меня было взялись, но съ помощью тестя, надо правду сказать, я вышелъ невредимъ. Началъ я говорить женѣ, чтобы совершила актъ, записала мнѣ дерев-

ню, такъ она, братъ, мнѣ такъ отпѣла, что я не зналъ на какую ступить. Надобно тебѣ сказать, что послѣ свадьбы я сорилъ деньгами, что же оставалось всадилъ въ имѣніе и сдѣлался яко благъ, яко нагъ, или какъ тамъ это говорится. Ну, скверно, да я сталъ привыкать. Что же однако вышло? Женинъ шаферъ, тамъ этакой сухопарый франтикъ, кузень, какъ называетъ она, пріѣзжаетъ къ намъ разъ въ деревню. Сначала я ничего не подозрѣвалъ, а послѣ вижу—моя дражайшая съ нимъ иногда шепчется. Я началъ къ ней приста- вать. Сперва она смѣялась и шутила, а послѣ вдругъ не стала пускать меня въ спальню. Посуди самъ — каково же было мое положеніе! Да что толковать! Однажды, послѣ обѣда, въ саду, вижу гуляютъ вдвоемъ. Я обѣжалъ во-кругъ бесѣдки, и смотрю сквозь кустарники. Они осмотрѣлись, ви- дятъ что никого нѣтъ, подошли къ большой липѣ. Онъ такъ сразу хватъ жену за талію, а она и повисла у него на шеѣ. Разумѣется я туда, а у меня былъ хлыстъ въ рукахъ. От- ваялъ обоихъ. Франтъ ушелъ, а я еще разъ пять опоясалъ измѣнницу. Что-жъ ты думаешь, только кричала и ругалась. Я прогналъ ее, велѣлъ отвезти вещи любезника на ближай- шую станцію, а самъ поѣхалъ въ поле верхомъ. Хотѣлъ было запереть ее на хлѣбъ на воду. Что же вышло? Воз- вратившись съ поля и, выпивъ графинъ воды, я хотѣлъ было учинить судъ и расправу, какъ вошла ея горничная съ за- пиской.

— Что же тебѣ писали?

— А вотъ что: «Извольте, говорить, тотчасъ же оста- вить мой домъ и мою деревню, а если завтра утромъ не уѣдете, то я велю васъ отвезть и выбросить на большую дорогу.» Каково? Я хотѣлъ было горничную въ морду, такъ куда тебѣ. Увернулась, да и говорить: «неизвольте драться, меня барыня послала.» Я крикнулъ людей, никто не является. А эта шельма горничная говорить: «Барыня отдала приказаніе васъ не слушаться.» Я въ спальню. Мой же камердинеръ, шельмецъ этакой, стоитъ у двери и говоритъ: «Нельзя-съ, барыня не приказали.» Какъ, подлецъ, мнѣ нельзя? «Вамъ нельзя.» Посторонись, говорю, не то разшибу! и замахнулся, чтобы его по рылу. Онъ въ сторону и отвѣчаетъ: «хоть

убейте—не пущу.» Я поблѣднѣлъ со злости. Вдругъ слышу женушка командуеъ: «Позовите кучеровъ, пусть свяжутъ этого буяна и запрутъ куда-нибудь. Онъ мнѣ не даетъ покою.» На кучеровъ плоха надежда: я, знаешь, лупилъ ихъ порядкомъ,—и принужденъ былъ ретироваться. Въ передней сидѣлъ одинъ только мальчишка, и дрожалъ какъ листъ. — Ужинать! говорю. Чертенюкъ убѣждалъ, но ужинать подала мнѣ ключница. Признаться ли, я не спалъ всю ночь и полагалъ, что на утро моя дражайшая одумается. Куда тебѣ! Опять записка съ ключницей. Я снова къ спальнѣ, а у двери два здоровенныхъ кучера и каналы ухмыляются. Пробовалъ было я переговорить съ женою, а она мнѣ: «Вамъ лошади готовы, оставьте меня. Нѣтъ, говорить, вамъ прощенія ни въ сей, ни въ будущей жизни!» Такъ, братъ, я оставилъ свою собственную деревню. Деньжонокъ у меня не было, да и вещей цѣнныхъ мало; — всѣ брилліанты у жены. Бестія, однакоже, передъ моимъ отъѣздомъ, прислала пятьсотъ цѣлковыхъ и велѣла сказать, чтобы далъ ей свой адрессъ, такъ она будетъ высылать ежегодно столько же, но запретила и близко подъѣзжать къ деревнѣ. Я плюнулъ, и уѣхалъ. Бросился было къ предводителю. Тотъ спасибо, ѣздилъ къ женѣ, но успѣха никакого. Въ уѣздномъ городѣ, знаешь, съ горя я кутнулъ. Мнѣ, моя дражайшая половина, переслала все мое бѣлье и платье, да еще триста цѣлковыхъ. Однако, я таки обработалъ дѣло, и кучеру при мнѣ въ полиціи задали добрую баню. Въ городѣ стоитъ батальонъ,— все знакомые, и я игралъ неудачно, однако кое-что осталось. Вотъ теперь отправляюсь въ Петербургъ, можетъ быть получу мѣсто.

— А тесть?

— Говорятъ составляетъ какую-то компанію на акціяхъ. Одна надежда выпросить у подлеца тысячь пять, да и хлопотать о службѣ.

— Дѣти же есть?

— Не было.

— Нюня ты, нюня! такъ глупо распорядиться съ состояніемъ! А я, по твоимъ дѣйствіямъ въ военное время, считалъ тебя достойнымъ человѣкомъ, и уже чувствовалъ ува-

женіе. Ты и способенъ, чортъ тебя не взялъ, но сердечкинъ, братъ, сердечкинъ — вотъ что погубило.

— Ну, а ты косолапушка?

— Я? Госпиталь упраздненъ, вещи сданы, отчетъ прошелъ благополучно.

— И кусокъ хлѣба разумѣется.

— Еще бы!

— Примѣрно, какъ?

— Съ меня будетъ.

— Однакожь?

— Мы, братъ, люди маленькіе, пользовались крупницами, сколотили не больше тысячекъ полусотни.

— Чтожь, и это деньги.

— Потомъ пустилъ я капиталъ въ оборотъ, получаю процентовъ пятнадцать.

— А самъ же какъ?

— Ъздилъ искать мѣста.

— И получилъ?

— Получилъ.

— Счастливецъ! А знаешь ли, косолапушка, не напиться ли намъ чайку, да не срѣзаться ли?

— Чайку пожалуй, но играть не стану. Приятно ли мнѣ обобратъ у тебя послѣднее? Да и тебѣ не ловко: помнишь какъ бывало гнешь пароли отъ тысячи, а теперь, думаю, и капиталу столько нѣтъ, ха-ха-ха!

— Все-таки рублей двѣсти могу проиграть.

— Стану я марать руки изъ этакой дряни! Гораздо, братъ, лучше, велѣть запрягать.

— Такъ не играешь?

— Нѣтъ.

— Давай же, я допью хересь.

— Вотъ тебѣ вся бутылка въ полное распоряженіе.

Герой нашего очерка подбѣжалъ къ окошку.

— Ахъ, какая душка! Посмотри! Видѣлъ прошла въ розовомъ платочкѣ. Нѣтъ, я пью чай! Эй, самоваръ!

— Свинтусъ ты, какъ я вижу, — не будетъ изъ тебя проку.

Бывшій богатъ не слушалъ однакоже своего товарища,— онъ уже былъ за дверью. Скоро косолапый уѣхалъ, усѣвшись важно въ своемъ тарантасѣ. Герой нашъ остался пить чай. Молодая дѣвушка внесла ему чайный приборъ и самоваръ, и онъ уже пришелъ въ свое нормальное волненіе. Но у крыльца раздался звонъ колокольчика и въ комнату для проѣзжающихъ ввалился тучный купецъ, помолился на образъ и проговорилъ:

— Чай да сахаръ вашей мпlosti.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

Дубоссары, 18 іюля 1859 г.

Кукла.

ДѢТСКАЯ БОЛТОВНЯ.

(Изъ Сырокомли.)

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной,
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай, о чемъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной.

Мнѣ къ празднику платье сошьютъ — заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.

А наши крестьяне.... вотъ будутъ дивиться,
И слыша молитву, качать головой....
А мнѣ не прилично по-польски молиться,
Какъ будто мужичкѣ простой.

Но тихо — по-польски — просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и расти поскорѣй,
Чтобъ далъ Онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ, и желтыхъ грошей.

Ужъ какъ же папаша мой любить монеты:
И служить молебны, и въ церковь дарить.

Господь — говоритъ онъ — заплатитъ за это,
И больше въ сто разъ возвратитъ.

Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога,
И Богъ ему больше и больше даетъ....
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что мы потеряемъ и счетъ!

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангель изъ рая,
И деньги отдастъ эти намъ?!

Нѣтъ! явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.

Ты знаешь ли, кто мы? Мы — паны, я — панна,
А это — холопы, рабочій народъ;
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ, для господъ.

Фи! какъ они грубы, нечисты и пьяны,
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ сапогъ....
Да кто жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана:
За то и караетъ ихъ Богъ.

Папá любитъ лошадей, мамаша — собачку,
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьетъ.
Хоть жаль, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.

Вчера вотъ.... папá отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же.... ну, право, ихъ мало бранятъ!...
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетъ....
«Бсть нечего, баринъ!» кричатъ.

За то были выгнаны вонъ и прибиты....
Ну, право, когда я начну управлять, —
Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До-тѣхъ-поръ не лягу я спать!

Уснешь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ!...
Пожалуй, какой-нибудь нищій приснится,
И въ сумкѣ съ собой унесетъ!

А пуще боюсь: не узналъ бы на небѣ
Господь.... а Онъ добръ, говорятъ, къ бѣднякамъ....
Помолимся жъ, кукла, о деньгахъ и хлѣбѣ,
Чтобъ далъ ихъ крестьянамъ и намъ!

А. С.

МЭНТЕНОНЪ,

ЕЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДО
ОСНОВАНІЯ СЕНЬ-СИРА.

Въ 1853 — 1858 годахъ издано было въ Парижѣ нѣ-
сколько сочиненій, весьма важныхъ для характеристики исто-
рическаго и педагогическаго значенія послѣдней супруги Лю-
довика XIV, знаменитой Мэntenонъ. Сюда относятся:
1) *Histoire de la maison royale de Saint-Cyr*, par Théophile
Lavallée и 2) сочиненія самой Мэntenонъ подъ разными за-
главіями: *Lettres sur l'éducation des filles*, *Entretiens sur
l'éducation des filles*, *Conseils aux jeunes filles*, *Lettres édi-
fiantes*. Всѣ оны изданы также Лаваллэ: первое сочиненіе со-
ставляетъ только первую часть всего сочиненія, подъ загла-
віемъ: «*Histoire de la maison royale et de l'école militaire de
Saint-Cyr*». Изображая, на основаніи несомнѣнно-достовер-
ныхъ и большею частью неизданныхъ источниковъ, первый,
правильно и въ обширныхъ размѣрахъ устроенный, инсти-
тутъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ во Франціи, ин-
ститутъ, которому была посвящена большая и лучшая доля
частной дѣятельности Мэntenонъ, оно важно и въ обще-ис-
торическомъ отношеніи. «Исторія Сень-Сира, — говоритъ Ла-
валлэ, — до сихъ поръ извѣстна была только по не многимъ
словамъ, по не многимъ чертамъ историковъ Людовика XIV.
Почти всю эту исторію я долженъ былъ отыскивать въ не-
изданныхъ рукописяхъ и имѣлъ счастье открыть драгоцен-

ныя свѣдѣнія ¹⁾». Эти рукописи заключаютъ въ себѣ: 1) разные оригинальныя статьи, оффиціальныя акты, относящіяся къ основанію Сень-Сира, приказы Людовика XIV, уставы и т. д. и 2) письма, совѣты, наставленія и разговоры Мэнтенонъ, мемуары, составленныя дамами Сень-Сира. Всѣ эти рукописи составляли особую библіотеку дамъ, которыя давали ихъ читать болѣе взрослымъ и отличавшимся болѣе нравственностію дѣвицамъ; отъ постороннихъ людей они были тщательно скрываются. Въ прошломъ столѣтіи Лабомель неизвѣстно какъ приобрѣлъ копии съ большей части этихъ рукописей и, съ помощью ихъ, издалъ: *Lettre de madame de Maintenon* (9 vol. 1757) и *Mémoires de madame de Maintenon* (12 vol. 1756). Позволяя себѣ всевозможныя измѣненія и даже искаженія смысла подлинника, онъ заботился болѣе объ удовлетвореніи празднаго любопытства читателей, чѣмъ объ истинѣ, какъ положительно доказалъ Лавалле, сличивъ текстъ подлинника съ текстомъ, напечатаннымъ въ его изданіи. Хотя еще прежде ученые сильно подозрѣвали изданіе Лабомеля въ искаженіяхъ, тѣмъ не менѣе историки продолжали, на основаніи его, составлять свои сужденія о характерѣ и историческомъ значеніи Мэнтенонъ. Теперь, благодаря отчетливому, точному и прекрасному изданію Лавалле, изслѣдователь съ полною увѣренностію въ истинѣ можетъ пользоваться сочиненіями Мэнтенонъ.

На значеніе послѣднихъ сочиненій ясно указываетъ ихъ заглавіе. При современномъ направленіи историческихъ изслѣдованій, отодвинувшихъ далѣе чѣмъ на второй планъ высшія явленія жизни, при стремленіи проникнуть въ первыя основанія событій, внести въ обработку исторіи психологическій анализъ, какъ относительно характеристики отдѣльныхъ историческихъ лицъ, такъ и относительно характеристики быта цѣлаго народа, — излишне объяснять важность для историка изданія сочиненій Мэнтенонъ, проливающихъ такъ много свѣта на характеръ и частную дѣятельность женщины, имѣвшей несомнѣнное вліяніе на Людовика XIV въ послѣднюю половину его царствованія. Самые подробные

---

1) Предисловіе, стр. II.

и остроумные мемуары, изображающіе придворную жизнь блистательной эпохи французской исторіи, именно потому, что обстановка этой жизни была слишкомъ блистательна, не раскроютъ предъ нами души Мэntenонъ на столько, на сколько раскрываютъ эту душу мемуары классныхъ дамъ Сень-Сира, собственноручно ею исправленные, и собственные ея письма. Можно ли подмѣтить свободное движеніе мысли, чувства и воли тамъ, гдѣ каждое движеніе должно было подчиняться однажды и строго установленному этикету, гдѣ искусственность доведена была до утонченности, гдѣ условныя приличія управляли всѣмъ и опредѣляли все? Въ нашемъ воображеніи, среди многочисленной и блестящей толпы придворныхъ, рисуется Людовикъ XIV, во всемъ блескѣ самодержавія, государь въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ звукѣ, предметъ общаго и непрерывнаго наблюденія, всегда спокойный, взвѣшивающій каждое свое слово и всѣмъ своимъ существомъ въ каждое мгновеніе напоминающій неизмѣримое разстояніе между собою и окружающею толпою. Предъ вами многочисленная и блестящая толпа, какъ будто отказавшаяся отъ каждаго свободнаго движенія, личнаго существованія, безотчетно вращающаяся въ очерченномъ приличіями кругѣ, средоточіемъ котораго — король; ея назначеніе — выставять рельефнѣе особу короля, а потому она вся — вниманіе, всѣ чувства сосредоточены на немъ со всею силою привычки, интереса и долга. Послушаемъ, какъ сама Мэntenонъ изображаетъ эту среду, въ которую забросилъ ее слѣпой случай. «Боже мой, сколько странностей я вижу въ обществѣ, среди котораго принуждена обращаться! — говорила она въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Сень-Сирѣ (1711). Миѣ кажется, что мое положеніе похоже на положеніе тѣхъ, которые стоятъ позади зрѣлища и видятъ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, между тѣмъ какъ стоящіе впереди видятъ себя отъ удивленія. Первые видятъ, что все, что представляется послѣднимъ очарованными чертогами, нечто иное какъ наложенное полотно, что эти удивительныя машины, это прекрасное освѣщеніе — одни веревки и дрянныя кулсы, обмазанныя воскомъ и саломъ. Точно такъ я вижу здѣсь людей во всемъ ихъ безобразіи,

между тѣмъ тысячи, довольствующіяся поверхностнымъ созерпаніемъ, ослѣплены блескомъ; я вижу всевозможныя страсти, измѣны, низости, безграничное честолюбіе; съ одной стороны страшную зависть, съ другой людей, которые, съ бѣшенствомъ въ сердцахъ, сияются истребить другъ-друга, наконецъ множество самыхъ злонамѣренныхъ поступковъ — и все это часто за бездѣлицы. Не довольно ли было бы для меня этого, чтобы бѣжать отсюда на край свѣта и возвратиться въ Америку, если бы мнѣ не твердили безпрестанно, что Богу угодно, чтобы я оставалась здѣсь ¹⁾»

Сила привычки можетъ сломить и до того покорить себѣ не испытавшую иной доли посредственность, что она и не почувствуетъ наложенныхъ на нее тяжкихъ оковъ. Мэнтонъ, и по своимъ дарованіямъ, и по своей прежней жизни, не принадлежитъ къ этому разряду лицъ: природа надѣлила ее такою силою воли, такимъ здоровымъ и крѣпкимъ смысломъ, а прежняя жизнь, хотя полная лишений и безпокойствъ, такъ часто напоминала ей наслажденія простора души, личной свободы и непринужденности, что блестящая, но пустая и искусственная придворная жизнь не могла не тяготить ее, и она не могла не искать исхода изъ этой жизни для удовлетворенія своимъ человѣческимъ наклонностямъ, своимъ врожденнымъ стремленіямъ; для успокоенія себя, хотя кратковременнаго, не могла не искать мѣста, гдѣ бы она могла быть самой-собою. Этимъ мѣстомъ для нея былъ Сенъ-Сиръ. «Повѣрьте мнѣ, дочь моя, — писала она одной дамѣ (1659), — *Z* одно изъ счастливѣйшихъ существъ въ мірѣ и въ то-же время увѣряю васъ, что нахожу счастье только въ надеждѣ жить въ Богѣ ²⁾. У меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени, — писала она другой (1694) — и это чудо, что мое письмо не было прервано. Фагонъ (придворный докторъ) жалуется, что я много пишу. Я была до того изнурена, что ожидала смерти. Всѣ говорятъ, что меня убиваютъ, не давая мнѣ покоя, а между тѣмъ каждый желаетъ, чтобы для него сдѣ-

1) *Lettres édifiantes*, II, 365.

2) *Ibid.* I, 75.

лапо было исключеніе ¹⁾.) Я увѣрена, что еслибы вы поближе посмотрѣли на мою жизнь, вы пожелали бы скорѣе, чтобы я вздохнула свободнѣе вмѣсто того, чтобы писать вамъ ²⁾. Неужели вы не видите, — писала она одной изъ самыхъ близкихъ ея сердцу дамъ, г-жѣ Глаціонъ (1702), — что я умираю съ тоски въ положеніи, какое трудно вообразить себѣ, и что одна только помощь Божія не даетъ мнѣ пасть подъ бременемъ этой тоски? Я была молода и красива, любила удовольствія, была любима всѣми; въ болѣе зрѣломъ возрастѣ я пользовалась обществомъ умныхъ людей, вошла въ милость — и увѣряю васъ, что всѣ эти состоянія оставляютъ за собою ужасную пустоту, безпокойство, изнуреніе, стремленіе къ чему-то иному, потому-что все это нисколько не удовлетворяетъ ³⁾. Свѣтъ обманчивъ, — писала она ей же (1705), — онъ обѣщаетъ радости и даетъ одни мученія, и я знаю, что послѣднія пропорціональны положенію человѣка въ свѣтѣ ⁴⁾. Мнѣ такъ надоѣла жизнь, что я часто съ нетерпѣніемъ жду ея конца ⁵⁾. Въ продолженіе двадцати шести лѣтъ я не сказала ни слова, которое обнаружало бы хотя малѣйшее неудовольствіе. Иногда я выходила изъ терпѣнія и готова была оставить дворъ; я плакала въ уединеніи, входилъ король въ мою комнату — и онъ постоянно встрѣчалъ улыбающееся лице; моя веселость возвращалась; онъ думалъ, что я очень счастлива и очень довольна ⁶⁾.) Во всѣхъ ея письмахъ, разговорахъ и наставленіяхъ во множествѣ разсѣяны мѣста, въ которыхъ она выражаетъ свою тоску, отчаяніе, вслѣдствіе непрерывнаго принужденія, вслѣдствіе неизмѣнной необходимости постоянно казаться и никогда не быть самой-собой.

Оттого она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала времени, когда ей можно было вырваться изъ этой душливой атмосферы, оттого она съ такимъ восторгомъ всегда отправля-

1) *Lettres édifiantes*, I, 365.

2) *Ibid.* 368.

3) *Ibid.* II, 102.

4) *Ibid.* 172.

5) *Ibid.* II, 363.

6) *La Beaumelle, Mémoires de madame de Maintenon. Hambourg. 1756. T. V, pag. 193.*

лась въ свой обожаемый Сень-Сиръ, гдѣ отводила душу въ живой бесѣдѣ и занятіяхъ съ дамами и дѣтьми, гдѣ удовлетворяла своимъ враждебнымъ педагогическимъ стремленіямъ и запасалась терпѣніемъ, снокойствіемъ и новыми силами на предстоящія испытанія. «Признаюсь вамъ, — писала она въ 1696 году, — Сень-Сиръ служитъ для меня великимъ утѣшеніемъ; я всегда думала, что мало моей жизни, чтобы видѣть его въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь находится ¹⁾. У меня нѣтъ ни одной минуты, которою я могла бы распорядиться по собственному желанію, писала она въ 1704 году; Сень-Сиръ для меня рѣшительно необходимъ, но я приѣду туда съ неутолимою жаждою покоя и уединенія ²⁾. Оттого она такъ настоятельно требовала полной свободы въ обращеніи съ нею, рѣшительнаго устраненія всякаго этикета, вредящаго искренности, прямотѣ и простотѣ отношеній между лицами, связанными между собой самыми благородными, священными узами. «Прошу васъ, — писала она къ де-Бринонъ въ 1682 году, — чтобы никто не зналъ, что я приѣду къ вамъ завтра; устройте маленькое угощеніе нашимъ маленькимъ сестрамъ и постарайтесь, чтобы за обѣдомъ я видѣла ихъ въ порядкѣ. Вы знаете, что я васъ всегда просила нисколько не измѣнять для меня заведеннаго порядка. Тотчасъ по приѣздѣ, я примусь за обученіе катихизису, а вы придете, когда будете свободны, и обращайтесь со мною совершенно по домашнему ³⁾.» За то какъ и благодарна она была Сень-Сиру, какою нѣжною заботливостью окружила она его! Для него не щадила она ни трудовъ, ни времени, ни силъ. Самые лучшіе помыслы ея, самыя лучшія стороны ея души обращены были къ Сень-Сиру. «Нѣтъ ни чего въ мірѣ, на что бы я не была способна и чего бы не была готова сдѣлать для Сень-Сира», говорила она часто дамамъ. Ни одна мелочь, ни одна подробность, касавшаяся внѣшняго и внутренняго благосостоянія Сень-Сира, не ускользала отъ ея зоркаго вни-

---

1) *Lettres édifiantes*, I, 468.

2) *Ibid.* II, 138.

3) *Lettres sur l'éducation des filles*, pag. 4. Сравни. *Lettres édifiantes*, II, 359 и др.

манія. Въ своихъ письмахъ и разговорахъ она то высказываетъ опасеніе, не мало ли кормятъ дѣвицъ, не холодно ли пить, то спрашиваетъ, что стоятъ игрушки, которыя она совѣтовала дѣвицамъ и которыя хочетъ купить, то съ своимъ мѣткимъ психологическимъ анализомъ проникаетъ въ глубину души и дѣвицъ и дамъ и схватываетъ самые тонкіе оттѣнки душевныхъ движеній. «Ничто здѣсь (при дворѣ) не можетъ сравниться съ нашими отхоженіями и ничто не можетъ замѣнить мнѣ моихъ дорогихъ дѣвицъ ¹⁾. Все для меня чуждо по сравненію съ Сень-Сиромъ; самые близкіе ко мнѣ люди для меня менѣе дороги, чѣмъ послѣдняя изъ добрыхъ дѣвицъ нашего общества ²⁾. Весь Триононъ не можетъ утѣшить меня, что я не могу быть за вашимъ столомъ, и всѣ здѣшніе цвѣты не такъ для меня пріятны, какъ старыя юпки, которыя чинить моя сестра де-Радузъ ³⁾.»

Сюда, въ Сень-Сиръ, долженъ прежде всего перенестись историкъ-наблюдатель, а для этого долженъ углубиться въ смыслъ изданныхъ теперь сочиненій Мэntenонъ, если онъ захочетъ основательно и съ полною отчетливостью объяснить себѣ характеръ этой замѣчательной исторической личности и опредѣлить степень вліянія ея на историческія событія. Здѣсь онъ увидитъ въ истинномъ значеніи слова женщину великой эпохи французской исторіи, въ ея частной, домашней, такъ сказать, дѣятельности; увидитъ и достоинства ея и недостатки, изъ которыхъ одни принадлежатъ ей собственно, а большая часть другихъ — духу времени: и тѣ и другіе помогутъ ему въ выводахъ относительно ея историческаго значенія и укажутъ ему, что она, согласно съ своимъ взглядомъ на существенные интересы современной жизни, могла и должна была сдѣлать и чего не могла сдѣлать.

И не это одно займетъ историка въ его наблюденіяхъ надъ личностью Мэntenонъ, не одно объясненіе ея вліянія на ходъ событій изъ существа ея характера: наблюденія надъ этой личностью и изученіе ея тотчасъ поведутъ его къ

---

1) Entretiens sur l'éducation des filles, pag. 131.

2) Lettres édifiantes, I, 467.

3) Ibid. 487.

другимъ важнымъ выводамъ относительно характера и направленія самой современной ей жизни, интересовъ, управлявшихъ этою жизнью, духа времени. Даровитый, тѣмъ болѣе, разумѣется, гениальный человѣкъ въ наибольшей полнотѣ и съ наибольшою ясностью вмѣщаетъ въ себѣ и отражаетъ отъ себя духъ своего времени. И наоборотъ, когда писатель, или вообще общественный дѣятель, въ совершенствѣ выражаетъ гений своего вѣка, это значитъ, что онъ самъ владѣетъ этимъ гениемъ; значитъ, есть точное и вѣрное соотвѣтствіе между его личнымъ чувствомъ и смысломъ и чувствомъ и смысломъ народнымъ; значитъ, первыя заключаютъ въ себѣ какъ бы въ сокращенномъ видѣ послѣднія, а потому могутъ служить надежнымъ руководствомъ для открытія и изученія этихъ послѣднихъ; значитъ, условія и характеръ современной ему жизни помѣстились просторнѣе и вѣрнѣе въ его душѣ, по причинѣ большей ея воспримчивости и впечатлительности и по причинѣ большей правильности склада всѣхъ духовныхъ его способностей, яснѣе и вѣрнѣе сознаются имъ, по причинѣ яркости свѣта, озаряющаго тѣ-же способности, и наконецъ сильнѣе и точнѣе воспроизводятся, по причинѣ дружнаго и стройнаго напряженія всѣхъ силъ души. Отсюда объясняется и творчество гения: владѣя съ полною сознательностью всѣми выводами изъ прежней работы человѣческаго духа, онъ владѣетъ всѣми послышками для дальнѣйшихъ выводовъ, что невозможно, или, по крайней мѣрѣ, крайне затруднительно для дарованія посредственнаго, по причинѣ отрывочности, темноты и сбивчивости присущихъ въ немъ тѣхъ же послышекъ. Макіавелли, Кромвель, Фридрихъ-Великій для Маколея не только историческія лица, управлявшія ходомъ событій, но и источники, изъ которыхъ онъ смѣло черпаетъ матеріалы для изображенія современной имъ жизни. И въ этомъ отношеніи сочиненія Мэнтенона имѣютъ неоспоримую важность. И отъ поверхностнаго ихъ изученія не можетъ скрыться тотъ фактъ, что она не только приняла въ себя лучшіе образовательные элементы современнаго ей общества и въ своей собственной образовательной дѣятельности воспроизвела ихъ въ совершенствѣ, но что и самые недостатки общества, почитавшіе-

ся въ то время добродѣтелями, усвоены ею съ тою же рѣдкою полнотою и ясностью.

Я не говорю здѣсь о важности педагогическаго элемента для историческихъ соображеній вообще. И всегда, а въ особенности въ настоящее время, и внѣшнее положеніе государства, и внутреннее устройство народнаго быта опредѣляются степенью и характеромъ образованности, которая слагается изъ суммы знаній, доставляемыхъ всѣми отраслями науки. Можетъ ли историкъ обойтись безъ педагогическаго элемента, проникающаго въ цѣрвыя основанія жизни народа, въ среду семейную, самое назначеніе котораго и состоитъ въ правильной и цѣльсообразной постановкѣ этой среды, въ опредѣленіи тѣхъ путей, по которымъ должно вести дѣтей отъ необразованности къ образованности, отъ незнанія къ знанію? Отъ того, какъ установлена семейная жизнь, какъ ясно и какъ именно понимаются пути къ образованію, много зависитъ самая историческая судьба народа. Знать, какъ мыслили о воспитаніи и образованіи передовые люди эпохи, къ которымъ безспорно принадлежить и Мэнтенонъ, какіе педагогическіе идеалы старались они осуществить въ жизни и какія средства избирали для ихъ осуществленія, значитъ знать, какъ понимали они свое настоящее и какъ представляли себѣ свое будущее.

Независимо отъ общеисторическаго значенія, сочиненія Мэнтенонъ имѣютъ и важное литературное значеніе. Изданіе Лавалле прибавляетъ новое имя къ ряду именъ образцовыхъ писателей XVII вѣка. Письма и разговоры Мэнтенонъ, рядомъ съ письмами Севинье, отличаясь во многомъ отъ послѣднихъ по духу и формѣ, по всей справедливости могутъ быть названы образцовыми произведеніями въ эпистолярномъ родѣ. Теплота и какая-то непосредственность чувства, незамѣтно овладѣвающаго читателемъ, составляютъ, по нашему мнѣнію, главное ихъ достоинство. Эта черта, поражающая васъ на каждой страницѣ, выступающая въ каждой строкѣ сочиненій Мэнтенонъ, лучше всѣхъ панегириковъ и ученыхъ изслѣдованій свидѣтельствуютъ о благородствѣ и возвышенности ея характера и о чистотѣ ея побужденій; это самые краснорѣчивые адвокаты, самая краснорѣчивая

апологія Мэнтенонъ предъ потомствомъ. Такъ могла писать только женщина, и притомъ безгранично преданная своимъ благороднымъ и задушевнымъ наклонностямъ, — женщина, дѣйствовавшая по внутреннему, неотразимому призванію. Въ рѣдкомъ литературномъ произведеніи съ такою полнотою, естественностью и непосредственностью раскрывается предъ читателемъ душа писателя; рѣдкое произведеніе съ такою живостью и свѣжестью воспроизводитъ въ вашемъ воображеніи изображаемую имъ среду; здѣсь вы невольно и незамѣтно переноситесь въ среду воспитанницъ и дамъ Сень-Сира, присутствуете при ихъ бесѣдахъ, играхъ, работѣ, замѣчаете каждую улыбку, каждое движеніе, испытываете на себѣ каждое впечатлѣніе дѣвицъ и дамъ въ ихъ разговорахъ съ обожаемою начальницею; вы не видите самого изображенія, а только изображаемый предметъ такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Предъ вами идетъ съ хоръ де-Монфоръ; грусть и тоску, рѣзко отразившіяся на ея лицѣ, тотчасъ замѣтила Мэнтенонъ. «Дитя мое, — пишетъ она ей на другой день, — вы взволнованы, вы хотите посвятить себя Богу и у васъ недостаетъ мужества 1)» Какимъ зоркимъ психологическимъ взглядомъ отличалась Мэнтенонъ, видно, между прочимъ, изъ другаго ея письма къ той же дамѣ, когда послѣдняя испугалась своихъ грѣховъ. «Припомните слова Франциска де-Саль 2), что тѣхъ искушеній

1) *Lettres édifiantes*, I, 80. Женевера де-Монфоръ, протестантка, обращенная въ католичество, была двѣнадцатою дамою св. Людовика. Не смотря на произнесенный ею предварительный монашескій обѣтъ, она часто обнаруживала наклонность къ прежнему исповѣданію и отказывалась отъ выполнения самыхъ обыкновенныхъ католическихъ обрядовъ. По этому поводу Мэнтенонъ написала ей весьма много писемъ, исполненныхъ драгоценныхъ наставленій и увѣщаній. Она отличалась съ одной стороны любезностью и остроуміемъ, съ другой гордостью, насмѣшливостью и меланхолическимъ расположеніемъ духа. Произнеши торжественный монашескій обѣтъ, она оставила Сень-Сиръ.

2) Лучшее сочиненіе Франциска де-Саль (*François de Sales*), епископа женеваго, *Introduction à la vie dévôte*, бывшее любимымъ предметомъ чтенія не только Мэнтенонъ и всего Сень-Сира, но и пользовавшееся необыкновеннымъ уваженіемъ въ XVII вѣкѣ, до сихъ поръ находятъ весьма много читателей (первое изданіе было въ 1608 году; въ 1855 г. его издалъ Сильвестръ де-Саси; всѣхъ изданій было множество). Мѣстами этого сочи-

не должно бояться, которыя намъ не нравятся; вы видите, что ваши искушенія именно таковы. Мужайтесь, моя любезная дочь, Богъ васъ наказываетъ и испытываетъ, но онъ не хочетъ васъ погубить; это вы ясно видите по тому, какъ Онъ васъ испытываетъ». Предложивши трудъ, какъ лучшее средство противъ безпокойствъ, возбуждаемыхъ слишкомъ усерднымъ самоиспытаніемъ, она продолжаетъ: «я часто говорила вамъ объ этомъ и меня научилъ этому опытъ; вы найдете спокойствіе тамъ, гдѣ вы его не ищете; оно какъ сонъ, который тѣмъ дальше бѣжитъ отъ насъ, чѣмъ больше мы ищемъ его и силится найти ¹⁾». Предъ вами другая дама, болѣзненная и больная де-Ванси. Она начинаетъ роптать на судьбу, которая приковываетъ ее къ постели. «Дочь моя, — пишетъ ей Мэntenонъ, — какъ пріятно было бы Богу, если бы вы были покойны, съ кротостью покорялись Его волѣ, принимали бы лѣкарства, хотя и безъ особеннаго довѣрія къ нимъ, если бы вы были равнодушны къ пищѣ, въ увѣренности, что Онъ пошлетъ на нее свое благословеніе, внимательны къ тому, что отъ васъ требуютъ, послушны при сознаніи, что не заслуживаете, чтобы вамъ служили другіе, если бы вы такимъ образомъ постоянно упражнялись въ добродѣтеляхъ прочныхъ, хотя и не блистательныхъ ²⁾». Содержаніе разговоровъ и писемъ, проникнутыхъ горячею любовью къ дѣлу, къ нравственному достоинству и совершен-

---

ненія Мэntenонъ весьма часто подкрѣпляетъ и объясняетъ свои мысли во всѣхъ своихъ письмахъ, разговорахъ и наставленіяхъ. Это сочиненіе отличается нѣжностью и мягкостью морали, иногда слишкомъ снисходительной, живымъ и чистымъ воображеніемъ, сочувствіемъ къ природѣ и крѣпкимъ, здравымъ смысломъ. Его языкъ до сихъ поръ не утратилъ своей наивности и прелести, отличался не только ясностью и естественностью выраженія, но и богатствомъ мысли. Францискъ де-Саль — свѣтскій, любезный и снисходительный моралистъ, старающійся изобразить суровость христіанскаго благочестія въ легкой поэтической формѣ. «Сочиненіе Франциска, — говоритъ де-Саси, — весьма усладительно, особенно если его читать по немногу, напримѣръ въ корректурныхъ листахъ, каждое утро по листу или по два, потому-что нѣжность и мягкость мысли и языка, при продолжительномъ чтеніи, могутъ показаться приторными.» (Journal des Débats, 18 février 1855.)

1) Lettres édifiantes, I, 85.

2) Lettres édifiantes, I, 81.

ству будущих матерей семействъ, возвышается часто до истинной поэзіи.

Благородство мыслей и чувствъ, здравый, крѣпкій смыслъ, ясно понимающій жизнь и ея потребности, и тонкій вкусъ составляютъ также отличительныя черты сочиненій Мэнтеновъ. Эти черты тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ искусственнѣе устройство среды, въ которой она сама обращалась, и чѣмъ отличнѣе отъ ея педагогическихъ убѣжденій господствовавшая въ ея время педагогическая практика. Ихъ недостаточно объяснять прежнею ея жизнью, приобрѣтенною въ ней опытностью: только врожденныя ясность и прямота ума, вѣрно схватывающія сущность предмета, могли сообщить ей такую основательность въ пониманіи цѣли и условій жизни; и болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы прежняя жизнь ея могла положить основаніе этому пониманію, а современное ей воспитаніе, находившееся въ вѣдѣніи монастырей и иезуитовъ, еще менѣе способно было развить его.

Наконецъ изящная простота формы, въ какую облечена каждая ея мысль, не менѣе обращаетъ на себя вниманіе. Правда, ея языкъ не отличается тою привлекательною небрежностью, тою блестящею живостью, тѣмъ истинно-французскимъ увлеченіемъ, тою женственностью, какими отличается языкъ писемъ де Севинье, но за то ни одна женщина XVII вѣка не писала такимъ яснымъ, умнымъ и точнымъ языкомъ. Ея языкъ, по прекрасному выраженію Фенелона, есть языкъ мудрости, говорящій устами грацій (*langage de la sagesse qui parle par la bouche des grâces*).

Всѣ эти качества, взятые вмѣстѣ, назначаютъ весьма почетное мѣсто письмамъ и разговорамъ Мэнтеновъ въ ряду образцовыхъ произведеній французской литературы, сообщаютъ имъ достоинство истинно-художественныхъ произведеній. «Эта книга, — говоритъ С. М. Жирарденъ, — столь драгоценная для исторіи, открываетъ намъ въ то-же время и новаго великаго писателя, котораго мы знали только по нѣсколькимъ страницамъ; теперь мы можемъ читать его и удивляться ему ¹⁾» Мы старались указать только на тѣ ли-

1) Journal des Débats, 4 octobre 1856.

тературныя достоинства сочиненій Мэнтенонъ, которыя ярче другихъ и прежде всѣхъ бросаются въ глаза. Нѣсколько отрывковъ, приведенныхъ ниже съ другою цѣлью, могутъ служить подтвержденіемъ сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ.

Но не здѣсь еще центръ тяжести, такъ сказать, приведенныхъ въ началѣ статьи сочиненій. Главное, основное ихъ значеніе педагогическое.

Мэнтенонъ — педагогъ по призванію. Благодаря изданію Лавалле, исторія педагогій увеличила свой рядъ педагогическихъ знаменитостей одною, занявшею въ этомъ ряду весьма почетное мѣсто, и, конечно, сдѣлала еще важнѣйшее приобрѣтеніе, чѣмъ исторія литературы. Имѣя врожденную наклонность къ воспитанію дѣтей, она съ необыкновенною любовью предавалась этому занятію и усердіе ея не знало предѣловъ. Явившись въ Сень-Сиръ, она тотчасъ сбрасывала съ себя тяготившее ее бремя другихъ занятій, окружала себя дѣтьми, учила ихъ складамъ, объясняла Законъ Божій, сама вязала, шила, въ часы рукодѣлья разрѣшала недоумѣнія дамъ, заботливо разбирала, повидимому, маловажные случаи ежедневной воспитательной практики и, углубляясь въ ихъ педагогическій смыслъ, не рѣдко извлекала изъ нихъ важныя заключенія. Мы увидимъ ниже замѣчательныя примѣры, какъ усердно вникала она во всѣ подробности быта въ Сень-Сирѣ. Здѣсь она не находила ничего маловажнымъ, здѣсь все ей казалось способнымъ имѣть то или другое вліяніе на существенные интересы заведенія. И не только въ Сень-Сирѣ, но и при дворѣ, и не только дѣла, непосредственно касавшіяся воспитанія и обученія дѣвицъ и устройства заведенія вообще, но и всѣ наклонности, помыслы, волненія совѣсти каждой дамы занимали ее до глубины души. «Я хочу, — пишетъ она де-Монфоръ, — чтобы вы мнѣ повѣряли ваши безпокойства, наклонности, антипатіи и слабости, если вы только никому болѣе не будете ихъ сообщать; берегите все это для меня; я въ восторгѣ отъ этого и отъ всего сердца желала бы быть единственнымъ вашимъ другомъ и повѣреннымъ. Пишите мнѣ, сколько вамъ угодно, если только это доставляетъ вамъ удовольствіе, или утѣшеніе, или за-

баву. Вы никогда мнѣ не наскучите ¹⁾. Справедливо думаютъ въ Сень-Сирѣ,— пишеть она начальницѣ заведенія, де-Луберъ,— что письма, получаемыя мною изъ Сень-Сира, не надоѣдаютъ мнѣ. Нѣтъ, дѣти мои, вы не надоѣдаете мнѣ; вы можете меня раздосадовать, опечалить, вывести изъ терпѣнія, потому что я слаба, раздражительна и нетерпѣлива, но не можете ни быть мнѣ въ тягость, ни надоѣсть мнѣ. Говорятъ, что кормилицы нѣжиѣе любятъ тѣхъ дѣтей, которыя имъ стоили большихъ трудовъ: я питаю ко всѣмъ вамъ именно такое чувство ²⁾.) Всѣми признается справедливою мысль, что характеръ человѣка точнѣе всего опредѣляется наклонностями, расположеніями, средою и образомъ дѣятельности, опредѣляемыми въ свою очередь тѣми же наклонностями и расположеніями. «Скажите мнѣ, съ кѣмъ вы знакомы, укажите на вашихъ друзей, скажите, что вы читаете и я скажу вамъ, что вы за человѣкъ», говорятъ обыкновенно. Всмотритесь въ любимыя симпатіи Мэntenонъ, въ тѣ неотразимыя наклонности, для проявленія которыхъ нѣтъ препятствій, въ общество лицъ, съ которыми она обращается, не въ то общество, наводившее на нее тоску, которое ежедневно тѣснилось во дворцѣ по дѣлу и безъ дѣла и къ которому обращена была лицевая, такъ сказать, наружная сторона ея характера, но въ то общество, которымъ она сама старалась окружить себя, съ которымъ вела свои задушевные бесѣды и которому открывала свою душу; взгляните въ смыслъ книгъ, которыя она съ любовью перечитывала по нѣсколько разъ, и въ смыслъ писемъ, которыя она получала и которыя сама писала, въ смыслъ вопросовъ и недоумѣній, безпокоившихъ ея совѣсть, — и вы тотчасъ поймете, въ чемъ заключается истинный, основной смыслъ этой замѣчательной личности; для васъ будетъ ясно, куда тяготѣли ея врожденныя наклонности, вы узнаете, что не въ ходѣ историческихъ событій, не въ интригахъ придворной жизни заключается вся сила ея значенія, а въ ея педагогической дѣятельности, въ ея педагогическихъ учрежде-

1) *Lettres édifiantes*, I, 91.

2) *Ibid.* I, 246.

нiяхъ, во главѣ которыхъ стоитъ Сенъ-Сиръ, и въ ея педагогическихъ сочиненiяхъ. Вообще послѣ изданiя Лавалле взглядъ на Мэntenонъ долженъ во многомъ измѣниться: она, правда, должна потерять очень много со стороны своего обще-историческаго значенiя, того политическаго вѣса, которымъ надѣлили ее прежнiе историки и за который она такъ долго подвергалась и не заслуженнымъ нареканiямъ и столь же не заслуженной похвалѣ, но за то она приобрѣтетъ болѣе со стороны истинно-человѣческихъ достоинствъ и, конечно, приобрѣтетъ гораздо болѣе. «Ея личность въ ея письмахъ менѣе возбуждаетъ празднаго любопытства,—говоритъ Лавалле,—менѣе драматична, чѣмъ въ романическихъ разсказахъ Сенъ-Симона, но за то болѣе естественна и не менѣе занимательна ¹⁾» Эта мысль съ такою силою господствуетъ во всѣхъ ея сочиненiяхъ, что совершенно незамѣтно приобрѣтается чтенiемъ ихъ, утверждается въ сознании, не оставляя и мѣста сомнѣнiю, и высказывается во всѣхъ лучшихъ статьяхъ, написанныхъ по поводу упомянутаго изданiя.» Среди этихъ христiанскихъ наставниковъ (XVII вѣка),—говоритъ Эмиль Шаль, — Мэntenонъ должна занять почетное мѣсто. Это неутомимое вниманiе, эта заботливость безъ недовольства, это апостольское служенiе каждый день, каждый часъ, эти наставленiя, исходящiя изъ ея устъ, изъ-подъ ея пера, и поддерживаемыя собственнымъ примѣромъ, заставляютъ насъ любить ее. До сихъ поръ, говоря объ ея юности, мы открывали въ ней энергiю; слѣдя за нею при дворѣ, мы видѣли, съ какою заботливостiю она старалась, среди обольщенiй, охранить свое имя отъ всякаго нареканiя; въ Сенъ-Сирѣ она трогаетъ и привлекаетъ къ себѣ наше сердце. Вотъ ея истинная роль, ея истинное назначенiе! Согласимся, не боясь унизить ее въ глазахъ толпы, что Мэntenонъ была во всю свою жизнь воспитательницею въ высокомъ значенiи этого слова: сначала она воспитывала себя самое, потомъ свою племянницу, дѣтей короля, дѣтей своего брата, подкидышей, принцессъ и мѣщанокъ, наконецъ весь Сенъ-Сиръ. Она умѣряетъ порывы Скаррона, обращаетъ на

---

1) *Lettres édifiantes*, I, préface, p. VI.

путь истины Людовика XIV, дѣлаетъ замѣчанія своему брату,—вездѣ и всегда прорывается въ ней эта страсть учить и воздерживать. Здѣсь хранится тайна ея характера, ея достоинствъ и недостатковъ, истинный смыслъ ея вліянія, слово всей ея жизни ¹⁾.) Мы глубоко сочувствуемъ этой мысли французскаго критика, особенно первой ея половины, и наше сочувствіе основано на изученіи сочиненій Мэнтеновъ. Что же касается второй ея половины, то не можемъ не замѣтить въ ней нѣкотораго увлеченія, хотя и готовы признать это увлеченіе естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе есть такая обширная и могущественная дѣятельность, такъ далеко обхватывающая все существо человѣка во всѣхъ точкахъ соприкосновенія его съ окружающимъ міромъ, какова бы ни была среда, направление и образъ его дѣятельности, что трудно съ точностью разграничить область воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ отъ областей, съ нимъ соприкасающихся, и на оборотъ, весьма легко вліяніе воспитанія перенести и на эти послѣднія. Всѣ мы, какъ бы ни были разнообразны сферы нашихъ дѣятельностей, какъ бы далеко ни расходилось наше положеніе и пути нашего общественнаго служенія, всѣ мы болѣе или менѣе воспитываемъ другъ друга и въ то-же время болѣе или менѣе подчиняемся воспитанію другъ-друга; все, начиная отъ внѣшней природы и отъ внѣшней постановки нашей жизни, воспитываетъ насъ. Тѣмъ болѣе это должно сказать о тѣхъ избранныхъ характерахъ, къ которымъ безспорно принадлежитъ и характеръ Мэнтеновъ. Это вліяніе принимается незамѣтно, даже противъ нашей воли, но тѣмъ не менѣе оно неотразимо. Обратитесь къ отдѣльной семьѣ,—и въ ней, послѣ непродолжительнаго наблюденія, вы откроете совершающійся процессъ воспитанія между мужемъ и женою, все равно, отъ кого бы ни исходило это воспитательное вліяніе. Послѣднее не рѣдко становится замѣтнымъ только послѣ цѣлаго ряда годовъ. Здѣсь, разумѣется, не идетъ рѣчь о томъ грубомъ и насильственномъ приученіи и отученіи жены, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, еще далеко не освободился нашъ семейный бытъ.

---

1) *Révue contemp.* 1856, 15 марта, стр. 566—567.

Здѣсь говорится о томъ невидимомъ, духовномъ вліяніи, добровольно и часто безотчетно принимаемомъ, вслѣдствіе котораго, спустя нѣсколько лѣтъ жена или даже мужъ становится именно тѣмъ, что нужно было преобладающему характеру. Такая внутренняя переработка совершается тѣмъ легче и быстрее, чѣмъ сильнее дѣйствуетъ необходимый въ этомъ случаѣ посредствующій членъ — взаимная любовь, не только облегчающая отреченіе отъ собственной воли, когда оно нужно, но и незамѣтно образующая одну волю. Слова Христа о плоти имѣють глубокой смыслъ, поистинѣ великую тайну. Съ другой стороны эта переработка, какъ и вообще бытіе семьи, представляетъ ценностную пищу для психологическаго наблюденія и анализа. Переходите постепенно къ обширнѣйшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности, гражданской, государственной, общенародной — вездѣ то-же явленіе найдетъ себѣ подтвержденіе, и это подтвержденіе будетъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ точнѣе и вѣрнѣе будутъ ваши наблюденія. Честный начальникъ способенъ образовать цѣлый расадникъ честныхъ чиновниковъ, какъ военный гений — школу полководцевъ, какъ глубокой мыслитель — философскую школу. Этимъ общимъ соображеніемъ мы хотѣли только объяснить наше собственное мнѣніе, что нѣтъ достаточныхъ и основательныхъ поводовъ распространять педагогическое значеніе Мэнтенонъ до такихъ обширныхъ размѣровъ. Понимая воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сознательное и намѣренное дѣйствіе развитаго человѣка на неразвитаго съ цѣлью довести послѣдняго до возможно полнаго образованія его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, мы будемъ смотрѣть и на приведенныя въ началѣ статьи сочиненія только и именно въ этомъ смыслѣ. Придерживаясь строго послѣдняго и пользуясь указанными выше источниками, мы постараемся разсмотрѣть собственно педагогическую дѣятельность Мэнтенонъ, въ связи съ ея жизнью.

Ея жизнь, будучи разсматриваема исключительно съ педагогической точки зрѣнія, можетъ быть раздѣлена, по нашему мнѣнію, на два періода: первый, въ которой входитъ и ся собственное воспитаніе и постепенное развитіе, заключаетъ въ себѣ только частныя, болѣе или менѣе отрывочныя

ся педагогическіе опыты, ясно обнаруживавшіе уже врожденную склонность Мэntenонъ, но еще не выразившіе собою рѣшенія, посвятить лучшую часть своей жизни на служеніе дѣтскому міру. Второй періодъ начинается съ основанія Сенъ-Сира. Здѣсь прежняя частная, отрывочная педагогическая дѣятельность ея мало-по-малу начинаетъ принимать характеръ общественной, правильно установленной и непрерывной. Со времени основанія Сенъ-Сира, дѣятельность Мэntenонъ уже невозможно разсматривать отдѣльно отъ самого Сенъ-Сира, потому что исторія первой неразрывно связана съ исторіею послѣдняго, или, лучше сказать, послѣдній начинаетъ поглощать собою первую. Это обстоятельство, по важности самого учрежденія, сообщаетъ особенное значеніе педагогической дѣятельности Мэntenонъ.

Сенъ-Сиръ былъ образцовымъ воспитательнымъ заведеніемъ въ XVII вѣкѣ во Франціи, первымъ правильно устроеннымъ институтомъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ; строго опредѣленное направленіе, господствовавшее въ немъ, по началамъ, лежавшимъ въ его основаніи, имѣетъ величайшую важность не для одного историко-педагогическаго очерка, но и во многихъ отношеніяхъ поучительно и для насъ, и для нашихъ дѣтей, какъ выражающее не рѣдко истинныя и здравыя педагогическія убѣжденія, переживающія поколѣнія. Сенъ-Сиръ во всѣхъ частяхъ своего внутренняго устройства, въ продолженіе слишкомъ цѣлаго столѣтія, неизмѣнно и свято хранилъ однажды данное ему воспитательное направленіе; самыя подробности заведеннаго порядка, съ необыкновенною заботливостію сберегаемы были противъ всѣхъ нововведеній; нововведенія казались святотатствомъ, оскорбленіемъ памяти великой основательницы заведенія, благоговѣніе къ которой, не только не ослабѣвая, но еще усиливаясь отъ времени, переходило изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мэntenонъ сама иногда высказывала свое нерасположеніе къ нововведеніямъ. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ она говоритъ: «вы должны быть твердыми, и не вводить ничего новаго даже и тогда, когда послѣднее лучше 1)» Сенъ-Сиръ

1) *Lettres édifiantes*, I, 325.

имѣлъ могущественное вліяніе на воспитаніе многихъ поколѣній и на устройство многихъ этого рода учреждений, не только во Франціи, но и далеко за ея предѣлами. Въ XVIII столѣтіи начали появляться одинъ за другимъ институты для воспитанія благородныхъ дѣвицъ въ Россіи, Швеціи, Германіи и Италіи, — и всѣ они, не смотря на нѣкоторыя частныя, мѣстныя отличія, въ сущности вѣрно воспроизводили духъ своего родоначальника. Исторія внутренняго устройства нашего смолянаго института, въ связи съ исторіею того-же устройства въ Сень-Сирѣ, должна быть въ высокой степени любопытна и поучительна. Нельзя рѣшительно отрицать возможности связи, между педагогическими убѣжденіями Мэнтенонъ, продолжавшими неизмѣнно господствовать въ Сень-Сирѣ, съ педагогическими убѣжденіями Екатерины II. Нельзя сомнѣваться, что И. И. Бецкій, во время своего продолжительнаго пребыванія за-границей и во Франціи, не ознакомился въ подробностяхъ съ Сень-Сиромъ, а слѣдовательно и нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ не замедлил ознакомиться съ нимъ нашу императрицу. Отсюда видно, что для насъ институтъ Мэнтенонъ, а равно и ея собственная воспитательная дѣятельность и ея сочиненія, имѣютъ не одинъ обще-педагогическій интересъ.

Франциска д'Обиньё родилась 27 ноября 1635 года. Она была дочь Констанца д'Обиньё и Иоанны де-Кардильякъ и внука извѣстнаго своимъ литературными произведеніями, привязанностью къ кальвинизму и Генриху IV и своею *суровою честностію* ¹⁾, Θεодора Агриппы д'Обиньё. Эта фамилія принадлежитъ къ весьма древнимъ; еще въ XII вѣкѣ ся отразили были распространены въ Анжу, Берри, Пуату и Гиенн ²⁾. Отецъ Франциски, получившій прекрасное воспитаніе, обучавшійся въ седанской протестантской школѣ, извѣстенъ только безпорядочною и распутною жизнью. Послѣ многихъ приключеній, въ которыхъ онъ смѣло торговалъ и своею совѣстью и честью, онъ наконецъ былъ заключенъ въ тюрьму

1) Какъ онъ самъ о себѣ выражался. *Histoire de madame Maintenon et des principaux événements du règne de Louis XIV*, par Mr. le duc de Noailles. Liège, 1851, pag. 26.

2) *Ibid.*, pag. 7.

въ Ниорѣ (въ Пуату) ¹⁾. Здѣсь, къ общему неудовольствію, родилась Франциска. Тетка ея, сестра Констанца, посѣтившая въ это время несчастное семейство, нашла его въ крайней нищетѣ и изнуреннымъ отъ голода. Тронутая положеніемъ ребенка, она взяла его къ себѣ вмѣстѣ съ двумя ея маленькими братьями, родившимися также во время заключенія ихъ отца. Впрочемъ Франциска оставалась у ней не долго, и, по требованію матери, скоро была возвращена ей ²⁾. Наконецъ и отецъ получилъ свободу и вздумалъ искать счастья за предѣлами отечества, поселился со всѣмъ семействомъ на островѣ Мартиникѣ, гдѣ, хотя и не составилъ счастья, но крайней мѣрѣ, приобрѣлъ нѣкоторое довольство въ матеріальномъ отношеніи ³⁾. Здѣсь мать Франциски сама, сколько могла, занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей и, кажется, обратила болѣе вниманія на свою маленькую дочь, или замѣтя особенныя дарованія въ послѣдней, или находя невозможнымъ съ одинаковымъ успѣхомъ слѣдить за воспитаніемъ всѣхъ, будучи отвлекаема хозяйственными хлопотами. Она была женщина угрюмая, несообщительная, неспособная къ нѣжному обращенію даже съ своими дѣтьми; но въ то-же время она обладала рѣдкою твердостью воли и безропотно переносила свое несчастіе. Нѣтъ сомнѣнія, что постоянное

1) Отецъ его, Агриппа, заключилъ свои мемуары весьма рѣзкимъ изображеніемъ постыдной жизни своего сына. *Ibid.*, pag. 49—51.

2) Лабомель говоритъ, что Мэнтенонъ впоследствии припоминала, что она играла съ дочерью тюремщика ея лѣтъ, и при этомъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Когда маленькая дочь тюремщика, скопивши не много денегъ, хвалилась своимъ богатствомъ передъ Франциской, послѣдняя обыкновенно отвѣчала: «это правда, что ты богата, за то я благородная, а ты нѣтъ.» *La Beaumelle*, I, стр. 86. Сравни. *Histoire de Noailles*, I, p. 53.

3) Онъ занималъ тамъ одну изъ выгодныхъ должностей, успѣлъ приобрести довольно значительное состояніе, которое, впрочемъ, скоро проигралъ. Послѣ того онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ для существованія. *Histoire de Noailles*, I, p. 53. Во время морскаго путешествія, — говоритъ Лабомель, — Франциска сильно заболѣла, такъ-что нѣсколько времени не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни. Отецъ, утомленный крикомъ ребенка и считая его мертвымъ, хотѣлъ бросить его въ море, и только отчаянныя увѣренія матери, что онъ еще живъ, спасли его. Впоследствии, — прибавляетъ Лабомель, — когда Мэнтенонъ рассказывала объ этомъ путешествіи, епископъ мецкій замѣтилъ: «*madame, on ne revient pas de si loin pour peu de chose.*» *T. I*, стр. 87.

семейное горе имѣло сильное вліяніе на образованіе ея характера; нѣтъ сомнѣній также, что характеръ матери въ свою очередь сильно дѣйствовалъ на развитіе характера дочери ¹⁾.

Нельзя вовсе отказывать въ довѣріи показаніямъ Лабомеля, потому что онъ все-таки пользовался мемуарами, составленными въ Сенъ-Спрѣ. Онъ могъ, для ложно-понимаемой имъ занимательности и красоты, многое выпустить, измѣнить, даже кое-что прибавить, тѣмъ не менѣе большая часть фактовъ, по крайней мѣрѣ по своему существенному содержанію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отвергаема безусловно, какъ выдумка легкомысленнаго автора мемуаровъ ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что сборникомъ фактовъ Лабомеля можно иногда пользоваться, хотя и съ величайшею осторожностью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда фактъ или самъ-по-себѣ представляется совершенно естественнымъ въ ряду событій положительно достовѣрныхъ, или когда онъ находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ историческихъ свидѣтельствахъ. Руководясь, конечно, подобными соображеніями, и Лавалле прѣдка прибѣгаетъ къ анекдотическому разсказу Лабомеля, стараясь дополнить имъ пробѣлы въ находившихся въ его рукахъ рукописяхъ.

Вотъ что говоритъ Лабомель, о первоначальномъ образованіи Франциска д'Обинье. «Ея превосходная мать заставляла ее читать жизнеописанія Плутарха, книгу, наиболѣе способную внушить добродѣтель и образовать сужденіе. Для того, чтобъ побѣдить ея чрезмѣрную робость и приучить ее къ размышленію, она заставляла ее давать отчетъ въ чтеніи и назначала небольшія сочиненія. Наградой за этотъ трудъ было позволеніе написать письмо къ теткѣ де-Виллетъ. Ребенокъ писалъ съ большею легкостью и рано научился писать за другихъ, потому что ея братъ, обыкновенно лѣнивый и обнаруживавшій дѣятельность только въ дѣтскихъ шалостяхъ, просилъ ее писать вмѣсто себя. Она научилась разсуждать рано.

1) Histoire de Noailles, I, p. 53.

2) По словамъ самого издателя сочиненій Мэntenонъ, письма послѣдней, напечатанныя Лабомелемъ, при всемъ ихъ искаженіи, сохраняютъ, по крайней мѣрѣ, сущность дѣла. Lettres édifiantes, I, p. 136.

Однажды, когда мать рассказала дѣтямъ о мученіяхъ въ адѣ, изображаемыхъ обыкновенно для внушенія дѣтямъ благородныхъ побужденій, Франциска сказала брату: «повѣрь мнѣ, все это не будетъ вѣчно; Богъ по благодсти своей, передумаетъ.» Въ другой разъ мать рассказывала имъ о подвигахъ ихъ дѣда и о благоволеніи къ нему Генриха IV. «А я, прервалъ ее ребенокъ, неужели не буду ничѣмъ.» — «Чѣмъ же ты хочешь быть,» возразила мать. — «Королевой наварской, отвѣчала Франциска 1)» Эти свѣдѣнія о первоначальномъ образованіи будущей Мэнтенонъ, за исключеніемъ развѣ анекдодовъ — хотя и ихъ содержаніе не заключаетъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго; да и не могли же они быть безусловно выдуманы, — такъ естественны и обыкновенны, образовательныя средства, которыя мать употребляла въ дѣлю, такъ просты и вмѣстѣ такъ способны развивать возвышенный образъ мыслей и чувствъ и укрѣпить волю, — качества, рѣзко отличавшія всю послѣдующую ея дѣятельность, что, намъ кажется, рѣшительно нѣтъ достаточныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. Нельзя не пожалѣть, что Лабомель опасался, что свѣдѣнія этого рода не будутъ занимательны для большинства читателей — а извѣстно, что онъ болѣе всего хлопоталъ о занимательности своихъ мемуаровъ, а потому, можетъ-быть, и не сказалъ всего, что могъ сказать объ этомъ, въ высокой степени замѣчательномъ и важномъ предметѣ.

Тѣмъ менѣе позволительно въ этомъ случаѣ сомнѣніе, что о главномъ и важнѣйшемъ обстоятельстве въ разсказѣ Лабомеля, о чтеніи жизнеописаній Плутарха, мы находимъ рѣшительное подтвержденіе въ изданныхъ теперь сочиненіяхъ Мэнтенонъ. Вотъ что говоритъ сама Мэнтенонъ о чтеніи этихъ жизнеописаній. «Я помню, что мать приказывала мнѣ и брату говорить между собою о томъ, что мы вычитали изъ Плутарха; это книга, въ которой рассказываются дѣянія великихъ мужей и женщинъ, отличившихся или своими добро-

1) Je supprimerais ces bagatelles, si elles ne prouvaient que nous sommes presque toujours ce que nous avons promis d'être, à moins que des circonstances particulières ne s'opposent au développement de notre caractère ou de nos talents. T. I, стр. 90.

дѣтелямъ, или какими-либо достопамятными дѣйствіями. Мы не могли наговориться объ этомъ. Прочитавши, мы обыкновенно сравнивали дѣянія однихъ съ дѣяніями другихъ. «Вотъ эта женщина — говорила я — имѣетъ болѣе заслугъ, чѣмъ этотъ мужъ; она сдѣлала вотъ что.» Мой братъ доказывалъ мнѣ, что его герой удивительнѣе; «вотъ это прекрасное дѣйствіе — говорилъ онъ, — принадлежитъ ему.» Я тотчасъ бѣжала къ своей книгѣ и искала, нѣтъ ли въ ней чего, чтобы можно было противопоставить мнѣнію брата; каждый изъ насъ упорно отстаивалъ свое мнѣніе. Это очень насъ забавляло, и такъ какъ мать не позволяла намъ говорить ни о чемъ другомъ, то мы въ этихъ разговорахъ и спорахъ полагали все свое удовольствіе, вовсе не находя это тягостнымъ и утомительнымъ ¹⁾.

Отецъ десятилѣтней Франциски умеръ въ 1645 году, не оставивъ ни женѣ, ни дѣтямъ никакого состоянія, и мать, размышляя о средствахъ существованія, въ надеждѣ судебнымъ порядкомъ возвратитъ остатки состоянія своего мужа, незаконно-присвоенные ея родственниками, рѣшилась возвратиться во Францію; надежды ея, разумѣется, не осуществились, — и она осталась безъ куска хлѣба. Де-Виллетъ снова является покровительницею Франциски и, какъ ревностная кальвинистка, старалась воспитать ее въ духѣ своего исповѣданія; благодаря впечатлительности ученицы, она успѣла въ непродолжительное время внушить ей живое расположеніе къ своей религіи ²⁾. Не менѣе важны правила нравственности, внушенныя ей въ это время, особенно чувство состраданія къ бѣднымъ, развившееся въ ней впоследствии до истиннаго самоотверженія. Такое положеніе Франциски-католички въ еретическомъ семействѣ, въ то время, когда съ такою ревностью заботились объ обращеніи въ католичество, не могло не обратить на себя вниманіе. Одна изъ родствен-

1) Entretiens, p. 163—164.

2) Лабомель рассказываетъ, что мать должна была впоследствии сильно раскаяться въ своей неосторожности и долго бороться съ окрѣпшими впечатлѣніями ребенка, не усвоившаго себѣ ничего въ половину. Такъ, приведенная однажды насильно въ церковь, она позволила себѣ конуство и на пощечину матери отвѣчала указаніемъ на другую щеку. Т. I, стр. 92.

ницъ ея матери (m-me de Neuillant) выхлопотала предписаніе отъ двора передать ей Франциску на воспитаніе, и немедленно принялась истреблять уже глубоко укоренившееся расположеніе ея къ кальвинизму. Всѣ усилія однако на первый разъ оставались тщетными: ни ласки, ни униженія и лишенія не могли преодолѣть ея настойчивости. Ее обратили въ служанку и принуждали къ самымъ грубымъ домашнимъ работамъ. «Я командовала на птичьемъ дворѣ, — говорила она послѣ, — и отсюда-то началось мое господство.» Каждое утро, съ маскою на лицѣ для предохраненія отъ загара, въ соломенной шляпѣ, съ прутомъ и не большею корзиною въ рукахъ, она отправлялась стеречь индѣекъ ¹⁾. Наконецъ она была помѣщена въ одномъ изъ парижскихъ монастырей. Ей было тогда одиннадцать лѣтъ. Здѣсь она также съ необыкновенною настойчивостію долго сопротивлялась всѣмъ усиліямъ монахинь, старавшихся обратить ее на истинный путь, и, какъ послѣ сама она говорила, «съ Библіею въ рукахъ утомляла ихъ своимъ упорствомъ.» Наконецъ свобода предоставленная ей, косвенныя и непрерывныя внушенія и еще болѣе время помогли достигнуть того, въ чемъ не могли успѣть крутыя мѣры: Франциска примирилась съ католичествомъ и, по той же впечатлительности своей природы, сдѣлалась ревностною католичкою, хотя долго не могли примирить ея съ ученіемъ, исключаящимъ изъ числа праведныхъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ католической церкви ²⁾. Почитаемъ необходимымъ сообщить здѣсь читателямъ собственный разсказъ Мэнтеновъ о своемъ возвращеніи къ католичеству, какъ онъ былъ переданъ ею впослѣдствіи въ Сень-Сирѣ. «Тетка моя воспитала меня въ протестантской религіи и успѣла внушить такое расположеніе къ ней, что когда моя мать, ревностная католичка, повела меня послѣ въ церковь и заставляла преклонить колѣна предъ престоломъ, то я тотчасъ же оборачивалась къ нему спиною, и ея усилія только увеличивали мою

1) Histoire de Noailles, I, p. 55.

2) «Я доушу все, — говорила Франциска, — кромѣ вѣри, что моя тетка де-Виллетъ будетъ осуждена.» Histoire de Noailles, I, p. 54. Лабомель, т. I, стр. 95.

настойчивость. Обращеніе моей матери со мною такъ меня раздражало, что я, безъ сомнѣнія, никогда не примирилась бы съ католичествомъ, если бы осталась у ней долѣе. Наконецъ видя, что ничего со мною не можетъ сдѣлать, она рѣшилась отдать меня въ монастырь.... Когда я явилась въ монастырь, большая часть монахинь встрѣтила меня неприлично: одна бѣжала отъ меня прочь, другая дѣлала мнѣ гримасу, третья обѣщала подарокъ, какъ только я въ первый разъ пойду къ обѣднѣ. Я была тогда уже довольно взрослою, а потому онѣ казались мнѣ смѣшными и невыносимыми. Ихъ угрозы и обѣщанія не производили на меня никакого впечатлѣнія, и я вовсе не заботилась о ихъ образахъ. Къ счастью, я попала въ руки одной благоразумной надзирательницы, которая привлекла меня къ себѣ своею вѣжливостью и добротою. Она не дѣлала мнѣ никакихъ упрековъ, позволяла свободно выполнять обязанности моей религіи, не принуждала молиться въ общей молебнѣ и ходить къ обѣднѣ, сама предлагала мнѣ ѣсть мясо по средамъ и пятницамъ, но въ то-же время она научала меня основаніямъ католической вѣры, и ея наставленія отличались такою заботливостью, а ея надзоръ за мною отличался такою кротостью, что я черезъ нѣсколько времени обратилась въ католичество съ полною свободою ¹⁾»

Спустя три года, она оставила монастырь и переселилась съ своею матерью въ домъ, рядомъ съ которымъ жилъ извѣстный по своимъ поэтическимъ произведеніямъ и по своему тѣлесному безобразію поэтъ Скарронъ. Введенная, при помощи своей родственницы, де Нейльянъ, въ лучшее свѣтское общество и въ общество, собиравшееся въ домѣ Скаррона, она обратила на себя вниманіе поэта, умѣвшаго тотчасъ оцѣнить ея рѣдкія душевныя качества ²⁾. Всѣ искательства однако и бла-

1) Hist. de Noailles, I, p. 56.

2) Скудери такъ изображаетъ ее въ своемъ романѣ *Clélie*, явившемся въ 1658 году. «Elle était grande et de belle taille, mais de cette grandeur qui n'épouvante point et qui sert seulement à la bonne mine. Elle avait le teint fort uni et fort beau, les cheveux d'un châtain-clair et très agréable, le nez très bien fait, la bouche bien taillée, l'air noble, doux, enjoué, modeste, et pour rendre sa beauté plus parfaite et plus éclatante, les plus beaux yeux

готовительныя предложенія Скаррона сначала не имѣли рѣшительно никакого успѣха, и только по смерти матери, оставшись въ безпомощномъ и одинокомъ положеніи въ свѣтѣ, послѣ продолжительнаго колебанія, она рѣшилась отдать свою руку «жалкому калекѣ», какъ она послѣ называла своего покойнаго мужа. Эй было тогда только 17 лѣтъ ¹⁾, но ея характеръ казался уже сложившимся вполне. До какой самостоятельности успѣли выработаться ея умъ и характеръ, это обнаружилось вскорѣ въ ея новой жизни, которая, вмѣстѣ съ очевидными выгодами и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, представляла и важныя невыгоды.

Скарронъ, безпорядочно воспитанный, безъ заботливости отца и безъ материнской любви, одаренный живою и пылкою природою, неистощимымъ воображеніемъ, быстро схватывавшимъ смѣшную сторону предмета, брошенный въ свѣтѣ безъ средствъ, безъ правилъ, безъ руководства, испыталъ на себѣ едва ли не всѣ степени и виды увлеченій юности. Весело, беззаботно, съ своимъ неизмѣннымъ смѣхомъ смотрѣлъ онъ на все и на самаго себя; самая печальная обстановка жизни, бѣдность, тѣлесныя страданія не могли удержатъ его отъ этого смѣха. Судьба, какъ будто въ утѣшеніе, надѣлила его такимъ свѣтлымъ взглядомъ, обращеннымъ на пзнанку человѣческой жизни ²⁾. Отсюда уже не трудно объяснить легкость и шаткость его нравственныхъ убѣжденій; эта шаткость нравственныхъ убѣжденій объясняется не толь-

---

du monde. Ils étaient noirs, brillants, doux, passionnés, pleins d'esprit; leur éclat avait ce je ne sais quoi qu'on ne saurait exprimer. La mélancolie douce y paraissait quelquefois avec tous les charmes qui la suivent, et l'enjouement s'y faisait voir à son tour avec tous les attraits que la joie peut inspirer. Histoire de la maison royale de Saint-Cyr, p. 8. Сравни. Histoire de Noailles I, p. 122 и слѣд.

1) Бракъ былъ совершенъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1652 года. Histoire de Noailles, I, p. 108 и 116.

2) Главныя его произведенія, доставившія ему обширную извѣстность, — *Le roman comique*, *Le Typhon ou la guerre des géants contre les dieux* (1644) и *Le Virgile travesti* (1648), вызванныя итальянскими произведеніями XVI вѣка, — *La Sigantea* и *Eneide travestita*. Послѣдними двумя онъ ввелъ во французскую литературу новый видъ комизма, состоящій въ изображеніи возвышеннаго и важнаго въ смѣшномъ и тривиальномъ видѣ. Histoire de Noailles, I, p. 86.

ко господствовавшимъ духомъ времени, но и личностью Скаррона. На двадцать седьмомъ году разгульной и беззаботной жизни его постигла страшная болѣзнь, лишившая употребленія почти всѣхъ членовъ и доведшая его до такого тѣлеснаго безобразія, что, какъ онъ самъ говоритъ, на него запрещали смотрѣть беременнымъ женщинамъ ¹⁾. Руками онъ не могъ владѣть со всѣмъ, такъ что муха, сидѣвшая у него на носу, приводила его въ отчаяніе, если не было въ комнатѣ слуги; съ величайшимъ трудомъ и болью могли его поднимать; безъ опіума онъ не могъ засыпать. И все это не мѣшало ему смѣяться: онъ смѣялся надъ своими мученіями, надъ безобразіемъ своѣго тѣла и описывалъ ихъ съ обычною веселостью и остроуміемъ. «Это одно изъ чудесъ нашего вѣка,— говоритъ Таллеманъ,— что человѣкъ въ такомъ состояніи, и притомъ бѣдный, могъ такъ смѣяться ²⁾». Его обширная литературная извѣстность, никогда не измѣнившая ему веселость и остроуміе, его неистощимое искусство вести разговоръ и занимать слушателей собирали къ нему избранное общество.

Естественно, что бесѣды этого общества часто далеко переходили за предѣлы приличія, скромности и самой легкой нравственности, а потому положеніе семнадцати лѣтней Франциски д'Обиньѣ было весьма щекотливо и опасно ³⁾. Нѣ-

1) «Mes jambes et mes cuisses, — говоритъ о себѣ Скарронъ, — ont fait premièrement un angle obtus, et puis un angle égal, et enfin un angle aigu; mes cuisses et mon corps en font un autre, et ma tête se penchant sur mon estomac, je ne ressemble pas mal à un Z. J'ai les bras raccourcis aussi bien que les jambes, et les doigts aussi bien que les bras; enfin, je suis un raccourci de la misère humaine.» Histoire de Noailles, I, p. 80.

2) Voilà sans mentir, — писалъ Бальзакъ, — un admirable malade; je dis qu'à le voir rire comme il fait, au milieu du mal, j'ai quelque opinion que le mal ne le pique pas, mais le chatouille; je dis qu'il porte témoignage contre la mollesse du genre humain; je dis que le Prométhée, l'Hercule ou le Philoctète de la fable, sans parler du Job de la vérité, disent bien de grandes choses dans la violence de leurs tourments, mais qu'ils n'en disent point de plaisantes; que j'ai bien vu, en plusieurs lieux de l'antiquité, des douleurs sages et des douleurs éloquentes, mais que je n'en ai point vu de joyeuses que celles-ci, et qu'il ne s'était pas encore trouvé d'esprit qui sût danser la sarabande et les matassins dans un corps paralytique.» Histoire de Noailles, I, p. 82.

3) Les femmes qui fréquentaient habituellement la maison de Scarron, —

сколько меньше прочности нравственныхъ убѣжденій, твердости воли и самолюбія — и искушеніе пересилило бы ее. Къ счастью, и природа такъ щедро надѣлила ее духовными дарами, и воспитаніе такъ направило и укрѣпило ихъ, что она не только устояла противъ соблазна, но умѣла внушить къ себѣ невольное уваженіе и удерживала всѣхъ въ предѣлахъ приличія и умѣренности. Она жила съ мужемъ нѣжно и честно, какъ сказано въ мемуарахъ дамъ Сенъ-Сира, оказывая ему ту заботливость и то вниманіе, какими обязана жена мужу, но въ то-же время своею скромностью внушала многочисленному обществу такое уваженіе къ себѣ, что одинъ молодой человекъ сказалъ, что еслибы ему предстояло оказать неуваженіе королевѣ или ей, то онъ предпочелъ бы погрѣшить противъ королевы ¹⁾. Скарронъ самъ испыталъ на себѣ вліяніе этой женщины, владѣвшей обаятельною силою. Какое-то безотчетное уваженіе къ ней постоянно удерживало его отъ нескромныхъ и оскорбляющихъ нравственность порывовъ, и самая шутка его приняла характеръ болѣе умѣренный и приличный. Замѣчаютъ, что даже произведенія его послѣ 1652 года отличаются тѣми же качествами. «Мой мужъ былъ въ сущности прекрасный человекъ, писала послѣ Мэntenонъ, я исправила его отъ его вольностей; онъ не былъ ни глупъ, ни пороченъ въ душѣ, дознавшой чести и безкорыстія безпримѣрнаго ²⁾.» Эмиль Шаль приписываетъ это исправленіе какому-то врожденному воспитательному дарованію, врожденной воспитательной силѣ, призванію Мэntenонъ. По нашему мнѣнію, высказанному выше, это вліяніе, какъ и вліяніе ея на Людовика XIV впоследствии, выходитъ изъ предѣловъ понятія о воспитаніи въ тѣсномъ смыслѣ.

Если же Франциска д'Обиньё, говоря вообще, воспитывала общество своего мужа и самого мужа, то съ другой стороны это общество и мужъ не могли не дѣйствовать въ

говорить де-Ноайль, — étaient en plus petit nombre, car il leur fallait pour cela une pudeur un peu aguerrie. Ibid., p. 94.

1) Histoire de la maison etc., p. 7.

2) Idid., p. 8.

томъ же общемъ воспитательномъ смыслѣ и на нее. Здѣсь была для нея истинная школа въ умственномъ отношеніи. Въ этомъ обществѣ, не допускавшемъ никакой изысканности и утонченности, какими отличались обыкновенно бесѣды въ отелѣ де-Рамбульѣ, признававшимъ только господство здраваго смысла и на основаніи послѣдняго, посредствомъ вѣрнаго и точнаго анализа, опредѣлявшимъ достоинства и недостатки современныхъ литературныхъ произведеній, она приобрѣла себѣ ту ясность умственного взгляда, точность и послѣдовательность сужденія, то неподражаемое искусство говорить и слушать, которыя вездѣ и постоянно отличали ее впоследствии и которыя приковывали къ ней общее вниманіе. Людовикъ XIV, прежде рѣшенія какой-либо важной правительственной мѣры, иногда обращался къ ней съ вопросомъ: «что думаетъ объ этомъ ваша разсудительность, ваша степенность (*qu'en pense la raison, qu'en pense votre solidité?*)». Этому обществу она обязана была тѣмъ, что передъ выходомъ своимъ на открывшееся передъ нею блестящее поприще, она стояла въ уровнѣ тогдашняго литературнаго и свѣтскаго образованія. Кромѣ того она расширила въ это время кругъ своихъ положительныхъ знаній и выучилась латинскому, италіянскому и испанскому языкамъ.

Скарронъ умеръ въ 1660-мъ году, оставивши послѣ себя двадцатипяти-лѣтнюю вдову, безъ средствъ, безъ помощи, въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Не желая быть кому-либо въ тягость, она удалилась въ монастырь ¹⁾. Впрочемъ жизнь въ тихомъ монастырскомъ уединеніи, въ первое время по смерти мужа, по собственному ея признанію, принадлежитъ къ лучшему времени во всей ея жизни. Удалившись, повидимому, отъ свѣта, она тѣмъ не менѣе не покидала своего прежняго знакомства, доставлявшаго ей столько духовныхъ наслажденій, преимущественно посѣщала отели д'Альбре и Ришельё, гдѣ имѣла блистательный успѣхъ и приобрѣла искреннюю любовь

1) Цѣлый годъ, пока живъ былъ кардиналъ Мазарини, не смотря на всѣ усилія ея друзей, она не могла выхлопотать себѣ пенсію мужа и оставалась безъ всякихъ средствъ. Мазаринада Скаррона была еще въ памяти. Наконецъ, по смерти кардинала (9 марта 1661 года), она получила отъ королевы пенсію въ 2000 ливровъ. *Histoire de Noailles*, I, p. 173.

и уваженіе отъ знаменитостей тогдашней эпохи: де-Севьяньс, Лафайэть, де-Куланжъ, маркизы Монтеврѣиль и другихъ. Между ними была и Монтеспанъ, сблизившаяся въ скоромъ времени съ Людовикомъ XIV. Вспоминая впоследствии, въ своихъ бесѣдахъ въ Сень-Сирѣ, объ этомъ времени, Мэntenонъ весьма лестно отзывалась о Монтеспанъ до ея связи съ королемъ. «Никто не могъ быть любезнѣе ея, говорила она; ея убѣжденія были честны и поведеніе безукоризненно ¹⁾».

Вскорѣ понадобилась воспитательница для дѣтей Монтеспанъ, прижитыхъ съ Людовикомъ XIV — и она обратилась къ вдовѣ Скарронъ. Последняя долго не соглашалась принять на себя эту трудную и щекотливую обязанность. Наконецъ, получивъ приглашеніе отъ самого короля, какъ она того непременно желала ²⁾, Скарронъ приняла на себя обязанность воспитательницы и, каковы-бы не были на первый разъ ея побужденія, посвятила всю себя воспитанію ввѣренныхъ ей дѣтей. Она была истинною матерью ихъ, истощала всѣ свои усилія, не знала покоя ни днемъ, ни ночью. «Я часто приходила то къ одному, то къ другому ребенку ³⁾, рассказывала она послѣ, пѣшкомъ, переодѣтая, неся въ рукахъ бѣлье, мясо, и проводила иногда цѣлыя ночи у одного изъ нихъ во время его болѣзни. Утромъ, задними воротами, я возвращалась домой и, переодѣвшись, выходила передними воротами, садилась въ карету и отправлялась въ отели д'Альбре и Ришельё единственно для того, чтобы мои знакомые не подозрѣвали моей тайны. Боясь измѣнить себѣ, я румянилась, чтобы не краснѣть ⁴⁾» Первый ребенокъ скоро умеръ и она долго не могла утѣшиться послѣ этой потери; второй былъ гер-

1) Histoire de la maison etc., p. 11. — Histoire de Noailles, I, p. 307.

2) Histoire de Noailles, I, p. 220. Впрочемъ, воспитаніе незаконныхъ дѣтей короля, обыкновенно узаконявшихся впоследствии, не почиталось тогда предосудительнымъ. Такъ жена Кольберта занималась воспитаніемъ дѣтей Людовика XIV, прижитыхъ отъ Лавальеръ.

3) Всѣхъ дѣтей, прижитыхъ отъ Монтеспанъ, было семеро и они размѣщены были отдѣльно, вмѣстѣ съ своими кормилицами, для устраненія всякаго подозрѣнія. Сама Мэntenонъ не перемѣнила своего прежняго мѣста жительства.

4) Histoire de Noailles, I, p. 223.

догъ Мэнскій, къ которому она до смерти сохранила истинно-материнскія чувства, между тѣмъ какъ Монтеспанъ, преданная свѣтскимъ удовольствіямъ, мало заботилась о своихъ дѣтяхъ. Въ концѣ 1672 года произошла важная перемѣна въ жизни Скарронъ: она вдругъ исчезла изъ общества, среди котораго до сихъ поръ обращалась. Двое изъ ея воспитанниковъ уже довольно выросли, а другіе подростали, а потому нужно было измѣнить ихъ помѣщеніе. Монтеспанъ купила большой домъ за городомъ, гдѣ и помѣстилась уже съ нѣкоторою роскошью Монтенонъ, хотя и не принимала къ себѣ никого, потому что существованіе ея воспитанниковъ продолжало оставаться тайною. Такое положеніе, очевидно, должно было возбуждать сильное любопытство. «Что касается до Скарронъ,— пишетъ де-Куланжъ,— то нѣтъ ничего изумительнѣе ея жизни. Я получила отъ нее одно письмо, но боюсь показывать его изъ страха возбудить безконечные вопросы¹⁾». Здѣсь, въ этомъ уединеніи, положено было начало той связи между Людовикомъ XIV и вдовою Скарронъ, которой суждено было впоследствии получить такое важное историческое значеніе.

Ея заботы и ея усердіе по воспитанію дѣтей, доходившія до самоотверженія, не могли, разумѣется, долго оставаться неизвѣстными Людовику XIV. Онъ былъ тронуть ея преданностью, нѣсколько разъ видѣлся съ нею²⁾, освободился отъ прежняго предубѣжденія противъ нея³⁾ и наконецъ помѣстилъ ее при дворѣ вмѣстѣ съ ея воспитанницами, когда узаконеніе послѣднихъ, совершенное въ 1673-мъ году, сдѣлало излишнею тайну. Въ декабрѣ 1674 года она приобрѣла на подаренныя

1) Histoire de Noailles, I, p. 230.

2) Рассказываютъ, что король въ первый разъ узналъ о ея усердіи совершенно неожиданно отъ кормилицы. На вопросъ короля, чьихъ дѣтей она кормитъ, послѣдняя отвѣчала: «я думаю, что это незаконныя дѣти какого-нибудь герцога, или президента парламента; что же касается до матери, то, судя по волненію нашей дамы при малѣйшемъ безпокойствѣ дѣтей, она, безъ сомнѣнія, должна быть ихъ матерью.» Histoire de Noailles, I, p. 231. — La Beaumelle, I, p. 257.

3) Говорятъ, вдова Скарронъ сначала не понравилась королю; она казалась ему педанткой и онъ называлъ ее обыкновенно la précieuse, или bel esprit. Histoire de Noailles, I, p. 230. — La Beaumelle, I, p. 257.

ей королею деньги ¹⁾ прекрасный участокъ земли Maintenon, приносившій тогда отъ 10 — 12-ти тысячъ ливровъ дохода, послѣ чего и была переименована самимъ королею въ m-me de Maintenon. Неожиданно открывши столько прелести въ кажущейся на первый взглядъ строгости этой женщины, такой обширный, развитый и точный умъ, ясный и вѣрный взглядъ и такую твердость воли, король сталъ искать разговоровъ съ нею и находилъ большое удовольствіе въ этихъ разговорахъ, особенно послѣ начинавшихъ ему надоѣдать вспышекъ Монтеспаня.

Не смотря на эту, повидимому, благопріятную перемѣну въ судьбѣ вдовы Скарронъ, наступившее время, время отъ помѣщенія при дворѣ до брака съ королею (1673—1684) ²⁾, было самымъ тягостнымъ въ ея жизни. Поставленная между Людовикомъ XIV и его любовницей, начинавшею уже замѣчать постепенное охлажденіе къ ней прежняго обожателя, съ одной стороны стараясь усилить свое вліяніе на послѣдняго, съ другой избѣгнуть упрековъ и раздражительности первой, стараясь показать предъ всѣми чистоту своихъ отношеній и безукоризненность своего поведенія, что, разумѣется, было весьма трудно, она дѣйствительно должна была перетерпѣть очень многое и, что еще тяжелѣе, должна была терпѣть и постоянно казаться веселою, безъ слѣдовъ изнурявшей ее тоски. Нѣсколько разъ она хотѣла оставить дворъ и удалиться въ монастырь ³⁾. Это было истинное испытаніе

1) За воспитаніе своихъ дѣтей король увеличилъ ея пенсію до 2000 экю. Кроме того, послѣ узаконенія принцевъ, онъ подарилъ ей 100,000 франковъ и чрезъ нѣсколько времени еще 100,000 франковъ. Histoire de Noailles, I, p. 234 и 311—312.

2) Бракъ былъ совершенъ тайно, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1684 года, какъ положительно доказалъ Лавалле. Histoire de la maison etc., p. 19—20. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Мэнтеновъ къ де-Бринонъ, отъ 22 августа 1683 года, когда уже, по всей вѣроятности, дѣло о бракѣ было рѣшено. На сомнѣніе де-Бринонъ касательно согласія Мэнтеновъ на этотъ бракъ, послѣдняя отвѣчала: *«что касается до дѣла о Людовикѣ и Францискѣ, то это глупости; я желала бы только знать, почему бы не хотѣть ей этого; но крайней мѣрѣ, я никогда не позволила бы себѣ думать, чтобы разстройство этого дѣла произошло отъ нея.* Lettres édifiantes, I, p. 21.

3) См. письма ея къ Гобелену. Histoire de Noailles, I, p. 300, 303, 309—312, 332 и др.

для нея, какъ она сама послѣ часто говорила. И много нужно было ума и твердости воли, чтобы съ торжествомъ выйти изъ такого положенія. «Я смотрю на себя, какъ на орудіе добра, ниспосылаемаго Богомъ, — говорила она въ одной изъ своихъ душевныхъ бесѣдъ съ Глапіонъ, — а потому все значеніе, дарованное Имъ мнѣ, должно быть употреблено на служеніе Ему, на утѣшеніе и на установленіе взаимнаго согласія между всѣми членами королевскаго семейства и т. д. Я иногда думаю о той ненависти, которую я чувствую къ придворной жизни (это чувство не новость, я всегда его испытывала). И между тѣмъ Богъ опредѣлилъ меня къ этой жизни. Зачѣмъ же Онъ поселилъ во мнѣ отвращеніе къ ней? Безъ сомнѣнія потому, что Онъ хотѣлъ, чтобы я жила при дворѣ для собственнаго своего спасенія. Монтеспанъ, на оборотъ, очень любила дворъ, не только по отношеніямъ, которыя связывали ее со дворомъ, она любила самую жизнь при дворѣ. Какъ же Богъ устроиваетъ нашу судьбу? Онъ назначаетъ ко двору ту, которая его ненавидитъ, и отдаляетъ отъ него ту, которая его любитъ, — и, безъ сомнѣнія, устроиваетъ такъ для спасенія обѣихъ ¹⁾». Она была постоянно занята мыслью спасти короля, охранять его нравственность, честь и славу, будучи увѣрена, что спасаетъ тѣмъ счастье и благоденствіе цѣлаго государства. Въ своихъ письмахъ и бесѣдахъ въ Сенъ-Сирѣ она часто говорила, что ее удерживаетъ при дворѣ мысль обратить короля на путь истины, отвратить его отъ соблазна, оскорбляющаго его честь и славу. «Я начала убѣждаться, — говорила она, — что Богъ для этого привелъ меня ко двору, и этимъ я ограничивала свои виды ²⁾». Такъ она понимала свое назначеніе при дворѣ и съ необыкновеннымъ усердіемъ и искусствомъ дѣйствовала въ духѣ этого назначенія. «Я иногда видѣла ее, говоритъ д'Омаль, изнуренную; печальную, больную — съ улыбающимся лицомъ, съ выраженіемъ полнаго довольства, съ необыкновенною изобрѣтательностью занимавшею короля и разговаривавшею съ нимъ по четыре часа вдругъ безъ повтореній, безъ зѣвоты,

1) *Lettres édifiantes*, II, p. 162.

2) *Histoire de la maison etc.*, p. 15.

безъ злословія ¹⁾). Она успѣла, сколько могла, обратить короля къ его обязанностямъ христіанна и семьянина, научила его переносить несчастія съ твердостью и спокойствіемъ. Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ ея письмѣ къ де-Бринновъ (1690): «новости версальскія хороши, потому что здоровье короля въ прекрасномъ состояніи; *его здоровье и его святость усиливаются съ каждымъ днемъ; благочестіе сильно входитъ въ моду* ²⁾». Самое большое горе для нея было то, когда шаткость нравственныхъ убѣжденій короля отклоняла его на ложный путь: тогда она часто обращалась къ своимъ духовнымъ наставникамъ съ просьбою подкрѣпить ее въ терпѣніи. Переѣзжая, произшедшая въ Людовикѣ XIV, вскорѣ послѣ его сближенія съ Мэнтенонъ, казалась современникамъ поразительною: его жизнь болѣе правильная, строгая, преданная выполненію обязанностей, сравнительно съ прежнею его жизнью, казалась имъ явленіемъ новымъ и поучительнымъ ³⁾.

Такой взглядъ Мэнтенонъ на свое положеніе при дворѣ не позволяетъ предполагать дѣятельнаго вмѣшательства ея въ дѣла государственныйя. «Я умерла бы съ печали, если бы часто присутствовала при совѣщаніяхъ о дѣлахъ государственныхъ. Какъ короли жалки и какъ люди злы ⁴⁾! Не мнѣ управлять государствомъ, пишетъ она одной дамѣ (1684), я ежедневно молю Бога, чтобы Онъ вразумилъ и наставилъ короля, чтобы Онъ открылъ ему истину и утвердилъ въ немъ расположеніе къ миру ⁵⁾. Умоляю васъ, пишетъ она другой (1710), смотрите на меня, какъ на женщину, неспособную къ государственнымъ дѣламъ, которая стала слышать о нихъ слишкомъ поздно, чтобы быть опытною въ нихъ, и которая ненавидитъ ихъ еще больше, чѣмъ сколько не знаетъ ихъ.

1) Ibid., p. 24.

2) Подчеркнутыя здѣсь слова подчеркнуты и въ подлинникѣ, и притомъ съ слѣдующею припискою: «c'était son ouvrage.» Lettres édifiantes, I, p. 111.

3) A compter de cette époque s'ouvre, en effet, la seconde partie du règne, où l'on vit la cour changer d'aspect et le roi redevenu vertueux, y rendre aux mœurs et à la religion un empire qui s'étendit sur le royaume entier. Histoire de Noailles, II, p. 80. — Сравни. Lettres édifiantes, I, p. 17.

4) Histoire de la maison etc., p. 25.

5) Histoire de Noailles, II, p. 27.

Не хотятъ, чтобы я не вмѣшивалась въ нихъ и я не вмѣшиваюсь ¹⁾». Если же и допускать какое-либо вліяніе Мэнтенонъ въ этомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ это вліяніе было слишкомъ общее и едва ли не всегда благодѣтельное. Такъ она давала королю совѣты благоразумія и умѣренности, внушала ему любовь къ миру, чувство справедливости и чело-вѣколюбія, убѣждала его облегчать страданія народа, уменьшать роскошь и издержки. Справедливо замѣчаетъ де-Ноайль, что чѣмъ больше ума мужъ открываетъ въ своей женѣ, тѣмъ больше не довѣряетъ ей изъ боязни господства надъ собою, что онъ скорѣе согласится на уступки посредственности: особенно это замѣчаніе справедливо по отношенію къ Людовику XIV, такъ глубоко проникнутому чувствомъ власти и господства надъ всѣмъ, его окружавшимъ. «Побраните епископа Пуатье за то, что онъ проситъ у меня бенефиціи; я думаю, что вы видите дѣла слишкомъ близко, чтобы убѣдиться, что я не управляю отцемъ Летелье ²⁾». Такъ писала она одной дамѣ въ 1708 году. Въ заключеніе не могу не привести слѣдующаго мѣста изъ ея разговора съ Глапюнъ (1705), въ которомъ она между прочимъ рассказываетъ, какъ проводитъ день во дворцѣ. «Наконецъ я одна съ нимъ. Нужно облегчить его печаль, его тоску, его разстройство; иногда будучи не въ состояніи владѣть собою, онъ начинаетъ плакать, или вообще чувствуетъ себя въ дурномъ расположеніи духа, не говоритъ ни слова. Является какой-нибудь министръ, часто съ дурными новостями, король работаетъ съ нимъ. Если хотятъ, чтобы я принимала участіе въ совѣщаніи, меня позвуютъ; если же не хотятъ, — я удаляюсь, и тогда-то совершаю свою послѣобѣденную молитву и молюсь около полчаса. Если же хотятъ, чтобы я слушала ихъ, мнѣ ничего нельзя дѣлать; тогда я узнаю часто, что дѣла идутъ худо; приходитъ иногда курьеръ съ дурными извѣстіями: все это сжимаетъ мое сердце и не даетъ мнѣ спать ³⁾».

Едва только Мэнтенонъ успѣла пріобрѣсти нѣкоторыя

1) Ibid., II, p. 127.

2) Lettres édifiantes, II, p. 275.

3) Ibid., II, p. 163.

средства отъ подарковъ короля, какъ немедленно обратилась къ удовлетворенію главной своей склонности — къ вспомо- ществованію бѣднымъ и преимущественно къ воспитанію и обученію дѣтей. Тогдашнее состояніе большей части дворянъ, обѣднѣвшихъ отъ раззорительныхъ и непрерывныхъ войнъ, не давало ей покоя. «Я бы желала помочь имъ всѣмъ», говорила она. Сначала она дѣйствовала частнымъ образомъ, имѣя въ виду преимущественно свою родину и стараясь со- вѣтами и деньгами улучшить положеніе бѣдныхъ дѣвицъ по- средствомъ воспитанія. Въ эту пору она сблизилась съ жен- щиною, для которой воспитаніе дѣтей было внутреннею по- требностью, — съ де-Бринонъ. Монахиня одного изъ урсу- линскихъ монастырей въ руанскомъ округѣ, она должна была оставить свой обѣднѣвшій монастырь, поселилась въ окре- стностяхъ Монтеврѣйя, гдѣ ее узнала Мэntenонъ и оцѣнила ее умъ и благочестіе, а въ-особенности ея рѣшеніе посвя- тить себя воспитанію дѣвицъ, согласно съ монастырскими постановленіями. Желая имѣть ее ближе къ себѣ, чтобы и самой принимать непосредственное участіе въ ея трудахъ по воспитанію, она перемѣстила ее сначала въ Монморанси (1680), а потомъ, спустя два года (1682), въ Рюейль, близъ Сенъ-Жермена, гдѣ тогда находился дворъ, и здѣсь поручила ей на воспитаніе до пятидесяти бѣдныхъ дѣвицъ изъ своей земли Мэntenонъ. Ихъ обучали Закону Божію, чтенію и самому простому рукодѣлю. Этотъ небольшой пансіонъ былъ колы- белью Сенъ-Сира, первою начальницею котораго была де- Бринонъ. Мэntenонъ часто посѣщала свой на-скоро устро- енный пансіонъ, снабдила его мебелью, одеждою и даже не- большою молебною, сама нерѣдко объясняла дѣтямъ катехи- зисъ, выслушивала уроки и называла ихъ своими маленькими сестрами. Къ прежнимъ пятидесяти воспитанницамъ скоро присоединились еще 10 — 12 дѣвицъ новообращенныхъ въ католичество ¹⁾, за которыхъ также платила Мэntenонъ и

---

1) Мэntenонъ, какъ ревностная и строгая католичка, была глубоко убѣждена, что въ католическомъ исповѣданіи заключается единственно- вѣрный путь къ спасенію, а потому она съ величайшимъ усердіемъ подвизалась въ дущеспасительномъ, по ея понятіямъ, дѣлѣ обращенія на истин-

которыя получали болѣе обширное образованіе: ихъ воспитывали въ благочестіи и бѣдности, съ цѣлью образовать изъ нихъ истинныхъ христіанокъ и матерей семействъ. «Рюейль — удивительное мѣсто, говорила Мэntenонъ своему брату, онъ сильно занимаетъ меня. Богъ благословляетъ все, что тамъ ни совершается, и успѣхъ превосходитъ мои ожиданія ¹⁾».

Письма ея къ де-Бринонъ, относящіяся къ этому времени, весьма важны въ педагогическомъ отношеніи, потому что въ нихъ съ необыкновенною полнотою и силою выразились ея страсть къ воспитанію дѣтей и ея рѣдкія педагогическія способности ²⁾. Если принять во вниманіе то уваженіе, какое она питала къ де-Бринонъ, то позволительно думать, что послѣдняя могла имѣть даже нѣкоторое вліяніе на возбужденіе упомянутой страсти къ воспитанію дѣтей. «Что меня заставляетъ торопиться и иногда, можетъ быть, слишкомъ много, — писала Мэntenонъ одной дамѣ въ 1686 году, — это то, что я желала бы устроить все до смерти де-Бринонъ, моей и до смерти аббата Гобелена, чтобы духъ заведенія не измѣнялся никогда, не смотря на всѣ препятствія, какія оно, можетъ быть, встрѣтитъ въ будущемъ. Вы никогда не будете имѣть начальницы, болѣе искусной и съ болѣшими

ный путь протестантскихъ дѣвицъ. Въ этомъ дѣлѣ она съ одной стороны не жалѣла ничего, чтобы достигнуть цѣли, съ другой, согласно съ господствовавшимъ духомъ времени, не была разборчива въ средствахъ и мало обращала вниманія и на волю обрацаемыхъ и на волю ихъ родителей. Въ ея письмахъ не рѣдко можно найти полное одобреніе и такого способа обращенія, какой въ наше время, по поводу похищенія католическимъ духовенствомъ сына болонскаго еврея, такъ сильно и такъ справедливо вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Такъ она почитала болѣе справедливымъ и полезнымъ похитить дитя у своей тетки де-Виллетъ, чѣмъ оставить его въ другой вѣрѣ; она послѣ даже простодушно извиняется въ этомъ похищеніи (*La Beaumelle*, VII, p. 244 и 249). Главнымъ помощникомъ и посредникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Пеллиссонъ, которому поручено было королемъ завѣдываніе пособіями и пенсіонами, назначенными новообращеннымъ. *Lettres édifiantes*, I, p. 5.

1) *La Beaumelle*, VI, p. 177.

2) Эти письма важны и въ историческомъ отношеніи, потому что они сообщаютъ много новаго и любопытнаго о жизни Мэntenонъ въ послѣдніе три-четыре года передъ бракомъ съ королемъ, о которыхъ вообще сохранилось мало извѣстій. Они были извѣстны и Лабомелю, но напечатаны въ его мемуарахъ съ страшнымъ искаженіемъ и сокращеніемъ.

совершенствами, съ бѣльшимъ усердіемъ привязанной къ своему заведенію ¹⁾. Ваша снисходительность ко мнѣ и ваше отрѣшеніе отъ міра,—писала она самой де-Бринонъ,—до того увеличили мою любовь и уваженіе къ вамъ, что я умираю отъ нетерпѣнія видѣть васъ и служить съ вами Богу ²⁾.» Правда, понятія о воспитаніи и личныя наклонности де-Бринонъ значительно расходились съ тѣми же понятіями и наклонностями Мэntenонъ: первая заботилась въ дѣлѣ воспитанія слишкомъ много о внѣшнемъ блескѣ, объ устройствѣ въ обширномъ размѣрѣ и о великолѣпіи заведенія, между тѣмъ какъ послѣдняя, занятая однимъ внутреннимъ смысломъ предпріятія и считая это предпріятіе своею священною обязанностью, своимъ призваніемъ, заботилась только объ одной простотѣ, умѣренности, отсутствія всякаго пустаго блеска, способнаго внушить дѣтямъ одно пустое тщеславіе; по тѣмъ же причинамъ первая держала себя относительно дѣтей только какъ начальница, даже въ излишнемъ отдаленіи отъ нихъ, а потому и не могла пользоваться полнымъ ихъ довѣріемъ, между тѣмъ какъ послѣдняя сливалась, такъ сказать, съ дѣтьми, жила съ ними одною жизнью, проникала въ ихъ душу, въ часъ игры играла съ ними какъ ребенокъ, въ часъ ученія съ непостижимымъ терпѣньемъ объясняла имъ уроки какъ ихъ старшая подруга, а потому постоянно пользовалась безграничною любовью, преданностью, и довѣріемъ дѣтей; первая, согласно съ своими понятіями, почитала неприличнымъ и излишнимъ принуждать дѣтей къ простымъ и отчасти грубымъ работамъ, а потому лишала воспитаніе практичности, удаляла дѣтей отъ той жизни, для которой они должны были готовиться и въ которой должны были собственнымъ трудомъ обеспечивать свое существованіе, между тѣмъ какъ послѣдняя, одаренная глубокимъ и точнымъ практическимъ смысломъ, испытывая на себѣ труды и лишенія нуждающейся жизни, постоянно во всей своей воспитательной дѣятельности именно имѣла въ виду эту жизнь, къ ней приготавлила своихъ воспитанницъ, ста-

---

1) Lettres sur l'éducation, p. 32.

2) Lettres sur l'éducation, p. 7.

раясь развить въ нихъ здравый житейскій смыслъ, образовывать изъ нихъ трудолюбивыхъ и усердныхъ будущихъ хозяекъ и матерей семействъ. Чрезвычайно любопытны и важны въ этомъ отношеніи ея письма къ де-Бринонъ (а также къ аббату Гобелену), въ которыхъ она высказываетъ свои опасенія, чтобы тщеславіе де-Бринонъ, хотя простое и невинное само въ себѣ, не имѣло вреднаго вліянія на дѣтей. Мы постараемся впоследствии имѣть случай доказать, какъ справедливы были эти опасенія Мэntenонъ и какія печальныя послѣдствія приготовили для Сень-Сира эти личныя наклонности де-Бринонъ. Но эти наклонности дали себя замѣтить не вдругъ, тщеславіе де-Бринонъ росло постепенно, по мѣрѣ расширенія круга ея воспитательной дѣятельности и по мѣрѣ сближенія ея съ блестящимъ дворомъ. Бѣдная монахиня не могла устоять противъ такого блеска и соблазна, ея слабое воображеніе не выдержало напора новыхъ для нея понятій вслѣдствіе такой крутой перемѣны въ ея положеніи — и она начала мечтать о своемъ положеніи, объ особенностяхъ и важности своего значенія при дворѣ, стала разыгрывать роль важной придворной дамы; вниманіе и ласки короля и всего двора, притекавшія, конечно, не столько изъ уваженія ея личнымъ достоинствъ, сколько изъ вниманія къ Мэntenонъ, вскружили ей голову. Эти мечты находились, очевидно, въ прямой противоположности съ яснымъ, точнымъ и строгимъ взглядомъ на жизнь ея покровительницы, — и онѣ рано или поздно должны были разстаться. Сначала же онѣ сошлись одною стороною духовной жизни, одною сильно развитою въ нихъ внутреннею потребностью учить и воспитывать, сошлись тѣсно, полюбили и оцѣнили другъ-друга искренно, а потому и вліяніе де-Бринонъ, по крайней мѣрѣ на первоначальное возбужденіе уже существовавшей въ зародышѣ наклонности Мэntenонъ, психологически совершенно естественно.

Мало-по-малу въ письмахъ ея начинаютъ появляться весьма деликатныя предостереженія противъ увлеченій тщеславія и самолюбія де-Бринонъ. Такъ она сначала старается удержать ее отъ желанія устроить особенную моленную съ нѣкоторою роскошью, говоря, что этого не хотятъ король

и архіепископъ. «Я не хотѣла говорить вамъ объ этомъ, — писала она, — боясь оскорбить васъ; но я хочу, чтобы вы знали, что я дѣлаю все, что могу ¹⁾». Де-Бринонъ любила писать стихи и комедіи религіознаго содержанія и была не равнодушна къ своимъ произведеніямъ: «надъ вашими произведеніями всегда будутъ смѣяться свѣтскіе люди, — писала ей Мэntenонъ, — но меня они развлекаютъ, потому что я смотрю на пользу, которую они могутъ доставлять нашимъ маленькимъ воспитанницамъ ²⁾». Пользуясь своими отношеніями къ Мэntenонъ, она часто беспокоила послѣднюю просьбами о покровительствѣ ея родственникамъ и друзьямъ: «когда я сопровождаю свои отказы основаніями, — пишетъ ей Мэntenонъ, — которыя вамъ кажутся слишкомъ строгими, то я дѣлаю это для того, чтобы предупредить всякую размолвку между нами; если бы я любила васъ менѣе, то не отвѣчала бы на эти просьбы, какъ я уже научилась этому продолжительною практикой; мнѣ хотѣлось бы излѣчить васъ отъ желанія доставлять другимъ удовольствіе, которое не зависитъ отъ насъ; мы обязаны дѣлать только то, что можемъ. Послѣ этого говорите мнѣ, что угодно, и браните меня, сколько угодно, я не оскорблюсь и буду съ нетерпѣніемъ ожидать времени, чтобы обнять васъ ³⁾».

Письма къ де-Бринонъ важны не только потому, что въ нихъ выразились педагогическія дарованія Мэntenонъ вообще и страсть къ воспитанію дѣтей, но и потому, что въ нихъ ясно успѣли высказаться въ самомъ началѣ педагогическаго поприща и ея существенныя понятія о воспитаніи, которымъ она осталась вѣрна во всю свою жизнь. «Прошу васъ, — писала она въ 1680 году, когда пансіонъ былъ еще въ Монморанси, — принять отираваемыхъ къ вамъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ и воспитывать ихъ какъ будущихъ служанокъ ⁴⁾»; нужно, чтобы онѣ научились Закону Божію, читать и писать

1) *Lettres édifiantes*, I, p. 4. — Сравни. *Lettres sur l'éducation*, p. 3.

2) *Lettres édifiantes*, I, p. 4.

3) *Ibid.*, I, p. 23.

4) Тогда Мэntenонъ еще вовсе не думала о Сень-Сирѣ и воспитывала на свой счетъ только бѣдныхъ дѣвицъ, преимущественно изъ своего имѣнія Мэntenонъ.

по французски, считать и самымъ грубымъ работамъ, какія только возможны для ихъ возраста ¹⁾. Вы хорошо дѣлаете, — писала она въ 1681 году, — что заставляете самихъ дѣвицъ прясть; ихъ нужно безъ отдыха держать за прялкой; эти люди способны къ добру только по привычкѣ, которая приобрѣтается продолжительнымъ временемъ ²⁾. Состояніе пансіона и въ Монморанси и въ Рюейлѣ, по недостатку средствъ, было весьма жалкое: дѣвицы помѣщались въ хлѣвѣ и много терпѣли и отъ тѣсноты и отъ холода. «Я не могу себя утѣшить, что нельзя видѣть моихъ маленькихъ сестеръ. Нужно бы было, пока погода хороша, устроить спальню надъ другимъ хлѣвомъ, о которомъ вы мнѣ говорили; я нахожу, что имъ тѣсно спать, а между тѣмъ я желаю увеличивать ихъ число, а не уменьшать; только въ Рюейлѣ онѣ могутъ хорошо заниматься.... Впрочемъ намъ не нужно скучать своею работою, нужно спасти ихъ тѣло и душу даже противъ ихъ воли; сохраните ихъ, я васъ умоляю, и будемъ работать для нашего спасенія.... Посылаю юпку M-lle de la Hasteloive ³⁾, мнѣ всегда будетъ пріятно доставить ей удовольствие; я прошу ее отъ всего моего сердца помочь намъ въ воспитаніи нашихъ маленькихъ дѣвочекъ; оно имъ нужнѣе жизни.... Предметъ нашихъ заботъ не высокъ, но Богъ, быть можетъ, будетъ въ немъ прославленъ болѣе, чѣмъ въ самыхъ блистательныхъ подвигахъ.... Будемъ подвизаться мужественно, будемъ воспитывать дѣтей, которыя будутъ распространять послѣ насъ ваше доброе воспитаніе; мнѣ остается только просить васъ не нарушать нисколько порядка по случаю моего пріхода; мнѣ пріятнѣе присоединиться къ занятіямъ другихъ, чѣмъ заставлять послѣднихъ покидать ихъ занятія.... Признаюсь вамъ, я чувствую величайшую привязанность къ воспитанію дѣтей, и если бы намъ помогали, мы могли бы усилить его; не больше труда потребуется для тридцати, сколько и для двадцати дѣвицъ, если только будетъ заведенъ хорошій порядокъ и если бы кто-нибудь

1) *Lettres sur l'éducation*, p. 2.

2) *Lettres édifiantes*, I, p. 3.

3) Бѣдная родственница Скаррона, принятая въ Рюейль.

единственно занялся этимъ порядкомъ ¹⁾. Съ такимъ же вниманіемъ и съ такою же материнскою заботливостью Мэнтенонъ входила во всѣ подробности, касавшіяся матеріальнаго довольства дѣвицъ и вообще внѣшняго благосостоянія пансіона. «Посылаю вамъ масла для моихъ маленькихъ воспитанницъ и деньги, которыя я должна за конецъ истекшаго мѣсяца, а также нѣсколько впередъ за настоящій. Я приготовила имъ передники, но хочу сама дать имъ и при этомъ посмотрѣть, довольно ли имъ готовится супу, потому что, скажу вамъ откровенно, я ни разу не видала у нихъ и половины того, сколько имъ нужно, и имѣю нѣкоторое подозрѣніе, что онѣ умираютъ съ голода» ²⁾. Последнее обстоятельство происходило отъ излишней экономіи занимавшейся этою частью дамы, Сень-Пьерръ. «Я постоянно боюсь экономіи Сень-Пьерръ, — писала она въ 1683 году; — чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что не нужно ничего копить» ³⁾. Не довольна она была также невнимательностью старшей служанки, Андрé. «Все, что вы мнѣ сообщаете о жалкомъ положеніи нашихъ маленькихъ сестеръ, заставляетъ меня досадовать на Андрé; эти дѣти слишкомъ часто бываютъ больны, чтобы имѣть все необходимое. Если она не будетъ помогать моимъ намѣреніямъ съ любовью, невозможно, чтобы она служила хорошо, потому что вовсе нѣтъ никакого удовольствія проводить свою жизнь въ томъ, чтобы бить вшей, мазать больныхъ чесоткой, заставлять мыть ноги, показывать каждой, какъ вытягивать нитки, раздавать лень и не давать терять времени ни минуты. Мнѣ кажется, что я сама сдѣлала бы очень хорошо все, чего желаю отъ Андрé» ⁴⁾.

Въ заключеніе нашего обзорѣнія первоначальнаго пансіона Мэнтенонъ въ Монморанси и Рюейлѣ, почитаемъ необходимымъ привести здѣсь вполнѣ составленныя ею пра-

1) *Lettres édifiantes*, I, p. 7—16.

2) *Lettres sur l'éducation*, p. 8.

3) *Lettres édifiantes*, I, p. 15.

4) *Lettres édifiantes*, I, p. 16. Дамы въ Сень-Сирѣ рассказывали, что она дѣйствительно часто исполняла самыя простыя и грубыя работы, ухаживая за маленькими воспитанницами.

вила въ видѣ афоризмовъ и написанныя собственноручно для бѣдныхъ воспитанницъ. Это первое сочиненіе Мэntenонъ о воспитаніи.

«Богъ васъ назначилъ служить другимъ, старайтесь сдѣлаться способными къ этой службѣ и приспособляйтесь къ вашему назначенію.

Богу угодно, чтобы богатые спасались, раздавая свое богатство, а бѣдные неимѣнемъ этого богатства.

Богатымъ труднѣе спастись, чѣмъ бѣднымъ.

Бываютъ добрые богачи и злые нищіе.

Богатые вамъ даютъ средства къ жизни, воздавайте имъ молитвами. Такъ мы будемъ помогать спасенію другъ друга.

Богу угодно, чтобы вы трудились; не желайте другаго состоянія.

Бѣдные крѣпче спятъ на своей соломѣ, чѣмъ богатые въ ихъ великолѣпныхъ постеляхъ.

Не думайте, что довольно быть бѣднымъ и страждущимъ, чтобы получить спасеніе, нужно терпѣливо переносить это состояніе изъ любви къ Богу.

Не завидуйте удовольствію давать милостыню, потому что, принимая ее, вы можете имѣть столько же заслуги передъ Богомъ.

Не ропщите противъ богатыхъ; Богу угодно, чтобы они были, какъ Ему угодно, чтобы вы были бѣдными.

Если вы не будете покоряться волѣ Божіей, ваша нищета будетъ также бесполезна для будущей жизни, какъ она тягостна для настоящей.

Ваше сердце довольно, когда ваше тѣло работаетъ, а у большей части вельможъ сердце волнуется, когда они кажутся совершенно счастливыми ²⁾.)»

Эти наставленія такъ много говорятъ за себя, дышать такою искреннею и широкою любовью къ человѣчеству, что излишне всякое ихъ объясненіе. Трудно съ большею ясно-

2) Lettres sur l'éducation, p. 5.

стью, простотою и теплотою, и при томъ въ столь не многихъ словахъ, внушить болѣе мира и любви между двумя положеніями, всегда такъ трудно примиряемыми.

Между тѣмъ издержки, которыхъ требовало содержаніе пансіона, стали увеличиваться и превышать средства Мэнтенонъ и она обратилась къ королю съ просьбою о помощи. Король, заинтересованный этимъ благотворительнымъ предприятиемъ, и въ-особенности желая помочь дворянству, сдѣлалъ болѣе, чѣмъ сколько она ожидала: онъ назначилъ для помѣщенія дѣвицъ только что купленный имъ замокъ *Нуаз* близъ Версаля, назначилъ сумму въ 30,000 ливровъ для произведенія въ немъ необходимыхъ работъ и обѣщалъ на собственный счетъ содержать сто дѣвицъ. Дѣлая эти пожертвованія и расширяя предѣлы прежняго пансіона, ни Людовикъ XIV, ни Мэнтенонъ еще не имѣли въ виду правильно устроеннаго института для образованія благородныхъ дѣвицъ тѣмъ менѣе такого блистательнаго института, какимъ впоследствии явился знаменитый Сенъ-Сиръ. «Всѣ думаютъ, говорила Мэнтенонъ послѣ, что я сама создала этотъ прекрасный планъ Сенъ-Сира. Это неправда. Богъ велъ это заведеніе къ возвышенію постепенно. Большое состраданіе къ бѣдному дворянству, потому что я сама была сиротою и бѣдною, небольшое знаніе состоянія дворянства побуждали меня помогать ему при моей жизни, но, предполагая дѣлать для него все, что я могла, я не предполагала дѣлать ему добро по смерти. Богъ знаетъ, что я никогда не мечтала о такомъ огромномъ заведеніи ¹⁾».

Перемѣщеніе пансіона изъ Рюейля въ Нуази совершилось 3-го февраля 1684 года. Помѣстительность зданія и большія средства, которыми теперь владѣло воспитательное заведеніе, позволяли сообщить болѣе правильности и порядка его устройству въ матеріальномъ, дисциплинарномъ и учебномъ отношеніяхъ. Каждое измѣненіе и улучшеніе совершалось подъ непосредственнымъ и бдительнымъ наблюденіемъ самой Мэнтенонъ и съ обычною ея бережливостію. «Я знаю

1) Histoire de la maison etc., p. 31.

господь королевскихъ архитекторовъ, — писала она де-Бри-нонъ, — они устроятъ насъ самымъ правильнымъ образомъ въ отношеніи къ симметріи и все-таки неудобно. Постараемся не потерять ни одной маленькой скамейки, ни одного маленькаго стула» ¹⁾. Дѣвицы были раздѣлены на четыре класса, по возрасту и образованію, и различались по цвѣту лентъ, которыя онѣ носили въ волосахъ, отъ чего и произошли названія *красныхъ* (отъ семи до десяти лѣтъ), *зеленыхъ* (отъ десяти до четырнадцати), *желтыхъ* (отъ четырнадцати до семнадцати) и *синихъ* (отъ семнадцати до двадцати лѣтъ). Эти названія сохранились и въ Сенъ-Сирѣ. Одежда для всѣхъ была одинаковая, простая и скромная. «Я желала бы, чтобы по моемъ возвращеніи (изъ Компьена), — писала Мэntenонъ той же дамѣ (1684), — наши маленькія сестры были всѣ одѣты одинаково. Если наше хозяйство не позволяетъ намъ нашить столько новыхъ платьевъ, по крайней мѣрѣ можно назначить имъ одинаковую прическу, дать одинаковые платки, черные или зеленые передники и сѣрое платье: этого довольно, чтобы сообщить видъ однообразія, приличнаго общественному заведенію. Я нахожу, что черные передники слишкомъ печальны, сдѣлаемъ имъ лучше изъ саржи, синей или зеленой; синій цвѣтъ во вкусъ короля, а мой цвѣтъ зеленый и хорошъ для глазъ. Рѣшайте ²⁾». Предметы обученія были: Законъ Божій, французскій языкъ, немного обучали счисленію и музыкѣ, но въ-особенности обращали вниманіе на рукодѣлье: вязанье, вышиванье, плетенье кружевъ и т. д. Въ то время, когда во Франціи сильно подняты были религіозные вопросы, во время уничтоженія нантскаго эдикта, Мэntenонъ помѣстила въ Нуази нѣсколько дѣвицъ, обращенныхъ въ католичество. «Скажу вамъ по секрету, — писала она брату, — что я набираю въ Нуази дѣвицъ, которыхъ содержитъ самъ король. Я говорю вамъ это подъ величайшею тайною, въ противномъ случаѣ я была бы загромождена ими. Я желала бы, чтобы и моя родина приняла участіе въ этомъ благодѣянніи. Если вамъ укажутъ на какую-нибудь

1) Lettres sur l'éducation, p. 8.

2) Lettres édifiantes, I, p. 26.

обращенную дѣвицу, то увѣдомьте меня о ея писни, возрастѣ, происхожденіи и о состояніи ея семейства ¹⁾.)»

Мэntenонъ была въ восторгѣ отъ своего заведенія въ его новомъ, удобномъ и просторномъ помѣщеніи, принимала и здѣсь самое дѣятельное участіе во всемъ, что въ немъ ни происходило, входила во всѣ хозяйственныя мелочи, горячо принимала къ сердцу каждый проступокъ своихъ воспитанницъ, всматривалась въ нихъ и, казалось, старалась угадать ихъ тайныя мысли и желанія, старалась предотвратить самое поползновеніе къ грѣху. Почти во всѣхъ письмахъ своихъ она распространяется о своемъ любимомъ предметѣ, занимавшемъ все ея существо. «Я не буду покойна до тѣхъ поръ, писала она де-Бринонъ, пока въ Нуази не будетъ введенъ порядокъ совершенно общественнаго заведенія. Это еще далеко, но я надѣюсь, что мы достигнемъ этой цѣли, лишь бы только вамъ и мнѣ не наскучили эти занятія.... Не забудемъ ничего, чтобы наше заведеніе было образцемъ для другихъ, не для того чтобы заслужить похвалу, но для того чтобы возбудить охоту къ устройству подобныхъ же заведеній ²⁾. Вы мнѣ доставите самое большое удовольствіе, если похвалите Нуази, пишетъ она брату ³⁾. Вообразите себѣ мое удовольствіе, пишетъ она ему же, когда я гуляю по аллеѣ въ сопровожденіи ста двадцати четырехъ дѣвицъ ⁴⁾.)» Воспитанницы были ей совершенно преданы и обращались съ нею даже свободнѣе, чѣмъ съ своею непосредственною начальницею, де-Бринонъ, и своими надзирательницами. «Де-Бринонъ не даетъ довольно свободы совѣсти, писала она Гобелену; по основательному страху злоупотребленій отъ исповѣди, она обращаетъ ихъ только къ одному монаху, который не говоритъ имъ ни слова. Де-Бринонъ думаетъ, что онѣ довольны, потому что не жалуются; но такъ какъ онѣ свободнѣе со мною, то и высказываютъ мнѣ свои без-

1) La Beaumelle, VI, p. 209. Въ другомъ письмѣ она извѣщаетъ брата, что двѣ дѣвицы, присланныя имъ, помѣщены въ Нуази. VI, p. 220.

2) Lettres édifiantes, I, p. 27.

3) La Beaumelle, VI, p. 212.

4) Histoire de la maison etc., p. 32.

покойства ¹⁾.)» Ее безпокоила только близость къ Версаю; она боялась, чтобы сосѣдство съ дворомъ и посѣщенія короля не внушили имъ высокаго мнѣнія о себѣ и не развили бы въ нихъ гордости, что, какъ она писала Гобелену, прямо противорѣчило ея намѣреніямъ. А потому она въ-особенности старалась о внушеніи имъ скромности и смиренія. Не довольствуясь въ этомъ отношеніи своими наставленіями, она обращалась къ лицамъ духовнымъ и просила ихъ тщательно испытывать совѣсть воспитанницъ и стараться искоренить въ самомъ началѣ эти опасныя и вредныя въ жизни расположенія. Опаснѣя Мэntenонъ были весьма основательны, если принять въ соображеніе весь характеръ воспитанія, какой желала она установить, бѣдность дѣвицъ и ту жизнь, для которой онѣ воспитывались. Безъ средствъ къ жизни въ довольствѣ, выпущенныя въ свѣтъ, онѣ должны были бороться съ недостатками всякаго рода и лишеніями. Гордость, особенно, когда она не основана на положительныхъ достоинствахъ, трудно уживается съ бѣдностью.

Въ заключеніе я здѣсь приведемъ сохранившійся отрывокъ инструкціи, составленной самою Мэntenонъ для дамъ, завѣдывавшихъ воспитаніемъ дѣвицъ въ Нуази.

«Должно заботиться о томъ, чтобы воспитанницы понимали, что имъ говорятъ и что читаютъ.

Учить ихъ говорить и писать по французски, но просто.

Чтобы говорили съ ними всегда въ христіанскомъ духѣ и разсудительно.

Чтобы имъ дѣлали постоянно замѣчанія, но съ кротостью и терпѣніемъ.

Чтобы часто оживляли ихъ обученіе.

Чтобы послѣднее не было слишкомъ продолжительно.

Чтобы воспитывали ихъ для міра, какъ добрыхъ христіанокъ, не требуя отъ нихъ выполненія монастырскихъ правилъ, не позволяющихъ поднять глазъ.

Чтобы не объявляли публично ихъ проступковъ.

Чтобы не ставили на колѣна за всякій проступокъ.

---

1) Lettres sur l'éducation, p. 14.

Чтобы примирялись взаимно по христіански, когда чувствуютъ себя оскорбленными другъ-другомъ.

Чтобы любили всѣхъ одинаково.

Чтобы внушали имъ великій страхъ къ міру, не давая однако чувствовать, что это дѣлается для приготовленія ихъ къ монастырской жизни, но чтобы объяснили имъ только преимущества послѣдней ¹⁾.)»

Сохранился отрывокъ и другой инструкціи, составленный въ то-же время для дамъ и заключающей въ себѣ нѣсколько превосходныхъ педагогическихъ правилъ рядомъ съ такими, которыя никакъ не могутъ быть оправданы здоровою педагогікою. Почитаемъ не излишнимъ сообщить читателямъ и этотъ небольшой отрывокъ вполнѣ.

«Необходимо, чтобы дамы дѣйствовали съ величайшимъ согласіемъ, такъ чтобы воспитанницы были убѣждены, что управляются однимъ духомъ.

Необходимо, чтобы дамы со всею искренностію и прямодушіемъ выполняли свои обязанности по отношенію къ воспитанницамъ, чтобы они не смотрѣли на послѣднихъ какъ на приходящихъ, которымъ только нужно дать урокъ: воспитанницы должны быть на первомъ планѣ; общество дамъ установлено только для нихъ — такова цѣль основателя; дамы произносятъ обѣдъ не только обучать ихъ, но и воспитывать а подъ этимъ выраженіемъ разумѣются всѣ заботы матерей о своихъ дѣтяхъ; а потому должно оставить всѣ другіе занятія для этого.

Должно заставлять соблюдать правила съ величайшимъ вниманіемъ, при чемъ, сколько возможно, должно хранить молчаніе.

Должно стараться отличать поступки, которыя могутъ имѣть послѣдствія для установленнаго порядка, отъ проступковъ, которые не могутъ имѣть этихъ послѣдствій. Напримѣръ воспитанница работаетъ дурно, съ трудомъ понимаетъ то, что ей передаютъ — нужно имѣть терпѣніе и не скупать этимъ недостаткомъ. Но если воспитанница безъ позво-

1) Lettres sur l'éducation, p. 9—10.

лепія выходить изъ класса, не должно допускать торіѣнція и ее нужно наказать, потому что это проступокъ, стекающій изъ ея собственной воли и уполномочивающій другихъ идти куда угодно.

Не должно быть придирчивыми, не стараться отыскивать проступка воспитанницъ, выискивать случаи пристыжать ихъ; наоборотъ, не все нужно слышать, или лучше, не на все нужно указывать, что видять и слышать; нужно казаться незнающимъ того, что можно незнать, напримѣръ, печально вырвавшееся слово, безвременный смѣхъ, легкій и мимолетный проступокъ ¹⁾.)»

Мы не будемъ останавливаться теперь на разборѣ выписанныхъ нами правилъ и наставленій Мэнтенонъ. Эти правила и наставленія вмѣстѣ съ множествомъ тѣхъ, которыя назначены были впоследствии для Сень-Спра, составляютъ одно цѣлое, связанное внутреннею связью, связью мысли и чувства женщины, умѣвшей глубоко мыслить и чувствовать и строго обсуживать собственные мысли и чувства, одно цѣлое, проникнутое однимъ общимъ педагогическимъ смысломъ и характеромъ. Случалось, правда, этой женщицѣ колебаться, впадать въ непослѣдовательность въ своей педагогической дѣятельности, но и эти колебанія и эта непослѣдовательность объясняются отчасти духомъ времени, отчасти собственнымъ ея характеромъ. Впрочемъ, и поверхностное чтеніе переданныхъ здѣсь педагогическихъ правилъ Мэнтенонъ достаточно для того, чтобы понять и оцѣнить и теорическое и практическое ихъ значеніе. Многіе изъ нихъ отличаются такимъ свѣтлымъ пониманьемъ существа воспитанія, человеческой души и жизни, что по всей справедливости могутъ быть поставлены въ рядъ педагогическихъ аксіомъ, что они одни назначаютъ Мэнтенонъ почетное мѣсто въ ряду лучшихъ, глубоко мыслящихъ и горячо чувствующихъ педагоговъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ суждено развиться съ подробностью и иногда съ неумѣреннымъ увлеченіемъ, долго спустя, и въ теоріи и практикѣ педагогической. Такъ ея предписа-

1) Lettres sur l'éducation, p. 17—18.

не оживляетъ обученіе (*égayer l'instruction*) ¹⁾, высказанное въ то-же время, конечно съ полною независимостью, знаменитымъ чешскимъ педагогомъ Амэсомъ Коменскимъ, составило задачу цѣлой педагогической школы, во главѣ которой стоялъ Базедовъ. Важность другаго ея предписанія о внутренней связи воспитанія и обученія вполнѣ понята и почувствована только въ нашъ вѣкъ мыслящими педагогами, хотя также независимо отъ нея, потому что ея драгоценныя педагогическія убѣжденія не были высказаны для свѣта и были неизвѣстны свѣту, ревниво охраняемые дамами Сень-Сира въ непроницаемой тайнѣ.

Пансіонъ въ Нуази существовалъ не долго, не болѣе шести мѣсяцевъ. Придворныя дамы осаждали просьбами Мэнтенонъ, чтобы она показала имъ свой пансіонъ. По указаннымъ выше причинамъ, она долго не соглашалась на удовлетвореніе ихъ просьбъ, наконецъ согласилась. Порядокъ, чистота, господствовавшіе въ Нуази, обращеніе дѣвицъ и ихъ усѣхи, произвели такое сильное впечатлѣніе на посѣтительницъ, что при дворѣ долго ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о воспитаніи въ пансіонѣ, устроенномъ Мэнтенонъ, и о благодѣяніяхъ его для государства. За этимъ посѣщеніемъ скоро послѣдовало посѣщеніе дофина, а велѣдъ за тѣмъ совершенно неожиданно посѣтилъ его и Людовикъ XIV. «Привратница, — сказано въ мемуарахъ Сень-Сира, — не зная, что дѣлать, и слыша, что сопровождавшіе короля кричатъ: «король, король,» выскользнула, смутившись, отвѣчала, что пойдетъ донести объ этомъ начальницѣ. Король обождаль, и не выразивши никакого неудовольствія, похвалилъ за строгость порядка и привратницу ²⁾». Это посѣщеніе Людовика XIV составляетъ эпоху въ исторіи педагогической дѣятельности Мэнтенонъ. Вскорѣ послѣ него скромный пансіонъ въ Нуази былъ превращенъ въ блистательный Сень-Сиръ. Послѣ подробнаго и внимательнаго осмотра, Людовикъ XIV такъ остался доволенъ этимъ заведеніемъ, такъ много добра въ бу-

1) Послѣ это правило высказано было ею еще съ большею ясностью въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «réjouir l'éducation, diversifier l'instruction.» *Lettres sur l'éducation*, p. 43.

2) *Histoire de la maison etc.*, p. 33.

душемъ представилось его воображенію отъ заведеній подобнаго рода, а обстоятельства того времени такъ настоятельно требовали этого добра, что онъ задумалъ великую мысль — распространить это добро на все государство, устроить въ обширныхъ размѣрахъ институтъ для воспитанія и образованія дочерей бѣдныхъ дворянъ всего государства. Этимъ институтомъ былъ Сень-Сиръ.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, оканчивается первый періодъ жизни Мэntenонъ, разсматриваемой въ педагогическомъ отношеніи. Въ годъ брака ея съ королемъ сѣ было уже безъ одного года пятьдесятъ лѣтъ, а потому характеръ ея сложился вполне. Постараемся собрать въ одно цѣлое разбросанныя выше черты этого характера и, по возможности, опредѣлить господствовавшія наклонности этой замѣчательной женщины. Такое опредѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что едва ли какая-либо историческая личность перенесла болѣе несправедливости, злорѣчія и клеветы и при жизни и по смерти. Съ другой стороны прекрасно выполненное Лавалле изданіе ея сочиненій дѣлаетъ вполне возможнымъ это опредѣленіе. Послѣ этого изданія не можетъ быть мѣста клеветѣ и ложнымъ сужденіямъ, потому что характеръ Мэntenонъ обрисовывается имъ рѣзко и ярко; послѣ этого изданія можно составлять какую угодно идею о ея историческомъ значеніи, можно, согласно съ этою идеею, хвалить ее или порицать, но во всякомъ случаѣ нельзя не уважать ея характера и не удивляться ея рѣдкимъ качествамъ.

Ни одно впечатлѣніе ребенка не пропадаетъ даромъ. Обнаруживающійся впоследствии складъ его души есть плодъ долговременной борьбы всей совокупности разновременно воспринятыхъ впечатлѣній. Это время — время броженія души, духовной закваски; оттого-то и дѣтство — время очарованія, воспоминаніе о которомъ сопровождаетъ насъ до гроба. Все, или, по крайней мѣрѣ, очень многое и очень важное, можетъ утратить постепенно слабѣющая память, но она продолжаетъ свято хранить все подробности дѣтства, помнить каждую ямку, вырытую нами въ песокъ и тотчасъ же заселенную созданіями нашего дѣтскаго воображенія, каждый пригорокъ, кусть, тропинку, среди которыхъ слагался нашъ внутренний

быть, которые давали намъ и получали обратно впечатлѣнія, которые питали нашу душу. Вотъ почему и наука о воспитаніи и практика воспитательная должны дорожить впечатлѣніями дѣтства, а послѣдняя должна оберегать, какъ святыню, творчество ребенка отъ всякаго соблазна и отъ всякой нечистоты. Здѣсь заключается и первый грѣхъ нашей воспитательной практики, грѣхъ тяжкій и богатый послѣдствіями. «Ребенокъ не смыслитъ,» говоримъ мы обыкновенно, позволяя себѣ въ его присутствіи соблазнительный поступокъ — и совершаемъ одно изъ тѣхъ *невдомыхъ прегрѣшеній*, за которые мы хотя и молимся, но которыхъ вредное вліяніе отъ того не слабѣетъ. Дѣтская невинность — нѣжное растение; нѣсколько оскорбленій — и она вянетъ и гложеть среди соблазновъ; на мѣсто ея являются нравственное отупѣніе и безнравственное безстыдство. А чадолюбивые родители не понимаютъ и удивляются, отъ чего и когда могло появиться такое нравственное безобразіе, жалуется на все и на всѣхъ, обвиняютъ все и всѣхъ, разумѣется, кромѣ себя.

Въ тюрьмѣ и нищитѣ родилась Франциска д'Обиньѣ. Мать не могла кормить ее отъ изтощенія, а отецъ готовъ былъ преслѣдовать и мать за то, что она произвела ее на свѣтъ, и дочь за то, что она явилась на свѣтъ. Грусть и тоска со всѣхъ сторонъ окружили ея дѣтство и эта грусть и эта тоска проходили въ ея душу вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями. Лишенія не покидали ее и послѣ: они сопровождали ее и на Мартинику, съ ними же она боролась и по возвращеніи въ Парижъ и во время замужества. Перемѣна воспитателей и направленій въ первоначальномъ воспитаніи также не могла остаться безъ вліянія на нее.

Хотя психологическій и педагогическій анализъ и не отличается математическою точностью въ заключеніяхъ отъ вліяній къ ихъ слѣдствіямъ, по безконечному различію организмовъ, на которые производятся вліянія, и по различію условій, при которыхъ они производятся, тѣмъ не менѣе мы не можемъ отказаться отъ небольшого сопоставленія первоначальныхъ впечатлѣній будущей Мэптенонъ и ихъ слѣдствій на развитіе ея характера. Множество опытовъ практическаго воспитанія подтверждаютъ ту мысль, что бѣдная и

полная лишениі и горя обстановка жизни, при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ на душу дѣтей и содѣйствуетъ быстротѣ и прочности ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Конечно, такъ бываетъ не со всѣми дѣтьми. Къ упомянутымъ благопріятнымъ условіямъ прежде всего принадлежатъ природа дѣтей и самый характеръ первоначальнаго воспитательнаго вліянія: натуры слабыя, особенно при беспорядочномъ дѣйствіи на нихъ, часто не выдерживаютъ всей тяжести матеріальныхъ лишениі; онѣ или падаютъ подъ ихъ бременемъ, или, что бываетъ еще чаще, получаютъ ложное направленіе. Природа маленькой Франциски безспорно не принадлежала къ числу послѣднихъ; ея дарованія отличались тою стройностью и тѣмъ богатствомъ, какія выпадаютъ на долю не многихъ. Такую натуру, *суровую и гордую*, по ея собственному выраженію ¹⁾, не могли ни подавить, ни извратить матеріальныя лишения. Мы не сомнѣваемся, что послѣднія весьма много содѣйствовали развитію основательности, точности и гибкости ея сужденія и твердости воли. Она рано ознакомилась съ трудомъ, безпокойствами, нуждами, привыкла къ нимъ и готова была встрѣтить съ полнымъ присутствіемъ духа всякую неудачу, обсудить ее спокойно и въ ней открыть пути къ успѣху. Здѣсь, въ ея первоначальномъ воспитаніи и его обстановкѣ, положено было основаніе развитію тѣхъ ея качествъ, которые такъ высоко цѣнили современники и самъ Людовикъ XIV.

Также обстановка воспитанія, безъ сомнѣнія, весьма много участвовала въ образованіи въ ней живаго и глубокаго сочувствія къ бѣдности и безпомощности другихъ, и преимущественно дѣтей. Къ дѣтямъ она была рѣшительно равнодушна. Она не могла безъ волненія говорить о дѣтяхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы. Она твердо помнила свое дѣтство, знала, сколько усилій, благопріятныхъ обстоятельствъ нужно, чтобы бѣдному ребенку выбраться къ свѣту, какъ не многимъ удается это и какъ большая ихъ часть, при тѣсной связи невѣжества съ безнравственностью, утра-

---

1) *Née rude, orgueilleuse. Lettres édifiantes, II, p. 421.*

чищает достоинство человѣка, тотъ образъ и то подобіе, которыя должны бы были посредствомъ образованія тѣснѣе соединить ихъ съ источникомъ свѣта. Она глубоко понимала необходимость и всѣ благодѣянія образованія, понимала всю святость обязанностей, лежащихъ на взросломъ поколѣніи—вести дѣтей къ ихъ истинному назначенію, и какъ бы на своей совѣсти взвѣшивала всю тяжесть грѣха въ этомъ отношеніи, лежавшаго на совѣсти ея современниковъ. Невинность дѣтей, незаслуженность ихъ положенія должны были, разумѣется, еще болѣе усиливать ея сочувствіе «бѣдныхъ дѣти, я люблю ихъ до ихъ пыли», сказала она однажды, когда они, ю уходѣ надзирательницы, въ ея присутствіи, подняли пыль и классная дама выразила безпокойство ¹⁾. Ей часто случалось находить брошенныхъ на дорогѣ дѣтей, съ запискою о крещеніи и возрастѣ, — и всѣхъ ихъ она принимала на свое попеченіе ²⁾. «Я всегда любила дѣтей,—говорила она въ Сень-Сирѣ, — и думаю, что Богъ вложилъ въ меня это чувство любви къ вамъ. Я воспитала много дѣтей, которыя играли также какъ и вы ³⁾.» Ни время, ни жизнь не могли ослабить въ ней этой страсти, на зарожденіе которой должно было имѣть сильное вліяніе ея первоначальное воспитаніе. Во время войны за испанское наслѣдство, во время самыхъ сильныхъ пораженій, нанесенныхъ французскому войску принцемъ Евгениемъ, Мэнтенонъ съ необыкновенною ревностью занималась воспитаніемъ дѣтей въ устроенныхъ ею школахъ въ Фонтенебло ⁴⁾, гдѣ тогда находился дворъ, сама почти ежедневно посѣщала эти школы, сама учила и съ истинно-материнскою заботливостью, слѣдила за усилками и нравственностью дѣтей. Мэнтенонъ постоянно продолжаетъ свою апостольскую жизнь, писала д'Омаль (отъ 9 іюля 1708 г.) къ начальницѣ Сень-Сира, она учитъ, гдѣ только можетъ, она была въ школѣ маленькихъ мальчиковъ и возвратилась

1) Lettres sur l'éducation, p. 138.

2) Lettres sur l'éducation, p. 257.

3) Entretiens sur l'éducation, p. 162.

4) Школа для мальчиковъ устроена была въ самомъ Фонтенебло, а для дѣвочекъ въ Авонѣ, деревнѣ близъ того же города (Lettres édifiantes, II, p. 242).

въ Авоонъ, въ школу дѣвочекъ. Я боюсь, чтобы послѣдняя не вступила въ состязаніе съ Сень-Сиромъ. Мнѣ пріятно увѣдомить васъ объ этомъ, чтобы вы приняли мѣры, потому что Мэнтенонъ принимаетъ близю къ сердцу авонскую школу ¹⁾. Madame здорова, шипеть она же (11 іюля того же года), въ 7½ часовъ она слушала обѣдню, а въ 9 часовъ уже была въ авонской школѣ и оставалась тамъ почти до полудня; во все это время она сама учила съ удивительнымъ терпѣніемъ, не скучая плохую понятливостью маленькихъ крестьянокъ, заставлявшихъ ее двадцать разъ повторять одно и то-же и все-таки не отвѣчавшихъ ни слова ²⁾.» Она въ особенности обращаетъ вниманіе на четырехъ изъ нихъ, чтобы они, въ ея отсутствіе, могли научить другихъ; каждый разъ послѣ ученія раадаетъ имъ по десяти су ³⁾. Дѣти любили ее какъ родную мать и часто бѣжали за ея каретою, крича изъ всѣхъ силъ ⁴⁾. Уже по смерти Людовика XIV, живя въ Сень-Сирѣ, она постоянно держала при себѣ нѣсколько дѣвицъ, будучи не въ состояніи ходить въ классы (ей было уже за 80 лѣтъ), сама учила ихъ и забавляла. «Можно сказать, — замѣчаетъ при этомъ Лавалле, — что Мэнтенонъ жила и умерла окруженная дѣтми; ихъ обученіе и увеличеніе составляли ея единственную страсть» ⁵⁾.

Вспомоществованіе бѣднымъ и утѣшеніе ихъ составляли

1) *Lettres édifiantes*, II, p. 241.

2) На непонятливость авонскихъ дѣвочекъ д'Омаль, главная помощница Мэнтенонъ въ этомъ дѣлѣ, часто жаловалась. «Всѣ мои ученицы, — писала она 21 іюля 1708 года, — больше любятъ красивое платье, чѣмъ милость Божію. Послѣ обученія, продолжавшагося цѣлый часъ сегодня утромъ, вотъ до какого результата мы дошли: вопросъ: «что такое Богъ?» — Отвѣтъ: «да.» *Lettres édifiantes*, p. 252.

3) *Ibid.*, p. 246.

4) *Lettres édifiantes*, II, p. 264. Эту любовь къ дѣтямъ и ихъ обученію она сообщала и окружающимъ ее лицамъ. «Пенсонъ, человекъ очень благочестивый, — писала д'Омаль (16 іюля 1708 года), — постоянно посѣщаетъ школу: онъ содержитъ школу для шести дѣвочекъ; Шолé, лакей Мэнтенонъ, человекъ очень умный и благочестивый, содержитъ столько же дѣвочекъ. Де-Дажждъ присоединила къ этимъ наставникамъ и наставляла одного изъ своихъ лакеевъ, чтобы замести въ послѣдствіи школы въ Данждъ. *Ibid.*, p. 249.

5) *Lettres édifiantes*, II, p. 450.

другую существенную задачу ея жизни. Въ этомъ отношеніи ея щедрость была нестоицима. Милостыни ея, — говоритъ д'Омаль, — поглощали наибольшую часть ея доходовъ и стоили ей отъ пятидесяти четырехъ до шестидесяти тысячъ ливровъ ежегодно. Въ 1694 году, во время голода, раздавши бѣднымъ всѣ свои доходы, она продала для нихъ же дорогой перстень и упряжь; кромѣ того она помогала монастырямъ, отдавая бѣдныхъ дѣвицъ замужъ, сама приходила къ бѣднымъ въ ихъ жилища, утѣшала ихъ и приносила все необходимое. Она упрекала себя за издержки, которыя дѣлала для себя, за каждое новое платье, говоря, что она этимъ отнимаетъ доходы у бѣдныхъ. Въ одномъ письмѣ своемъ въ Сень-Сиръ она не совѣтуетъ заводитья большими постройками, потому что она не можетъ посылать много денегъ, такъ какъ должна дѣлиться съ безчисленнымъ множествомъ бѣдныхъ, которые доходятъ до ея свѣдѣнія ¹⁾. На просьбу брата выслать ему денегъ она однажды отвѣчала: «я лучше хочу кормить своихъ бѣдныхъ, чѣмъ вашихъ лошадей ²⁾.» Мое мѣсто, говорила она въ Сень-Сирѣ, имѣетъ много неприятныхъ сторонъ, но оно доставляетъ мнѣ удовольствіе давать. Впрочемъ, такъ какъ оно не позволяетъ мнѣ никогда нуждаться въ чемъ-либо и распоряжаться для этой цѣли только необходимымъ, — мои милостыни родъ роскоши, правда, полезной и дозволенной, но не имѣющей заслуги. Вотъ невыгоды этого мѣста ³⁾!»

Оттого ея безкорыстіе, отсутствіе всякой заботы о себѣ, о томъ, чтобы обезпечить свое состояніе, упрочить спокойствіе и довольство старости, были поразительны. И преданныя ей лица, и самъ король неоднократно считали долгомъ напомнить ей, что она вовсе не заботится о своемъ будущемъ. «Если бы я стала хлопотать объ этомъ, — сказала она однажды въ Сень-Сирѣ, — я затруднила бы и обезпокоила бы короля отысканіемъ средствъ сдѣлать мнѣ добро, а я не

1) Il faut que je me partage entre une infinité de misères qui viennent à ma connaissance. Lettres sur l'éducation, p. 350.

2) La Beaumelle, VI, p. 182.

3) Histoire de Noailles, II, p. 117.

для этого при немъ ¹⁾.) Ея обвиняють обыкновенно въ невниманіи къ положенію ближайшихъ ея родственниковъ и знакомыхъ. Ея родной братъ, докучавшій ей болѣе всѣхъ своими просьбами, и двоюродный, маркизь де-Виллетъ, m-me de Caylus, дочь послѣдняго, и другіе имѣли весьма посредственныя мѣста. «Я предоставляю вамъ въ должнѣ Іосафатовой судить, плохая ли я родственница, писала она въ 1700 году. Я могу ошибаться, но думаю, что я должна дѣлать именно то, что я дѣлаю, и что Богъ не для того поставилъ меня на то мѣсто, на которомъ я теперь нахожусь, чтобы безпрестанно преслѣдовать того, кому бы я хотѣла доставить покой ²⁾.)»

Ея неистощимою благотворительностію и рѣдкимъ безкорыстіемъ объясняются и другія неизмѣнныя ея качества — бережливость и простота во всей жизни. Будучи женою могущественнаго государя, посреди истинно-азіатской расточительности двора, она не обращала вниманія на впѣшній блескъ, подчиненіе, отличія, и во всѣхъ церемоніяхъ смѣшивалась съ придворными дамами, охотно уступая первенство аристократическимъ фамиліямъ. «Вы знаете мою суровость въ духовномъ отношеніи, — писала она одной дамѣ въ Сень-Сиръ (1706), — недостатокъ опытности во всемъ, что удаляется отъ обыкновеннаго пути, и мою наклонность къ величайшей простотѣ ³⁾.)» Любопытно въ этомъ отношеніи ея письмо къ де-Фонтэнъ (1689). Дамѣ де-Монфоръ, во время ея болѣзни, посоветовали ѣсть апельсины. Придворный медикъ Фагонъ не видѣлъ въ нихъ пользы, а Мэntenонъ находила это лѣкарство убыточнымъ и слишкомъ роскошнымъ. «Есть лѣкарства, — писала она, — въ которыхъ никогда нельзя отказывать, чего бы они ни стоили, и въ этихъ случаяхъ ваша любовь не должна имѣть предѣловъ; но апельсины еще никого не вылѣчили ни отъ какой болѣзни, а между тѣмъ слишкомъ вкусны, чтобы желать ихъ ⁴⁾.)» Въ другомъ

1) Histoire de Noailles, II, p. 112.

2) Ibid., p. 113.

3) Lettres édifiantes, II, p. 194.

4) Ibid., I, p. 103.

письмѣ она замѣчаетъ одной дамѣ, что она тратитъ очень много бумаги въ своихъ письмахъ и что ея скудость не можетъ терпѣть этого ¹⁾). Весьма поучительно сопоставить эту строгую бережливость и простоту съ ея благотворительностью.

Важное значеніе въ первоначальномъ воспитаніи Ментенонъ имѣло также и то обстоятельство, что мать, по свидѣтельству Лабомеля, занималась болѣе ея образованіемъ, чѣмъ образованіемъ сына. Изъ того же свидѣтельства видно, что она усердно помогала брату въ его урокахъ, хотя эта помощь не всегда отличалась законностью, можно думать, что она своими работами не только прикрывала безпечность и шалости своего брата, но и вообще служила ему своими указаціями и руководствомъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ бѣдностью воспитательной среды, при постепенно развивавшемся самосознаніи, не могло оставаться безъ послѣдствій: съ одной стороны они еще съ дѣтства приготавливали въ ней ту склонность наставлять и обучать дѣтей, которая въ слѣдствіи сдѣлалась въ ней господствующею, съ другой — должно было сильно дѣйствовать на развитіе въ ней самолюбія. Къ сожалѣнію, послѣднее чувство пустило слишкомъ глубокіе корни въ ея еще дѣтскую душу и скоро явилось однимъ изъ главныхъ двигателей ея поступковъ, ея жизни, орудіемъ ея возвышенія. Чрезмѣрная заботливость о себѣ, о мнѣніи другихъ, желаніе казаться и отличатся отъ другихъ чѣмъ-либо особеннымъ, обращать на себя общее вниманіе, духъ преобладающаго, первенства — вотъ тѣ черты, которыя еще въ дѣтствѣ легли въ основаніе ея характера, сообщили ему особенную энергію и упругость и которыя, разумѣется, нельзя причислить къ лучшимъ чертамъ характера: тамъ, гдѣ самолюбіе становится главною пружиною дѣятельности, трудно ожидать нравственной чистоты побужденій. Это былъ недостатокъ Ментенонъ, который впрочемъ она сама признавала и о которомъ весьма часто упоминала въ своихъ письмахъ и разговорахъ. «Я болѣе безпокоюсь о вашей славѣ, чѣмъ о вашихъ грѣхахъ, — пишетъ она де-

1) Ibid., II, p. 341.

Монтюръ (1689); — первая больше всего удаляетъ насъ отъ Бога — и противъ этого-то зла вы нуждаетесь въ средствахъ. Я нахожусь точно въ такомъ же состояніи, но я истощаю всѣ усилія, чтобы излѣчиться отъ этого недостатка ¹⁾. Наша гордость и наше самолюбіе нуждаются въ уничтоженіи, и чтобы наказать ихъ, Богъ посылаетъ намъ недостатки и допускаетъ совершать грѣхи, которые даютъ замѣтить намъ нашу слабость и которые плохо соответствуютъ нашему стремленію къ совершенству ²⁾.» Въ письмѣ къ епископу шартрскому она жалуется, что никакъ не можетъ удержаться отъ порывовъ самолюбія и не дѣлаетъ успѣховъ въ самоотреченіи ³⁾. Тотъ же епископъ въ письмѣ къ ней совѣтуетъ ей отречься не только отъ грубыхъ интересовъ самолюбія, но еще болѣе отъ утонченныхъ искушеній тщеславія и самоугожденія ⁴⁾. Иногда въ ея письмахъ замѣтно стараніе смягчить свой недостатокъ, что впрочемъ естественно, потому что то-же самолюбіе было источникомъ многихъ истинно благотворительныхъ дѣйствій. «Я не знаю своихъ грѣховъ, — писала она Гобелсону; — у меня нравственныя убѣжденія и добрыя склонности, которыя не позволяютъ мнѣ дѣлать зло; у меня есть желаніе нравиться и быть уважаемой, что заставляеть меня быть на-сторожѣ противъ страстей. Собственно не за поступки я могу упрекать себя, а за побужденія слишкомъ человѣческія, за большое тщеславіе, легкомысліе и разсѣянность, за большую свободу мыслей и сужденій, за принужденіе въ словахъ, основанное только на человѣческомъ благоразуміи ⁵⁾.» По отношенію къ этимъ слишкомъ человѣческимъ побужденіямъ замѣчательно слѣдующее мѣсто изъ одного разговора ея съ Глазионъ (1711). Когда разговоръ обратился къ различнымъ предметамъ и когда заняла рѣчь о ненависти, то Монтенонъ сказала при этомъ, что она во всю свою жизнь чувствовала

1) Lettres édifiantes, I, p. 80.

2) Ibid., II, p. 191.

3) La Beaumelle, XII, p. 75.

4) Ibid., XII, p. 36 и 59.

5) Histoire de Noailles, I, p. 164. — La Beaumelle, VI, p. 341.

ненависть только къ одной особѣ, по что эта ненависть была въ ней такъ сильна, что она чувствовала себя дурно, проходя мимо двери этой особы. «Я была въ восторгѣ, — воскликнула Мэntenонъ, — когда мнѣ представился случай оказать ей услугу!» — «По нравственному побужденію?» спросила Глапіонъ. — «О нѣтъ, — отвѣчала Мэntenонъ вздохнувъ, — нѣтъ, нѣтъ, по гордости, по адскому чувству, чтобы сдѣлать прекрасное дѣло и чтобы она была мнѣ обязана — дьявольское чувство 1).» Въ заключеніе не могу не привести превосходнаго отрывка изъ другаго задушевнаго разговора ея съ тою же дамой. «Во-первыхъ, — говорилъ она, — еще въ дѣтствѣ я была лучшимъ маленькимъ созданиемъ, какое только вы могли бы вообразить себѣ. У меня были прекрасныя способности и доброе сердце, однимъ словомъ, — я была поистинѣ тѣмъ, что называютъ добрымъ ребенкомъ. Всѣ меня любили, начиная отъ слугъ и служанокъ до моей теткн, у которой я тогда жила, всѣ были очарованы мною, — и все это потому, что я думала только о томъ, какъ бы доставить всѣмъ удовольствіе. Когда немного подросла, я жила въ монастыряхъ: вы знаете, какъ меня любили тамъ и начальницы и подруги, я объ этомъ нѣсколько разъ рассказывала вамъ; онѣ были въ восторгѣ отъ меня и всегда по тѣмъ же самымъ причинамъ: оттого, что я старалась услужить имъ, съ утра до вечера думала только о томъ, какъ бы обязать ихъ, какъ бы угодить имъ. Послѣ того я появилась въ свѣтъ и была любима всѣми: мужчины слѣдовали за мною, потому что я владѣла еще прелестью юности; женщины любили меня, потому что я была скромна въ обществѣ и занималась больше другими, чѣмъ собой. Наибольшую честь для себя я видѣла всегда въ дружбѣ, исполненной уваженія, и притомъ общей. Я не хотѣла, чтобы кто-либо въ-особенности любилъ меня, я хотѣла быть любимой всѣми, хотѣла, чтобы обо мнѣ говорили хорошо, хотѣла играть важную роль и приобрѣтать

---

1) *Lettres édifiantes*, II, p. 364. Причина этой ненависти была слѣдующая: когда Мэntenонъ пришла благодарить королеву-мать за назначенную ей пенсію, эта дама сказала: «если королева даетъ пенсію прекраснѣйшимъ глазамъ въ мірѣ и искуснѣйшей кокеткѣ, то она хорошо дѣлаетъ.» Тамъ же.

похвалы отъ честныхъ людей: это былъ мой идолъ. Не было ничего, что бы я не была способна сдѣлать и перетерпѣть за доброе слово о себѣ. Я принуждала себя много и это мнѣ ничего не стоило, лишь бы имѣть хорошее мнѣніе о себѣ. Я не заботилась о богатствѣ и далеко возвышалась надъ интересами, но я искала чести. Не правда-ли, какъ эта гордость, которая сопровождала всю мою юность, противорѣчитъ истинной добродѣтели? Это грѣхъ Люцифера ¹⁾.» Изъ этихъ словъ, искренно высказанныхъ въ задушевной бесѣдѣ, можно видѣть, какъ много и нравственнаго заключалось въ самолюбіи Мэntenонъ, какъ живо выражается въ нихъ сознание человѣческаго достоинства и къ какому самоотверженію способна была женщина, воодушевленная такимъ чувствомъ, если бы это чувство давало болѣе простора другимъ, менѣ эгоистическимъ и болѣе гуманнымъ, побужденіямъ. Чувство самолюбія такъ сильно развито было въ ней, что изъ него, какъ изъ источника, старались объяснить всю ея дѣятельность, включая сюда и педагогическую. Мы не можемъ не признать участія этого чувства и въ ея трудахъ по воспитанію дѣтей, но въ то-же время никакъ не можемъ согласиться, чтобы она въ этомъ отношеніи исключительно руководилась эгоистическими побужденіями. Самое поверхностное знакомство съ изданными теперь ея сочиненіями можетъ убѣдить каждаго въ несправедливости такого мнѣнія. Въ этихъ сочиненіяхъ, не говоря уже объ общемъ ихъ направленіи и характерѣ, во множествѣ разсѣяны предостереженія отъ этого адскаго чувства, отъ этого грѣха Люцифера. Преувеличивая, можетъ быть, свой недостатокъ, она не рѣдко впадаетъ въ крайность и въ этихъ предостереженіяхъ, стараясь подавить въ воспитанникахъ всякое мнѣніе о себѣ и безпрестанно проповѣдуя смиреніе и уничиженіе. Она была убѣждена, что женщины наиболѣе склонны къ этому грѣху. «Гордость есть величайшій грѣхъ, — писала она Глапионъ, — и привлекаетъ на людей всѣ несчастія; женщины гораздо воспримчивѣе къ нему, потому что гораздо слабѣе ²⁾.» Во-

1) *Lettres édifiantes*, II, p. 213—214. — Сравни. также II, стр. 220—221.

2) *Ibid.*, II, p. 434.

общее изъ этого источника объясняется весьма много такихъ педагогическихъ предписаній Мэнтенонъ, которыя никакъ не могутъ быть одобрены здоровою и рациональною педагогикою.

Тотъ же духъ преобладанія, нервенства, могъ получать обильную пищу и отъ главнаго образовательнаго средства, которое съ особенною силою примѣнялось въ дѣлѣ обученія Мэнтенонъ и на которое ея мать болѣе всего рассчитывала — отъ біографіи Плутарха. Исторія педагогики представляетъ много примѣровъ воодушевленія дѣтей чтеніемъ біографіи Плутарха, воодушевленія, нерѣдко сопровождавшаго ихъ во всю жизнь и служившаго источникомъ великихъ дѣйствій, примѣровъ воспитанія посредствомъ этихъ великихъ историческихъ личностей. Съ удивительнымъ постоянствомъ пользовались онѣ уваженіемъ въ педагогической практикѣ. Припомнимъ, какъ сильно онѣ дѣйствовали на нашего Суворова; припомнимъ, что Екатерина II такъ высоко цѣнила воспитательное значеніе плутарховыхъ біографій, что и не многіе свои досуги удѣляла на ихъ переводъ; отдавая однажды листъ этого перевода Храповицкому, она сказала: «это одно утѣшеніе, *eela me fortifie l'ame* 1)». Изъ приведенныхъ выше словъ самой Мэнтенонъ о чтеніи Плутарха въ дѣтствѣ легко составить себѣ понятіе, какъ могущественно было вліяніе этого чтенія на душу ребенка, какъ приковывала ее къ себѣ эта простота быта древнихъ героевъ, ихъ героическіе и вмѣстѣ доступные дѣтскому разумѣнію подвиги, какую прелесть имѣла для дѣтей, привыкшихъ идеализировать дѣйствительность, эта идеализація древняго быта, это чудесное, которое они ищутъ и находятъ во всемъ, что ихъ ни окружаетъ. Отсюда малолѣтняя Франциска могла почерпнуть и первыя стремленія къ великому и возвышенному; отсюда она могла почерпнуть и твердость, упорную настойчивость въ достиженіи цѣли своихъ стремленій.

Другая отличительная черта ея характера, легко объясняемая первоначальнымъ воспитаніемъ, его обстановкою, а равно и послѣдующею жизнью, всегда сопровождаемою нуждою и лишеніями, была необыкновенная живость, впечатли-

1) Отеч. Зап., 1824, II, стр. 403 и 413.

тельность, раздражительность. Объ этой чертѣ она также часто упоминаетъ во всѣхъ своихъ письмахъ и разговорахъ. «Мнѣ писали однажды, — говорила она одной дамѣ, — что у меня такая чувствительность, которая нуждается въ сильной уздѣ ¹⁾. «Въ Сень-Сирѣ имѣютъ основаніе думать, — пишетъ она въ другомъ письмѣ, — что получаемыя мною оттуда письма не беспокоятъ меня. Нѣтъ, мои дорогія дѣти, вы не беспокоите меня; вы можете меня раздосадовать, оскорбить, вывести изъ терпѣнія, потому что я слаба, раздражительна и нетерпѣлива, но вы никогда не можете быть мнѣ въ тягость, никогда не можете надоѣсть мнѣ ²⁾. Богъ надѣлилъ меня такою чувствительностью, которая заставляетъ меня переиспытывать на себѣ самой всякое горе, и общее и частное, и входить въ несчастье каждаго, какъ будто бы оно было мое собственное ³⁾.»

Этотъ чертою характера Мэнтеновъ объясняется другое ея качество, другой ея недостатокъ, въ которомъ она также часто признавалась и своимъ духовнымъ наставникамъ и дамѣ Сень-Сира — нетерпѣливость, воспѣшность въ задумываніи и приведеніи въ исполненіе плановъ. Это качество весьма важно для опредѣленія характера ея педагогической дѣятельности, а можетъ быть и для опредѣленія ея вліянія на ходъ историческихъ событій вообще. Здѣсь прежде всего должно искать объясненіе частыхъ, иногда не своевременныхъ, излишнихъ, а иногда и вредныхъ переимѣнъ въ ея педагогическихъ распоряженіяхъ, тогда какъ педагогическія мѣры, уже по самому существу своему, требуютъ наиболѣе обдуманности и постоянства; здѣсь же должно искать объясненія и той радикальной реформы, которая такъ быстро и безъ настоятельной необходимости произведена была въ Сень-Сирѣ, вскорѣ послѣ его основанія. Мэнтеновъ вполнѣ признавала этотъ свой недостатокъ и старалась, сколько могла, воздерживаться отъ него. «Не желайте идти слишкомъ быстро, — писала она одной дамѣ, — все совершен-

1) Lettres édifiantes, I, p. 169.

2) Lettres édifiantes, I, p. 246.

3) Ibid., II, p. 220. — Сравни II, стр. 199 и др.

ствуется со временемъ, не нужно только терять мужества: это большое искушеніе для людей нашего темперамента ¹⁾. Вы знаете, — говорила она Глапюнъ, — что я всегда не любила, чтобы меня торопили. Когда я была еще пяти лѣтъ, это производило на меня болѣзненное дѣйствіе; я чувствовала себя дурно, когда слишкомъ торопилась, потому что я по природѣ очень жива и слѣдовательно уже сама-собою довольно тороплюсь; кромѣ того я очень впечатлительна, такъ задыхаюсь отъ поспѣшности до изнеможенія ²⁾.» Признавалась она въ этомъ недостаткѣ и по отношенію къ упомянутой реформѣ Сенъ-Спра. «Я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо, — писала она въ это время (5-го марта 1692 г.), и что моя нетерпѣливость не помѣшаетъ вамъ. Вотъ чего я желаю и о чемъ молю Бога. Мои недостатки должны бы были внушить мнѣ большое терпѣніе къ вашимъ, но вы знаете, какъ часто по страсти къ дѣтямъ желаютъ имъ болѣе добра и пользы, чѣмъ самимъ-себѣ: мнѣ кажется, что я именно нахожусь въ томъ расположеніи къ дамамъ св. Людовика ³⁾. Вы справедливо говорите, — пишетъ она въ другомъ письмѣ отъ того же времени (20-го октября 1692 г.), — что я нуждаюсь въ терпѣніи и вы слишкомъ хорошо знаете, что у меня вовсе нѣтъ терпѣнія; молитесь же Богу, чтобы Онъ послалъ мнѣ терпѣніе ⁴⁾.» Изъ этого письма ясно видно, что дамы старались внушить ей мысль, что предпринимаемая ею реформа, — обращеніе Сенъ-Спра въ правильный монастырь, — слишкомъ крута и что нужно только время, чтобы и безъ такой реформы искоренить зло, посяннос квіетизмомъ.

Нетерпѣливость и поспѣшность Мэнтенонъ часто обнаруживались даже въ обсужденіи собственныхъ поступковъ, собственной жизни, особенно въ отношеніи къ совершенствованію послѣдней въ религіозномъ смыслѣ. Вдругъ ей представится, что ея благочестіе слабѣетъ — и во всѣхъ

1) Ibid., II, p. 47. — Сравни. II, стр. 86—87.

2) Ibid., II, p. 164.

3) Ibid., I, p. 204.

4) Lettres édifiantes, I, p. 253.

письмахъ своихъ она выражаетъ живѣвшее и какое-то лихорадочное безпокойство о своемъ нравственномъ паденіи, необходимость усилить обычныя религіозныя упражненія, даже прибѣгнуть къ умерщвленію плоти. Духовные наставники не однократно должны были воздерживать ее отъ поспѣшности въ сужденіи о себѣ-самой и отъ неуимѣреннаго выраженія благочестія во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, въ ущербъ занятіямъ, которыхъ требовало ея призваніе. «О, какъ наша вѣра слаба и несоразмѣрна съ обычными нашими религіозными упражненіями, — писала она въ Сенъ-Сиръ (20-го декабря 1690 г.). Ежедневно размышляемъ мы о Богѣ, представляемъ себѣ Его присутствіе, приобщаемся три раза въ недѣлю — и при всемъ томъ болѣе безпокоимся о своемъ будущемъ, чѣмъ философы, опиравшіеся въ своихъ размышленіяхъ только на одинъ разумъ; болѣе полагаемся на слово честнаго человѣка, чѣмъ на слово Бога, который обѣщаетъ намъ все, если только мы будемъ искать Его царства и правды 1)» Въ ея, такъ-называемыхъ, отчетахъ, или испытаніяхъ совѣсти, которыя были тогда въ большемъ употребленіи, встрѣчаются мѣста, исполненные возвышеннаго лиризма, въ которыхъ она жалуется на свои недостатки и въ особенности на свою нетерпѣливость.

Таковы черты характера Мэntenонъ, которыя мы старались объяснить не многими чертами предложеннаго выше біографическаго очерка, и увѣрены, что между ними такая же связь, какая между причинами и ихъ слѣдствіями 2). Нѣтъ сомнѣнія, что ея біографія могла бы быть обширнѣе и занимательнѣе и что сопоставленіе явленій ея первоначальнаго воспитанія съ явленіями послѣдующей ея жизни

1) Ibid., I, p. 139.

2) Для характеристики Мэntenонъ, ея достоинствъ и преимущественно недостатковъ, важно обширное письмо къ ней Фенелона, въ которомъ онъ весьма искусно анализируетъ ея побужденія. Оно помѣщено у Лабомеля, X, стр. 127—144. «Это письмо, — говоритъ Лабомель, — извлечено изъ рукописи, собственноручно написанной самою Мэntenонъ и озаглавленной: «sur mes défauts.» Маршалъ Вильруа, прочитавши эту рукопись и, отсылая ее обратно, писалъ: «je vous envoie le petit livre que vous m'avez confié: avouez qu'il y a un petit mouvement de vanité à faire parler de ses défauts.» X, p. 127.

могло быть многосложнѣе и разнообразнѣе, но мы спѣшимъ замѣтить, что смотрѣли на ея жизнь исключительно съ педагогической точки зрѣнія: для насъ явленія ея жизни были важны или какъ важныя воспитательныя явленія сами по себѣ, или — и это преимущественно мы имѣли въ виду — по ихъ отношенію къ послѣдующей ея педагогической дѣятельности.

Н. ЛАВРОВСКІЙ.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

I.

Изъ края въ край твой путь лежитъ;

Идешь ты — радъ не радъ.

По вѣтру нѣжный зовъ звучитъ —

И ты взглянулъ назадъ.

Твоя любовь въ странѣ родной;

Манитъ, зоветъ она:

«Вернись домой! побудь со мной!

Ты радость миѣ одна».

Но путь ведетъ все въ даль и тьму —

И остановки нѣтъ....

Что такъ любилъ — на вѣкъ къ тому

Запалъ возвратный слѣдъ.

II.

На дальнемъ небосклонѣ,

Туманною грядой,

Встаетъ старинный городъ,

Одѣтъ вечерней мглой.

Кудрявитъ влажный вѣтеръ

Равнину спыхъ водъ;

Гребецъ мой однозвучно

Весломъ по влагѣ бьетъ.

Заря, чуть тешась, кажется

Мѣста, гдѣ я любилъ,

Гдѣ все, что мило сердцу,

На вѣкъ похоронилъ.

III.

Лежу ли, бессонною ночью,
 Въ постели, одинъ, безъ огня —
 Лицо твое съ кроткою лаской
 Изъ мрака глядитъ на меня.

Закрою ль усталыя вѣки
 И тихо забудусь во снѣ —
 Твой нѣжный и ласковый образъ
 Прокрадется въ грезы ко мнѣ.

И утро его не унеситъ,
 Летучія грезы гоня....
 Весь день, неразлучно со мною,
 Живетъ онъ въ душѣ у меня.

IV.

Полно, сердце! что съ тобою?
 Покорись своей судьбѣ!
 Все, что отнято зимою,
 Возвратить весна тебѣ.

Да и все ли измѣнилось?
 Вѣдь широкъ Господень свѣтъ!
 Все, что люблю, все, что мило,
 Все люби — запрета нѣтъ!

V.

И розы на щечкахъ у милой моей,
 И глазки ея, незабудки,
 И бѣлыя лиліи, ручки-малютки,
 Цвѣтутъ все свѣжѣй и пышнѣй;
 Одно лишь сердечко засохло у ней!

VI.

Какъ разстанутся двое —
 Другъ другу руки жмутъ,
 И нѣтъ конца прощанью:
 Вдыхаютъ, слезы льютъ.

Безъ вздоховъ и безъ плача
 Пошли мы въ розный путь....

А вотъ и слезы льются,
И вздохи давятъ грудь.

VII.

Буря поетъ плясовую,
Свищетъ во всю свою мочь.
Пляшетъ нашъ бѣдный корабликъ....
Что за разгульная ночь!

По морю буйной ватагой
Съ грохотомъ волны бѣгутъ;
Черныя пасти зѣяютъ,
Бѣлыя горы встаютъ.

Слышны въ каютахъ проклятья,
Рвота, молитвы и вой....
Крѣпко держусь я за мачту,
Думаю: буду-ль домой?

VIII.

А с р а.

Каждый день, порой вечерней,
Дочь султана молодая
Тихо по саду проходить
Близъ журчащаго фонтана.

Каждый день, порой вечерней,
У журчащаго фонтана
Молодой стоитъ невольникъ.
Съ каждымъ днемъ онъ все блѣднѣе.

Разъ къ нему подходитъ быстро
Съ быстрой рѣчью дочь султана:
«Знать хочу твое я имя;
Кто ты родомъ и откуда?»

Отвѣчаетъ ей невольникъ:
«Магометъ я, изъ Емеца,
Родомъ Асра: всѣ мы въ родѣ
Умираемъ, какъ полюбимъ!»

IX.

Снова роща зеленѣетъ,
Нѣги дѣвственной полна;
Солнце весело смѣется...
Здравствуй, юная весна!

Соловей! и твой унылый,
Страстный голосъ слышенъ вновь;
Звуки плачутъ и рыдаютъ,
И вся пѣснь твоя — любовь!

X.

Случайно со мной повстрѣчалась
Въ пути моей милой семья;
И мать, и отецъ, и сестричка —
Всѣ тотчасъ узнали меня.

Распрашивать стали, здоровъ ли,
И мнѣ говорили: «Ей-ей!
Такой же вы все какъ и прежде;
Лишь стали немножко блѣднѣй!»

Я тоже спросилъ ихъ — о теткахъ,
О братцахъ, о прочей роднѣ;
Спросилъ о щеночкѣ, что лаялъ
Такъ нѣжно, ласкаясь ко мнѣ...

Да кстати спросилъ и о милой...
Я съ свадьбы ея не видалъ...
И дружески мнѣ отвѣчали:
«На дняхъ ей сыночка Богъ далъ!»

И дружески я ихъ поздравилъ,
И молвилъ — какъ могъ лишь нѣжнѣй:
«Ахъ! будьте добры, передайте
Сердечный поклонъ мой и ей!»

Сестричка межъ тѣмъ мнѣ кричала:
«Щеночка ужъ нѣтъ моего!
Былъ смиренный; а выросъ — взбѣялся,
И бросилъ въ рѣчку его!»

Какъ съ милою схожа малютка!
 Улыбка — двѣ капли, ее;
 И глазки такіе же точно,
 Что счастье сгубили мое!

XI.

Какъ-то разъ, въ потемкахъ жизни,
 Засіялъ передо мной
 Свѣтлый образъ; но погасъ онъ —
 И я вновь окутанъ тьмой.

Дѣти малыя въ потемкахъ,
 Чтобы страхъ преодолѣть
 И унять тревогу сердца,
 Начинаютъ громко пѣть.

Вотъ и я — ребенокъ глупый —
 Точно такъ пою въ потьмахъ....
 Пусть утѣхи въ пѣснѣ мало,
 Да за то прошелъ мой страхъ!

XII.

Сквозь облака мѣсяцъ осенній
 Прорѣзался блѣднымъ серпомъ.
 Стоитъ одинокъ у кладбища
 Пастора-покойника домъ.

Старуха надъ Библіей дремлетъ;
 Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
 Дочь старшая сонно зѣваетъ;
 А младшая дочь говоритъ:

«Ахъ, Господи! дни-то здѣсь, дни-то!
 Сидишь, не дождешься конца!
 Одно развлеченье, какъ въ церковь
 Отпѣть принесутъ мертвеца!»

Старуха, очнувшись, ей молвитъ:
 «Не ври! схоронили всего
 Троиxъ съ той поры, какъ зарыли
 Въ могилу отца твоего!»

«Здѣсь съ голоду ноги протянешь!»
Промолвила старшая дочь:
«Давно меня графъ подзываетъ....
Пойду къ нему: стало не вночь!»

«Троицъ я молодчиковъ знаю»,
Смѣясь перебилъ ее братъ:
«Пойду съ ними денежки дѣлать....
Въ лѣсу имъ что кустикъ, то кладъ!»

Въ худое лицо ему книгу
Швырнула, вся блѣдная, мать.
«Такъ будь же ты проклятъ, разбойникъ,
Коль сталъ грабежи замышлять!»

Вдругъ стукнуло что-то въ окошко,
И кто-то рукой имъ грозить....
Глядятъ: въ облаченіи черномъ
Покойникъ-отецъ тамъ стоитъ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

I.

На заливѣ.

Памяти X. X. X.

Блескомъ луннымъ облитыя
Дремятъ горы. Изъ-за нивъ
Выплылъ мѣсяцъ, золотыя
Сѣти въ морѣ опустивъ.

Мы плывемъ; — твоя головка
Наклонилась ко мнѣ.
Отъ чего жъ, дитя, неловко
Мнѣ съ тобой на единѣ?

Нѣту мысли прихотливой,
Чтобъ насъ дальше унесло;
И въ рукѣ моей лѣнливой
Не торопится весло.

Спать въ душѣ твоей тревога;
Радость теплится въ очахъ;
Любишь ты, — и мнится Бога
Видишь въ этихъ небѣсахъ.

Тихо вѣя, сны святыя
Пролетаютъ надъ тобой;
Все надежды золотыя,
Не измяты судьбой.

Мнѣ жъ напомнилъ благодатный
Вечеръ южной стороны,
Грустно, жизни невозвратной.
Всѣ погибнувшіе сны.

Такъ же тихъ былъ вечеръ ясный;
Съ ней я плылъ, — нашъ прудъ дремалъ;
И въ истомѣ сладострастной,
Соловей вдали свисталъ.

Нѣтъ давно ея; — березы
Шепчуть съ ивами надъ ней;
И росы роняютъ слезы
Съ ихъ задумчивыхъ вѣтвей.

Но больнѣй сегодня повѣсть
Дней былыхъ воскресла вновь;
И напомнила мнѣ совѣсть
Про забытую любовь.

Отъ того-то такъ неловко
Мнѣ вдвоемъ съ тобою плыть; —
И твою спѣшу головку
Я тихонько отклонить.

Отъ того, веслу послушный,
Мой челнокъ не торопливъ;
И съ тобою равнодушный,
Все смотрю я на заливъ.

Н. КРОЛЬ.

РАЗСКАЗЫ СТЕПНЯКА.

(ОЧЕРКИ.)

I. ФЛОРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Лѣтомъ 185. года, наканунѣ, такъ называемой десятой пятницы ѣхалъ я «на своихъ» по В—скому уѣзду Е-ой губерніи. Промѣшкавъ на послѣдней станціи, я заоздалъ и уже ночь наступила, прежде чѣмъ я достигъ какого нибудь жилья, которыя, какъ извѣстно, разбросаны въ степныхъ мѣстахъ на ужасающее разстояніе одно отъ другаго. Стемнѣло, наши тучи и скоро, почти надъ самыми головами нашими, раздался рѣзкій и сухой ударъ грома, а вслѣдъ затѣмъ и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Я ѣхалъ въ телегѣ и потому не прошло и пяти минутъ, какъ я промокъ до костей, не смотря на всѣ принятыя мѣры, чтобы предохранить себя отъ этого непрошеннаго душа. Дождь, очень пріятный для помѣщиковъ и очень непріятный путешественникамъ, особенно телѣжнымъ путешественникамъ, скорехонько сдѣлалъ свое дѣло: превратилъ дорогу въ какой то жиденькій сверху и очень липкій снизу кисель, вымочилъ все, что только можно было вымочить, налилъ порядкомъ водой овражковыя норки и такимъ образомъ погубилъ не мало этихъ хорошенькихъ звѣрковъ, наконецъ въ добавокъ ко всему горю подмочилъ мои сигары и трутъ, для того, вѣроятно, чтобы послѣ того какъ онъ и пройдетъ, все таки недобрая память о немъ со-

хранилась бы на долго. Нельзя описать моей радости когда послѣ долговременнаго блужденія по ровной, какъ ладонь, степи, при свѣтѣ яркой молніи, я увидѣлъ свой утлый экипажъ въ двухъ шагахъ отъ деревни. Собаки залаяли и мы, не смотря на темноту, добрались наконецъ до бѣлыхъ хатъ, вытянутыхъ въ линейку. Я послалъ челоуѣка достучаться въ какой-нибудь хатѣ и выхлопотать намъ почлегъ. Разбудить въ такое время мужика довольно трудно, особенно степнаго мужика, котораго и природа и вся обстановка жизни полагають къ страшной, ни чему не уступающей лѣни.

Долго стучался мой вымокшій камердинеръ въ маленькое окно хаты, долго отбивался онъ отъ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ собакъ, пока наконецъ внутри хаты не раздалось какое-то не челоуѣческое мычанье и зѣванье и грубый бабій голосъ не откликнулся въ избѣ.

— Кто тамъ еще? Кого это тамъ нелегкая притащила? ворчала баба, отъ души посуливъ намъ чорта, за то, что мы ее потревожили.

Дождь расположилъ моего челоуѣка къ крайней уступчивости и миролюбію и даже внушилъ ему самыя дипломатическія намѣренія.

— Пусти, баушка, переночевать, началъ онъ переговоры самымъ мягкимъ, заискивающимъ тономъ; но баба оказалась олицетворенною дикостью, не понимающею никакой пользы международныхъ сношеній и взаимныхъ одолженій.

— Какъ же, такъ я те и пустила, заворчала она; — нишъ какой ласковый! Проваливай, заключила старуха.

— Да это баринъ ѣдетъ, матушка, пусти увѣщевалъ ее лакей, сильно рассчитывая на мой барскій авторитетъ. Но и авторитетъ мой не былъ признанъ.

— Да вы приказные што-ли? спросила въ свою очередь баба.

Камердинеръ мой вѣроятно вломался въ амбицію и не захотѣлъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился подозрѣвать насъ съ нимъ въ томъ, что мы приказные; онъ имѣлъ неосторожность отвѣчать бабѣ отрицательно.

— Нѣтъ, баушка, кричалъ онъ, — какіе приказные! какъ есть баринъ; мы заплатимъ.

Все погибло.

— Ааа! протянула съ какимъ-то презрѣніемъ баба; — такъ проваливай! кто васъ знаетъ, что вы за люди! Мужики всѣ въ степи — не пуцу. Не надо твоихъ и денегъ, еще обокрадете, не ровень часъ: знаемъ мы господскихъ-то.

Лакей началъ было доказывать невинность моихъ наиѣрепій, но баба видимо не обратила на его слова ни малѣйшаго вниманія и замолчавши, скоро опять захрапѣла.

— Ахъ ты, старая чертовка! опять задрыхнула, вскричалъ лакей, хлопая себя по мокрой чуйкѣ; — что теперь дѣлать.

Я видѣлъ ясно, что съ упрямой бабой не сладить и велѣлъ спросить у ней по крайней мѣрѣ нѣтъ ли шинка, въ которомъ можно бы было переночевать. Человѣкъ мой опять принялся барабанить въ окно хаты, такъ что только стекла задребезжали, сопровождая стукъ разными нелегкими пожеланіями.

— Да что тамъ еще? коего лѣшаго опять стучишь? Сказано, не пуцу! раздался вновь голосъ старухи.

Ровно полчаса продолжались переговоры, прежде чѣмъ баба не согласилась сознаться, что у нихъ въ селѣ есть жидовская корчма и ровно столько же времени было употреблено на разпросы о томъ, куда надо ѣхать.

Наконецъ-то судьба принесла меня къ дверямъ давно-желаннаго пріюта — корчмы. Началась опять стукотня, но на этотъ разъ непродолжительная: извѣстно, что жидъ и хохоль двухъ совершенно разныхъ характеровъ и подвижности. На стукъ скоро засвѣтился въ хатѣ огонь, дверь отворилась и на порогѣ явился жидъ въ ермолкѣ, босякомъ и въ какихъ-то грязныхъ лоскутьяхъ, вмѣсто нагрудника, съ кагандемъ въ рукахъ.

— Пусти, братъ, переночевать, поспѣшилъ я сказать.

— Ца, ца, ца! зачмокалъ жидъ, жалобно покачивая головой; — съ моимъ бы удовольствіемъ, да нельзя.

— Отчего? вскрикнулъ я съ весьма понятнымъ отчаяніемъ.

— Не можно: одна только и есть горница.

— Такъ что жъ, занята что-ли она?

— Да, да, панъ есть! Жидъ выразительно замоталъ головой и замахалъ рукой.

Что мнѣ было дѣлать? Я рѣшился взять ночлегъ хоть приступомъ.

— Ну, любезный, какъ тамъ твой панъ себѣ хочетъ, а я войду къ нему и переночую: мы промокли до костей, объявилъ я очень рѣшительно, вылѣзая изъ телѣги, съ твердымъ намѣреніемъ уже не возвращаться въ нее.

Жидъ отчаянно заболталъ и руками, и ногами.

— Ой не можно, ей Богу, панъ, не можно! залепеталъ онъ въ испугѣ! то не такой панъ!

— Что за чортъ, подумалъ я, — какой же это такой панъ?

— Да кто же это тамъ у тебя? спросилъ я его.

— Флоръ Иванычъ! объявилъ жидъ шепотомъ и разставивъ руки.

Я понялъ отчаяніе жида. Флоръ Иванычъ былъ писмоводитель пристава втораго стана В—скаго уѣзда и имѣлъ репутацію грозы своего стана. Я объ немъ много слышалъ, а тесть мой, генералъ П., былъ помѣщикомъ втораго стана. На основаніи этихъ данныхъ, я рѣшился прибѣгнуть къ самому Флору Иванычу.

— Что, спитъ Флоръ Иванычъ? спросилъ я еврея.

— Ни! водку изволятъ еще пить, отозвался тотъ съ особымъ почтеніемъ.

Я отправилъ своего лакея къ писмоводителю.

Благодаря дипломатическимъ способностямъ моего Санхо-Пансы, кстати ввернувшего мое родство съ генераломъ, я скоро получилъ приглашеніе войти въ теплое пристанище г-на писмоводителя становаго пристава.

У стола, на которомъ горѣла вонючая сальная свѣча, стоялъ большой графинъ съ водкой и насыпанъ былъ табакъ, сидѣлъ плотный и приземистый господинъ, небольшого роста, толстый и широкій въ плечахъ. У него были сѣрые глаза съ нависшими бровями, жесткіе, черные волосы съ просѣдью, болѣе похожіе на какую-то щетину, чѣмъ на человѣческіе волосы, наконецъ до половины полныхъ и покрытыхъ рябинами щекъ доходили узенькія и то-же жесткія

бакенбарды. Носъ крючкомъ и тонкія губы показывали, что владѣтель ихъ принадлежитъ къ породѣ, такъ-называемыхъ хищныхъ птицъ и въ самомъ дѣлѣ баринъ сильно смахивалъ и на коршуна, и на ястреба, и на филина, — на всѣхъ вмѣстѣ. На немъ было сѣрое, форменное пальто, на распахку, подъ нимъ ситцевая, грязная рубашка, съ растегнутымъ воротомъ, изъ-подъ котораго, какъ у Ноздрева, выглядывала какая-то очень некрасивая шерсть. Въ одной рукѣ у него была коротенькая черешневая трубка, съ плетеной стамбулкой на концѣ, а у кисти другой болталась толстая казацкая плеть; на пуговицѣ пальто мотался привѣшанный кисеть, сшитый изъ разныхъ треугольныхъ лоскутковъ и дотога замасленный, что всѣ лоскутки сдѣлались одинаковаго цвѣта — грязнаго. Барину было лѣтъ сорокъ пять, или сорокъ шесть, и въ правомъ ухѣ онъ носилъ серебрянную серьгу, а на обоихъ указательныхъ пальцахъ по кольцу того же металла. При входѣ моемъ онъ всталъ и радушно подошелъ ко мнѣ.

— Мос почтеніе, позвольте быть знакомымъ: вашъ тещушка, ихъ превосходительство, прекрасный человѣкъ, заговорилъ онъ, — какъ ни пріѣдешь къ нему, всякій разъ три карбованца, ужъ такъ и знаешь!

Все это было сказано самымъ тихимъ и добродушнымъ голоскомъ, переходившимъ въ какое-то мягкое, даже дряблѣе, фальцетто, — признакъ большой привычки къ спиртнымъ напиткамъ, — и сопровождалось отрывистыми посасываніями изъ трубочки и частыми сплевываніями въ сторону и непремѣнно сквозь зубы и фонтанчикомъ.

Я извинился въ невольномъ безпокойствѣ, которое я причинялъ.

— И нпчего-съ, помилуйте, наша полицейская должность такая-съ, — кто хочетъ, днемъ и ночью приходи; всякая каналья, сударь, лѣзетъ, а не токма что человѣкъ благородный. Да и рано еще, я еще и спать не ложился: только что дѣлами занимался.

Дѣла эти, какъ я послѣ узналъ, состояли въ обираіи пошлны съ жнда корчмаря, со старшины и писаря сельской расправы (село было государственное) и прочихъ административныхъ распоряженіяхъ, подобныхъ этимъ.

Продрогнувъ отъ дождя, я велѣлъ челоѣку своему принести мнѣ чарку водки.

— Не извольте тревожиться напрасно-сь, заговорилъ Флоръ Иванычъ; вотъ-сь не угодно ли водочки: вашъ такой не отпущать-сь, — чистѣйшая очищенная-сь, и снѣ указалъ на огромный графинъ съ водкой, стоявшій на столѣ.

Меня очень занимала личность Флора Иваныча, о которомъ я много слыхалъ и который наводилъ ужасъ не только на всѣхъ помѣщичьихъ, но даже и на казенныхъ крестьянъ втораго стана. Я далъ себѣ слово не упускать удобнаго случая сойтись съ нимъ и познакомиться покороче. Потому я принялъ его предложеніе и даже вызвалъ и его, какъ хозяина, выпить со мною, чтобы какъ-нибудь еще больше развязать ему языкъ, который и безъ того у него былъ уже развязанъ.

— Дрянъ водку продають, продолжалъ мой новый знакомый, выпивъ половину рюмочки (истинные любители водки иначе не пьютъ ее какъ полрюмочками) и сплюнувъ сквозь зубы, — бросить въ нее, въ бочку-то, горсть соломы, да и продаетъ, анаема, за спеціальную*). — Ну у меня не такъ, продолжалъ онъ, вздохнувъ; у меня, сударь, жидъ гдѣ хочешь доставай хорошей, — откупщицей не смѣй и ставить: задеру до полусмерти!

— Какъ! возразилъ я удивленный, — жиды-то сѣчь? Да вѣдь онъ мѣщанинъ?

Флоръ Иванычъ добродушно засмѣялся, не издавая никакого звука при смѣхѣ, какъ какой-нибудь блаженной памяти Натаніель Бумпо.

— Все можно-сь! объявилъ онъ, прикасаясь къ моей рукѣ; отодрать хоть какого хочешь разиѣщанина можно-сь; потому — самъ будетъ доволенъ: въ моихъ рукахъ ему сдѣлать накость, хуже розогъ-сь, — понимаете-сь? Краденныя вещи что-ли найдешь, надувательство, мошенничество, драка слу-

---

*) Странное названіе *спеціальная водка*, на откупщицѣмъ нарѣчій, значить водка настоящая на разныя травы, *спеціи*, какъ ихъ называетъ русскій народъ.

чится, къ убійству притянуть можно, — все можно-съ! само-довольно объявилъ Флоръ Иванычъ.

Я посмотрѣлъ Флору Иванычу въ глаза и прочелъ въ нихъ такую увѣренность, что дѣйствительно ему все можно въ его станѣ, что и спорить съ нимъ не сталъ.

— Оно, сударь, и не думайте, чтобы изъ этого могло что нибудь прозойти-съ, продолжалъ мой собесѣдникъ, вы-колачивая трубочку свою и принимаясь опять за водку; ну, положимъ, жидъ жаловаться пойдетъ, знаки покажетъ, — ну, что жъ? свидѣтелей не будетъ! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Отчего? спросилъ я удивленный; вѣдь не станете-же вы одни съчь жиды?

Флоръ Иванычъ снисходительно, какъ-то отечески за-смѣялся (опять также безгласно) надъ моимъ простодушнымъ невѣдѣніемъ, засмѣялся именно тѣмъ смѣхомъ, которымъ старушка-бабушка смѣется черезъ-чуръ наивному вопросу баловника-внучка.

— Все пустяки-съ? отвѣчалъ Флоръ Иванычъ; я пере-сѣку сейчасъ-же послѣ того десятскихъ и сотскихъ, что сѣкли жиды, вотъ и не будетъ противъ меня свидѣтелей!

Флоръ Иванычъ лукаво посмотрѣлъ на меня и казалось такъ и ждалъ выраженія моего особаго почтенія къ такой изобрѣтательности.

Мнѣ пришелъ на умъ одинъ анекдотъ въ томъ же родѣ: одному барину очень захотѣлось поколотить одного изъ сво-ихъ гостей; но дѣло было дурное тѣмъ, что съ этимъ го-стемъ было еще два человѣка гостей-же и близкихъ прія-телей самого хозяина. Хозяинъ впрочемъ не затруднился: онъ прежде всего поколотилъ враждебнаго ему гостя, а потомъ давай тузить и пріятели.

— Помилуй, за что ты дерешься? кричатъ пріятели.

— Ни за что, отвѣчалъ баринъ, а затѣмъ, чтобы вы свидѣтелями не были! Да еще позвалъ съ десятокъ служи-телей, чтобы три гостя не соединились и не помяли ему самому дворянскихъ боковъ.

Пошло слѣдствіе, судъ, да и кончилось дѣло тѣмъ, что поколотившаго барина оставили отъ суда и слѣдствія сво-боднымъ.

Я рассказалъ этотъ анекдотъ Флору Ивановичу.

— Это такъ, отвѣчалъ онъ очень хладнокровно; — свидѣтели — это пустяки, плюнуть-съ. Вотъ, быть можетъ, сударь, вы сами будете полицейскимъ чиновникомъ, такъ я вамъ расскажу, былъ въ С** случай одинъ: баринъ былъ такой пьяница, что не приведи Богъ; ну-съ, заѣхалъ онъ въ кабакъ въ казенномъ селеніи, тамъ видимо невидимо мужиковъ-съ. Ну-съ, продолжалъ онъ, отплевываясь сквозь зубы и опять принимаясь за рюмочку. — Ну-съ, поссорился онъ тамъ съ мужикомъ съ однимъ, да сударь, дѣтища ражій, такой азартный, богатый человѣкъ, сударь, — не привыкъ къ неповиновенію, какъ вытащить пожнице охотничій, да и пырь въ бокъ мужика-то, при сорока, слышите, свидѣтеляхъ!

Флоръ Иванычъ значительно поднялъ палецъ кверху.

— Ну-съ, натурально, въ острогъ его любезнаго, продолжалъ онъ самымъ мягкимъ и убѣдительнымъ тономъ; — однако человѣкъ, сударь, богатый, далъ онъ сейчасъ же довѣренность на залогъ имѣнія въ частныя руки, капиталъ, понимаете, стало на чистоту, а губернское правленіе попридержало маленько дѣльце-то, пока тотъ оборотецъ этотъ успѣлъ сдѣлать, да тогда уже и послало своего слѣдователя на слѣдствіе. Что жъ бы вы думали? вѣдь уголовная палата въ подозрѣніи оставила!

— Какъ такъ? возразилъ я совершенно сбитый съ толку неожиданностью развязки.

— Да такъ-съ, слѣдователь былъ умный человѣкъ, отвѣчалъ Флоръ Иванычъ: — мужиковъ-то, что были въ кабакъ, сорокъ-то человѣкъ, что сами видѣли происшествіе, возьми, да и спроси безъ присяги!

— Да какъ же это можно? добивался я.

— Да натянуть можно все-съ отвѣчалъ Флоръ Иванычъ; вотъ Богъ дастъ, сами будете полицейскимъ чиновникомъ-съ, такъ узнаете, — натянуть все можно-съ, особенно тутъ-то-съ: здѣсь и законно будетъ-съ.

— Да помилуйте.... запнулся было я.

— Нечего миловать, сударь, дѣло на чистоту обдѣлано, продолжалъ нѣсколько сердито Флоръ Иванычъ; какъ учитель непонятному ученику; — мужики-то въ кабакъ всѣ

вмѣстѣ были, пьянствовали все вмѣстѣ, другъ друга угощали, ну и выходитъ, что такъ какъ кромѣ того они были и изъ одного села съ убитымъ, то и выходитъ, сударь, что они, такъ сказать, хлѣбосољство съ убитымъ-то и всякую дружбу имѣли! А изъ окольныхъ деревень спросилъ подь присягой, такихъ то есть мужиковъ, которые въ кабацкѣ и не были въ то время, а показали, что слышали-де. Ну и вывернулся баринъ: десять тысячъ стало, прибавилъ Флоръ Иванычъ, таинственно посмѣиваясь.

— Ну, а слѣдователю что-же было? спросилъ я.

— Да ничего-съ, за что-же тутъ? переспросилъ Флоръ Иванычъ дѣйствительно удивленный моимъ вопросомъ. Оно, сударь, конечно уголовная палата для очищенія себя, если кому-бы изъ петербургскихъ пришла охота привязаться — вы знаете, сударь, петербургскіе очень любятъ къ нашему брату привязываться, — такъ палата отдала слѣдователя на разсмотрѣніе губернскаго правленія.

— А отчего же не сдѣлали переслѣдованія?

— Указецъ такой подыскали, что дескать спрошенныхъ при слѣдствіи безъ присяги, при переслѣдованіи не спрашивать подь присягой: богатый, сударь, баринъ былъ, пояснилъ Флоръ Иванычъ.

Я пожалъ плечами.

— Ну что жъ губернское правленіе? спросилъ я.

— Обнаковенно что, сударь, строгій выговоръ сдѣлало, да и тотъ никакъ въ штрафную книгу не внесли. Да что, сударь? вѣдь таки къ этакому-то дѣлу, ужъ кажется, на что на чистоту обдѣлано было, нѣтъ-таки, все-таки привязались!

— Ну что жъ? отозвался я.

— Да министерство, сударь, привязалось, продолжалъ писмоводитель и лицо его просіяло; — ну что жъ? губернскому правленію не въ первой! Отписались: отвѣтили, что съ слѣдователя положено дескать надлежащее взысканіе, тѣмъ и кончилось.

Я задумался, а Флоръ Иванычъ сплюнулъ сквозь зубы и потянулся къ водочкѣ.

— Вотъ, сударь, это я называю хорошимъ полицейскимъ

чиновникомъ, продолжалъ онъ съ нѣкоторою гордостью, ударяя себя въ мохнатую грудь; — вотъ, Богъ дастъ, сударь и вы будете полицейскимъ чиновникомъ, такъ припомните, сударь, мое слово: это значитъ, хорошій полицейскій.

Черезъ часъ разговора мы были уже большими друзьями съ Флоромъ Ивановичемъ, у котораго носъ ужъ не покраснѣлъ, а какъ-то особеннымъ образомъ посинѣлъ. У меня куда и сонъ дѣвался, и я положилъ непременно эксплуатировать до конца такую занимательную личность, какъ Флоръ Ивановичъ. Я велѣлъ подать бывшую со мной бутылку рому, поставить самоваръ, а извѣстно, что письмоводители ничего такъ не любятъ, какъ забористый пуншикъ. Удивительно было только то, что Флоръ Ивановичъ сколько ни пилъ, все пьянъ не былъ, только носъ синѣлъ, да языкъ развязывался.

— Васъ однако побавляются мужики, Флоръ Ивановичъ, сказалъ я ему, подливая въ его стаканъ порядочное количество рома.

Флоръ Ивановичъ просіялъ, самодовольно крикнулъ, сплюнулъ, пососалъ погасавшую трубочку и заговорилъ посмѣиваясь и самымъ добродушнымъ тономъ:

— Помилуйте, сударь, что-же я за дуракъ? Я на то полицейскій чиновникъ, что бы меня боялся мужикъ-съ! Вотъ можетъ вы, батюшка, будете сами полицейскимъ чиновникомъ, такъ знайте, сударь, что это, можно сказать, безчувственная скотина выходить человекъ, если онъ полиціи не боится-съ. Просто безчувственная скотина-съ! Да и дураки, признаться, у насъ полиція-то земская-съ! Вѣрите-ли вы Богу, сударь, что почитай во всемъ уѣздѣ меня только одного и боится-съ! Вонъ посмотрите, что въ первомъ станѣ дѣлается-съ! Волосы дыбомъ встанутъ-съ: такое можно сказать, развращеніе нравовъ-съ: мужикъ, сударь, иной, и становаго-то въ глаза не знаетъ, самого, сударь, становаго! съ ужасомъ дабавилъ Флоръ Ивановичъ.

— Что такъ? спросилъ я.

— Да ужъ такъ къ тому само начальство ведетъ, отвѣчалъ, вздохнувъ, письмоводитель.

Я подлилъ ему еще рому; Флоръ Ивановичъ притворился, что онъ и не замѣтилъ этого подливанья.

— Во-первыхъ тамъ въ стану живетъ предводитель, продолжалъ онъ, и глаза у него злобно засверкали, — а *эта* такой, сударь, можно сказать, аспидъ, что упаси Богъ! самъ, сударь, балуетъ мужиковъ такъ, что Боже избави! Повѣрите-ли? меня разъ изъ службы, аспидъ этакой, выгналъ; мѣсяца три безъ мѣста, безъ пристанища ходилъ!

Флоръ Ивановичъ очень озлобился на предводителя, а вмѣстѣ съ шмъ и на свое прямое начальство.

— Во-вторыхъ, сударь, исправникъ — баба, рѣзко объявилъ онъ, — повѣрите-ли, не можетъ видѣть какъ сбькутъ! Ну исправникъ-ли это, спрашиваю я васъ?

Я глубокомысленно отмолчался.

— Ну, у насъ не такъ, слава Богу, продолжалъ Флоръ Ивановичъ, успокоиваясь. — Одно бѣда, лѣтомъ народъ балуется немного, ну, за то въ остальное время наверстываемъ-сь, добавилъ Флоръ Ивановичъ со вздохомъ.

— Отчего такъ? спросилъ я нѣсколько удивленный этимъ раздѣленіемъ почтенія и начальствобоязни по временамъ года.

— Да ужъ такъ, сударь, отвѣчалъ докторальнымъ тономъ писмоводитель; вотъ можетъ, Богъ дастъ, вы и сами будете въ полиціи служить, такъ вамъ это пригодится знать, а я, сударь, человѣкъ опытный по полицейской части.

— Да отчего же лѣтомъ не такъ страшно начальство? переспросилъ я, заинтересованный признаніями Флора Ивановича.

— Оттого, что лѣтомъ розга не та, самоувѣренно объявилъ Флоръ Ивановичъ и при этомъ сплюнулъ въ сторону. Розга, я вамъ скажу, сударь (вы можетъ, Богъ дастъ, и сами будете полицейскимъ чиновникомъ), розга лѣтомъ дрянъ! Она, сударь, хороша только до царя Константина *), а тамъ что въ ней? высохнетъ, чтобъ ей пусто было, гибко-ги никакой въ ней не ма — на чорта же она годится? съ одного удара въ дребезги переломится!

— Да что, сударь, продолжалъ Флоръ Ивановичъ, глубоко вздохнувъ, — лѣтомъ-то вотъ какъ: пріѣдешь, напримѣръ, въ

*) Память царя Константина и Елены празднуется церковью 21-го мая.

какое-нибудь имѣнье, такъ что вы думаете? скирды три велишь розогъ нарѣзать, такъ и то, сударь, мало бываетъ! А отчего? оттого, что въ розгѣ никакой добротности нѣтъ! А весной! то ли дѣло, сударь! Глядишь, воза два-три и достанеть!

— Ну, братъ, гусь ты порядочный, подумалъ я.

Флоръ Иванычъ вздохнулъ, плюнулъ, выпилъ рюмку водки и занялъ ее холоднымъ пуншемъ.

— Вотъ специальность-то, подумалъ я.

Путь мой лежалъ чрезъ большое помѣщичье село Веселые Терны, гдѣ въ тотъ день, въ десятую пятницу была деревенская ярмарка. Кормить лошадей мнѣ приходилось въ Тернахъ, я и остановился у знакомаго мужика. Отъ нечего дѣлать, не смотря на жару, я отправился ходить по ярмаркѣ и не успѣлъ сдѣлать пятидесяти шаговъ по полю, гдѣ была раскинута въ живописномъ безпорядкѣ шумная ярмарка, какъ на встрѣчу мнѣ попался неизбежный Флоръ Иванычъ, съ пятью или шестью сотскими и нѣсколькими десятскими за нимъ. Ликторы эти послали мѣдныя бляхи на груди и вмѣсто пучковъ длинныя палочки въ рукахъ, палочки, которыя служили разомъ для трехъ цѣлей: и подпираются, и драться ими, и нарѣзывать на нихъ разные счеты, какъ на биркахъ. Флоръ Иванычъ уже былъ довольно пьянъ, посасывалъ свою коротенькую трубочку и почти непрерывно ругался.

Я было хотѣлъ улѣзнуть отъ его назидательной бесѣды, но онъ меня сейчасъ-же узналъ и вѣроятно на томъ основаніи, что только я, какъ единственный, можетъ быть, *баринъ* на всей ярмаркѣ, могу пользоваться обществомъ и бесѣдою г-на писмоводителя становаго пристава, Флоръ Иванычъ, заоралъ, растолыривъ руки, двинулся на меня, скоро поймалъ меня за руку и сжалъ ее такъ, что кости затрепали: уйти уже не было возможности.

— А, сколько лѣтъ, сколько зимъ? съострилъ Флоръ Иванычъ, намекая на недавнюю разлуку нашу. — И вы, сударь, къ намъ на ярмарку пожаловали?

— Да, кормлю лошадей, отвѣчалъ я.

— У кого? гдѣ? живо спросилъ онъ.

Я сказалъ прозвище мужика.

— Липка! крикнулъ письмоводитель и передъ нимъ очутился, какъ будто пзъ земли выросъ черный жидъ, весь оборванный, общипанный, грязный, сальный, но съ пренутовскими глазами.

— Цего извольте? откликнулся еврей.

Флоръ Иванычъ подбоченился, расширилъ ротъ до ушей, подъ предлогомъ улыбки саркастическаго свойства, и подмигивалъ мнѣ на еврея.

— Хорошь! нечего сказать, куда хорошь! проговорилъ Флоръ Иванычъ въ то время, какъ хитрый еврей, для удовольствія начальства, изъ всѣхъ силъ старался выдѣлывать самыя жалкія и непривлекательныя гримасы.

— Рекомендую, продолжалъ письмоводитель, указывая мнѣ на еврея: — Это факторъ мой въ здѣшнемъ околodкѣ, онъ-же и шинкаръ. Суируга его теперь торгуетъ водкой, обмѣриваетъ православныхъ, а онъ, извольте видѣть, при мнѣ адъютантомъ состоитъ.

Я посмотрѣлъ на жида и рѣшительно сталъ въ тупикъ: кто изъ двоихъ больше мошенникъ, Флоръ Иванычъ, или онъ, жидъ Липка?

— Бѣги ты сейчасъ къ Чеботаренкѣ въ хату, скажи яхнему человѣку, чтобы переѣзжалъ къ тебѣ въ корчму, командовалъ Флоръ Иванычъ жиду, указывая на меня.

Я насилу отдѣлался отъ этого лестнаго приглашенія и то только тогда, когда обѣщалъ обѣдать у Флора Иваныча.

Я не зналъ, что и отвѣчать за такое милостивое вниманіе.

Мы пошли дальше, и всюду Флоръ Иванычъ производилъ на мужиковъ рѣшительно такой-же эффектъ какъ зачумленный: всѣ отъ него разбѣгались во всѣ стороны.

— Пора водки выпить, — адмиральскій часъ, объявилъ Флоръ Иванычъ, вытаскивая изъ кармана огромныя серебряныя часы и искоса поглядывая на нихъ.

— Пойдемте ко мнѣ, пригласилъ я его.

— Нѣтъ, сударь, какъ можно, отвѣчалъ онъ, — нынче вы у меня въ гостяхъ, нынче я угощаю. — Липка, гдѣ здѣсь бакалейныя балаганы?

Жидъ забормоталъ что-то и указалъ мѣста въ три, паче въ четыре пальцомъ.

— Кто торгуетъ? допрашивалъ письмоводитель.

— Шлемка торгуетъ, васе благородіе, Ицко торгуетъ, началъ считать жидъ.

— А еще? перебилъ его Флоръ Иванычъ: — тѣ нашенскіе, тѣхъ не трону: хорошо платять.

Что такое еще будетъ? подумалъ я.

— Еще Оедька косою торгуетъ, васе благородіе, доложилъ Липка.

Ааа! такъ онъ здѣсь. Веди, законически приказалъ Липкѣ Флоръ Иванычъ.

— Куда же это мы? спросилъ я, окончательно теряясь въ догадкахъ: я никакъ не могъ себѣ представить какъ идти пить водку въ москательную лавку.

— Да вотъ зайдемъ въ бакалейную лавку, — къ водкѣ-то закусочки возьмемъ.

Я успокоился и пошелъ вслѣдъ за Флоромъ Иванычемъ, который вошелъ въ узенькій переулочекъ, образовавшійся между двумя параллельными рядами балагановъ. Переулочекъ, запруженный народомъ, быстро очистился и опустѣлъ, какъ только Флоръ Иванычъ ступилъ въ него. Я самъ видѣлъ, какъ мужики и бабы бросали въ лавкахъ купленные ими товары, деньги и бросались со всѣхъ ногъ прятаться отъ знаменитаго людоеда. Это бѣгство очень разсмѣшило Флора Иваныча и онъ, чтобы усилить народный отливъ, еще прикрикнулъ что было мочи:

— Эй вы, олухи, прочь съ дороги!

Смятеніе сдѣлалось въдесятеро сильнѣе, произошла даже маленькая давка, особенно когда вмѣстѣ съ крикомъ письмоводителя, сотскіе и десятскіе, для которыхъ этотъ крикъ былъ вѣроятнo сигналомъ, бросились на народъ.

— Не надо, не надо! крикнулъ имъ Флоръ Иванычъ; сотскіе и десятскіе сей часъ же скрылись назадъ.

— Экіе бараны! отечески посмѣиваясь, замѣтилъ Флоръ Иванычъ, указывая мнѣ на убѣгающій народъ.

Я ничего не отвѣчалъ и мы вошли въ балаганъ, изъ котораго сильно воняло ржавой икрой, пресквернымъ мыломъ

и пряниками разныхъ сортовъ. На порогѣ балагана стоялъ безъ шапки и кланялся, пзвиваясь, какъ какая-нибудь пристяжная, русскій вертлявый купчикъ довольно большаго роста, красный какъ самоваръ и съ черною окладистою бородкой. Ему было лѣтъ подъ тридцать и одѣтъ онъ былъ въ замасленный сертукъ «по сіе время», который назади безпрестанно обдергивалъ.

— Пожалуйте-сь, ваше благородіе, ошастливьте-сь, будьте, сударь, благонадежны-сь на счетъ нашего почтенія-сь: товарцы-сь первый сортъ-сь, прямо изъ Харькова веземъ-сь! Пожалуйте-сь! бормоталъ купчикъ.

Но не смотря на такія ласковыя рѣчи и на самые почтительные поклоны, ясно было видно, что купцу былъ очень не по нутру визитъ Флора Иваныча; замѣтно было даже, что купецъ чего-то очень конфузился: онъ то краснѣлъ, то желтѣлъ (а это ужъ для купца много значитъ) и пальцы его, если не хватались за заднія фалды сальнаго сертука, то били какую-то непонятную трель по ляшкамъ.

Къ удивленію моему Флоръ Иванычъ не только не обратилъ повидному никакого вниманія на психическое разстройство купца, но даже добродушно посмѣивался и пошучивалъ съ нимъ и съ Липкой, который вертѣлся тутъ-же. Ликторы Флора Иваныча стояли въ переулочкѣ, у входа въ балаганъ, и снявъ шапки, и разгнувъ рты внимали рѣчамъ начальства.

— А здравствуй, здравствуй, голубчикъ Федя, говорилъ Флоръ Иванычъ такимъ ласковымъ тономъ, что я невольно обратилъ на него вниманіе: оказалось, что эта ласка была ласка кошки поймавшей мышъ и играющей ею.

— Жена здорова ли? продолжалъ добродушный Флоръ Иванычъ; — да что ты такъ пожелтѣлъ вдругъ? ужъ не боленъ ли ты? заботливо допрашивалъ онъ купца; — Липка, не боленъ ли онъ? посмотри-ка ему языкъ, да пощупай тамъ, какъ его зовутъ, пульсъ, што-ли?

Его благородіе видимо потѣшался надъ купцомъ.

Липка бросился къ купцу и пристагъ:

— Покази языкъ, покази языкъ, кацапина проклятый!

Купецъ, зная что онъ въ рукахъ Флора Иваныча, да и думая вѣроятно отѣхать отъ него шутовствомъ, высунулъ

паясничая языкъ. Флоръ Иванычъ покатывался со смѣху; сотскіе смѣкнувшіе, что начальство потѣшается надъ горемычнымъ Оедькой то-же гудѣли и ревѣли во весь ротъ.

— Ну что, Липка, ничего? кричалъ Флоръ Иванычъ: — здоровъ?

— Здоровъ, какъ есть здоровъ, васе благородіе, доложилъ вертлявый жидъ.

— Ну слава Богу, молвилъ письмоводитель: — теперь братъ, Липка, освидѣтельствуй у него карманъ, можетъ тамъ киса-то похудѣла, — чахотка сдѣлалась?

Купецъ позеленѣлъ, когда агентъ Флора Иваныча полезъ ему за пазуху; однако сопротивляться не смѣлъ и только просительно посматривалъ на жида. Тотъ оказался почестнѣе письмоводителя и только пошутилъ, а грабить купца не сталъ, вѣроятно надѣясь на будущее приношеніе со стороны Оедора. Флоръ Иванычъ за то изъясилъ Липкѣ свое неудовольствіе.

— Эхъ ты, свиное ухо, крикнулъ онъ на него: не умѣешь ты, собачій сынъ, и лѣчить-то! Ты бы посмотрѣлъ у него тамъ внутрѣ-то, да и подѣлился бы.

Жидъ ухмылялся, стараясь придать выговору сходство съ шуткой.

— Ты вотъ лучше поучись у меня лѣчить карманную-то чахотку, объявилъ Флоръ Иванычъ; у меня, братъ, не бойсь, живо кровопусканіе карманное будетъ!

Письмоводитель злобно захохоталъ и осмотрѣлся кругомъ опытнымъ, привычнымъ къ крюкотворству глазомъ; жидъ присмирѣлъ и только посматривалъ на купца, котораго трясла лихорадка отъ пытливыхъ взглядовъ начальства.

Осмотрѣвъ все быстрымъ взглядомъ, Флоръ Иванычъ захохоталъ такъ весело, такъ непринужденно, какъ только можетъ смѣяться самый добрый человѣкъ въ мірѣ.

— Что испугался! крикнулъ онъ купцу: — я, братъ, пошутилъ: знаю что ты человѣкъ хорошій, начальство знаешь и уважаешь всегда!

— Ой вай, быть теперь бѣдѣ Оедкѣ, прошепталъ жидъ Липка, мгновенно очутившись подлѣ меня. Я недověрчиво посмотрѣлъ на него: я рѣшительно не подозрѣвалъ даже возможности бѣды для купца, глядя на добродушное выра-

женіе лица Флора Иваныча; но оказалось, что онъ былъ великій актеръ.

— Ну, братецъ, я водку хочу пдти пить, такъ къ тебѣ закусить пришелъ, сказалъ Флоръ Иванычъ, самымъ ласкательнымъ, мягкимъ голосомъ, на какой только онъ былъ способенъ.

Купецъ приходилъ все въ большее и большее безпокойство, разсыпался въ благодарностяхъ за честь, которую ему дѣлалъ Флоръ Иванычъ своимъ пришествіемъ въ гости.

— Ну давай, братецъ, икры фунта два-три, ну сахарку, чайку, ну балычка, конфетокъ, пряничковъ, вычислялъ Флоръ Иванычъ, къ крайнему горю купца.

Однако всѣ товары были непрекословно отвѣшаны, завернуты и переданы агентомъ Липкой десятскимъ; Флоръ Иванычъ набилъ себѣ еще карманы разными сладостями и вдругъ нахмурился и впился глазами въ Федора.

— Ну теперь, братъ, давай за дѣло примемся, медленно и разжевывая каждое слово проговорилъ Флоръ Иванычъ: — Вѣдь ты знаешь, что дружба дружбой, а служба службой.

— Что такое, ваше благородіе? нерѣшительно промолвилъ купецъ: — кажется я службу, какъ слѣдуетъ, сполняю.

— Какъ слѣдуетъ? какъ слѣдуетъ? все грознѣе и грознѣе напиралъ на несчастнаго купца воинственный Флоръ Иванычъ: — какъ слѣдуетъ службу исполняешь?... Смотри братъ! Эй, десятскіе, крикнулъ онъ несшимъ взятую провизию: — несите покупки домой: я деньги заплатилъ.

Половина десятскихъ ушла вмѣстѣ съ жидомъ Липкой; никто не показалъ ни малѣйшаго удивленія при объявленіи Флора Иваныча о томъ, что онъ деньги заплатилъ, даже и ограбленный купецъ.

Когда десятскіе ушли, Флоръ Иванычъ ни слова не говоря подошелъ къ висѣвшимъ надъ стойкой вѣсамъ, снялъ ихъ, потребовалъ безмѣнъ и свѣсилъ обѣ чашки вѣсовъ; оказалось, что чашка, на которую кладется взвѣшиваемый товаръ, на цѣлые четверть фунта тяжеле той, на которую кладутся разновѣски. Флоръ Иванычъ, молча и не торопясь, вынулъ изъ кармана печать, восковой огарокъ, кусочекъ сургуча и коробочку спичекъ.

— Демка, веревку! крикнулъ онъ одному изъ десятскихъ. Длинная бичевка немедленно была подана его благородію. Купецъ повалился Флору Иванычу въ ноги.

— Что ты? что ты? хладнокровно шутилъ Флоръ Иванычъ: — что ты говѣешь что ли? передъ исповѣдью прощаешься? а? Богъ тебя простить, а мы сами люди грѣшные.

— Ваше благородіе, помилосердуйте, шепталъ купецъ, стоя на колѣняхъ передъ Флоромъ Иванычемъ и стучая лбомъ въ досчатый полъ своего балагана: — батюшка, Флоръ Иванычъ, будьте милосерды! Я и такъ, кажется, товарами васъ уважилъ, карбованцевъ на пять!

— Что? что? грозно прикрикнулъ Флоръ Иванычъ: — уважилъ? Меня-то уважилъ? Я тебѣ заплатилъ, при всѣхъ заплатилъ! И отвязишься ты отъ меня Христа ради; Ты еще меня надулъ, а не то что уважилъ! Вѣсы-то у тебя какіе? Эй, ребята, бери его подъ караулъ! Я запечатаю балаганъ.

Купца сію же секунду схватили клеветы Флора Иваныча, который припечаталъ одинъ конецъ веревки къ одному устою балагана, а другой къ другому и протянулъ такимъ образомъ по середи входа веревку: Это значило, что балаганъ, построенный на живую нитку, для одного дня, безъ дверей, запечатанъ. Противъ входа были поставлены два десятскихъ съ дубинками. Кончивъ полицейскую расправу Флоръ Иванычъ отправился далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало; купца потащилъ сотскій, куда — невѣстно.

Жаль мнѣ сдѣлалось купца, хоть и ясно было что онъ мошенникъ; но мнѣ казалось, что произволь, подобный видѣнному мною сейчасъ, не можетъ быть допущенъ: я вздумалъ заступиться за купца и попросить у моего новаго знакомаго милости для него.

— И не просите, объявилъ Флоръ Иванычъ: — и не просите, сударь, — это ужъ такъ нужно. Я съ нимъ справлюсь.

— Какого же вамъ еще почтенья нужно? возразилъ я съ сердцемъ: — вѣдь взяли товаровъ цѣлковыхъ на пять.

— Я заплатилъ-съ, безсовѣстно объявилъ Флоръ Иванычъ: — всѣ сотскіе и десятскіе видѣли, жидъ Липка видѣлъ; хоть подъ присягой спросите.

— Флоръ Иванычъ тихо засмѣялся.

— Богъ дастъ сами будете полицейскимъ чиновникомъ, проговорилъ онъ; тогда узнаете какое бываетъ уваженье начальству передъ ярмаркой.

— Ну-съ теперъ закуска есть, раздумывалъ вслухъ любитель кунеческихъ уваженій передъ ярмаркамъ: — водки дастъ Липка; вино тоже будетъ къ обѣду; мяса и курей велѣлъ съ барскаго двора притащить.... чего бы еще? придумывалъ онъ, поплеывая въ сторону отъ воспоминанія объ аппетитныхъ кушаньяхъ; да! здѣсь въ рѣкѣ рыба хороша, такъ рыбки бы свѣжей надо! Эй! Липка, крикнулъ онъ только что лившемуся подлѣ насъ еврею: — у кого бы рыбки свѣжей? а?

— Антоска кривой торгуешь, васа благородіе; нынче короповъ что наловилъ, не приведи Богъ! отвѣчалъ Липка, спная ободраную грязную шапку съ еще болѣе грязной головы.

— Веди, скомандовалъ Флоръ Иванычъ.

Жидъ отправился впередъ; мы за нимъ. На пути къ намъ присоединились лпкторы, которые были откомандированы, одни для относки даровыхъ покупокъ, другіе для сопровожденія арестанта-купца.

Мы вышли на небольшую площадку передъ церковью, въ самомъ центрѣ ярмарки. Подъ маленькимъ навѣсомъ стояло нѣсколько ушатовъ и другихъ посудъ съ рыбой и при нихъ мужикъ-хохолъ въ бѣлой полотняной рубашкѣ и сѣрой бараньей шапкѣ. Навѣсъ этотъ былъ устроенъ совершенно отдѣльно отъ другихъ балагановъ, но не мѣшалъ ни проѣзду, ни прохождению. Мужикъ былъ дѣйствительно хромой, — *кривой*, какъ говорятъ въ Малороссіи.

Вѣроятно, догадываясь за чѣмъ приближается письмоводитель становаго пристава, мужикъ снялъ шапку и ухватился уже за одинъ ушатъ обѣими руками, какъ будто для того, чтобы защитить его отъ нападенія хищныхъ звѣрей.

— Это что такое? заревѣлъ Флоръ Иванычъ, подходя къ мужику. — Это что такое? Да какъ ты смѣлъ, такой, сякой, подлець, вылезти изъ ряда, изъ линіи? а? Эй сот-

скіе выворотите ему всю рыбу на землю: пусть посветь безъ воды, да оттащите его на самый конецъ, въ степь!

Сотскіе бросились на мужика, который окончательно оторопѣлъ и не зналъ что ему дѣлать. Флоръ Иванычъ хохоталъ, что было силы, и сотскіе было уже ухватились за одинъ ушатъ, чтобы исполнять приказаніе начальства.

— Стой, стойте братцы! ратуйте кто въ Бога вѣруетъ! не закричалъ, а заревѣлъ несчастный раззоряемый мужикъ; ваше благородіе, не хай одинъ ушатъ ужъ вашъ будетъ, добавилъ онъ, обращаясь къ Флору Иванычу и указывая на ушатъ по больше прочихъ.

— Давно-бы такъ! совершенно спокойно отвѣчалъ писмоводитель; эй сотскіе, оставьте его: пусть его торгуется съ Богомъ. А ушатъ этотъ, Липка, оттащи домой, приказалъ онъ еврею, — побольше корона вели сварить, а остальныхъ приколоть; да завернуть въ крапиву, — я съ собой повезу.

Мы пошли дальше, сопровождаемые низкайшими поклонами избавившагося отъ окончательнаго раззоренія мужика. Флоръ Иванычъ шелъ задумчиво молча и только по временамъ разводилъ руками и говорилъ въ полголоса самъ себѣ, изрѣдка озираясь на балаганы.

— Не въ липію, ясное дѣло!.... Гдѣ-то вѣдь есть въ законѣ!.... должно быть есть! Гм.... заключилъ онъ глубоко-мысленно, набивая трубку свѣжимъ табакомъ, — посмотримъ.

— Чтобы это такое онъ еще затѣваетъ? подумалъ я, подозрительно поглядывая на него.

— А! Хома Хома, подь-ка сюда, голубчикъ? вдругъ закричалъ онъ, подзывая себѣ грязнаго ободраннаго цыгана, съ разными коновальскими эмблемами на ременномъ поясѣ. Въ голосѣ Флора Иваныча слышалось, и какая-то радость, и въ то-же время затаенная злоба.

Но цыганъ не испугался этихъ зловѣщихъ признаковъ и снявъ, по долгу службы, шапку, еще издали, весьма свободно и развязно подбѣжалъ къ грозному Флору Иванычу.

— А, здравствуй, здравствуй, любезный, приговаривалъ Флоръ Иванычъ, и выждавъ приближеніе цыгана, ловко схватилъ его за курчавые волосы въ то время, когда онъ почтительно нагнулся поцѣловать писмоводительскую ручку. Цы-

ганъ однако не сконфузился и не потерялся, и даже простеръ свою храбрость до того, что засмѣялся и ухитрился какъ-то облобызать Флора Иваныча въ животъ.

— Все-ли въ своемъ здоровьи находитесь изволите, ваше благородіе? шутливо говорилъ онъ; а я, ваше благородіе, съ Липкой уже переговорилъ-съ.

Письмоводитель живо выпуталъ свою руку изъ цыганскихъ волосъ.

— Ой-ли? недовѣрчиво переспросилъ онъ, обращаясь къ Липкѣ.

— Точно такъ, ваше благородіе отвѣчалъ агентъ, видѣлся, когда я покупки носилъ.

— Сколько-же? переспросилъ письменоводитель.

Жидъ въ отвѣтъ растопырилъ всѣ свои десять пальцевъ.

— Что такъ мало? перебилъ его Флоръ Иванычъ, обращаясь къ цыгану.

— Да нѣтъ, нѣтъ, ваше благородіе, не то, отвѣчалъ цыганъ: извольте посмотрѣть.

Жидъ растопырилъ руки два раза.

— А! это другое дѣло, промолвилъ Флоръ Иванычъ; что-же ты жидъ, сейчасъ мнѣ не доложилъ? а? сурово прикрикнулъ онъ.

Жидъ вмѣсто отвѣта пожалъ плечами и страшно покосилъ глазами на меня.

— Дуракъ и вышелъ, сказалъ Флоръ Иванычъ, видя, что жидъ скосился на меня; дуракъ, братецъ: они свой человѣкъ, знакомый, — Богъ дастъ сами будутъ полицейскимъ чиновникомъ.

Флоръ Иванычъ никакъ не могъ отучиться отъ своего комплимента: онъ считалъ особымъ комплиментомъ, посулить кому нибудь полицейскую службу.

Жидъ пожалъ опять плечами и Флоръ Иванычъ снова обратился къ цыгану.

— За сколько продалъ? да смотри не лгать, объявилъ онъ ему.

Цыганъ заговорилъ что-то по цыгански; Флоръ Иванычъ и Липка отвѣчали ему то-же по цыгански; потомъ разговоръ

перешелъ въ жидовское нарѣчіе, Флоръ Ивановичъ и тутъ не уронилъ себя.

— Ишь В—*** Меццо-фанти какой! подумалъ я, досадуя на то, что не могъ понять разговора.

— Такъ у Грицко? спросилъ наконецъ Флоръ Ивановичъ. Цыганъ утвердительно замоталъ головой.

— Ты знаешь, Липка, гдѣ онъ? обратился онъ къ своему агенту.

— А какъ-же мнѣ не знать? обиженымъ тономъ возразилъ тотъ.

— Ну такъ возьми сотскаго, да двухъ десятерскихъ, да приведите его ко мнѣ съ лошадыю вмѣстѣ, да и того кличнните, мошенника-го.

Липка и три ликтора удалились скорымъ шагомъ.

— Куда это вы ихъ послали?—спросилъ я Флора Ивановича.

— Да вотъ тутъ скверность маленькая вышла, отвѣчалъ онъ зѣвая и потягиваясь: хохоль укралъ у цыгана лошадь, да перепродалъ ее Грицку, — одинъ мужикъ такой здѣсь есть: такъ надо лошадь отобрать у Грицка, да отдать цыгану: онъ объявленіе хочетъ подать, и двухъ свидѣтелей представить.

— Гдѣ-же свидѣтели? спросилъ я удивленный, что я ихъ не видѣлъ.

— Въ шинкѣ, меня дожидаются, отвѣчалъ Флоръ Ивановичъ.

Я недоувѣрчиво покачалъ головой и выразилъ моему собесѣднику свое положительное сомнѣніе въ томъ, чтобы хохоль укралъ у цыгана лошадь.

Флоръ Ивановичъ тихо засмѣялся и отвѣчалъ уклончиво.

— Ничего.... иногда и это случается: на свѣтѣ все бываетъ.

Я подозрительно посмотрѣлъ на Флора Ивановича; онъ еще пуще расхохотался. Я рѣшился выпытать у него правду, потому что подозрѣнія мои въ томъ, что тутъ дѣлается скверное дѣло, росли съ каждою минутою все больше и больше.

Но не успѣлъ я разинуть рта, какъ Флоръ Ивановичъ замялъ разговоръ.

— Эге, ншъ ты, какая красотка! козырь-дивка! крикнулъ онъ, указывая на прехорошенькую крестьянскую дѣвку, которая завидѣвъ его, бросилась-было со всѣхъ ногъ бѣжать.

— Эй сотскіе, ловите ее, приведите сюда! распорядился Флоръ Иванычъ.

— За что вы это ее? спросилъ я, совершенно не понимая въ чемъ бы могла заключаться вина бѣжавшей дѣвки.

— Такъ, ни за что, отвѣчалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, циническій Флоръ Иванычъ.

— Какъ вамъ не стыдно, началъ было я усовѣщевать его.

— Какъ быть? отозвался онъ; сами, Богъ дастъ, будете полицейскимъ чпновникомъ.

Между-тѣмъ сотскіе изловили бѣглянку и привели ее къ Флору Иванычу.

— Ты чего отъ меня бѣжала? а? грозно крикнулъ онъ на нее; ты, стало, въ чемъ нибудь виновата? Эй взять ея, сотскій!

Бѣдная дѣвка залилась слезами; сотскій схватилъ ее и потащилъ въ шинокъ, сдѣлавшійся на все время ярмарки главною квартирою полицейской власти.

• Я былъ очень сердитъ на своего пріятеля и мы шли, молча, къ шинку.

— Неужели вы ее высѣчете? спросилъ я наконецъ своего собесѣдника, съ намѣреніемъ выручить дѣвку.

— Нѣтъ, если умна будетъ, такъ не высѣку, объявилъ коротко и ясно Флоръ Иванычъ.

Мы подошли къ шинку; у дверей его толпились десятскіе, сотскіе, суетился за десятерыхъ жидъ-агентъ, наконецъ стояли цыганъ, Грицко, высокій рослый мужикъ съ совершенно испуганнымъ лицомъ и другой мужикъ, котораго цыганъ обвинялъ въ кражѣ у него лошади, съ наружностью, которая годилась-бы любому вору и разбойнику.

— Вязи ихъ обоихъ, распорядился Флоръ Иванычъ, указывая на вора и на Грицко; да этого-то хорошенько, чтобы краденыхъ лошадей не покупалъ. А лошадь ты, Хома, возьми подъ росписку, обратился онъ къ цыгану.

Десятскіе дѣйствительно связали обонхъ мужиковъ и несчастнаго Грицко скрутили такъ, что у того слезы навернулись на глазахъ.

— Ваше благородіе, заговорилъ онъ; хнба я воръ, чи що таке?

— Говори, говори, перебилъ его Флоръ Иванычъ, — въ стану тамъ разберемъ зачѣмъ ты краденыхъ лошадей покупаешь.

— Да развѣ я зналъ, ваше благородіе? отозвался опять горемычный Грицко.

— Разговаривай еще со мной! грозно крикнулъ Флоръ Иванычъ; тащите его, дурачье, приказалъ онъ десятскимъ; заprite въ сборную избу, да караульте хорошенько: онъ въ острогъ пойдетъ; а убѣжить, такъ передеру васъ до полу-смерти. Посадите и этого куда-нибудь, прибавилъ онъ вскользь указывая на вора. — А дѣвка здѣсь? спросилъ онъ у жнда.

— Здѣсь, васе благородіе, отвѣчалъ тотъ успокоительнымъ тономъ.

— Гдѣ?

— Въ хлѣвъ заперли, васе благородіе.

— Чтожъ? плачетъ?

— Да она дурнѣ какая-то, васе благородіе: реветъ какъ корова, съострилъ жндъ, производя при этомъ какія-то неестественныя движенія плечами, руками, рожей и бородой. Флоръ Иванычъ засмѣялся и повернулся ко мнѣ, указывая на дверь шинка.

— Милости просимъ, радушно проговорилъ онъ.

— Что это тутъ творится? подумалъ я про себя, рѣшаясь до конца прослѣдить продѣлки моего новаго пріятеля.

Мы вошли въ чистую, такъ называемую панскую половину шинка. Флоръ Иванычъ, весело потирая руки, бросился къ столу, на которомъ уже стояла водка и взятая у купца закуска, даже пряники медовые и тѣ были поставлены въ видѣ закуски послѣ водки.

— Ну нынче ярмарка не дурна, объявилъ мнѣ Флоръ Иванычъ.

— А что? спросилъ я.

— Да вотъ увидите, отвѣчалъ онъ и позвалъ своего агента Липку.

Тотъ явился сейчасъ-же и изъ почтенія остановился у порога, откашливаясь въ сторону и напустивъ на всю комнату чесночнаго запаха, не смотря на то, что окна были открыты настежь..

— Ну? сказалъ Флоръ Иванычъ.

— Двадцать карбованцевъ цыганскихъ извольте получить, отвѣчалъ жидъ, подавая писмоводителю двѣ замазанныхъ красенькихъ бумажки.

— Ну хорошо, только ты, Липка, скажи цыгану, чтобы онъ лошадь эту перемѣнилъ, а то я ее уже третью ярмарку ловлю, толковалъ Флоръ Иванычъ; пусть отведетъ въ другой уѣздъ, да и промѣняетъ, еще надуетъ когонибудь, а я свидѣтельство ему выдамъ, что лошадь его, — не краденая.

— Слусаю, васе благородіе, доложилъ жидъ, который все время почтительно слушалъ писмоводителя, какъ самый лучшій полицейскій подчиненный.

— Ну а роденькѣ-то его скажи, чтобы бѣжалъ, слышишь? я нарочно не велѣлъ караула къ нему ставить.

— Слусаю, васе благородіе.

— Что такое? подумалъ я; мнѣ никакъ въ голову не приходило, чтобы Флоръ Иванычъ сталъ такъ нагло мошенничать при мнѣ, постороннемъ человѣкѣ.

— Ну а Грицко, что? спросилъ Флоръ Иванычъ.

Это такъ-дрянь, васе благородье, вниманья не стоящій человѣкъ, пояснилъ еврей.

Ну пусть дастъ три карбованца, да и чортъ съ нимъ, сказалъ Флоръ Иванычъ, прикладываясь опять къ водочкѣ.

Жидъ презрительно замахалъ руками и головой.

— Немà, немà, васе благородіе, кричалъ онъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, пусть дастъ *цвей кербслъ*.

Жидъ опять замоталъ головой.

— Ну *ейницъ*.

Опять тѣже знаки безнадежности со стороны жида.

— А когда такъ, такъ я его выпорю, рѣшилъ Флоръ Иванычъ.

Я наконецъ догадался въ чемъ дѣло: цыганъ и воръ были подставные. Цыганъ, каждую ярмарку являлся жаловаться Флору Иванычу на вора, что онъ у него укралъ лошадь и продалъ её такому-то мужику, часто отдававшему послѣднія деньги за лошадь: не всегда-же попадаются богатые мужики. Сцена каждую ярмарку разыгрывалась также, какъ и при мнѣ и Флоръ Иванычъ получалъ двѣ трети цыганскаго заработка, вслѣдствіе предварительнаго, разъ навсегда установленнаго договора. Цыганъ довольствовался одною третью и получалъ назадъ лошадь, воръ убѣгалъ изъ подъ ареста, а купившій лошадь мужикъ былъ совершенно счастливъ, если имѣлъ въ остаткѣ, чѣмъ откупить свою шкуру отъ розогъ Флора Иваныча, хоть и лѣтнихъ, но все неприятныхъ. Жидъ конечно имѣлъ тоже порядочную выгоду.

— Ну, теперь у меня еще есть дѣло до тебя, сказалъ Флоръ Иванычъ Липкѣ, когда тотъ воротился въ избу, сдѣлавъ надлежащія распоряженія къ бѣгству вора и исчезновенію цыгана съ лошадыю.

Липка вытянулъ шею и притаилъ дыханіе; руки-же заложилъ за спину въ знакъ почтенія къ начальству.

— Деньги, братецъ, нужны до зарѣзу, объявилъ Флоръ Иванычъ: — такъ вотъ что: я, братецъ, замѣтилъ, что балаганы выстроены не по закону.

Жидъ наострилъ уши, а глаза у него такъ и забѣгали, какъ у кошки, чуящей добычу.

— Что ты глаза-то вылупилъ? продолжалъ Флоръ Иванычъ: — пока я буду обѣдать, — теперь скоро двѣнадцать часовъ, — такъ ты пойдѣ по балаганамъ, да съ каждаго принеси мнѣ по карбованцу; слышишь? что лишнее, то твое, пояснилъ онъ; а то скажи, балаганы сейчасъ сломаю и товары повыкидаю.

Жидъ быстро повернулъ на лѣво-кругомъ и сунулся было къ двери.

— Стой, стой, крикнулъ ему Флоръ Иванычъ: — ишь какой пряткій! Поди, позови мнѣ Ѳедьку купца.

Черезъ пять минутъ послѣ ухода еврея, явился Ѳедоръ, съ весьма сконфуженной миной.

— А здорово, Ѳедя, сказалъ Флоръ Иванычъ, притворно

ласковымъ тономъ увидя купца: — когда тебѣ, братъ, лучше, чтобы я тебя въ острогъ-то отправилъ? Да, можетъ, хочешь, я на твой счетъ изъ губерніи цирюльника выпишу, голову-то брить? а то наши-то братъ парикмахеры куда какой неловкій народъ, и бритвъ-то, братецъ, нѣтъ, а обломкомъ косы скребуть, собачьи дѣти.

— Помилосердуйте, ваше благородіе, прощенталь купецъ. Флоръ Иванычъ подошелъ къ нему.

— А! теперь помилосердуйте? а не знаешь, какъ надо помнить начальство? не знаешь? не знаешь?

И всякое слово свое Флоръ Иванычъ сопровождалъ движеніями кулака снизу вверхъ, и кулакъ постоянно попадалъ въ подбородокъ купца, такъ что у того только зубы трещали, да колотились одинъ объ другой.

— Я, ваше благородіе, начальство уважать должонъ, я это чувствую, говорилъ купецъ; еще двухъ недѣль, ваше благородіе, не прошло, какъ вы съ меня изволили получить три карбованца-съ.

— Ахъ ты ракаля, ахъ ты подлець! говорилъ Флоръ Иванычъ, нисколько не возвышая голоса и въ тоже время повторяя свои эволюціи съ кулакомъ; такъ ты, цапъ проклятый, думаешь, что я тебѣ позволю за три карбованца надувать православныхъ христіанъ цѣлый годъ? а? скажите пожалуйста, какой подлець!

— Виновать, ваше благородіе, шенталь купецъ, — не догадался.

— Не догадался? говорилъ Флоръ Иванычъ, все-таки продолжая бомбардировать подбородокъ купца; не догадался? А отчего Мухинъ, Сверчковъ, догадались? а? Отчего они еще третьяго дня ко мнѣ въ станъ явились? а? Такъ вотъ, подлець ты этакой, они теперь и торгуютъ, а ты и торговли лишился, да еще полголовы обрѣю, да въ острогъ! Знай впередъ начальство! знай, собачій сынъ знай! Да ты не паться я тебя не укушу, продолжалъ Флоръ Иванычъ, видя что купецъ понялся отъ кулака; не паться! и кулакъ опять заходилъ довольно часто.

— Помилосердуйте, ваше благородіе, что положить изволите? вступилъ купецъ въ переговоры.

— Двадцать пять карбованцевъ, объявилъ Флоръ Иванычъ такимъ тономъ какъ будто дѣло шло о двадцати пяти копѣйкахъ.

— Ваше благородіе, помилуйте, отозвался купецъ.

— Ни гроша меньше.

Купецъ вздохнулъ.

— Ну видно придется въ станovou квартиру, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ: извольте вести приказать.

Купецъ былъ человѣкъ бывалый и зналъ очень хорошо, что Флоръ Иванычъ не великая птица, человѣкъ подначальный, и что становой выпуститъ его за десять цѣлковыхъ непременно

Флоръ Иванычъ прекрасно понялъ его расчетъ.

— Ишь, собачій сынъ, наострился! знаетъ гдѣ раки зимуютъ! проговорилъ онъ сквозь зубы, косясь на купца. — Я невольно улыбнулся борьбѣ такихъ опытныхъ бойцовъ.

— Ну давай-же пять карбованцевъ и пять бутылокъ хересу хорошаго, спустилъ вдругъ свою цѣну опытный Флоръ Иванычъ; вышемъ по крайности за обѣдомъ хорошенько, пояснилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Но купецъ былъ тоже не промахъ, не любилъ очень щедро отплачиваться за свои мошенничества.

— Не могу, воля ваша, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ: и такъ товаровъ изволили на сколько взять! Купецъ значительно тряхнулъ своей кудрявой головой и посмотрѣлъ на меня, какъ будто жалуясь мнѣ на грабежъ моего пріятеля.

— А! такъ ты считаешься, ракаля? крикнулъ Флоръ Иванычъ; вонъ разбойникъ! собака! пошелъ опять подъ арестъ.

Купецъ прехладнокровно вышелъ за дверь; Флоръ Иванычъ за нимъ.

— Эй, сотскіе, ведите его въ кизичку! острилъ писмоводитель. Купецъ совершенно хладнокровно послѣдовалъ за сотскимъ.

Только что кончилась эта сцена, возвратился жидъ-шикаръ со своего порученья.

— Ну? сердито прикрикнулъ на него Флоръ Иванычъ.

— Семнадцать балагановъ, васе благородіе, отвѣчалъ жидъ.

— Ну!

Жидъ приблизился къ его благородію на цыпочкахъ и подалъ ему горсть мелочи, завязанной въ какую-то тряпку.

Флоръ Иванычъ перечелъ и положилъ въ карманъ, ни слова не говоря.

— Васе, благородіе, началъ Липка, помилуйте Оедьку.

— Сказано *фиръ кербель, фиръ бутелька*, объявилъ по жидовски Флоръ Иванычъ, растопыривая пятерню для вѣщаго вразумлѣнія жида и подходя къ нему.

— Много, васе благородіе: мозно *дрей кербель, дрей бутельки*, возразилъ Липка примиряющимъ тономъ.

— Выкуси, — прапорщикъ будешь, съострилъ Флоръ Иванычъ, показывая жиду дулю.

Жидъ пріятно осклабился отъ такой милой шутки; начался опять торгъ.

— Возьмите васе благородіе: становой, нехай ему бисъ, хузе-зе возьметъ, увѣщевалъ Липка.

— Ну, чортъ съ нимъ и съ тобой: *фиръ кербель, фиръ бутелька*, спустилъ еще письмоводитель.

— Не мозно, ей Богу не мозно, васе благородіе, говорилъ жидъ, растопыривая руки: една бутелька стоятъ карбованецъ! то вѣдъ не простое вино, то хересь: сколько въ него крѣпкой водки идетъ, сзенаго сахару, — не перечтеть! обьясялся наивный жидъ.

— Ну, слушай, свиное ухо, объявилъ строгимъ тономъ Флоръ Иванычъ: *фиръ кербель, дрей бутельки*, — ни копѣйки меньше; а если нѣтъ, такъ, разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ, я Оедкѣ залеплю полторы тысячи розогъ. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

— Ой, ой, ой, помилуй Богъ, зачѣмъ рѣзги? пищалъ жидъ, отмахиваясь длинными руками. — Сейчасъ будетъ и деньги и вино, объявилъ онъ, поворачиваясь къ двери.

— Да вели давать обѣдать, крикнулъ ему вслѣдъ Флоръ Иванычъ.

Черезъ пять минутъ Липка притащилъ три бутылки мерзѣйшаго хересу.

Въ то же время онъ подалъ Флору Иванычу четыре рубля серебромъ.

— Выпусти его мошенника, приказалъ ему писмоводитель, да распечатай его балаганъ.

Мы съѣли объѣдать и объѣдъ, надо сознаться былъ прекрасный, кромѣ, разумѣется, хереса. Флоръ Иванычъ много пилъ и ѣлъ за четверыхъ; наконецъ онъ насытился и вступилъ въ разговоръ.

— Хорошая ярмарка, замѣтилъ я.

— Да; сорокъ одинъ карбованецъ чистыми: это не всегда случается, отвѣчалъ онъ.

Я засмѣялся.

— Чему вы? спросилъ онъ.

Да смѣшны казались ваши продѣлки, вымолвилъ я, да я испугался, не разсердился-бы мой собесѣдникъ; но онъ принялъ это замѣчаніе чрезвычайно добродушно и даже съ видимою гордостью.

— Ничто таки,—живуть! самодовольно отвѣчалъ онъ.

— А что, Флоръ Иванычъ, вѣдь вы сами сознаетесь, чай, что это не хорошо, сказалъ я самымъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, какой только съумѣлъ подобрать.

— Что не хорошо?

— Да вотъ что вы дерете безъ милосердія и праваго, и виноватаго, да вотъ доходцы-то такіе имѣете.... не рѣшительно сказалъ я.

— Безъ этого нельзя, на то полицейская служба, совершенно хладнокровно отвѣчалъ Флоръ Иванычъ.

— Да вѣдь можно-же сдѣлать такъ, чтобы не служить такъ?

— Какъ не можно, — все можно!

— Да какъ-же это сдѣлать?

— Флоръ Ивановичъ замолчалъ и хитро улыбался. Я хотѣлъ отвѣта и повторилъ свой вопросъ.

— Ишь какой вы ласковый! воскликнулъ Флоръ Иванычъ, добродушно захохотавъ; дурака нашли, чтобы самъ себѣ яму рылъ, объ улучшеніяхъ-то съ вами говорилъ! Вѣдь нынче, сударь, не то, что прежде: скажи-ка вамъ слово, вы, неровень часъ, расскажите кому-нибудь! Ну, а нашему брату не понутру эти улучшенія: жалованье-то маленькое, какъ разъ по міру пойдешь!

— А гласность? нерѣшительно замѣтилъ я.

— Это что такое? книги-то ваши, да журналы дурацкіе? перебилъ меня Флоръ Иванычъ; они намъ, батюшка, тѣфу! Флоръ Иванычъ дѣйствительно плюнулъ; пишете, что хотите обо мнѣ, только настоящимъ именемъ не называйте, чтобы до высшаго начальства не дошло. Ну, а такъ какъ по имени-то назвать печатно не смѣютъ, такъ пожалуй, пиши кто хочетъ и сколько хочетъ!

— Флоръ Иванычъ, началъ я, пользуясь благимъ расположеніемъ духа моего собесѣдника, у меня есть къ вамъ просьба....

— Что такое? спросилъ Флоръ Иванычъ; онъ былъ уже порядочно выпивши.

— Отпустите дѣвку: чѣмъ она, несчастная, виновата?

— А на что вамъ она? продолжалъ свой допросъ Флоръ Иванычъ, лукаво посматривая на меня.

— Да ни на что, такъ жалко....

— Ишь ты какой вы жалостливый, насмѣшливо прервалъ онъ меня; сознайтесь, что она вамъ нужна, такъ я отпущу, а то не отпущу.

— Богъ знаетъ что вы говорите! съ неудовольствіемъ проговорилъ я и отвернулся отъ своего собесѣдника.

— Ну, ну, не сердитесь, — я отпущу ее; на кой она мнѣ лядь? захочу другую найду: стоитъ только сотскому мигнуть.

Я послѣшилъ воспользоваться «благимъ стихомъ», нашедшимъ на Флора Иваныча и позвалъ сотскаго.

Письмоводитель сдержалъ свое слово, и сотскій получилъ приказаніе немедленно выпустить плѣнницу на волю.

— Да, дай ей, на прощанье, хорошую затрепину: чтобы впередъ мнѣ на глаза не попадалась, приговорилъ Флоръ Иванычъ.

ВЛАДИМИРЪ ЕЛАГИНЪ.

Екатеринославъ. 22 марта 1859 г.

I.

Тяда.

Тамъ, подъ навѣсомъ вѣтвей кипарисныхъ,
Гдѣ, по камнямъ пробираясь, струится
Звонкій ручей, у прохладнаго грота,
Буду я ждать тебя въ сладкой истомѣ —
Если прійдешь — тебѣ кисть винограда
Выжму въ амфору я съ пѣсней «*οὐ ἴα!*»

II.

Полдень жарокъ.... Дай, подъ сѣнью
Я прилягу, отдохну,
И, объятый сладкой лѣнью,
Задремлю я и засну.

Жажда мучить.... въ эту пору
Я бѣ ручей испилъ до дна —
Нацѣди же мнѣ амфору
Ты хіосскаго вина, —

А за тѣ тебя Цирцея
Наградить; а я — спюю
Про дѣянья Одиссея,
Иль изъ Сафо въ честь твою.

1857 г.

III.

Ἦ γὰρ μελαίνα πίσις....

Ἦδὲ σὺ. Λυκ. κρ.

Пьютъ и воздухъ, и поля,
Пьютъ и черная земля,

Море, солнце — всѣ вы пьете;
 Всѣхъ поить одна струя —
 Такъ за что же вы, друзья,
 Вволю пить мнѣ не даете?

• 1858 г.

—
 * * *

Осень.... Вечеръ холодный, росистый....
 Скучно.... Галки тоскливо кричатъ....
 И темно такъ въ аллеѣ тѣнистой....
 Подъ ногою листь шелестятъ....

Повернемъ на глухую дорожку —
 Ничего! я бы очень хотѣлъ,
 Чтобъ въ травѣ промочила ты ножку
 И чтобъ я ее послѣ согрѣлъ....

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

1857.

—
 II.

Когда случается, платя долгъ чувствамъ дѣтскій,
 Мнѣ къ тетускѣ попасть въ салонъ великосвѣтскій,
 И туго натянувъ перчатки на показъ,
 Выслушивать ея тамъ бредни битый часъ,
 Иль тѣшить свѣтскихъ дамъ веселой небылицей,
 Иль, Боже упаси! съ двоюродной сестрицей,
 Минервой-дѣвушкой, вступить о чувствахъ въ споръ,
 И видѣть къ небесамъ ея воздѣтый взоръ,
 И слушать въ сотый разъ изъ устъ сентиментальныхъ,
 Тирады цѣлыя поэтовъ идеальныхъ,
 Межъ тѣмъ какъ кошечки лукавые глаза
 Туманить тетуски умильная слеза,
 Ей Богу, тяжело! За то какой отрадой
 Забьется снова грудь, когда дохнешь прохладой,

Спускаясь на крыльцо. А вотъ и поворотъ
 И домикъ серенькій съ калиткой у воротъ,
 Густой, знакомый садъ, — гдѣ часто въ полдень жгучій
 Любилъ я помечтать подъ липою пахучей,
 Иль тихимъ вечеромъ, смотрѣть какъ пѣз-за тучъ,
 Румянить яблони заря послѣдній лучъ,
 Когда всѣ потонувъ цвѣтовъ въ душистомъ морѣ
 Красуются онѣ въ ихъ дѣвственномъ уборѣ.
 А вотъ и лѣстница, — простая, безъ затѣй,
 На скромный чердачекъ взбираюсь я по ней.
 Вошелъ, — пѣтъ ни картинъ, ни мраморовъ, ни фресокъ,
 Но свѣтитъ весело сквозь мирныхъ занавѣсокъ
 Лучъ яркій солнышка, — и улаждая взоръ,
 Рисуетъ на стѣнѣ причудливый узоръ.
 Не видно мебели роскошно-прихотливой.
 За то рѣзвунскою моею нетерпѣливой
 Проворно на полъ снять ерanni кустъ густой,
 Къ раскрытому окну приставленъ столъ простой:
 И запахъ яблоней свѣжательный впивая,
 Сидимъ мы веселы, свободно съ *ней*, богатая.
 Клокочетъ и шумитъ нагрѣтый самоваръ,
 Душистый вѣтерокъ его разноситъ паръ.
 И тутъ же гроздій сокъ, прозрачный и янтарный,
 Какъ мудрый тихо шю, я Богу благодарный.
 Ахъ, право хорошо! — Межъ тѣмъ усталый день
 Къ исходу клонится, — длиннѣ стала тѣнь,
 Свѣжѣ вѣтерокъ въ окно прохладой вѣетъ.
 Вотъ солнышко зашло, прпмѣтно вечерѣетъ.
 Пустѣетъ улипа; — окончивъ мнрѣ бесѣдъ,
 Стучится въ дверь свою вернувшійся сосѣдъ,
 И сторожъ въ ворота выходитъ съ вѣрной жучкой.
 Захлопнуто окно нетерпѣливой ручкой,
 И штора спущена отъ любопытныхъ глазъ.
 Темнѣетъ; — тихо все; — такъ, ночи близокъ часъ.
 Ты поняла мой взоръ, и покраснѣвъ стыдливо,
 Рѣсницы длинныя склоняешь молчаливо.

И. КРОДЬ.

МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦОВЪ.

(Посвящается моимъ двумъ освободителямъ, генералу Данзасу и
О. Я. Осмоловскому.)

Коканцы — должно быть жители Кокана. Гдѣ же Коканъ? что это такое? Вотъ вопросы, которые я часто слышалъ отъ будущихъ читателей этой статьи; начинаю слѣдующимъ отвѣтомъ на нихъ, и скажу, что такое Коканъ.

Это средне-азиатское ханство*), занимающее область верховьевъ Сыр-Дарьи, и названное по имени своего главного города; его сѣверная граница, вдоль рѣки Чу, прилегаетъ къ Голодной Степи, бесплоднѣйшей пустынь, безводной, неудобной для кочевья, отдѣляющей Коканъ отъ киргизской степи сибирскаго вѣдомства.

---

*) Свѣдѣнія о Коканѣ немногочисленны и разбросаны; сводъ ихъ, до 1834 года, есть у Риттера, въ его классическомъ трудѣ объ Азіи (второе изданіе, книга 3-я, часть 7-я, глава VI, страницы 728—784); о сѣверо-западной части Кокана, бывшемъ таикентскомъ ханствѣ, въ поѣздкѣ Поспѣлова и Буриашева въ Ташкентъ (Вѣстникъ Географическаго Общества, 1851, книга I); позднѣйшія свѣдѣнія — въ томъ же Вѣстникѣ, 1856 года, въ статьѣ г. Вельяминова-Зернова о Коканѣ, содержащей возможно-полное и удовлетворительное описаніе нынѣшняго положенія ханства и историческій очеркъ, и въ статьѣ о плѣнѣ трехъ сибирскихъ козаковъ въ Коканѣ. Торговлю Ташкента съ Россіей излагаетъ г. Небольсинъ, въ X книгѣ Записокъ Географическаго Общества. Свѣдѣнія о господствѣ киргизовъ въ Туркестанѣ, въ XVIII вѣкѣ, есть въ описаніи киргиз-казаковъ, Левшина, ч. II; о ихъ владычествѣ въ Ак-Мечети, въ статьѣ г. Максимева о Сыр-Дарьѣ, Морской Сборникъ, 1857, февраль.

Такимъ образомъ, коканцы наши сосѣди; это обстоятельство должно возбудить участие чпателя, тѣмъ болѣе, что они съ нами по сосѣдски и въ спорѣ, изъ за-участка земли, что объясню въ свое время, а теперь прошу взглянуть на карту, и осмотрѣть остальные границы Кокана. Съ востока, китайскій Туркестанъ, отдѣляемый отъ Кокана хребтомъ Болор-тагъ, съ юга, хребетъ Ак-Тау, отдѣляющій Коканъ отъ Бухары, съ западу песчаная пустыня Кызыл-Кумъ, до Сыр-Дарьи, а на сѣверъ отъ Сыр-Дарьи положительной границы нѣтъ между коканскими и русскими владѣніями, а есть нейтральное пространство верстъ во 180-тъ между крайними коканскими и русскими поселеніями. Коканцы западную половину этого пространства признаютъ нашей, восточную своей.

Ограниченное такимъ образомъ пространство, съ древнихъ временъ весьма мало извѣстно въ исторіи. Тутъ колыбель индо-европейскаго племени, предѣлъ завоеваній Кира и Александра, и коканскіе сарты, или коренные жители, происходятъ отъ покоренныхъ ими туземцовъ. И часто еще и послѣ были покорены эти бѣдные сарты: арабами, тюрками, монголами, наконецъ господствующими теперь узбеками *), изгнавшими потомка Тамерлана, малолѣтняго хана Бабера, впоследствии завоевателя Индіи, въ началѣ XVI вѣка.

Съ тѣхъ поръ, юго-восточная половина ханства, съ городомъ Коканъ, принадлежала узбекамъ; сѣверо-западная половина, съ торговымъ центромъ сыр-дарьинскаго бассейна, Ташкентомъ, составляла ташкентское ханство, принадлежавшее то узбекамъ, то киргизъ-казакамъ; послѣдніе и теперь составляютъ большинство населенія этой области. Туркестаномъ и окрестными степями они владѣли во все продолженіе XVIII вѣка; не рѣдко занимали и Ташкентъ. Въ 1778 году Туркестаномъ владѣлъ Аблай-Ханъ киргизскій, принявшій, задолго до того времени, русское подданство. Послѣ его

---

*) Тюрко-монгольскимъ племенемъ, помѣстно образовавшимся, какъ и наши киргизы, вслѣдствіе чингис-хановыхъ походовъ. Только теперь узбеки въ Коканѣ, по своей малочисленности и бракамъ съ сартами, приняли кавказскій обликъ.

смерти Туркестаномъ завладѣли бухарцы; въ 1799 году занялъ этотъ городъ ташкентскій ханъ, узбекъ Юнусъ-Ходжа, покорившій всѣ племена нынѣшнихъ коканскихъ киргизовъ. Но въ то-же время и коканскій ханъ Норбута-Бій распространялъ свои владѣнія; напавши на Ташкентъ, онъ былъ побѣжденъ, захваченъ и казненъ. Въ 1805 году, сынъ казненнаго хана покорилъ Ташкентъ, чѣмъ коканское ханство получило свои нынѣшніе предѣлы.

Сношенія этого ханства съ Россіей довольно долго были мирныя; еще въ 1829 году было въ Петербургѣ коканское посольство, и до 1853 года ходили въ Ташкентъ русскіе прикащики. Но въ то-же время коканскіе киргизы грабили нашихъ, т. е., грабили болѣе бѣглецы изъ русскихъ же киргизовъ, укрывшіеся въ Коканъ, нападали и на нашихъ сибирскихъ казаковъ. Сами коканцы настроили крѣпостей (изъ которыхъ главная была Ак-Мечеть) въ зимовкахъ нашихъ киргизовъ на Сыр-Дарьѣ; гарнизоны этихъ крѣпостей, вообще малочисленные (самый сильный, въ Ак-Мечети, не болѣе трехсотъ человекъ) назначались почти единственно для незаконныхъ поборовъ съ зимующихъ на Дарьѣ русскихъ киргизовъ, и для поборовъ же съ бухарскихъ каравановъ, торгующихъ съ Россіей, а продовольствовались на счетъ сыр-дарьинскихъ киргизовъ — исенчей, или земледѣльцевъ. Сверхъ того, эти крѣпости, какъ и всѣ пограничныя крѣпости средне-азиатскихъ владѣній, служили убѣжищами и складочными мѣстами разбойничьимъ шайкамъ изъ киргизовъ, подвластныхъ Кокану.

Послѣ взятія Ак-Мечети, переименованной въ фортъ Перовскій, и двукратнаго пораженія коканскихъ войскъ, посланныхъ обратно завладѣть ею, въ 1853 году, были покинуты коканцами всѣ укрѣпленія на западѣ отъ Ак-Мечети, а на востокѣ отъ нея Мама-Сентъ-Курганъ и Джулекъ. Этимъ, разумѣется, кончились поборы, производившіеся изъ коканскихъ крѣпостей, набѣги ограничились окрестностями форта Перовскій, а вражда коканцовъ къ русскимъ усилилась. Впрочемъ, набѣги производились малыми шайками, и не было примѣра, чтобы такая шайка потревожила русскій отрядъ, или даже приблизилась къ нему. Коканскіе набѣдники ограничи-

вались нападеніями на беззащитные аулы, и угономъ скота; наши киргизы платили имъ тѣмъ-же.

Послѣ взятія Ак-Мечети, ташкентскіе караваны еще ходили въ Троицкъ и Петропавловскъ, а русскіе купцы, прежде торговавшіе въ ханствѣ, перестали туда ѣздить.

Таковы были наши отношенія къ Кокану, когда я, по порученію императорской академіи наукъ, прибылъ на Сыр-Дарью, для зоологическихъ изслѣдованій.

I.

Мѣстоположеніе форта Перовскій. — Дорога въ Коканъ. — Экскурсія къ Джулеку. — Весна на Сыр-Дарьѣ.

Особенно богатую зоологическую добычу обѣщали мнѣ лѣсистыя мѣста и разливы Сыр-Дарьи, отъ форта Перовскій вверхъ, по направленію къ Джулеку; оттуда я думаю пробраться, если только возможно, на почти совершенно неизвѣстный хребетъ Кара-Тау, котораго западная оконечность всего въ восьмидесяти верстахъ отъ форта Перовскій. Эти мѣста считались опасными отъ коканцовъ; но именно въ то время, въ половинѣ апрѣля, были въ фортѣ Перовскомъ получены извѣстія, что опасность миновалась: подвластные Кокану киргизы возмутились въ восточной части ханства, и осаждали крѣпость Аульѣ-та; туда сосредоточивались коканскія войска, а въ западной части ханства оставались только слабые гарнизоны, не выходящіе изъ городовъ и укрѣпленій. Въ этой западной части киргизы были покойны, но болѣе расположенные къ русскимъ, нежели къ коканцамъ. Только ихъ, киргизовъ, можно было встрѣтить на Кара-Тау, а близъ Дарьи, между фортомъ Перовскимъ и коканской крѣпостью Яны-Курганъ (на востокъ отъ Джулека, въ двухстахъ верстахъ отъ форта Перовскій) — никого, кромѣ мирнаго киргизскаго отшельника у могилъ Охчу, близъ Джулека, почитаемыхъ святымъ.

Такія обстоятельства должны были казаться весьма благоприятными для предполагаемой экскурсіи; но сверхъ того шелъ еще вверхъ по Дарьѣ отрядъ, посланный рубить мел-

кій строевой лѣсъ для форта: рота пѣхоты, пятьдесятъ казаковъ *).

Наконецъ, бухарскій эмиръ угрожалъ Кокану. Стѣпенные такимъ образомъ, коканцы должны были избѣгать русскаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, слѣдовательно и непріязненныхъ дѣйствій противъ насъ.

Но, такъ какъ только-что объясненная безопасность экскурсіи была только вѣроятна, а не совершенно вѣрна, я рѣшился быть при посланномъ вверхъ по Дарьѣ отрядѣ, слѣдовать его переходамъ, а во время дневокъ для рубки лѣса охотиться около его лагеря. Поѣздка же на Кара-Тау должна была зависѣть отъ дальнѣйшихъ извѣстій, какія могли быть получены уже въ отрядѣ, на мѣстахъ рубки, отъ нашихъ киргизовъ, имѣвшихъ сношенія съ каратаускими, — такъ какъ многіе тамошніе перекочевали въ русскіе предѣлы, но продолжали видѣться съ родичами, оставшимися на прежнихъ кочевьяхъ, въ коканскомъ подданствѣ.

Такое рѣшеніе было скорѣе осторожно, чѣмъ беззаботно-дерзко, да и въ исполненіи, какъ читатель увидитъ, я не полагался на авось.

Я зналъ положительно, и все послѣ плѣна собранныя свѣдѣнія это подтвердили, что до тѣхъ поръ, до апрѣля 1858 года, коканцы весьма избѣгали встрѣчи съ русскими отрядами, даже и на двадцать верстъ къ нимъ не подходили. Это было замѣчено еще въ мартѣ 1858, когда (что ежегодно бываетъ) русскій отрядъ, выставленный въ восьмидесяти верстахъ отъ форта, прикрывалъ перекочевку нашихъ киргизовъ, съ ихъ дарьинскихъ зимовокъ на сѣверъ.

Пораженія, нанесенныя русскими коканцамъ въ 1853 г., когда наши сотни разбивали ихъ тысячи, сильно утрашили ихъ, и они еще ничѣмъ не показывали, чтобы безуспѣшный погоня нашихъ отрядовъ за ихъ хищниками, развеяли этотъ страхъ.

---

*) Можетъ быть и меньше; точной цифры не помню, но въ итогѣ не менѣе ста человѣкъ.

Мнѣ первому довелось узнать горькимъ опытомъ, что коканцы уже успѣли ободриться, относительно нашихъ отрядовъ.

Для поясненія дальнѣйшаго разсказа, нужны нѣкоторыя топографическія подробности.

Фортъ Перовскій построенъ на правомъ, или сѣверномъ берегу Сыръ-Дарьи, которая и выше и ниже форта представляетъ разливы, образующіе акмечетскій островъ: фортъ находится въ одинаковомъ почти разстояніи отъ верхнихъ и отъ нижнихъ разливовъ.

Верхніе разливы называются Бир-Казань, и направляются отъ Дарьи къ сѣверо-западу. Начало ихъ — довольно глубокой протокъ, съ однимъ только бродомъ, извивающійся въ лѣсистыхъ болотахъ; далѣе вода уже стоячая — озера и камышевыя болота, верстъ на двадцать пять, дугой, по низинамъ между песчаными барханами. Изъ Бир-Казана вода пробирается по соленымъ низинамъ между барханами, къ слѣдующему нижнему разливу: но теченіе медленно, протоки часто засоряются иломъ и превращаются въ ряды солоноватыхъ озеръ, которыхъ промежутки высыхаютъ. Половодье размываетъ русло до нижнихъ разливовъ то тому, то другому изъ нихъ, черезъ пяти-верстный низкій перешеекъ между обоими главными разливами, а въ малую воду эти русла засыхаютъ, заносятся пылью, и акмечетскій островъ становится полуостровомъ.

Ниже форта, верстахъ въ пятнадцати, выходитъ изъ Дарьи Караузьякъ, съ самого начала образующій разливы и текущій въ затопленныхъ камышистыхъ берегахъ. Правый берегъ этихъ разливовъ, постоянно расширяющихся, по мѣрѣ удаленія отъ Дарьи, направляется къ сѣверо-востоку и приближается къ Бир-Казану, съ которымъ, какъ мы видѣли, иногда и соединяется; оттуда этотъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу, и, наконецъ, верстахъ въ семидесяти отъ форта, къ сѣверо-западу, параллельно рѣкѣ. Разливы Караузьяка называются Бабастынъ-Куль.

Такимъ образомъ, акмечетскій островъ образуетъ треугольникъ, которому основаніемъ служитъ Дарья. У вершины, на перешейкѣ между Бир-Казаномъ и Бабастынъ-Кулемъ, построено наше, весьма незначительное укрѣпленіе, бипарнинскій постъ; въ восточномъ углѣ — такое же, бирюбаевскій постъ, на Дарьѣ, у выхода Бир-Казана.

Эти укрѣпленія прикрываютъ выходы на островъ дорогъ изъ крайняго коканскаго укрѣпленія, Яны-Курганъ, черезъ перешеекъ и черезъ бродъ на Бир-Казанъ. Бирюбая коканская шайка, если пойдетъ по дорогѣ черезъ Бир-Казанъ, миновать не можетъ: почему онѣ и обходятъ разливы Бир-Казанъ по дорогѣ, за это названной разбойничьей, и пробираются на островъ мимо Бишарны.

На востокъ отъ Бир-Казана нѣтъ уже для коканскаго набѣга никакихъ естественныхъ преградъ, до самого Ташкента. Поэтому и земледѣльческое населеніе праваго берега Сыръ-Дарьи, между Яны-Курганомъ и окрестностями форта № 1, уже недалекими отъ устья, на пространствѣ слишкомъ пяти сотъ верстъ, ограничивается акмечетскимъ островомъ, хотя и есть на этомъ пространствѣ много мѣстъ не менѣе, или даже болѣе удобныхъ для заселенія. Чтобы заселить эти мѣста киргизскими исеенцами и обирать ихъ, коканцы заперли выходъ Яны-Дарьи, рукава Сыра, выходящаго верстъ восемь ниже форта Перовскій, и текущаго къ юго-западу; такимъ образомъ они лишили пашии по Яны-Дарьѣ необходимаго въ такомъ сухомъ климатѣ орошенія и заставили тамошнихъ земледѣльцевъ перейти на Сыръ-Дарью, между Яны-Курганомъ и Ак-Мечетью. По взятіи же Ак-Мечети русскими, киргизы прорвали плотину на Яны-Дарьѣ, теченіе этого протока возобновилось, и киргизы перешли на Джаны-Дарью, покидая берега Сыра, подверженные коканскимъ набѣгамъ. И вотъ почему пространство между Бирюбаемъ и Яны-Курганомъ, теперь населено однимъ, уже упомянутымъ отшельникомъ у могилъ Охчу.

А на этомъ пространствѣ сто тысячъ осѣдлыхъ жителей, могли бы помѣститься гораздо просторнѣе, нежели осѣдлое населеніе бухарскихъ и хивинскихъ владѣній!

Передъ отъѣздомъ въ степь, я всирѣтилъ въ Игербургѣ офицера, возвратившагося съ Сырь-Дарьн, и спрашивалъ его объ томъ краѣ. Онъ говорилъ съ восторгомъ о могучей, пловодной, быстрой рѣкѣ, объ ея зеркальныхъ разливахъ, отражающихъ безоблачное, темно-голубое и все-таки ярко свѣтящееся небо и ослѣпительное солнце юга. Сильная, свѣжая растительность окружаетъ эти разливы, тихо шепчутся надъ ними громадныя камыши, съ гибкими лозами тальника, съ темной зеленью тополя, съ мелкой, серебристой листвою джиды, пзщною сѣткою рисующейя на прозрачной, хотя и густой синевѣ неба. А какъ чистъ и легокъ весенній воздухъ! звучишь, чѣмъ у насъ, раздается уже въ началѣ апрѣля голосъ соловья въ покрытыхъ молодой зеленью, усѣянныхъ ибжно розовыми, крупными цвѣтами чащахъ колючки. А причудливыя формы саксаула, у котораго вмѣсто листьевъ пучки тонкихъ, жолто-зеленыхъ, сочныхъ вѣтокъ, или гребенщика, то-же съ зеленѣющими, мелкими вѣтвями, но уже не прямыми, какъ у саксаула, а бесконечно развѣтвленными, чешуйчатыми, какъ у кипариса и до того частыми, что весь кустъ — сплошная масса темной зелени, съ огромными пушистыми кистями пурпурныхъ цвѣтовъ. А животная жизнь! такъ и кипитъ на этихъ цвѣтущихъ берегахъ. Что за разнообразіе, что за множество птицъ! на каждомъ шагу съ шумомъ вылетаетъ фазанъ изъ колючки, и блещетъ на солнцѣ радужными, металлическими отливками, рѣзвятся въ тепломъ, живительномъ воздухѣ стада изумрудныхъ персидскихъ щурокъ, величаво парятъ надъ Дарьей орлы-рыболовы, въ пыльномъ нарядѣ юга, густо-каштановые, съ палевой головой, бархатно-черными крыльями и хвостомъ, на которомъ такъ и свѣтится широкая, бѣлоснѣжная полоса.... да не перечесть всѣхъ сырь-дарьинскихъ птицъ, даже и тѣхъ, на которыхъ невольно остановится и глазъ непосвященнаго въ тайны зоологii, каковъ былъ этотъ офицеръ.

Да и не одиѣ птицы! Тутъ и звѣри не наивмѣ чета. Прекрасенъ и грозенъ, могучъ и неуловимо-проворенъ, какъ восточный удалецъ-наѣздникъ, кроется въ чащахъ сырь-дарьинской долины тигръ, сторожа неуклюжаго кабана, статнаго оленя, или черноглазую красавицу, стройную, воздушно-

легкую дикую козу, родную сестру воспѣтой арабскими поэтми газели.

Такъ онъ описывалъ, а я слушалъ и заранѣе радовался тому, что Ёду въ этотъ рай земной для натуралиста вообще и для зоолога, спеціально занятаго позвоночными, въ-особенности. Конечно, я видѣлъ, что этотъ офицеръ отчасти восторженнаго характера; но правдивъ, и въ его описаніи не было ничего выдуманнаго, а все оправдалось на дѣлѣ, когда я пріѣхалъ на Дарью.

А между тѣмъ возбужденныя имъ ожиданія были отчасти обмануты, тѣмъ, что земной рай натуралиста показался мнѣ некрасивымъ.

Тому были причины, отчасти случайныя. Офицеръ особенно живо помнилъ весну 1855 года, про которую и я слышалъ единогласный отзывъ сыр-дарьинскихъ жителей, что она слѣдовала за необыкновенно теплою для того края, ночи италіанской зимой, и сама была замѣчательно хороша, умеренно-теплая, ясная, съ перепадавшими дождями, что заставило дружно разцвѣсти всю растительность.

А зима съ 1857 на 1858 г. была бурная, и такая холодная, что киргизскіе старожилы подобной и не запомнятъ.

Морозы съ октября превышали десять градусовъ, съ ноября 15°, а въ январѣ доходили и до 25°, такъ что *средняя* температура этого января была одиннадцать съ половиною градусовъ, какъ въ Архангельскѣ, слѣдовательно несравненно холоднѣе Петербурга (— 7,3), даже Вологды (— 8,5) и Казани (— 10,9).

Весна началась рано, въ февралѣ, но шла вяло, и какъ-то скупно и нерѣшительно разсыпала цвѣты: это была сухая, холодная весна. Снѣгъ сошелъ въ февралѣ, а ночные морозы до апрѣля сохраняли зимній, мертвенный видъ растительности, а потомъ, какъ уже сказано, и листья и цвѣты являлись на каждомъ деревѣ исподволь, очень медленно, и по мѣрѣ появленія увядали отъ засухи.

Вездѣ проглядывала весьма некрасивая почва: сышучій песокъ, или грязнаго цвѣта илъ, сухой и пестресканный; пыль слишкомъ часто стояла въ воздухѣ, и пачкала все: и распу-

скающуюся зелень, и цвѣты, и даже безоблачную синеву неба.

Но и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, мѣстность такова, что особенности сыр-дарьинской природы только въ памяти группируются въ полную изящную картину, поразительную своимъ разнообразіемъ. Этого-то цѣлаго глазъ и не окинетъ; глазу, на мѣстѣ, представляются только отдѣльныя черты — почему сыр-дарьинская природа кажется однообразной. Въ окрестностяхъ форта Перовскій, коли попадешь въ колючку, такъ ужъ больше ничего и не видно; въ саксаульникѣ — одинъ саксауль, да грязно-сѣрый, солоноватый иль между деревьями; также однообразны и заросли гребенщика, и песчаные барханы, и камышевые разливы. Всего лучше, по разнообразію растительности, прибрежныя джидовыя рощи.

Также и на счетъ животныхъ. Каждого рода мѣстность, однообразная уже сама по себѣ, вслѣдствіе того отличается еще однообразіемъ, бѣдностью формъ своего животнаго населенія, что досаждало на охотѣ и меня и моихъ спутниковъ. Только осматривая коллекцію мы могли видѣть, что берега Дарьи, въ общемъ итогѣ, необыкновенно богаты различными породами животныхъ: хотя каждый родъ мѣстности и бѣденъ ими, да родовъ мѣстности много.

На счетъ животныхъ замѣчу еще, что на виду держатся только весьма немногія породы птицъ; а огромное большинство ихъ, и всѣ звѣри, отъ тигра и оленя до мыши, превосходно прячутся, что еще усиливаетъ обманчивое впечатлѣніе зоологической бѣдности на берегахъ Дарьи.

Зима 1858 г. погубила, наконецъ, большинство фазановъ своимъ морозамъ. Осенью 1857 г. я ихъ видѣлъ еще пропасть, а на слѣдующую весну весьма мало. За то много нашлось замерзшихъ.

А со всѣмъ тѣмъ, я здѣсь повторяю и помню только слова, которыми на мѣстѣ выражалъ свои впечатлѣнія отъ сыр-дарьинской природы, — а самыя впечатлѣнія исчезли.

За то часто передо мной возникаетъ согласный съ описаніемъ упомянутаго офицера общій, прекрасный образъ сыр-дарьинской долины, и не по одиначкѣ, какъ на мѣстѣ,

а всё вмѣстѣ, ясно и отчетливо представляются мнѣ оригинальныя подробности этого, въ высшей степени замѣчательнаго края.

А на чемъ-то я остановился въ своемъ разсказѣ? или еще не началъ?

Да, былъ посланъ отрядъ вверхъ по Дарьѣ, нарубить джиды и тополей на постройки.

Нѣкоторыя занятія удержали меня въ фортѣ, такъ что я неуспѣлъ отправиться съ отрядомъ, а отправился дня три спустя, 20-го апрѣля, обойти акмечетскій островъ, и догнать отрядъ за протокомъ Бир-Казанъ.

Эта экскурсія была рядомъ мелкихъ неудачъ. Нужны были два верблюда, но зимующіе подъ Акмечетью Киргизы откочевали; нашелся одинъ только верблюдъ, и то плохой. Мои десять конвойныхъ казаковъ нагрузили лошадей, и вожакъ-киргизъ повелъ насъ отыскать и нанять еще верблюда.

Оставались только похудѣвшіе зимой, или верблюдицы съ маленькими верблюжатами; и тѣхъ и другихъ киргизы откармливали и заправляли на сыр-дарьинскихъ пастбищахъ, пока еще не выросли лѣтнія травы, вредныя для верблюдовъ. Но они собирались скоро откочевать на лѣто въ степь, и, избѣгая задержки, прятали верблюдовъ между барханами, и уклонялись отъ обязанности отдавать ихъ въ наймы по казенной надобности.

Мы выступили уже по-полудни, и проискали верблюда до вечера, а нашли уже послѣ захожденія солнца. Солнце зашло въ тучи, которыя быстро набѣгали на небо; скоро темнота сдѣлалась такъ густа, что не видно было ни на шагъ впередъ. Пошелъ проливной дождь; промокну до костей, мы остановились ночевать въ первомъ попавшемся киргизскомъ аулѣ, гдѣ, по киргизскому обычаю, насъ всѣхъ безпрекословно размѣстили по кибиткамъ, и не потому, чтобы они боялись казаковъ, а именно по обычаю гостепрѣимства. Точно также они, какъ я видалъ и прежде, и послѣ, принимаютъ и всякихъ путниковъ, что я, можетъ быть, подробнѣе

опису, вмѣстѣ съ другими обычаями киргизовъ, въ другой статьѣ.

На другой день-мы пошли на бишарнинскій постъ, весь день охотились, и ночевали въ барханахъ, между Бишарной и Бирюбаемъ, у болотъ, которыя многими рядами идутъ отъ Бир-Казана къ Бабастын-Кулю, какъ уже сказано. Рѣчь о способахъ степнаго похода; о походной жизни, о томъ, какъ и почему она принимаетъ сплывшій отпечатокъ туземнаго кочеваго быта, и то-же отлагаю до другаго раза.

На третій день, пришедши въ Бирюбай, около полудня, я почувствовалъ лихорадку, и довольно жестокий припадокъ, что заставило меня почевать тамъ. Дѣйствіе весенняго дождя уже было видно въ этотъ день, и еще яснѣе оказалось въ слѣдующіе. Быстро одѣвались молодой, кратковременной зеленью песчаные барханы; живѣе и обильнѣе распускались листья и цвѣты.

Но рѣдки дожди въ окрестностяхъ форта Перовскій. Послѣ этого, бывшаго 20-го апрѣля, былъ одинъ въ маѣ, какъ мнѣ сказывали; одинъ 2-го іюля, а за тѣмъ два самыхъ незначительныхъ, не прибавившихъ и пыли, 13-го августа ночью и 1-го сентября утромъ. А я слышалъ отъ жителей, что обыкновенно лѣтнихъ дождей бываетъ и того меньше.

Выѣхавши изъ Бирюбая, мы ѣхали по болотистой низинѣ, заливаемой при каждомъ повышеніи воды въ Дарьѣ. Не весело смотрѣло это болото, грязное, голое, безтравное, съ рѣдкими, корявыми кустиками гребеника и саксаула. Между кустами видѣлись частые солонцы: запачканныя накипи разныхъ солей магнезій. А птицъ было не мало въ этомъ гадкомъ кустарникѣ: обстоятельство, украшавшее его въ моихъ глазахъ, хотя, по причинѣ нездоровья, я лучше видѣлъ недостатки, нежели красоты пейзажа.

У протока Бир-Казанъ прекращаются солоноватые болота, и онъ вьется между джидовыми рощами, перемежающимися съ колючкой. За протокомъ, саженьхъ во ста, построена коканская крѣпостца Мамасентъ - Курганъ, теперь пустая.

По взятіи Акмечети, коканцы безъ боя покинули Мамасеитъ; русскіе не обратили на нее вниманія, и крѣпостца до сихъ поръ уцѣлѣла въ первоначальномъ видѣ. Это, какъ и всѣ коканскія укрѣпленія, четырёхугольникъ, каждая сторона котораго саженъ въ пятнадцать, двадцать, обнесённый глиняной стѣной, сложенной не изъ воздушныхъ кирпичей, а изъ комковъ глины, смятой въ рукахъ. Выступы этихъ комковъ снаружи сглажены ладонью, пока глина была мягка. Для постройки всей крѣпости глина берется тутже, снаружи стѣнъ, что образуетъ ровъ; а строили бесплатно сосѣдніе исенчи, теперъ откочевавшіе на Яны-Дарью.

Вышина стѣнъ Мамасеита до пяти аршинъ; къ нимъ изнутри прислонены всѣ постройки, именно конюшни, изъ хвороста и камыша, съ джидовыми кривыми столбами и стропилами. По плоско-покатымъ крышамъ, засыпаннымъ землей по камышу и хворосту, удобно всходить до верху стѣны, и изъ-за нея стрѣлять. Гарнизонъ крѣпости вѣроятно жилъ въ кибиткахъ.

Невдалекѣ отъ Мамасеита я присоединился къ отряду, посланному рубить лѣсъ, а вскорѣ мы подвинулись верстъ на двадцать вверхъ по Дарьѣ, за Кумсуатъ, и остановились близъ озера Джарты-Куль.

Подъ Кумсуатомъ было сраженіе русскихъ съ коканцами, въ 1853 г.; проѣзжая, я осматривалъ поле битвы, заросшее колючкой, пересѣченное канавами, и простирающееся между двумя рядами бархановъ, перпендикулярно къ рѣкѣ. Тутъ русскій отрядъ въ 300 человекъ (казаковъ и пѣхоты) нѣсколько часовъ сражался съ нѣсколькими тысячами коканцовъ (неизвѣстно въ точности сколько, слышанныя мной показанія колебались между шестью и восемью тысячами), побѣдилъ ихъ, истребилъ боляе своей численности и завладѣлъ ихъ пушками.

Не помню всѣхъ подробностей этого дѣла, помню только, что русскіе неподвижно выдерживали и отражали частыя нападенія коканцевъ, которые были всѣ конные. Потомъ, когда коканскія лошади отчасти поутомились, ихъ натиски сдѣлались менѣе дружны, наши казаки, на свѣжихъ лошадяхъ, отбивши нападеніе, сами налетѣли на нестройно-отступавшія толпы

непріятелей, смутили, смяли и погнали ихъ какъ стадо барановъ.

Не могу сказать навѣрное, но полагаю вѣроятнымъ, что въ смятыхъ толпахъ непріятеля, коканскіе киргизы тутъ же обратились противъ природныхъ коканцовъ, но своей противъ нихъ ненависти; потому что я слыхалъ, что когда коканцы собираютъ большое войско, то вербуютъ туда и мирно кочующихъ, обираемыхъ ими киргизовъ, которые идутъ въ надеждѣ добычи отъ побѣжденныхъ, кто бы они ни были, непріятели Кокана или сами коканцы.

Довольно о кумсуатскомъ дѣлѣ и отрядѣ. Возвратимся къ настоящему отряду, посланному за лѣсомъ, гдѣ и я находился.

Начальствовалъ этимъ отрядомъ офицеръ, служившій на Сыр-Дарьѣ со времени взятія Ак-Мечети, извѣстный своей опытностью, храбростью и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожностью. Я съ нимъ совѣтовался на счетъ дальнѣйшихъ экскурсій и могущихъ встрѣтиться опасностей, и онъ меня отклонялъ отъ всякихъ замысловъ на счетъ Кара-Тау; но окрестности лагеря, верстъ на десять, считалъ безопасными.

Это подтверждалъ и примѣромъ: самъ ходилъ, и другіе офицеры ходили, самъ-другъ съ вѣстовымъ, выбирать лѣсъ для рубки, или на охоту, даже и послѣ того, какъ мы получили изъ форта Перовскій извѣстіе, что изъ Яны-Кургана дѣлаются разъѣзды къ Кара-Тау, чтобы задерживать киргизовъ, начавшихъ перекочевывать изъ коканскихъ владѣній въ русскія, оренбургскаго вѣдомства.

Разъѣзды коканцовъ въ этомъ направленіи заставили меня отказаться отъ поѣздки на Кара-Тау, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ права брать туда конвой, а долженъ былъ ограничиться людьми, непосредственно принадлежащими къ экспедиціи, въ числѣ трехъ, и двумя киргизами-вожаками.

Но съ другой стороны, малочисленный яны-курганскій гарнизонъ, занятый еще разъѣздами къ сѣверу, къ Кара-Тау, въ 150-хъ верстахъ отъ нашего лагеря, и содержаніемъ постоянного сторожеваго пикета (какъ насъ извѣщали) въ горахъ, очевидно не могъ никого отдѣлить, ничего предпринять на западъ, противъ гораздо сильнѣйшаго русскаго отряда: слѣдо-

вательно *если только извѣстіе было вѣрно*, опасность со стороны коканцовъ, для окрестностей лагеря, изъ мало вѣроятной становилась прямо невозможной. А вѣрности этого извѣстія повѣрилъ и человекъ, пославшій намъ съ нимъ киргиза, человекъ, замѣчательно, точно и подробно знающій нашихъ средне-азиатскихъ сосѣдей, и впоследствии превосходно употребившій это знаніе для моего избавленія изъ плѣна, — О. Я. Осмоловскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, завѣдывающій сыр-дарьинскими киргизами. Прибавлю еще, что я, послѣ, въ плѣну, узналъ, что это извѣстіе было вѣрно, только не полно: къ Кара-Тау коканцы сдѣлали простую демонстрацію.

Такимъ образомъ, я, по примѣру офицеровъ отряда, продолжалъ охотиться въ окрестностяхъ лагеря безъ опасенія. Коллекціи нарастали по немногу, но эти охоты были досадны тѣмъ, что самые рѣдкіе, самые завидные для коллекціи субъекты изъ животныхъ встрѣчались, но въ руки не попадались.

Такъ, 24 апрѣля, я замѣтилъ высоко летающаго по воздуху орла, который мнѣ показался совсѣмъ особеннымъ. Я его легко опредѣлилъ, признаки были несомнѣнны: длинный, широкій, остроконечный хвостъ, огромныя острые крылья, и вмѣстѣ съ тѣмъ плавный, парящій по орлиному полетъ, только быстрѣе, свѣтлое брюхо, больше никому не могли принадлежать, какъ бородачу (*Gypaetos barbatus*): но нигдѣ не было прежде замѣчено, чтобы эта альпійская птица летала на степь, къ низменной рѣчной долині.

А я уже раньше, 22 числа, слышалъ отъ нанятыхъ мной для экспедиціи охотниковъ, что они видѣли огромныхъ орловъ, но ихъ описанію бородачей, въ прогалинѣ саксауловаго лѣса. Ихъ было нѣсколько, клевавшихъ сайгака. И киргизы мнѣ сказывали про огромныхъ долгохвостыхъ орловъ, т. е., бородачей, живущихъ на Кара-Тау; вѣроятно недостаточность корма въ горахъ заставляла ихъ посѣщать и окрестныя равнины, за сайгаками и дикими козами.

Но и Кара-Тау хребетъ невысокій, и ихъ пребываніе тамъ составляетъ замѣчательное исключеніе изъ ихъ обыкновен-

наго образа жизни.... только здѣсь не мѣсто увлекаться зоологическими изслѣдованіями.

Нездоровье мое продолжалось, и, на охотѣ, я каждый день скоро уставалъ, сходилъ съ лошади и ложился, чувствуя ознобъ и жаръ. Наконецъ, утромъ 26 апрѣля, я чувствовалъ себя еще слабѣе прежнихъ дней, и все утро лежалъ, за полдень. вмѣсто обычнаго влеченія на охоту, меня одолевала какая-то вялость; не хотѣлось ѣхать. Совѣстно почти припоминать такія, чисто-личныя мелочи, но если бы я поддался своей безотчетной болѣзненной лѣни, расположился бы на весь день отдыхать въ лагерѣ, я не попался бы въ руки коканцовъ: болѣзнь была мнѣ словно предостереженіемъ, и это врѣзалось въ мою память.

Я его не понялъ, я былъ посланъ въ степь не для отдыха, а для изслѣдованій, надѣялся пересилить болѣзнь, и считалъ нарушеніемъ долга не выѣхать для наблюденій, когда могъ держаться на лошади. Почувствовавши въ часъ полудни облегченіе, я поѣхалъ, съ препаратомъ экспедиціи, тремя казаками, чтобы держать лошадей, и двумя жожаками-киргизами. Мы направились къ Джарты-кулю, такъ какъ два охотника были уже посланы на Дарью, въ джидовыя рощи, — да и воздухъ лѣсистыхъ болотъ мнѣ казался нездоровъ для человѣка въ лихорадкѣ.

Мѣстность между Бир-Казаномъ и Джулекомъ имѣетъ нѣсколько иную физіономію, нежели на акмечетскомъ островѣ, гдѣ барханы и низины довольно безпорядочно перепутаны.

Здѣсь, напротивъ, можно ясно различить четыре полосы, идущія вдоль рѣки.

Первая — джидовыя прибрежныя лѣса съ камышистыми озерами, самый красивый, какъ уже сказано, родъ мѣстности въ сыр-дарьинской долинѣ; ширина этой полосы отъ нѣсколькихъ саженъ до версты.

За тѣмъ — низины, уже менѣе сырыя, но все еще отчасти заливаемая въ половодье, заросшія колючкой. Тутъ — бывшія пашни, легко узнаваемые по оросительнымъ канавамъ, есть и озера, между прочимъ Джарты-Куль. Не близко другъ отъ друга пересѣкаютъ эту полосу высокія гряды песчаныхъ бар-

хановъ, какъ валы, направляющіеся къ рѣкѣ отъ слѣдующей полосы.

Та состоитъ изъ частыхъ песчаныхъ бархановъ, по расположенію похожихъ на морскія волны. Въ западинахъ между ними бываетъ весной мѣстами вода, да и въ лѣтнее половодье заходитъ; эти озерки въ пескахъ расположены группами, далекими другъ отъ друга. Растетъ болѣе колючка, есть еще гребенникъ и джужгунъ, характеристическія для южно-киргизскихъ степей кустарники изъ семейства *Calligoneae*. Въсто листьевъ зеленія колѣнчатыя вѣтки, какъ у саксаула, но не короткія и торчація, а длинныя и глбкія, и не пучками, а одинокія. На восточномъ берегу Аральскаго моря есть виды джужгуна, растущіе уже не кустами, а деревьями сажени въ двѣ-три, которыхъ видъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ, мнѣ показался похожъ на видъ новоголландскихъ казуаринъ. Въ низинахъ тутъ есть и турагго, которой иные листья, на одномъ деревѣ, въ родѣ ветловыхъ, а другіе какъ осиновыя.

Четвертая полоса, солоноватая равнина, поросшая саксауломъ, переходитъ въ Холодную Степь, отличающуюся здѣсь необъятными такырами, т. е., мѣстами, совершенно ровными, безъ малѣйшаго слѣда растительности, гдѣ весной стоитъ мелкая, на вершокъ снѣговая вода, а потомъ лоснится глиняная, пестресканная кора.

И въ саксаульную полосу переходятъ гряды бархановъ изъ предыдущей.

Нашъ лагерь былъ на границѣ первой и второй полосы, близъ Дарьи.

Мы переѣхали гряды двѣ бархановъ, во второй полосу, переѣхали и мимо Джарты-Куля, и ничего не нашли. Перевалявни черезъ третью, высокую гряду песковъ, мы спугнули дикую козу, а на лужайкѣ, между чащами колючки, нашли и ея два козленка, еще едва стоящіе на ногахъ.

Тутъ мнѣ въ голову пришла жестокая затѣя, достойная охотника, или зоолога, у котораго стремленіе обогатить коллекцію отнимаетъ всякую жалость, — привязать козлятъ, и, спрятавшись, караулить возвращеніе къ нимъ матери, чтобы

ее застрѣлить; козлятъ я думалъ взять и воспитать, выпивши молокомъ, какъ телятъ.

Мы попрятались въ колючку. Киргизы-вожаки между тѣмъ поѣхали впередъ, т. е., къ востоку, и въѣхали на барханъ осмотрѣться.

Вскорѣ они вернулись съ извѣстіемъ, что замѣтили вооруженныхъ коканцовъ.

Кабы они не ѣздили на барханъ! тамъ коканцы насъ не искали, а ждали спокойно ночи для цѣли, которую читатель впоследствии узнаетъ. Лишь бы имъ остаться незамѣченными, а наши выстрѣлы на охотѣ не вызвали бы отъ нихъ нападенія, какъ я впоследствии узналъ. Еще тутъ, въ полуверстѣ отъ непріятеля, я могъ бы безопасно добыть дякую козу, и вернуться домой, въ лагерь, съ цѣнной добычей — если бы не обще-киргизская привычка выглядывать, нѣтъ ли чего особеннаго.

Увидя себя замѣченными, нѣкоторые коканцы то-же въѣхали посмотрѣть, увидѣли нашу малочисленность, и вернулись къ своей шайкѣ.

Наши киргизы поскакали въ лагерь за помощью.

Послѣ того, какъ показались коканцы, мы ожидали нападенія. Изъ объясненныхъ уже выше соображеній, что подобная встрѣча невозможна, читатель уже можетъ понять, какъ неожиданно было это нападеніе: и неожиданность смутила насъ. Моя первая мысль была однако защищаться: ружье у меня было заряжено дробью; сверхъ дроби, я сталъ заряжать оба ствола пулями. Въ правый стволъ пуля вошла легко; въ лѣвый шла туго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сказалъ своимъ спутникамъ собрать лошадей, и самимъ засѣсть въ колючку, чтобы дожидаться коканцовъ, подпустить и стрѣлять ихъ въ упоръ, на вѣрное.

Будь со мной мой бывшій спутникъ по степи, офицеръ топографовъ А. Е. Алексѣевъ, опытный, храбрый, хладнокровный офицеръ, исходившій всю степь, подравшійся и съ хивинцами и съ коканцами, сильно содѣйствовавшій кумсуатской побѣдѣ!

Мое распоряженіе было впушено памятью нашихъ съ нимъ разговоровъ объ оборонѣ отъ азіатцевъ, и будь онъ

тутъ, это распоряженіе было бы исполнено, онъ бы воодушевилъ казаковъ, смущенныхъ неожиданностью, какъ онъ разъ и сдѣлалъ, во время моей экспедиціи близъ Эмбы; распоряженіе было бы исполнено, мы бы отбились.

Но я не привыкъ командовать; прежде, въ степи, я поручалъ это офицерамъ, начальствовавшимъ конвоемъ экспедиціи. И тутъ, вмѣсто рѣшительной команды, не допускающей возраженій и заставляющей нашихъ солдатъ и казаковъ побѣждать или умирать, я высказалъ только свое мнѣніе. Ожидая битву, я надѣялся на себя, какъ на рядоваго, что не хуже другаго подерусь, и хладнокровно заряжалъ ружье, но не такъ-то надѣялся на себя, какъ на боеваго начальника, и искалъ опоры въ самихъ казакахъ; пусть каждый рѣшится за себя, а не мнѣ, мирному зоологу, отъ роду не бывшему въ дѣлѣ, распоряжаться чужой жизнью.

Эта неувѣренность начальника еще пуще смутила казаковъ, внушила имъ робость.

Они умоляли меня спастись, подвести къ отряду коканцовъ, если будутъ преслѣдовать: говорили, что ихъ сила несмѣтная, — да, какъ я уже объяснилъ, можно ли было и подумать, чтобы коканцы рѣшились подойти близко къ русскому сотенному отряду, иначе, какъ съ громаднымъ превосходствомъ силъ? Вѣдь они уже испытали, что и это превосходство не помогаетъ; вѣдь они пять лѣтъ тщательно избѣгали встрѣчи съ нашими отрядами....

Ни препараторъ, ниже одинъ казакъ не отходили отъ меня, пока я заряжалъ ружье, они не хотѣли бѣжать, спастись безъ меня; но они меня торопили, представляли безполезность сопротивленія пяти человѣкъ сотнямъ.

Я видѣлъ ихъ смущеніе, борьбу между страхомъ и преданностью мнѣ; они могли, отъ этой преданности, даромъ погибнуть, но для боя была на нихъ надежда плохая, а одинъ въ полѣ не воинъ. Они уже были верхомъ, и ждали; скрѣпя сердце, сѣлъ на лошадь и я — мы поскакали.

Скоро показали п коканцы — не толпа несмѣтная, а всего человѣкъ пятнадцать. Мнѣ представился несбыточный планъ успѣшной обороны, вскочить на близкій барханъ, и

съ верху отстрѣливаться и отбить непріятелей, занявши выгодную позицію.

Да нѣкогда было ее занимать: коканцы уже были близко, и шагахъ въ двадцатипяти дали залпъ на скаку — никого не убили и не ранили. Мы повернулись къ нимъ — казаки выстрѣлили, безъ команды и безъ дѣйствія, потомъ опять поскакали.

Вихремъ, точно тѣни, мелькнули мимо насъ, такъ что я и не разглядѣлъ, нѣсколько непріятелей; остальные были еще позади: не помню, какими судьбами я отсталъ отъ своихъ и ѣхалъ одинъ, развѣ потому, что и на ѣздѣ старался еще забить недосланную въ ружье пулю. Я еще не стрѣлялъ, и оба ствола были заряжены.

Съ обѣихъ сторонъ узкой, извиистой дороги, по которой мы ѣхали, была колючка въ ростъ верхового, почему я и не могъ видѣть всѣхъ эпизодовъ стычки.

Но еще не доѣхавши до этой колючки, услышалъ я выстрѣлъ и увидалъ сбрую лошади моего препаратора, безъ сѣдока, а скоро нашелъ и сѣдока, лежащаго на дорогѣ, безъ оружія. Онъ просилъ защиты, я кликнулъ казаковъ, которые не слышали, а ему сказалъ залѣзть къ колючку, что онъ и исполнилъ, и я поскакалъ дальше.

Онъ скакалъ сперва рядомъ со мной, но насъ разлучили первые, обогнавшие насъ коканцы, кольнувши его пикой. Онъ стрѣлялъ — вмѣстѣ съ казаками и послѣ; его ружье было двуствольное. Результата своего выстрѣла онъ не видалъ; еще дымъ не разсѣялся, какъ онъ уже получилъ, какъ я послѣ узналъ, еще три раны пикой, къ счастью легкихъ, и былъ сбитъ съ лошади, не убивши и не ранивши никого. Едва успѣлъ я отъ него отѣхать, какъ меня догналъ коканецъ, и кольнулъ пикой. Коканцы скакали впереди меня — другіе еще оставались сзади — мною овладѣла злоба пойманнаго волка, кусающаго своихъ ловцовъ съ яростью безнадежнаго отчаянія. Я не надѣяся спастись, и, рѣшившись не достаться имъ даромъ, мѣтко, разчетливо прицѣлился въ ранившаго меня коканца, пустилъ въ него правильно досланную пулю — и его лошадь поскакала безъ сѣдока, а

онъ легъ мертвый поперегъ дороги, съ прострѣленной на вылетъ головой. Тутъ опять мелькнула пропавшая было надежда догнать своихъ, пробиться — да лошадь запнулась передъ мертвымъ тѣломъ; меня настигли еще три непріятеля. Я обернулся къ нимъ, готовый еще разъ стрѣлять, и выстрѣлилъ, но уже пѣшій; сперва меня сняли съ лошади на пикѣ, воткнутой мнѣ въ грудную кость. Остававшаяся въ одномъ стволѣ, недосланная пуля, такъ и не вылетѣла; выстрѣлъ разорвалъ ружье. Тогда одинъ изъ непріятелей, коканецъ, ударилъ меня шашкой по носу, и разсѣкъ только кожу; второй ударъ по виску, расколовшій скуловую кость, сбилъ меня съ ногъ — и онъ сталъ отсѣкать мнѣ голову, нанесъ еще нѣсколько ударовъ, глубоко разрубилъ шею, раскололъ черепъ... я чувствовалъ каждый ударъ, но, странно, безъ особенной боли. Двое другихъ, киргизы, между тѣмъ ловили мою лошадь; поймавши ее, они подошли и остановили своего товарища, почему я и остался живъ.

Всѣ трое меня проворно обобрали, связали руки и повели, пѣшаго, а сами верхомъ. Я прежде всего поднялъ и надѣлъ упавшую съ головы шляпу, походную, мягкую шляпу съ широкими полями; потомъ объяснилъ имъ, по киргизски, (теперь право не сумѣю найти этихъ словъ, не зная языка), что пѣшій конному не товарищъ, и я за ними не поспѣю. Они меня посадили на лошадь — но не на мою, и привязали ноги къ стременамъ; мы поѣхали рысью. Большинство захватившихъ меня непріятелей были не коканцы, а коканскіе киргизы; настоящій коканецъ былъ только одинъ, тотъ самый, что меня рубилъ.

Къ моимъ первымъ тремъ провожатымъ мало-по-малу присоединялись еще и другіе; но ѣхали не кучей, а то обгоняли меня, то отставали. Были и заводныя лошади; еще я замѣтилъ двухъ захваченныхъ казачьихъ лошадей, казачье ружье, ружье моего препаратора и мою винтовку, которую я, выѣжая на охоту, поручилъ везти казаку. Плѣнныхъ, кромѣ меня, не было.

Замѣтилъ я то-же, что одинъ киргизъ постоянно ѣхалъ со мной, не обгонялъ и не отставалъ, а ѣхалъ такъ, переговарившись съ остальными. Чтобы задобрить своего сторожа,

я отдалъ ему свои деньги, которыхъ обиравшіе меня сначала не нашли, всего рублей десять, звонкой монетой.

Этотъ сторожъ велъ на поводу лошадь, на которой я ѣхалъ. Руки мои были развязаны, но меня не допускали самому править, боясь побѣга, почему я ѣхалъ довольно безпокойно.

Между тѣмъ, со мной поступили еще человѣколюбиво. Въ 1852 году, коканскіе киргизы захватили трехъ сибирскихъ казаковъ, изранивши ихъ не хуже меня, и прежде чѣмъ посадить на лошадей, три версты тащили на арканахъ *), а меня всего шаговъ десять.

Кровь обильно лилась пзъ моихъ ранъ, ни чѣмъ не перевязанныхъ, и капала на дорогу: но болъ я все не чувствовалъ, а только слабость. Все время я былъ въ полной памяти, и не слишкомъ мучился своимъ грустнымъ положеніемъ: я, отъ ударовъ что-ли по головѣ, отупѣлъ и впалъ въ какую-то апатію, мѣшавшую мнѣ раздумывать о своемъ бѣдствіи. Всего сильнѣе я чувствовалъ жажду, отъ потери крови. Между тѣмъ, я придумывалъ, какъ бы выманить отъ этихъ киргизовъ свое освобожденіе, да поскорѣе. Нужно ихъ было уговорить — я не зналъ ихъ языка. Немедленное бѣгство я считалъ бесполезнымъ: слишкомъ слабъ, какъ разъ догонять, и еще хуже будетъ. «Бизъ семдеръ кирэкъ эмиссъ; бизъ кеттэ кирэкъ; урус-га кеттэмсъ; синдеръ джузъ, бишь-дшузъ, мынь тэнька буладъ урусъ тэнька, — говорилъ я (и вѣрно неправильно, да не умѣю правильно), подбирая не многія знакомыя киргизскія слова, значившія по русски: я вамъ не нуженъ, мнѣ надо уйти, поѣдемъ къ русскимъ, вамъ достанется 100, 500, 1000 рублей. — Русскіе киргизы называютъ нашъ рубль тэнька или деньга, но азіатская, бухарская и коканская монета этого имени не дороже двадцати копеекъ, почему я и говорилъ про русскія тэнька.

Смотрѣлъ я то-же и примѣчалъ дорогу, не будетъ ли вода; но дорога шла по безводнымъ барханамъ, гдѣ я замѣчалъ, и именно въ этотъ разъ (изъ Кокана назадъ проѣ-

*) Вѣстникъ Географическаго Общества, 1856.

халъ тутъ ночью), описанную выше растительность песковъ. Птиць не оказывалось; только позднѣе, въ сумерки, я замѣтилъ небольшую сову, но не разглядѣлъ какую, утративши очки въ сраженіи.

II.

Приѣздъ дащанова брата. — Жажда. — Допросъ. — Объясненія нападенія. — Дашанъ.

Между тѣмъ приѣхалъ еще киргизъ и сталъ распоряжаться остальными: лѣтъ тридцати пяти, съ довольно правильными чертами, съ узкимъ продолговатымъ лицомъ, въ которомъ только и было монгольскаго, что выдающіяся скулы и рѣдкая борода. Глаза его лукаво подмигивалъ, и вообще въ выраженіи лица было что-то непріятно-фальшивое. Онъ заговорилъ со мной по русски; первые вопросы были о томъ, кто я и о возможности погони; я отвѣчалъ, что не успѣютъ догнать, почему мнѣ и можно напитокъ, когда подѣдемъ къ водѣ.

— Но напитокъ при такихъ ранахъ, это смерть.

— То дѣло мое, да мнѣ нечего умирать, проживу; а такъ ѣхать не могу.

— По крайней мѣрѣ, нужно пить очень мало.

— Не вдругъ и пашьюсь, а по немногу у каждой воды; до Джулека ихъ довольно.

— Пропастъ.

— Такъ задержки намъ не будетъ; отрядъ въ лагерѣ, лошади пасутся; пока соберутся, поѣдутъ—у насъ сборы долги. Гдѣ казакамъ васъ догнать, когда мы уже двадцать верстъ отъѣхали.

Я зналъ, что былъ имъ нуженъ, и живой; отъ меня желали поясненій на счетъ ожидаемаго приѣзда въ степь генерала Катенина — не для войны ли съ Коканомъ, почему и сказалъ между прочимъ, что состою при генералѣ, но сказалъ уже напившись: мы между тѣмъ нашли не много воды во впадинѣ дороги. Это меня подкрѣпило. Мой допросъ продолжался. Киргизъ, знающій по русски, по временамъ подѣ-

ѣзжалъ ко мнѣ, мы разговаривали не много, потомъ онъ опять отѣзжалъ.

Я забылъ имя этого киргиза; онъ былъ братъ Дащана, атамана захватившей меня шайки.

Узнавши, что я состою при генералѣ Катенинѣ, онъ, какъ я ожидалъ и желалъ, сталъ спрашивать меня о намѣреніи генерала относительно Кокана, идетъ ли онъ съ войскомъ, и какой дорогой. На счетъ дороги я отозвался невѣденіемъ; на счетъ цѣли степной поѣздки генерала отвѣчалъ, что цѣль мирная: генералъ хочетъ самъ, на мѣстѣ увидать положеніе и потребности края, чтобы еще улучшить его управленіе, хоть оно и теперь таково, что киргизы перекочевываютъ изъ Кокана къ намъ, а не обратно.

На счетъ же Кокана, говорилъ я, враждебныхъ намѣреній у генерала нѣтъ, почему онъ и идетъ съ однимъ только почетнымъ конвоемъ, вмѣсто войска.

Но если онъ узнаетъ о недавнихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ коканцовъ, хоть бы объ моемъ плѣнѣ, между тѣмъ какъ я мирно занимался развѣдываніемъ дарьинскихъ звѣрей и птицъ, то онъ непременно накажетъ подобныя дѣйствія.

Войска для этого изъ Россіи водить не нужно: и на Дарѣ его довольно, чтобы разорить все коканское ханство.

Тутъ пошли вопросы о войскѣ въ Ак-Мечети — не считалъ, говорю, мое порученіе не военное, а тысячь пять-шесть будетъ, по крайней мѣрѣ, а пожалуй и больше, что было весьма значительное преувелпченіе, но я полагалъ его полезнымъ.

Зашла рѣчь и объ убитомъ коканцѣ; не я ли лишилъ его жизни. Я отвѣчалъ, что я только встрѣченъ у мертваго тѣла, испугавшаго мою лошадь, за что и изрубленъ, какъ мнимый виновникъ его смерти, а между тѣмъ сему дѣлу не причастенъ.

— А кто-то убилъ Худай-Бергена?

— Казакъ.

— Куда дѣлся?

— Ускакалъ.

— Видѣлъ ли ты, какъ онъ его убилъ?

— Видѣлъ. Онъ кольнулъ пикой сперва меня, потомъ казака; тотъ обернулся и выстрѣлилъ почти въ упоръ, а самъ ускакалъ. Я видѣлъ, какъ Худай-Бергенъ упалъ мертвый, видѣлъ и скачущаго казака: вотъ, онъ и ускакалъ, его лошади у васъ нѣтъ.

— Онъ такъ и скрылся!

— Не мнѣ же его ловить, а вамъ; за чѣмъ не схватили, или не убили.

— Да, мы видѣли, какъ онъ скакалъ, только не погнались; а кабы знали, что онъ Худай-Бергена убилъ!

— Смотрѣли-ли бы лучше, кто вашихъ бьетъ. А остальные два казака, чьи лошади у васъ?

— Были сбиты, и ушли въ колючку.

— А сколько васъ было? сталъ спрашивать уже я.

— Двѣнадцать.

— Откуда?

— Изъ Яны-Кургана, съ Дащаномъ. Я его братъ.

— На Кара-Тау ходили?

— Да, пошли-было (о чемъ, какъ читатель уже знаетъ, я и былъ извѣщенъ); тамъ угнали ваши киргизы лошадей.

— А потомъ?

— Гнаться за ними ужъ было нечего, такъ вернулся домой.

— Какъ же сюда попали?

— Да уже послѣ, какъ узнали тамъ, что плетъ сюда русскій отрядъ. Дащанъ хотѣлъ за угнанныхъ въ русскую землю лошадей, самъ отрядный табунъ угнать.

— Когда же вы выступили? Когда пришли сюда?

— Выступили вчера утромъ, пришли сегодня утромъ. Дащанъ уже высмотрѣлъ, гдѣ вашъ табунъ, и ждалъ ночи, чтобы захватить его. Ваши часовые тамъ пока на лошадей сидутъ, пока тревогу поднимутъ, а мы гикнули да погнали табунъ. Тамъ отрядъ просыпайся, собирайся, догоняй!

Этотъ киргизъ, какъ я послѣ узналъ, въ Оренбургѣ, былъ прежде вожаконъ при русскихъ отрядахъ и конвойныхъ командахъ, напимѣръ, водилъ штабъ-капитана горныхъ инженеровъ, г. Антипова, на каменноугольные (собственно лигнитовые) прииски у рѣки Джиланчика. Тогда я вспом-

нилъ, какъ онъ точно знаетъ наши лагерные порядки въ степи. Могъ узнать и отъ Дащана; того не разъ ловили за разбой и водили подъ конвоемъ, а онъ ночью убѣгалъ.

При этихъ разговорахъ, не то, чтобы непрерывныхъ, а съ значительными промежутками, мы проѣхали урочища Сары-Чаганакъ, Сункарлы и Казакты. Край барханной полосы тутъ извилистъ; мы ѣхали то песками, то низинами, поросшими колючкой съ канавами и разливами Дарьи; были и луговны; и онѣ, и кустарникъ, славно цвѣли и зеленѣли, да и день былъ хорошъ: теплый, ясный — но не безоблачный, а съ округленными, мягкими, родными облаками. Солнце заходило, и на закатѣ придавало зелени желтоватую сочную прозрачность, особенно у воды. Видъ ихъ усиливалъ постоянно мучавшую меня жажду, и разъ мнѣ спутникъ, сто-рожившій меня киргизъ, далъ воды, разъ мнѣ отвязали ноги, пустили самому наниться и даже присѣсть у разлива, посмотреть только что описанный видъ; а наконецъ, переѣзжая глубокую канаву въ бродъ, я съ лошади черпалъ воду шляпой, и еще напился.

Эта была послѣдняя канава на дорогѣ: за ней начинался идущій почти до Яны-Кургана саксаульникъ. Переѣхавши ее, провожавшіе меня хищники стали меньше торопиться, а то все боялись погони, и, хотя меня съ провожатыми все еще посылали впередъ всѣхъ, но онъ уже слушался моего «акрыпъ джюримсъ», поѣдемъ тише, и мы уже часто ѣхали шагомъ, пока насъ догоняли его товарищи, отстававшіе и оглядывавшіеся за погоней. Наконецъ, какъ стемнѣло и всѣ соединились, мы поѣхали то шагомъ, то мелкой рысдой, чтобы еще передъ приваломъ дать вздохнуть лошадямъ.

Пора была вздохнуть и мнѣ, хоть объ этомъ и не слишкомъ заботились мои спутники; впрочемъ, на мои вопросы, близко ли остановимся (джаканъ кунамсъ), они привѣтливо отвѣчали: джаканъ, близко. И за то спасибо, а болѣе еще за то, что спасаясь отъ погони, они все-таки допускали меня останавливаться и пить у всякой воды, благо жажда мучила; а сами между тѣмъ не пили — ибо киргизы сырую воду считаютъ вредной, особенно при сильномъ движеніи.

Но какъ я имъ говорилъ, такъ и случилось: не смотря на эти остановки, никто изъ этой шайки погонн близко не видалъ, а большинство не видало и вовсе. А между тѣмъ погоня была, и вотъ что я объ ней узналъ по возвращеніи.

Мои вожаки, поскакавшіе въ лагерь за помощью, подняли тамъ тревогу; тотчасъ собрали казаковъ, поймали и осѣдлали лошадей; но лошади въ то время, какъ всегда днемъ въ степномъ походѣ, если отрядъ остановится, паслись свободно, хоть и стреноженные; собираиье ихъ заняло время, такъ, что пріѣхавши на мѣсто стычки, они коканцевъ уже не нашли, а только присоединились къ нимъ, вышедши изъ колючки, препараторъ и одинъ изъ бывшихъ со мной казаковъ, оба, какъ сказано, сбитые съ лошадей. Другой казакъ, спасаясь отъ погонн, переплылъ Джарты-Куль, спрятался въ камышѣ и пошелъ прямо въ лагерь; оба были легко ранены пиками. Третій, конный, присоединился къ поѣхавшимъ въ погоню еще въ лагерьѣ.

Отъ меня нашли отбитый и окровавленный прикладъ ружья, да кровь на колючкѣ и на землѣ. Чтобы дать своимъ знакъ, я уговорилъ одного изъ хищниковъ бросить и стволы, благо испорчены разрывомъ лѣваго; онъ и бросилъ, но другіе подобрали.

Гнались верстъ слишкомъ двадцать, казаковъ до тридцати, съ офицеромъ, доѣхали до раздвоенія слѣдовъ; одни по дорогѣ, другіе отошли въ сторону, и въ сторонѣ же, далеко, виднѣлся на барханѣ верховой. Пустились за нимъ — онъ скрылся, опять показался и наконецъ скрылся окончательно. По дорогѣ же, гдѣ меня везли, не видали никого; мы уже уѣхали. Мой кровавый слѣдъ былъ уже заметенъ пылью.

---

*) Въ степи, на каждое денное нападеніе вѣрно придется десять и болѣе ночныхъ, почему ночью, по правилу, треть лошадей осѣдлана, и всѣ держатся въ кучѣ, привязанныя къ приколамъ, такъ что ихъ и необходимо хоть днемъ пускать пастись; почему то-же и въ походѣ стараются выступать ночью и идти до полудня, или, на оборотъ, съ полудня и захватить часть ночи, если идутъ на извѣстное уже мѣсто, гдѣ не нужно сперва искать пастбища и водооя.

Такъ погоня и вернулась; на слѣдующій день опять ѣздили на мѣсто стычки, мой препараторъ съ ними, и похоронили застрѣленнаго мной Худой-Бергена. Хоронившіе мнѣ и описали какъ онъ былъ раненъ и какъ пролетѣла пуля черезъ его голову.

А ѣздокъ, заманивавшій гнавшихся за хищниками казаковъ, былъ атаманъ шайки, Дащанъ. Онъ послѣдній присоединился къ товарищамъ, уже когда совсѣмъ стемнѣло, и, вскорѣ, удостовѣрившись, что погоня рѣшительно отстала, остановилъ свою партію у могилъ Охчу.

Ночь была безлунная, могилы неясно виднѣлись на черномъ фонѣ саксаульника, на крутомъ скатѣ оврага. Я ихъ разсмотрѣлъ уже на обратномъ пути, тогда и опишу.

Меня ввели въ низкую, темную землянку, довольно впрочемъ просторную; тамъ жилъ отшельникъ у святыхъ могилъ; но насъ встрѣтилъ не онъ, а какая-то старуха, и засвѣтила коганецъ — такой же, какъ у насъ иногда въ воронежской губерніи, и въ Малороссіи: черепокъ съ саломъ и съ измятой бумажной тряпичей вмѣсто свѣтильни. Я прилежъ тотчасъ на земь и дремать не дремалъ, а почти; мало-что примѣчалъ, только помню однако, что крыша, она же и потолокъ, была плоская, на кривыхъ лежащихъ бревнахъ, подпертыхъ кривыми же деревянными столбами.

Не успѣлъ я и двухъ минутъ пробыть въ саклѣ, какъ вошелъ Дащанъ и подсѣлъ ко мнѣ; мы очень дружелюбно познакомились; онъ рекомендовался чистымъ русскимъ языкомъ, мягкимъ и вкрадчивымъ тономъ, и подалъ мнѣ руку по киргизскому обычаю; я отвѣчалъ тѣмъ же и прибавилъ, что уже много слыхалъ про его удалъ. Старуха что-то возилась, за угощеніемъ что-ли; ожидая ужина, Дащанъ завелъ со мной разговоръ такой же, какъ и его братъ; я отвѣчалъ односложно, съ видимой усталостью, и бесѣда (или допросъ) скоро смѣнилась угощеніемъ: старуха принесла намъ по деревянной чашкѣ айряну, т. е., жидкаго кислаго молока *),

---

*) Айрянь дѣлается изъ молока коровьяго, верблюжьяго или бараньяго; отдѣленію сыворотки препятствуютъ постояннымъ взбалтываніемъ.

а Дащанъ ей перевелъ мое желаніе разбавить айрянъ водой, такъ какъ жажда не прекращалась.

Ночевать однако тутъ не остались, а выпивши айряну и напоивши лошадей, отправились дальше, свернули въ саксаульникъ, и верстъ за десять отъ Охчу остановились въ котловинной, травянистой полянкѣ. Помню, что изъ землянки въ Охчу меня пригласили выйти изъ первыхъ и опять привязали ноги къ стремянамъ; а Дащанъ вышелъ послѣдній, когда уже всѣ были на коняхъ.

На ночлегъ, разумѣется, всѣ легли; легъ и я, подпирая локтемъ голову. Это замѣтилъ Дащанъ и велѣлъ подать мнѣ сѣдло съ подушкой, къ которому и самъ съ другой стороны прилегъ. Только не продолжителенъ былъ нашъ сонъ; задолго до зари, темной ночью, поѣхали мы дальше, все саксауловымъ лѣсомъ. Саксауль здѣсь росъ огромный, сажени въ три; темное ночное небо видѣлось сквозь черную сѣтку вѣтвей, а внизу, въ густомъ, почти осязательномъ мракѣ, сѣроватые, толстые, мудрено искривленные стволы и корни деревьевъ. Вообще ночной колоритъ саксаульника самый невеселый, да и тишина была такая мертвенная, что топотъ нашихъ лошадей раздавался не то чтобы фантастически, а *unheimlich*, какъ говорятъ нѣмцы; по русски этого слова нѣтъ. Неопредѣленно, тяжело было мнѣ на душѣ; только одна нѣсколько отчетливая мысль, что саксауловый лѣсъ вообще отличается сухостью, а жажда моя не прекратилась.

Ѣхали мы ночью, казалось, безъ конца; однако наконецъ стала и заря заниматься, а скоро и солнце взошло; заря на Дарьѣ непродолжительна. Крупный саксаульникъ смѣнился мелкимъ; явились голые такыры *); мнѣ сказалъ подѣхавшій между тѣмъ Дащанъ, что тутъ близко должна быть дождевая вода, и послалъ посмотреть, а меня пригласилъ сѣсть и покурить трубки, — захваченную отъ меня трубку и мой-же табакъ.

Тутъ я его разсмотрѣлъ подробнѣе и опишу; онъ того

---

*) Такыры — это голыя, глиняныя равнины, ровныя и гладкія, какъ биліардъ, превосходныя для плаць-парада — но болѣе ни для чего, по крайней безплодности, — ни былинки.

стоять, какъ одинъ изъ послѣднихъ представителей, и притомъ изъ совершеннѣйшихъ, чисто-киргизскаго стариннаго молодечества и необузданности.

Наружность его была, однако, не такая какъ у большинства киргизовъ, коренастыхъ, скуластыхъ, плосконосыхъ и широколицыхъ, которые хотъ въ самомъ дѣлѣ ловки и проворны, а смотря увальнями, неповоротливыми, въ халатахъ, сидящихъ на нихъ скверно.

А Дашанъ смотрѣлъ молодцомъ; не большаго роста, тонко и строенъ, съ маленькими руками и ногами: а gentleman robber, хотъ и не бѣлой кости, не султанской породы, а плебей, простой киргизъ. Лицо было европейское, какъ у его брата, только губы полнѣе, черты мягче и пріятнѣе, а большіе черные глаза, съ нѣскольکو (монгольски) приподнятыми углами, также плутовато подмигивали, даже еще и плутоватѣе, — хитрые, лисьи глаза, подъ благородно открытымъ лбомъ. Только не одна хитрость и жадность выражались на этомъ лицѣ, какъ у его брата; тутъ видѣлась и беззаботная удаля, и желаніе пожить и потѣшиться, и чувственность, и даже какое-то веселое, непритворное добродушіе. Преподвижное было лицо, что впрочемъ у киргизовъ не рѣдкость, если только, разбогатѣвши, не заплывутъ жиромъ.

Но Дашану заплывать было некогда. Наслѣдственнаго богатства не было, неутомонная удаля не давала ему покоя, — онъ съ ранней молодости сталъ промышлять разбоемъ, что по киргизскимъ понятіямъ вовсе не предосудительно, — и прославился по степи какъ батырь первостепенный.

Тутъ необходимо небольшое поясненіе, чтобы читатель не подумалъ, что въ киргизской степи отъ грабежей такъ ужъ и жить нельзя. Они, по киргизскимъ понятіямъ, конечно похвальны и удаля показываютъ, — но не всегда; на счетъ грабежей есть обычное право, отступленія отъ котораго киргизы не терпятъ. Это право весьма немногосложно.

Во-первыхъ, для киргизовъ, и не для нихъ однихъ, высшая доблесть есть военная; а у киргизовъ, какъ у туркменъ и бедуиновъ, война не что иное, какъ разбойничьи набѣги, въ которыхъ и дерутся, и храбро даже дерутся —

когда этого избѣжать нельзя. Въ батырѣ, удалцѣ, цѣнятся и тѣлесная сила, а изъ нравственныхъ качествъ — находчивость и хладнокровіе; онъ не долженъ никогда терять присутствіе духа, но его похваляютъ за избѣжаніе битвы, если и такъ можно поживиться на счетъ врага, и не осудятъ за бѣгство передъ непріятелемъ, если оно выгодноѣ боя. Понятій о «чести оружія» у киргизовъ нѣтъ, а жизнью они весьма дорожатъ. Идеально-храбрый киргизъ безпрестанно рискуетъ жизнью, идетъ на всѣ опасности, — по съ увѣренностью такъ или иначе отвертѣться и остаться цѣлымъ, да еще съ поживой; для чего киргизское понятіе о чести его не стѣсняетъ въ выборѣ средствъ, такъ что и баснословно-приткое бѣгство и какой угодно обманъ — почетны.

Такъ я слышалъ въ фортѣ Перовскомъ, что три киргиза, изъ тамошнихъ (не помню когда, только недавно), увели лошадей туркестанскаго датки — сами спаслись и лошадей пригнали, ни на комъ ни царапины, — это герои, да и по нашимъ понятіямъ смѣлы: лошади туркестанскаго датки въ Туркестанѣ, въ цитадели, за двумя стѣнами, а въ Туркестанѣ шесть сотъ человѣкъ гарнизона.

Изъ сказаннаго уже ясно, когда грабежъ дѣлаетъ честь киргизскому грабителю, когда это война; но, по тамошнимъ понятіямъ, каждый набѣгъ на чужой родъ есть уже военное дѣйствіе не предосудительное. Оттого, отъ раздробленія враждующихъ родовъ, и вышла для киргизовъ невозможность сохранить свою независимость. Только въ своемъ или дружественномъ родѣ грабежъ считается преступленіемъ и смерть грабителя не вызываетъ кровной мести, почему и остерегаются, хоть бывала кровная месть и противъ этого правила, но рѣдка. Гостя ограбить то-же считается безчестнымъ, и безусловно.

Любимые грабежи киргизовъ — это угоны скота и всего охотнѣе лошадей; это самый быстрый набѣгъ; но родъ, у котораго угнали часть скота, развѣдавши, къ какому роду принадлежатъ грабители — мститъ всему ихъ роду тѣмъ же *). Этотъ обмѣнъ грабежей называется барантой; пре-

---

*) Такъ какъ въ каждомъ родѣ круговая порука.

кращается, когда враждующіе роды устануть, третейскимъ судомъ нейтральнаго рода, или уважаемаго бія, т. е., старшины, который рѣшаетъ, кому и сколько нужно доплатить скота, чтобы обѣ стороны сквитались. Но, разумѣется, опредѣленіе похитителей бываетъ часто гадательно, бываютъ и ошибки, вслѣдствіе которыхъ угоняется скотъ и у совершенно невишнаго рода; тогда баранта осложняется и запутывается.

Взаимный грабежъ между членами одного рода считается преступленіемъ; но есть удалыцы, для которыхъ не награбленный скотъ, а процессъ баранты составляетъ наслажденіе; тѣ перекочевываютъ изъ рода въ родъ, ища баранты, какъ кондотьеры; итакъ это уже виртуозы въ дѣлѣ набѣговъ — то ихъ вездѣ и примаютъ, и цѣнятъ; т. е., такъ было.

Такимъ-то кондотьеромъ и былъ Дащанъ; но онъ поздно родился. Когда подданство киргизовъ Россіи перестало быть номинальнымъ, и русское правительство вмѣшалось въ ихъ внутреннія дѣла, то оно, очевидно, также мало могло допускать родовую баранту какъ и допускать у русскаго конокрада оправданіе, что онъ не въ своемъ селѣ лошадь увелъ, а въ чужомъ. Для прекращенія баранты было употреблено киргизское же средство третейскихъ судовъ; только ихъ рѣшенія были объявлены обязательными и окончательными, хотя и не обошлось безъ взятокъ кому слѣдуетъ. За тѣмъ баранта была отмѣнена, а всякій вновь возникающій случай ея судимъ уголовно, какъ грабежъ.

Большинство киргизовъ скоро привыкло къ новому порядку, къ большому обезпеченію собственности даже и не удалаго набѣдника, даже и того мирнаго человѣка, который не сумѣетъ угнать гдѣ-нибудь скота, въ замѣнъ угнаннаго у него самого; но въковой обычай сразу постановленіемъ не можетъ быть прекращенъ. Были и недовольные, были и дѣйствительно обиженные рѣшеніями окончательныхъ третейскихъ судовъ; баранты продолжались, только въ меньшихъ размѣрахъ; кромѣ риска возмездія и погибели въ стычкѣ, былъ еще рискъ быть выданнымъ русскому начальству для уголовного суда.

Барантачъ становился мятежникомъ; но это самое прида-

вало разбою новую прелесть, облагороживало ремесло въ глазахъ иныхъ удалцовъ, каковъ былъ и Дащанъ — если только нужно было въ глазахъ киргиза облагораживать ремесло батырей, героевъ народныхъ пѣсенъ и преданій его земли. А неуваженіе къ тому, что народъ считалъ доблестью а русскіе преступленіемъ, уравниеніе сильныхъ и бойкихъ съ робкими и вялыми, прекращеніе бѣдняку средствъ обогатиться своимъ удалствомъ, все это должно было оскорблять киргиза, непонимающаго гражданственности и условій общественнаго благоустройства, и побуждать его къ пренебреженію новыхъ постановленій *) о барантѣ, въ надеждѣ увернуться отъ законнаго наказанія — не поймають.

Но Дащанъ былъ пойманъ, и не разъ, пойманъ земляками и представленъ русскому начальству. Огромное большинство киргизовъ, хотя то-же не понимало и не понимаетъ гражданственности, хотя и вздыхаетъ о тѣхъ временахъ вольности, когда стада каждаго рода защищались только его батырями, но на дѣлѣ все-таки нашло, что и новое постановленіе годится, какъ средство обезопасить свою скотину и по этой причинѣ, мимо всякихъ идей общественнаго благоустройства, содѣйствовало русскимъ начальствамъ въ преслѣдованіи и поимки барантачей; такъ что послѣдніе батыринабѣзники, упражнявшіе свою удаль внутри русскихъ владѣній въ степи, болѣе и болѣе теряли, такъ сказать, землю подъ ногами для своихъ подвиговъ.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы обычай выдавать нашимъ начальствамъ барантачей сдѣлался совершенно общимъ въ степи: и теперь киргизы еще предпочитаютъ самоуправство: отбить угнанный скотъ, и основательно поколотить нагайками угнавшихъ, если удастся.

Только Дащанъ выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ киргизскихъ конокрадовъ, и подъ нагайки земляковъ не попадался, а самъ билъ. Онъ сдѣлался грозой юговосточной части степи, у Сыр-Дарьи; первоначально же кочевалъ зимой на Дарьѣ, а лѣтомъ подъ Троицкомъ (гдѣ и выучился по

---

*) Новыхъ въ азіатскомъ смыслѣ, гдѣ измѣненіе быта, введенное и двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ, все еще ново.

русски), какъ большинство киргизовъ, зимующихъ по Даръ вверху отъ Кармакчи, гдѣ Караузякъ опять соединяется съ главнымъ русломъ.

Онъ нападалъ на аулы (состоящіе вообще изъ не многихъ семействъ), иногда съ товарищами, иногда даже одинъ; только всегда сопротивленіе бывало бесполезно: сильный и ловкій, съ хорошо подобранными молодцами, онъ билъ и убивалъ сопротивляющихся; да и ему одному было не трудно съ тремя справиться, подковы разгибалъ.

За то, бывало, наѣдетъ одинъ на аулъ, выберетъ скота, сколько нужно угнать, да и велитъ собрать и гнать передъ собой кому-нибудь изъ ограбленныхъ же, пока скотъ не обойдется; тогда прогонялъ импровизированнаго пастуха домой, и тотъ не смѣлъ его выслѣживать, пбо страхъ былъ великъ.

Степь онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ, и кочевья коканскихъ киргизовъ то-же. Послѣ взятія Ак-Мечети, не разъ ходили ловить его наши отряды, и возвращались ни съ чѣмъ.

Въ друзьяхъ, укрывателяхъ, вѣстовщикахъ, шпіонахъ, у Дащана по степи недостатка не было. Онъ щедро дѣлился своей добычей со всякимъ, кто ему былъ полезенъ, не былъ скупъ и на угощенія, а остатки продавалъ или вымѣнивалъ, и вмѣсто угнаннаго скота у него являлись щегольскіе халаты, шапки, оружіе, конская сбруя, отличные скакуны, подарки любовницамъ *), которымъ онъ впрочемъ уже и тѣмъ правился, что красивѣе, ловчѣе, наряднѣе киргиза не легко было встрѣтить. Не для наживы и скопидомства разбойничалъ Дащанъ, хотя чужое добро вообще имѣло для него магическую прелесть, а для молодечества, да чтобы были и средства пожить въ свое удовольствіе.

Но пріятелей и укрывателей было у него все-таки менѣе, чѣмъ обиженныхъ и ограбленныхъ имъ; а такъ какъ ему

---

*) Киргизскія дѣвушки вовсе не стѣснены обычаемъ на счетъ своего обращенія съ мужчинами, да и замужнія женщины, хотя обычай относительно ихъ и строже, а все-таки, по монгольски, далеко свободнѣе прочихъ мусульманокъ: ходятъ съ открытымъ лицомъ и безъ мужа, какъ при немъ, могутъ принимать гостей обою пола.

не рѣдко приходилось, какъ уже сказано, съ боя брать скоть и иную добычу, такъ не было недостатка и въ врагахъ, которыхъ киргизскій обычай обязывалъ мстить за кровь родичей, убитыхъ имъ или его шайкой.

Враги и слѣдили за нимъ; бывали и слухи, что Дащанъ убитъ — а онъ ихъ опровергалъ новымъ набѣгомъ, новымъ грабежемъ. Ибо эти враги, готовые и способные содѣйствовать тому или тѣмъ, кто рѣшится напасть на Дащана и сдумѣетъ его поймать или убитъ, были разсѣяны по разнымъ кочевьямъ и, каждый отдѣльно, на своего лиходѣя напасть не рѣшались.

Между тѣмъ, какъ уже сказано, смѣлый разбойникъ былъ пойманъ: О. Я. Осмоловскій, завѣдуя сыр-дарьинскими киргизами и освоившись съ ихъ бытомъ и понятіями, нашель между ними людей, способныхъ рѣшиться на поимку Дащана, считавшуюся весьма труднымъ, почти невозможнымъ подвигомъ, и сдумѣлъ заставить ихъ рѣшиться. Изъ киргизовъ, кочующихъ у Ак-Мечети, были батыри, набѣзники, мстившіе коканцамъ за ихъ набѣги, служившіе то-же лазутчиками въ Коканѣ (послѣднее по киргизски, то-же молодечество — дѣло рискованное и требующее изворотливости) ихъ-то самолюбіе и удалось возбудить, чтобы показали, что не хуже они батыри, чѣмъ Дащанъ, а пожалуй и лучше: поймали бы его — и поймали.

Пойманнаго разбойника судили за грабежи и убійства, и приговорили къ ссылке въ Сибирь на каторжную работу. Онъ и былъ сосланъ, но бѣжалъ, не достигши мѣста назначенія, и вернулся въ степь, а именно нашель себѣ убѣжище въ смежной съ нашей границей части Кокапа.

Только тамъ онъ не жилъ смирно, а принялся за прежніе подвиги, за набѣги въ наши владѣнія, съ прежнимъ успѣхомъ и съ прежней дерзостью, которая довела его до того, что онъ вторично былъ пойманъ. Обстоятельство этой вторичной поимки, такъ же какъ и первой, хорошенько не знаю; помню только, что его вели въ кандалахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ и съ сильнымъ конвоемъ: такъ его видѣлъ комендантъ форта № 2-го, черезъ который его привели, только куда — въ ссылку или въ фортъ Перовскій для

военнаго суда и казни, за возобновленіе преступныхъ дѣйствій, разъ уже наказанныхъ по судебному приговору? Этого я не могу сказать, хотя смутно помнится, что его вели въ фортъ Перовскій. Достоверно только, что онъ былъ очень тихъ и покоренъ, и бѣжать не покушался, пока не улучилъ удобной ночи; тогда, сломавши желѣзные кандалы, Дащанъ ускакалъ на лучшей лошади офицера, начальствовавшаго конвоемъ. Подняли тревогу, погнались — по Дащанъ уже исчезъ въ темнотѣ ночи, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали въ фортѣ Перовскомъ, куда онъ дѣлся.

А онъ, между тѣмъ, оказался неисправимъ; только искалъ болѣе надежной опоры для продолженія своихъ набѣговъ. Для этого онъ вступилъ въ коканскую службу, и зимой съ 1857 на 1858 г. узнали, что онъ уже имѣетъ какое-то начальство въ Яны-Курганѣ, крайнемъ къ западу коканскомъ укрѣпленіи на Сыр-Дарьѣ, — и въ набѣгѣ, имѣвшемъ послѣдствіемъ мой плѣнъ, онъ оказался прежнимъ отважнымъ Дащаномъ, затѣявши нечаянно угнать лошадей русскаго отряда, численностью въ десятеро превосходившаго его шайку.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ, что я старался ознакомить его съ захватившимъ меня хищникомъ; скорѣе пожалѣетъ, что я про Дащана не довольно знаю. Онъ занимателенъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ древне-киргизскихъ героев, и не уступаетъ въ удали и прочихъ доблестяхъ никому изъ предшественниковъ; его ли вина, что поздно родился, что столкновеніе съ высшей, но чуждой, русской формой народнои жизни довело его до осужденія на каторгу? Но надѣюсь, что, не смотря на такое неприятное обстоятельство, этотъ «бѣглый каторжникъ», по объясненнымъ причинамъ, имѣетъ для читателя такой же интересъ, какъ для натуралиста живые донинѣ остатки доисторическихъ, вымирающихъ породъ животныхъ: бѣловѣжскій зубръ, новозеландскія птицы *Arteryx* и *Notornis*, и т. д.

По крайней мѣрѣ, во мнѣ онъ возбуждалъ, до плѣна, какъ только я услыхалъ объ его похожденияхъ, именно такого же рода участіе, какъ зубръ или *Arteryx*, а во время

плѣна это чувство, вовсе не враждебное, было сохранено его учтивымъ и ласковымъ обращеніемъ съ плѣнникомъ.

Итакъ, пригласивши меня слѣзть и покурить, онъ велѣлъ мнѣ отвязать ноги отъ стремень; мы сѣли рядомъ, и я попробовалъ курить—но безъ обычнаго удовольствія. Онъ докурилъ трубку; воды на такырѣ, гдѣ мы отдыхали, не нашлось; мы поѣхали дальше. Тутъ онъ въ первый разъ взглянулъ какъ я сажусь на лошадь и спросилъ меня, не желаю ли обойтись безъ привязыванья ногъ къ стреманямъ.

Но на этотъ разъ не захотѣлось мнѣ просить милости, какъ вчера просилъ пить или ѣхать тише. Я отвѣчалъ, что привязыванье ногъ должно быть киргизскій обычай; а впрочемъ дѣло отъ него зависить.

Тогда онъ велѣлъ оставить мои ноги безъ привязи и предоставить мнѣ самому править лошадю, чтобы не вели се на поводу: видно погони пересталъ бояться, да и побѣга моего не опасался—я былъ слишкомъ уже разслабленъ рабами и ѣздой, чтобы ускакать.

Мы ѣхали рядомъ; Дащанъ спросилъ вдругъ, что это у меня лѣвое ухо висить (оно было разсѣчено сабельнымъ ударомъ по виску), и нельзя ли его справить, чтобы срослось? Я его заправилъ подъ шляпу — и оно дѣйствительно вполслѣдствія срослось, только съ окошкомъ посрединѣ.

Онъ меня спрашивалъ о томъ же, какъ и его братъ, и получалъ одинакіе отвѣты; спрашивалъ и о начальствующихъ на Сыр-Дарьѣ. Зная его злобу на нихъ за прежнее и опасаясь для нихъ коканскихъ засадъ, особенно для г. Осмоловскаго, который часто безъ конвоя ѣздилъ, я говорилъ не всю правду; про г. Осмоловскаго сказалъ, что онъ при мнѣ собирався въ Казалу и подалъ въ отставку, и вѣроятно (а навѣрное не знаю) уѣхалъ; такъ, чтобы въ случаѣ полученія коканцами болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, мое извѣстіе оказалось бы не ложнымъ, а только ошибочнымъ. Эта осторожность не мѣшала, какъ послѣ узнаетъ читатель; мнѣ для освобожденія нужно было, чтобы коканцы мнѣ вѣрили. Г-ну же Осмоловскому Дащанъ давно готовилъ засаду, и я объ этомъ слышалъ еще въ фортѣ Перовскомъ.

Еще спрашивалъ онъ меня о киргизѣ Джакубаѣ, бывшемъ со мной и узнанномъ Дащаномъ по рыжей лошади. Этотъ Джакубай ходилъ ловить Дащана, отыскалъ его, поборолъ, при помощи товарищей связалъ и представилъ русскому начальству; Дащанъ, во время стычки съ нами, гнался за нимъ, но бесполезно, и потомъ при отступленіи кокапцевъ, отставалъ, смотря, не будетъ ли врагъ проводникомъ русской погони, не удастся ли убить его изъ засады.

Я отвѣчалъ, что Джакубая со мной не было, а былъ Чагинъ Тас-Темировъ (вымышленный).

— Да на счетъ его рыжей лошади я ужъ не ошибусь, говорилъ Дащанъ; эту лошадь я скорѣе узнаю, чѣмъ самого Джакубая.

— Джакубай и былъ назначенъ со мной разсылнымъ, отвѣчалъ я, но заболѣлъ и остался въ аулѣ; а Чагинъ занялъ у него рыжую лошадь и поѣхалъ за него, т. е., Джакубай его послалъ.

Зная и испытавши на себѣ усердіе Джакубая исполнять порученія начальства, Дащанъ этому повѣрилъ, и, прекративши на время допросъ, показалъ мнѣ зрительную трубку, изъ числа отнятыхъ у меня вещей, желая узнать ея употребленіе. Я ему показалъ. Мы тогда были на бугрѣ, поросшемъ мелкимъ кустарникомъ; растущій ниже высокій саксаулъ не мѣшалъ видѣть къ сѣверу хребетъ Кара-Тау, безлѣсный, скалистый, на которомъ однако вдали зеленѣлись степныя пастбища. Къ сѣверо-западу возвышалась надъ остальнымъ хребтомъ, уже синѣя въ дали, вершина Карамуруна, то-же безлѣсная. Послѣ меня Дащанъ посмотрѣлъ въ трубу на хребетъ, бывшій верстахъ въ сорока отъ насъ, и остался доволенъ и трубой, и моею готовностью объяснить ея употребленіе.

Я часто спрашивалъ, близко ли вода; Дащанъ послалъ за ней киргиза съ кожанымъ турсукомъ. Тотъ поскакалъ; мы ѣхали тише, и вскорѣ остановились обождать нѣсколько посланныхъ за водой и дать лошадямъ пощипать травы, благо нашлась площадка съ хорошимъ кормомъ, что въ саксауловомъ лѣсу рѣдкость.

Эта кормная площадка была у древнихъ могилъ, которыхъ мои спутники не сдумѣли или не захотѣли мнѣ назвать. На картахъ полагаютъ, приблизительно, въ этомъ мѣстѣ развалины города Отрара, разореннаго Тамерланомъ.

Мѣсто было живописное, въ лощинѣ; съ одной стороны глиняный обрывъ и на немъ длинный рядъ могилъ, съ другой песчаные бугры съ кустарниками и рѣдкою, тонкой, яркозеленой травой, которая гуще росла на узкой полосѣ, между дорогой и ихъ подошвой.

Могилы были такія же, какъ вездѣ я видѣлъ на Сыр-Дарьѣ; квадратныя, внутри пустыя, какъ комнатка, постройки изъ битой глины, съ куполомъ. Древни были онѣ; куполы всѣ отчасти провалились, ни одного цѣлаго; отъ многихъ могилъ оставались только части стѣнъ, въ другихъ, лучше сохранившихся, были широкія трещины.

Внутри многихъ могилъ, выходя изъ развалившася свода или изъ широкихъ боковыхъ трещинъ, росъ саксаулъ, какъ и кругомъ ихъ, высокій и толстый, слишкомъ въ четверть и до полуаршина толщины, что показываетъ древность этихъ могилъ; развалившихся и заросшихъ саксауломъ лѣтъ не менѣе трехсотъ тому назадъ, а можетъ быть и больше, судя по медленному росту саксаула, — и покинутыхъ вѣроятно во время Тамерлана. Размѣры этихъ могилъ превосходили все видѣнное мной на Сыр-Дарьѣ и вообще въ степи; и саксаулъ былъ въ этомъ мѣстѣ особенно великъ, но кормъ лошадямъ оказался весьма скудный, и мы отдыхали всего нѣсколько минутъ. Нужно было скорѣе ѣхать; видя мое утомленіе, Дащанъ велѣлъ мнѣ дать болѣе покойную при быстрой ѣздѣ лошадь, нвоходца, на которомъ я однако отсталъ съ своимъ провожатымъ. Вскорѣ намъ встрѣтился киргизъ, посланный за водой, отдалъ мнѣ турсукъ и поскакалъ обратно къ колодезю. Я пилъ по немногу, но часто; такъ мы ѣхали верстъ, можетъ быть, десять, выѣхали изъ саксаульника, и встрѣтили большую часть шайки на луговинѣ, между высокими песчаными буграми; они ужь отдыхали; я тотчасъ легъ и заснулъ, по не долго спалъ; вскорѣ мы опять поднялись и переѣхали черезъ пески, въ другую луговину, гдѣ былъ колодезь. Тамъ Дащанъ пилъ чай; предложилъ и мнѣ, но я, хлебнувши нѣ-

сколько, наполнилъ чашку водой изъ колодезя, и опять сталъ пить воду. Жажда не унималась; голоду я не чувствовать.

И тутъ мы остались не долго; когда поѣхали далѣе, Дащанъ и братъ его опять меня распрашивали, кто я, какова цѣль моей поѣздки, о состояніи сыр-дарьинскаго края, о намѣреніяхъ генерала Катепина относительно Кокана, о Джакубаѣ. Мнѣ удалось припомнить всѣ свои отвѣты, и правдивые и обманчивые, такъ что я не возбудилъ ихъ недоувѣрчивости противорѣчіемъ самому себѣ. Опять удалось нѣсколько разъ упомянуть, но мимоходомъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, что взятіе меня въ плѣнъ навлечетъ на Яны-Курганъ, и вообще на коканцевъ, враждебныя дѣйствія русскихъ, разореніе Яны-Кургана, истребленіе гарнизона, вѣроятно и казни участвовавшихъ въ набѣгахъ, какъ только генералъ-губернаторъ узнаетъ объ этомъ дѣлѣ.

Эти угрозы достигли цѣли; проѣхавши нѣсколько времени послѣ допроса, молча, Дащанъ и братъ его подѣхали опять ко мнѣ и стали уже спрашивать на счетъ условій освобожденія, и что дастъ наше сыр-дарьинское начальство выкупа. Я имъ отвѣчалъ, что ничего не дастъ и что не надо дожидаться, чтобы мое освобожденіе было потребовано русскимъ начальствомъ, потому оно потребуетъ не иначе, какъ безусловнаго освобожденія, и въ случаѣ не только отказа, но даже нерѣшительнаго отвѣта или замедленія въ исполненіи требованія, поддержитъ его военной силой. Впрочемъ, прибавилъ я, выкупъ возможенъ, но частнымъ образомъ, отъ меня, и въ томъ только случаѣ, когда они немедленно пошлютъ гонца съ письмомъ отъ меня, чтобы извѣстить о моемъ освобожденіи и получить задатокъ; а остальные деньги я выплачу уже самъ своимъ коканскимъ провожатымъ, возвратившись въ Фортъ Перовскій.

Выкупа я предлагалъ 200 золотыхъ, собственно Дащану; онъ согласился на эту сумму и на прочія условія, но сказалъ, что одинъ рѣшить дѣло не можетъ, а долженъ спестись съ коканскимъ комендантомъ Яны-Кургана, который то-же потребуетъ денегъ; что выкупную сумму нужно будетъ усилить, такъ, чтобы не меньше 200 золотыхъ (русскихъ полумперіаловъ) пришлось собственно на его, дащанову долю,

а что впрочемъ общаетъ онъ мнѣ скорое освобожденіе, такъ какъ увѣренъ, что яны-курганскій бекъ то-же согласится.

Итакъ, въ первый день плѣна уже являлась мнѣ надежда свободы, безъ опасныхъ попытокъ бѣгства, которыя моя слабость отъ ранъ и потери крови дѣлала невозможнымъ.

Я зналъ, что Дащанъ разбойникъ; хотя это по киргизскимъ понятіямъ не предосудительно, но мнѣ отъ этого было не легче, потому что это обстоятельство и обще-азиатская ненадежность, заставляли меня сомнѣваться въ вѣрности его слова; но все таки освобожденіе, хотя и не вѣрное, было возможно, даже вѣроятно, — и я, съ этой мыслью, бодро ѣхалъ къ Яны-Кургану, считая уже раны и плѣнъ временной невзгодой, отъ которой унывать не надо, и радуясь тому, что при всей невѣрности будущаго, первый шагъ къ освобожденію былъ мной сдѣланъ успѣшно! Я припоминалъ сдѣланные уже мной отвѣты на допросахъ и соображалъ дальнѣйшіе, готовясь къ переговорамъ о свободѣ съ яны-курганскимъ бекомъ.

Между тѣмъ Яны-Курганъ былъ уже не далекъ, а въ Яны-Курганѣ и отдыхъ, что мнѣ то-же было пріятно, потому что усталость я чувствовалъ жестокою.

По дорогѣ, проѣхавши могилы, саксаулъ, отъ Охчу до этихъ могилъ сплошной, перемежался турангой, а въ низинахъ колючкой; потомъ, часа черезъ два скорой ѣзды отъ колодезя, послѣ послѣдней саксауловой рощи, дорога вышла въ долину Сыр-Дарьи, ровную низменность, заросшую колючкой. Вскорѣ мы проѣхали луга съ озерками и превосходнымъ сѣнокосомъ; потомъ опять колючка, незначительная возвышенность — и показался впереди Яны-Курганъ, крайняя, внизъ по Дарьѣ, коканская крѣпость; впереди же, по лѣвѣе, плоская гора Угузь-Міазъ (Бычій Рогъ); влѣво отъ дороги, вдали, хребетъ Кара-Тау.

Яны-Курганъ построенъ на незаливномъ мѣстѣ, у самаго берега Сыр-Дарьи, на едва примѣтной возвышенности, которая идетъ отъ Угузь-Міаза къ юго-западу, къ рѣкѣ. Эта возвышенность обозначается болѣе тѣмъ, что ея поверхность представляетъ травяную степь, между тѣмъ какъ восточнѣе

и западиѣ и не далеко отъ крѣпости растетъ въ долинѣ Дарьи колючка, прерываемая необширными лугами. Впрочемъ мѣсто, гдѣ стоитъ Яны-Курганъ, такъ уже мало возвышается надъ рѣкой, что крѣпостной ровъ изъ нея получаетъ воду, которой уровень всего аршина на четыре выше краевъ рва.

Самая крѣпость четырехугольная. Стѣны, перпендикулярныя къ рѣкѣ, длиннѣе параллельныхъ ей; эти длинныя стороны сажень въ двѣсти. Стѣны, какъ въ Мамасейтѣ, Ак-Мечети и вообще въ азіатскихъ крѣпостяхъ того края, изъ битой глины, вынутой изъ рва; внутри — кибитки и глиняныя постройки. Пушекъ въ крѣпости нѣтъ, но есть большія крѣпостныя ружья, фитильныя, которыя кладутся для стрѣльбы на вершину стѣны. Ворота съ восточной стороны, у моста черезъ ровъ, крытыя; длина этого крытаго хода болѣе, чѣмъ общая толщина крѣпостной стѣны, что я послѣ видѣлъ и въ Туркестанѣ. Наружная сторона стѣны отвѣсна; внутренняя, гдѣ не прислонены постройки, поката; на вершинѣ небольшая стѣнка съ низкими, округленными зубцами, между которыми можно класть для стрѣльбы крѣпостныя ружья. — Около крѣпости находится аулъ изъ нѣсколькихъ кибитокъ. Подѣзжая къ Яны-Кургану, Дащанъ затѣялъ устроить парадный вѣздъ, и собралъ всю свою партію, до тѣхъ поръ ѣхавшую врозь. Нужно было показать лицомъ захваченныхъ лошадей, оружіе, особенно плѣнника, и плѣнника не изъ рядовыхъ, какого не захватывала до тѣхъ поръ ни одна коканская партія. Меня пересадили съ коканскаго иноходца на бывшую мою лошадь и пригласили ѣхать рядомъ съ Дащаномъ, который, съ гордой осанкой, съ выраженіемъ полнѣйшаго самодовольства на лицѣ ѣхалъ рысью на своемъ прекрасномъ гнѣдомъ карабаирѣ, т. е., помѣси аргамака съ простой киргизской породой.

Этотъ дивный конь, проѣхавши съ небольшимъ въ двое сутокъ 340 верстъ, почти безъ корма, еще былъ въ тѣлѣ, бодро раздувалъ ноздри, храпѣлъ и игралъ подъ удалымъ сѣдокомъ, то-и-дѣло приподнимаясь неинного на дыбы, когда тотъ, слегка понуждая ногами, укорачивалъ поводья, чтобы насладиться огнемъ своего неутомимаго скакуна.

И всадникъ на видѣ не уступалъ коню, стройный, съ пра-

вильнымъ выразительнымъ лицомъ, съ радостью удачнаго набѣга во взглядѣ быстрыхъ черныхъ глазъ, и въ платьѣ, не портившемъ его наружности, а щеголевато скроенномъ по росту и стану, что у киргизовъ и коканцовъ величайшая рѣдкость: только на Дащанѣ и видѣлъ. Подтянутый шелковымъ поясомъ, коричневый изъ тонкаго сукна халатъ не былъ засаленъ, а только въ пыли, хотя и поношенный; даже видѣвшаяся изъ подъ него рубашка почти чистая!!

И откуда взялась такая опрятность у киргиза?!

Я представлялъ печальный контрастъ съ этимъ красивымъ наѣздникомъ и ѣхалъ едва держась на сѣдлѣ отъ усталости, весь покрытый запекшейся кровью съ пылью: и лицо, и платье, и шляпа. Но я чувствовалъ только усталость, а не стыдъ быть трофеемъ разбойника; мои раны, изъ которыхъ кровь еще сочилась, хотя и не капала уже на дорогу, объясняли и оправдывали плѣнъ.

Садясь на лошадь, я замѣтилъ, что сѣдло безъ подушки, и спросилъ ее у Дащана. Тотъ передалъ мое желаніе захватившему ее, передалъ и мнѣ его отвѣтъ: что если Дащанъ заставитъ его отдать мнѣ подушку, такъ онъ меня убьетъ. Такъ отвѣчалъ изрубившій меня коканецъ. Я не настаивалъ и поѣхалъ безъ подушки, хотя и съ болью въ ногахъ; но ѣхать оставалось всего версты двѣ.

Такъ мы вѣхали въ Яны-Курганъ, гдѣ я, сходя съ лошади, былъ тотчасъ представленъ коменданту, который ожидалъ насъ въ пріемной залѣ, т. е., подъ навѣсомъ у своего глинянаго домика, подпертомъ рѣзными деревянными столбиками. Полъ былъ устланъ кошмами; самъ комендантъ сидѣлъ на коврикѣ, поджавши ноги.

Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, малорослый, худой, съ выдающимися скулами, рѣдкой бородкой, черной съ просѣдью, съ мелкими чертами и лукавымъ выраженіемъ лица. Со мной впрочемъ оказался привѣтливъ; когда я сѣлъ, или вѣрнѣе прилегъ, подпирая голову рукой, мнѣ подъ локоть тотчасъ подложили сѣдельную подушку, и, прежде начала допроса, комендантъ угостилъ меня чаемъ и изюмомъ, который подается въ Коканѣ къ чаю вмѣсто дорогаго тамъ сахара. Распрашивалъ онъ меня о томъ же, какъ и Дащанъ

съ братомъ, которые теперь служили переводчиками, но мнѣ подробно; отвѣты были тѣ-же, и повторять я ихъ здѣсь не буду. Послѣ допроса началась у комендата съ братьями Дащанъ бесѣда на татарскомъ языкѣ, во время которой моя голова какъ-то сама опустилась на подложенную подъ локоть подушку, и я заснулъ глубокимъ сномъ, неизбѣжнымъ послѣ проѣзда ста семидесяти верстъ верхомъ въ одни сутки. Когда я проснулся, были уже сумерки; я услышалъ шумъ шаговъ входящаго киргиза, поглядѣлъ полузакрытыми глазами, не перемѣняя положенія, и увидалъ, что народъ, собравшійся въ этой пріемной, когда меня ввелъ, разошелся, коменданта и Дащана то-же не было, а около меня стоялъ киргизъ, молча указывалъ на меня вошедшему, мигалъ и объяснялъ жестами, чтобы тотъ не шумѣлъ. Полежавши такъ нѣсколько минутъ, я приподнялся; тогда только-что вошедшій киргизъ унесъ бывшую у меня сѣдельную подушку, а нѣкоторые другіе, коканцы и киргизы, съ саблями, повидимому яны-курганскаго гарнизона, обступили меня и спрашивали: Дащанъ батырь?

— Ие (да), Дащанъ батырь, отвѣчалъ я; а на вопросъ: Худай-Бергенъ батырь? я опять отвѣчалъ, съ полной готовностью и самымъ невиннымъ видомъ, что и Худай-Бергенъ батырь. Послѣдній вопросъ былъ сдѣланъ мнѣ однако суровымъ и подозрительнымъ тономъ: читатель припомнить, что Худай-Бергенъ былъ именно застрѣленный мною коканецъ. Но тогда, не знаю почему, мнѣ показалось, что такъ зовутъ яны-курганскаго коменданта (а его звали Джабек-Біемъ), и мой невинный видъ былъ непритворенъ.

На томъ разговоръ и остановился; меня отвели въ кибитку, внутри крѣпости, гдѣ я нашелъ лепешку, чашку айрыана и приготовленную постель, т. е., кошму и сѣдельную подушку. Выпивши айрыана и слегка закусивши, я вскорѣ заснулъ.

На другой день, 28 апрѣля, рано утромъ, пришелъ ко мнѣ Дащанъ и объявилъ, что оставляетъ меня на день или на два въ Яны-Курганѣ отдохнуть, въ той же кибиткѣ, пока сѣздитъ въ аулъ; а потомъ возьметъ меня въ свой аулъ, гдѣ я и останусь до освобожденія; а для того, чтобы ходить

за мной и исполнять всѣ мои желанія, онъ оставляетъ при мнѣ меньшаго брата, который будетъ, говорилъ, къ моимъ услугамъ и кстати переводчикомъ, — а настоящий смыслъ этихъ учтивыхъ фразъ былъ тотъ, что я оставался въ Яны-Курганѣ подъ присмотромъ его меньшаго брата.

Послѣдній былъ лѣтъ двадцати, красивый и ловкій малый, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, молодыми тонкими усиками, и больше ростомъ, чѣмъ старшіе братья. Онъ дѣйствительно оказался услужливъ: но я отъ него почти ничего и не требовалъ. По русски онъ выговаривалъ чисто, но зналъ очень мало; въ набѣгѣ не участвовалъ, также какъ и въ прочихъ разбояхъ Дацана, а перекочевалъ къ нему, когда тотъ уже поселился въ коканскихъ владѣніяхъ.

Присмотръ его былъ не строгій, да строгій и не былъ нуженъ; я все лежалъ.

Ухода за мной не было, хотя для ранъ и было бы полезно хоть обмыть ихъ и перевязать, но онѣ остались безъ всякаго попеченія. Мой молодой прислужникъ, или надзиратель, называйте его какъ хотите, доставилъ мнѣ пищи — опять лепешекъ и айрына; для разнообразія, видя что я плохо пью айрянъ, принесъ и молока. Отдохнувши и насытившись, для чего потребовалось очень мало пищи, я пожелалъ курить; онъ мнѣ досталъ табакъ, устроилъ и трубку изъ сырой глины съ камышевымъ чубукомъ. — Коканскій табакъ хорошъ, въ родѣ турецкаго; я его видалъ не иначе какъ въ листахъ, которые курящій крошитъ самъ, пальцами, по мѣрѣ надобности; цѣна 5 коп. фунтъ. Курилъ я со вкусомъ, и это меня обрадовало, какъ признакъ уже возвращающагося здоровья; и онъ курилъ со мной весьма дружелюбно.

Пробовали и побесѣдовать, но съ малымъ успѣхомъ: онъ зналъ по русски, какъ я по татарски.

Постороннихъ посѣтителей не было, и я спалъ большую часть дня, что не помѣшало мнѣ очень хорошо спать и ночью. Были тревожныя мысли, была и грусть, особенно при мысли, какъ-то извѣстіе о моемъ плѣнѣ подѣйствуетъ на мое семейство; но я старался болѣе думать о близкомъ освобожденіи. Мнѣ нужна было бодрость, спокойное, неунывающее расположеніе духа, чтобы дѣйствовать на кокан-

цевъ для своей цѣли, — и я не предавался тяжелымъ мыслямъ, а боролся съ ними и настроивалъ себя, какъ считалъ нужнымъ. А насчетъ сна — усталость браня свое, и истощение то-же.

На слѣдующее утро, 29 апрѣля, вернулся Дащанъ изъ аула и повелъ меня къ яны-курганскому коменданту на переговоры объ условіяхъ моего освобожденія. Были повторены всѣ рассказанныя выше объясненія, которыя я дѣлалъ Дащану дорогой — и положили послать коканца за задаткомъ выкупа, съ письмомъ отъ меня начальнику сырдарьинской линіи, котораго я просилъ отдать изъ находившихся въ фортѣ Перовскомъ моихъ денегъ сто золотыхъ, т. е., почти всѣ, а дополненіе къ суммѣ выкупа, которая была положена въ пятьсотъ золотыхъ, дать мнѣ въ займы при возвращеніи моемъ изъ плѣна. Было и письмо къ семейству, которое я просилъ отправить, если уже послано туда извѣстіе, что я пропалъ безъ вѣсти; а въ противномъ случаѣ удержать до моего освобожденія.

Впослѣдствіи я узналъ, что ни одно изъ моихъ писемъ не было отправлено, какъ расскажу въ свое время.

Въ ожиданіи возвращенія посланнаго, который долженъ былъ отправиться въ фортъ Перовскій, на слѣдующій день, 30 апрѣля, мнѣ было положено жить не въ Яны-Курганѣ, а у Дащана въ аулѣ, къ западу отъ сѣвернаго конца горы Угузь-Міазъ. Часа въ два по полудни (судя по солнцу) мы туда и отправились; ѣхали Дащанъ съ братьями и съ женой, какой-то старый киргизъ, и я. Надъ хребтомъ Кара-Тау и подъ Угузь-Міазомъ собирались тяжелыя тучи, а на Кара-Тау были уже видны полосы дождя, которыя вскорѣ скрыли хребтъ изъ вида.

Мы ѣхали травяной степью; но не ковыльной и не джусанной*). Тутъ были незнакомыя мнѣ растенія и много мотыльковыхъ, съ перистыми листьями, вѣроятно *Astragalus*. Направо отъ дороги тянулась возвышенность Угузь-Міаза, повидимому не крутая, съ слабо-волнистыми очертаніями, такъ что бычій рогъ (что значить ея имя) эта гора пред-

---

*) Джусанъ — мелкая, очень душистая полынъ съ желтыми цвѣтками.

ставляетъ не стоящій, а развѣ лежащій на землѣ; вогнутая сторона обращена къ западу.

Трава въ степи росла не слишкомъ часто и уже начала вянуть. Дождя ждала эта трава, и не напрасно; я видѣлъ какъ онъ подвигался-отъ Кара-Тау къ рѣкѣ, косвенно, съ сѣверо-запада, а съ сѣверо-востока шла туча по Угузь-Міазу. Нашъ путь направлялся къ встрѣчѣ этихъ тучъ, и вскорѣ мы основательно промокли; сверхъ халата, заправленнаго по киргизски въ кожаное нижнее платье, я надѣлъ пальто, которое мнѣ Дащанъ въ Яны-Курганѣ возвратилъ, и все-таки промокъ до костей и прозябъ порядочно. Запасъ усталости и ломоты во всемъ тѣлѣ, собранный еще на дорогѣ въ Яны-Курганъ и скрывавшійся, пока я отдыхалъ, то-же скоро далъ себя почувствовать, и поѣздка казалась мнѣ непроходимо долгой, а отъ сокращенія ея скорой ѣздой мои силы отказывались. Я скоро отсталъ далеко отъ спутниковъ, отсталъ со мной и упомянутый уже старикъ, который мнѣ съ участіемъ говорилъ что-то по киргизски — но я не понималъ, и конечно отвѣчалъ только: джерайдъ.

Дождь хоть и казался мнѣ очень долгимъ, но въ сущности продолжался часа полтора, много два; когда онъ кончился, къ намъ двумъ присоединилась еще спутница, жена Дащана, красивая молодая женщина и, судя по взглядамъ и ужимкамъ, кокетка порядочная. Она была бѣлая и румяная, съ черными быстрыми глазами, правильными чертами и европейскимъ окладомъ лица; на ея костюмъ я не обратилъ особеннаго вниманія; кажется, женскій общекиргизскій, т. е., халатъ и шаравары, какъ у мужчинъ и только на головѣ женскій уборъ, бѣлый платокъ, намотанный въ видѣ высокаго цилиндра. Волосъ однако она не прятала, какъ вообще дѣлаютъ киргизки, и они выказывались изъ-подъ головного убора, черные, густые, шелковистые, старательно причесанные. Не смотря на неизящность киргизскаго женскаго наряда, видно было, что эта женщина занимается своей наружностью. Верхомъ ѣхала очень ловко, но по мужски, какъ всѣ киргизски, то рядомъ съ нами, то пускалась впередъ и потомъ опять поджидала. Подъѣзжала болѣе ко мнѣ, заговаривала, по киргизски, съ немногими русскими словами;

помню что она мнѣ сказывала, что у нихъ весело, женщинъ много, особенно въ Туркестанѣ, что женщины хороши (джаксы), при чемъ она кивала головой и лукаво улыбалась, придавая этимъ двусмысленное выраженіе похвалѣ своихъ землячекъ, а ѣхавшій съ нами старикъ хмурился. Наконецъ она поскакала отъ насъ къ мужу, и вслѣдъ за тѣмъ мы увидали аулъ; солнце опять свѣтило. Мы ѣхали всего часовъ пять, все по отлоному подъему, а проѣхали верстъ двадцать пять или тридцать. Кара-Тау казалось уже не далеко; видны были лощины на горахъ; Угузъ-Міазъ оставался сзади, вправо. Ауль, кибитки въ четыре, былъ на берегу быстрого, свѣтлаго ручья, вытекающаго изъ Кара-Тау; трава тутъ росла гуще и лучше, чѣмъ въ остальной, проѣханной нами изъ Яны-Кургана степи. Невдалекѣ виднѣлись еще кибитки.

Я былъ приглашенъ войти въ дащанову кибитку, просторную и опрятную. Она была хорошо убрана, т. е., съ новыми коврами и красивыми сундуками. Скоро послѣлъ чай; мнѣ подали чашку и трубку. Чай разливала хозяйка, сидѣвшая между мной и своимъ мужемъ; она меня подчивала очень внимательно и любезно, а по временамъ просто стрѣяла въ меня взглядами, но мнѣ было не до того, да и въ ней я могъ возбуждать развѣ жалость, ибо смотрѣлъ весьма жалко. Впрочемъ, запекшаяся на лицѣ и на платьѣ кровь была съ меня отчасти смыта дождемъ. Или пробовала степная кокетка развлечь меня отъ ранъ и плѣна, для удовлетворенія своего женского самолюбія?

Дашанъ то-же обращался со мной, какъ добрый, гостепріимный хозяинъ съ дорогимъ гостемъ. Во время чая онъ говорилъ мнѣ, что я у него скоро отдохну и поправлюсь, такъ что буду въ состояніи ѣхать домой, только что гонецъ изъ Яны-Кургана въ фортъ Перовскій вернется, и рекомендовалъ мнѣ, для заживленія ранъ и укрѣпленія силъ, лѣчение холодной водой, т. е., частыя, раза по два въ день, купанья въ рѣчкѣ, протекающей у аула.

Кстати объ чаѣ; это былъ не кирпичный, а обыкновенный черный чай, какъ въ Россіи двухрублевый. Коканцы его получаютъ изъ Кагигара, и, сверхъ собственнаго потре-

бленія, продають еще въ Бухару, откуда онъ идетъ и на нашу сыр-дарьинскую линію, т. е., это было до войны Кокана съ Бухарой въ 1858 г., вскорѣ послѣ моего плѣна. Кирпичнаго чая не употребляютъ ни коканцы, ниже киргизы оренбургскаго вѣдомства; это напитокъ монголовъ и калмыковъ, зюнгорскихъ и волжскихъ. Отъ калмыковъ переняли его употребленіе изъ киргизовъ только кочующіе вмѣстѣ съ калмыками и по сосѣдству, въ Зюнгоріи и Семирѣцкомъ краѣ, и тамошніе казаки сибирскаго войска.

Напившись чая, я былъ приглашенъ ночевать къ старшему брату Дащана (но не самому старшему), который жилъ въ особой кибиткѣ. Тамъ, за занавѣсью изъ повѣшеннаго ковра, была моя постель, и я тотчасъ заснулъ.

Всѣхъ ихъ было четыре брата; Дащанъ третій, но глава семейства, въ противность обычаямъ родоваго старшинства, которые и у киргизовъ соблюдаются; а объяснялась эта аномалія тѣмъ, что братья признали его превосходство, какъ батыря, участвовавши прежде иногда (кромѣ самаго младшаго) въ его разбойничьихъ наѣздахъ, только тайкомъ. Тотъ братъ, у котораго я теперь ночевалъ и который меня первый допрашивалъ, вскорѣ послѣ моего взятія въ плѣнъ, служилъ прежде въ русской службѣ, какъ уже сказано, почтаремъ и жожакомъ; но, какъ и прочіе два, перекочевалъ къ Дащану въ Коканъ, чтобы не пришлось вознаградить изъ своего имущества ограбленныхъ Дащаномъ.

На слѣдующій день, тридцатаго, меня разбудили на зарѣ; Дащанъ сказалъ, что нужно ѣхать въ Туркестанъ, представиться тамошнему даткѣ, или губернатору. Я напомнилъ объ условіи, что мнѣ до возвращенія гонца посланнаго въ фортъ Перовскій, положено жить у него въ аулѣ; онъ отвѣчалъ, что датка прислалъ нарочнаго, съ приказаніемъ меня представить, и что онъ не смѣетъ послушаться начальника. На вопросъ мой, кто же успѣлъ дать знать въ Туркестанъ обо мнѣ, онъ отвѣчалъ, что это сдѣлалъ яны-курганскій комендантъ; но что впрочемъ я вернусь къ нему въ аулѣ, и сказалъ, для объясненія того, что такъ скоро успѣлъ гонецъ обернуться, что Туркестанъ близко, всего верстахъ въ пятидесяти.

Все это мнѣ показалось весьма сомнительнымъ; я чувалъ ложь въ дащановыхъ словахъ, и впослѣдствіи, — какъ въ свое время объясню, — дѣйствительно узналъ, что онъ не ошибался, а прямо и сознательно лгалъ. Начиная съ того, что до Туркестана оказалось не пятьдесятъ верстъ, а почти сто пятьдесятъ, т. е., за вычетомъ отдыховъ и ночлеговъ, тридцать часовъ ходкаго лошадинаго шага. Но Дащанъ вѣроятно лгалъ, чтобы позолотить горькія пилюли, которыми онъ меня угощалъ.

Только, какъ уже сказано, я смѣкалъ обманъ, и тяжело мнѣ стало на душѣ; надежда на освобожденіе уменьшалась значительно. Однако, дѣлать было нечего; и, вмѣсто безполезныхъ жалобъ, я спросилъ пальто, которое послѣ вчерашняго дождя отдалъ сушить. Пальто не нашлось (а было оно суконное, что киргизы любятъ, длинное и широкое, и удобное для перешивки на халатъ по дащанову росту); Дащанъ мнѣ сказалъ, что все равно, искать теперь некогда, но въ аулѣ не пропадетъ, и когда вернусь будетъ къ моимъ услугамъ.

За тѣмъ я спросилъ и получилъ сѣдельную подушку помягче, такъ какъ мнѣ уже больно было отъ прежней ѣзды на сѣдлѣ сидѣть, и объявилъ, что чувствую себя весьма не хорошо, иначе какъ шагомъ до Туркестана не доѣду, что Дащанъ пусть приметъ къ свѣдѣнію, если хочетъ меня туда живымъ доставить.

Такъ мы и поѣхали; дорога шла черезъ низкій, отлогій увалъ, соединяющій Угузъ-Міазъ съ Кара-Тау, который оставался влѣво, верстахъ, повидимому, въ двадцати. За этимъ уваломъ, въ зеленѣющей лощинѣ, бѣжалъ изъ горъ ручей и раздѣлялся на два рукава, каждый не шире полутора аршина, но полноводный; вода, до аршина глубины въ каждомъ протокѣ, текла вровень съ сочной травой береговъ, быстрая, прозрачная, свѣжая. Славный былъ ручей; много ихъ я видѣлъ дальше, да не такихъ; тѣ текутъ въ овражкахъ, между голыми глиняными обрывами; приблизительно на каждыя 15-20 верстахъ есть ручей, вытекающій изъ Кара-Тау.

Нашъ путь шелъ травяной степью; ѣхали мы больше безъ дороги, руководствуясь направлениемъ хребта Кара-Тау,

и выходило не прямо: то къ сѣверу-востоку, то къ юго-востоку.

Поверхность степи тутъ волнистая; не глубокіе овраги, въ которыхъ текутъ рѣчки, вьются въ плоскихъ лощинахъ съ длинными отлогими скатами. Въ этихъ лощинахъ и сидятъ аулы у ручьевъ; у нѣкоторыхъ есть небольшія пашни и бахчи съ арбузами, орошаемыя канавами изъ ручья; и вообще въ лощинахъ трава лучше, а на увалахъ между ними — тощая и плохая, и уже 30-го апрѣля отчасти увядшая.

Почва вездѣ суглинокъ; ближе къ Угузъ-Міазу красный, желѣзистый, какъ подь Оренбургомъ, а далѣе желто-буроватый, и вездѣ съ галькой, только съ лошади я не разглядѣлъ, изъ какихъ горныхъ породъ она состоитъ, а сходить было некогда; жаль, потому что эта галька могла бы хотъ намекнуть на геогностическое построеніе Кара-Тау.

Дорогой я молчалъ, примѣчалъ мѣстность, высматривалъ животныхъ и птицъ, но безъ очковъ, съ близорукими глазами, не могъ всего ясно разглядѣть. Сильно меня занимали, сѣрые кулики, которыхъ, какъ мнѣ казалось, я прежде не встрѣчалъ въ степи. Въ этой они гнѣздились, и я видѣлъ ихъ парами. Цвѣтъ, котораго подробностей я разглядѣть не могъ, былъ вообще темносѣрый, какъ у кречетка (*Vanellus gregarius*), и ростъ такой же; но полетъ иной, куличій. Кречетки впрочемъ то-же попадались, хотъ и рѣже, чѣмъ эти загадочные кулики; они мнѣ издали казались совершенно на нихъ похожими, но я ихъ узнавалъ по чибесовому полету. Были еще жаворонки, и разъ я видѣлъ вдали пролетѣвшаго орла; но особенно часто попадались земляныя черепахи, которыя медленно, на самое малое разстояніе отползали, сторонясь отъ нашихъ лошадей, останавливались и безсмысленно смотрѣли на проѣзжающихъ. И черепахи, и кулики, и жаворонки чаще встрѣчались на увалахъ, чѣмъ въ лощинахъ.

Вечеромъ, 30-го, мы подѣхали ближе къ Кара-Тау, который все-таки оставался верстахъ въ пятнадцати. Сходство его вида съ Мугоджарами продолжалось; чисто степной хребетъ. Лѣсовъ и тутъ не замѣтно; но по сказанію киргизовъ, есть тутъ, на сѣверномъ склонѣ, кара-агачъ, т. е., черный

лѣсъ: родъ высокорослаго можжевельника, судя по опоясиамъ и по видѣннымъ обрачкамъ дерева, которое въ Туркестанѣ идетъ на постройки.

Здѣсь, ближе къ хребту, мѣстность холмистѣе; увалы чаще и круче, между ними часто сухія лощины, направляющіяся къ рѣчкамъ. Рѣчка, у которой мы ночевали, течетъ въ довольно высокихъ, часто обрывистыхъ берегахъ; довольно круты и края ея узкой долины. Въ этотъ день мы дѣревьевъ въ степи не видали; но на слѣдующій, по полудни и уже ближе къ Туркестану, верстахъ примѣрно въ тридцати, я замѣтилъ у одной изъ многихъ рѣчекъ этого края садъ, уже одичавшій и разросшійся. Постояннаго жилья тутъ не было; я замѣтилъ только аулы. Версть пятнадцать дальше, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы остановились ночевать, въ аулѣ у рѣчки.

Въ оба дня мы отдыхали и среди дня; и привалы и полегчи были въ аулахъ, гдѣ насъ принимали радушно, угощая айрянномъ и бараниной; въ одномъ аулѣ нашелся и кумысъ, которымъ Дащанъ меня подчивалъ. Я всегда отставалъ и меня никто не торопилъ, но со мной оставался провожатый киргизъ. Поспѣвать за другими я уже не могъ; силы отказывались. Приѣзжая въ аулъ, гдѣ уже отдыхала ѣхавшая со мной партія, я бывалъ всегда встрѣченъ кѣмъ нибудь изъ приѣхавшихъ раньше, который провожалъ меня въ лучшую кибитку, гдѣ расположились Дащанъ съ братомъ (участвовавшимъ въ набѣгѣ) и несъ за мной сѣдельную подушку; а въ кибиткѣ я находилъ уже приготовленную постель и почти тотчасъ засыпалъ; для ѣды меня будили, но, аппетитъ былъ самый ничтожный, а жажда все продолжалась, и я пилъ много воды.

Ѣзда, какъ и очень естественно, утомляла меня, что дальше то больше; подѣзжая къ Туркестану, я едва держался на лошади, и чувствовалъ во всѣмъ тѣлѣ невыносимую ломоту. Арчакъ киргизскаго сѣдла очень безпокоитъ, а подушка мала; нужна особая сноровка держать ноги, чтобы не натереть ихъ въ кровь; у меня этой сноровки не было, и всѣ части ногъ, тершіяся объ сѣдло, представляли сплошную кровянистую рану, которая зажила только въ концѣ юня,

почти черезъ два мѣсяца. Мѣста у щиколки, гдѣ была ссажена кожа прежней привязью ногъ къ стременамъ, уже зажившія въ Яны-Курганѣ, опять прикинулись болѣть; на груди, кругомъ раны, затянутый струпомъ, образовалась огромная опухоль, которая доходила до другой раны подь мышкой, и другая опухоль на лѣвой рукѣ, выше кисти. Близъ Туркестана, еще дорогой, сошелъ впрочемъ струпъ съ грудной раны и полилась обильная сукровица, опухоль стала опадать.

Въ такомъ жалкомъ видѣ я подѣзжалъ къ Туркестану, 2 мая утромъ, еще далеко хуже, чѣмъ къ Яны-Кургану; а утро было опять, какъ и всякій день, превосходное. Влѣхавши на уваль, верстахъ въ десяти отъ города, мы увидали его; городъ въ долинѣ, на рѣчкѣ Карачакъ, и скать къ нему крайне отлогій. Видѣлась темная полоса зелени, а надъ ней куполъ большой мечети Азретъ-Султана, весьма уважаемаго въ Коканѣ святаго, и что ближе, то красивѣе. Верстахъ въ трехъ отъ города кончалась степь; тутъ была первая канава, отведенная изъ рѣчки, которая, впрочемъ, вся раздроблена на множество канавъ, сходящихся опять въ общее русло ниже города. Вода въ этихъ канавахъ свѣтлая, проточная, теченіе быстрое, и весело журчатъ эти воды, сверкая на солнцѣ среди яркой зелени луговъ и полей, съ просомъ и джугарой *), которыя ими орошаются. Мѣстами видѣлись небольшіе разливы; густо, роскошно растутъ деревья въ садахъ, окружающихъ Туркестанъ непрерывнымъ поясомъ; только кое-гдѣ видна изъ-за деревьевъ глиняная стѣна, и надъ всѣмъ этомъ цвѣтушимъ пейзажемъ, который кажется еще свѣжѣе и роскошнѣе послѣ однообразной окрестной степи, господствуетъ огромный, луковичный узорчатый куполъ мечети, а влѣво синѣетъ Кара-Тау, который тутъ выше и величественнѣе, чѣмъ противъ Яны-Кургана. Проѣхали мы поясъ луговъ и полей, проѣхали и черезъ поясъ садовъ, и видѣли у стѣны лужи; стѣна какъ въ Яны-Курганѣ глиняная, и городъ то-же квадратный, каждая сторона около версты; вѣхали... что ближе къ городу то хуже,

---

*) Сахарное сорго, отъ котораго, впрочемъ, употребляется болѣе зерно и листья на кормъ скота.

уже въ переулкахъ между садами, а городъ и того хуже, какъ и подобаеть быть азіатскому городу. Улицы, разумеется, не ровны, не мощены, выбиты прохожими и проѣзжими верблюдами и лошадьми, узки, и только на нихъ и видно, что глиняныя стѣны, въ ростъ верховаго, одного цвѣта съ землей. Такъ описываютъ и Бухару, Хиву, Самаркандъ и т. д. Окнонъ нѣтъ нигдѣ на улицу; домики, пренизкіе, прислонены къ какой-нибудь изъ четырехъ стѣнъ, окружающихъ квадратныя дворики; гдѣ есть досчатые двери во дворъ, гдѣ и просто, вмѣсто двери, ограда прерывается аршина на полтора, но дома большей частью не видно: онъ не противъ этого отвѣртія, а съ боку или въ углу. Пусто, мертво; зелени не видно, ни на улицахъ, ни на дворахъ ни дерева, ни травки; киргизское кладбище съ своими разнообразными могилами привѣтливѣе смотритъ и болѣе похоже на обитаемое мѣсто, чѣмъ эта путаница переулковъ, идущихъ между однообразными, грязно-сѣроватаго цвѣта оградами..... Сердце сжалось; меня тѣснили эти слѣпыя и глухія стѣны, этотъ окаменѣлый образъ неволи, плѣна..... Я его едва чувствовалъ на просторѣ степи, или въ киргизской кибиткѣ; тамъ плѣнъ былъ разсудочной идеей, тамъ я чувствовалъ усталость, ломоту, боль отъ ранъ, грусть отъ мысли, что не увижусь можетъ быть съ своими — здѣсь я почувствовалъ самый плѣнъ, какъ непосредственное впечатлѣніе, больнѣе и ранъ и усталости, да и теперь, какъ вспоминаю и пишу, меня дрожь обдаетъ.... Легко, порой пріятно было писать предъидущія страницы, вспоминать картины природы, и свою борьбу съ врагомъ, и усилія освободиться, которыя Богъ благословилъ впоследствии свободой; но тяжела мнѣ вышла эта страница....

До этого мучительнаго впечатлѣнія, я все думалъ о выздоровленіи, объ освобожденіи, о свиданіи съ своими; здѣсь, въ этомъ душномъ городѣ я оглянулся на раны, и кольнула меня въ первый разъ мысль: умереть мнѣ здѣсь, истомившись предварительно, оторванному отъ всего, что мнѣ дорого или хоть привычно, просто погибнуть, пропасть, какъ пропадаетъ вырванная и брошенная трава.

Проѣхавши нѣсколько переулковъ и не встрѣтивши ни души, мы стали подъѣзжать къ базару; тамъ сдѣлалось

люднѣе. Ъхавшіе со мной киргизы со смѣхомъ показывали мнѣ коканскихъ женщинъ съ закрытымъ лицомъ: вокругъ лица рамка какая-то, а на ней натянута черная матерья, не то въ родѣ тарлатана, не то волосяная, какъ сито. Вскорѣ народъ сталъ толпиться около насъ; многіе мальчпкн бѣжали уже не по улицѣ, а по оградамъ, между которыми идетъ улпца, и кричали: Урусъ! урусъ! т. е., русскій, подзывая товарищей посмотреть. Другихъ восклицаній я не слыжалъ, и во все пребываніе въ ханствѣ не испыталъ, чтобы коканцы ругались надъ иновѣрнымъ плѣнникомъ, какъ дѣлають многіе другіе мусульманскіе народы.

Базаръ состоялъ изъ такихъ же улицъ какъ и прочія, пошире немножко, и одна расширена даже въ родѣ площади. Лавки—открытые спереди навѣсы, прислоненные къ глинянымъ оградамъ.

Вообще туркестанскія улицы коротки, и отправляясь куда-нибудь въ городъ, всегда ѣдешь зигзаками. Такъ мы доѣхали до двора одного дома, гдѣ Дащанъ останавливался въ Туркестанѣ; домъ былъ прислоненъ къ углу ограды, противъ воротъ. Дащанъ съ братомъ вошли и тотчасъ вышли; я остался верхомъ, и мы опять выѣхали и отправились къ туркестанскому даткѣ, или губернатору; насъ провожала толпа народа, и такъ мы подъѣхали къ городской цитадели, которая окружена особой стѣной, такой же глиняной, какъ и городъ. Цитадель четырехъ-сторонняя, а одна сторона, какъ мнѣ показалось, прислонена къ обще-городской стѣнѣ. Въ этой цитадели живеть датка, его офицеры, и гарнизонъ; тамъ же большая мечеть Азретъ-Султана, и еще другая, по меньше, но то-же старинная и лучшей постройки, чѣмъ теперешнія туркестанскія строенія. Единственныя ворота въ цитадели пробиты въ стѣнѣ напротивъ той стороны, которая прислонена къ обще-городской стѣнѣ. У стѣны, отъ воротъ влѣво, если смотрѣть съ наружи, стоятъ шесть пушекъ; за ними, снаружи стѣны, навѣсъ для главнаго караула. Кругомъ цитадели широкій и глубокій ровъ съ водой, черезъ него у воротъ мостъ, какъ въ Яны-Курганѣ. Вышина стѣны, на глазомѣръ, около 3-4 сажень.

Мы въѣхали въ ворота, отъ которыхъ идетъ шаговъ на двадцать крытый ходъ; тамъ были большія крѣпостныя ружья, прислоненныя къ стѣнамъ, солдаты въ чалмахъ и халатахъ съ саблями и ружьями; ружья фитильныя; тотчасъ за этимъ ходомъ стояли на привязи нѣсколько прекрасныхъ, богато осѣдланныхъ аргамаковъ, у которыхъ каждая жила была видна подъ тонкой кожей. Тутъ представилась улнца; опять такія же глиняныя ограды, какъ и въ городѣ. У первыхъ воротъ на лѣво мы сошли съ лошадей, и вошли во дворъ, гдѣ стояло опять нѣсколько аргамаковъ; потомъ нѣсколько ступеней еще ограда, и второй дворъ, а тамъ уже и жилище датки. На дворѣ были разсланы кошмы и ковры, на нихъ сидѣло множество коканцевъ въ парадныхъ халатахъ; это было 2-го мая, какой-то мусульманскій праздникъ, и датка угощала почетныхъ жителей города. Самые почетные сидѣли вмѣстѣ съ нимъ, подъ навѣсомъ, на широкомъ крыльцѣ; а я помѣстился на дворѣ, на коврѣ, вмѣстѣ съ Дащаномъ и его братомъ. Угощеніемъ распоряжался какой-то сморщенный, худенькій, древній старикъ, въ преузорчатомъ шелковомъ халатѣ; я его принялъ за датку, но ошибочно; когда мы сѣли, принесли и намъ нашу порцію плову въ низкихъ широкихъ чашкахъ; Дащану съ братомъ подали еще, въ чашкахъ поменьше, приправу, какой-то фаршъ, миѣ не подали. Тутъ одинъ изъ сидящихъ рядомъ съ упомянутымъ старичкомъ, взглянувши въ нашу сторону, приказалъ ему что-то; тотъ поклонился и миѣ то-же подали приправу, вкусную, но пряную, что миѣ было нездорово; я только отвѣдалъ. Тутъ я увидалъ свою ошибку, по поклону старика; датка былъ одѣтъ проще, въ красномъ шелковомъ халатѣ, высокій, полный мужчина среднихъ лѣтъ.

Послѣ угощенія меня стали спрашивать; переводилихъ вопросы то Дащанъ, то подсѣвшій ко миѣ переводчикъ изъ Туркестана; они же передавали мои отвѣты. И вопросы, и отвѣты были тѣ-же, какъ прежде, и датка уже зналъ о предстоящей поѣздкѣ оренбургскаго генераль-губернатора въ степь, и беспокоился ею; а я опять отвѣчалъ, что если меня освободятъ, такъ беспокоиться нечего, а если останусь въ плѣну, такъ генераль измѣнитъ свои мирныя намѣренія, такъ

какъ на Сыр-Дарьѣ у насъ войскъ довольно для разгрома всего ханства.

Послѣ допроса, принесли даткѣ шелковый халатъ; онъ его надѣлъ, опять снялъ, и отправилъ къ Дащану. Это былъ почетный халатъ за удачный набѣгъ; послѣ я узналъ, что Дащанъ еще получилъ за взятіе меня въ плѣнъ чинъ юз-баши, въ буквальномъ переводѣ сотеннаго головы.

Наша аудіенція кончилась; я отправился съ дащановымъ братомъ и туркетанскимъ переводчикомъ, и хотѣлъ было сѣсть опять на лошадь, чтобы ѣхать въ дащановъ домъ, какъ было условлено съ нимъ; между тѣмъ туркестанскій переводчикъ приглашалъ меня идти съ нимъ, а я ему объяснилъ наше условіе съ Дащаномъ, братъ котораго, покраснѣвши и опустивши глаза, поспѣшилъ перебить этотъ разговоръ и сказалъ мнѣ, что наши условія измѣнены распоряженіемъ датки, и что я въ Туркестанѣ погощу у этого переводчика, который самъ русскій. А потомъ уѣдемъ въ аулъ? спросилъ я. Да, отвѣчалъ онъ съ большимъ замѣшательствомъ и убѣжалъ.

А смутило его то, что его и его брата лжи выходили наружу, и туркестанскій мой землякъ смотрѣлъ на него весьма неодобрительно. Мнѣ дорогой было сказано, что я въ Туркестанѣ ѣду только показаться и представиться даткѣ, что отдохну тамъ дня два-три, у Дащана, который меня пождетъ, а потомъ вернемся къ нему въ аулъ, откуда я, уже свободный, возвращусь въ фортъ Перовскій.

Мой новый проводникъ повелъ меня подъ крѣпостныя ворота, и мы вошли, черезъ низкую дверь, въ темную пустую комнату. Стѣны были глиняныя, полъ глиняный, вмѣсто потолка камышевая плоская крыша, внутри обѣленная то-же глиной, отчасти обвалившейся, на кривыхъ стропилахъ; вмѣсто окна дырка въ стѣнѣ, въ которую развѣ пятилѣтнему ребенку съ трудомъ пролѣзть — таково было мое первое помѣщеніе въ Туркестанѣ, весьма похожее на тюрьму, и даже скверную тюрьму. Мнѣ принесли кошму, чашку воды, потомъ оставили меня одного, и затворили дверь.

Первое, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ туркестанскихъ улицъ, было предчувствіе; а впечатлѣ-

нѣ этой настоящей тюрьмы, вышло еще тяжеле, только не такъ рѣзко, тупое что-то. Пусто и темно въ головѣ, ни одной сколько-нибудь отчетливой мысли, бесполезное стремленіе отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, хоть въ тоскѣ, которая тѣснила меня.... ничего не выходило, кромѣ несноснаго чувства подавляющаго гнета. Но усталость взяла свое, какъ уже часто бывала до сихъ поръ мнѣ благодѣтельна въ плѣну; я заснулъ, и ничего во снѣ не видѣлъ; можетъ быть это и не сонъ былъ, а обморокъ, какъ и послѣ отъ ранъ бывало. Проснулся я наконецъ или очнулся, и опять пошло прежнее: тоска, и напрасное усиліе сѣзнать какую-нибудь мысль. А безотчетность этого ощущенія, и то обстоятельство, что въ моемъ умѣ и теперь мысли есть, и много, да перетупались, я сознавалъ ясно; потому и старался ихъ распутать. Уже складывался хоть вопросъ: чего мнѣ вѣроятнѣе ожидать? сообразить отвѣта мнѣ еще не удавалось, но и тутъ, почти одурѣвши отъ тоски и потери силъ, я еще не обращался съ отчаяніемъ назадъ, не припоминалъ прошлаго, не убивался объ утраченномъ, а старался угадать будущее и стремился мыслью все къ освобожденію.... Но скоро пришлось и мнѣ отвернуться отъ будущаго, обратиться мыслью къ прошлому, а потомъ, когда опять сталъ думать о свободѣ, такъ уже ожидалъ ее отъ одного Бога, считая потерянными свои, уже рассказанныя, дипломатическія усилія.

Начало этому перевороту въ мысляхъ положилъ человекъ, вошедшій ко мнѣ черезъ нѣсколько времени по пробужденіи, и котораго я было принялъ въ полумракѣ комнаты за своего туркестанскаго переводчика, но ошибочно, какъ я вскорѣ замѣтилъ, увидавши ихъ обонхъ вмѣстѣ, а ошибся потому, что у обонхъ рыжая бородка клнномъ. Но тогда эта ошибка на меня сильно подѣйствовала; читатель помнитъ, что я былъ сданъ на руки этому переводчику, а вошедшій оказался такимъ человекомъ, что весьма бы не хорошо отъ него зависѣть. Вошелъ онъ и завелъ рѣчь, что вотъ еще русскій поселится въ Коканѣ, т. е., я, что возврату мнѣ нѣтъ, но что впрочемъ здѣсь жить хорошо, живетъ же онъ — и доволенъ судьбой и Коканомъ, русскіе тутъ въ ходу: только нужно принять мусульманство и коканское подданство, и при-

шелъ онъ съ этимъ совѣтомъ, земляку добра желая. .. слова были довольно учтивы, но голосъ грубъ и непріятенъ. Я спросилъ, что мнѣ будетъ, коли откажусь и отъ мусульманства и отъ коканскаго подданства? — тяжелый плѣнъ, отвѣчалъ, а пожалуй и убьютъ, какъ держать надоѣсть; и мнѣ стали мерещиться азіатскія мучительныя казни, особенно колъ. На смерть я впрочемъ смотрѣлъ равнодушно, за одно быть добытымъ, благо меня уже въ стычкѣ начали убивать, но мысль объ колѣ обдавала меня холодомъ; я вспоминалъ, что посаженные на колъ мучатся по цѣлымъ суткамъ. Онъ разыгрывалъ разныя варіаціи на эту тему, то грозя смертію, то говоря, но весьма общими мѣстами, что въ Коканѣ жить хорошо, и моя участь отъ меня зависитъ; я слушалъ молча, а болѣе мимо ушей пропускалъ; смутно мнѣ представлялась безотрадная будущность неволи, тоски, можетъ быть мучительной смерти, — а не мучительную я начиналъ уже считать за освобожденіе. И болѣе и болѣе подавляло меня чувство своей слабости и безпомощности.

Однако на прямыя вопросы: на что-же я рѣшаюсь, я все отвѣчалъ отказами отъ мусульманства и коканства, а на запугиванье замѣтилъ, что хорошъ же я буду мусульманинъ со страха, что это подлость. Тутъ мой собесѣдникъ вспыхнулъ: не страхъ, сказалъ онъ, а благоразуміе, расчетъ — и себя привелъ въ примѣръ, что когда дѣлать нечего, такъ не покориться обстоятельствамъ есть бессмысленное упрямство. Самъ я, продолжалъ онъ съ озлобленіемъ, не хуже тебя благородный, хоть и казачью лямку тянулъ, да вотъ хмѣльной пришибъ офицера (или товарища, не помню), такъ не пошелъ же подъ шницрутены, а живу здѣсь вольнымъ коканцемъ.

Тутъ онъ мнѣ показался страшенъ, и я, подавленнымъ, глухимъ голосомъ повторивши свой отказъ, спросилъ однако, «на всякій случай», каковъ здѣсь обрядъ обращенія въ мусульманство.

Онъ увидалъ уступку, обрадовался, и отвѣчалъ, что собственно я могу остаться христіаниномъ, но долженъ объявить себя мусульманиномъ, и для того призвать муллу и заявить свое желаніе; — тотъ прочтетъ молитву по татарски,

а я за нимъ повторю, послѣ чего до моей вѣры никому нѣтъ дѣла, а считается буду правоѣрнымъ и свободнымъ кокацемъ.

Можетъ быть это была ложь, а можетъ быть и правда; особеннаго фанатизма я въ Коканѣ не замѣчалъ, а скорѣе равнодушіе къ вѣрѣ, такъ что тамъ она можетъ быть дѣйствительно всего болѣе знакъ коканской народности, въ противоположность сосѣдямъ, христіанамъ-русскимъ и язычникамъ — китайцамъ.

Какъ бы то ни было, узнавши порядокъ обращенія въ мусульманство, я не совсѣмъ повѣрилъ слышанному, и сказалъ, что подумаю объ этомъ, но надѣюсь, съ Божьей помощью, остаться при своемъ отказѣ.

На томъ мы и разстались, да и пора была кончить этотъ тяжелый разговоръ. Мой посѣтитель, какъ самъ сказалъ — русскій бѣглець, принялъ въ Коканѣ имя Мамаджана; а туркестанскій мой переводчикъ, то-же изъ русскихъ, назывался Абселямомъ.

Послѣ ухода Мамаджана, я опять впалъ въ какое-то забытье; потомъ Абселямъ перевелъ меня изъ комнаты, гдѣ я былъ, которую онъ называлъ гауптвахтой, сперва въ свою дежурную при пушкахъ. — онъ былъ артиллерійскій юзбаша, — а потомъ въ особый домикъ, снаружи крѣпости, съ разрѣшенія датки, или губернатора, которому онъ представилъ, что я, по слабости и болѣзни отъ ранъ бѣжать не могу, а нуждаюсь въ попеченіи; онъ и мнѣ предложилъ лечиться, а я отвѣчалъ, что раны и такъ заживутъ.

Домикъ, куда меня перевели, состоялъ изъ сѣней и комнаты, совсѣмъ пустой; въ сѣняхъ сѣно, и къ домику пристроена конюшня. Окна были разумѣется дырки въ стѣнѣ, одна надъ наружной дверью, другая въ комнатѣ — и только; а за домикомъ видѣлась вода, сообщающаяся съ крѣпостнымъ рвомъ, и зеленѣли единственныя деревья, которыя я видѣлъ внутри города.

Въ комнатѣ мнѣ была устроена постель на земляномъ полу, изъ старыхъ худыхъ одѣялъ на ватѣ, довольно грязныхъ, но, что меня удивило, во все пребываніе въ Коканѣ я не испыталъ и не видалъ чужеродныхъ насѣкомыхъ; по-

среди комнаты плоская ямка, и мнѣ объяснили, что въ ней зимой разводять огонь, а дымъ уходитъ въ окна и въ щели крыши, подобной уже описаннымъ коканскимъ, и вообще куда придется.

Вечеромъ, съ перваго же дня, ко мнѣ приходилъ Абселямъ съ двумя прислужниками, и велъ меня подъ руку, одинъ я уже идти не могъ, на батарею у крѣпостной стѣны, гдѣ мнѣ опять слалась постель у пушки; тамъ я ужиналъ солдатскій пловъ, весьма вкусный. Но я предпочиталъ молоко, и каждый вечеръ получалъ чашку, даже когда впослѣдствіи, при осадѣ Туркестана, возмутившимися киргизами, молоко въ городѣ стало рѣдкостью. Утромъ рано, при восходѣ солнца, меня тѣмъ же порядкомъ уводили домой, и на день я получалъ нѣсколько пшеничнаго хлѣба и воды, которой мнѣ Абселямъ много не давалъ, считая это нездоровымъ.

Самъ онъ то-же ночевалъ преимущественно въ своей дежурной мазанкѣ у батареи, рѣдко дома; но всякій вечеръ отведя меня, уходилъ домой и возвращался поздно. Коканскіе солдаты у батареи долго вечеромъ разговаривали между собой, шутили, смѣялись, иногда курпи кальянъ, меня подчивали имъ и вообще на караулѣ вели себя весьма непринужденно, засыпали поздно, но я еще позднѣе, и могъ замѣтить, что часовыхъ на ночь не оставалось.

У нихъ была и прислуга, на весь караулъ, т. е., человекъ на 10-15, два, иной вечеръ три мальчика лѣтъ 16-20, безбородыхъ, но съ преизношенными фізіономіями, съ довольно впрочемъ правильными чертами лица, за то съ противнымъ взглядомъ, безстыднымъ, нахальнымъ, и вмѣстѣ боязливымъ, подобострастнымъ, какъ у самыхъ окончательно распутныхъ женщинъ. Ночью, въ бессонницу, мнѣ доводилось иногда слышать шопотъ, поцѣлуи, прерывистое дыханіе..... я невольно вспоминалъ то, что Эверсманнъ и Мейендорфъ писали про бухарскую безнравственность, и примѣнялъ отчасти къ коканскому ханству, тѣмъ болѣе, что упомянутые юноши были сарты, иначе таджики *) (первое названіе болѣе

---

*) И тѣмъ болѣе еще, что у коканцевъ, какъ у бухарцевъ и персіянъ, гаремы строги, и связь съ женщиной ввѣ брака почти невозможна, не то

употребительно), племени пранскаго, которое и въ Персіи, и въ Бухарѣ, и въ Хивѣ отличается нравственнымъ упадкомъ; а въ воинственномъ Коканѣ болѣе пренебрегается господствующимъ племенемъ узбековъ, чѣмъ въ торговой Бухарѣ, гдѣ городскіе узбеки (но не кочующіе, см. у Леманна) *) болѣе и болѣе сливаются съ покоренными сартами, и, какъ въ Коканѣ, перенимаютъ отъ нихъ развратъ, да еще раболѣпность, низкопоклонство, спѣсь передъ низшими, и торговля плутни, — чего я уже не замѣтилъ въ Коканѣ, гдѣ народъ мнѣ показался далеко благороднѣе, чѣмъ описываютъ бухарцевъ и хивинцевъ, т. е., коканскіе узбеки и киргизы; корыстолюбивы они впрочемъ не хуже бухарцевъ и своихъ сартовъ **) — но воинственны и горды, и болѣе стыдятся лгать и обманывать; а тѣ народъ болѣе торговый. Это торговое направленіе, впрочемъ, едва ли означаетъ высшую цивилизацію; въ средней Азіи торговля нечто иное, какъ средство нажиться обманомъ, обмѣриваньемъ, обвѣшиваньемъ, да ложью со всевозможными клятвами Аллахомъ и пророкомъ изъ-за копейки, словомъ, синонимъ мошенничества, какъ война синонимъ грабежа; а цѣль и враждебное направленіе и для войны и для торговли одинаковы, т. е., присвоеніе чужой собственности, силой или хитростью, законный же торговый барышъ есть *pis-aller*, при неудачѣ или невозможности украсть подъ видомъ мѣны, продажи или покупки.

На второй день плѣна я узналъ отъ Абсеяма, что Дащанъ уже уѣхалъ изъ Туркестана, а съ тѣмъ и исчезли по видимому яны-курганскія условія моего освобожденія, которое явилось крайне неопредѣленнымъ и мало вѣроятнымъ. За то попытки обратить меня въ мусульманство и коканское подданство, вѣроятно съ цѣлью отдѣлаться отъ угро-

---

что у киргизовъ; а за жену нужно дать калымъ, что солдату, перебивающемуся со дня на день скуднымъ жалованьемъ и пайкомъ, возможно только съ военной добычи, что успѣть спасти отъ своего начальства; да и добыча рѣдко достаточна.

*) *Lehmann's Reise nach Buchara; Beiträge zur Kenntniss des russischen Reichs, von Baer und Helmersen, XVIII.*

**) Объ которыхъ я только слышалъ, что они трусы и плуты, но самъ сношеній не имѣлъ.

жаемаго мной вмѣшательства русскихъ начальствъ, продолжались; въ случаѣ успѣха этихъ попытокъ, принятія мной коканскаго подданства, русскія пограничныя начальства и генераль Катенинъ должны были отступить отъ меня. Правда, тутъ терялся мой выкупъ; но я же имъ всегда говорилъ, что выкупъ я готовъ дать частнымъ образомъ, а начальство не дастъ; могло и мнѣ помѣшать дать, да и мое худое платье выказывало меня въ Туркестанѣ уже бѣднякомъ, котораго выкупъ могъ казаться пухомъ; а заграбленныя у меня вещи, которыя заставляли вѣрить возможности выкупа въ Яны-Курганѣ, тамъ же и были утаены. Абселямъ мнѣ говорилъ, что туркестанскій датка о выкупѣ слышать не хочетъ, развѣ прельстится тысячи на двѣ золотыхъ, да и то едва ли.

Мое обращеніе поручено было Абсеяму, которому помогаль казанскій татаринъ, переѣхавшій сперва въ Петропавловскъ на Иртышѣ, а потомъ въ Коканъ, и именно въ Туркестанъ, гдѣ занимался слесарнымъ и оружейнымъ мастерствомъ (никогда не учившись послѣднему) и жилъ не богато. Оба со мной обращались дружелюбно и почтительно, не то что Мамаджанъ, съ которымъ у меня больше рѣчи и не было; видалъ его иногда на караулѣ, часто слыхалъ, какъ его громко зовутъ товарищи; но онъ былъ молчаливъ и вѣчно казался не въ духѣ, хотъ и увѣрялъ было меня, что въ Коканѣ жить хорошо. Въ тонѣ коканскихъ солдатъ слышалось пренебреженіе къ бѣглецу.

И у новыхъ своихъ обратителей я спрашивалъ порядокъ, т. е., обрядъ обращенія, говоря, что обращусь тотчасъ же какъ получу убѣжденіе въ истинѣ ихъ вѣры, а безъ убѣжденія никогда. Вотъ и убѣждали, и доказывали, только дѣло не подвигалось. Оригиналенъ былъ доводъ Абсеяма, природнаго русскаго: онъ утверждалъ, что коканская вѣра почти что наша, и Спасителя почитаютъ, и Богородицу, и Николая чудотворца, да и всѣхъ нашихъ святыхъ, да еще своихъ татарскихъ имѣютъ, то-же чудотворцевъ и угодниковъ, которыхъ мы напрасно не почитаемъ, какъ они нашихъ: такъ что коканская вѣра и выходитъ лучше, ибо святыхъ признаетъ больше. Съ этимъ нечего было спорить, я отвѣ-

чалъ только то, что я мусульманство уважаю, какъ вѣру сообразную съ понятіями и бытомъ множества народовъ, въ томъ числѣ и коканцевъ; но истинной считать не могу уже и потому, что пророкъ велѣлъ любить только правовѣрныхъ, а невѣрныхъ чуждаться, а по моему, по христіански, нужно любить всѣхъ людей (а о томъ, что множество христіанъ не лучше мусульманъ по своей нетерпимости, я благоразумно умалчивалъ). Отвѣчалъ я еще, что выросъ и воспитанъ въ другихъ понятіяхъ, не въ коканскихъ, и передѣлываться искренно въ коканца не могу, поздно, а притворно не хочу.

Внушали мнѣ и опасеніе, что за упрямство я могу погибнуть, но я говорилъ, что на то воля Божія.

И на батарееѣ, гдѣ я ночевалъ, въ обратителяхъ недостатка не было; особенно усерденъ былъ товарищъ Абсеяма, то-же артиллерійскій юз-баши, но природный коканецъ, узбекъ Маніазъ; и тамъ я отдѣлывался тѣмъ, что какъ буду убѣжденъ въ истинѣ мусульманства, такъ и обращусь, а притворное обращеніе, изъ страха, имъ самимъ должно казаться подлымъ и не внушать довѣрія. Разъ однако, на третій или четвертый день пребыванія въ Туркестанѣ, я потѣшилъ за ужиномъ на батарееѣ окружавшихъ меня коканцевъ, прочтя имъ молитву по татарски, вслѣдъ за Абсеямомъ; до тѣхъ поръ я при нихъ не молился вовсе. Эта уступка, которую я иногда дѣлалъ до плѣна, у киргизовъ въ гостяхъ, въ плѣну и въ виду упомянутыхъ попытокъ мнѣ показалась низкой трусостью; я не хотѣлъ давать надежды на свое обращеніе, и на слѣдующій день, когда Маніазъ передъ ужиномъ сталъ мнѣ натверживать татарскую молитву, я громко произнесъ русскую, крестясь, чтобы видѣли не знающіе по русски, т. е., почти всѣ присутствующіе. Зато я опасался неприятныхъ послѣдствій, но ихъ не было; присутствующіе коканцы приняли объясненіе Абсеяма, что я не хуже правовѣрнаго дорожу молитвой, и потому не хочу твердить ее безсмысленно, на незнакомомъ языкѣ.

Наконецъ, и въ тотъ же вечеръ, мнѣ было сказано, отъ имени датки, что если я приму коканское подданство, то, какъ правовѣрный коканецъ, буду отпушенъ домой для

устройства своихъ дѣлъ; они будутъ увѣрены, что я вернусь. Я отказался. Тутъ нечего было надѣяться обмануть датку, уѣхать и не вернуться; я видѣлъ ложь, чувствовалъ, что меня они не отпустятъ безъ русскаго вмѣшательства, которое не устранять же мнѣ было самому принятіемъ коканскаго подданства.

На томъ и остановились попытки къ моему обращенію, и не возобновлялись; и мой окончательный отказъ не только не подвергъ меня смерти, которой они мнѣ грозили и которая мнѣ, по примѣру Стоддарта и Конолли въ Бухарѣ, казалось правдоподобной, но и не доставилъ никакихъ неприятностей.

Не легки мнѣ были, впрочемъ, эти первые дни настоящаго плѣна въ Туркестанѣ, особенно при попыткахъ къ обращенію. За отказъ мнѣ все мерещился колъ, какъ лучший шансъ — отсѣченіе головы. А въ случаѣ уступки ихъ требованіямъ — подчиниться ихъ образу жизни, т. е., отказаться отъ всякой умственной жизни, обречь себя на безвыходную скуку, да еще на презрѣніе самого себя; такая жизнь мнѣ казалась медленной, но несносной пыткой, въ родѣ кола, только продолжительнѣе — и вѣчная разлука съ семействомъ, со всѣми, кто мнѣ дорогъ, со всѣмъ, что мнѣ дорого..... Развлечься отъ этихъ тяжелыхъ мыслей было нечѣмъ; занятія никакого, по ночамъ бессонница, да и днемъ то-же, только, когда устану думать все о горѣ, такъ для отдыха, вмѣсто тяжелой мысли, было иногда тяжелое чувство вовсе безъ мысли. Освобожденіе мнѣ казалось невѣроятнымъ, я былъ увѣренъ, что въ Яны-Курганѣ меня обманули, не дали знать обо мнѣ русскому начальству въ фортъ Перовскій, что тамъ меня считаютъ погибшимъ, что на запросъ оттуда, хоть бы поддержанный военной силой, коканцы меня могутъ объявить умершимъ отъ ранъ и не отпустить, повѣряя ихъ. Развѣ русскіе Туркестанъ возьмутъ? — но я зналъ, что это не входило въ предположенія нашего начальства.

Мое положеніе казалось мнѣ такимъ безвыходнымъ, что отказавшись сперва лечиться, потому что раны сами заживутъ, такъ какъ онѣ было и присохли, — я обрадовался, когда многія раны открылись и стали портиться: на вискъ, на

затылкѣ, на ногахъ струпья сошли и явилось злокачественное нагноеніе и разложеніе тканей, особенно съ дурнымъ запахомъ на вискѣ. Тамъ открывалась костоѣда въ расколотой скуловой кости; это мнѣ показалось гангреной, и я съ радостью, повторяю, сталъ ожидать скорой смерти отъ ранъ, вслѣдствіе мнимой гангрены, и не захотѣлъ лѣченіемъ терять хоть этотъ способъ освобожденія, тѣмъ болѣе, что боль была слаба, едва чувствительна, развѣ когда вставалъ; тогда ноги сильно болѣли, особенно правая, и не держась за стѣну, или не опираясь на кого-нибудь, я не могъ ходить. Однако, не смотря на боль въ ногахъ, я разъ утромъ на батарее пошелъ смотрѣть птицу, вывѣшенную въ клеткѣ и показавшуюся мнѣ интересной; это была черная красноносая куропатка, не водящаяся въ видѣнныхъ мной частяхъ Россіи и киргизской степи.

Одно мнѣ было утѣшеніе — молиться, что я и дѣлалъ; тутъ я на опытѣ узналъ благотворное значеніе религіи (чѣмъ мнѣ плѣнъ былъ положительно полезенъ); она поддерживала мою падавшую бодрость, безъ нея пожалуй, вслѣдствіе инстинктивной привязанности къ жизни, хоть бы скверной, я, сдѣлавшись притворнымъ мусульманномъ, съ напрасной надеждой убѣжать изъ плѣна, чему примѣры въ Азіи рѣдки,— и теперь бы велъ въ Коканѣ такую несносную жизнь, что и подумать объ ней противно или бы сошелъ съ ума*).

Послѣ усердной молитвы, я вдругъ призналъ немпущаемымъ свое освобожденіе, и не смертью, а возвращеніемъ въ фортъ Перовскій, и эта мысль возвратила мнѣ потерянную было бодрость. Въ тотъ же день, однако, я получилъ извѣстіе, что туркестанскій датка о выкупѣ и слышать не хочетъ, что изъ Яны-Кургана, какъ я и предполагалъ, гонца не послали извѣстить обо мнѣ, что на освобожденіе надѣяться нечего — не вѣрилъ я извѣстію, а оставался при своемъ, ни на чемъ не основанномъ убѣжденіи, что буду свободенъ, и скоро. А въ это самое время, какъ я далѣе

---

*) Помѣшательство уже тогда было близко, и меланхолическаго свойства, что медики называютъ *lurcania*, и въ поводахъ къ тому недостатка не было; но, помнится, 5-го или 6-го мая, этотъ кризисъ имѣлъ другой, счастливый исходъ.

расскажу, генералъ Данзасъ уже приступалъ къ своимъ рѣшительнымъ и успѣшнымъ мѣрамъ, прекратившимъ мой плѣнъ! какъ тутъ не подумать то, что мнѣ тогда же, еще не зная о дѣйствіяхъ генерала Данзаса, представилось: что этотъ крутой поворотъ мысли, эта безпричинная, противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ мнѣ даннымъ, сумасбродная въ ту минуту увѣренность въ близкой свободѣ — это былъ отвѣтъ свыше на мою молитву. И сто лѣтъ проживу, а не забуду того свѣтлаго, глубокаго, отраднаго чувства, которое въ ту минуту замѣнило мучившую меня тоску; и въ слѣдующіе дни, хоть увѣренность въ близкой свободѣ порой и колебалась, но прежней безнадежности уже не было.

Въ тотъ же вечеръ, увидѣвшись съ Абсеямомъ, я изливилъ желаніе лѣчиться, какъ онъ мнѣ и прежде предлагалъ. Лѣченіе началось тѣмъ, что раны были наконецъ промыты и перевязаны, но не всѣ, а только опять открывшіяся; на задней части черепа остался сплошной струпъ. Къ тѣмъ же ранамъ, которыя лѣчились, прикладывалась сперва сырая, парная баранина, для всасыванія образовавшихся дурныхъ соковъ; мнѣ давался каждое утро запасъ ея, чтобы чаще перемѣнять; а вечеромъ раны присыпались порошкомъ, котораго главная составная часть были сушенныя и толченныя черепашины яйца, остальныхъ мнѣ Абсеямъ не назвалъ; а раны на ногахъ *) присыпались, кромѣ прикладки мяса, сначала порошкомъ изъ какихъ-то травъ, потомъ тѣмъ же, какъ и прочія, изъ черепашихъ яицъ. Это лѣченіе, чисто коканское, было однако успѣшно.

Успокоившись, какъ уже сказано, на счетъ своего освобожденія, я сталъ припоминать и обдумывать свои научныя наблюденія, — но чаще припоминалъ прошлую жизнь. И тутъ плѣнъ былъ мнѣ опять полезенъ. Вырванный изъ обычной обстановки, я смотрѣлъ на себя, какъ на посторонняго, съ полнымъ безпристрастіемъ. Исчезали самообольщеніе, явственнѣе говорила совѣсть; многое, казавшееся мнѣ прежде невиннымъ, теперь осуждалось въ воспоминаніи, осуждалось

---

*) Отъ привлази къ стременамъ, сначала ограничивавшіяся потертой кожей, по прикинувшіяся болѣть въ Туркестанѣ.

такъ, что и раны и плѣны казались мнѣ должнымъ возмездіемъ за проступки, не подлежащіе суду юридическому, не осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ, но осуждаемые безпристрастной совѣстью. Многія прежнія истины мнѣ теперь казались заблужденіемъ, но не осуждалъ я этого заблужденія, а оставался (и остался) неизмѣнно убѣжденъ, что мысль намъ дана для свободнаго изслѣдованія истины, что то вѣрованье прочно и дорого, которое выдержало анализъ и борьбу съ сомнѣніями, что воздерживаться отъ этого умственного процесса, боясь грѣха, все равно что не ходить и подвергаться атрофін ногъ, чтобы не упасть, а стѣснять зрѣлую мысль авторитетами значитъ водить взрослого на помочахъ. Конечно, при самомъ добросовѣстномъ стремленіи къ истинѣ, возможны и заблужденія, — но раскрыть и исправить ихъ можетъ только свободный обмѣнъ мыслей или собственная повѣрка, а осужденію такое искреннее и добросовѣстное заблужденіе подлежитъ также мало, какъ невѣрный шагъ или ошибка въ пути темной ночью.... Это все общезвѣстно; но если уже коснулся нравственного вліянія, какое на меня имѣлъ плѣнъ, такъ лучше объяснить, какъ оно отразилось въ моихъ понятіяхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я началъ лѣчиться, я пересталъ ходить ночевать на батарею; эти прогулки хоть и очень незначительныя, однако все растравляли раны на ногахъ и мѣшали лѣченію; моя жизнь сдѣлалась еще однообразнѣе, я только тѣмъ и могъ не сбиваться въ счетъ дней, что отмѣчалъ ихъ ногтемъ на глиняной стѣнѣ; но я былъ оставленъ въ покоѣ и надѣялся на освобожденіе. Еще нѣсколько дней эта надежда оставалась фантастической, и всѣ получаемыя извѣстія ее постоянно, хотя безуспѣшно, опровергали; но наконецъ и мое *credo quia absurdum* оправдалось.

Въ ночь съ 10 на 11 мая, уже очень поздно, разбудили меня вошедшіе ко мнѣ коканцы; они заговорили всѣ разомъ и громче всѣхъ слышался голосъ упомянутого уже Маніаза, который и прежде меня иногда навѣщалъ. Съ просонья я отчасти испугался этого необыкновеннаго по своему времени посѣщенія, да и не понималъ, что они говорятъ, а потому притворился весьма крѣпко спящимъ. Кричали, я не шеве-

лился; послали за Абселямомъ, онъ не безъ труда разбудилъ меня; хотя выраженіе его голоса меня тотчасъ успокоило, но я выдержалъ начатую комедію. Онъ перевелъ мнѣ слова посѣтителей и объяснилъ причину посѣщенія, — пришло къ даткѣ письмо отъ г. Осмоловскаго, требующее моего освобожденія. Всѣ пришедшіе ко мнѣ коканцы говорили, что меня непременно освободятъ, и что они пришли мнѣ безъ замедленія сообщить это извѣстіе. Я просіялъ и впивался глазами то въ того, то въ другаго, но словъ не находилъ; Абселямъ уже объяснилъ, что будь я здоровъ, такъ былъ бы находчивѣе на выраженія благодарности, но что больнаго такъ будить вредно — и мои посѣтители удалились.

Значитъ я напрасно думалъ, что меня въ Яны-Курганѣ обманули; значитъ тамъ дали знать въ фортъ Перовскій обо мнѣ.... но обстоятельно я объ этомъ узналъ уже по возвращеніи изъ плѣна, именно, что мое письмо въ фортъ Перовскій, писанное изъ Яны-Кургана, отправлено все-таки не было. Въмѣсто того, яны-курганскій комендантъ написалъ отъ себя, и очевидно подъ вліяніемъ моихъ угрозъ; онъ оправдывался, только неловко. Онъ начиналъ претензіями, зачѣмъ нашъ отрядъ пошелъ лѣсъ рубить на коканской (будто-бы) землѣ, и говорилъ, что это нарушеніе границъ побудило его принять мѣры предосторожности и выслать къ границѣ свой отрядъ, тѣмъ болѣе, что онъ узналъ что изъ русскихъ предѣловъ направляется къ Яны-Кургану партія грабителей. Почему онъ и предписалъ своему отряду, за рубкой лѣса русскими наблюдать, не заводя непріязненныхъ дѣйствій, а разбойничью шайку въ коканскіе предѣлы не допускать. Въ точности исполняя предписаніе — продолжалъ онъ — начальникъ коканскаго отряда мужественно отразилъ нападеніе русскихъ разбойниковъ, потерялъ одного изъ своихъ, но побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ самага атамана напавшей шайки, который законнымъ порядкомъ препровожденъ къ непосредственному начальнику яны-курганскаго коменданта, туркестанскому даткѣ; а для удостовѣренія въ своихъ неизмѣнно-мирныхъ намѣреніяхъ, онъ, яны-курганскій комендантъ, извѣщаетъ о происшедшемъ начальство сыръ-дарьинской линіи, въ надеждѣ, что оно прекратитъ всякій поводъ къ дальнѣйшимъ

столкновеніямъ и не откажетъ въ справедливомъ удовлетвореніи.

Послѣднее было намекъ на выкупъ упоминаемаго въ письмѣ разбойничьяго атамана, какъ называлъ меня яны-курганскій комендантъ, впрочемъ безъ намѣренія и безъ надежды обмануть кого-нибудь, а просто потому, что унижительно казалось ему писать повинную, или хоть молчаніемъ признаться, что разбойничали-то сами коканцы; въ родѣ того, какъ китайскій богдыханъ, или даже простой мандаринъ, съ высоты своего величія прощаетъ грѣхи рыжихъ варваровъ, соглашаясь на контрибуцію и всякія требованія англичанъ.

Потому не было послано и мое письмо, и замѣнено словесной инструкціей для переговоровъ о выкупѣ, сообразно съ моими указаніями; но переговоровъ на тотъ разъ не было никакихъ; принявши письмо, генералъ Данзасъ, безъ всякихъ объясненій, велѣлъ задержать посланнаго впредь до изготвленія отвѣта, который былъ порученъ г. Осмоловскому, а самъ между тѣмъ быстро, въ два-три дня, снарядилъ трехсотенный отрядъ съ двумя пушками и повелъ къ коканской границѣ, къ Джулеку; съ генераломъ отправился и г. Осмоловскій. Тогда былъ отпущенъ и коканскій гонецъ, и повезъ отвѣтъ г. Осмоловскаго вмѣстѣ съ извѣстіемъ о видѣнной имъ военной поддержкѣ этого отвѣта, и съ неизбежными для испуганнаго азіатца преувеличеніями этой поддержки.

Г. Осмоловскій писалъ къ туркестанскому даткѣ, въ короткихъ словахъ опровергалъ притязаніе коканцевъ на землю, гдѣ нашъ отрядъ рубилъ лѣсъ, упоминалъ о письмѣ яны-курганскаго коменданта, о его лжи относительно захваченнаго разбойника, который въ дѣйствительности мирный путешественникъ, занимающійся птицами, и требовалъ моего безусловнаго освобожденія. Отказать было опасно; уже съ 6-го или 7-го мая, Туркестанъ былъ осажденъ возмущившимися киргизами, и появленіе русскаго отряда въ такихъ обстоятельствахъ могло быть гибелью для города.

Причиной возмущенія коканскихъ киргизовъ, о которомъ я уже упоминалъ, говоря о своихъ предположеніяхъ ѣхать на Кара-Тау, были поборы ташкентскаго бека; возмущались

сперва горцы, кочующіе въ хребтахъ между Ташкентомъ и р. Чу. Коканскіе отряды, высланные изъ Ташкента, были слишкомъ слабы, чтобы усмирить возстаніе; а между тѣмъ боялись и оставить города беззащитными, и потому, послѣ первыхъ неудачъ, коканцы уже не выходили въ поле; а между тѣмъ возстаніе распространялось, всѣ коканскія укрѣпленія между хребтомъ Кара-Тау и р. Чу были обложены киргизами, которыхъ вооруженныя толпы занимали хребетъ, прекращали сообщенія между всѣми городами на сѣверъ отъ Сыр-Дарьи, и прикрывали перекочевку въ русскіе владѣнія своихъ безоружныхъ земляковъ. Такъ было въ апрѣлѣ, въ ташкентской области, или сѣверо-восточной части ханства; туркестанская или сѣверо-западная, гдѣ поборы были умѣреннѣе и правитель справедливѣе, еще оставалась покойной, особенно на западѣ отъ Туркестана, и когда я ѣхалъ туда изъ Яны-Кургана, то сообщенія этихъ двухъ городовъ были еще свободны и въ видѣнныхъ мной аулахъ не было и признака близкаго возстанія; но это былъ обманчивый видъ. Успѣхи возмущенія и мирнымъ киргизамъ подавали уже надежду на независимость, которая лучше самого справедливаго коканскаго правителя, и на полное отсутствіе податей, что конечно предпочтительно даже умѣреннымъ коканскимъ поборамъ,— и въ началѣ мая возсталъ и туркестанскій край, вся; Туркестанъ, какъ уже сказано, былъ обложенъ, Яны-Курганъ то-же. Но киргизы не умѣютъ вести правильной осады и ограничились обложеніемъ. Кружились ихъ наѣзники въ почтительномъ разстояніи отъ стѣнъ; стрѣляли по нимъ иногда изъ города, изъ пушекъ и ружей; выказывались и коканцы за городскія ворота и возвращались. Порядка у осаждающихъ не было; это была нестройная толпа, разставившая свои кибитки кругомъ города. Для продовольствія они пригнали и скота, и пасли его тутъ же, по степи и городскимъ лугамъ, куда и коканцы, не смотря на обложеніе, выѣзжали изъ города жать траву своимъ лошадямъ,* болѣе почью. Киргизы хотѣли голодомъ принудить городъ къ сдачѣ, а между тѣмъ то тѣ, то другіе изъ нихъ ходили ежедневно на туркестанскій базаръ, и вымѣнивали барановъ на хлѣбъ и халаты, рассчитывая, что доставляемое такимъ образомъ

продовольствіе недостаточно для города, и что цѣль ихъ все-таки достигнется.

Такъ они дѣлали дня два-три, въ началѣ осады, безпрепятственно; но потомъ туркестанскій датка велѣлъ задержать пришедшихъ на базаръ киргизовъ. Успѣвшіе скрыться дали объ этомъ знать осаждающимъ; тѣ, удержанные отъ освобожденія своихъ силою, городскими стѣнами и недостаткомъ средствъ разорить ихъ рѣшились на переговоры, что и было нужно даткѣ, котораго гарнизонъ былъ слишкомъ малочисленъ для того, чтобы осаждающихъ разогнать; осаждающихъ было по слухамъ, вѣроятно преувеличеннымъ, 20,000, гарнизона 600 человекъ.

Помнится, 10-го мая, ходили киргизскіе старшины въ Туркестанъ къ даткѣ для переговоровъ объ освобожденіи своихъ земляковъ. Боясь сами быть задержанными, они согласились снять осаду и опять покориться Кокану; а датка обѣщала имъ удовлетвореніе въ прежнихъ притѣсненіяхъ (онъ самъ враждовалъ съ притѣснителемъ, ташкентскимъ бекомъ), большое облегченіе податей, и освободилъ задержанныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ заложниковъ. Киргизамъ было уже разрѣшено ходить на базаръ, но по одиночкѣ и безъ оружія; у воротъ была многочисленная стража. Въ этотъ-то вечеръ, 10-го, датка получилъ требованія г. Осмоловскаго; но еще медлилъ отвѣтомъ, ожидая успѣха своихъ переговоровъ съ киргизами и снятія осады.

Но осада не снималась; киргизы прогоняли коканцевъ, выѣзжавшихъ изъ города за травой (это я узналъ послѣ); а платить имъ тѣмъ же, т. е., не пускать приходившихъ на базаръ изъ непріятельскихъ кибитокъ, или задерживать ихъ, было пока неудобно: ими только и держалось кое-какъ продовольствіе города. Такое положеніе могло затянуться до прибытія къ городу генерала Данзаса съ отрядомъ, который былъ на походѣ; нужно было предупредить опасность отъ русскихъ.

Мая 13-го (это число я твердо помню) я получилъ новый халатъ и приглашеніе явиться къ даткѣ. Этотъ халатъ, который заставляетъ читателя улыбаться, имѣлъ свое значеніе по коканскому этикету, почему я о немъ и упомянулъ; онъ

считался нужнымъ, чтобы мнѣ *примлично* явиться для того дѣла, для котораго меня теперь требовали: хотѣли отъ меня имѣть свѣдѣнія, какъ бы предупредить опасность, угрожающую Туркестану со стороны русскихъ. Около полудня мы съ Абселямомъ отправились и застали датку одного въ его приѣмной, т. е., подъ навѣсомъ выходящимъ на упомянутый уже дворъ. Полъ былъ на нѣсколько ступенекъ выше двора, покрытъ коврами; три стѣны, а въ четвертой, открытой сторонѣ не широкой простѣнокъ; стѣны штукатурены, потолокъ, подпертый рѣзными деревянными столбами, былъ вмѣстѣ и крыша, какъ въ послѣдней коканской саклѣ, только крупныя стропила были прямыя и то-же съ рѣзбой, а накатникъ между ними изъ тонкихъ и то-же прямыхъ, крашеныхъ въ разные цвѣта бревенъ, такъ что общій видъ этой комнаты или галлерей выходилъ опрятенъ и довольно живописенъ, что въ Коканѣ уже рѣдкость.

Я сѣлъ скрестя ноги, и не безъ боли; датка пригласилъ помѣститься покойнѣе, и я прилегъ, подпирая голову рукой и съ подушкой подъ локтемъ.

За тѣмъ Абселямъ мнѣ передалъ желаніе датки прекратить несогласіе съ русскими и жить съ ними въ мирѣ и совѣтѣ, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ; я отвѣчалъ, что наше пограничное начальство будетъ этому очень радо.

Для этой цѣли Мурза-Піасъ, датка туркестанскій, желаетъ, чтобы я написалъ начальнику нашей сыр-дарьинской линіи то, что онъ полагаетъ необходимымъ для возстановленія добраго согласія, а именно, чтобы русскіе возвратили Ак-Мечеть.... я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на датку, и не могъ удержаться отъ смѣха, видя его усилія сохранить выраженіе подобающей важности, между тѣмъ какъ и на его лицѣ играла едва примѣтная улыбка; о возвращеніи Ак-Мечети болѣе рѣчи и не было; забылъ сказать, что прежде изложенія мирныхъ условій, мнѣ было обѣщано освобожденіе изъ плѣна при заключеніи мира.

За тѣмъ однако продолжались переговоры о назначеніи границы; желали имѣть ее на Бир-Казани, двадцатью верстами восточнѣе Ак-Мечети, или форта Перовскій. Я отвѣчалъ, что сыр-дарьинское начальство никакой границы на-

значить не можетъ, потому что это у насъ можетъ одянь царь, а не подданный; что поэтому, какъ русскій подданный, я и самъ не могу предлагать другому подданному же русскаго царя, т. е., начальнику сыр-дарьинской линіи, назначать границы царства по желанію коканцевъ; что я ихъ плѣнникъ и жизнь моя въ ихъ власти, но писать подобныя вещи отказываюсь.

— Такъ хоть на Джулекѣ границу назначить.

— Никакой; я уже сказалъ — назначать границы можетъ только русскій царь, а его подданные тутъ и вмѣшиваться не могутъ.

Потомъ датка пожелалъ возвращенія въ коканскіе предѣлы перекочевавшихъ къ намъ киргизовъ; но я и объ этомъ отказался писать, говоря, что эти киргизы сдѣлались такими же подданными русскаго царя, какъ я самъ, какъ все сыр-дарьинское начальство, которое не имѣетъ права отнимать у своего царя подданныхъ, и писать объ этомъ бесполезно.

— Такъ хоть бы обязались не принимать вновь перекочевывающихъ.

— Не могутъ, отвѣчалъ я; только царь имѣетъ право отказать желающимъ поступить въ его подданство, да если кто проситъ русской защиты, такъ не въ русскихъ обычаяхъ ему отказывать.

Тогда датка, черезъ Абсеяма, поручилъ мнѣ написать хоть то, что онъ, желая мира, предлагаетъ нашему пограничному начальству прекратить всякіе набѣги изъ Кокана, и имѣть присмотръ, чтобы они не возобновлялись, съ тѣмъ, чтобы и русское начальство обязалось съ своей стороны къ тому же самому, такъ чтобы непріязненные дѣйствія замѣнились мирными, торговыми сношеніями. Не безъ досады спросилъ онъ меня, имѣетъ ли русское пограничное начальство право хоть объ этомъ договоръ заключить, а я — его предложить отъ имени его, датки?

Я отвѣчалъ, что готовъ объ этомъ писать, и, на счетъ этого пункта, надѣюсь на удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ начальство сыр-дарьинское имѣетъ полное право удерживать своихъ киргизовъ отъ набѣговъ, также какъ и датка,

и само предпочитаетъ мирныя сношенія съ сосѣдомъ взаимному обмѣну враждебныхъ дѣйствій.

Тогда мнѣ было вторично подтверждено написать и о своемъ освобожденіи при заключеніи мира; я взялъ перо и бумагу, перо камышевое, и тутъ же написалъ и прочелъ вслухъ, а Абселямъ перевелъ. О границахъ и возвращеніи перекочевавшихъ я не писалъ и о переговорахъ относительно этого не упоминалъ; написавши, я съ Абселямомъ ушелъ въ свой домикъ.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ Абселямъ сказалъ, что получилъ разрѣшеніе датки переселить меня къ себѣ въ цитадель, такъ какъ осада города обременяетъ его службой, и ему иначе почти некогда меня лѣчить. Но я чувствовалъ усталость отъ визита къ даткѣ и остался, а перешелъ уже рано на слѣдующее утро. Въ новомъ домѣ, такой же общекоканской постройки какъ и мое прежнее помѣщеніе, только съ мебелью, т. е., съ немногими сундуками, мнѣ былъ предоставленъ выборъ комнаты, всего было двѣ, и я, для свѣжаго воздуха, не помѣстился ни въ одной изъ нихъ, а въ сѣняхъ, у сѣновала, гдѣ мнѣ и устроили постель.

Въ тотъ же день, 14-го, ко мнѣ пришли два киргиза: одинъ Аркабай, коканскій, оставшійся вѣрнымъ правительству, потому что былъ на службѣ и свободенъ отъ податей; другой плѣнный, изъ подъ форта Перовскій, Курак-Бій, который впрочемъ жилъ въ своей кибиткѣ и могъ отлучаться, но оставляя въ залогъ жену и дѣтей (онъ въ Коканѣ женился). Оба посылались, какъ мнѣ сказали, въ Ак-Мечеть къ генералу Данзасу, для переговоровъ (походъ его подъ Джулекъ отъ меня скрыли) и пришли взять отъ меня охранный листъ, т. е., удостовѣреніе, что они парламентареры, а не шпіоны; я имъ это написалъ.

Тутъ, въ виду близкаго и почти вѣрнаго освобожденія, пошли сравнительно радостные дни моего плѣна; я хотѣлъ скорѣй выздоровѣть, чтобы ѣхать домой; только ноги все еще отказывались, и я не могъ ѣхать верхомъ.

Впрочемъ, Абселямъ меня успокоивалъ, говоря, что въ Туркестанѣ есть русская телѣга, которую мнѣ дадутъ, если я ко времени освобожденія не смогу ѣхать верхомъ. Между

тѣмъ заживленіе ранъ шло съ каждымъ днемъ успѣшнѣе, точно усилившаяся опять привязанность къ жизни подкрѣпляла организмъ. Впрочемъ мнѣ Абселямъ предписалъ и досталъ то-же крѣпительнаго: коканскаго вина, т. е., виноградной водки въ родѣ коньяку, только прозрачной и безцвѣтной, какъ чистѣйшая вода. Ее дѣлалъ жидъ въ Туркестанѣ въ маломъ количествѣ; отпускалъ въ нѣмецкихъ кувшинахъ, въ которыхъ миниральные воды вывозятся, съ сохранившимися еще приклеенными печатными билетками: не знаю какъ попала эта посуда изъ Германіи въ Туркестанъ. Это лѣкарство я употреблялъ весьма мало, и сильно разбавлялъ водой; гораздо больше принималъ его мой медикъ.

Онъ большую часть дня проводилъ на разныхъ караулахъ, по случаю осады, тамъ и спалъ, а домой заходилъ только утромъ и вечеромъ, и тогда оставался болѣе со мной. Тутъ мы бесѣдовали; онъ мнѣ рассказывалъ про Коканъ, про коканское житье-бытье, которое весьма не одобрялъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ уже хуже татарскаго, и сильно обоканился, но какъ-то по своему, по русски. Онъ былъ изъ сибирскихъ козаковъ, и захваченъ въ плѣнъ Кенисарой, который уступилъ его коканскому хану *). Этотъ ханъ искалъ и всѣми неправдами добывалъ (тому лѣтъ двадцать пять) русскихъ военныхъ, бѣглыхъ и плѣнныхъ, для обученія своего войска; но Абселямъ (его русское имя я забылъ) долго, года четыре, отказывался отъ мусульманства и коканской службы и оставался плѣнникомъ, подъ страхомъ смерти, къ которому наконецъ отъ неисполненія угрозъ привыкъ. Онъ все надѣялся бѣжать изъ плѣна, пока смерть не явилась уже не поверхностной угрозой, а дѣломъ близкимъ, по милости женщины, т. е., коканской дѣвушки, утѣшавшей плѣнника. Человѣкъ онъ былъ молодой, тогда съ небольшимъ двадцати лѣтъ, а утѣшительница мягкаго сердца, — такъ что онъ вдругъ попалъ подъ судъ какъ невѣрный оболститель правовѣрной дѣвушки. Тутъ уже казнь была неминуема, и притомъ колъ; вмѣсто

*) Кенисара Касимовъ, возставшій султанъ сибирскихъ киргизовъ, который то ссорился съ Коканомъ, то искалъ тамъ убѣжища и препровождалъ туда иногда русскихъ плѣнныхъ; его дѣти и теперь живутъ на Кара-Тау, а самъ онъ погибъ въ стычкѣ съ русскимъ отрядомъ.

неопредѣленной угрозы являлся судебный приговоръ и его быстрое восточное исполненіе. Отъ смерти онъ могъ спастись, жениась на обольщенной; но за невѣрнаго ее не выдавали, а присудили, казнивши его, и ее утопить.

И сдѣлался Абселямъ правовѣрнымъ мусульманиномъ, женился на обольщенной, вступилъ въ коканское войско, и дослужился до чина юз-баши. Со временемъ, и отъ привычки, его вынужденное обращеніе сдѣлалось искреннимъ; я уже привелъ его аргументъ относительно татарскихъ святыхъ.

Особенно онъ чтилъ туркестанскаго мѣстнаго святаго, Азретъ-Султана; онъ крестился, когда божился; а объ пророкѣ мало думалъ и чарочку любилъ. Но чудеса Азретъ-Султана, чудотворное построеніе большой туркестанской мечети, онъ рассказывалъ съ благоговѣніемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ. Вотъ эта коканская легенда.

Давно уже, когда еще киргизовъ тутъ не было, правилъ Туркестаномъ Азретъ-Султанъ, человекъ святой и праведный, и затѣялъ онъ построить мечеть большую, чтобы тамъ со всѣмъ войскомъ жить и время проводить въ молитвѣ. Благословилъ Господь такое благочестивое предпріятіе и оказалъ Азретъ-Султану чудесную помощь. Узналъ тотъ, что мечеть должна строиться изъ особаго, цареградскаго камня; и явился у него верблюдъ, который сорокъ разъ въ день бѣгалъ подземнымъ ходомъ въ Цареградъ и носилъ оттуда камни; а строили мечеть ангелы. Тамъ и поселился Азретъ-Султанъ съ своимъ праведнымъ войскомъ, проводя время въ молитвѣ; тамъ онъ и похороненъ, и до сихъ поръ на его могилѣ творятся чудотворныя изцѣленія, и приходятъ къ ней поклонники изъ всего Кокана и окрестныхъ земель.

Вѣроятно легенда была и длиннѣе, и Царяграда коканцы пожалуй не знаютъ, или иначе зовутъ; но такъ уже мнѣ Абселямъ рассказывалъ. Мечеть была не далеко отъ его дома, и я ее ежедневно видѣлъ; она построена изъ блѣднаго жженого кирпича и тесанаго известняка. Она квадратная, вышиной на глазомѣръ сажень въ тридцать или и больше; съ каждой стороны четыре пилястра поддерживаютъ три стрѣльчатыхъ, но не высокихъ арки подъ крышей; кругомъ два карниза, одинъ идетъ отъ капителей пилястровъ, другой подъ

крышей, подъ арками окна. Куполь одинъ, большой, въ третью ширины зданія; сводъ его снаружи луковичный, не очень высокій; кругомъ купола рядъ пилястровъ; карнизы, куполь, стѣны покрыты узорами изъ разноцвѣтныхъ изразцевъ по кирпичу. Новыхъ подобныхъ построекъ нѣтъ, и Абселямъ мнѣ сказывалъ, что и въ Коканѣ, и въ Ташкентѣ, новыя строенія все глиняныя и не лучше туркестанскихъ; а такого памятника, какъ мечеть Азретъ-Султана онъ во всемъ ханствѣ не видалъ.

Оттого вѣроятно и легенда объ ея чудотворной постройкѣ.

На карнизахъ мечети меня удивили гнѣздящіяся бѣлыя ансты, которые не встрѣчаются ни въ киргизской степи, ни въ Россіи, восточнѣе полтавской губерніи; но въ Бухарѣ есть. Еще тамъ я замѣтилъ стрижей, которыхъ то-же нѣтъ въ нашихъ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ; и въ Туркестанѣ ансты и стрижи водятся на одной большой мечети Азретъ-Султана.

Чтилъ его Абселямъ, но коканцевъ не любилъ и называлъ все еще по казацки, псами некрещеными, басурманами, нехристью поганой; по его понятіямъ и мусульманну слѣдовало быть крещенымъ, чтобы быть правовѣрнымъ. Какъ же не русскій человекъ? тѣмъ болѣе русскій, что съ этими наивными понятіями онъ соединялъ препорядочный практическій смыслъ и догадливость и былъ себѣ на умѣ. Желалъ онъ и вернуться въ Россію, на родину, и спрашивалъ онъ меня, не будутъ ли его судить какъ измѣнника, примутъ ли. Я отвѣчалъ, что вѣроятно примутъ, что онъ не бѣглець, а плѣнный, и въ коканскую службу вступилъ по неволѣ, для избѣжанія кола; что впрочемъ справлюсь, и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, такъ какъ нельзя его передать съ тѣми коканцами, которые меня отвезутъ домой, такъ пришлю красный шелковый платокъ его меньшей дочери; и впоследствии прислалъ этотъ платокъ.

Только, прибавляя я, русское начальство потребуетъ отреченія отъ мусульманства — на это онъ соглашался, только не безъ запинки; совѣстно было отступить отъ татарскихъ святыхъ и Азретъ-Султана; но что значать татарскіе святые противъ удовольствія проститься съ постылымъ Коканомъ и вернуться на родину.

И тутъ я благодарилъ Бога, что не поддался страху, и теперь предстоитъ мнѣ освобожденіе, а не жизнь въ постыломъ Коканѣ, который мнѣ, при бѣльшемъ образованіи, долженъ былъ опротивѣть хуже чѣмъ Абсеяму, если жить въ немъ безъ ученой цѣли.

А его удерживали въ ханствѣ дѣти, которыхъ онъ очень любилъ, особенно меньшую дочь, лѣтъ четырехъ; та была дѣйствительно пріятный ребенокъ. Эти дѣти были не отъ той жены, на которой онъ женился для избѣжанія кола; та оставалась въ городѣ Коканѣ, а въ Туркестанѣ, переселившись туда, онъ женился на другой, на киргизкѣ. Впрочемъ онъ былъ готовъ обѣихъ бросить, и въ Россіи хотъ съ третьей обвѣнчаться, если бы могъ вывезти дѣтей; но всякій разъ какъ онъ отлучался изъ Туркестана, и могъ бы бѣжать, семейство его сполна должно было оставаться заложниками: почему онъ и упускалъ случаи бѣгства.

Это былъ все плѣнъ, да и военная служба трудная; кромѣ артиллеріи, всѣми городскими караулами долженъ былъ завѣдывать Абсеямъ, да еще и командировки, подъ часъ не безопасныя, на примѣръ за податями съ киргизовъ, ему же поручались, какъ надежному и расторопному человѣку, а коканскіе офицеры барствовали или брали командировки выгодныя, на примѣръ, тотъ же сборъ податей, только изъ смѣрныхъ безоружныхъ ауловъ; бойкіе горцы поручались Абсеяму, да и рекогносцировки въ смутное время; такъ передъ осадой онъ ѣздилъ собирать свѣдѣнія о возстаніи и вернулся ограбленный. И всегда былъ у него товарищъ, коканскій офицеръ, для присмотра за нимъ; такъ и на батареѣ Маніазъ, который ему предоставлялъ трудъ, а себѣ почетъ и прибыль; было за что невзлюбить коканцевъ. Только туркестанскому даткѣ Абсеямъ былъ преданъ; датка видѣлъ отъ него пользу и цѣнилъ ее, хотя платилъ болѣе вниманіемъ нежели чѣмъ-нибудь существеннымъ; природные коканскіе офицеры богатыли отъ разныхъ поборовъ, а Абсеямъ былъ бѣденъ, и сундуки съ пожитками невелики: развѣ скрывалъ свое имѣніе, чтобы не нажить непріятностей — да и то наврядъ; лошадьми, сѣдлами, оружіемъ любилъ щеголять, какъ вообще коканцы, только эту роскошь и знающіе.

Спрашивалъ я его, не дано ли обо мнѣ знать коканскому хану, чего я опасался, какъ препятствія къ моему освобожденію; я не зналъ тогда, что сообщеніе обо мнѣ свѣдѣній изъ Яны-Кургана въ фортъ Перовскій было немедленно, въ день моего приѣзда, рассказано даткѣ, и думалъ, что Дащанъ это скрылъ, — но Абселямъ меня успокоилъ. Станетъ Мурза-Піасъ, говорилъ онъ, рассказывать этому дураку такія вещи, чтобы послѣ съ русскими и не раздѣлаться; нѣтъ, онъ слишкомъ уменъ, умнѣе его коканца и нѣтъ, да и просто умныхъ людей, кромѣ него, нѣтъ въ Коканѣ: всё сволочь.

— Хорошо же ты Абселямъ хана честишь.

— Да что его, его никто и въ грошъ не ставитъ; хоть и глупы коканцы, и тѣ поняли, что за дрянъ ихъ ханъ.

— Такъ какъ же онъ цѣль?

— Да бекамъ и даткамъ вольготно, дѣлаютъ при немъ что хотятъ, что хотятъ и хану изъ податей вносятъ, а то себѣ берутъ, а нужно, такъ другъ другу ханомъ грозятъ. Вотъ и нашъ Мурза-Піасъ съ тѣмъ въ Туркестанъ и поѣхалъ, чтобы не зависѣть отъ ташкентскаго, какъ прежде было; тотъ зубы хоть точить, да нашъ его съ ханомъ вдвоемъ столкнетъ, что вотъ теперь ташкентскій киргизовъ взбунтовалъ, а управиться не умѣетъ. А будь у нашего такія силы какъ въ Ташкентѣ — не былъ бы Туркестанъ въ осадѣ.

— А въ Коканѣ у хана войска много?

— Да сколько дадутъ сосѣднихъ городовъ беки, войско ихъ и знаетъ, а ханъ ни въ какое дѣло не входитъ. Да тѣмъ онъ и держится, что беки перессорились, другъ другу верху дать не хотятъ, такъ и берегутъ такого болвана. Вотъ нашего датку солдаты въ Коканѣ знаютъ и любятъ; онъ имъ прежде командовалъ, при ханѣ служилъ. Да и ханъ, хоть дуракъ, а Мурзу-Піаса все-таки цѣнитъ и почитаетъ, что другаго такого во всемъ Коканѣ не съищешь. Такъ вотъ ташкентскому и не сдобровать, напрасно на нашего злится, самъ попадется.

— А что ханъ, смиренный онъ хоть человѣкъ, безобидный?

— И-и презлой. Хоть и глупъ, и лѣнивъ, а просто звѣрь, какъ есть бѣшеная собака. Хорошо что руки корот-

ки, а то и велить кого убить, да самъ забудеть, такъ человѣкъ и живъ останется. Молодой еще человѣкъ, а памяти ужъ нѣтъ, съ распутства больше одурѣлъ, только ему и дѣла.

Описавши такъ неперемонно нынѣшняго Худояр-Хана коканскаго, Абселямъ, помнится, принялъ за своего паціента лѣкарство, т. е., добрый глотокъ коканскаго коньяку. Я вспомнилъ, что читалъ когда-то о завоеваніи Кокана бухарцами, бывшемъ тому лѣтъ пятнадцать, и спросилъ Абселяма объ этомъ происшествіи, которое уже случилось при немъ.

Онъ отвѣчалъ, что тогдашній ханъ коканскій былъ убитъ на войнѣ, что бухарцы заняли Коканъ; помнится, что о Ташкентѣ рѣчи не было. Только держались они, говорилъ Абселямъ, не долго; и мы же русскіе, состоявшіе въ коканской службѣ, устроили возстаніе, чтобы ихъ прогнать. Насъ бухарцы тѣснили, могли и выдать какъ бѣглецовъ; бѣжать подъ шумокъ въ Россію мы не рѣшались, брясь суда и наказанія, а тутъ кстати пришлось, что и бывшее коканское войско, распущенное и замѣненное бухарцами, было притѣснено и недовольно, да и жителей бухарцы обирали..... Мы первые поднялись *), а тамъ и всѣ; бухарцы, что живы тутъ остались, были прогнаны, тутъ мы и согрѣшили, устроили выборъ нынѣшняго хана, киргизъ онъ былъ **), еще малолѣтній, бѣлой кости (потомокъ Чингисъ-Хана); сталъ править за него дядя, хорошій человѣкъ; да на бековъ не угодилъ, и вотъ какъ потеряли коканцы Ак-Мечеть, такъ и прогнали правителя, и пошла теперешняя неурядица....

Поздно было; Абселямъ ушелъ опять на караулъ; да и врядъ ли былъ этотъ разговоръ такъ непрерывно объ одномъ предметѣ. Это образецъ того, какія свѣдѣнія отъ него по-

---

*) Забылъ, сколько именно, по словамъ Абселяма, русскихъ въ коканской службѣ; помнится, что тогда, во время изгнанія бухарцевъ, ихъ было много; теперь гораздо меньше.

***) Собственно кипчакъ. О кипчакахъ я во всѣхъ извѣстіяхъ о Коканѣ читалъ, что они изъ племени узбековъ; но на мѣстѣ, то есть на Сыр-Дарьѣ и въ Коканѣ, я все слышалъ, что они киргизы; такими ихъ и считаетъ и отличный знатокъ средне-азиатскихъ народовъ, О. Я. Осмоловскій.

лучалъ я о Коканѣ; передано тутъ только то, что я отчетливо и вѣрно помню, и сохраненъ складъ абселямовой рѣчи, но забылъ я его особенныя, полутатарскія слова и обороты. Обыкновенно же наши бесѣды и мои распросы о Коканѣ не держались каждый разъ одного предмета, а что къ слову придется; и начатое объясненіе прерывалось тѣмъ, что Абселямъ пора идти.

А мои вопросы были не объ одной современной исторіи Кокана; были и географическіе, и даже зоологическіе, на счетъ звѣрей, которыхъ я считалъ ему извѣстными. Къ моему прискорбію, Абселямъ не зналъ восточную, горную область Кокана, а только западную часть хребта Кара-Тау и равнины, отъ Яны-Кургана до города Кокана. По его словамъ это больше травяная степь, какъ видѣнная и уже описанная мной до Туркестана; роши только по Дарѣ, все та-же колючка, джида, туранга; кромѣ того насаженныя деревья въ садахъ, тутовья, персики, урюкъ (абрикосы), виноградъ; только къ Ташкенту, а особенно на томъ берегу Дарьи, къ Ходженту и Кокану, болѣе осѣдлаго населенія, болѣе обработанной земли, полей и садовъ, чѣмъ между Туркестаномъ и Яны-Курганомъ; на сѣверѣ отъ Кара-Тау онъ хорошо зналъ Сузакъ, у подошвы горъ; оттуда ѣздилъ разъ и въ Аулье-Та, но ѣздилъ низкой степью, вдоль рѣки Чу, и давно, такъ что мѣстность у Аулье-Та помнилъ смутно и не могъ сказать мнѣ ничего опредѣлительнаго.

Вспомнилъ я, что Гумбольдтъ въ Central-Asien называетъ Сузакъ «обильнымъ тиграми», и спросилъ, много ли тамъ камышей; Абселямъ отвѣчалъ, что камышей нѣтъ и что тигры тамъ живутъ въ саксаульникѣ, котораго пропасть. А самый Сузакъ небольшая коканская крѣпость, какъ Яны-Курганъ, у сѣверной подошвы Кара-Тау, отъ Туркестана прямо на сѣверъ. На Кара-Тау, между Сузакомъ и Туркестаномъ, много лѣса, все высокорослый можжевельникъ, карагачъ, но только на сѣверномъ склонѣ Кара-Тау; на южномъ, къ Туркестану, лѣсу нѣтъ, кромѣ немногихъ ущелій; и въ горныхъ лѣсахъ есть тигры. Кара-Тау, на глазомѣрь, отъ Туркестана верстахъ въ пятнадцать или двадцати; между 15 и 20 мая я почти ежедневно видѣлъ въ горахъ дождь

черезъ открытую дверь своихъ сѣней; въ Туркестанѣ большей частью свѣтило солнце и всего раза два были дожди. Эти дожди всегда шли по полудни, между вторымъ и четвертымъ часами (по солнцу); и хотя у города уже недостаточны для поддержанія растительности лѣтомъ, однако помогаютъ орошенію изъ рѣчки, которое здѣсь требуетъ меньше воды, чѣмъ въ лишенныхъ почти дождя окрестностяхъ форта Перовскій, Хивы и Бухары. Въ горныхъ долинахъ, напримѣръ, близъ Сузака, гдѣ, какъ уже сказано дожди чаще, есть и теперь небольшія пашни, ненуждающіяся въ орошеніи, которое впрочемъ, у самой подошвы горъ, весьма легко въ случаѣ засухи, изъ горныхъ рѣчекъ. Оттого равнины у самага подножія хребтовъ—лучшія, плодороднѣйшія части Кокана, гдѣ ихъ впрочемъ довольно.

На югъ отъ Туркестана, по Абсеяму всего въ четырнадцать верстахъ, но кажется что дальше, по всѣмъ извѣстнымъ маршрутамъ, течетъ Сыр-Дарья, широкая и глубокая, съ разливками; по камыша у рѣки не много, болѣе низкорослаго лѣса: колючка, тальникъ, джидра, туранга — и опять тигры, которыхъ впрочемъ во всемъ ханствѣ довольно.

О большихъ городахъ ханства, Коканѣ и Ташкентѣ, свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Абсеямомъ, не отличались большой подробностью; онъ уже давно тамъ не былъ, лѣтъ двѣнадцать.

Ташкентъ тогда былъ, по его словамъ, огромный городъ, въ сорокъ тысячъ домовъ, что сравнительно съ другими, уже извѣстными показаніями, кажется большимъ преувеличеніемъ. Пространства онъ занималъ версть пятнадцать, въ своемъ наибольшемъ протяженіи, и, по словамъ Абсеяма, вдвое больше и торговѣ Кокана, гдѣ однако жителей тысячь до ста, и населеніе гуще, хотя и не такъ многочисленно, но тѣснѣе живетъ. Дома такіе же какъ въ Туркестанѣ, глиняные, самые первобытные, и въ Ташкентѣ и въ Коканѣ, и вообще, говорилъ Абсеямъ, все что я видѣлъ въ Туркестанѣ, можно примѣнить и къ Кокану и къ Ташкенту, только что тѣ города больше, и такого памятника,

какъ мечеть Азретъ-Султана, въ нихъ нѣтъ и посмотрѣть не на что. Дворецъ хана въ Коканѣ—множество одноэтажныхъ домовъ и дворяковъ, все глиняное, такой же постройки, какъ жилище туркестанскаго датки, не роскошнѣе, а больше, и занимаетъ столько же мѣста, какъ туркестанская цитадель.

На обратномъ пути изъ Туркестана я спрашивалъ о тѣхъ же городахъ природнаго ташкентца, Гапара, въ Яны-Курганѣ. Онъ не опредѣлялъ пространства и населенія, но говорилъ, что Ташкентъ просторно построенъ, есть въ немъ много садовъ и даже поля (какъ въ Хивѣ, по Базинеру); что домиковъ въ Ташкентѣ много, все большіе, и значительная часть ихъ пусты и разваливаются; постояннаго населенія немного развѣ больше, чѣмъ въ Туркестанѣ *); гораздо больше пріѣзжихъ по торговымъ дѣламъ, и, если много пустыхъ домовъ, за то нѣтъ пустыхъ лавокъ; а лавокъ немногимъ меньше чѣмъ домовъ, и больше такпхъ, которыя занимаютъ на время купцами изъ пріѣзжихъ каравановъ, смѣняющихся другъ друга **). Около Ташкента много кочевковъ, а около Кокана болѣе садовъ и полей, принадлежащихъ преимущественно жителямъ города, который много меньше Ташкента торгуетъ, а болѣе жители занимаютъ земледѣліемъ, садоводствомъ, разводятъ хлопчатую бумагу, шелковицу, марену—то-же, что въ Бухарѣ, но не столько для торговли, а болѣе ограничиваясь собственнымъ потребленіемъ и обмѣномъ на скотъ коканскимъ же кочевникамъ. Въ этомъ послѣднемъ для Кокана служатъ отчасти посредниками ташкентскіе купцы; но изъ словъ Гапара уже видно, что собственно ташкентское купечество незначительно, а Ташкентъ болѣе перепутье для иноземныхъ каравановъ; осо-

---

*) Въ Туркестанѣ, по видѣннымъ мной образцамъ, если положить сто квадратныхъ сажень на дворъ, и половину пространства города, которое одна квадратная верста, подъ улицы, площади, лавки, — будетъ 1,250 дворовъ, а такъ какъ многіе меньше, такъ до 1,500; не знаю сколько пустыхъ, но движенія на улицахъ много, особенно у базара, и 5—7,000 жителей будетъ.

**) Ташкентскую торговлю описалъ г. Небольсинъ, въ X книгѣ Записокъ географическаго общества.

бенно бухарцы, не смотря на свои частыя непріятности съ Коканомъ, ввозятъ туда произведенія свои, русскія, афганскія, англійскія (получаемыя черезъ Кабуль, Герать и Мешедъ), а вывозятъ коканскія и китайскія, (получаемыя изъ Кашгара черезъ Ушъ, Маргилянъ и Коканъ), отчасти въ Бухару, а отъ части въ русскія владѣнія. При проходѣ черезъ коканское ханство, бухарскіе караваны безопаснѣе, нежели когда идутъ близъ коканской границы, гдѣ ихъ коканцы не рѣдко грабятъ.

Такимъ образомъ главные торговцы въ Ташкентѣ кашгарскіе и бухарскіе; особенно послѣдніе, а тамъ ужъ и туземные; но мелочной, осѣдлой торговлею занимаются, по крайней мѣрѣ въ Туркестанѣ, болѣе коканскіе сарты, къ которымъ впрочемъ можетъ присоединиться, поселясь въ ханствѣ, всякій мусульманскій купецъ; при томъ сарты одно племя, и въ Бухарѣ и въ Коканѣ. Въ Туркестанѣ и Ташкентѣ есть и нѣкоторые наши, казанскіе татары, и немногіе евреи. Временнымъ, караваннымъ купцамъ то-же не запрещается продавать въ розницу.

Статистическихъ цифръ я не могъ добыть; въ Коканѣ объ нихъ не имѣютъ понятія. А торговые пути легче узнать въ Троицкѣ, чѣмъ въ Туркестанѣ или Яны-Курганѣ.

Между тѣмъ осада города шла своимъ чередомъ, какъ будто бы и не было рассказаннаго выше договора датки съ блокирующими городъ киргизами о мирѣ и снятіи осады.

Киргизы жѣшались выходившимъ коканскимъ партіямъ добывать траву для лошадей, но до рукопашнаго боя не доходило; коканцы стрѣляли, скупясь впрочемъ на порохъ, и отступали; киргизы преслѣдовали, но не быстро, боясь городскихъ пушекъ, и при возвращеніи коканцевъ въ городъ слышался пушечный выстрѣлъ изъ воротъ, или даже два, довольно невинныхъ: коканскія пушки далеко не бьютъ. Выдержавши благополучно пальбу, киргизы, пока заряжались пушки, что не скоро, кидались къ воротамъ, въ надеждѣ ворваться въ городъ, прежде чѣмъ ихъ запрутъ, — но ворота всегда запирались во время, подъ носомъ штурмующихъ, которымъ разбить ихъ было не чѣмъ.

Впрочемъ, такія безвредныя вылазки гарнизона ободряли осаждающихъ дешевыми побѣдами.

Разрѣшеніе осаждающимъ ходить въ городъ на базаръ, данное при заключеніи договора, пока не отменялось; пытались киргизскія толпы и такимъ образомъ ворваться, — но безуспѣшно; передъ ними запирались ворота, ихъ встрѣчали пушками. Стража у воротъ была многочисленна и исправна: впускались киргизы только малыми партіями или одинокіе, со скотомъ, — тѣ были необходимы для продовольствія города, который уже терпѣлъ недостатокъ.

Такъ продолжалось съ недѣлю послѣ нарушеннаго киргизами договора о снятіи осады; даткѣ такое положеніе было крѣпко не по сердцу, но онъ скрывалъ свою досаду и продолжалъ оборону чисто пассивную, обдумывая и приготовляя рѣшительный, вѣрный ударъ непріятелю — и только слѣдилъ, какъ непріятель ободрялся, на чемъ и былъ основанъ его расчетъ.

Подождавши недѣлю, какъ уже сказано, датка велѣлъ захватывать проходящихъ на базаръ киргизовъ; это дѣлалось два утра сряду, но на второе утро разумѣется пришли очень немногіе, не успѣвшіе узнать что вчерашніе не возвращались изъ города: а что были такіе, объясняется тѣмъ, что то та, то другая часть осаждавшихъ откочевывала въ ближнія къ городу степи и опять возвращалась; иначе не могли держаться подъ городомъ нѣсколько тысячъ киргизовъ.

На другой день послѣ этого приказа, мая 18-го по полудни, я услышалъ гораздо сильнѣйшую обычной пальбу: выстрѣловъ до десяти, съ малыми промежутками, изъ пушекъ. Потомъ стихло; съ пол часа молчаніе — еще выстрѣлы и это были послѣдніе, которые я слышалъ въ Туркестанѣ.

Къ абселямовой женѣ пришли двѣ знакомыя ей женщины, обрадованныя; изъ ихъ очень живаго разговора я успѣлъ понять что осада снята, киргизы разбиты. Къ захожденію солнца пришелъ и Абселямъ, и рассказалъ какъ было это дѣло, которое онъ отчасти и рѣшилъ, самъ наводя свои пушки.

Съ полудня датка сталъ привлекать киргизовъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ. Тамъ была собрана большая часть

гарнизона, и безпрестанно выѣзжали отряды въ поле, но отъ боя уклонялись. Киргизы столпились тутъ, почти всѣ бывшіе подъ Туркестаномъ; когда ихъ набралось достаточно, и они стали разѣзжать передъ городомъ — коканцы сдѣлали вылазку, но, не выдержавши рукопашнаго боя, обратили тылъ. Киргизы, ободренные этимъ, озлобленные захватомъ своихъ товарищей, преслѣдовали — но ускакавшіе коканцы въ порядкѣ выстроились у стѣны, и открыли пушки, поставленныя въ воротахъ, когда ихъ преслѣдователи были уже почти у стѣны. Въ упоръ стрѣляли картечью, шагахъ въ сорока; каждый выстрѣлъ губительно врѣзывался въ толпу; киргизы отхлынуть, опять набѣгутъ — опять отражены картечью, и послѣ нѣсколькихъ натисковъ, они съ десятаго помнится выстрѣла рѣшительно обратили тылъ; но въ ихъ лагерь собиралось подкрѣпленіе наподавшимъ, и когда коканцы кинулись ихъ преслѣдовать и разсѣяли, то были вскорѣ встрѣчены свѣжими непріятелями.

Опять то-же отступленіе коканцевъ; опять натиски киргизовъ, опять картечь въ упоръ, опять бѣгство киргизовъ, преслѣдованіе коканцами; опять киргизы попробовали собраться, отразить коканцевъ, — но второй коканскій отрядъ, тайкомъ высланный изъ другихъ воротъ, уже раззорялъ ихъ лагерь; киргизы пришли въ смятеніе, распространился паническій страхъ, оба коканскіе отряда рубя ихъ съ плеча, едва встрѣчая сопротивленіе, пробились въ толпѣ, соединились, опять разсѣялись между киргизами (коканцевъ было одинъ на двадцать) и разбили, разогнали оторопѣвшихъ непріятелей. Много было захвачено скота; осаждавшіе городъ покинули свои кибитки и разбѣжались. Всѣ были конные, и уронъ ихъ былъ не очень великъ, человекъ сто, или меньше даже, чуть ли не пятьдесятъ, не считая легко раненныхъ *), которые ускакали, а въ рукопашномъ бою больше и было легко раненныхъ сабельными ударами, или пиками.

---

*) Абселямъ колебался между этими двумя цифрами оставшихся на мѣстѣ, убитыхъ и тяжело раненныхъ, которыхъ никто не считалъ.

III.

Свобода. — Балыкбай. — Шодырь. — Обратный путь. — Коканцы под Яны-Курганомъ.

Осада Туркестана была снята, и мнѣ мелькнула мысль, что побѣдоносный датка можетъ нарушить слово и удержать меня въ плѣну; но скоро сообразилъ я, что датка знаетъ киргизовъ, знаетъ и то, лучше меня, что осада снята, потому что удалось напугать непріятелей, а киргизскій страхъ непродолжителенъ и возстаніе еще вездѣ торжествуетъ, такъ что опасность для города далеко не миновалась, и нельзя ему смотрѣть легко на угрожающее вмѣшательство русскихъ въ такихъ обстоятельствахъ. Конечно, Ак-Мечеть разъ отбила русскихъ, а на слѣдующій годъ была взята не безъ труда, потому что коканцы храбро и упорно защищаютъ крѣпости, но Ак-Мечеть крѣпость была новая, устроенная для обороны артиллеріей, а въ Туркестанѣ укрѣпленія старинныя, и можно было стрѣлять только изъ открытыхъ воротъ плохими пушками, — а если ихъ подбить и ворота разбить ядрами изъ орудій лучшаго достоинства, такъ Туркестанъ взятъ. Это все датка дѣйствительно расчелъ, почему, вѣроятно, и побѣда надъ киргизами не измѣнила его рѣшенія освободить меня для удобнѣйшаго примиренія съ русскими.

Я впрочемъ не зналъ тогда, что генераль Донзасъ уже пошелъ на Джулекъ; это отъ меня скрывали. Я полагалъ, что онъ пойдетъ, если коканцы станутъ затягивать дѣло о мирѣ или перемиріи и уклоняться отъ удовлетворенія за свои набѣги. Потому я и ожидалъ освобожденія недѣли черезъ двѣ или около трехъ, считая отъ 13-го мая; а около 25-го ждалъ возвращенія посланныхъ для переговоровъ съ русскимъ начальствомъ.

Зато и удивился я, и обрадовался, когда они явились ко мнѣ уже на слѣдующій день послѣ отбитаго штурма, 19-го, съ киргизомъ переводчикомъ изъ форта Перовскій, и объявили мнѣ, что я свободенъ, и что время моего отъѣзда изъ Туркестана зависитъ отъ меня! Высланный ко мнѣ переводчикъ Балыкбай при мнѣ и остался; высланы были мнѣ и

деньги, но не выкупъ, а всего золотыхъ шесть, да и того было много. Освобожденіе мое было безусловно.

Балыкбай объяснилъ мнѣ ихъ ранній пріѣздъ тѣмъ, что посланные даткой Аркабай и Куракъ генерала Данзаса застали у Джулека, гдѣ онъ хотѣлъ дожидаться моего возвращенія. Въ переговоры онъ не вступалъ, а требовалъ, чтобы коканцы доказали искренность своего миролюбія моимъ немедленнымъ освобожденіемъ; на что туркестанскій датка согласился. Послѣ я узналъ, что моя записка о мирныхъ условіяхъ послана не была; датка самъ написалъ другую, о томъ, чего я писать не хотѣлъ: о границахъ, о выдачѣ перекочевавшихъ киргизовъ, и желалъ, чтобы объ этихъ предметахъ начальство сыр-дарьинской линіи передало бы настоящее положеніе дѣлъ на высочайшее разсмотрѣніе, а до заключенія прочнаго договора между государемъ и коканскимъ ханомъ назначило бы временную границу на Бир-Казани, и тоже временно, впредь до узнанія высочайшей воли, обязалось бы объявлять перекочевавшимъ въ русскіе предѣлы киргизамъ, что ихъ безъ особаго разрѣшенія государя принимать нельзя; какъ видно, датка изъ моихъ отвѣтовъ заимствовала дипломатическую форму, въ которой излагалъ свои мирныя предложенія. На основаніи то-же переговоровъ со мной, онъ поручилъ Аркабаю торговаться на счетъ этихъ условій, уступать постепенно, какъ самъ со мной уступалъ, и уполномочилъ его согласиться на простое обоюдное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій, съ устраненіемъ прочихъ условій; но какъ уже сказано, Аркабаю не пришлось на этотъ разъ показать свои дипломатическія способности. Когда онъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь, то генералъ Данзасъ только спросилъ: пріѣхалъ ли я съ ними, и узнавши что нѣтъ, не принялъ никого изъ посланныхъ. Г. Осмоловскій ихъ принялъ, и взялъ письмо датки; но отказался его при нихъ читать, и не распечаталъ, а только напомнилъ, что онъ писалъ въ Туркестанъ о моемъ *безусловномъ, немедленно* освобожденіи и что до исполненія этого требованія нѣтъ переговоровъ ни о чемъ, а меня добудутъ и въ Туркестанѣ, и освободятъ; почему генералъ ихъ и не принялъ, а онъ принялъ только для того, чтобы это объявить; Аркабай нашелся и придумалъ,

что я освобожденъ еще до ихъ отъѣзда, и приѣхалъ бы съ ними, если бы не помѣшала болѣзнь, слѣдствіе ранъ; за тѣмъ сталъ просить хоть нѣсколько уважить пскреннее мпролюбивое расположеніе датки, и до возвращенія его, Аркабая, со мной, не идти далѣе къ Туркестану, говоря, что если онъ даже такого короткаго перемирія не выхлопочетъ, такъ его голова при возвращеніи домой не безопасна; а меня обязывался немедленно привести. Тогда съ нимъ отправили нѣкоторыхъ почетныхъ русскихъ киргизовъ, для конвоя мнѣ, и генералъ Данзасъ, которому г. Осмоловскій все это сообщилъ, согласился не идти пока далѣе, и согласился тѣмъ болѣе, что походъ до Туркестана и осада города были бы съ его стороны превышеніемъ власти, и все его движеніе было простой демонстраціей, только вѣрно рассчитанной на успѣхъ. За тѣмъ онъ и держался «внушительно» съ коканскими посланными, чтобы было ему возможно скорѣе вернуться: вода въ Дарьѣ быстро прибывала и при промедленіи затруднила бы ему возвращеніе въ фортъ Перовскій, куда ему еще нужно было вернуться по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Но коканскіе посланные тѣмъ меньше могли это узнать, что никто въ лагерѣ того не зналъ (кромѣ, можетъ быть, г. Осмоловскаго) до приказа идти назадъ; за то, когда вернулся Аркабай, такъ коканцамъ приближеніе русскаго отряда казалось еще грознѣе прежняго, и страхъ, наведенный на Аркабая, подѣйствовалъ и на датку.

- За то испугался же опять Аркабай, и потѣшилъ меня испугомъ, когда Абсеямъ объявилъ ему, что мнѣ по болѣзни все еще ѣхать нельзя, и я живой не доѣду, если выѣду раньше, нежели еще черезъ недѣлю! Приставалъ же онъ ко мнѣ, а Балыкбай переводилъ, чтобы я скорѣе ѣхалъ, обѣщая съ клятвами меня покойно довести. Я отвѣчалъ, что подумаю, соображусь съ своимъ здоровьемъ, и лишняго времени въ Туркестанѣ не останусь — лицо Аркабая вытянулось, ему уже видѣлся штурмъ Туркестана русскими.

А между тѣмъ я рѣшилъ ѣхать на слѣдующій день; хоть въ тотъ же вечеръ, если удастся. О способѣ ѣзды, такъ какъ я еще не могъ держаться на лошади, у насъ уже давно была рѣчь съ Абсеямомъ, и я зналъ, что въ Тур-

кестанѣ есть давно оставленная русскимъ прикащикомъ телѣга и что мнѣ ее дадутъ. Я поручилъ Абсеяму ее справить, да поскорѣе; онъ мнѣ сталъ представлять мою болѣзнь, слабость; говорилъ, что я все равно свободенъ, что время терпѣть, что могу Туркестанъ осмотрѣть (это мнѣ было разрѣшено и прежде, во уваженіе боли въ ногахъ и неспособности ходить и слѣдовательно пользоваться разрѣшеніемъ), — Аркабай ему, да и мнѣ, не сообщилъ того, почему ему нуженъ мой поспѣшный отъѣздъ; но я слышать ничего не хотѣлъ; я чувствовалъ себя здоровымъ и крѣпкимъ, переставши быть плѣнникомъ. Тогда Абсеямъ рѣшился ѣхать со мной до Яны-Кургана, чтобы не быть мнѣ безъ лѣченія, если болѣзнь остановить дорогой.

Впрочемъ уже давно мое здоровье поправлялось, особенно со времени переселенія къ Абсеяму; это мнѣ сказывалъ обычный барометръ здоровья, охота курить, и курилъ я кальянъ, только безъ воды и съ короткимъ чубукомъ. Кстати о куренья. Аркабай привезъ мнѣ отъ Дашана подарокъ: похищенныя у меня трубку и табашницу, а Балыкбай папирсъ отъ Г. Осмоловскаго.

Этотъ день я блаженствовалъ такъ, что даже Туркестанъ мнѣ нравился, я уже *не ожидаю* свободы, а *получилъ* ее, и не много помню на своемъ вѣку такихъ отрадныхъ впечатлѣній.

На слѣдующій день ко мнѣ пришелъ незнакомый старикъ, маленькій и невзрачный. Это былъ отецъ изранившаго меня коканца; онъ меня поздравлялъ съ освобожденіемъ и сказалъ, что онъ своего сына, такъ меня изувѣчившаго, и за сына не признаетъ; что я его встрѣчу въ Яны-Курганѣ, и могу хоть убить, въ отмщеніе за свои раны*). Я отвѣчалъ, что благодарю за участіе, на сына онъ пусть не сердится, какъ и я не сержусь, что тотъ изранилъ меня въ бою — мы дрались, я самъ въ него стрѣлялъ, да ружье разорвало, такъ онъ остался живъ, и рубилъ меня за выстрѣлъ — тутъ преступленія нѣтъ, а дѣло военное. На томъ старикъ и ушелъ, видимо обрадованный

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, перевелъ Балыкбай.

и успокоенный, что я на его сына жаловаться не буду; выслушавши мой отвѣтъ, онъ молча подалъ мнѣ руку и приложилъ ее къ сердцу.

За нимъ явился Аркабай и подарилъ мнѣ четыре куска шелковой матеріи, узкой, и куски небольшіе, рублей на пятнадцать по туркестанской цѣнѣ; я его отдалъ за то въ фортъ Перовскій. А потомъ пришлось идти къ даткѣ и по дорогѣ, я, поддерживаемый Абселямомъ и еще коканцемъ, ибо иначе ходить не могъ отъ разболѣвшихся ранъ на ногахъ, зашелъ на одинъ открытый дворъ посмотрѣть маленькаго журавля. Это былъ *Grus virgo*, водящійся въ Крыму, но не въ киргизской степи, кромѣ верховьевъ Иргиза.

Приемъ датки вертѣлся на подаренныхъ почетныхъ халатахъ, которые составляютъ коканскій знакъ отличія. Прежде, какъ уже сказано, получилъ такой халатъ Дащанъ, за то, что захватилъ меня, теперь Абселямъ, за то, что лѣчилъ меня. Получилъ и я, просто на память, а Абселямъ въ послѣдствіи мнѣ сказалъ, что въ знакъ уваженія, за то, что не хотѣлъ принять мусульманства, и этимъ достигъ до освобожденія изъ плѣна, лишивши коканцевъ всякаго другаго отвѣта на требованія г. Осмоловскаго и генерала Данзаса.

Халаты эти, когда мы вошли, датка имѣлъ оба на себѣ, оба новые, а третій подъ ними свой; не смотря на жаръ, всѣ на легкой ватѣ, всѣ полшелковые, мой свѣтло-бирюзовый, съ краснымъ узоромъ *chiné*, абселямовъ красный съ черными полосками, и мой надѣтъ сверху всѣхъ. Все это была условлено коканскимъ этикетомъ, даже цвѣта. Дащанъ то-же получилъ красный — почему и упоминается. Наградивши насъ халатами, датка поручилъ мнѣ письмо на имя генерала Катенина, которое я послѣ передалъ; оно при дѣлѣ о моей экспедиціи, и содержало одни комплименты, а генерала Данзаса и Осмоловскаго просилъ завѣрить въ его миролюбивомъ расположеніи и желаніи жить съ русскими, какъ прилично добрымъ сосѣдямъ — чѣмъ аудіенція кончилась.

Но по полудни была и другая, и чуть ли не на этой, а не на предыдущей, мнѣ было дано письмо къ генералу Катенину. Было и угощеніе шербетомъ, т. е., просто сахарной

водой, которая въ Коканѣ составляетъ весьма изысканное угощеніе, такъ какъ сахаръ рѣдокъ и дорогъ. Кромѣ того я слышалъ много любезностей, что по мнѣ, напримѣръ, датка научился любить и уважать русскихъ, которыхъ прежде считалъ просто врагами Кокана, хоть и храбрыми; просьбу быть въ перепискѣ съ туркестанскимъ другомъ; приглашеніе посѣтить Туркестанъ не плѣнникомъ, а просто путешественникомъ. Я благодарилъ, но вѣрилъ плохо; все это явно говорилось, чтобы и я помогъ Аркабаю (который ѣхалъ со мной) отклонить отъ Туркестана русскую грозу.

Вернувшись отъ этого втораго визита, я вскорѣ увидалъ — и сердце забилося отъ радости — телѣгу, на которой мнѣ предстояло ѣхать изъ коканскаго ханства. Абселямъ имѣлъ разрѣшеніе ѣхать со мной до Яны-Кургана, мы проворно снарядились въ путь; въ телѣгѣ была устроена мнѣ постель. Упряжь была въ родѣ русской, какую можно встрѣтить и въ Финляндіи: дуга кой-какъ согнутый сукъ, хомуты изъ свернутой кошмы, прочее веревочное, отчасти изъ ремней, на живую нитку; запряжена пара, и верховой вель коренную за поводъ, потомъ взялъ и пристяжную, чего въ Финляндіи уже нѣтъ.

На первый разъ мы только выѣхали изъ Туркестана, и остановились ночевать у подгородняго аула, изъ успѣвшихъ уже явиться по снятіи осады; на слѣдующій день, 21-го числа, выѣхали, отдохнули у развалинъ крѣпости Ак-Тюбе, у рѣчки, переѣхали до того еще двѣ рѣчки, и отправились ночевать къ Саурану, у большаго кладбища. Тамъ была то-же рѣчка, многіе аулы и орошаемая изъ рѣчки пашни, — рѣчка текла въ широкой плоской долинѣ. Остальныя были затруднительны для переѣзда въ телѣгѣ — не по глубинѣ, едва по ступицу, но по крутизнѣ береговъ у овраговъ, въ которыхъ текли. Не разъ ломался деревянный шворень, но были запасныя палки. Дорога была впрочемъ колесная, но запущена со времени взятія русскими Ак-Мечети; мѣстность — такая же травяная степь, какъ описанная выше, по пути изъ Яны-Кургана, только травы разнообразіе, кустистѣе — и рѣже; всего больше бобовыхъ растений. Кормъ для лошадей по этой дорогѣ вообще хуже, чѣмъ на упомянутой ближней къ

Кара-Тау, кромѣ луговинъ у Саурана. 22-го мы отдыхали у Сыр-Дарьи, и къ ночлегу приѣхали въ Яны-Курганъ; дорогою встрѣтили бродящихъ киргизовъ, изъ осаждавшихъ Туркестанъ, по встрѣчи обошлись мирно; они насъ сами избѣгали, и рады были, что мы ихъ, опросивши, отпускали. Не смотря на этотъ упадокъ духа, они потомъ опять осаждали Туркестанъ, и опять были прогнаны подкрѣпленіемъ изъ Ташкента, котораго бекъ былъ между тѣмъ смѣненъ.

Изъ Яны-Кургана намъ выѣхаль на встрѣчу Дащанъ съ братомъ, провожавшимъ меня въ Туркестанъ; Дащанъ между тѣмъ успѣлъ, возвращаясь изъ Туркестана, попасться въ плѣнъ возставшимъ киргизамъ, и вскорѣ убѣжать, хотъ его держали и связаннымъ, — а убѣжалъ по своему обычаю на лучшей лошади, какую только примѣтилъ у захватившихъ его. Своего лихаго бѣгуна, на которомъ взявши меня въ плѣнъ, въѣзжалъ въ Яны-Курганъ, онъ въ Туркестанъ не бралъ, почему и попался, но безъ пныхъ послѣдствій, кромѣ выгоднаго для него обмѣна лошадей.

Съ нимъ ѣхаль еще толстый, красный киргизъ въ полосатомъ шелковомъ халатѣ, съ выдровой опушкой, которая на Дарьѣ большая роскошь. Его Балыкбай мнѣ представилъ, что это *нашъ* батырь, Шодырь.

Этотъ Шодырь былъ дѣйствительно батырь, но другаго свойства чѣмъ Дащанъ, хотъ то-же типическій киргизъ. Онъ былъ похожъ на черноморова брата въ Руссланѣ и Людмилѣ, Пушкина, мужчина ражій, еще сильнѣе Дащана, который и самъ подковы разгибалъ, толстъ и простъ, но смѣлъ соразмѣрно своей силѣ, которою очень гордился. За то и надуть былъ и говорилъ не иначе какъ хриплымъ спѣсивымъ басомъ, въ родѣ индюка, распускающаго хвостъ, на котораго еще былъ похожъ и дородствомъ и краснымъ лицомъ. Голова всегда закинута назадъ, курносый носъ угрожаетъ небу, монгольское скуластое лицо налито кровью, брови грозно насуплены, рѣдкіе усы и борода щетнятся — знай нашихъ. Дащанъ любилъ болѣе казаться ловкимъ, развязнымъ щеголемъ — мучительная забота о поддержаніи геройскаго вида выражалась во всей осанкѣ, во всякомъ словѣ и движеніи Шодыря — чтобы не даромъ имъ гордились акмечетскіе киргизы, въ

томъ числѣ и Балыкбай. Словомъ, Дащанъ былъ батырь изворотливый, а Шодырь батырь представительный — и эта представительность выражалась и въ богатырскомъ его аппетитѣ, на которой не безъ гордости, какъ на родное чудо, указывали его земляки — Шодырь могъ съѣсть въ одинъ присѣсть какой угодно бараній курдюкъ, т. е., за двадцать фунтовъ сала!

Этотъ аппетитъ богатырскій и указалъ сперва, что его назначеніе, специальность, быть батыремъ (что однако оправдалось храбростью въ набѣгахъ и барантахъ съ коканцами) и давалъ ему средство держаться *батыремъ* и въ мирное время, не превращаясь въ *джигита*, т. е., киргизкаго дэнди, какъ Дащанъ. За то и зависти между ними не было; какъ познакомились (когда Шодырь былъ посланъ за мной съ Балыкбаемъ), такъ и сдружились; Шодырь простодушно, какъ честный, справедливый воинъ, восхищался молодечествомъ Дащана, и для него остался ждать меня въ Яны-Курганѣ, а въ Туркестанѣ не поѣхалъ. Знать онъ не хотѣлъ, такъ какъ баранты тогда не было, что Дащанъ грабитель и лиходѣй его акмечетскихъ земляковъ — въ мирное время онъ въ немъ видѣлъ только удальца, товарища себѣ въ поддержаніи славы древнихъ батырей, хоть и въ иномъ родѣ, слѣдовательно друга: такъ у Гомера троянецъ Главкъ подружился съ Діомидомъ.

Съ другой стороны Аркабай, то-же киргизъ, обкоканившійся и сверхъ того обратившій свое удалство на дипломатическое поприще (чего образчикъ вскорѣ увидимъ; и онъ былъ не изъ робкихъ) называлъ мнѣ Дащана не героемъ, не батыремъ, а презрительно — воромъ. Аркабай уже не признавалъ самовольныхъ набѣговъ, хотя тотъ же разбой считалъ законной войной, если онъ дѣлается по приказанію или хоть съ разрѣшенія бека; на примѣръ пощипать караванъ. Впрочемъ, это все-таки уже ближе къ европейскимъ понятіямъ.

Въ Яны-Курганѣ была дневка, дѣлали желѣзный шворень къ телѣгѣ; мнѣ отвели квартиру въ домикѣ у крѣпостныхъ воротъ, и я принималъ нѣкоторыхъ гостей; тутъ я распрашивалъ Гапара о Ташкентѣ. Дѣлалъ я визитъ яны-кур-

ганскому коменданту Джабекъ-Бію; опять почетный приѣмъ, комплименты — и халать; Балыкбай мнѣ сказалъ, что протокъ Бир-Казань, черезъ который намъ надо было проѣзжать между Джулекомъ и фортомъ Перовскимъ, разлился, и бродъ ненадеженъ; я послалъ письмо къ коменданту форта Перовскій, прося выслать мнѣ шлюпку за Бир-Казань; послалъ одного изъ высланныхъ ко мнѣ русскихъ киргизовъ. Генерала Данзаса все считали стоящимъ у Джулека, хотя, какъ сказано выше, онъ тогда уже возвратился. Абселямъ тутъ долженъ былъ возвратиться и съ нимъ еще туркестанскій коканецъ; вмѣсто ихъ Джабек-Бій назначилъ состоять при мнѣ двухъ яны-курганскихъ киргизовъ.

Аула подъ крѣпостью, какъ въ мой первый проѣздъ, уже не было; окрестные киргизы бунтовали, а немногіе вѣрные Кокану заперлись въ крѣпости.

На слѣдующій день, 24-го мая, мы однако поѣхали, и версть черезъ семнадцать остановились у озера, гдѣ узнали, что возставшихъ киргизовъ до 1,000 (по слухамъ) не пропускаютъ дальше. Аркабай засуетился, послалъ нарочнаго въ Яны-Курганъ, потомъ и меня туда воротилъ, когда пришло приглашеніе тамошняго коменданта вернуться и изъ Яны-Кургана опять ѣхать лѣвымъ, безопаснымъ берегомъ Дарьи; а на всякій случай, чтобы проводить меня, былъ высланъ на встрѣчу Дащанъ съ пятидесятью человекми. За мою безопасность безпоконились, боясь генерала Данзаса. Аркабай поѣхалъ къ неприятелю, не безъ риска, попытать свою дипломатическую способность; я съ Балыкбаемъ назадъ, но отѣхавши самую малость, я рѣшилъ вернуться и ѣхать дальше правымъ берегомъ, не боясь инсургентовъ. Возставшіе противъ Кокана должны были щадить русскихъ, заискивать ихъ, особенно послѣ данзасова похода и особенно при усиленной перекочевки коканскихъ киргизовъ въ русскія владѣнія. Я могъ добиться свободнаго прохода скорѣе, нежели Аркабай.

Я засталъ его съ старшиной изъ возставшихъ, съ которымъ немедленно завелъ рѣчь самъ, представляя, что я русскій, въ ихъ дѣла съ Коканомъ не замѣшанъ, но что имъ опасно заводить непріятности хоть съ моими коканскими про-

вожатыми, которые ѣдутъ возвратить русскаго плѣнника, и потому неприкосновенны: обида имъ — обида русскимъ, а вражду уже съ Коканомъ да заведя вражду еще съ русскими, они будутъ между двухъ огней и погибнуть. Старшина уже соглашался — какъ пришло извѣстіе, что скопище разбито Дащаномъ, который, вмѣсто того, чтобы прикрывать, какъ ему было приказано, мое возвращеніе въ Яны-Курганъ, напалъ на инсургентовъ, не считая ихъ, разсѣялъ, съ пятидесятью человѣками противъ пятисотъ (а тысячи вѣроятно преувелчены) и послалъ мнѣ сказать, что дорога свободна и я могу ѣхать дальше.

Мой старшина смутился и посмотрѣлъ на меня укоризненно. Я поручилъ его Аркабаю, и поручился, отъ имени страшнаго коканцамъ Данзаса, что прекращеніе ими неприязненныхъ дѣйствій будетъ принято какъ результатъ мирныхъ его переговоровъ съ Аркабаемъ, а не дащановой побѣды и что ограблены они не будутъ; а въ случаѣ дальнѣйшихъ неудовольствій будутъ приняты въ русскихъ владѣніяхъ; этотъ старшина, сказалъ мнѣ Балыкбай, давно расположенъ къ русскимъ. Старшина съ Аркабаемъ поѣхалъ въ Яны-Курганъ, и имъ дѣйствительно былъ возвращенъ отбитый Дащаномъ скотъ, кромѣ небольшой взятки яны-курганскимъ начальствомъ, въ томъ числѣ и Дащану, и угощенія посланныхъ съ Дащаномъ солдатъ; никого изъ оставшихъ-было и не задержали, и всѣ спокойно остались на своихъ кочевьяхъ. Но потомъ эти киргизы сочли за лучшее откочевать въ русскіе предѣлы; а во время моего проѣзда, яны-курганскій комендантъ самъ боялся инсургентовъ, и радъ былъ хоть на время устранить осаду своей крѣпости, которую боялся навлечь высококомѣріемъ съ побѣжденными.

Послѣ этого эпизода, мы ѣхали всю ночь до Охчу; тамъ догналъ насъ Аркабай, вернувшись съ переговоровъ въ Яны-Курганъ. Я сильно усталъ, и въ Охчу (гдѣ могилы такія же, какъ у бывшаго Отрара, описанныя выше), со мной сдѣлался обморокъ и кровь потекла изъ ранъ; мы продневали. Балыкбай просилъ тамошняго отшельника за меня молиться, конецъ обморока приписалъ его святой молитвѣ, и одарилъ его; далъ и я халатъ свой туркестанскій, только не подаренный

на прощальной аудіенціи, а прежній, въ уплату за угощеніе всей нашей партіи. Этотъ отшельникъ былъ бѣдный киргизъ, жившій приношеніями проѣзжихъ, и за пустынножителство при святыхъ могилахъ принялся отъ бѣдности. Какъ отрѣшенный отъ міра сего, онъ принималъ одинаково и коканцевъ, набѣгающихъ въ русскіе предѣлы, и русскихъ киргизовъ, набѣгающихъ въ Коканъ.

Проведя изъ-за этого обморока весь день 25-го въ Охчу, мы 26-го поѣхали дальше, ночевали у Кумсуата, и еще до зари продолжали путь; на русской границѣ, близъ Охчу, насъ встрѣтили безчисленные слѣнии и комары, которыхъ я не встрѣчалъ въ коканскомъ ханствѣ даже въ болотахъ близъ Яны-Кургана; не знаю отчего это различіе. Часовъ въ семь утра, 27-го, я пересѣлъ на шлюпку, высланную изъ форта Перовскій, и очутился между русскими: опять была радостная минута, а еще лучше, когда я вернулся въ фортъ Перовскій въ тотъ же день и еще одѣтый коканцемъ, въ халатѣ, подаренномъ мнѣ на прощанье туркестанскимъ даткой, явился къ г. Осмоловскому, котораго участіе въ моемъ освобожденіи уже объяснено. Тамъ мой истощенный видъ казался страшнымъ — а я, сравнительно съ перелетнымъ въ Туркестанѣ, уже чувствовалъ себя здоровымъ.

Это было 27-го мая 1858 года, черезъ тридцать одинъ день послѣ взятія меня въ плѣнъ коканцами.

НИКОЛАЙ СЪВЕРЦОВЪ.

Избалована судьбою,
То въ раздумьи, то шутя,
Говоришь ты мнѣ порою,
Любопытное дитя:
Что такое жизнь? мой милый,
Что за тайна въ ней лежитъ?
Чѣмъ она, какою силой
Насъ манитъ и насъ томитъ?
Отчего не всѣ счастливы,
Отчего иной груститъ?...
О ребенокъ мой пылливый,
Внучка Эвы, оттого,
Что не всѣмъ дана здѣсь доля
Одинакая судьбой:
Тѣмъ страданье, тѣмъ покой;
Этихъ жизнь проходитъ въ холѣ,
Тѣхъ въ работѣ зомовой.
Жизнь?... къ однимъ она слетаетъ
Легкой пери, и для нихъ
Нанесетъ всѣхъ благъ земныхъ,
И балуетъ и ласкаетъ
Этихъ избранныхъ своихъ:
Имъ довольство, радость, счастье,
Имъ любви взаимной рай,
Имъ вниманье, имъ участие,
Наслажденіи черезъ край,
Плодотворный трудъ и сладкій,
Освѣжительный досугъ,
Имъ она, какъ добрый другъ,
Стелетъ путь повсюду гладкій,
Благоденствія полна,
Говоритъ счастливымъ нѣжно,

Протекая безмятежно,
 Какъ лазурная волна:
 Наслаждайтесь сиблю мною,
 Мною — жизнью земною;
 Я на радость вамъ дана.
 Но къ другимъ она приходитъ
 Словно, старая корга,
 И угрюма и строга.
 Къ нимъ иную рѣчь заводитъ,
 Имъ другое говоритъ,
 Ихъ не тѣмъ она даритъ,
 Словно мачиха лихая,
 Къ этимъ пасынкамъ, она,
 Сходитъ блѣдно испитая,
 И сурова и мрачна;
 Съ мутно впальми очами
 И съ колодками бѣды,
 Съ торбой нищихъ за плечами,
 Да съ арапникомъ нужды.
 Подпираяся клюкою,
 Неключимая придетъ,
 И желѣзною рукою
 Страшно сдавить и сожметъ,
 Ледянымъ своимъ дыханіемъ,
 Въ душу холодомъ страданья,
 Непощадная пахнетъ.
 Сердца свѣтлыя одежды,
 Задушевные мечты,
 Упованья и надежды
 Оборветъ до наготы,
 Приговаривая съ желчью,
 Я — страданій кабала,
 Но на радость къ вамъ пришла;
 Наши пѣсни — выть по волчьему
 Наши шутки — быль и злость,
 Пиръ — оглоданная кость,
 Наши розы — тернъ колючій,
 И зефиръ нашъ — бури вой,
 Наше небо — тучи, тучи,
 Безднадежность — нашъ покой.
 Кто слабѣе, въ комъ нѣтъ силы

Покорится и возьметъ,
 И потащитъ до могилы
 Безотрадной жизни гнѣтъ,
 Безъ протесту и безъ спору,
 Безотвѣтно; по иной,
 Въ комъ есть воля для отпору,
 Кто могучею душой
 Отвергаетъ даръ постылый,
 Въ комъ есть мужество, есть силы,
 Съ нею схватится порой.
 И пойдетъ тогда межъ ними
 Неисходная борьба.
 Осерчаетъ жизнь-судьба;
 Бой, невѣдомый другимъ,
 Длится долго, до конца,
 Безъ пощады для бойца.
 Жизнь грызетъ его и душитъ,
 Хлещетъ горемъ и бѣдой,
 Гложетъ душу, сердце сушитъ
 И бичуетъ клеветой.
 И безъ силъ, въ изнеможеньи,
 Чаще доблестный боецъ,
 Жертва лютаго гоненья,
 Упадаетъ наконецъ.
 Жизнь осилитъ и отхлынетъ,
 И съ насмѣшкой бѣдняка,
 Непощадная, покинетъ,
 На порогѣ кабака,
 Подъ мостками, въ желтомъ домѣ,
 Съ помѣшательствомъ въ умѣ,
 И въ подвалѣ, на соломѣ,
 Въ богадѣльнѣ или въ тюрьмѣ,
 На посмѣшище народу.
 Но бываетъ иногда,
 Силой воли и труда,
 Въ этой битвѣ, жизнь — невзгоду,
 Загубивъ свой юный вѣкъ,
 Пересилитъ человекъ,
 Одолѣетъ онъ лихую
 И разсѣется бѣда,
 Минетъ горя череда

И проглянетъ солнце счастья
Для страдальца; но оно
Свѣтитъ, выродокъ ненастья,
Какъ-то тускло и темно.
Запоздавая побѣда
Ужъ не радуется его;
Радость жизни безъ разсвѣта
Закатилась для него.
И угрюмо, равнодушно
Онъ вокругъ себя глядитъ,
И тоскуетъ духъ недужный,
Презней жизнью убить.
Такъ ужъ свыкъся онъ съ напастью,
Такъ сжилась она ему,
Что владѣя счастьемъ, счастью
Онъ не вѣритъ своему:
И живетъ бѣднякъ уныло
На сторожѣ, такъ какъ жилъ,
На борьбу бѣ его хватило,
Но на счастье нѣтъ ужъ силъ.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Б Р И Т И К А.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ МАРКА ВОВЧКА.
Переводъ И. С. Тургенева. С. Петербургъ. Изданіе книго-
продавца Д. Е. Кожанчикова. 1859.

Марко Вовчокъ, принадлежа къ числу молодыхъ писателей, сразу занялъ почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Авторъ Украинскихъ Разказовъ, какъ извѣстно, пишетъ по малоросійски, по крайней мѣрѣ, на этомъ нарѣчїи написана имъ лежащая передъ нами книжка; не знаемъ, на какомъ языкѣ были написаны первоначально послѣднія его піесы, явившіяся въ Русской Бесѣдѣ и въ Народномъ Читанїи.

Переводчикъ *Украинскихъ Народныхъ Разказовъ* свидѣтельствуешь, что имя Марка Вовчка «стало дорогимъ, домашнимъ для всѣхъ его соотечественниковъ.» Если къ этому дорогому для малороссіянъ имени присоединить еще не менѣе дорогое для нихъ имя даровитаго поэта Шевченка; то, кажется, вопросъ о возможности существованія малороссійской литературы, по крайней мѣрѣ, изящной, поэтической, вопросъ, поднимавшійся не разъ и въ настоящее время не потерявшій своего интереса, долженъ быть рѣшенъ положительно. Существованіе изящной литературы обусловливается существованіемъ поэтическихъ дѣятелей: выработается поэтическій языкъ, усвоятся поэтическіе приемы — и изящная литература еще возможна. Но возможна ли, при существованїи таковой, литература, какъ совокупность всей умственной дѣятельности даннаго народа? Возможна ли литература у племени, связаннаго политически, религіозно и интеллектуально съ другимъ племенемъ господствующимъ, сильнѣй-

шимъ, государственнымъ? Эти вопросы мы не беремся рѣшить, хотя и увѣрены, что рѣшить ихъ положительно невозможно. — При разборѣ писателя, подобнаго Марку Вовчку, можно бы было войти въ нѣкоторыя подробности относительно изящной малороссійской литературы: можно бы было разсмотрѣть все, что сдѣлано немногими ея дѣятелями, что возможно и остается еще сдѣлать; можно бы было остановиться на этомъ знаменательномъ фактѣ: почему успѣхъ литературнаго произведенія, написаннаго на малороссійскомъ нарѣчїи бываетъ полнымъ тогда только, когда оно не выходитъ изъ круга исключительной народности, вращающейся въ бытѣ одного земледѣльческаго сословія? Но, не принадлежа къ специалистамъ, мы не можемъ взять на себя этого интереснаго изслѣдованія. Мы разсматриваемъ Марка Вовчка, какъ писателя русскаго, сочиненія котораго усвоены нашей литературѣ талантливымъ авторомъ «Записокъ Охотника.» Мы думаемъ, что «наивная прелесть и поэтическая грація» подлинника вполне отражаются и въ переводѣ (иначе и быть не можетъ: только авторъ *Блужина Луна* могъ перевести Украинскіе Разказы), а потому будемъ имѣть дѣло съ нимъ, т. е. съ переводомъ, а не съ оригиналомъ.

Имя Марка Вовчка стало дорогимъ, домашнимъ для всѣхъ его соотечественниковъ. Какая завидная доля! Чѣмъ нашъ авторъ обязанъ ей, независимо отъ степени своего дарованія? — По нашему мнѣнію, поэтическимъ свойствамъ своихъ произведеній, — народности ихъ, по другому мнѣнію. Народность! Какое модно-старое слово! Отъ фонъ-Визина до настоящаго времени мы во имя ея ратуемъ и въ жизни и въ литературѣ. Для народности въ жизни мы еще не много сдѣлали; почему? — это другой вопросъ. Для народности въ литературѣ, конечно изящной, если сдѣлано не все, то, во всякомъ случаѣ, столько, сколько можно. Въѣкъ слѣпнаго, уродливаго пристрастія ко всему инопоземному безвозвратно прошелъ для насъ: исключенія встрѣчающіяся тамъ и здѣсь въ нѣкоторыхъ, уже гниющихъ слояхъ нашего общества, еще ничего не доказываютъ. Какъ не опомлѣла отъ частаго повторенія фраза: *въ наше время*, но мы смѣло можемъ сказать, что *въ наше время* смѣшно доказывать, что у насъ не только все лучшее, молодое, живое и передовое, но даже и общественное большинство пережило слѣпо-подражательную эпоху, которую осмѣивали фонъ-Визинъ и сатирическіе журналы прошлаго столѣтія. Но этого, говорятъ, мало и для жизни и для литературы. Для жизни, согласны — мало; для литературы нѣтъ, если

только ея дѣятельность не остановится на одномъ отрицаніи уродливой подражательности. Отвергнувъ послѣднюю, наша литература, хотя медленно, но пошла впередъ и, слава Богу, не останавливается въ своемъ прогрессивномъ движеніи. Мы готовы согласиться съ отрицающими народность въ нашей литературѣ, что до Гоголя народность эта была мало замѣтна. Независимо отъ причинъ соціальныхъ, объясненіе которыхъ не можетъ имѣть здѣсь мѣста, это отсутствіе національнаго элемента въ литературѣ объясняется необходимостію предварительнаго усвоенія для ней другой стихіи, безъ которой не возможно было бы ея существованіе — стихіи поэтической. Учители Пушкина, Батюшковъ и Жуковский, самъ великій поэтъ нашъ и даровитѣйшіе ученики его блистательно исполнили эту задачу. Къ появленію Гоголя наша литература стояла въ поэтическомъ всеоружіи; бери любое изъ ея арсенала и дѣйствуй во имя общественнаго блага, т. е., проводи и олицетворяй идеи, имѣющія непосредственное отношеніе къ нашей жизни. Во имя этого блага началъ дѣйствовать Гоголь; во имя его дѣйствуютъ даровитѣйшіе ученики творца Мертвыхъ Душъ. А если дѣйствительно такъ, т. е., если произведенія современной литературы даютъ плоть и кровь идеямъ, близкимъ нашему сердцу (будутъ ли эти произведенія относится къ абсолютному или прикладному искусству — это все равно), то странно говорить объ антинациональности таковыхъ произведеній. Но, возражаютъ: эти современные идеи отличаются болѣзненнымъ характеромъ, потому что онѣ не *русскаго* происхожденія, не принадлежатъ *всему* народу; простой русскій народъ не знаетъ ихъ и не понимаетъ, ergo: онѣ и не народны. Что же послѣ этого, мы спросимъ въ свою очередь, народно, если не смѣшивать народности съ простонародностію и косностію? Не народны идеи, имѣющія въ виду гуманный, христіанскій взглядъ на благосостояніе неразвитой массы нашего простаго народа (*простаго* и *низшаго* — что дѣлать! Мы не виноваты, что даже въ языкѣ нашемъ сохранились слѣды рабства; но въ глубокомъ уваженіи къ народу мы не смѣемъ заподозрить никого изъ мыслящихъ людей нашего *иснароднаго* времени)? Если народъ не понимаетъ этихъ идей, такъ онѣ и не народны? Не народны идеи, порожденные процессомъ самой нашей жизни, — не народны: тургеневское *байбачество*, гончаровская *обломовщина*, щедриновская *саранча*, заразившая зловоніемъ крутогорскую атмосферу? Не народны герои современныхъ произведеній потому только, что они при-

надлежать къ высшимъ классамъ. Не народны даже и тогда, когда это будутъ мученики гуманнѣйшихъ идей? — Подобно Гоголю, спрашивавшему у своей фантастической Руси: «куда несешься, ты? дай отвѣтъ!» спрашиваемъ и мы у народа, или лучше, у лицъ, отвергающихъ народность въ современной литературѣ: куда несетесь вы? дайте отвѣтъ! но... не дадутъ отвѣта! Никто не спорить, что народность нашей литературы современемъ приметъ болѣе широкіе размѣры; но и теперь не возможно утверждать, что совершенная литературная дѣятельность бесплодна и имѣетъ преходящее значеніе. Если, вслѣдствіе историческихъ причинъ, мы отдѣлились бездной отъ народа; если бездну эту чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь мы наполнимъ, такъ что съ одного края на другой откроется свободный проходъ; спрашивается: съ какого берега больше перейдетъ людей, — съ нашего или съ того? Положимъ, мы всѣ перейдемъ на тотъ, народный берегъ; но неужели на немъ насъ, пришельцевъ, встрѣтятъ камнями и дреколіемъ? Неужели забудутъ, что не мы копали ровъ? Неужели забудутъ нашу тяжелую работу, безъ которой не возможно бы было наполненіе бездны? Нѣтъ, мы лучше думаемъ о потомствѣ: мы думаемъ, что если не дѣти и внуки, то правнуки наши, *оселыгъ и пріятныгъ мыслей полныи*, съ любовію о насъ *вспомянутъ*. Отвергать народность въ современной литературѣ значитъ встрѣчать съ дреколіемъ все хорошее и дурное, накопившееся въ мыслящемъ русскомъ человѣкѣ, не принадлежащемъ къ простонародію. Идолослуженіе чему бы то ни было способно привести творящихъ требы въ пшшескій восторгъ; но между нимъ и критическимъ анализомъ нѣтъ ничего общаго.

Все сказанное имѣетъ близкое соотношеніе съ сочиненіями Марка Вовчка.

Если бы русскій читатель, которому болѣе или менѣе знакомъ былъ малороссіянь, могъ, отрѣшнвшись отъ своей національности, смотрѣть на сочиненія разбираемаго нами автора съ точки зрѣнія иностранца, знакомаго съ нашей литературой, онъ увидѣлъ бы безконечную разницу между жизнью великорусскаго и малорусскаго племени. Малороссійская жизнь ярко выступаетъ въ сочиненіяхъ Марка Вовчка. Жизнь эта безконечно разнѣе, человѣчиѣе и поэтичиѣе, чѣмъ жизнь великорусская. Какая нѣжность и благородство въ отношеніяхъ между поэтами и членами семейства! Нечего удивляться, если такой бытъ предлагаетъ богатые матеріалы для художника: умѣй только ими пользоваться!

Но намъ, въ укоръ современныхъ нашихъ писателей, возражаютъ (намъ, по крайней мѣрѣ, удавалось не разъ слышать эти возраженія), что дѣло не въ бытѣ, а въ народности писателя, въ единеніи жизни его съ жизнью всего народа; примѣръ Марка Вовчка, говорятъ, поучителенъ, поучителенъ потому, что онъ знаетъ народную жизнь, что она не является для него чѣмъ-то искомымъ, какииъ-то искомымъ. Мы убѣждены, что жизнь мало-россійскаго простолюдья не раздѣляется, какъ нашего, бездною отъ жизни общечеловѣческой, что можно видѣть даже и изъ *Украинскихъ Народныхъ Разсказовъ*; но мы опять спросимъ отрицающихъ народность въ нашей литературѣ: отыщите намъ этотъ искъ; кому же и сдѣлать это, какъ не вамъ! Докажите намъ, почему у насъ нѣтъ, но однакоже, по вашему, могутъ быть (мы убѣждены въ противномъ) сочиненія въ родѣ разсказовъ Марка Вовчка? По нашему мнѣнію, нечего прибѣгать къ алгебраическимъ формуламъ для отысканія этого литературнаго и соціальнаго иска. Это искомое, эта народность великорусская, духъ и характеръ нашего простолюдья, ярко выступаетъ въ народной поэзіи, съ чѣмъ, конечно, согласятся и поборники исключительной народности. Но что же это за духъ и за характеръ? Намъ кажется, что Майковъ умѣлъ превосходно схватить его:

•Прислушайтесь, говорить онъ («Двѣ Судьбы», стр. 71):

... Звучать иные звуки...

Унынье и отчаянный разгулъ...

Разбойникъ ли тамъ пѣсню затянулъ,

Иль дѣва плачетъ въ грустный часъ разлуки?

Нѣтъ, то идутъ съ работы косари...

Кто жъ пѣснь сложилъ имъ? Какъ кто? Посмотри

Кругомъ: лѣса, саратовскія степи,

Нужда, да грусть, да думушка....

Можно ли къ малороссійскому крестьянскому міру примѣнить извѣстные стихи Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,

Эта скудная природа —

Край родной долготерпѣнья,

Край ты русскаго народа!

Мы убѣждены, что нельзя. Мы убѣждены, что характеръ мало-россійской жизни не *унынье*, не *отчаянный разгулъ*; что надъ этой жизнью пронеслось вѣяніе чего-то благотворнаго; что она представляла иной выходъ, чѣмъ *хмельнушка кабацкая*, *прит-кость-бойкость молодецкая* (разбой), *два столбика высокіе*,

перекладинка кленовая, еще петелька шелковая. А если существует такая разница между бытомъ ближайшихъ и родственнѣйшихъ славянскихъ племень, то должны существовать и благопріятныя и неблагопріятныя условія для поэтического его воспроизведенія; а поэту тамъ, гдѣ нѣтъ первыхъ, нечего и требовать отъ художниковъ того, что возможно при ихъ существованіи. Мы даже отрицаемъ возможность уловить этотъ *отчаянный разгулъ*, отрицаемъ потому, что жизнь, въ которой кипѣлъ онъ живымъ ключемъ, давно остыла и больше годится для археологій, чѣмъ для поэзіи. Конечно, для художника *единеніе* съ изображаемою имъ жизнью необходимо; но что, скажите, что ему дѣлать, когда единеніе почти невозможно, когда жизнь *не даетъ отъѣта*? Когда *единеніе* не возможно не со стороны художника, съ любовью и смиреніемъ подходящаго къ жизни, а со стороны самой жизни?

Художественное воспроизведеніе народной, или, выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, простонародной жизни, сопряжено вообще съ величайшими трудностями. Народная жизнь представляетъ всегда нѣчто неподвижное, туго поддающееся анализу поэта-мыслителя. Народная жизнь не есть жизнь первобытная, отражающаяся въ самородной безыскусственной поэзіи: время кладетъ на нее свои слои, которые отличаются прочнымъ, вулканическимъ образованіемъ, хотя и поддаются вліянію историческихъ обстоятельствъ. Теперешняя жизнь малорусса уже не та, что была въ эпоху казачества и гетманщины; современная жизнь великорусса уже не та, что была въ эпоху татарщины и самозванцевъ. Нашъ вѣкъ подѣйствуетъ на ту и на другую, переломъ въ народной жизни не избѣженъ; но будущіе художники станутъ къ ней въ отношенія едва ли благопріятнѣйшія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находятся современные, потому что хотя и возвысится уровень народной жизни, но въ то-же самое время не будетъ стоять на точкѣ замерзанія жизнь цивилизованныхъ классовъ. Съ успѣхами цивилизаціи будетъ болѣе и болѣе исчезать все непосредственное, первичное, косное, что часто называютъ теперь народнымъ и что необходимо предполагается во всякой простонародности. Но чтобы ни понимали подъ именемъ народности въ литературѣ, для художника не возможно абсолютное отрѣшеніе отъ цивилизаціи и всецѣлое проникновеніе простонародностію, безъ чего, однакоже, не возможно исключительно-народное творчество. Словомъ: мы убѣждены, что для поэта возможны только картины въ народномъ духѣ; истинно

же народныя картины можетъ только создать поэтъ, принадлежащій къ самому народу. И истинно-народную литературу можетъ создать только весь народъ, т. е., тѣ Гомеры, которые творятъ самобытныя поэтическія произведенія, давно и вездѣ прекратившіе свое существованіе, прекратившіе потому, что самая жизнь остыла и готовится къ чему-то. Искусство возможно на почвѣ живой, но не археологической жизни. Въ наше время если и является поэтъ изъ среды самаго народа, то онъ, по усвоеніи себѣ образованія, переходитъ на другой берегъ, т. е., отрѣшается отъ прирожденной исключительности, — фактъ, лучше всего говорящій противъ защитниковъ послѣдней. Для поэта-художника возможно не всецѣлое воспроизведеніе народной жизни, а только нѣкоторыхъ, поддающихся его анализу, сторонъ. Народная жизнь, какъ жизнь, не можетъ не обратить на себя чуткаго вниманія поэта и не войти въ кругъ его міросозерцанія. Но впечатлѣваясь въ душѣ его не полно и не всецѣло, она, поэтому, можетъ проявиться только въ лирической поэзіи, но ни какъ не въ эпосѣ и драмѣ, для которыхъ требуется слишкомъ большой запасъ художественныхъ матеріаловъ. Но и лирическая поэзія удачно воспроизводитъ народную жизнь только въ одномъ изъ своихъ отдѣловъ — въ идилліи, которая такъ свойственна (по-крайней-мѣрѣ, *кажется* намъ такъ свойственною) жизни патріархальной и безмятежной (опять-таки по личному нашему воззрѣнію) простаго народа. Но вездѣ ли, у всякаго ли народа возможна даже кажущаяся безмятежность? а если и возможна, то въ такой ли степени, чтобы изъ представленія ея вышла граціозная, поэтическая картина? Само собою разумѣется, что мы далеки отъ того, чтобы осудить великорусскую жизнь на совершенную негодность для поэтическаго представленія; впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы поговоримъ въ другое время.

Украинскіе Народные Разказы написаны въ формѣ очерковъ. Поэтическіе очерки, съ легкой руки г. Тургенева, получили право гражданства въ нашей литературѣ: въ формѣ очерковъ написаны *Записки Охотника*; въ формѣ очерковъ пишетъ Щедринъ и Марко Вовчокъ. И хотя между очерками поименованныхъ писателей нѣтъ ничего, или весьма мало общаго, но тѣмъ не менѣе они послужили всѣмъ тремъ авторамъ превосходной формой для выраженія задуманныхъ ими идей. Поэтическій очеркъ относится къ поэмѣ, роману и повѣсти, какъ часть къ цѣлому. Уже по одному этому, по своей краткости и сжатости, онъ не удобенъ для изображенія художественно оконченныхъ характеровъ,

для пластическаго представленія картины. Подобно рисунку, только набросанному, но неоконченному, поэтическій очеркъ не даетъ полнаго понятія объ идеѣ: читателю приходится самому дорисовывать то, что не отдѣлано авторомъ, какова бы ни была степень его таланта; изъ этого слѣдуетъ, что поэтическіе очерки, относясь по содержанію своему къ эпосу, должны изобиловать лиризмомъ. Только набрасывая картину, но не окончивая художественной ея концепціи, поэтическій очеркъ разными путями и средствами дѣйствуетъ на читателя, чтобы помочь ему самому составить эту концепцію; къ числу этихъ средствъ принадлежатъ: лирическія мѣста, поэтическое положеніе и группировка предметовъ, картины природы и т. п. Само собою разумѣется, что нарисованный бойкою рукою, поэтическій очеркъ выше оконченной вполнѣ картины посредственнаго мастера, хотя бы она бросалась въ глаза яркостію колорита. Въ формѣ поэтическихъ очерковъ всего лучше рисовать или картины жизни, мало знакомою художнику и неподдающейся пытливости анализа, — такова жизнь простаго народа, или изображать картины жизни знакомою и доступною для наблюденія, но при чемъ главною цѣлію изображенія бываетъ не столько сами картины, сколько идея, которая, по своей многосложности, не можетъ быть уловима въ одномъ данномъ случаѣ, но становится понятною и осязательною только тогда, когда будетъ подвергнута художественному разложенію и представлена въ нѣсколькихъ частныхъ явленіяхъ. Таковое имѣютъ значеніе *Губернскіе Очерки* Щедрина, писателя, о которомъ чтобы ни говорили, отличающагося несомнѣннымъ талантомъ, но погрѣшающаго не столько повтореніемъ одного и того же, сколько тѣмъ, что главная идея, которую онъ проводитъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, слишкомъ ярка и давить легкія, часто небрежно набросанныя фигуры его героевъ.

Поэтическія очерки Марка Вовчка набросаны необыкновенно вѣжно, хотя и твердою, талантливою рукою. Очертаніе фигуръ, сцены и картины природы, нарисованныя авторомъ, до того сдѣланы воздушно, что, при дальнѣйшей заботѣ о подобной воздушности, при желаніи подражать ей, получится нѣчто совершенно безразличное, въ которомъ не будетъ никакой возможности различить — не краски: дѣло не въ нихъ, — а свѣтъ и тѣни. Но, оставляя въ покоѣ подражателей, мы отъ всей души посоветовали бы самому талантливому автору рѣзче ударять кистью и не увлекаться воздушностію очертаній, хотя она ему и необыкновенно удается. Эта воздушность очертаній (правда,

милая и граціозная) дѣлаетъ то, что фигуры, нарисованныя нами авторомъ, удивительно однообразны; по крайней мѣрѣ, таково большинство молоденькихъ женскихъ фигуръ. Приемы для нихъ очертаній у автора почти однѣ и тѣ-же, въ родѣ слѣдующаго.

«А у моего брата была дочь. Боже мой милостивый, какая дѣвушка! Бывало, весь дворъ веселитъ она собою, звѣздочка наша ясная! Молоденькая, счастливая! Никакого горя не знаетъ, не вѣдаетъ, бѣгаетъ, смѣется, точно въ серебряные колокольчики позваниваетъ» (*Одарка*. Стр. 93).

И хотя легко набросанная Маркомъ Вовчкомъ фигура нѣсколько выясняется въ дальнѣйшемъ разсказѣ, но не болѣе, какъ *нѣсколько*; ибо дальнѣйшему разсказу часто не до образа: онъ имѣетъ въ виду или выраженіе какого-нибудь чувства, идеи, или представленіе этнографической картины, идилліи, неразвитой драмы, что все вмѣстѣ составляетъ задачу очерковъ и что все вмѣстѣ отодвигаетъ образъ на второй планъ. Сверхъ того, неясность нѣкоторыхъ фигуръ увеличивается во многихъ мѣстахъ чрезмѣрною краткостію исторической основы очерковъ, происшедшею отъ ихъ сжатости, хотя историческая основа (*fabula*) въ поэтическомъ сочиненіи — дѣло, далеко не первостепенное. Словомъ, по прочтеніи небольшой книжечки Марка Вовчка, заключающей въ себѣ 213 страничекъ, на которыхъ умѣстилось десять разсказовъ, изъ 20-30 фигуръ, набросанныхъ авторомъ, въ вашемъ воображеніи, читатель, останутся живыми, типическими образами весьма немногія; остальные пройдутъ какъ тѣни, и вы даже забудете, что о нихъ разсказывалъ вамъ авторъ. — Такъ что же, послѣ того, вы спросите въ этой книгѣ? Что въ ней хорошаго? А въ этой маленькой книжечкѣ есть дѣйствительно много хорошаго, много такого, что никогда не забудется: это — поэзія, всюду разлитая, и прелестныя картины простой малороссійской жизни.

Въ одной изъ статей нашихъ, которой, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, не суждено было явиться въ печати, мы отдѣлили *поэтическое* отъ *поэмы*, какъ изящнаго искусства. Не желая повторять сказаннаго съ тою же подробностію, какъ объ этомъ говорилось въ своемъ мѣстѣ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ этого различія, такъ важнаго при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, такъ интересующаго многихъ. *Поэтическимъ* мы называемъ всѣ виды изящнаго, еще необлеченные въ форму, таковы: высокое, прекрасное,

идиллическое, элегическое, драматическое и т. п., словомъ, все то въ физической и интеллектуальной природѣ, что возбуждаетъ дѣятельность нашего духа, что будитъ дремлющія его силы. Такое, въ нашемъ смыслѣ, поэтическое мы противопоставляемъ *художественному*, т. е. поэзін, какъ искусству, въ которомъ оно можетъ и не быть, (и дѣйствительно часто не бываетъ), если послѣдняя имѣетъ задачей только воспроизведеніе дѣйствительности и концепцію характеровъ, и если надо всѣмъ этнмъ не носится живой духъ идеи. Только подъ вліяніемъ этого духа, мертвое возстанетъ, и каменіе возопіютъ, т. е., тогда только литературное произведеніе одѣнется въ радужный, всѣхъ чарующій покровъ поэтическаго.

Но какимъ путемъ дошелъ Марко Вовчокъ до того, что придалъ своей книжечкѣ тотъ поэтическій характеръ, о существованіи котораго мы сказали выше?— путемъ идилліи и драмы.

Что такое идиллія?—гармонія между физической и духовною природою нашей, то состояніе покоя и безмятежности, котораго жаждетъ утомленный борьбою человекъ, то наивное, свойственное всѣмъ намъ самообольщеніе, которое воображаетъ, что эта безмятежность не только царствуетъ въ странѣ какихъ-нибудь макробіевъ и феакійцевъ, но даже въ быту нашихъ земледѣльцевъ. Какъ каждый изъ отдѣловъ изящнаго, идиллическое состоитъ изъ нѣсколькихъ понятій; но, во всякомъ случаѣ, оно примѣнимо къ жизни только непосредственной, въ которой если и замѣтно присутствіе бурь, то глухое и подземное, мало нарушающее типъ и гладь жизненнаго уровня. Съ любовью останавливается на этой, чуть зыблемой поверхности измученная душа, не подозрѣвая, чего стоить эта тишина, во сколько обходится это подавленіе страсти!

Марко Вовчокъ необыкновенный мастеръ на изображеніе идиллическихъ картинъ. Три его разсказа, *Сестра*, *Чумакъ* и *Сонъ*, особенно богаты идиллическимъ элементомъ. Выписываемъ изъ перваго образцовую идиллическую сцену: это — жизнь *сестры* у слѣпаго священника въ селѣ Демьяновкѣ:

«Бывало, я управлюсь, приберу хату; мы пообѣдаемъ, да и усядемся въ саду подъ черешней. Батюшка тихо сидитъ себѣ да думаетъ, или молитву шепчетъ, или псалмы поетъ.... да хорошо такъ, Боже мой! Старушка и хозяйка говорятъ промежь себя то о томъ, то о другомъ; а я подсяду къ нимъ да послушиваю; а внучка, словно бѣлый клубочекъ, по садику катается; то къ намъ подбѣжитъ, то опять въ зеленой густотѣ пропадетъ.

Такъ тихо да спокойно пройдетъ день, что, кажется, весь вѣкъ свой такъ бы свѣковалъ; а у меня все тоска на сердцѣ да печаль неусыпная. Они и разговариваютъ со мной, и утѣшаютъ меня. «Не кручинься,» говорятъ: «это грѣхъ великій. Дитя плачетъ потому, что оно ничего не смыслить; а кто выросъ, тотъ самъ своему горю помочь долженъ. Подумай только то: ты можешь быть, на свѣтѣ добро еще узнаешь; а потратишь свое здоровье — какое ужъ тогда житье? Полно, сердешная, послушайся насъ, старыхъ людей! Вотъ посмотри лучше, какой Господь вечеръ дагь!»

«Я гляжу — а солнышко заходитъ, рѣчка течетъ, какъ чистое золото, между зелеными берегами; кудрявыя вербы въ водѣ свои вѣтки купаютъ; цвѣтеть-процвѣтаетъ макъ въ огородѣ; высокая конопля зеленѣетъ; кой-гдѣ околомъ бѣлой хатки краснѣетъ вишенья; высокой кустъ калины кровлю подпираетъ, да всю бѣлую стѣну закрываетъ; и сама хата въ саду цвѣтущемъ, какъ въ вѣнкѣ стоитъ. И зелено, и красно, и бѣло, и сине, и ало около той хатки.... Тихо и тепло, и вездѣ насквозь багряно — и на небѣ, и на взгорьяхъ, и на водѣ.... Господи!»

«Сей свѣтъ, что маковъ цвѣтъ; какъ на томъ свѣтѣ-то будетъ?» говоритъ старуха, покачивая головою.

«Боже мой, Боже!» промолвить за ней матушка въ полголоса.

А батюшка подниметъ къ небу незрячіе глаза, да и скажетъ: «Слава Господу Богу!»

Самый тонъ разсказа и языкъ помогли нашему автору придать идиллическій характеръ своимъ разсказамъ. Марко Вовчокъ ведетъ разсказъ не отъ своего имени, но отъ имени самихъ героевъ, или лицъ, къ нимъ близкихъ — обстоятельство, безъ котораго невозможно бы было сохранить ту добродушную наивность, то эпическое спокойствіе, которыми богаты его очерки. Языкъ автора не просто языкъ малороссійскихъ простолюдиновъ; это — языкъ народной поэзіи, легендарный. Превосходно послуживъ для цѣлей автора, языкъ этотъ, тѣмъ не менѣе, требуетъ осторожнѣйшаго обхожденія съ собою: легко увлечься его прелестью, легко впасть въ утрировку и ложный лиризмъ. Безспорно, что слѣдующее мѣсто, выражающее чувство *казачки Олеси*, при входѣ въ барынину горницу, прекрасно, но оно не естественно ни въ Олесѣ, ни въ разскащцѣ о судьбѣ ея:

«Вошла (Олеся) въ горницу. Пани сидитъ и гадаетъ на картахъ: не замѣтила Олесина прихода. Глянула Олеся вокругъ себя: та самая горница съ часами, куда она являлась (въ пер-

вый разъ по выходѣ замужъ) молодая, разряженная, въ цвѣтахъ, сама свѣженькая, какъ цвѣточекъ.... *а теперь? Боже мой милостивый! Она ли это? Стоитъ какая-то женщина старообразная, измученная, робкая....* Все вспомнялось Олесѣ. «Прональ,» думаетъ она, «мой вѣкъ молодой!» (Стр. 63 — 64).

А въ слѣдующемъ мѣстѣ эпическій складъ отзывается уже слишкомъ яркимъ подражаніемъ:

«Дѣвушки голубушки! что это между вами за дѣвушка, какъ ясная звѣздочка свѣтитя? Еслибы она море рыбкой переплывала, я бы ее шелковымъ неводомъ изловилъ; еслибы щебетуньей пташкой летала, я бы ее золотымъ пшеномъ приманилъ, а теперь долженъ я у васъ спросить: какого она отца дочь?» (Укр. Нар. Разск. стр. 113).

Вообще, легендарный языкъ даже въ поэтическихъ очеркахъ, представляющихъ народную жизнь, по нашему мнѣнію, должно употреблять не одинъ, а въ перемежку съ обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ, что и сдѣлалъ г. Тургеневъ въ превосходномъ своемъ очеркѣ изъ простаго быта, въ *Блѣзминь Лугъ*. Но спѣшимъ еще разъ оговориться, что мы разсматриваемъ Марко Вовчка, какъ писателя русскаго: по малороссійски, можетъ быть, не нужно этой осторожности; можетъ быть, легендарный языкъ есть *пока* единственно-возможный литературный южно-русскій языкъ.

Прелесть идилліи увеличивается еще у нашего автора превосходными поэтическими частностями, состоящими въ картинахъ природы и въ положеніяхъ, въ которыя онъ ставитъ своихъ героевъ. Мы затрудняемся даже въ одномъ перечисленіи того и другаго. И хотя сдѣланныя нами выписки даютъ и о томъ и о другомъ нѣкоторое понятіе, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать слѣдующую превосходную картину, изображающую смерть бѣдной *Одарки*:

«Въ воскресенье я ее провѣдала, а въ четвергъ, слышимъ, она умерла. Побѣжала я туда; а она ужъ на столѣ. Свѣчечка горитъ, а никого нѣтъ. И такая она хорошая лежала, какъ ангелочекъ Божій!»

«Вошла старая прислужница. «О,» говоритъ, поплакала я надъ вашею дитею! Ужъ какая же она была тихая да покорная! Такой доброй души отродясь я не видала. Вошла я къ ней вчера, она карабкается на окно. «Ой,» говорю, «дѣвушка! что это ты дѣлаешь?» — «Пустите меня,» сказала, «пустите, бабушка! Я взгляну туда въ послѣдній разъ.... Тамъ мой отецъ и мать

живуть....» И такъ жалобно, словно пташечка тишкаеть: *Пустите!* — Я ее и пустила. Поддержала ее, а она все глядитъ пристально-пристально въ даль, и слезы, какъ жемчужинки, такъ и сыплются мнѣ на руки, теплыя-теплыя.... Солнце тогда заходило. Увидала она — вишня въ саду цвѣтетъ: «Принесите мнѣ, бабушка, цвѣточекъ вишневый, принесите бабушка!» Я пошла и принесла ей. Она взяла: «О какой пахучій да свѣжій!» говоритъ. «Спасибо вамъ, сердце мое бабушка!» Легла и цвѣточекъ подлѣ себя положила. «Вотъ уже и солнышко низко! промолвила она, да и опять стала вспоминать про отца и мать; все ихъ звала, все съ ними говорила: «Тату мой, тату! на что вы меня покинули! Матушка! возьмите меня! Ой, покинули меня! Покинули одну!... Мамо!... Тату!... родные мои да милые!...» Прийми ее Господь на свое лоно, мою голубушку! Ужъ такъ я поплакала на старости лѣтъ!»

«Въ пятницу ее схоронили. Какъ стали гробъ опускать въ могилу, все бѣлые голуби надъ нею кружились. Солнце ярко сияло, словно разсыпалось по землѣ золотыми лучами. Утро такое ясное было да тихое, вѣтерокъ не повѣетъ, тучка не набѣжить.... Праведная душа преставилась!» — (Укр. Нар. Разск. стр. 104 — 105).

Художественный инстинктъ и правда жизни подсказали автору, что и въ непосредственномъ, первобытномъ состоянii не возможны *тишь да гладь да Божья благодать*, что гдѣ жизнь, тамъ и борьба, тамъ и драма, если не вполне, до трагическихъ размѣровъ развитая, то сдержанная, подавленная. Марко Вовчокъ умѣлъ превосходно схватить все, что есть драматическаго въ жизни, надѣлать имъ своихъ героевъ и, что всегда бываетъ прямымъ слѣдствiемъ такого надѣла, придать ту прелесть своимъ разсказамъ, по которымъ имя его сдѣлалось роднымъ, домашнимъ для его соотечественниковъ. Чтò, какъ не драма, *Казачка*, эта бѣдная женщина, пережившая, если можно такъ выразиться, три драмы, — борьбу съ рабствомъ дѣвушки, жены, матери, дѣвушки, жены и матери, надѣленныхъ богатымъ запасомъ живой свободы? Чтò, какъ не глубокая, потрясающая душу драма *Одарка*, въ которой васъ поражаетъ скорбный образъ бѣдной дѣвочки, погибшей отъ чудовищнаго разврата и самовластия? Какимъ могучимъ драматизмомъ кипитъ разсказъ *Данило Гурч!* Въ умѣньи схватить это драматическое жизни, въ умѣньи, такъ сказать, поймать человѣка въ ту минуту, когда онъ бываетъ человекомъ, т. е., существомъ божественнымъ, а не животномъ-

прозябающимъ, мы видимъ несомнѣнное поэтическое дарованіе. Но справедливость требуетъ сказать, что Марко Вовчокъ иногда неумѣренно пользуется собственными силами: авторъ забываетъ воздушность своихъ очерковъ, легкость очертаній своихъ персонажей, а, забывая, опускаетъ изъ виду, что и героевъ своихъ онъ долженъ былъ надѣлать чувствами и страстями на столько, на сколько надѣлъ этотъ гармонируетъ съ цѣлымъ. Выше мы замѣтили, что *Казачка* представляетъ не одну драму; взвалить на плеча такого воздушнаго образа, какъ *Олеся*, такую тяжесть — будетъ и не художественно и не по силамъ героини.

Всякое художественное произведеніе, какъ таковое, уже само по себѣ выражаетъ идею, идею изящнаго, которая, вмѣстѣ съ добромъ и благомъ, составляетъ потребность нашего духа, этого капризнаго духа, не находящаго для себя въ природѣ даровыхъ силъ. Но бываютъ такія произведенія искусства, въ которыхъ, кромѣ этой обще-художественной идеи, есть еще другая. Эта другая идея, подобно утреннему туману, не замѣтно отдѣляется отъ общей картины, бѣжитъ вверхъ и образуетъ свѣтлое облако, носящееся надъ поверхностью картины и придающее ей необыкновенную, поэтическую прелесть. Такое облако — *соціальное извращеніе общества* — носится надъ Мертвыми Душами; такое облако — *мученичество лучшихъ людей нашей эпохи* — паритъ надъ нѣкоторыми произведеніями Тургенева; такое поэтическое облако — *общественная лъня*, — не совсѣмъ вѣрно понятая — распространилась надъ послѣднимъ произведеніемъ Гончарова, *Обломовымъ*. Эту другую идею художникъ можетъ создавать изъ матеріаловъ самыхъ разнообразныхъ. По нашему крайнему разумѣнію, этою-то именно идеею искусство и можетъ только служить практическимъ, социальнымъ цѣлямъ. Но идея эта все-таки не должна давить своею тяжестью ensemble картины, не должна быть абстрактною мыслию. Послѣдняго особенно надобно избѣгать при созданіи идей, имѣющихъ практическое примѣненіе: искусство не судейская трибуна, не профессорская картина; все случайное и частное должно быть отвергнуто при образованіи идеи, — въ этомъ состоитъ задача отвлеченія ея отъ дѣйствительности и *возведенія въ перлъ фантазій*.

Такая другая, посторонняя идея носится надъ цѣлою половною рассказовъ Марка Вовчка; идея эта — крѣпостное право, которое, подобно кошмару, давитъ и воздушныя созданія наше-

го автора и изображаемую имъ жизнь. Въ настоящее время странно благодарить автора за гуманныя идеи, это значило бы — заподозрить его въ ихъ отсутствіи; не благодаримъ и мы Марка Вовчка. Мало этого; мы считаемъ своею обязанностію указать почтенному автору, что онъ, увлекаясь благороднымъ негодованіемъ противъ возмутительности факта, переноситъ свое увлеченіе и въ сферу искусства. Если въ *Одаркѣ* посторонняя идея (крѣпостное право) нисколько не мѣшаетъ прелести картины, то о *Казачкѣ* этого никакъ нельзя сказать: въ послѣднемъ разсказѣ, не смотря на многосложность драмы, слѣдовательно, на несомнѣнный поэтическій интересъ, крѣпостное право является чѣмъ-то тяжелымъ, прозаическимъ, отзываясь поученіемъ, трактатомъ (въ особенности страницы: 52, 56, 63, 64). — Здѣсь же кстати замѣтимъ нѣкоторыя ненужности, которыя мы нашли у автора и къ числу которыхъ принадлежатъ: въ *Выкупѣ* — сцена съ писаремъ, смахивающая на обличительную статью, и въ *Сестрѣ* — излишнія подробности о кievскихъ хозяевахъ героини разсказа. — Подходя къ храму искусства, жрецъ долженъ сложить у порога его все тревожное, излишне-страстное и личное: безъ этого жертва будетъ недостойна святыни храма. Въ идеяхъ, о которыхъ мы говорили выше, всего легче провести личное возрѣніе автора; тѣмъ осторожнѣе надобно быть послѣднему, чтобы не впасть въ прозаизмъ.

Мы не дѣлаемъ ни какихъ выводовъ изъ нашего разбора; пусть читатель сдѣлаетъ ихъ самъ. Мы старались быть строгими къ автору *Украинскихъ Народныхъ Разказовъ*, чтобы не заслужить отъ нашихъ читателей укора въ пристрастїи: къ Марку Вовчку весьма трудно быть безпристрастнымъ. — Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы даровитый авторъ не остановился на томъ, что доставило ему любовь соотечественниковъ и уваженіе образованной русской публики. Миръ искусства обширенъ; формы его разнообразны. Кто умѣлъ очаровать читателя легкими очертаніями незатѣйливой жизни, отъ того мы въ правѣ ожидать значительнаго шага впередъ — созданій, болѣе глубокихъ по содержанію и совершеннѣйшихъ по формѣ.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Воронежъ. Августъ 1859 г.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г-НА ФИЛИППОВА.

Въ № 8 Современника помѣщена вторая часть замѣчательнаго труда г-на Филиппова подъ заглавіемъ: «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство,» гдѣ авторъ между прочимъ излагаетъ французское уголовное судопроизводство и судоустройство, и предлагаетъ свои мысли о его примѣненіи къ Россіи. Важность вопроса побуждаетъ насъ указать на тѣ ошибки, которыя находятся въ изложеніи французскаго судоустройства, какъ представилъ его г. Филипповъ, и которыя естественно повели его и къ ошибкамъ въ мысляхъ о примѣненіи.

Г. Филипповъ, какъ видно, пользовался только старымъ изданіемъ «Code d'instruction criminelle,» не зная того, что въ последнее время многое измѣнено; наконецъ въ статьѣ его не видно, чтобъ онъ читалъ хотя какое-нибудь элементарное сочиненіе о французскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Мы укажемъ здѣсь на тѣ только ошибки, которыя особенно кидаются въ глаза:

Стран. 260. «Для наблюденія за производствомъ формальнаго слѣдствія наряжается *ассизнымъ* судомъ совѣщательная палата или комиссія (la chambre du conseil), состоящая не менѣе какъ изъ трехъ судей, включая въ это число и слѣдственнаго судью.» Ассизный судъ собирается временно (четыре раза въ годъ) для суда по произведенному уже слѣдствію и chambre du conseil назначается не имъ, а уѣзднымъ трибуналомъ (tribunal d'arrondissement).

Стр. 261. «Генераль-прокуроръ въ теченіе пяти дней отъ полученія слѣдственнаго дѣла.... долженъ передать его въ cour impériale; президентъ этого присутственнаго мѣста обязанъ назначить трехъ спокхъ членовъ въ совѣщательную палату (chambre du conseil), гдѣ они должны собираться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы спеціально заняться тѣмъ дѣломъ,

которое передано ихъ сужденію.» Вовсе не такъ. При каждомъ *cong impregial* есть для этого постоянный департаментъ (состоящій по крайней мѣрѣ изъ пяти членовъ), называемый не *chambre du conseil*, — а *chambre des mises en accusation* (департаментъ преданія суду).

Стр. 261. «Преступникъ долженъ быть арестованнымъ, когда по значенію преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, онъ долженъ подлежать наказанію тѣлесному (!?) или лишенію чести.» Г. Филипповъ не можетъ не знать, что слово «тѣлесное наказаніе» имѣетъ у насъ опредѣленное значеніе — плети или розги. Зачѣмъ же послѣ этого онъ перевелъ такимъ образомъ слово *peine afflictive*, которымъ обозначаются во французскомъ сводѣ наказанія — заключеніе въ смирительномъ домѣ (*reclusion*), каторжная работа и смертная казнь? Вѣдь, пожалуй, найдутся читатели, которые подумаютъ, что во Франціи употребляются еще плети и розги, — между тѣмъ какъ тамъ даже клейменіе и выставка у столба давно отиѣнены. Авторъ вѣроятно не подумалъ, что однимъ этимъ выраженіемъ, онъ уронилъ въ глаза образованныхъ читателей французскій уголовный сводъ.

Стр. 272. Авторъ выражаетъ свое неудовольствіе на французскій процессъ о проступкахъ, подлежащихъ исправительному наказанію: «Переносъ дѣлъ о проступкахъ изъ исправительныхъ трибуналовъ въ апелляціонный судъ, и отсюда въ кассационный, — я нахожу крайне неудобнымъ, и переносъ этотъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; по этимъ дѣламъ одно изъ двухъ: или апелляціонныхъ судовъ не должно бы было существовать, или кассационныхъ (замѣтьте дилемму!). Право переносить дѣло въ этотъ послѣдній дѣлаетъ среднюю инстанцію излишнею. И странно — во Франціи дѣла гражданскія имѣютъ только двѣ степени суда: первая степень и апелляціонный судъ оканчиваютъ дѣла гражданскія, и переносу въ кассационный судъ подлежатъ только не многія (?); уголовныя же дѣла имѣютъ только суды ассизный и кассационный.» Здѣсь г. Филипповъ въ нѣсколькихъ строкахъ обнаружилъ полное непониманіе французскаго судопроизводства; при этомъ невѣдѣніи особенно картинно отиѣняются бойкія выраженія: «я нахожу....., странно». Какъ будто бы дѣло идетъ о калмыцкихъ судахъ, о которыхъ можно едва ли разсуждать, — какъ будто-бы всѣ эти вопросы не были обсужены во французской юридической литературѣ! Но обратимся къ приведенному мѣсту. Между процедурой по дѣламъ гражданскимъ нѣтъ никакой разницы въ сравненіи съ процеду-

рой по исправительнымъ; и тамъ и здѣсь дѣло начинается въ судѣ первой степени, переходитъ во вторую (сoug impériale), гдѣ и получаетъ окончательное рѣшеніе. А въ кассационный судъ можно перенести всякое гражданское или исправительное дѣло, но только подъ однимъ основаніемъ: что законъ приложенъ не вѣрно, или что судъ далъ закону интерпретацію, противную его смыслу; такъ что *вопросъ о фактъ* не подлежитъ перевершенію и даже разсужденію кассационнаго суда, а только вопросъ о приложеніи и истолкованіи закона. Не немногія, какъ говоритъ авторъ, — а всѣ гражданскія дѣла могутъ быть подъ этимъ условіемъ перенесены въ кассационный судъ. Слѣдственно странности, замѣченной авторомъ, вовсе не существуетъ. Другое дѣло, если авторъ думаетъ, что для гражданскихъ и исправительныхъ дѣлъ достаточна одна инстанція и кассационный судъ. Но вѣдь это опять таки вопросъ, о которомъ было много написано, чтобы толковать о немъ дѣльно, надобно почитать кое что. Такъ напримѣръ авторъ совѣтуетъ и Франціи и Россіи имѣть только одну инстанцію — именно окружные суды, а губернскіе, какъ излишніе, уничтожить. Смѣемъ увѣрить автора, что этотъ вопросъ имѣетъ великое значеніе не только юридическое, но и политическое. Франція до 89 года имѣла только нѣсколько великихъ судовъ (парламентовъ), въ 89 году парламенты вовсе уничтожены и установлены только окружные трибуналы, съ цѣлью уничтожить судебную аристократію и духъ корпораціи, бывшіе сильнымъ въ парламентахъ. Но послѣ долгаго боренія, Франція пришла къ сознанію необходимости большихъ губернскихъ судилищъ. Если бы авторъ зналъ исторію этихъ колебаній, зналъ бы какія выгоды еще для разумнаго отправления правосудія представляютъ большія судилища, онъ бы не говорилъ такъ легко въ пользу однихъ низшихъ, особенно въ примѣненіи къ Россіи, — вѣроятно онъ рѣшилъ бы дѣло въ пользу большихъ. Автора главнымъ образомъ вводитъ въ смущеніе то, что уголовныя дѣла имѣютъ одной инстанціей меньше, нежели исправительныя и гражданскія, — именно только одинъ ассизный судъ. Но почтенный авторъ позабылъ, что въ ассизахъ постановившаютъ рѣшенія присяжные, т. е. народъ, — стало быть аппеляція здѣсь немыслима. Любопытна дилема автора: «по этимъ дѣламъ (исправительнымъ) — одно изъ двухъ: или аппеляціонныхъ судовъ не должно бы было существовать, или кассационныхъ.» Авторъ не имѣетъ понятія о томъ, что такая кассационный судъ: это не инстанція въ нашемъ смыслѣ, а

верховный органъ истолкованія закона, верховный контроль надъ судами. По этому и въ тѣхъ маловажныхъ гражданскихъ дѣлахъ, окончательное рѣшеніе которыхъ предоставлено окружнымъ трибуналамъ, и слѣдственно нельзя подать апелляціи (*interjeter appel*) въ *cour impériale* *), каждая сторона имѣетъ право *pourvoi en cassation* (замѣтите не *appel*), т. е., подать жалобу кассационному суду, что законъ былъ приложенъ не вѣрно, или что не были соблюдены судебныя формы. По этому въ дилеммѣ автора выражено незнаніе основнаго камня великаго зданія французскаго судоустройства. Далѣе, авторъ употребляетъ нѣсколько разъ слово кассационный судъ во множественномъ числѣ. Помилюйте! Да, это ошибка вдесятеро хуже знаменитыхъ пяти цепсоровъ г. Крылова. Кассационный судъ одинъ по самому понятію, потому что истолкованіе закона должно быть едино; нѣсколько кассационныхъ судовъ — все равно, что нѣсколько законодательныхъ палатъ въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Впрочемъ мы должны замѣтить, что такое же понятіе, т. е., отсутствіе пониманія о кассационномъ судѣ показали и г. Баршевъ въ статьѣ, гдѣ онъ разгромилъ французскій уголовный процессъ.

Стр. 274. Авторъ говоритъ, что ассизный судъ состоитъ изъ пяти членовъ. Это было давнымъ давно, теперь ассизный судъ состоитъ только изъ трехъ членовъ. Кажется, это неважная ошибка, но посмотрите къ какимъ проектамъ реформы она повела нашего автора. Онъ предлагаетъ, чтобы у насъ ассизный судъ состоялъ изъ общаго присутствія уѣзднаго и земскаго судовъ, «его составъ по этому будетъ, прибавляетъ авторъ, *еще полнѣе французскаго.*» Одинъ изъ важныхъ современныхъ вопросовъ при устройствѣ уголовной юстиціи состоитъ именно въ томъ, что лучше для уголовного суда: одинъ ли судья (англійское устройство) или нѣсколько (французское устройство)? Есть свои важныя выгоды въ томъ и другомъ устройствѣ; разумѣется, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ сообразно духу и потребностямъ каждой страны. Въ Англій, при могуществѣ и образованности общественнаго мнѣнія, нѣтъ надобности въ коллегіи. Одинъ судья, внимательный къ дѣлу, строже обдумываетъ приговоръ, потому что знаетъ, что вся тяжесть несправедливости лежитъ на немъ одномъ, онъ одинъ отвѣчаетъ и совѣсти

*) *Cour impériale* выше нашихъ губернскихъ судовъ, потому что во Франціи до девятидесяти департаментовъ (губерній) и всего двадцать семь *cours*.

и народу. А сила общественного мнѣнія достаточно гарантирует общество отъ самопроизвола одного судьи. Во Франціи — другія общественныя условія, по этому и другое устройство. Но и Франція нашла, что слишкомъ большой составъ ассизнаго суда болѣе вреденъ, нежели полезенъ; поэтому вмѣсто пятичленнаго состава, бывшаго прежде, теперь введенъ трехчленный. Г. Филипповъ, по незнакомству съ этими вопросомъ и по незнанію исторіи французскаго уголовнаго судоустройства и его современнаго состоянія, вообразилъ, что чѣмъ полнѣе составъ ассизнаго суда, тѣмъ лучше, что это есть аксіома, и предлагаетъ Россіи такой многочисленный составъ, котораго въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ — 10 членовъ. Удивительная щедрость! положимъ, даже и того, что авторъ и послѣ изученія вопроса останется при томъ мнѣніи, что чѣмъ больше членовъ въ ассизахъ, тѣмъ лучше, и что именно такое устройство нужно для Россіи. Все это можетъ случиться, — но тогда надобно доказать, что по такимъ-то и такимъ-то причинамъ одночленный составъ англійскихъ ассизовъ для насъ негодится, настоящій трехчленный французскій неудовлетворителенъ, бывший пятичленный недостаточенъ, — а слѣдуетъ быть десятичленному. Тогда и критикъ могъ бы разсуждать съ авторомъ, а не указывать только ему на его совершенное незнакомство съ предметомъ, о которомъ онъ такъ смѣло предлагаетъ проекты реформъ.

Стр. 275. Авторъ исчисляетъ здѣсь условія для поступленія въ число присяжныхъ, — эти условія существовали десять лѣтъ тому назадъ — при Лудовикѣ-Филиппѣ, когда былъ избирательный ценсъ и избирательныя коллегіи. Нашъ авторъ видимо также силенъ и въ знаніи современнаго политическаго устройства Франціи, какъ и судебнаго, — иначе, какъ онъ могъ выставить, на примѣръ, что въ число присяжныхъ назначаются члены избирательныхъ коллегій, — которыхъ не существуетъ съ 1848, т. е., со введенія всеобщей подачи голосовъ. Не зная этого, авторъ преспокойно прилагаетъ къ нашему обществу тѣ условія состава присяжныхъ, которыя существовали въ демократической Франціи Лудовика-Филиппа, — впрочемъ съ нѣкоторыми интересными ограниченіями: 1) у насъ присяжные могутъ пзбираться даже и изъ купцовъ третьей гильдіи, 2) изъ всѣхъ чиновниковъ, занимающихъ штатныя мѣста. Почтенный реформаторъ ни слова не говоритъ о крестьянахъ и мѣщанахъ, и такъ какъ другія рубрики закона Лудовика-Филиппа неприложимы къ намъ, то выходитъ, что присяжные должны изби-

ратся только изъ купцовъ и чиновниковъ, а извѣстно, что купечество у насъ такъ малочисленно и столько членовъ его находится въ безпрестанной отлучкѣ по торговымъ дѣламъ, что выборныя должности съ трудомъ (и даже насиліемъ) замѣщаются, то по проекту г. Филиппова выходитъ, что на дѣлѣ присяжными будутъ только чиновники, занимающіе штатныя мѣста. Реформа очень легкая, но нельзя сказать чтобы обильная благотворными послѣдствіями. Мы не понимаемъ, почему авторъ при исчисленіи условій, на основаніи которыхъ составляются французскіе присяжные, пропустилъ тѣ, которыми гарантируется ихъ годность, именно: умѣнье читать и писать, обладаніе твердыми умственными и нравственными качествами, независимое положеніе въ обществѣ и другія. Мысль его постоянно вертится около гильдій и штатныхъ мѣстъ. А сколько бы дѣльного могъ сказать практикъ, знакомый основательно съ устройствомъ присяжныхъ на западѣ, о томъ, въ какомъ видѣ это важное учрежденіе можетъ быть приложено у насъ. Напримѣръ, условіе грамотности не можетъ быть примѣнено къ намъ, потому что огромная масса народа неграмотна, и слѣдовательно вы бы исключили изъ присяжныхъ почти всѣхъ крестьянъ, именно тѣхъ людей, которые поражаютъ насъ здравымъ юридическимъ смысломъ, и уже конечно во всякомъ случаѣ стоятъ нравственно выше многихъ чиновниковъ не только сверхъ штатныхъ, но и штатныхъ. Другой вопросъ: различіе нравовъ, образованія, взгляда на вещи, которое такъ рѣзко обозначается въ нашихъ сословіяхъ, не условливаетъ ли въ приложеніи института присяжныхъ къ Россіи, различныхъ родовъ присяжныхъ?

Мы не будемъ продолжать дальше исчисленіе ошибокъ г-на Филиппова. Ихъ такъ много, что чтеніе его статьи ставитъ втупикъ знакомаго съ дѣломъ, — не поймешь часто о чемъ авторъ говоритъ. Г. Филипповъ, предлагая реформу нашего уголовного судопроизводства и судоустройства по образцу французскаго, такъ мало знакомъ съ этимъ послѣднимъ и вообще съ наукой о судоустройствѣ, что важнѣйшія жизненныя основы правильного уголовного судоустройства, безъ которыхъ все остальное — присяжные и прочіе не имѣютъ значенія, какъ видно, и не представлялись вовсе ему. Эти великія основы: 1) отдѣленіе судебной власти отъ другихъ великихъ властей, 2) кассационный судъ, какъ истолкователь и блюститель закона, 3) независимость судебного сословія, лучшая гарантія которой есть безсмѣнность (inamovibilité), 4) независимость и свобода защиты. Авторъ

очень дѣльно замѣчаетъ, что въ уголовномъ процессѣ главнѣе зависитъ отъ слѣдствія. Но при этомъ онъ вовсе не коснулся различія англійской и французской системъ обвиненія, недоуздывая того, что французская система вовсе не есть образцовая, что личная свобода обвиняемаго тамъ мало уважена. Мы опять повторяемъ, что вовсе не выражаемъ здѣсь нашего мнѣнія о превосходствѣ или объ удобоприложимости къ потребностямъ Россіи той или другой системы. Мы хотимъ только сказать, что нельзя писать проектовъ реформы нашего уголовного судоустройства и судопроизводства, не изучивши основательно западное, т. е., французское и англійское, и не изучивъ исторически русскаго права, потому что только при послѣднемъ условіи можно знать, что къ намъ приложимо, и какіе элементы находятся въ духѣ нашего народа для возсозданія правильной уголовной юстиціи. Въ настоящее время, когда все прислушивается къ голосу нашей журналистики, когда она есть единственный органъ общественнаго мнѣнія, нельзя пройти молчаніемъ даже самую незрѣлую статью о судебной реформѣ, если она напечатана въ прогрессивномъ и уважаемомъ журналѣ. Мы надѣемся, что г. Филипповъ согласится въ этомъ случаѣ съ нами и исправитъ въ послѣдствіи слабую часть своего прекраснаго труда.

А. ДОХВИЦКІЙ.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Э. И. ГУБЕРА, изданныя подъ редакціей А. Г. Тихменева. Съ портретомъ и біографіей автора. Томы I и II. Спб. 1859. Въ 12-ю д. л. 474, XXXI и 347 стр.

Имя Губера пользовалось при его жизни нѣкоторою извѣстностью, не столько за собственныя его произведенія, сколько за переводъ гетева «Фауста». Этотъ переводъ былъ первою попыткой познакомить русскихъ читателей съ знаменитою поэмой, и какъ бы ни были велики недостатки перевода, онъ все же былъ въ то время не маловажною заслугой. Пушкинъ съ большимъ сочувствіемъ встрѣтилъ переводъ Губера, и много содѣйствовала своимъ вліяніемъ успѣхамъ молодого поэта. Безъ стиховъ Губера не стали обходиться ни тогдашніе журналы, ни тогдашніе альманахи; но и публика и критика оставались очень холодны къ этимъ стихамъ. Однообразіе мотива, монотонность, блѣдность и безхарактерность самого языка не оставались незамѣтными даже для очень не взыскательныхъ читателей. Гладкость стиха обманывала нѣкоторыхъ и заставляла подозрѣвать нѣчто глубокое въ этой изящной формѣ; но стоило присмотрѣться ближе, чтобы разочароваться и въ этомъ изяществѣ. Что можетъ быть глаже общихъ мѣстъ и готовыхъ фразъ? но кого и на долго ли могутъ увлечь они?

Новый издатель сочиненій Губера, повидимому, совсѣмъ иного мнѣнія о достоинствахъ изданнаго имъ поэта. Мы не знаемъ вполнѣ взгляда г. Тихменева, который будетъ вѣроятно подробно изложенъ имъ въ обѣщанномъ третьемъ томѣ вмѣстѣ съ біографіей Губера; но уже по нѣсколькимъ словамъ предиди-

словія видно, что онъ цѣнить Губера высоко. Иначе, впрочемъ, не для чего было бы и издавать.

Желая сказать что-нибудь въ похвалу поэта, издатель долженъ былъ прибѣгнуть къ довольно-темнымъ и неопредѣленнымъ фразамъ, потому-что вѣроятно и ему, при всемъ его уваженіи къ личности и таланту Губера, остается неяснымъ его поэтической характеръ. Что можно понять изъ такой характеристики: «Душевная теплота, согрѣвавшая мысли его (Губера), даже въ минуты наплыва желчи, была именно той божественной искрой, которая сдѣлала изъ него поэта. По преимуществу любящая натура Губера непрестанно искала дружескаго сочувствія, которое поэтому имѣло на него благодѣтельное вліяніе. То, что онъ подъ этимъ вліяніемъ сдѣлалъ для литературы, подлежитъ суду критики. Но въ этомъ мелодическомъ напѣвѣ часто страдавшей души, друзья его всегда найдутъ нѣсколько такихъ звуковъ, которые невольно ускользнутъ отъ критическаго анализа; они скажутся сердцу друзей знакомой гармоніей; предъ ними предстанетъ образъ ихъ друга; они поймутъ его недосказанныя мысли... Эти звуки составляютъ музыку стиховъ Губера. «Законность ея я мѣсколько понялъ,» прибавляетъ издатель: «благодаря рассказамъ тѣхъ же друзей...» значить, ея вовсе не поймутъ тѣ, кому не удалось слушать этихъ рассказовъ или быть самими друзьями умершаго поэта? Г. Тихменевъ, какъ вы видите, отвѣчаетъ на это утвердительно: не поймутъ. А между тѣмъ ему хочется, какъ онъ самъ говоритъ, «пробудить въ читателяхъ сердечное сочувствіе къ задушевымъ звукамъ, къ завѣтнымъ убѣжденіямъ поэта». Не разумѣть же онъ подъ читателями исключительно друзей (преимущественно титулованныхъ) покойнаго Губера, которымъ посвятилъ изданіе его сочиненій? Но подъ *благодѣтельными* вліяніемъ этихъ друзей, Губеръ, по словамъ г. Тихменева, сдѣлалъ что-то такое для литературы, что подлежитъ суду критики. Посмотримъ! Въ новомъ изданіи, какъ извѣщаетъ насъ предисловіе, помещено *едвое* болѣе произведеній Губера, чѣмъ было до сихъ поръ извѣстно, и вѣроятно, на основаніи этихъ ново-открытыхъ сокровищъ, издатель думаетъ, что Губеръ явится намъ въ новомъ, *истинномъ* свѣтѣ. Не смотря на это предположеніе, въ словахъ г. Тихменева, какъ вѣроятно замѣтилъ уже читатель, проглядываетъ какая-то неувѣренность. Онъ какъ будто самъ невольнѣ увѣренъ въ томъ, въ чемъ хотѣлось бы ему увѣрить другихъ. Онъ какъ-будто самъ сомнѣвается, дѣйствительно ли Губеръ

имѣеть какое-нибудь значеніе въ русской литературѣ какъ оригинальный поэтъ, и намъ кажется именно это-то сомнѣніе заставило его открывать въ стихахъ Губера какою-то внятную лишь друзьямъ его музыку.

Уваженіе издателя къ таланту изданнаго имъ поэта проявилось преимущественно въ вышедшихъ, до сихъ поръ, двухъ томахъ собраніемъ всего, что только вышло изъ подъ пера Губера, безъ разбора, замѣчательно оно или нѣтъ, хотѣлъ ли авторъ при жизни печатать эти найденныя въ бумагахъ его произведенія или нѣтъ. Мало того — г. Тихменевъ тщательно собираетъ варианты стихотвореній и подписываетъ ихъ подъ текстомъ, точно Губеръ римскій или греческій классикъ. Признаемся, мы не понимаемъ такой заботы, когда дѣло идетъ не о перво-классномъ писателѣ, или не о замѣчательномъ въ какомъ-либо иномъ отношеніи дѣятелѣ. Губеръ могъ быть отличнымъ чело-вѣкомъ (что конечно и докажетъ г. Тихменевъ подробно въ приготовляемой имъ біографіи); но за чѣмъ намъ знать, что этотъ отличный чело-вѣкъ писалъ плохіе стихи, бѣльшей части которыхъ не хотѣлъ и печатать? жизнь его была, положимъ, и не эгонстическая, да отъ этой жизни не было ни тепло, ни холодно обществу, среди котораго она прошла, и намъ нечего доискиваться какихъ-нибудь біографическихъ данныхъ въ этихъ старательно собранныхъ г. Тихменевымъ «стихотвореніяхъ, сохранившихся въ процenzурованной тетради», и въ «стихотвореніяхъ не напечатанныхъ», и въ «стихотвореніяхъ, записанныхъ авторомъ въ ученической тетради». Но, можетъ быть, не смотря на узкій кругъ своей дѣятельности, Губеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ высокихъ натуръ, стремленія и страданія которыхъ представляютъ общеинтересный предметъ для изученія, ибо въ нихъ отражаются стремленія и страданія современной имъ эпохи? чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, лучше всего прослѣдить лирическія стихотворенія Губера, которыя, за двумя-тремя исключеніями, не выходятъ изъ субъективной сферы. «Часто страдавшая (по словамъ г. Тихменева) душа Губера» выражаетъ въ нихъ почти исключительно свои страданія-

Въ чемъ же заключаются эти страданія? какими сторонами жизни произведены они? Осуществленіе какого идеала смѣнило бы ихъ счастьемъ? Ничего опредѣленнаго мы не узнаемъ изъ всѣхъ этихъ жалобъ и признаній.

Нѣтъ почти пьесы во всемъ собраніи, въ которой бы Губеръ не говорилъ о томъ, что онъ болѣнъ душой, что онъ сирота

на свѣтѣ, что жизнь его пуста, нѣтъ друзей и т. д. И сотни страницъ заняты этимъ разводяннымъ повтореніемъ стиховъ Пушкина: «Я пережилъ свои желанья.» Это вѣчное плаканье не только несносно, оно отвратительно. Нигдѣ не видно ни борьбы, ни негодованія, ни силы; всюду безпомощное покорство, общія фразы о неудовлетворительности жизни, всюду вялое, плаксивое безсиліе. И чѣмъ же не удовлетворила жизнь? Не тѣмъ, что руки связаны на дѣятельность, не тѣмъ, что мысли и чувству, требующимъ свободы и простора, приходится гаснуть и стынуть въ темной и ледяной атмосферѣ дикости, произвола и невѣжества. Нѣтъ, вся бѣда въ томъ, что «поиграли бѣдной волею безъ любви и жалости», что нѣтъ друга, къ которому можно бы припасть на грудь, что «отъ людей, какъ отъ могилъ» нельзя ждать «за чувство воздаянья», что одиночество одолѣло. И вездѣ-то на первомъ планѣ своя собственная особа поэта съ этими мелкими притязаніями и скорбями; нигдѣ сочувствіе, какое обращаетъ Губеръ на себя, не переходитъ въ сочувствіе болѣе широкое. Міръ какъ-будто существуетъ лишь для того, чтобы поставлять ему друзей, и не исполняя этого назначенія, онъ навлекаетъ на себя недовольство поэта. Иногда это недовольство становится въ высшей степени комично. Такъ Губеръ никакъ не можетъ примириться съ мыслью, что въ сорокъ лѣтъ можно жить безъ родителей. Онъ именуетъ себя сиротой, потому-что у него нѣтъ маменьки. Къ постоянному припѣву о друзьяхъ, сиротствѣ и одиночествѣ присоединяется безпрестанно повторяемая жалоба на какія-то страсти, истомившія и истощившія душу. Что это за страсти? Определеннаго отвѣта опять-таки нѣтъ. Вѣроятно тѣ самыя, отъ которыхъ сердце «слезами надъ подушкой разлилось, распалось». Правда, Губеръ толкуетъ и о какой-то жадѣ дѣлѣ, не приведшей ни къ чему, но поглубже вникнувъ въ смыслъ всей этой плаксивой поэзіи, вы поневолѣ начинаете думать, что объ этой жадѣ дѣлѣ упоминается больше для красоты слога. Объ ней говорится лишь вскользь, рядомъ съ широкими разглагольствіями о бѣдности души, не нашедшей себѣ друзей въ этомъ мірѣ.

По временамъ проглядываетъ какое-то раскаяніе въ пустотѣ этой жизни, потраченной ни за копейку; но это раскаяніе разрѣшается опять-таки въ риторическіе возгласы, а не въ негодование на среду, которая душитъ и убиваетъ всѣ порывы разумной жизни. Вотъ, напримѣръ, начало одного стихотворенія Губера съ этимъ покааннымъ характеромъ:

Когда развертываю я
 Печальный свитокъ жизни бѣдной,
 Итогъ пустаго бытiя,
 И бесполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
 Пройдетъ, обычной чередою,
 Холодный рядъ безцвѣтныхъ дней,
 Съ его томительной тщетою:

Тогда рождается во мнѣ
 Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
 Ужели въ страшной тишинѣ
 Мой вѣкъ прошелъ безъ назначенья?

Или, окованъ суетой,
 Я цѣли тайной не замѣтилъ,
 И ни единою чертой
 Духовной жизни не отмѣтилъ?

Отвѣтъ на этотъ строгій допросъ слѣдуетъ, какъ и надо
 было ожидать, положительный:

И мнѣ благая часть дана,
 Но я надъ нею тернъ посеялъ,
 И ни единого зерна
 Не возрастилъ, не возлелѣялъ.

Я своевольно издержалъ
 Мои божественныя силы,
 И нынѣ мертвый капиталъ
 Несу къ дверямъ моей могилы.

У этой пропасти безъ дна
 Со страхомъ жизнь мою объемлю:
 Я ни единого зерна
 Не положилъ въ родную землю.

Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
 Ничѣмъ я жизни не украсилъ;
 Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
 Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ.

Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Самъ поэтъ. Онъ прямо
 говоритъ, что самъ обезопасилъ лѣнь свою отъ мыслей. Въ та-
 комъ случаѣ нечего было возвѣщать міру даже и о существо-
 ванiи своемъ, нечего было и жаловаться на холодность людей.
 Вы ждете, что послѣ этого признанья поэтъ постарается если не
 оправдать, то по крайней мѣрѣ объяснить свою жалкую роль на

свѣтъ. Ничуть не бывало. Онъ только восклицаетъ съ натянутымъ титанизмомъ:

Но ежели, какъ вялый сонъ,
Мой вѣкъ и суетенъ и мраченъ,
За чѣмъ по крайней мѣрѣ онъ
Грѣхомъ могучимъ не означенъ?

За чѣмъ не внесъ онъ новыхъ ранъ
Въ глухую повѣсть человѣка?
И двинулъ бы благой обманъ
Пружины дремлющаго вѣка!

Но нѣтъ! и дикъ, и теменъ онъ,
Безъ вдохновенія и силы,
Однообразный, вялый сонъ,
Могила жизни до могилы.

Подобные страстные порывы понятны намъ у Байрона, даже у Пушкина и Лермонтова, при глубокомъ ихъ негодovaniи на извращенныя понятія, господствующія въ ихъ вѣкѣ и въ ихъ обществѣ, но, искусственно возбужденныя личнымъ недовольствомъ они смѣшны

Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрушенный, трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ!

Въ приведенномъ нами стихотворенiи Губера — вся его поэзія. Перечитайте весь толстый томъ его лирическихъ изліяній, и вамъ не придется ничего прибавить новаго къ той характеристикѣ, которая составится у васъ въ головѣ на основанiи этой піесы.

Тѣ-же упреки себѣ, тѣ-же обвиненія людей въ безчувственности, то-же безсиліе, желающее прикрыть себя плащемъ страданія, и слѣдомъ за ними тѣ-же риторическія обращенія къ «дремлющему вѣку». Въ одномъ стихотворенiи Губеръ доходитъ до такого дикаго паэоса, что восклицаетъ:

«За чѣмъ я громомъ не владѣю
И этотъ жалкій міръ не въ силахъ раздробить?»

Бѣдность внутренняго содержанія не можетъ утѣиться подъ этими громкими фразами. Да впрочемъ и онѣ рѣдки въ этомъ вяломъ потокѣ блѣдныхъ и жалобныхъ стиховъ. За то изысканность выраженій, риторичность на каждомъ шагу. Оно и понятно: надо же, за неимѣніемъ мыслей и чувствъ, хоть на чемъ нибудь вы-

ѣзжать. Поэтому мѣсяць именуется и жильцемъ эмира и пламенными скрижалями, поэтому являются и «таинственный пергаментъ рока», и какой-то «цвѣтъ заоблачнаго края», поэтому утесъ оказывается ровесникомъ вѣчности, поэтому представляется возможность «питаться красой» мѣсяца и т. д., и т. д. Эти примѣры мы взяли изъ драгоцѣнныхъ посмертныхъ стихотвореній, предлагаемыхъ русской публикѣ въ первый разъ услужливымъ издателемъ. Не думайте впрочемъ, что Губеръ оставлялъ ихъ ненапечатанными за эту реторическую дичь. Ея не мало и въ изданныхъ имъ самимъ, избранныхъ и исправленныхъ стихотвореніяхъ И въ нихъ — «грудь раздвигается», рѣчь *тремтѣ* лаской; и въ нихъ «чума страданія», «праздникъ бытія», «праздникъ сердца»; нѣтъ только маниловскихъ именинъ сердца, да и тѣ — почему знать? можетъ быть найдутся гдѣ-нибудь у друзей покойника и явятся въ приложеніи къ третьему тому. Что такое кладбище? Обломки бытія. Что такое колокола? Глаголы бытія. Что такое дѣтство? Роскошный образъ бытія. Эти изрѣченія достойны арабскихъ мудрецовъ. Что такое прозведеніе Губера? Итогъ пустаго бытія; этотъ «итогъ пустаго бытія» повидимому очень ему понравился: онъ не одинъ разъ вставляетъ его въ стихи. Кажется трудно придумать что-нибудь болѣе дикое и болѣе реторическое, чѣмъ приведенные примѣры, но что вы скажете о молніи, которая пишетъ желѣзными скрижалами? о сокрытой страницѣ темной вѣчности, которая говоритъ съ душою словами радуги? о желаніи — ненависть людей

Испепелить огнемъ лобзаній,
Пожаромъ бѣшеныхъ страстей?

Что скажете о мадоннѣ, которая

.... вдругъ взвилась живымъ потокомъ
И разлилась на полотнѣ?

О художественной сторонѣ стихотвореній Губера, послѣ приведенныхъ примѣровъ, кажется нечего болѣе распространяться. Философія его едва ли не еще слабѣе. Отъ нея, я думаю, и арабскіе мудрецы отказались бы. Это жалкія, тупыя фразы въ родѣ, на примѣръ, слѣдующихъ словъ смерти:

Все мое! я всё въ владѣю;
Что родится, то умереть.
Все подъ властію моею,
Все въ гробахъ моихъ сгніеть.

Жалость и бѣдность языка есть только слѣдствіе жалости и бѣдности мысли. Даже простыя слова: «я всѣмъ владѣю», не обошлись безъ амплификаціи: «все подѣ властію моею.» Въ приведенномъ выше стихотвореніи (едва ли не лучшимъ во всемъ сборникѣ) Губеръ дважды ухватывается, какъ за камень спасенія, за фразу, что онъ не «возрастилъ ни единого зерна», дважды повторяетъ, что жизнь его — вязлый сонъ; а между-тѣмъ и все-то стихотвореніе, что называется, короче воробьиного носа. Можно себя представить, что за омутъ пустыхъ и водянистыхъ фразъ поэмы Губера, занимающія по нѣскольку печатныхъ листовъ. Чтеніе ихъ представляетъ гораздо большую пытку, нежели даже чтеніе Телемахиды, потому-что въ нихъ нѣтъ тѣхъ неожиданностей и гениальныхъ вольностей, которыми такъ утѣшаетъ подчасъ Тредіаковскій. Все это доказываетъ только, что Губеру не для чего было и начинать писать, и говорить ему было нечего этой толпѣ, которую онъ называетъ и безчувственной, и покупной, и суетной, и грѣшной, и хладной, и которая съ такимъ замѣчательнымъ смысломъ рѣшила, что произведеніе Губера не стоятъ вниманія. Не помогли ему ходули, на которыя онъ становился, толкуя о своемъ поэтическомъ призваніи и перифразируя расплывающимся стихомъ то, что было говорено до него о значеніи поэта и лучше и опредѣленнѣе другими. Поэтомъ могли признавать его развѣ друзья. Друзья — люди обыкновенно очень снисходительные. Для нихъ количество часто замѣняетъ качество, а на Губера нельзя пожаловаться, чтобы онъ написалъ мало римованныхъ строчекъ.

Даже при высшей снисходительности, въ толстомъ томѣ лирическихъ стихотвореній Губера не выберешь ни одной піесы, которую стоило бы сберечь отъ забвенія и помѣстить въ число избранныхъ произведеній русской поэзіи. Лучше другихъ піесы: *На покой* и *Пѣсня* («На душѣ свободной»); но они только лучше другихъ піесъ Губера, а сами по себѣ значать весьма не много, какъ по мысли, такъ и по выраженію. О глубинѣ послѣдней можно достаточно судить хоть потому, что она представляетъ не больше какъ развитіе слѣдующей новой истины:

На зеленой вѣткѣ
Птичка распѣвала;
Въ золоченой клеткѣ
Птичка замолчала.

Если такія піесы приходится признавать лучшимъ, то каковы же худшія-то?

Въ числѣ напечатанныхъ г. Тихменевымъ впервые стихотвореній, есть двѣ-три попытки въ реальномъ родѣ, безъ фантастическихъ полетовъ къ жильцу ээира мѣсяцу и безъ желаній испепелить ненависть людей огнемъ лобзаній и пожаромъ страстей, но и эти попытки крайне слабы. Опять-таки по лучшей изъ нихъ можно судить о слабѣйшихъ; а вотъ какова и лучшая-то:

Думалъ мужикъ: «я хлѣбъ продамъ,
Баринъ спроситъ — оброкъ отдамъ,
Въ городъ снесу на продажу товару,
Да лошадокъ куплю себѣ пару;
А потомъ и Ванюху женю
На Мароушкѣ къ Миколину дню.
Хлѣба продалъ онъ на два алтына,
Баринъ сказалъ ему чертова сына,
На деревнѣ случился пожаръ,
Вмѣстѣ съ хатой сгорѣлъ и товаръ.
Почесался мужикъ по неволѣ,
Не женилъ онъ Ванюхи къ Миколѣ,
Поглядѣлъ на пустую мошню —
И напился къ Миколину дню.

Послѣ утомительнаго блужданья по безплоднымъ страницамъ лирическихъ стихотвореній Губера, останавливаешься съ надеждой на отдѣлъ лирическихъ переводовъ. Думаешь, хоть тутъ есть на чемъ нибудь отдохнуть. Увы! и тутъ то-же разочарованіе постигаетъ читателя. Лучшій изъ всѣхъ переводовъ, хоть и не особенно точный, это — переводъ *идеаловъ* Шиллера.

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неуловимая! постой!
О, дней моихъ весла златая!
Постой! тебѣ возврата нѣтъ!
Летитъ, молитвъ не внимая,
И все за ней помчалось вслѣдъ.

«Какъ?» спрашиваете вы. «Да развѣ это Губера переводы? Это переводъ Жуковского, и напечатанъ во всѣхъ собраніяхъ его сочиненій.» Дѣйствительно, это переводъ Жуковского и непонятно, какими судьбами попалъ онъ въ число переводовъ Губера. За то очень понятно, почему онъ лучшій, переводы Губера всѣ безъ исключенія очень плохи. Нельзя не подивиться и выбору піесъ для перевода. Какъ нарочно выбрано именно то, что послѣ всего остановитъ вниманіе читателя въ подлин-

никѣ, напримѣръ изъ Шиллера: «Стремленіе», «Слова Вѣры», «Закрытый Истуканъ въ Саисѣ», изъ Гете: «Границы Человѣчества», «Странникъ» и какіе-то два нелѣпыя четверостишія, которыхъ мы совсѣмъ и не понимаемъ. Вотъ они оба для курьоза.

1. Пусть счастье съ нимъ гостить,
Не въ помощь Прощѣ,
Крупа валить,
А онъ безъ ложки.
2. Лучшее въ свѣтѣ
Въ прокъ нейдетъ,
Здоровый, безъ денегъ,
Больнымъ слыветъ.

Не много поняли мы также и изъ стихотворенія Гервега (напечатано: Герваге) «Плохое утѣшеніе». Въ немъ не осталось ни смысла, ни слмы подлинника.

Признаемся, послѣ этихъ переводовъ мы приступили съ большимъ недоумѣніемъ къ перечитыванью перевода «Фауста», который очень слабо сохранился въ нашей памяти. Во всемъ, что помѣщено въ первомъ томѣ сочиненій Губера нѣтъ, по нашему мнѣнію, и тѣни таланта; лишь кой-гдѣ есть довольно гладкіе и плавные стихи, хотя и они довольно безцвѣтны большею частью. Притомъ мы видѣли совершенную несостоятельность Губера, когда ему приходилось касаться предметовъ, выходящихъ изъ тѣсной сферы его личныхъ мелкихъ страданій. Если онъ такъ плохо перевелъ, напримѣръ, хотъ даже «Надежду» Шиллера, то чего же ждать отъ «Фауста»? Поэма Гёте полна непобѣдимыхъ трудностей и усилія многихъ высокихъ талантовъ сокрушались объ эти трудности. И содержаніе, и форма слиты въ ней такъ органически, что переводчику необходимы и глубокое пониманіе высокихъ идей, волнующихъ Фауста, и глубокое сочувствіе къ нимъ, и могучее слово для ихъ выраженія. Ни того, ни другаго, ни третьяго нѣтъ у Губера. Въ предисловіи своемъ онъ обличаетъ слишкомъ узкій взглядъ на произведеніе Гёте. Правда, взглядъ этотъ цѣлкомъ почти заимствованъ у нѣмецкихъ буквоѣдовъ-комментаторовъ «Фауста», видящихъ многое тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, и не замѣчающихъ часто того, что слѣдовало замѣтить. Но опять-таки усвоеніе такого взгляда не показываетъ большой проницательности въ русскомъ переводчикѣ. На основаніи какъ этого взгляда, такъ и собственной исповѣди Губера въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, мы не можемъ допустить въ немъ и того проникновенія духомъ подлинника, которое со-

общаетъ переводу характеръ почти оригинальнаго, не заимствованнаго произведенія. Соглашаемся, что эти требованія очень высоки, и имъ не удовлетворить ни одинъ изъ позднѣйшихъ русскихъ переводчиковъ «Фауста», за исключеніемъ развѣ И. С. Тургенева, переведшаго истинно превосходно послѣднюю сцену въ темницѣ, но къ сожалѣнію одну только эту сцену. Поэтому къ переводу Губера не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прилагать этого идеальнаго масштаба, подъ который онъ никакъ не подойдетъ. Довольно требовать отъ него добросовѣстнаго вниканія въ смыслъ подлинника, добросовѣстнаго старанія передать возможно вѣрно каждую черту, каждое выраженіе. Этими требованіямъ Губеръ удовлетворяетъ, и трудъ его достоинъ полнаго уваженія даже теперь, не говоря уже о томъ времени, когда онъ былъ первою попыткой перенести въ русскую литературу великую поэму, и г. Тихменевъ оказалъ бы намъ гораздо большую услугу, еслибъ напечаталъ порядочно изъ всѣхъ произведеній Губера одного только «Фауста», а остальные стихотворенія оставилъ бы на долю тѣхъ друзей, которые могутъ открыть въ нихъ какую-то таинственную музыку. Говоримъ: напечатать порядочно, потому что давно уже не встрѣчали такой небрежности въ типографскомъ отношеніи, какую отличается все изданіе сочиненій Губера. Пропущенныя строки, искаженные стихи, бессмысленныя замѣны одного слова другимъ — на каждой страницѣ, буквально на каждой страницѣ, и списокъ опечатокъ могъ бы занять при каждомъ томѣ страницъ сто. Повторяемъ, это не преувеличеніе *).

---

*) Исчислить, стало быть, и главныя опечатки не представляется никакой возможности; но, между тысячами ихъ, укажемъ на двухъ-трехъ страницахъ тѣ, какія попадутся на глаза. «Благородный» (вм. благодарный) риемуть съ «коварный»; ея не «позорять» (вм. поразять); не стало «блаженства» (вм. божества), «грады» (вм. груди). Вотъ и цѣлые стихи искаженные: «Повстрѣчались съ долею» (вм. повстрѣчались съ *новой* долею); «Когда развертывалъ я» (вм. Когда развертываю я); «Ты сплещихъ ты старыхъ раячъ моихъ» (вм. ты сплещихъ старыхъ раячъ моихъ); нѣкоторые стихи и совсѣмъ лишены смысла вслѣдствіе корректорскаго недосмотра, напримѣръ:

Мнѣ спится, въ дальней *лубинѣ*,
Пришлецъ задумчивый *подъ* хижинной убогой.

Вм. *лубинѣ* слѣдовало вѣроятно поставить *сторонѣ*, вм. *подъ* — *предъ*. Эта небрежность какъ-то не согласна съ уваженіемъ издателя къ таланту Губера. Лучше бы не собирать разнаго хлама изъ черновыхъ бумагъ, а позаботиться о томъ, чтобы уже разъ напечатанное было перепечатано какъ слѣдуетъ.

Самый главный недостаток губерова перевода «Фауста» заключается въ стараніи переводчика сохранить гладкость и плавность русскаго стиха. Вслѣдствіе этого старанія явилось множество амплификацій, которыя лишили языкъ Гёте сжатости и силы; все рѣзкое, оригинальное въ подлинникѣ какъ-то смягчилось, стало какъ-то безцвѣтнѣе. Въ этомъ случаѣ мы отдаемъ преимущество даже переводу Вронченки, который подѣ часъ черезъ-чуръ ужъ дубоватъ и тяжелѣ. Разбирать переводъ Губера въ подробности, указывать на ошибки и уклоненія отъ подлинника, сравнивать его съ другими русскими переводами — было бы трудомъ лишнимъ. Еще при первомъ его появленіи въ свѣтъ было высказано все это въ критическихъ журнальныхъ статьяхъ. Особенно памятенъ намъ разборъ, помѣщенный въ то время въ «Отечественныхъ Запискахъ». Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы приведемъ лишь одинъ отрывокъ изъ перевода Губера, который ясно покажетъ характеръ его и достоинство.

Вотъ монологъ Фауста изъ сцены договора:

Когда отъ горести тревожной
 Знакомый звукъ меня отвлекъ,
 И дѣтскихъ чувствъ привѣтъ ничтожный
 Къ веселой юности увлекъ:
 Я прокляну обманъ минутной,
 Сманившій сердце въ сѣть свою,
 И лживый призракъ тѣни смутной,
 Упавшій на душу мою;
 Я прокляну пустое мнѣнье,
 Которымъ духъ гордился мой,
 И блескъ коварнаго видѣнья,
 Летавшій надъ моею главою;
 Я прокляну волненья славы,
 И все, что въ пламенныхъ мечтахъ
 Насъ тѣшитъ суетной забавой,
 Въ женѣ и въ дѣтяхъ и въ рабахъ;
 Я прокляну дары богатства,
 Когда они нашъ бурный вѣкъ
 Влекутъ на подвигъ святотатства
 И стелютъ ложе праздныхъ нѣгъ....
 .....
 Любовь къ утѣхамъ и вину,
 Но всѣхъ ужаснѣе, всѣхъ прежде,
 Терпѣнье наше прокляну!

Амплификація стерла съ этого монолога весь его патетическій характеръ. Будучи вѣренъ если не буквально, то по смы-

слу, переводъ въ то-же время кажется намъ не переводомъ изъ Гёте, а собственнымъ произведеніемъ Губера по тону и излишней плавности. Припомнимъ подлинникъ. Здѣсь каждый стихъ дышетъ силой. Одно уже поставленіе вмѣсто будущаго «я прокляну» настоящаго «проклинаю» или «прокляты!» сообщило бы стихамъ Губера вдвое больше энергій; но именно этого-то поэтическаго такта, умѣющаго разумно распорядиться языкомъ, и не доставало Губеру. Часто, пугаясь мало-употребительнаго слова, необычной фразы, онъ сглаживалъ драгоцѣнныя черты подлинника. Сравненіе лучше всего подкрѣпитъ наши слова. Вотъ какъ выражается Фаустъ у Гёте:

Wenn aus dem schrecklichen Gewühle
 Ein süß bekannter Ton mich zog,
 Den Rest von kindlichem Gefühle
 Mit Anklang froher Zeit betrog;
 So fluch ich allem, was die Seele
 Mit Lock- und Gaukelwerk umspannt,
 Und sie in diese Trauerhöhle
 Mit Blend- und Schmeichelkräften bannt!
 Verflucht voraus die hohe Meinung,
 Womit der Geist sich selbst umfängt!
 Verflucht das Blenden der Erscheinung,
 Die sich an unsre Seele drängt!
 Verflucht was uns in Träumen heuchelt,
 Des Ruhms, der Namensdauer Trug!
 Verflucht was an Besitz uns schmeichelt,
 Als Weib und Kind, als Knecht und Pflug!
 Verflucht sei Mammon, wenn mit Schätzen
 Er uns zu kühnen Thaten regt,
 Wenn er zu müßigem Ergetzen
 Die Polster uns zurechte legt!
 Fluch sei dem Balsamsaft der Trauben!
 Fluch jener höchsten Liebeshuld!
 Fluch sei der Hoffnung! Fluch dem Glauben!
 Und Fluch vor Allem der Geduld!

Изъ сравненія видно ясно, что Губера пугала въ подлинникѣ оригинальность образовъ и выраженій, что, перенесенная на русскій языкъ цѣликомъ, она, по мнѣнію Губера, должна была казаться дикою. Гдѣ переводчикъ менѣе подчинялся этому опасенію, тамъ и переводъ вышелъ лучше.

Послѣ Губера не мало было попытокъ переводить «Фауста», но полныхъ перевода вышло только два: покойнаго Вронченки и г. Струговщикова. Переводъ послѣдняго безобразенъ до крайности; не говоря уже объ отсутствіи въ немъ всякой поэзии, и

знаніе нѣмецкаго языка въ переводчикѣ сомнительно. Изъ многихъ странныхъ невѣрностей перевода, у насъ особенно осталось въ памяти, что стихи изъ пѣсни помѣшанной Маргариты въ тюрьмѣ.

Mein Schwesterlein klein
Hub auf die Bein,
An einem kühlen Ort.

То есть, «малютка сестрица моя схоронила (или сберегла) кости въ свѣжемъ мѣстѣ», переведены такъ:

Сестрица родная,
Ножку, шрал,
Вверхъ поднила.

Г. Струговниковъ принялъ слово *Bein*, какъ видите, за ноги, а *aufheben* за «поднять», не стараясь понять, какой въ этомъ выйдетъ смыслъ.

Собственно говоря, значить, полныхъ переводовъ на русскомъ языкѣ только два: Губера и Вронченки, и русскимъ читателямъ слѣдуетъ пока довольствоваться имп. Добросовѣстность и того и другаго переводчика извлекла изъ ихъ способностей все, что могла употребить въ дѣло для передачи великой поэмы. Можно винить ихъ за недостатокъ способностей; но услія ихъ достойны всякой похвалы. Губеръ въ предисловіи къ своему переводу приводитъ, въ оправданіе себѣ, два стиха изъ гетева Торквато Тассо:

Was ich gewollt, ist löblich, wenn das Ziel
Auch meinen Kräften unerreichbar blieb.

Это совершенно справедливо, и то-же могъ бы сказать относительно своего перевода Вронченко. Пока мы не дождемся переводчика болѣе даровитаго и перевода болѣе совершеннаго, намъ приходится быть благодарнымъ трудамъ Вронченки и Губера.

Мы лишь мелькомъ упомянули въ нашей статьѣ объ эпическихъ опытахъ Губера. Но много говорить о нихъ и нечего. Въ первомъ томѣ помѣщено три поэмы: «Братоубійца», «Вѣчный жидъ» и «Антоній». Послѣднія двѣ некончены. Всѣ три онѣ принадлежатъ къ тому фальшивому роду, который прозвель драматическія фантазіи Кукольника и Тимофеева, и ничѣмъ не лучше этихъ фантазій. Высокія притязанія, не по плечу таланту, необходимо должны были проявиться въ напыщенномъ фразерствѣ, которое переходитъ въ совершенную вялость и безжизненность, когда требуется эпическое спокойствіе. Когда-то у

насъ печатались поэмы г. Бернета съ подобными же притязаніями и съ подобными же качествами. Эти поэмы никѣмъ въ свое время не читались, и никто не помнитъ самого ихъ существованія. Поэмы Губера напомнили намъ ихъ. Ужь этого довольно для ихъ характеристики. При чтеніи ихъ, производящемъ нестерпимую скуку, намъ ни разу и въ голову не пришло искать въ нихъ какой-нибудь генеалогической связи съ Байрономъ, съ Пушкинымъ, съ Лермонтовымъ.

Есть и еще поэма Губера, которой не помѣщено въ вышедшихъ двухъ томахъ. Это «Прометей». Друзья автора накричали о ней много; но судя по отрывкамъ, напечатаннымъ когда-то въ «Иллюстраціи», мы думаемъ, что она не прибавила бы ничего къ репутаціи Губера и не измѣнила бы нисколько нашего о немъ сужденія.

М. Л.

Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Книжка первая. Москва. 1859. Въ 8-ю д. л. 200, 130, 70 и 67 стр. (Съ 4 рисунками.)

«Исторія Пермскаго края», говоритъ программа изданія, первая книжка котораго лежитъ передъ нами: «произведенія и различныя особенности его природы, мѣстныя условія, болѣе или менѣе благопріятныя для его благосостоянія, его промышленная дѣятельность, образъ жизни и языкъ различныхъ племенъ, населяющихъ губернію — вотъ предметы, изученію которыхъ посвящается предпринимасное въ городѣ Перми изданіе *Пермскаго Сборника*.» Намъ неизвѣстно, кому принадлежитъ первая мысль этого предпріятія, не извѣстно имя редактора новаго изданія; но все заставляетъ предполагать въ нихъ людей истинно просвѣщенныхъ, понимающихъ великую пользу, какую могутъ приносить для изученія Россіи подобные мѣстные сборники. Издатель не назначаетъ опредѣленнаго срока для выпуска слѣдующихъ томовъ, но, нѣтъ сомнѣнія, наша публика съумѣетъ оцѣнить дѣльное предпріятіе и дастъ средства явиться въ скоромъ времени второй, третьей и т. д. книжкамъ. Большая часть статей, помѣщенныхъ въ первой книжкѣ, представляютъ общій интересъ, не говоря уже объ интересѣ ученомъ.

Сборникъ раздѣляется на четыре отдѣла. Въ первомъ, посвященномъ историческимъ статьямъ и матеріаламъ, касающимся пермскаго края, мы находимъ, какъ введеніе, *Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи пермскаго края*, составлен-

ный г. Александромъ Крупенинымъ. Авторъ сужде въ этомъ небольшомъ очеркѣ представить главныя черты постепеннаго образованія населенія пермскаго края, развитія главнѣйшихъ, составляющихъ характеристическую сторону его, отраслей промышленности, введенія и успѣховъ христіанства, заведенія училищъ и распространенія образованности въ народѣ. «Общій выводъ изъ всего этого», заключаетъ авторъ свою статью: «громко говорить въ пользу жителей нашей отдаленной области. Составленное изъ разнородныхъ стихій, изъ людей большею частію пришлыхъ, но по этому самому уже болѣе развитыхъ, чѣмъ осѣдлое земледѣльческое населеніе внутреннихъ провинцій, сплоченное сколько мѣрами правительства, столько же единствомъ интересовъ и необходимостью дружнаго стремленія къ совокупной разработкѣ представляющихся средствъ къ жизни, населеніе пермскаго края сдѣлалось дѣятельнымъ, смѣлливымъ, переносчивымъ. Конечно духовно-нравственное развитіе этого населенія не вездѣ представляетъ зрѣлище утѣшительное... массы нуждаются еще въ образованіи, болѣе ясномъ сознаніи человѣческаго достоинства и съ перваго взгляда кажутся довольно грубыми. Но гдѣ же въ Россіи не повторяются подобныя явленія? Еще настаетъ только время просвѣтленія, пробужденія Россіи отъ вѣковаго забытья, яснаго пониманія язвъ и недостатковъ общественныхъ. Еще только подняты вопросы общечеловѣческіе и разрѣшеніе ихъ надо предоставить времени; вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ничего не дѣлается. По крайней мѣрѣ значительно развитое, въ сравненіи съ другими мѣстностями, внѣшнее благосостояніе и общее стремленіе къ улучшенію своего быта служить порукой, что здѣшнее населеніе не остановится на пути прогресса и скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, достигнетъ той цѣли, къ которой такъ горячо стремится каждое русское сердце, — истинно человѣческаго образованія.» Въ этомъ случаѣ намъ хочется отъ души вѣрить г. Крупенину. Самый сборникъ, въ которомъ онъ высказываетъ эти мысли, есть то-же свидѣтельство въ пользу большаго нравственнаго развитія пермскаго края сравнительно съ другими нашими провинціями. Если бы вездѣ находились люди съ такимъ желаніемъ изучать прошлыя судьбы и настоящее состояніе своей мѣстности, съ такимъ желаніемъ совершенствованія своему краю, примѣръ какого представляетъ «Пермскій Сборникъ», счастливая будущность, о которой мечтаетъ вмѣстѣ со всѣми истинно честными умами г. Крупенинъ, много приблизилась бы къ намъ.

Вслѣдъ за статью г. Крупенина напечатаны двѣ статьи объ эпохѣ, крайне интересной для нашей новѣйшей исторіи, и до сихъ поръ совсѣмъ почти не разъясненной. Это *Пугачевскій бунтъ въ шадринскомъ уездѣ и окрестностяхъ его*, статья г. Александра Зырянова, и *О мѣрахъ предосторожности, которыя принимались были пермскими заводами во время Пугачевскаго бунта въ 1774 году*, статья г. Д. Планера.

До сихъ поръ «Исторія Пугачевского бунта» Пушкина остается единственною попыткой изобразить въ полной картинѣ эту мятежную пору. Какъ поверхностна вышла эта картина изъ-подъ пера Пушкина, какимъ ложнымъ свѣтомъ освѣтилъ онъ ее, чувствовалось многими при самомъ первомъ ея появленіи. Теперь, когда время отъ времени начинаютъ выходить изъ мрака домашнихъ и правительственныхъ архивовъ подробности событій, опущенныя (должно думать, не преднамѣренно) Пушкинымъ, трудъ его все болѣе и болѣе блѣднѣетъ. Собственно говоря, это и не историческій трудъ въ строгомъ смыслѣ, а дилетантическій, небрежный очеркъ, безъ должнаго вниканія въ сущность событій, безъ серьезнаго обсужденія фактовъ. Художественность изложенія можетъ, пожалуй, обмануть съ перваго разу, и заставить приписать «Исторію» Пушкина достоинства, которыхъ у нея нѣтъ; но это лишь на первый разъ. Замѣчательнѣе всего то, что Пушкинъ, имѣвшій возможность слышать еще многое объ этой замѣчательной эпохѣ изъ устъ очевидцевъ, возможность, которой уже не существуетъ для изслѣдователей нашего времени, ничѣмъ не воспользовался изъ этихъ устныхъ преданій. Въ этомъ случаѣ какъ-будто измѣнила ему его художественная натура. Или онъ приписывалъ больше важности писаннымъ документамъ, какимъ бы официальнымъ характеромъ они не отличались, и не очень довѣрялъ рассказамъ стариковъ? Съ этими рассказами многое безвозвратно пропало для картины, которую будетъ намъ рисовать будущій историкъ этого времени. Свидѣтельства очевидцевъ важны именно тѣмъ, что они даютъ должный колоритъ и характеръ фактамъ, котораго лишаетъ ихъ изложеніе официальное. Вспомнимъ, на примѣръ отрывокъ изъ записокъ Мертваго въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Авторъ говоритъ повидимому лишь о себѣ, а между тѣмъ его личныя приключенія для насъ дороже, чѣмъ подробныя реляціи о передвиженіи войскъ, о количествѣ плѣнныхъ и проч. Тамъ, не смотря на отрывочныя, мелкія повидимому свѣдѣнія — яркія черты эпохи; здѣсь, при всей обстоятельности и послѣдовательности извѣстій —

лишь намеки на истинный характер времени. Не знаемъ, есть ли еще чьи-нибудь записки о Пугачевщинѣ въ родѣ записокъ Мертваго; если есть, онѣ вѣроятно не погибнутъ и явятся рано или поздно въ свѣтъ. Объ нихъ нельзя хлопотать такъ, какъ о документахъ и матеріалахъ, которые знаешь, гдѣ искать. Вотъ собраніе этихъ-то матеріаловъ должно быть пока главною заботой. Пересмотрѣть всѣ мѣстные архивы, если возможно даже сохранившіяся частныя корреспонденціи въ тѣхъ краяхъ, гдѣ было волненіе, извлечь изъ нихъ все замѣчательное и сохранить отъ гибели — было бы большою заслугой для исторіи. У насъ до сихъ поръ безвозвратно гибнуть не одни устные рассказы. Обремененіе нашихъ архивовъ громадными переписками и дѣлами, не представляющими ровно никакого значенія, неволью заставляетъ смотрѣть очень равнодушно и даже съ пренебреженіемъ на эти бесполезныя массы бесполезно исписанной бумаги. Строгаго разбора и отдѣленія важныхъ дѣлъ отъ неважныхъ не существуетъ, и при какомъ-нибудь несчастномъ случаѣ, пожарѣ, наводненіи, гибнетъ часто весь архивъ, а если что и спасается, то спасается случайно. Намъ извѣстно, папримѣръ, что въ уфимскомъ губернскомъ архивѣ есть два довольно толстыхъ дѣла, относящихся къ мелкимъ безпорядкамъ, которыми отзывается пугачевскій бунтъ и послѣ потушенія его; но ни одного листа не осталось отъ бумагъ, относившихся къ самому времени бунта. Куда онѣ дѣлись? Какъ можно предполагать, ихъ истребилъ, вмѣстѣ съ ненужнымъ письменнымъ хламомъ, большой пожаръ, бросившійся между-прочимъ и на присутственныя мѣста. Вѣроятно, не все въ этомъ пожарѣ погибло, потому-что иначе какъ бы уцѣлѣли два помянутые дѣла? Но изъ того, что уцѣлѣли именно лишь они, ясно, что все зависѣло отъ случайности. Поэтому нельзя не благодарить отъ всей души редакцію «Пермскаго Сборника» какъ за напечатанныя въ первой книжкѣ матеріалы, такъ и за общаемые для слѣдующихъ книжекъ. Въ выноску къ статьѣ г. Зырянова, составленной на основаніи найденныхъ имъ въ мѣстныхъ архивахъ дѣлъ, редація говоритъ, что «располагаетъ достаточнымъ количествомъ статей, относящихся по своему содержанію какъ ко времени пугачевского бунта, такъ и къ происходившимъ въ другія времена волненіямъ въ народонаселеніи той или другой мѣстности въ пермскомъ краѣ. Всѣ эти статьи составлены на основаніи данныхъ, большею частью доселѣ неизданныхъ, и если въ нихъ проскользнетъ иногда недостатокъ современнаго взгляда на событія и искусства

группировки ихъ, то безъ сомнѣнія статьи эти имѣютъ, по крайней мѣрѣ, всю цѣну матеріала для специалистовъ-историковъ.» Въ этой же выноскѣ мы видимъ и просвѣщенный взглядъ самой редакціи на эпоху Пугачевщины. Единжды выразивъ его, она не только можетъ, но и должна не стѣсняться не совѣмъ правильными воззрѣніями авторовъ статей объ этомъ времени. Тутъ главное — факты; а ими, напримѣръ, очень богата не отличающаяся особенною проникательностью статья г. Зырянова, и читатель все-таки останется за нее чрезвычайно благодарнымъ. Передѣлывать эти неправильные взгляды не всегда возможно, исключать ихъ то-же, потому-что часто они бываютъ тѣсно связаны съ изложеніемъ фактовъ, и тогда требовалось бы перестроить совершенно самое это изложеніе. Взглядъ самой редакціи таковъ: «Пугачевскій бунтъ (говорится въ выноскѣ) не былъ явленіемъ одной только мѣстности — Яика; напротивъ, онъ охватилъ весь востокъ европейской Россіи; повсюду поднялся народъ противъ тогдашней власти и, между прочимъ, это волненіе обнаруживалось болѣе или менѣе въ каждой мѣстности и пермскаго края. Было бы конечно односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явленія тѣмъ, что вотъ де нѣкто злодѣй Емелька Пугачевъ назвалъ себя императоромъ Петромъ III, а простой народъ вдался въ обманъ и возсталъ противъ законной власти; утверждать такъ, значило бы отрицать всякой человѣческой смыслъ у волновавшагося миллионнаго населенія. Между тѣмъ при обнародованномъ запасѣ матеріаловъ объ этомъ предметѣ трудно еще дать положительный отвѣтъ на то, изъ какихъ дурныхъ соковъ народнаго быта скопился этотъ недугъ, какъ видно зачавшійся въ общественномъ тѣлѣ задолго до 1773 года, выступавшій наружу и прежде этого времени, да и послѣ, только съ перемѣною своего названія и въ неодинаковыхъ размѣрахъ. Наука вполне объяснить это явленіе конечно только тогда, когда въ обладаніи ея будутъ находиться всѣ примыкавшія къ нему частныя событія.»

Изъ двухъ статей «Пермскаго Сборника» о Пугачевщинѣ особенно интересна и обильна фактами статья г. Зырянова. Г. Зыряновъ съ особенною подробностью рассказываетъ осаду мятежниками Долматова монастыря, расположеннаго на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Исети, въ 158 верстахъ отъ Екатеринбурга, и приводитъ замѣчательную полемику между осаждающими и осажденными. На требованіе предводителя осадившаго монастырь отряда покориться и признать въ Пугачевѣ законнаго госу-

даря, монахи отвѣчали убѣжденіями мятежникамъ возвратиться къ порядку и спокойствію. Эти убѣжденія отличались то пролическимъ характеромъ (въ началѣ), то богословско-философскимъ. Пуще всего опирались осажденные въ своихъ разсужденіяхъ на то, что препровожденный къ нимъ манифестъ рукописный, а не печатный. «Какъ небезызвѣстно (писали они), что всякой монархъ вступаетъ на престолъ правленія тишиною и весьма полезнымъ всему обществу спокойствіемъ; а какъ вашъ мнимый государь Петръ III, императоръ, въ своемъ ложномъ и то письменномъ, а не печатномъ манифестѣ, всему обществу въ свѣдѣніе не предъявилъ, гдѣ онъ и въ какихъ мѣстахъ чрезъ двѣнадцатилѣтнее время находился и для чего только въ одну Оренбургскую губернію вкрался, простыхъ, нашу братью, мужиковъ, особливо отъ прочихъ мѣстъ ослѣпленныхъ не вездѣ прельщать и приводить въ конечную пагубу и награждать склонившихся къ нему — крестомъ и бородою, травами и морями и всякою вольностію, чѣмъ мы и безъ его награжденія отъ милостивой нашей монархини довольствуемся; крестъ Спасителя нашего всякой изъ насъ православный христіанинъ чтитъ и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по человѣчеству имѣются; растущіе на ней волосы по своей волѣ кто стрижетъ и брѣетъ, а иной и отпускаетъ, въ томъ принужденія никому нѣтъ; травами же и морями мы безъ награжденія вашего довольны и недостатка никакого не имѣемъ.» Видя, что голословныя убѣжденія не дѣйствуютъ, монахи вздумали образумить осаждающихъ свидѣтельствомъ церковнымъ. Они писали: «А ежели кровопролитное злодѣйство съ нами дѣлать усилятся, то Возбранная и Побѣдительная Воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь насъ защитить можетъ. Такъ спасла царствующій градъ Константинополь отъ Скифскаго воеводы, свирѣпаго звѣря кабана и потопила въ морѣ многочисленныя его полки. Сверхъ того, она жъ, Пресвятая Богоматерь, при зачатіи здѣшной обители, чрезъ чудотворный ея образъ, который и нынѣ здѣсь въ обители, какія оказала вѣрному сыну церкви и отечества монаху Долмату благодѣательства, о томъ прилагается при семъ въ краткомъ показаніи повѣсть...» Но и это не помогло. Походный атаманъ Пестеревъ, управлявшій осадой, отвѣчалъ на совѣтъ прочесть повѣсть о монастырѣ очень неуважительно. «Полученное ваше вторичное письмо (писалъ онъ монахамъ), въ коемъ изволите напрасно продолжительныя о храмѣ Божиемъ и о прочемъ прописывать законы и всѣ доказательства выбирать,

только намъ нѣкогда и свободнаго времени нѣтъ, какъ желаемъ васъ благополучными получить въ склонность, а безъ склоненія и усерднаго поклоненія не отойдемъ, а единственно пшѣте ожидать сей въ половинѣ ноци на себя храбрый пушечный ударъ...» Осада вѣроятно кончилась бы плохо отъ осажденныхъ, еслибъ на помощь къ нимъ не подоспѣлъ генералъ поручикъ Декалонгъ со своими солдатами.

Остальныя статьи историческаго отдѣла не представляютъ для большинства такого интереса, какъ три первыя, но за то въ нихъ много любопытныхъ данныхъ для будущихъ историковъ пермскаго края, назовемъ между прочимъ статью г. профессора Ешевскаго: *Замѣтка о Пермскихъ древностяхъ*, къ которой приложено четыре таблицы рисунковъ. Менѣ всего удовлетворила насъ статья г. Фирсова: *Открытие народныхъ училищъ въ Пермской губерніи*. Два-три интересные факта тонуть тутъ въ безднѣ многословія и пустыхъ подробностей.

Второй отдѣлъ «Пермскаго Сборника» посвященъ этнографіи, и здѣсь находимъ мы превосходное по множеству помѣщенныхъ въ немъ народныхъ пѣсень описаніе *свадебныхъ обрядовъ города Чердыни*, составленное г. Предтечинскимъ изъ матеріаловъ, полученныхъ редакціею отъ бывшаго учителя чердынскаго уѣзднаго училища, г. Мальцева. Менѣ интересны, но заслуживаютъ то-же вниманія пѣсни и сказки, записанныя въ шадринскомъ уѣздѣ. Изъ собранныхъ г. Мальцевымъ пѣсень мы приведемъ одну, полную грустной поэзіи русскаго домашняго быта. Она принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *плачей*:

Поднимался да тучи грозныя
 Со всѣ да со четыре стороны —
 Со сѣверныя сторонушки и съ полуденныя,
 Со восточныя и со западныя.
 Всѣ тучи да прокатилися,
 Едина туча да воротилася,
 Воротилася да становилася
 Надъ батюшковъ да надъ широкой дворъ,
 Надъ матушкинъ да надъ высокъ теремъ.
 Въ тѣ поры я прилучилася
 Среди батюшкова широка двора.
 Какъ и грянули грома рьянскіе —
 Въ тѣ поры-то я испужалася :
 Подсѣкло мои да рѣзвы ноженьки ;
 Просвѣтили молоньи свѣтлыя —
 Въ тѣ поры да пріужахнуло ретиво сердце,
 Опалило да трубчату косу ;

Какъ и вяжуи (подуи) да вѣтры буйныя —
 Разбило мои да русы волосы
 По единому волосочнику;
 Лянули (хлынули) да дожди частые —
 Замочило мою дѣвью красоту.
 Въ тѣ поры у меня молодешеньки
 Замутились да очи ясныя,
 Покатились да горючи слезы.
 Я тожно (тогда) млада догадалася....
 То каки да тучи грозныя?
 То пришли да сваты свататься
 Къ моему родиму батюшку.
 То каки да громы рьянскіе?
 Запоручили мою буйную головушку.
 То какая молонья свѣтлая?
 То засвѣчены да свѣчи воску ярова
 Передъ чудными предъ иконами.
 То каки да вѣтры буйныя?
 То наѣхали мои да милы подруженьки.
 То каки да дожди частые?
 То мои да горючи слезы.

Въ отдѣлѣ «Смѣси» мы съ особеннымъ сочувствіемъ остано-
 вились на воспоминаніяхъ г. Киттары о докторѣ Грагѣ, одномъ
 изъ тѣхъ чистыхъ и благородныхъ дѣятелей на пользу общую,
 память о которыхъ сохраняется долго благодарнымъ потомствомъ.
 Редакція «Сборника» предполагаетъ знакомить своихъ читателей
 съ такими личностями, жившими и дѣйствовавшими въ перм-
 скомъ краю. Къ воспоминанію о Грагѣ прибавлена статейка
нѣчто о Теоновѣ. Теоновъ былъ учитель главнаго народнаго
 училища, а потомъ гимназіи въ Перми. Онъ отличался большимъ
 остроуміемъ и писалъ очень забавныя стихи. Вотъ, между про-
 чимъ, одинъ изъ рассказанныхъ въ статейкѣ анекдотовъ. Тео-
 новъ, заболѣвши, послалъ просить къ себѣ доктора Гразя. По-
 сланный возвратился съ извѣстіемъ, что Гразь ставить пѣвки
 губернатору Тюфяеву (теперь давно уже умершему) и раньше,
 какъ черезъ часъ быть не можетъ. Теоновъ, весьма не любив-
 шій Тюфяева, написалъ по этому случаю слѣдующую эпиграмму
Доктору Филиантрону.

Ахъ, Гразь!

Какъ жаль,

Что мало знаешь ты людей!

Пѣвки ставишь тамъ, гдѣ нужно ставить згѣи!

Изданіе «Пермскаго Сборника» очень хорошо.

М. Л.

Въ отдѣлѣ третьемъ «Пермскаго Сборника», посвященномъ географіи, статистикѣ, естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству помѣщена между прочимъ статья г. Теплоухова: *Краткое описаніе лѣсохозяйства въ пермскомъ маіоратѣ графовъ Строгоновыхъ*. Объ ней помѣщаемъ сужденіе спеціалиста.

Статья эта, составленная г. Теплоуховымъ, главнымъ лѣсничимъ пермскаго маіората графовъ Строгоновыхъ, интересна не столько сама по себѣ, сколько по отношенію къ другому вопросу—вообще къ лѣсному дѣлу Россіи. Грѣшно сказать, чтобы Россія могла щеголять своимъ лѣснымъ хозяйствомъ; лѣсничіе казенныхъ лѣсовъ, вооружившись всѣми атрибутами своей высокой науки, прозванной когда-то г. Шелеховымъ чрезвычайно удачно сосновой метафизикой, утверждаютъ, на основаніи ученія германскихъ лѣсоводовъ, что лѣса могутъ процвѣтать только въ рукахъ правительства, а частнымъ владѣльцамъ даже расчетливѣе истреблять свои лѣса. Въ подтвержденіе такого мнѣнія, нѣмецкіе учебники представляютъ даже цѣлыя математическія выкладки, доказывающія, какъ нельзя убѣдительно, что если частный владѣлецъ понимаетъ нѣсколько лѣсоводство, то онъ долженъ испремѣнно превратить свой лѣсъ въ пашню. Приглядываясь къ лѣсамъ Россіи, начинаешь нѣсколько сомнѣваться въ непреложности такого ученія, не вѣрнши въ цѣлость казенныхъ лѣсовъ, и приходишь до убѣжденія о необходимости продажи казенныхъ лѣсовъ въ частныя руки. Что въ этой идеи нѣтъ ничего особенно смѣлаго и что частные владѣльцы въ состояніи сохранить лѣса лучше чѣмъ казна, убѣждаетъ частью и статья г. Теплоухова. Вотъ въ чемъ именно по нашему мнѣнію заключается ея главный интересъ.

Первая мысль о введеніи хозяйства въ лѣсныхъ дачахъ пермскаго маіората принадлежитъ графинѣ Софѣ Владиміровнѣ; но для этого нужно было имѣть знающихъ людей и устроить толковую администрацію. Графиня поручила дѣло г. Теплоухову, изучавшему лѣсоводство въ Саксоніи, въ тарантской академіи. Г. Теплоуховъ началъ съ приготовленія лѣсничихъ въ школѣ земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ графовъ Строгоновыхъ въ С. Петербургѣ. Лѣтомъ онъ занимался съ своими учениками лѣсной съемкой, лѣсоустройствомъ и другими практическими работами по лѣсному хозяйству, а зимой знакомилъ ихъ съ теоретической стороной предмета.

Въ теченіе восьми лѣтъ—съ 1839 по 1847 годъ—г. Теплоуховъ приготовилъ двадцать пять съемщиковъ и лѣсничихъ, ко-

торые были отправлены въ пермскую губернію, и переселился наконецъ и самъ туда же. Это было въ 1847 году. Какъ всякое серьезное занятіе, лѣсоустройство подвигалось медленно, постепенно, опираясь безпрестанно на опытъ. Приходилось имѣть дѣло не столько съ лѣсами, сколько съ народомъ, привыкшимъ считать лѣса своими.

Работы начались съ подробной съемки всего имѣнія на планъ, а какъ великъ былъ этотъ трудъ можно судить изъ того, что во всемъ имѣніи считается 1,024,502 десятины земли единственнаго владѣнія и въ томъ числѣ 525,685 десятинъ лѣсу.

Въ этой работѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что для уравниванія земляныхъ участковъ, находившихся въ пользованіи крестьянъ, и для равномерной раскладки денежныхъ сборовъ угодья крестьянъ снимались особо. Подобная работа въ частномъ имѣніи тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ пермскомъ маіоратѣ считается 167,230 жителей—и изъ нихъ 78,064 чело-вѣка мужскаго пола—размѣщенныхъ въ 2680 отдѣльныхъ жительствахъ. При осмотрѣ имѣнія, въ началѣ работъ, было найдено—въ мѣстахъ малонаселенныхъ изобиліе и даже излишекъ въ лѣсѣ, а въ населенныхъ частяхъ—крайній въ немъ недостатокъ. Нетронутыя рощи, большею частью перестойныя, отличались всѣми недостатками первобытныхъ лѣсовъ, участки же, изъ которыхъ дѣлались отпуски лѣса, были испорчены беспорядочной выборочной рубкой. Деревья цѣнныхъ породъ и крупныхъ размѣровъ начинали совершенно исчезать, крестьяне пили и рубили лѣсъ безъ всякаго ограниченія,—кто гдѣ хотѣлъ.

Вмѣстѣ съ съемкой прорубались въ лѣсахъ просѣки: обводныя, дѣляночныя, лѣсооцѣпныя, пожарныя и дорожныя. Этимъ начато было собственно лѣсоустройство. Длина всѣхъ просѣкъ составляетъ болѣе четырехъ тысячъ верстъ.

Для прекращенія истребленія лѣсовъ и для легчайшаго ихъ охраненія принята съ 1850 года мѣра, указанная мѣстными об-стоятельствами, и дѣйствительность которой давно уже признана въ казенныхъ лѣсахъ, именно: образованіе большихъ сплошныхъ лѣсныхъ площадей подъ названіемъ заказныхъ лѣсныхъ участ-ковъ. Въ заказники замечено 216,973 десятины лѣсу, 4,126 де-сятинъ крестьянскихъ пашень и 4,366 десятинъ крестьянскихъ покосовъ. Въ замѣнъ угодій, поступившихъ въ составъ заказ-ныхъ рощъ, крестьяне получили вознагражденіе частью изъ пустопорожныхъ мѣстъ, т. е., болотъ и земель негодныхъ для

роста деревъ; а частью оставлены безъ всякаго вознагражденія, если пользовались землями самовольно, или имѣли много другихъ угодій. Такая мѣра можетъ быть очень хороша и находить себѣ полное оправданіе въ теоріи мѣстнаго кадастра и мѣстнаго лѣсоустройства, но выполненіе ея на дѣлѣ едва ли могло нравиться крестьянамъ. Неужели замѣну пахатныхъ и сѣнокосныхъ пространствъ лѣсными болотами и землями, негодными для роста деревъ, можно назвать вознагражденіемъ, и что значать какія-нибудь восемь тысячъ десятинъ, когда площадь имѣнія считается тысячами тысячъ. Обстоятельство это объясняется лучше всего извѣстной слабостью лѣсничихъ возможно увеличивать пространство лѣсныхъ дачъ. Этой болѣзнью страдаютъ особенно саксонскіе лѣсничіе и ихъ ученики. Въ Саксоніи напримѣръ, гдѣ недостатокъ пахатной и сѣнокосной земли заставляетъ жителей переселяться въ Америку, а лѣсовъ такъ много, что на каждое семейство приходится 2,06 акра, казенные лѣсничіе, для округленія границъ лѣсовъ, а больше изъ любви къ посѣвамъ и къ посадкамъ, скупаютъ отъ частныхъ владѣльцевъ земли и дѣлаютъ на нихъ лѣсныя культуры. Такой же любовью къ лѣсу, ради лѣса, отзывается и пермское лѣсоустройство, по которому на заброшенныхъ покосахъ, въ ельнякахъ, или на бывшихъ выгонахъ, предположено дѣлать искусственное разведеніе рощей *посадками*. Для непосвященныхъ въ таинства *лѣсной науки* можетъ быть совершенно непонятнымъ, почему г. Теплоуховъ написалъ слово посадки курсивомъ, а между тѣмъ въ курсивѣ-то и высказалась вся лѣсоводственная глубина. Ученому лѣсничему тутъ все ясно, предъ нимъ воскресаютъ всѣ давно забытые и давно умершіе споры о преимуществахъ посѣвовъ предъ посадками и посадокъ предъ посѣвами, ему ясно рисуется и вредъ отъ мышей и *circulio pinі* и наконецъ побѣда, одержанная посадками не только въ Германіи, но даже и въ пермскомъ маіоратѣ. Теперь всякому не лѣсничему должно быть совершенно ясно, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ пермской губерніи посадка тамъ и выгоднѣе и благонадежнѣе посѣвовъ. Но этого еще мало; любовь къ культурамъ завела пермскихъ лѣсничихъ такъ далеко, что искусственнымъ лѣсоразведеніемъ они думаютъ положить основаніе лѣсопольному хозяйству, которое, по мнѣнію г. Теплоухова, при хорошемъ направленіи и достаточномъ числѣ образованныхъ лѣсничихъ обѣщаетъ у насъ въ Россіи огромныя выгоды для владѣтелей лѣсовъ и земледѣльцевъ. «Можно сказать, замѣчаетъ далѣе авторъ, что наши предки, со временъ

Юрика, трудились только надъ одною частью лѣсопольнаго хозяйства, т. е., разводили пашни на мѣстѣ срубленныхъ лѣсовъ. Теперь же русскимъ лѣсоводамъ предстоитъ дополнить это хозяйство, т. е., поля, потерявшія плодородіе, обратить въ лѣсныя роши.» Идея вполне справедливая, въ примѣненіи къ пермской губерніи и вообще къ лѣснымъ мѣстностямъ, но едва ли могущая быть общимъ правиломъ для всей Россіи; достаточно быть знакомымъ нѣсколько съ условіями курской и воронежской губерній, чтобы не дѣлать изъ лѣсопольнаго хозяйства такое общее лѣкарство для всѣхъ истощенныхъ русскихъ пашень.

Администрація въ лѣсахъ графовъ Строгоновыхъ устроена такъ хорошо, что можетъ служить полезнымъ урокомъ для многихъ изъ нашихъ лѣсовладѣльцевъ. Всѣхъ должностныхъ лицъ состоитъ при лѣсахъ 243 человѣка, т. е., одинъ главный лѣсничій, шесть окружныхъ и заводскихъ лѣсничихъ, три помощника, двадцать семь смотрителей (непосредственные начальники лѣсной стражи), двадцать объѣздчиковъ и 174 стража.

При введеніи порядка въ охраненіи лѣсовъ главное вниманіе было обращено на предупрежденіе пожаровъ, этого перваго бича русскихъ лѣсовъ, и дѣло начали съ запрещенія расчистки огнемъ лѣсныхъ новинъ.

Замѣчательна незначительность числа разныхъ самовольствъ, сравнительно съ числомъ самовольныхъ порубокъ въ казенныхъ лѣсахъ; въ 1856 году лѣсной стражей было уличено 5087 виновныхъ противъ лѣсныхъ правилъ, установленныхъ для лѣсовъ Строгоновыхъ, въ томъ числѣ тридцать три человѣка изъ государственныхъ крестьянъ. Своевольство государственныхъ крестьянъ сопровождается обыкновенно насиліемъ и буйствомъ, поэтому сторожа и смотрители лѣсовъ, боясь за свои плечи и головы, ловятъ ихъ рѣдко.

Чтобы обрисовать лучше тонину внутренняго распорядка и степень вліянія на него саксонскихъ лѣсныхъ учреждений довольно будетъ сказать, что въ проступкахъ противъ установленныхъ лѣсныхъ правилъ принято *восемьдесятъ шесть* степеней.

На потребности горныхъ заводовъ и жителей имѣнія было отпущено въ 1856 году: дровъ 113,084 куб. саж., березнику на лучину 2,668 куб. саж., строеваго лѣсу 344,457 бревень, подѣлочнаго 33,782 бревна, липовыхъ деревъ на лубья и мочало 26,841, лыка на лапти 4,777 возовъ; жердей и кольевъ 457,102 штуки, мелкаго березняка на оглобли и на другія подѣлки 102,078 штукъ.

Относительно экономіи въ употребленіи лѣсныхъ матеріаловъ г. Теплоуховъ говоритъ слѣдующее: «Всѣ строенія возводятся на фундаментахъ или стойкахъ; въ холодныхъ постройкахъ, вмѣсто цѣльныхъ бревенъ, употребляютъ тесъ. Прежде крестьяне брали на дрова только стволы деревъ, а на корчеваніе пней не хотѣли употреблять труда и даже не знали пользы корчеванія. Нынѣ дорожатъ они и пнями и кореньями; собираютъ на дрова всякій валежникъ, даже сучья. И вся эта экономія основывается не столько на недостаткѣ и дороговизнѣ лѣса, сколько на желаніи и твердой волѣ помѣщика — оградить свои лѣса отъ истребленія и упрочить на всегда хорошее ихъ состояніе.»

Нельзя не поблагодарить г. Теплоухова за сообщеніе этой статьи; — она можетъ послужить полезнымъ урокомъ и не для однихъ помѣщиковъ.

Н. Ш.

Постороннее вліяніе, романъ кн. Г. В. Кугушева (автора «корнета Отлетаева») 4 час. Москва 1859 г.

Есть разные чтецы. Одни читаютъ, чтобы вычитать что-нибудь; другіе отъ скуки, для развлеченія; наконецъ третьи, подобно гоголевскому Петрушкѣ, для процесса чтенія, умиляясь до слезъ надъ забытыми газетами и старыми календарями. — Для послѣдняго класса любителей печатнаго конечно всегда найдется матеріалъ, но первые два нѣсколько разборчивы и требуютъ или дѣльнаго, или занимательнаго. — Поэтому, приступая къ отчету о новомъ романѣ князя Кугушева, необходимо прежде всего рѣшить вопросъ для какого именно рода читателей написано *Постороннее вліяніе*: для тѣхъ ли, которые, прочтя какую нибудь книгу, способны разсердиться на автора въ случаѣ потери времени, или для тѣхъ, которые просиживаютъ напролетъ цѣлыя ночи, захлебываясь *Въчлымъ Жидомъ*, *Монте-Кристо* и тому подобными свѣтлами на горизонтѣ романовъ безъ идей, безъ мыслей, безъ характеровъ, съ однимъ только запутаннымъ содержаніемъ и цѣлымъ фейерверкомъ трескучихъ эффектовъ. — Итакъ какую идею развиваетъ князь Кугушевъ въ своемъ новомъ произведеніи, какія пропагандируетъ мысли въ читающемъ мірѣ. — Вотъ что авторъ заставляеть говорить своего героя о *Постороннемъ вліяніи*:

«... бойся посторонняго вліянія, живи всегда согласно съ внушеніями твоего собственнаго разсудка; будь самостоятельна, тверда, непреклонна, и ты будешь счастлива. Тебѣ примѣръ — Вѣра

Отд. II.

4

(героиня романа): она всю жизнь была подъ влияніемъ матери, этого стараго шута, который у нихъ проживаетъ и зовутъ-то его Сила Савичъ, подъ момъ наконецъ, даже подъ влияніемъ толковъ, слуховъ, вѣстей, доказательствъ (?). Измельчалъ люди: нѣтъ сильныхъ характеровъ, борьба воли съ обстоятельствами нѣтъ подъ-силу» (Ч. IV стр. 232).

Далѣе авторъ прибавляетъ самъ отъ себя:

«И въ самомъ дѣлѣ — не жалки ни люди, одаренные умомъ, не лишеныя образованія, люди съ душой и сердцемъ, неужѣлющіе, даже при самой блестящей обстановкѣ, идти твердо и прямо по пути жизни и позволяющіе добровольно водить себя на помочахъ; эти люди не умѣютъ быть счастливыми, сами позволяя другимъ указывать себѣ счастье тамъ, гдѣ имъ угодно и принимаютъ указаніе, не замѣчая, что, погибая, они губятъ другихъ, увлекая ихъ за собою въ своемъ моральномъ паденіи» (ч. IV., стр. 233).

Но въ другомъ мѣстѣ герой романа высказываетъ совершенно противоположное мнѣніе о *постороннемъ влияніи*:

«... любить до самоотверженія не значить унижаться. Есть натуры до того возвышенныя, что онѣ, даже подчиняясь, почему бы то ни было, другой болѣе обыденной натурѣ, остаются все-таки выше ея и даже тѣмъ самымъ ее возвышаютъ» (ч. II, стр. 51).

Итакъ, что же намѣренъ доказывать авторъ; то ли, что недостатокъ твердой воли пагубенъ или что подчиненіе другому не всегда служитъ доказательствомъ недостатка воли? первая мысль сильно избита, вторая нѣсколько современнѣе, хотя также далеко не въ первые высказывается печатно. — Если же князь Кугушевъ намѣренъ развивать и то, и другое вмѣстѣ, то обѣ эти мысли подчиняются извѣстной послѣднему школьнику аксіомѣ, что нѣтъ правила безъ исключенія. — Не беремъ на себя отвѣтственности рѣшить положительно эти вопросы и предоставляемъ читателю самому вывести заключеніе изъ содержанія романа. — Дѣло вотъ въ чемъ.

Героиня романа Вѣра Васильевна Струйская, нѣжная, впечатлительная натура, готовая жертвовать собою во имя дружбы и любви. — Живя постоянно съ матерью въ Москвѣ, она какъ-то разъ отправилась, вмѣстѣ съ своею теткою, мѣсяца на два къ своимъ роднымъ въ Петербургъ, гдѣ и поселилась въ третьемъ этажѣ, причѣмъ комната ея отдѣлялась одною только тоюкою

деревянную перегородкою отъ помѣщенія другихъ жильцевъ того же этажа. — Однажды, возвратясь съ бала, Вѣра, не раздѣваясь, опустилась въ кресло и, находясь подъ впечатлѣніями весело проведеннаго вечера, вдругъ слышитъ за стѣною пріятной мужской голосъ, напѣвавшій какую то арію. — Струйская вслушивается, голосъ незнакомца начинаетъ сильно на нее дѣйствовать и она невольно начинаетъ ему вторить, и когда звуки смолкли за стѣною, то Вѣра долго не могла заснуть отъ волненія. — На слѣдующій день у сосѣдей раздались тѣ-же аккорды тотъ же голосъ, а сердце молодой дѣвушки опять также сильно забилось, она также поетъ то-же самое. — Съ каждымъ днемъ сосѣдъ становится смѣлѣе и уже съ своей стороны начинаетъ повторять распѣваемую Вѣрою арію. — Такимъ образомъ устанавливаются таинственныя отношенія между Струйскою и незнакомцемъ, но героинѣ и въ голову не приходитъ задать себѣ вопросъ: кто этотъ сосѣдъ? она была влюблена въ его голосъ. Вдругъ какъ-то она узнаетъ отъ своей болтуни няни, которая всюду сопровождала свою питомицу, что сосѣдъ на другой день уѣзжаетъ по чугункѣ въ Москву. Вѣра пришла въ отчаяніе и залилась слезами, но дѣлать было нечего, тѣмъ болѣе, что и сама она скоро возвратилась изъ Петербурга къ своей матери. Этотъ сосѣдъ-незнакомецъ, конечно, какъ водится, герой романа Петръ Степановичъ Волюнкинъ, весьма богатый молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ и побывавшій за границей, но, какъ замѣчаетъ авторъ, онъ былъ робокъ, застѣнчивъ, чувствителенъ до излѣпства, чрезвычайно воспримчивъ и, главное, малодушенъ. — Волюнкинъ точно также на время пріѣзжалъ въ Петербургъ и останавливался въ томъ домѣ, гдѣ жили родные Струйской. Услышавъ свѣжій, чистый голосъ сосѣдки, молодой человѣкъ точно также сначала заслушался, а потомъ увлекся. Будучи совершенно одинъ на свѣтѣ и притомъ съ сердцемъ свободнымъ отъ любви, онъ полюбилъ свою мечту, облекъ ее въ формы созданнаго идеала и полюбилъ незнакомку, не зная любить ли она его. — Но обстоятельства заставили его вернуться въ Москву и онъ покинулъ Петербургъ, увезя съ собою глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, произведенное на него голосомъ сосѣдки. — Въ Москвѣ, герой, какъ слѣдуетъ встрѣтился въ домѣ Дебелной, дочь которой, Настенька, представляетъ третье главное лице романа. — Эта Настенька очень умная и бойкая дѣвушка, съ сердцемъ способнымъ любить и ревновать, но неумѣющимъ прощать, покоряться, жертвовать; лю-

бъщее оно умѣло только властвовать, отверженное — мстить. Богатство Волинкина свело съ ума молодую Дебелину; она бредла роскошью, жизнью за-границей, всѣмъ тѣмъ, что могло ей доставить одно только выгодное замужество и потому рѣшилась во чтобы-то ни стало завладѣть героемъ романа. — Съ этою цѣлью она кокетничаетъ съ нимъ и, въ то-же время, опасаясь вліянія на него Вѣры, старается всѣми силами выставить свою подругу личностью безъ значенія, характера и воли, способную только сыскать вѣрѣ или запереть форточку, и даже заставляетъ ее цѣловать свою руку (?). Сначала эта тактика увѣнчивается полнымъ успѣхомъ: Волинкинъ начинаетъ ухаживать за Настенькой; но потомъ, замѣтивъ въ ней почти очевидное недоброжелательство къ своей подругѣ, обращаетъ вниманіе на Вѣру. На бѣду Дебелиной, какъ-то разъ на вечерѣ, Струйскую уприси спѣть что-нибудь, она сѣла за фортепьяно и Волинкинъ услышалъ ту самую арію и тотъ самый голосъ, который свелъ его съ ума въ Петербургѣ. — Едва кончила Вѣра, онъ садится на ее мѣсто и повторяетъ пропѣтый ею романсъ. — Последствія понятны: герои романа узнаютъ другъ друга; Настенька забыта и Волинкинъ начинаетъ ѣздить къ Струйскимъ.... Независимо отъ сожалѣнія объ утраченномъ богатствѣ, Дебелину терзаетъ еще оскорбленное самолюбіе и она во чтобы-то ни стало хочетъ снова быть побѣдительницей... Не смотря однако на всѣ ухищренія, обстоятельства не измѣнялись; тогда Настенька рѣшается дѣйствовать прямѣе и отправляется къ Вѣрѣ. — После откровеннаго признанія въ любви къ Волинкину, Дебелина начинаетъ упрекать свою подругу въ эгоизмъ, коварствѣ, кокетствѣ и наконецъ въ корыстолюбіи. — Струйская въ отчаяніи, и чтобъ доказать свою дружбу къ Настенькѣ и несправедливость ея упрековъ, рѣшается отказать Волинкину, въ случаѣ если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе. — Дѣйствительно, вскорѣ герой романа является къ героинѣ и напоминаетъ ей о петербургскихъ дуэтахъ, прибавляя, что его мучитъ сомнѣніе дѣйствительно ли это она пѣла за стѣной. — На это Вѣра отвѣчаетъ ему, что такъ какъ она никогда не была въ Петербургѣ, то не можетъ принять его предложенія. — Тогда Волинкинъ приходитъ въ отчаяніе, не знаетъ что дѣлать и наконецъ рѣшается объясниться съ матерью Вѣры. — Мать очень рада и объявляя, что принимаетъ на себя всю отвѣтственность передъ Настенькой, благословляетъ влюбленныхъ. — Повидимому романъ кончился, но оказывается, что онъ только на половинѣ и

съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ козней противъ счастливыхъ молодыхъ людей. — Прежде всего выступаетъ на сцену четвертое главное лицо романа — танцовщица Варинька Мордкина, живущая на содержаніи у Волинкина и имѣющая отъ него годовалаго сына Колиньку. — Впрочемъ Варинька составляетъ исключеніе, она любитъ Волинкина страстно, безкорыстно, но Волинкинъ, узнавъ Вѣру, рѣшается разойтись съ Мордкиной, обезпечивъ будущность ея сына. — Не будучи однакожъ увѣренъ, что Вѣра приметъ его предложеніе, онъ положилъ не говорить ничего Варинькѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ согласія, чтобы въ случаѣ отказа не остаться совершенно одинокому. Съ другой стороны онъ не рѣшался признаться и Вѣрѣ въ своей прежней привязанности къ Варинькѣ, чтобы это обстоятельство не напугало неопытную дѣвушку и не заставило отказать ему.... Мордкина, не подозрѣвая о близкой разлукѣ, беззаботно нянчится съ своимъ сыномъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего милаго и несравненнаго Петрушу, который, прекративъ съ нею всѣ прежнія отношенія, даже и ѣздитъ къ ней все рѣже и рѣже. — Но вдругъ до Вариньки доходитъ слухъ о предстоящей свадьбѣ Волинкина; будучи нѣжною матерью и страшась, чтобы сынъ ея не остался безъ куска хлѣба, она въ отчаяніи прибѣгаетъ за совѣтомъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, которая случайно узнавъ объ отношеніяхъ героя романа къ Настенькѣ и Вѣрѣ, принимаетъ живое участіе въ Варинькѣ и обѣщаетъ разстроить свадьбу. — Для этого она беретъ одну изъ записокъ Волинкина, которыя Мордкина хранила какъ святыню, и по городской почтѣ, при анонимномъ письмѣ, пересылаетъ эту записку Настенькѣ. — Дебелина, не зная даже кто ея тайный благодѣтель, хватается за эту записку, какъ за свое спасеніе и назначаетъ своему идеалу свиданіе въ маскарадѣ. — Волинкинъ, заинтересованный таинственностью полученной имъ, поэтому случаю, записки безъ подписи, отправляется въ собраніе. — Настенька подходитъ къ нему, признается въ своей любви и въ доказательство показываетъ полученную по городской почтѣ записку, прибавляя, что она могла бы показать ее Вѣрѣ, но не хочетъ помѣшать счастію любимаго ею человѣка. — Волинкинъ начинаетъ вѣрить, что Дебелина благородная душа, готовая на самопожертвованія. — Между тѣмъ, Настенька, перемѣнивъ о себѣ мнѣніе Волинкина, мчится къ Струйской и показываетъ ей записку ея жениха, адресованную имъ когда-то къ Варинькѣ. — Страстно любящая и благородная Вѣра никакъ не хочетъ до-

пустить, чтобы Волюнкинъ былъ способенъ обмануть ее и потому терзаемая ревностью, все-таки объявляетъ Настинкѣ, что это подлогъ, что это не можетъ быть, что она ей невѣрнѣ. Послѣ маскарада Волюнкинъ рѣшается наконецъ написать къ Варинкѣ и объявить ей о своей женитьбѣ. — Письмо конечно приводитъ Мордкину въ отчаяніе и она, желая обезпечить будущность своего ребенка, бѣжитъ съ нимъ въ домъ Струйскихъ и рассказываетъ объ всемъ прошедшемъ Вѣрѣ, умоляя ее позаботиться объ участи Колинки. — Вѣра лишается чувствъ, но придя въ себя рѣшается разстаться съ коварнымъ человѣкомъ. «Ахъ, Волюнкинъ, говорила она ему, я бы простила, я бы все простила, еслибъ вы мнѣ сами сказали или черезъ кого-нибудь... мнѣ бы растолковали.... я бы поняла какъ-нибудь.... и вдругъ.... нѣтъ, вы жестоки, Волюнкинъ! Богъ вамъ судья!» (ч. IV, стр. 209). Этимъ романъ оканчивается. — Въ неизбежномъ эпилогѣ Волюнкинъ и Дебелина уѣзжаютъ въ Петербургъ, гдѣ сочетаются законнымъ бракомъ; Варинька забываетъ неблагодарнаго и идетъ на содержаніе къ кому-то другому, а мать Вѣры неизвѣстно для чего умираетъ, оставляя дочь свою круглою сиротою.

Итакъ вотъ содержаніе романа; что же хотѣлъ доказать авторъ: несчастіе ли отъ недостатка воли, возможность ли подчиненія сильнаго слабому или, наконецъ, несуществованіе абсолютнаго? Опять повторяемъ, неберемся рѣшить, которая изъ этихъ современныхъ и новыхъ идей болѣе развита въ *Построеніемъ вліяніи*.

Что касается до характеровъ, то обрисовкѣ ихъ весьма много помогаетъ оговорка, что дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, потому что безъ этого замѣчанія трудно было бы догадаться, гдѣ разыгрался романъ, въ какой странѣ, среди какого народа, и хотя матушка героиня и румянить ежедневно ланиты своихъ горничныхъ посредствомъ извѣстныхъ манипуляцій, прибавляя, что ея долгъ заботится о нравственности Богомъ ей врученныхъ тварей; но едва ли такая спеціальность можетъ служить мѣстнымъ колоритомъ. Самый герой романа представляетъ личность совершенно неопредѣленную и бездѣльную; безхарактерность, конечно, есть своего рода характеръ, но въ томъ-то и дѣло, что Волюнкинъ, не смотря на увѣренія автора, вовсе не малодушенъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ поставленъ, онъ иначе не могъ дѣйствовать, если не хотѣлъ быть рѣзкимъ, опрометчивымъ и безчувственнымъ.

Что онъ не рѣшался признаться Вѣрѣ въ прежней, прерванной уже связи съ Варинькой, весьма понятно; что онъ не торопился объявить Варинькѣ о своей женитьбѣ также естественно, потому что для чувствительнаго человѣка это не легко; однимъ словомъ, мы рѣшительно не видимъ основанія, почему авторъ настаиваетъ, что герой его безхарактеренъ; — онъ просто необрисованъ.

Героиня романа также не совсѣмъ понятна: чѣмъ объяснить ея заблужденіе на счетъ Настеньки и ея подчиненіе этой холодной и пустой личности? Неужели дружбой. Но въ такомъ случаѣ опять рождается вопросъ: что связывало эти два рѣзко-противоположные характера? Сильная натура можетъ покоряться слабой или по необходимости, напримѣръ, подчиненный начальнику, — или изъ любви, напримѣръ, дѣти родителямъ, мужъ женѣ, взрослая дѣвушка своей воркуньѣ нянѣ; въ такомъ случаѣ дѣйствительно это подчиненіе не будетъ униженіемъ, а еще большимъ доказательствомъ развитія; но чтобы развитый человѣкъ подпалъ подъ вліяніе неразвитаго изъ дружбы — это рѣшительно непонятно, даже неестественно; какимъ образомъ могутъ быть тѣсно связаны двѣ такія личности, которыя ничего не имѣютъ общаго, которыя не могутъ сочувствовать другъ другу? Бываютъ конечно примѣры, что высоко-нравственный субъектъ влюбляется не только въ пустой, но даже безнравственный индивидуумъ, неимѣющій ничего святого въ жизни, никакихъ принциповъ и убѣжденій, но въ такомъ случаѣ важную роль играетъ различіе половъ. Дружба совсѣмъ дѣло другое; она скрѣпляется не чувственностью, но симпатіей, вызванной не рѣдко сходствомъ вѣрованій и воззрѣній, и при этомъ обыкновенно благотворное вліяніе остается на сторонѣ болѣе сильнаго характера, болѣе развитой личности. Конечно моралисты толкуютъ о пагубѣ дурныхъ примѣровъ, соблазнѣ и совращеніи; но во всѣхъ этихъ случаяхъ жертвою дѣлается все-таки слабая и неразвитая натура; твердый и рѣшительный характеръ совратить трудно. Настенька и Варинька обрисованы болѣе рельефно. Въ первой мы дѣйствительно видимъ пустую, холодную, эгоистичную и властолюбивую дѣвушку; въ послѣдней — страстную женщину и нѣжную мать. Вотъ, напримѣръ, какъ она встрѣтила своего милаго, несравненнаго Петрушу, въ первый разъ послѣ того какъ онъ написалъ ей о своей женитьбѣ:

«— Пойдемъ сюда, лепетала она, ты любишь эту комнату. Ты вообще больше любишь то, что меня окружало, чѣмъ меня самое. Богъ съ тобою, Петруша! Садись. Тебѣ нравилось это

кресло. Я подвину столикъ. Хочешь чаю? Я сама налью его въ твою чашку, видишь, все уже готово и столъ накрытъ. Я ждала тебя, какъ всегда, какъ будто ты еще мой. А ты ужъ не мой, Петруша, нѣтъ. То есть, теперь въ эту минуту ты мой. Да, на это время ты мой, я не отдамъ тебя никому, ни за что. Что же ты не куришь? Дай, я зажгу твою папирску. Бѣдный! тебѣ тамъ, вѣрно, и курить-то не позволяютъ, потому что бонъ-тонъ, чай штофъ, позолота, а дымъ коптитъ. Тамъ, Петруша, вѣдь то-же, чай, знаютъ, что штофъ-то стоитъ? Кури, мой милый, пусть у меня все коптится. На что мнѣ все это? Тебя мнѣ было надо. Ты не хочешь, Богъ съ тобой. Я тебя любила, Петруша. Я и теперь еще.... не сердись, никто не услышитъ. Ты вѣришь, что я тебя любила? Не положить ли тебѣ подушку за спину? Не дуетъ ли отъ окна? Отодвинься. Не свѣтло ли отъ лампы? Не надѣтъ ли абажура? Ахъ, Петруша! Это точно сонъ! Ты здѣсь, ты опять здѣсь! Со мной!.... О! мой Петруша!» (Ч. IV, стр. 147). И эти слова были дѣйствительно искренни. Варинька горячо любила Волынкина и ласкалась къ нему отъ радости, безъ всякой задней мысли, безъ всякихъ плановъ и расчетовъ. Она была настоящая жена, только не вѣнчанная. Поэтому тѣмъ болѣе удивительно, что авторъ заставилъ ее очень скоро позабыть своего нѣжнаго друга и пойти на содержаніе къ старику; этотъ финалъ портитъ дѣло, не соответствуя характеру Вариньки: ужъ если непремѣнно нужно было кого-нибудь уморить, такъ скорѣе всего ее; она могла не вынести разлуки съ Волынкинымъ. Или, можетъ быть, авторъ хотѣлъ этой пережѣной въ жизни танцовщицы воспѣть хвалебный гимнъ законнымъ бракамъ. Не споримъ, и то дѣло. Болѣе удачно очерчены второстепенныя личности, неиграющіе главной роли въ романъ и потому неупомянутые въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ. Такъ, напримѣръ, не дурны: Акулька — служанка знакомой Вариньки — лѣнивая, ни чѣмъ не довольная и грубая натура; Сила Савичъ Благовонинъ, нахлѣбникъ въ домѣ Струйскихъ, умный и добрый старикъ, сохранившій всю свѣжесть молодости, не смотря на свои преклонныя лѣта; наконецъ княгиня Рогожская, пріятельница Настеньки — свѣтская барыня до конца ногтей. Позволяемъ себѣ привести одинъ эпизодъ изъ ея жизни, психологически вѣрный и характеризующій княгиню довольно рельефно. Рогожская молода, а мужъ ея дряхлъ и хилъ, поэтому не удивительно, что она назначила rendez-vous Сермягину, двоюродному брату Настеньки, молодому человѣку, юному тѣломъ и душой.

«Сермягинъ былъ дома и совершенно одинъ. Онъ занималъ маленькій деревянный домикъ, очень чисто содержанный, съ небольшимъ подъѣздомъ, выходящимъ на улицу. Сермягинъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго; его какъ-то подергивало; онъ тревожными шагами ходилъ по маленькимъ своимъ комнаткамъ, уставленнымъ незavidною мебелью и часто останавливался у зеркала, вѣрно отражавшаго его хорошенькую фигурку, облеченную въ пестрѣйшій шелковый халатъ, сшитый на подобіе сюртука, тяжелыми складками падавшаго до полу. Греческая феска, осѣпленная гигантской кистью, граціозно осѣняла его бѣлокурыя кудри (т. е., масляное масло). Вѣроятно съ цѣлью окончательно уподобиться султану, юноша вооружился предлиннымъ чубукомъ розоваго дерева. Каждый шорохъ въ комнатахъ тревожилъ Сермягина: онъ обходилъ ихъ всѣ и запрагалъ двери изъ прихожей въ кухню, буфетъ и прочее (?); онъ, казалось, желалъ быть совершенно одинъ. Стукъ каждой проѣзжавшей по переулку кареты обращалъ его вниманіе и онъ бросался къ окну. Карета проѣзжала и Сермягинъ вздыхалъ свободнѣе. Юношу била лихорадка. Положеніе его было ново, не испытанно и потому жутко (т. е., затруднительно). Ему было и весело, и страшно, то холодно, то жарко, а халатъ-то былъ сшитъ на ватѣ. Снять бы его и одѣться, да халатъ-то больно хорошъ. Голова горѣла, въ вискахъ стучало, но феска точно приросла къ бѣлокурымъ кудрямъ (idem); ему даже приходила мысль спрятаться, или бѣжать куда-нибудь; сказаться больнымъ то-же было бы не худо; но другое чувство брало верхъ надъ застѣнчивостью, и Сермягинъ, подбоденясь, ходилъ гоголемъ. Вдругъ шорохъ подъѣхавшаго къ подъѣзду экипажа (шорохъ экипажа, а стукъ платья, не такъ ли?) заставилъ его вздрогнуть. Онъ бросился къ окну и, казалось, узналъ карету. Она была наемная. Изъ нея выпрыгнула молодая дама, пустила со всего размаха дверку (т. е. дверцы), которая защелкнулась сама собою, и юркнула въ подъѣздъ, поспѣшно сказавъ кучеру:

— Отъѣзжай до угла и жди меня тамъ... я приду... ступай...

«Робкій звонокъ раздался въ передней. Молодой человѣкъ опрометью бросился отпирать дверь, но второпяхъ зацѣпилъ ногою за стулъ, стулъ полетѣлъ, Сермягинъ поскользнулся, но, удержавшись кое-какъ, отодвинулъ задвижку. Дверь отворилась. Молодая женщина робко, но быстро вошла въ переднюю. Пестрота халата, пурпуръ фески, длина чубука, все это вмѣстѣ такъ поразило даму, что она припросла къ мѣсту и ощутила то-же самое

чувство, какое долженъ ощутить очень воспламененный чело-
вѣкъ, когда на него неожиданно выльютъ цѣлый ушатъ холод-
ной воды (возвышенно и пластично).

- Полина! вскрикнулъ Сермягинъ.
- Одни ли мы? спросила дама, не поднимая вуаль.
- Совершенно.
- Удалены ли люди?
- Всѣ до одинаго.
- Они ничего не знаютъ.
- Ровно ничего.
- Даже не догадываются?
- Имъ и въ голову придти не можетъ.

«Да и не имъ однимъ не могло бы придти въ голову, поду-
мала дама, что я могу рѣшиться.»

— Войдите, говоритъ Сермягинъ, запирая дверь.

Ключъ щелкнулъ; неприятное чувство оживилось въ сердцѣ дамы, а убійственный халатъ мелькалъ передъ ея глазами; но она побѣдила однакожь минуту нерѣшимости и подумавъ: «что сдѣлано, то сдѣлано, и если ужъ я здѣсь, пойдемъ до конца,» быстро рванулась впередъ, перебѣжала двѣ комнаты и только въ третьей позволила Сермягину догнать себя. А полы халата такъ и раздувались, а онъ (т. е., халатъ) еще имѣлъ неосто-
рожность играть его (т. е., Сермягина) кистями. Не зная рѣ-
шительно что дѣлается и что говорится въ подобныхъ случа-
яхъ, Сермягинъ не зналъ куда дѣваться; ему было очень не-
ловко, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ одинъ изъ сострадательно
насмѣшливыхъ взглядовъ Полины, брошенныхъ на халатъ его,
и инстинктивно понялъ всю неумѣстность своего костюма. Одна-
кожь, оправаясь нѣсколько, онъ такъ задумевно, такъ тепло
сказалъ:

— Полна!... неужели это вы? что она, зажмурясь (?), от-
вѣчала:

— Да, это я; мнѣ самой не вѣрится, но это я.... я васъ,
балую, дитя мое, а вы, *vous me traitez un peu cavalièrement*.
Халатъ не выходилъ у ней изъ головы, но, сбросивъ съ себя
бѣлую шубку, какъ ледную кору, и беззаботно протягивая
ему обѣ ручки, она прибавила: — я должна была предвидѣть.
Но не все ли равно? Ужъ если я здѣсь, я здѣсь. Не обвиняйте
же меня! Не осуждайте, не подумавши (т. е. неподумавъ). Я
очень несчастна!

— Вѣрить ли счастью? вскрикнулъ Сермягинъ: — не мечта ли это, не сонъ ли? Видѣть тебя Полна, видѣть тебя на единѣ, стою ли я такого блаженства?

Это внезапное: «ты,» обдало княгиню холодомъ и она подумала: «не стопшь,» но сказала: — я здѣсь, Поль, значить....

— Ты любишь меня?

— Я здѣсь, Поль.

— Благодарю, благодарю тебя.

— Вѣдь надо же мнѣ любить кого-нибудь, замѣтила княгиня: — благодарн судьбу за то, что я встрѣтила тебя въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ жизни. Я ихъ переживаю такъ много!

Княгиня, сбросивъ шляпку, очень граціозно положила свою ручку на плечо молодого человѣка и въ какомъ-то самозабвеніи покачала бѣлокурой головкой. Ясно было, что она играла комедію, но Сермягинъ былъ еще такъ молодъ, что вѣрилъ въ тирады по всѣмъ правиламъ реторики и страстно впивался взоромъ въ ея чудные глаза и, покрывая поцѣлуями ея хорошенькія ручки, невольно произносилъ какую-то безсвязную чепуху. Княгиня улыбалась и преспокойно усѣвшись на диванъ, указала ему на табуретъ, стоявшій у ногъ ея.

— Для чего ты пріѣхала, говоришь молодой человѣкъ.

Княгиня лукаво улыбнулась.

— Я не стою такого блаженства! сказалъ Сермягинъ.

Княгиня худенькой ручкой такъ точно провела по волосамъ его, какъ гладятъ ребенка по головкѣ, если онъ скажетъ какую-нибудь истину. Отъ этого движенія феска, надѣтая набекрень, покачнулась, потеряла равновѣсіе и полетѣла къ ногамъ княгини.

— Ты ангелъ, божество, жизнь моя! декламировалъ юноша, котораго княгиня сочла нужнымъ слегка оттолкнуть отъ себя.

— Ты слишкомъ рано перестаешь уважать меня.

— Я слишкомъ поздно узналъ, что любимъ тобою, отвѣчалъ онъ: — но теперь, когда мы одни, повторн мнѣ это слово.

— Да, ты молодъ, неопытенъ, ты дитя, но ты меня не любишь! сказала княгиня, съ умысломъ придавая грустное значеніе словамъ своимъ.

— Я? вскрикнулъ Сермягинъ, ударяя себя въ грудь.

— Ты любишь женщину, но не меня, не Полну, лепетала княгиня, слабо защищаясь отъ ласкъ юноши и намекая на ха-

латъ: — любовницу, а не жертву старика: ты не понимаешь борьбы между долгомъ и любовью, а я ее испытываю. Ты хочешь погубить меня, Поль, я этого не ожидала. Я бы не прѣехала.

— Прости меня, Полина, бормоталъ сконфуженный молодой человекъ, не зная рѣшительно, что ему дѣлать, и начиная предполагать, что дѣйствительно эта женщина, можетъ быть, ищетъ только моральнаго отдохновенія въ бесѣдѣ съ нимъ, а не матеріальнаго самозабвенія.

— Неужто я ошиблась? подумала княгиня:— неужто онъ до такой степени неопытенъ. Впрочемъ это оригинально, какъ новостъ.»

— Ахъ Полина! вскрикнулъ юноша:— я такъ люблю тебя, а ты упрекаешь меня въ увлеченіи. Развѣ мы мало страдали? Но счастливая минута настала, ты здѣсь, а между тѣмъ.... Полина, сжалась надо-мною.... сжалась сама надъ собою, если ты точно меня любишь!

— «Наконецъ-то!» подумала княгиня, но, въ видѣ неизбежной оговорки сказала: — а мое доброе имя, Поль?

— Пустое слово, фраза безъ значенія. Подстереги кто-нибудь насъ и твое доброе имя запятнано.

— Пускай, но убѣжденіе, что не смотря ни на что, я вѣрна моему долгу.... томно отвѣтила княгиня.

— Это убѣжденіе не выкупить тяжести оковъ, продолжалъ Сермягинъ, —которыя онъ налагаетъ на твою молодость. И кто въ нашъ вѣкъ повѣритъ въ святость долга, когда онъ вынужденъ насильно, наложенъ волею опекуна и свѣтскихъ отношеній! Кто повѣритъ, видя тебя, скованную съ руиной, что ты, въ пользу ея блистательной дряхлости, не жертвуешь всѣми увлеченіями молодости, всѣмъ жаромъ души. И что вознаграждать тебя за столько лишеній? Жизнь коротка, мы молоды однажды, свѣтъ не пойметъ и не оцѣнитъ этой жертвы — она пропадетъ бесплодно.

Эту фразу Сермягинъ вычиталъ гдѣ-то и заранѣе затвердилъ наизусть. Полинѣ надоѣдала его болтливость, но она рискнула еще на одну оговорку.

— А совѣсть, Поль? Ея спокойствіе искупить всю горечь обвиненій, ея спокойствіе — противоядіе клеветѣ, щитъ бѣдной свѣтской женщины. Подъ нимъ она спокойна, пусть говорятъ, что хотятъ. Я рисковала многимъ, ѣхавши сюда, я ставила на

карту имя мужа и свое собственное, но меня влекла любовь, и если узнают—«ну что же, скажутъ, она любила Сермягина» — это понятно, но кто-же осмѣлится сказать: «она была преступна!» когда всѣ предосторожности взяты, когда объ этомъ свиданіи знаемъ только мы двое.

Сказавъ эту фразу, княгиня ждала отвѣта, но Сермягинъ не нашелся: онъ былъ слишкомъ неопытенъ и вмѣсто того, чтобы длинный монологъ ея и всякое возраженіе зажать (т. е. прервать) поцѣлуемъ, въ простотѣ сердечной горячо воскликнулъ:

— Скажутъ, Полина, люди злы. И то сказать — жизнь не романъ, Полина.

Сермягинъ ударилъ въ философію.

— «Будетъ ли этому конецъ, подумала княгиня, которая не умѣла ладить съ мальчиками, спѣшила вернуться и потому послѣ молчанія поучительно отвѣтила: — скажи лучше, Поль, что въ жизни, особенно въ нашей свѣтской жизни, нѣтъ поэзіи, а только одна дѣйствительность, одна проза.

Сермягинъ понялъ иначе, по своему, эту фразу: ему показалось, что она упрекаетъ его за желаніе прозы, тогда какъ она жаждала поэзіи и горячо вступился за себя.

— Если есть проза въ жизни, сказалъ онъ: — то она проявляется въ свѣтской женщинѣ, въ этомъ холодномъ созданіи, которое развѣшиваетъ на вѣсахъ общественнаго мнѣнія всѣ свои завѣтнѣйшія чувства и раздаетъ ихъ по золотникамъ, скупо и бережно: на одинъ грошъ любви, на полгроша увлеченія — недовольно ли для нашего брата?

«Какъ просто! подумала княгиня и грустно сказала: — благодарный!»

— Иначе, продолжалъ Сермягинъ, увѣренный въ себя — за насъ истощится, а жизнь велика, будущее впереди, пациентовъ представится много....

— Поль! вскрикнула княгиня.

— Прости меня, Полина! Я безумецъ! въ свою очередь выразилъ Сермягинъ и упалъ къ ногамъ ея.

Слезы слышались въ его голосѣ, руки дрожали, онъ судорожно мялъ ими густыя складки ея бархатнаго платья, ловя налету ея ручку и осыпая ее поцѣлуями.

— «Nous y voilà!» подумала княгиня и закрывая глазки, откинула головку на спинку дивана, а Сермягинъ, стоя передъ нею на колѣняхъ, продолжалъ дрожащимъ голосомъ убѣждать ее.

— Сжался, Полина. Минутой ранѣе или поздиѣе, не все ли равно тебѣ....

«Большая разница,» подумала княгиня и невольно улыбнулась.

— За одно погибать тебѣ! Ты думаешь, никто не знаетъ, не угадываетъ нашихъ отношеній? Ты ошибаешься. Ты думаешь, что случай свезъ насъ у Дебелиннхъ? еще разъ ошибаешься...

— Какъ? вскрикнула Полина, — какъ ужаленная вскакпвая съ дивана и отталкивая Сермягина. Кто же выдалъ меня?

— Я, Полина, я тебя выдалъ....

— Кому?

— Дебелиной. Вѣдь она мнѣ нужна.

— Несчастная! вскрикнула княгиня: — но съ какою же цѣлью?

— Съ цѣлью видѣть тебя, видѣть долго, видѣть близко, говорить съ тобой, слушать тебя.

— И сгубить, кончила княгиня.

— Видишь ли, Полина, это сдѣлалось неожиданно.... И Сермягинъ въ длинномъ монологеъ рассказалъ, какимъ образомъ Дебелина выпытала у него признаніе и какъ общала свиданіе ему съ княгиней на томъ условіи, чтобы онъ привезъ Волынкина.

..... Княгиня покатицась со смѣху.

— Ты смѣешься, спросилъ онъ. Ты не боишься моей кузины?

— Пусть она говоритъ что хочетъ, ей не повѣрять.

— Но имя твое будетъ обезславлено! И я буду причиною, я!... кричалъ въ отчаяніи юноша.

— Доказательства? гордо спросила княгиня: — гдѣ доказательства? чѣмъ она докажетъ слова свои?...

— Я все сдѣлаю, чтобы спасти тебя, Полина.

— Ты сдѣлаешь хуже: ты этимъ еще болѣе меня скомпрометируешь! Ребенокъ! мнѣ жаль тебя! А обо мнѣ не безпокойся. Я съумѣю отъ всего отрѣчься, понимаешь: отъ всего. Нельзя же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, и любить и водить на помочахъ въ одно и то-же время. Не съумѣть молчать и притворяться — недостойно мужчины: выдать сердце женщины подъ какимъ бы то ни было предлогомъ можетъ только мальчишка. И ты это сдѣлалъ! знаешь: дѣтей сѣкутъ за болтливость.

И съ этимъ словомъ княгиня накинула на шею (т. е., на плечи) шубку и быстро вышла въ другую комнату.

— Нейди за мной! сказала она, обернувшись на Сермягина, и хлопнула дверью» (Ч. II. стр. 70—86).

Съ содержаніемъ романа и концепціей рассказанныхъ въ немъ фактовъ, читатели уже отчасти знакомы изъ нашего бѣлаго очерка и, вѣроятно убѣждены, что, въ этомъ отношеніи, автора можно иногда упрекнуть въ натянутости и неестественности. — Такъ напримѣръ, желая, неизвѣстно для чего, придать особенное значеніе петербургскимъ дуэтамъ Вѣры съ Волинкинымъ, авторъ ввелъ эту идиллію даже въ объясненіе въ любви. Волинкинъ опасается отказа, не будучи увѣренъ та ли эта самая дѣвушка, которая пѣла за стѣной. Этого мы рѣшительно не понимаемъ: какое особенное значеніе можетъ имѣть его петербургское знакомство съ Вѣрой. — Ну, а если бы это была не она, тогда что? тогда она могла бы ему отказать; почему? или въ такомъ случаѣ онъ бы не сдѣлалъ ей предложенія? это еще непонятнѣе. Поэтому непонятно, когда и Струйская отказываетъ ему, въ первый разъ, на томъ основаніи, что не она пѣла за стѣною. Что за логика? неужели нельзя было подобрать болѣе благовиднаго предлога. Точно также неестественно, когда Вѣра окончательно разстается съ нимъ потому только, что не онъ самъ сказалъ ей о связи съ Варинькой. Намъ кажется, что даже неблагоприятно было бы, со стороны жениха, говорить о такихъ вещахъ съ невѣстой, тѣмъ болѣе, что всѣ прежнія отношенія его съ танцовщицей давно уже были прерваны и онъ посѣщалъ ее уже не любя, а ради только прощедшаго, что очень хорошо знала и Вѣра и, будучи дѣвушкой умною, должна бы кажется понять, что Варинька для нея не можетъ быть опасна. Неужели же Струйская хотѣла видѣть въ женихѣ своемъ невиннаго мальчика? — Наконецъ авторъ необъяснилъ, почему герой его нечувствовалъ никакой привязанности къ своему сыну; это такая психическая аномалія, которую не мѣшало бы разъяснить, если авторъ при помощи этой холодности и хотѣлъ сдѣлать болѣе возможнымъ разрывъ Волинкина и Мордкиной. Въ противномъ случаѣ это равнодушіе къ сыну дѣлаетъ героя романа не молодущимъ, но безчувственнымъ.

Растянутость и многія совершенно лишнія эпизоды, также не мало вредятъ интересу романа. — Всѣ четыре части, можно было-бы очень удобно сжать не только въ двѣ, но даже въ одну.

Въ заключеніе замѣтимъ, что романъ рассказанъ языкомъ далеко не простымъ и правильнымъ въ чемъ конечно могли убѣдиться и сами читатели изъ приведеннаго нами отрывка. — Мѣстами встрѣчаются такіа странныя выраженія, что невольно

обращаешь на нихъ исключительное вниманіе, забывая даже на минуту о чемъ идетъ рѣчь. — Неужели этими своеобразными словами и оборотами авторъ думалъ образовать оригинальный слогъ. — Слогъ, сколько намъ кажется, характеризуется не словами. Желая напригѣръ выразиться, какъ можно нѣжнѣе, авторъ заставляетъ граціозную дѣвушку опираться на кулачокъ когда *ножки* ея подкашиваются; за то въ другомъ мѣстѣ образованная дѣвица, у которой *ноздри* *налиты* *розовою кровью*, такъ что казалось будто *пламя* *готово* было изъ *нихъ* *брызнуть* *двумя* *огненными струями*, говоритъ своему кузену: *вы не блестящю ума*, у васъ на сердцѣ *тлѣетъ* *дрянь* и если быть знакомымъ, то съ высшимъ обществомъ, а не съ какою нибудь *дрянью*. — Иногда для сентиментальности авторъ становится на ходули, не замѣчая какъ это выходитъ смѣшно. — Напригѣръ, Вольтыкинъ, вспомнивъ о своей покойной матери, изъясняется слѣдующимъ образомъ:

— Вѣдь она насъ видитъ оттуда, сказалъ онъ Вѣрѣ, указывая на свѣтлое зимнее небо (Ч. III. стр. 94).

Если герой, при этомъ поднялъ руку кверху, то показалъ не на зимнее небо, а на оштукатуренный потолокъ; если же онъ дѣйствительно указалъ на зимнее небо, то для этого долженъ былъ притащить свою невѣсту къ окну и протянуть руку по діагонали. — Что, согласитесь, вовсе не сентиментально. — Пластичность выраженій также не всегда удается автору. *Плмелоды*, говоритъ онъ, *или робко и осторожно, уважая (?) толстую корку (?) льда, покрывавшаю тротуары*. Кромѣ того, у князя Кугушева для нѣкоторыхъ понятій существуютъ свои особенныя выраженія, такъ напригѣръ вмѣсто *мѣдная доска* на двери, онъ говоритъ *мѣдная пластинка*, вмѣсто *не одно и то же* — *два есени* (могущія конечно быть совершенно одинаковыми), вмѣсто *потерять* — *переспросить*, вмѣсто *сильно ошибаться* — *крупо* ошибаться; и проч.

Мы кончили. — Такъ что же наконецъ, хорошъ или дуренъ романъ? Да право незнаемъ какъ сказать: вѣдь вкусъ вкусу не указчикъ и кому нравится арбузь, съ и иному.....

II. P.

Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. Спб. 1859.

Исторія русскаго права давно стала у насъ предметомъ каедральнымъ, давно (съ послѣдняго преобразования університе-

товъ) исторической методъ введенъ въ преподаваніе всѣхъ юридическихъ наукъ; мало того — она получила право гражданства и въ образованной публикѣ съ тѣхъ поръ, какъ наши изслѣдователи въ исторіи прошлаго стали раскрывать начала русской общественной жизни. Между тѣмъ памятники исторіи русскаго права, разбѣянные въ изданіяхъ археографической комиссіи, полномъ собраніи законовъ и множествѣ частныхъ изданій, оставались доступными только немногимъ. Выбрать изъ этихъ собраній важнѣйшіе законодательные памятники, мысль превосходная. Такое собраніе необходимо не только для студентовъ при слушаніи лекцій исторіи русскаго права, но и для всякаго слѣдующаго за движеніемъ русской науки. Нельзя поэтому не встрѣтить безъ благодарности изданія гг. Лазаревскаго и Утина. Въ одномъ уютномъ и опрятно напечатанномъ томѣ они помѣстили много памятниковъ древняго гражданскаго и церковнаго законодательства, а именно: договоры руссовъ съ греками, договоры славянъ съ рижанами, нѣсколько договоровъ удѣльныхъ князей и Новгорода съ князьями, Русскую Правду, оба Судебника съ дополнительными статьями, церковные уставы св. Владимира, Ярослава, Всеволода, Василия Дмитріевича, наконецъ нѣсколько уставныхъ и жалованныхъ грамотъ. Изданіе, въ которомъ помѣщено столько памятниковъ, безъ сомнѣнія полезно; но оно было бы несравненно полезнѣе и удовлетворяло своему заглавію, если бы издатели руководствовались правильнымъ научнымъ основаніемъ и болѣе широкимъ взглядомъ на дѣлю. Укажемъ на важнѣйшіе недостатки изданія:

1) Изъ всѣхъ актовъ, относящихся до внутренняго юридическаго быта Россіи помѣщено только нѣсколько уставныхъ и жалованныхъ грамотъ. Нѣтъ ни губныхъ грамотъ, ни судебныхъ дѣлъ — гдѣ наглядно изображается гражданскій и уголовный процессъ, ни воеводскихъ наказовъ, ни актовъ относящихся къ церковному и монастырскому управленію и проч. и проч. Спршивается, чѣмъ важнѣе дополнительныя статьи къ Судебнику Грознаго, большая часть которыхъ касается мелочныхъ вопросовъ суда и администраціи, тѣхъ родовъ актовъ, о которыхъ мы упомянули? Наконецъ, къ чему судебники напечатаны съ пустыми для юриста вариантами, которые (варианты) занимаютъ однако очень много мѣста, напр. «А судити о вотчинѣ...» вариантъ: «вотчинну.» Это можетъ имѣть значеніе для филолога, но не для юриста, и ужъ ни въ какомъ случаѣ для того класса читателей, для котораго предназначается изданіе. Отъ этого

не экономического распоряженія пропало даромъ много страницъ, на которыхъ могли бы быть напечатаны образцы актовъ, касающихся внутренняго юридическаго быта древней Россіи. Въ изданіи нѣтъ даже выписокъ изъ Стоглава, одного изъ важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, несравненно болѣе важнаго чѣмъ церковные уставы св. Владиміра и Ярослава *).

2) Чѣмъ руководствовались издатели при выборѣ изъ бездны княжескихъ договоровъ и уставныхъ грамотъ? кажется, однимъ случаемъ.

Позволяемъ себѣ высказать гг. издателямъ наше мнѣніе о составѣ, въ которомъ должна быть издана русская историко-юридическая хрестоматія.

1) Кромѣ напечатанныхъ въ изданіи гг. Лазаревскаго и Утина памятниковъ общаго законодательства, необходимо еще прибавить Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое тремя четвертями своего содержанія относится не къ новой, а къ старой Россіи. При этомъ какъ для экономіи, такъ и для большаго удобства въ пользованіи, множество статей и цѣлыя главы, не имѣющія большаго историческаго и юридическаго значенія можно напечатать петитомъ. То-же слѣдуетъ сдѣлать и съ многими изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику.

2) Напечатать по одному образцу всѣхъ актовъ, касающихся внутренняго юридическаго быта древней Россіи, именно — грамотъ губныхъ, уставныхъ, несудимыхъ, льготныхъ, воеводскихъ наказовъ, мѣстическихъ споровъ, судебныхъ списковъ, купчихъ завѣщаній и проч. и проч. За образецъ, разумѣется, надобно брать актъ самый позній и интереснѣйшій, и присоединить къ нему въ видѣ вариантовъ важнѣйшія измѣненія и дополненія, находящіяся въ другихъ однородныхъ, — и наконецъ указать въ примѣчаніи въ какомъ изданіи и за какими нумерами помѣщены всѣ однородные по содержанію акты. Подобная работа подѣ сплу хорошему студенту, образцемъ такого рода сводовъ можетъ служить сводъ губныхъ грамотъ, сдѣланный г. Ерлыковымъ. Конечно при выборѣ образцевъ молодые издатели

---

*) Выборъ нѣкоторыхъ договорныхъ грамотъ совершенно непонятенъ. Какое значеніе имѣютъ, напримѣръ, договоры смоленскихъ князей Федора Ростиславича и Ивана Александровича (стр. 35)? Ровно никакого. А между тѣмъ въ изданіи археографической комиссіи помѣщено нѣсколько очень важныхъ и богатыхъ содержаніемъ договоровъ съ рижанами.

должны прибѣгнуть къ указанію опытныхъ профессоровъ, которые вѣроятно не откажутъ имъ въ пособіи.

Конечно, при этомъ объемъ сборника значительно увеличится, но только при соблюденіи высказанныхъ нами правилъ онъ будетъ удовлетворять своему заглавію и удовлетворитъ первымъ потребностямъ при занятіи исторіей русскаго права. А въ настоящемъ своемъ видѣ сборникъ — есть только полезная перепечатка текстовъ Русской Правды, судебныхниковъ, церковныхъ уставовъ, — и безпорядочная перепечатка нѣсколькихъ актовъ, касающихся внутренняго быта Россіи. Замѣтимъ къ чести издателя, что цѣна изданія самая умѣренная — 80 коп. сер.

АЛЕКСАНДРЪ ЛОХВИЦКІЙ.

Ўжинок ріднаго поля, вистачаній працеу М. Г. Москва.
1857 г.

Въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь ошутительна необходимость малорусской литературы, возможность которой такъ еще недавно вызывала ученое сомнѣніе, и рѣдкія произведенія которой или подвергались глумленію, или проходились единодушнымъ молчаніемъ журналовъ. Правда, что многія изъ доселѣ вышедшихъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, стодятъ порицанія, но не надъ слабыми сторонами потѣшались рецензенты, а просто насмѣхались, по ихъ мнѣнію очень остроумно, надъ охотой писать *Богъ знаетъ на какомъ нарѣчій*. Не будемъ тревожить прошедшаго, не станемъ доказывать какъ были осмѣяны стихотворенія, достойныя занять почетное мѣсто въ любой литературѣ, потому что не были поняты; но сдѣлаемъ вопросъ: при нынѣшнемъ стремленіи къ образованію простаго народа, — на какомъ языкѣ прикажете писать для малорусскаго простолюдина? Я знаю, вы поспѣшите отвѣчать, что и теперь же существуютъ школы въ малороссіи, въ которыхъ учать по русски. Но это не отвѣтъ тому, кто хоть сколько-нибудь вникалъ въ дѣло. Конечно въ школахъ государственныхъ имуществъ учать по русски, но мальчикъ и ограничиваетъ свой курсъ процессомъ чтенія, потому что не понимаетъ далеко половины читаемаго, а переносить все свое умѣнье на церковную грамоту, и читаетъ духовныя книги, въ которыхъ то-же понимаетъ не весьма много. Учить же малорусскій простой народъ такъ, чтобъ онъ хорошо понималъ книгу, изложенную понятнымъ языкомъ для великорусскаго простолюдина, — трудъ покамѣстъ едва ли удобоприложимый. Мо-

жетъ быть иному господину и кажется, что въ Малороссіи употребляется исковерканный русскій языкъ, — однакоже въ этомъ языкѣ есть свои нарѣчія, и имъ говорятъ около девяти милліоновъ народа. Еще живую рѣчь великоруса, съ примѣсью объяснительныхъ знаковъ, пойметъ малорусъ хотя и не безъ труда, но книгу, написанную по русски, не разберетъ, точно также какъ не понимаетъ манифестовъ и другихъ бумагъ, читаемыхъ все-народно, безъ особаго объясненія. И обвинять въ этомъ малорускаго простолюдина, было бы также странно, какъ упрекать италіянца за то, что онъ не понимаетъ по французски. Мы можемъ сказать, что писаря пишутъ же по русски и даже складно, — а я отвѣчу, это дѣло другое, ибо писарь съѣстъ много лозы и просидитъ нѣсколько лѣтъ за книгой и перомъ, пока дойдетъ до этой премудрости, хотя конечно въ бумагу вноситъ свой элементъ, впадая притомъ въ языкъ церковно-славянскій. Но я говорю о простолюдинахъ, о земледѣльческомъ классѣ, которому необходимо моральное развитіе. Для этого класса на какомъ языкѣ прикажете писать доступныя ему книги? Кажется, что здѣсь не можетъ быть никакого возраженія, и вотъ когда настала пора, употребить съ пользою способности и перья, настала пора писать по малорусски, только для простолюдина, а не для нѣкоторыхъ диллетантовъ, и немногихъ малорусскихъ барышень, какъ это дѣлалось въ старые годы, въ чемъ конечно придется покаяться и намъ грѣшному. На русскомъ языкѣ будетъ выходить «Народное Чтеніе,» не мѣшало бы и намъ въ Кіевѣ, Харьковѣ или Одессѣ издавать дешевой журналъ съ тою же цѣлью, который для нашего народа былъ бы тѣмъ полезнѣе, что простолюдину можно передавать всѣ правительственныя распоряженія, относительно настоящаго устройства, которыя до сихъ поръ объяснялись ему не всегда вѣрно, смотря по обстоятельствамъ.

Но обратимся къ книгѣ, заглавіе которой выписали мы въ началѣ статьи, собираясь писать рецензію. По хитрому правописанію, обнаруживающемуся уже въ заглавіи, читатель конечно догадался, что имѣетъ дѣло съ авторомъ, выдумавшимъ какое-нибудь нововведеніе. Нельзя сочувствовать людямъ, которые восхищаются только старинною, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждая новизна принималась безусловно, какого бы ни была она содержанія. Отжившее, скверное, старое конечно хвалить прелично бездарности, отсталости и еще одному похвальному качеству — гибкости убѣжденій; но если новизна походитъ на дѣтскія фантазіи, на прыжки отрочества, то эту новизну слѣдуетъ

называть настоящимъ ея именемъ. Рѣдкій изъ печатавшихъ по малорусски, не предлагалъ своей орфографіи, но до сихъ поръ въ самыхъ вычурныхъ изобрѣтеніяхъ — всегда была какая-нибудь доля истины, чѣмъ можно воспользоваться, кромѣ изданій гг. Карпенковъ, которые писали уже чистѣйшую негѣпость: одна-коже до сихъ поръ еще никто не предлагалъ такой сложной, курьезной системы правописанія, какъ г. М. Г. издатель «Ужинка зъ Рядного Поля.»

Съ большимъ трудомъ, въ-особенности сначала, принялся я за «Ужинокъ,» и наконецъ одолѣлъ все, до послѣдней строчки. Издатель, если я не ошибаюсь, принадлежитъ къ числу тѣхъ молодыхъ и энергическихъ людей, которые, преслѣдуя свою идею, не имѣютъ возможности взглянуть на нее съ разныхъ сторонъ, именно вслѣдствіе излишняго пыла и энергіи. Сознывая важность малорусскаго слова, изучивъ кое-какъ языкъ, на довольно тѣсной мѣстности, собравъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, онъ считалъ себя уже въ правѣ, не только сдѣлать коренную реформу въ правописаніи, но и сочинить новыя слова, даже научные термины — для земляковъ, которыхъ онъ горячо любитъ повидимому. Но мнѣ кажется, что въ наше время, когда исчезъ дилетантизмъ въ наукахъ и искусствахъ, когда при разработкѣ каждаго предмета требуется положительное знаніе и тѣсное знакомство съ источниками, какъ-то странно выступать съ крошечнымъ, поверхностнымъ наблюденіемъ надъ извѣстной мѣстностью, возводя его на степень обработаннаго вопроса. Если не большинству, то все же многимъ образованнымъ людямъ извѣстно, что малорусское нарѣчіе не вездѣ одинаково, и потому издатель, напечатавшій свою книгу въ Москвѣ, сдѣлалъ большую ошибку, не сказавъ, что языкъ «Ужинка» тотъ, которымъ говорятъ въ западныхъ губерніяхъ, да и говорятъ не собственно крестьяне. Хотя, онъ въ предисловіи и упомянулъ, что чистымъ малорусскимъ языкомъ считаетъ *кіево-чиринскій* (?), однако это не служитъ ни къ чему, ибо его *Озѣрк* (обозрѣніе), будетъ прочтенъ развѣ тѣми, кому достанетъ времени и охоты выучиться читать по его правописанію, и вызубрить слова изъ его словарика, чтобы понимать прочитанное. Изъ книги г. М. Г. можно убѣдиться, что какъ самъ издатель, такъ и его сотрудники, имена или псевдонимы которыхъ неизвѣстны въ нашей литературѣ, знакомы съ самой небольшой мѣстностью, а между тѣмъ въ «Ужинкѣ» рѣшаются окончательно судьбы нашего языка, и выдумываются слова ни съ чѣмъ несообразныя, и ни на что не

похожія. Если иному писателю, до сихъ поръ и случалось по необходимости ввести какое-нибудь слово, то по большей части слова эти, хоть и не всегда удачныя, были по крайней мѣрѣ понятны, и содержаніе ихъ не оставалось тайной для читателя. Но спрашивается, кто изъ самыхъ просвѣщенныхъ знатоковъ малорусскаго слова, призываю въ свидѣтели гг. Срезневскаго, Кулеша, Костомарова, догадается, что *Усідіа* исторія, *присвіт-ка* предисловіе, *обрій* горизонтъ и проч.? Принимать же новое слово, выдуманное каждымъ досужимъ издателемъ книги, я полагаю, не рѣшится никто изъ людей, знающихъ языкъ, и имѣющихъ свое убѣжденіе. Наконецъ, если встрѣчается настоятельная надобность въ изобрѣтеніи новаго слова для выраженія новаго предмета или понятія, сочиняйте же его такъ, чтобы оно было понятно каждому. Вѣдь новое слово не въ томъ заключается, что подобрать первые попавшіеся слоги и придать имъ какое-нибудь замысловатое окончаніе. Этакъ можно сочинить новый, совершенно никому непонятный языкъ, составить словарь, даже напечатать, но примется ли это кѣмъ-нибудь и не будетъ ли это смѣшнымъ переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее. Приведенныя выше слова подходятъ подъ эту мѣрку, они точно также понятны, какъ если бы я написалъ во мѣсто исторія *баваа*, вмѣсто предисловіе *дажаза*, вмѣсто горизонтъ *калама*. Вѣдь могъ бы я выкинуть подобную штуку, только не знаю какъ бы назвали меня за это.

Къ сложнымъ правописаніямъ, извѣстнымъ до сихъ поръ, принадлежитъ употребленное г. Максимовичемъ, но ореографія его, если и затруднительна, по крайней мѣрѣ не лишена филологическаго основанія. Всѣ прочіе пишутъ, слегка прибавляя что-нибудь къ существующимъ буквамъ, хотя и нельзя сказать, чтобы установилось наше правописаніе. Но въ «Ужикѣ» вводится самая трудная и неудобоприложимая ореографія. Очевидно, это чисто-студенческія затѣи. Сошлось нѣсколько молодыхъ людей, любителей роднаго слова, изобрѣли азбуку, по ихъ мнѣнію, самую удобную, и порѣшили, что такъ быть должно, не вслушавшись какъ слѣдуетъ въ народный говоръ. И новое правописаніе не только не облегчаетъ чтенія, а напротивъ запутываетъ его богѣе, и не имѣетъ ровно никакого основанія. Но мы рассмотримъ *присвітку* или предисловіе, подписанное г. Куцымъ. Во-первыхъ онъ выбрасываетъ не нужныя по его мнѣнію я, ё, ю, а замѣняетъ ихъ а, о, у. Но если надъ гласною стоитъ знакъ ъ, тогда оно произносится ай, ой, уй и пр. Если же надъ гласнымъ

съ точкамъ стоитъ знакъ °, — онѣ читаются какъ яй, іой, юй. Однимъ словомъ множество курьезныхъ выдумокъ, которыя пзучать гораздо труднѣе, чѣмъ обыкновенную азбуку; но перхъ совершенства въ правописаніи г. Куцаго, этой йка (°), надъ которою онъ трудился съ любовью, и которой придумалъ такую роль въ малорусскомъ языкѣ, какой она никогда не играла, не играетъ и конечно не будетъ играть до тѣхъ поръ, пока народъ не переучится развѣ по выдумкѣ г. Куцаго. Г. Куцый пашелъ, что этотъ знакъ слышится не только передъ словами, которыя слѣдуютъ за словами оканчивающимися гласною буквою, но даже и въ началѣ фразы, хотя и прибавляетъ, что это случается по большей части въ стихахъ. Вотъ тутъ-то можно поспорить съ господиномъ Куцымъ и доказать ему, что никакой йки народъ не употребляетъ безъ надобности, а произноситъ только тамъ й, гдѣ встрѣчается надобность въ этомъ смягченіи. Отчего же ставить знакъ передъ началомъ слова, а не послѣ гласной предыдущаго? и наконецъ, на какомъ же основаніи затемнять грамматику? Въ примѣрахъ, приведенныхъ г. Куцымъ, смѣю увѣрить, краткій знакъ поставленъ именно тамъ, гдѣ малорусъ никогда не признаетъ его, а чтобы убѣдиться болѣе, привожу эти примѣры: «козаче 'бурлаче; ходи но серденько 'до хаты; не ходи Грицю 'на вечерницю; 'о зрадо 'зрадо!» Нигдѣ, ни на одной мѣстности народъ не произноситъ этихъ фразъ какъ угодно автору. *Казаче й бурлаче* скорѣе будетъ произнесено казаче-бурлаче, да и во всѣхъ примѣрахъ, ° поставлено совершенно не умѣста. Но мы возьмемъ примѣры не изъ фантазіи г. Куцаго, а пзъ живой народной рѣчи. Малорусъ скажетъ: *хліба й соли*, и это будетъ понятно, ибо онъ смягчаетъ соединительный союзъ. Однако для чего же согласно съ г. Куцымъ, я буду писать *хліба 'соли*, и почему не написать *хліба соли*. Что же касается до стиховъ, то неужели г. Куцый не обратилъ вниманія, что въ пѣсняхъ, разумѣется при пѣніи, въ началѣ словъ прибавляется ой, ей, гей. Слѣдовательно, правило его ставить въ началѣ йку, неприложимо. По всему видно, что г. Куцый позагалъ сдѣлать этимъ большое открытіе, но есть надежда, что прислушавшись къ народному говору, онъ покается печатно въ своемъ согрѣшеніи. Съ буквою в онъ тоже обращается слишкомъ безцеремонно, и замѣняетъ ее гласною у съ разными надстрочными знаками. Онъ пшетъ даже *дiучина* вмѣсто дiвчина, увѣряя себя и другихъ, что будто бы здѣсь слышится у болѣе чѣмъ е. Смѣемъ увѣрить г. Куцаго, что въ малорусскомъ языкѣ этого нѣтъ положитель-

но, а вѣроятно ему случалось слышать этотъ звукъ въ нарѣчїи бѣлорусскомъ, которое въ пограничныхъ селенїяхъ удерживается на десятки верстъ и на мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ по малорусски. Но правило г. Куцаго (стр. 7), что: «когда у стоитъ въ началѣ слова, и въ то-же время имѣеть передъ собою еще другое у, то первое произносится какъ ѱ', а второе какъ у, т. е., какъ ю, напримѣръ: ѱ — украині, ѱ — упітахъ, ѱ — усахъ,» совершенно дико. Народъ нашъ здѣсь говоритъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Максимовичъ, *увъ* и потому произноситъ не въ украині, но у въ украині — и т. д.

Не смотря на изобрѣтеніе затруднительнаго правописанїя, на сочиненіе многихъ замысловатыхъ словъ, г. Куцый, а также и сотрудники его, совершенно не знаютъ грамматики своего языка и не только грѣшатъ противъ синтаксиса, но и противъ этимологїи. Это мое личное мнѣніе, можетъ быть я и ошибаюсь; но желалъ бы услышать опроверженіе не отъ г. Куцаго и его сотрудниковъ, но отъ истинныхъ знатоковъ малорусскаго слова, имена которыхъ упомянуты въ статьѣ этой.

Пропустимъ: *Озїркъ на вїсть мовы люду козакоруською и іою украинъ*. Въ этомъ взглядѣ или обзорѣни, написанномъ самымъ неправильнымъ языкомъ, и не выражающемъ ничего новаго, хотя и это неновое перепутано не весьма ясными мечтанїями, авторъ даетъ волю своей фантазїи и своему образцовому правописанїю, а потому разборъ подобной *несмыслитици* утомятъ бы читателя. Посмотримъ на содержаніе самой книги. «Ужнюокъ зъ рїдного поля» состоитъ, по словамъ г. Куцаго, изъ трудовъ гг. Прибуры, Чорого, Курая и Чернушенки и народныхъ думъ и пѣсенъ. Къ счастью сочиненїя этихъ господъ не многочисленны, потому что подобныя вирши пишутся, но не читаются съ удовольствїемъ, хотя г. Куцый и говоритъ въ своемъ предисловіи: «Прибура, Чорй, Курй, Чернушенко і друг. ѱ своїхъ заласнихъ носпїѱахъ, виказали намъ усї роскоши цеї гнучкаї моѱи, спїѱучої і здатнїшої до розмоѱу» (стр. 47). Ни въ одномъ изъ стихотворенїй, принадлежащихъ этимъ господамъ, (которыя хоть и не обозначены, однако замѣтны что не народныя), нѣтъ ни искры таланта, и всѣ они плохїя поддѣлки подъ складъ пѣсенъ простоянина. Издатель напрасно не отдѣлилъ произведенїй этихъ господъ, потому что незнаюкъ можетъ прекрасную народную пѣсню приписать какому-нибудь плохому писакѣ, а вирши иного господина пожалуй назоветъ народною пѣснью и подивится, что въ ней нѣтъ не только поэзїи, но и смысла. Въ наше время такъ

не издаются народные памятники. Теперь какъ-то стыдно привести нѣсколько куплетовъ и сказать что пѣсня не кончена, когда ее можно услышать и записать во многихъ мѣстахъ вполне. Это приводитъ только къ той мысли, что собирателямъ народныхъ памятниковъ не должно ограничиваться какой-нибудь узкой мѣстностью, а еще болѣе довѣрять такъ называемымъ любителямъ, которые не задумаются прибавить кое-что свое по усмотрѣнію.

Еслибы это еще былъ сборникъ пѣсенъ безъ цѣли, какъ выходятъ русскіе пѣсенники, — къ нему можно-бъ быть меньше строгимъ; но «Ужинокъ рідного поля» со своею «присвѣткой», и «посоуинкомъ» заявляетъ большія претензіи, восхваляя слабую посредственность и представляя народныя пѣсни въ болѣе или менѣе неполномъ искаженномъ видѣ. Что можетъ быть популярнѣе пѣсни: «Ой на горі да женці жнуть!», пѣсни известной всѣмъ и каждому, много разъ напечатанной, даже переведенной г. Даннлевскимъ, который такъ неловко пофантазировалъ въ переводѣ. Г. М. Г. не могъ и это правильно напечатать. Не говоря уже, что слово женці (жнецы), онъ пишетъ неправильно *жинці*, но третій куплетъ онъ совершенно переименовалъ.

Вотъ этотъ куплетъ въ народѣ:

По середу панъ хоружый,
По середу панъ хоружый,
Підъ нимъ кониченько,
Підъ нимъ вороненькій
Сильно — дужый.

Всякому понятенъ здѣсь смыслъ и всякій видитъ, что подъ хоружимъ сильная, добрая лошадь. Посмотрите же на этотъ куплетъ въ редакціи г. Куцаго:

А у середині Синє — Дужій (?!)
Підъ нимъ кониченько,
Підъ нимъ вороненькій
Гарный, дужій!

По смыслу этого куплета, является уже какое-то новое историческое лицо Синє-Дужій!

Изъ представленнаго можете судить и о прочемъ. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторыхъ пѣсенъ, какъ напримѣръ Семень (87—89), Гопці хлопці (90—91), Чернушка (111—112) не слѣдовало бы помѣщать. Я не принадлежу къ числу псевдопуристовъ, но въ народной поэзіи, полагаю, слѣдуетъ избѣгать цинизма.

Вообще же по прочтеніи «Ужинка рідного поля» я прихожу къ тому заключенію, что книга эта не принесетъ никому пользы, и не доставитъ удовольствія. Если г. М. Г. любитель роднаго слова, ему слѣдуетъ основательно изучить этнографію извѣстнаго края, и тогда уже приступать къ изданію своихъ наблюденій, — а безъ этого «Ужинки рідного поля» будутъ только умножать макулатуру и давать поводъ журналамъ потѣшаться надъ малорусскими писателями. А можно хорошо писать и по малорусски. Разверните, напримѣръ, и прочтите Народні оповідання Марка Вовчка, изданныя г. Кулешемъ. Но объ этой книгѣ я надѣюсь поговорить въ свою очередь.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1859. Августа 16-го.
Хотинь.

Возраженіе на статью: «Изнанка крымской войны, другая сторона», помѣщенную въ седьмомъ номерѣ «Военнаго Сборника (генераль-маіора Затлера). Спб., въ типографіи Рюмина и К°. 128 стр. in-8°. (Безъ обертки и заглавнаго листа.)

Вотъ странная брошюра! Напечатана она въ Петербургѣ, а между тѣмъ въ Петербургѣ въ продажѣ ея нѣтъ. Намъ при-слали ее изъ Одессы, куда она доставлена въ числѣ 1,200 экземпляровъ; но и тамъ она не продается, а раздается безденежно.

Но оставимъ внѣшнія странности и поговоримъ о внутреннихъ. Мы внимательно прочитали брошюру г. Затлера и никакъ не могли понять, что заставило его написать ее и обнародовать. Если принять во вниманіе недавніе намеки Русскаго Инвалида, то можно подумать, что г. Затлеръ имѣлъ въ виду не столько возраженіе г. Обручеву сколько оправданіе официальной своей дѣятельности; но сотрудники Русскаго Инвалида, не смотря на осеннее время года, страдаютъ нервнымъ разстройствомъ, выражаются послѣдствіе того крайне неточно и на ихъ указанія положиться нельзя. Допустивъ однакожъ, согласно увѣреніямъ почтеннаго редактора Русскаго Инвалида и его почтенныхъ сотрудниковъ такое назначеніе брошюры г. Затлера, нельзя не замѣтить полной ея неудовлетворительности.

И г. Затлеръ и почтенный редакторъ Русскаго Инвалида конечно согласятся съ нами, что автору вышеназванной брошюры, защищая дѣйствія интендантства, не слѣдовало ограничиваться одними нападками на недосмотры въ статьѣ г. Обручева, которыя можно найти во всякомъ сочиненіи; не слѣ-

довадо вдаваться въ изложеніе второстепенныхъ подробностей, которыя только запутываютъ, а не объясняютъ дѣло, а въ возможно-сжатомъ очеркѣ обрисовать всѣ главныя дѣйствія интендантства. Тогда читателю сами собою стали бы очевидны и несостоятельность обвиненій, взведенныхъ общественнымъ мнѣніемъ на интендантство крымской арміи, и несостоятельность обвиненій г. Обручева. Выѣсто того, г. Затлеръ выбралъ другую дорогу. Цѣпляясь за неизбежныя во всякомъ сочиненіи недосмотры и промахи, онъ обнаружилъ, безспорно, большія писмоводительскія способности; но одного этого недостаточно для борьбы съ общественными предубѣжденіями, недостаточно для того, чтобы уничтожить возраженія г. Обручева. Предѣлы краткаго библиографическаго отчета не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности, и потому мы ограничимся немногими указаніями, которыхъ будетъ достаточно для нашей цѣли.

Доказательствомъ крайней безтактности г. Затлера служить весь его споръ сперва съ г. Обручевымъ, а потомъ съ г. Чужбинскимъ. Ни г. Обручевъ, ни г. Чужбинскій, говоря о злоупотребленіяхъ интендантства, не имѣли въ виду лицъ: они хорошо понимали, что бороться надобно не съ лицами, потому что выѣсто однихъ воровъ, — сколько ихъ не переводитъ, — всегда найдутся другіе, почище своихъ предшественниковъ. Г. Затлеръ, споръ о началахъ обратилъ въ споръ о своихъ личныхъ достоинствахъ, о своемъ примѣрномъ безкорыстіи. Нечего же ему гнѣваться, если литераторы охотно пошли за нимъ по той дорогѣ, на которую ему не слѣдовало бы ихъ выводить.

Въ брошюрѣ г. Затлера есть мѣста, изъ которыхъ видно, что и теперь еще онъ не составилъ себѣ яснаго понятія объ обязанностяхъ интендантства. Такъ на седьмой страницѣ онъ говоритъ:

«Но здѣсь, по своей привычкѣ смѣшивать предметы совершенно различныя, обвинитель мой подъ словомъ *средства*, разумѣетъ, повидимому, деньги, отпускаемые правительствомъ на содержаніе армій. Но имѣть деньги не значитъ еще *имѣть средства* для обезпеченія продовольствія войскъ!»

Средства должно создать интендантство за деньги, отпускаемые правительствомъ. Если правительство дастъ интендантству и жизненные припасы и перевозочныя средства, то роль его конечно облегчится, ограничившись однимъ писмоводствомъ; но въ такомъ случаѣ на что же и интендантство? — Замѣтимъ

еще, что напрасно г. Затлеръ налегаетъ на затрудненія, съ которыми должно было бороться интендантство крымской арміи: эти преувеличенія ничего не доказываютъ. Интендантство кавказскаго корпуса, въ войны князя Варшавскаго, при князѣ Воронцовѣ и генералѣ Муравьевѣ встрѣчало неменьшія препятствія, но всегда умѣло преодолевать ихъ. Одна бездарность ни съ чѣмъ не умѣетъ справиться, и падаетъ на каждомъ шагу.

Оправдываясь передъ публикою или передъ г.г. Обручевымъ и Чужбинскимъ, г. Затлеру слѣдовало бы позаботиться не о юридическихъ доказательствахъ, до которыхъ имъ нѣтъ дѣла, а о доказательствахъ нравственныхъ; по забывчивости ли или по другимъ причинамъ, въ брошюрѣ г. Затлера нѣтъ и слѣда такихъ доказательствъ. Какую, напримѣръ, цѣну могутъ имѣть въ глазахъ публики объясненія въ родѣ слѣдующаго:

«Сообразно съ законами о комиссіонерскомъ заготовленіи и самимъ (самымъ) существомъ дѣла, не генералъ-интендантъ обязанъ сообщать губернаторамъ объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ заготовленій, такъ какъ онъ не можетъ ихъ знать, а напротивъ губернаторы должны доносить о нихъ главнокомандующему.»

А о томъ, напримѣръ, интендантскомъ лицѣ, которое на Бельбекѣ угощало всю свою канцелярію обѣдами съ дорогими винами, портеромъ, киршвассеромъ, гаванскими сигарами и тратило на это по самому умѣренному счету до трехъ сотъ рублей серебромъ въ день, то есть, до 108,000 въ годъ, — долженъ былъ доносить спмферопольскій губернаторъ, что ли?

А. ДОКУЧАЕВЪ.

Руководство къ добыванію смолы, вара, дегтя и скипидара, *В. фонъ-Гребнера*. Съ 52 политипажамъ въ текстѣ. Москва. 1859. стр. 104.

Г. фонъ-Гребнеръ начинаетъ свое руководство замѣчаніемъ, что «въ настоящее время стараются передать обществу все вновь открытое и подмѣченное, — все, что можетъ принести пользу приложеніемъ науки къ жизни». Но въ то-же время его огорчаетъ, что «вообще наша литература бѣдна спеціальными сочиненіями по всѣмъ почти частямъ техническихъ искусствъ (?), и нѣкоторыя отрасли отечественной промышленности совершенно лишены ихъ, почему и идутъ весьма медленнымъ путемъ развитія, сохраняя въ большей части своихъ операцій устарѣвшіе

и весьма несовершенные методы и приемы». Дѣлая такое замѣчаніе, г. В. фонъ-Гребнеръ принялъ слѣдствіе за причину: — не потому въ нашихъ техническихъ производствахъ держатся устарѣвшіе, нераціональные способы и методы, что наша литература бѣдна спеціанальными сочиненіями, а напротивъ наша литература бѣдна потому, что у насъ нѣтъ техниковъ. Дайте знающихъ людей, — явятся и сочиненія. А то кому же писать, положимъ хоть о добываніи смолы и дегтя, когда этими производствами занимаются обыкновенно крестьяне? Въ какой же степени, даже при самомъ чистомъ желаніи добра, сочиненія по химической технологіи, безъ знанія основаній химіи, выходятъ неудовлетворительны можетъ служить примѣръ г. В. фонъ-Гребнера.

Г. В. фонъ-Гребнеру показалось, что у насъ вовсе не существуетъ руководство по «лѣсотехнической литературѣ» и онъ рѣшился своимъ руководствомъ «ввести во всеобщее употребленіе новѣйшіе, болѣе усовершенствованные методы смолокуренія и гонки скипидара, до сихъ поръ вовсе неизвѣстные во многихъ губерніяхъ Россіи.» Задача, какъ вы видите широкая, задача дающая ученикамъ полное право спросить своего учителя: — на чемъ основывается онъ такое убѣжденіе и есть ли въ немъ та сила знанія, которая могла бы поставить его въ подобныя отношенія къ цѣлой Россіи?

Избравъ предметомъ руководства описаніе способовъ добыванія продуктовъ сухой перегонки смолистыхъ веществъ, г-нъ В. фонъ-Гребнеръ счелъ умѣстнымъ изложить хоть вкратцѣ сущность самой операціи. Оговорка «счелъ умѣстнымъ» едва ли нужна; вѣдь нельзя же начать учить всю Россію болѣе усовершенствованнымъ методамъ смолокуренія, не объяснивъ въ чемъ заключается смыслъ и сущность дѣла, за которое заставляютъ Россію приняться. Но и тутъ мало одного желанія учить.... Объяснивъ какіе продукты получаютъ при сухой перегонкѣ древесны, авторъ говоритъ, что въ началѣ процесса отдѣляется только кислородъ въ видѣ воды. Это что-то совершенно непонятное и очень новое; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было извѣстно, что кислородъ имѣетъ видъ воды. Но можетъ быть это опечатка?...

Послѣ самаго поверхностнаго объясненія газообразныхъ продуктовъ, отдѣляющихся при сухой перегонкѣ, г. Гребнеръ говоритъ и о другихъ получаемыхъ при этомъ продуктахъ, именно:

о водянистой и маслообразной жидкостяхъ и о твердомъ веществѣ, или углѣ. Водянистая жидкость, какъ говоритъ авторъ, всегда кисла отъ уксусной кислоты, образующейся при сухой перегонкѣ въ большемъ количествѣ. Это такъ, но одного этого объясненія еще мало; чтобы руководство было дѣйствительно полезнымъ наставленіемъ Россіи, желающей заниматься усовершенствованными методами смолокурения, учитель не долженъ отдѣлываться общими фразами; если вы хотите объяснить намъ какія измѣненія происходятъ въ деревѣ при сухой его перегонкѣ, то расскажите дѣло ясно, расскажите изъ чего состоитъ дерево, на какія вещества оно распадается отъ дѣйствія на него жара, какія новыя соединенія образуются при этомъ и какую роль во всемъ процессѣ играетъ болѣе или менѣе высокая температура. Тогда только будетъ ясно дѣло для незнающаго, и процессъ сухой перегонки выйдетъ открытой книгой, которую прочтеть и пойметъ всякій, кому это нужно. Изъ коротенькой зачѣтки, что водянистая жидкость кисла отъ уксусной кислоты еще слѣдуетъ немного; мы хотимъ знать откуда взялась эта кислота и изъ чего состоитъ она, потому что мы слышали, что изъ этой жидкости можно получать довольно чистую кислоту и древесный спиртъ; и та и другая обѣщаютъ заводчику то-же нѣкоторыя выгоды.

Бурюю маслообразную жидкость г. фонъ-Гребнеръ называетъ дегтемъ; ну а что такое смола? На этотъ вопросъ вы не найдете отвѣта въ руководствѣ, тогда какъ въ практикѣ эти два вещества имѣютъ огромную разницу и въ цѣнѣ и въ употребленіи. Не оттого ли явился подобный пропускъ и пропускъ важный для русскаго техника, что иностранные химики не дѣлаютъ различія между смолой и дегтемъ?... Если г. фонъ-Гребнеръ иногда забываетъ говорить о томъ, что дѣйствительно необходимо для ясности вопроса, за то въ другихъ случаяхъ онъ заполняетъ пропуски свѣдѣніями вовсе не относящимися къ дѣлу. Такимъ образомъ, избравъ задачей объяснить процессъ сухой перегонки дерева, г. фонъ-Гребнеръ неизвестно почему доводитъ до общаго свѣдѣнія, что деготь получаемый при сухой перегонкѣ каменнаго угля, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя вещества, приближающіяся къ свойствамъ щелочей и, для большаго убѣжденія въ томъ кого слѣдуетъ, поставилъ въ скобкахъ: — кристалли и лейколь. Неужели автору не пришло самому на мысль, что выраженіе: *особенныя вещества* и поясненіе сдѣланное въ скобкахъ: (*кристалли и лейколь*) ровно ничего

не поясняетъ и говорить о каменномъ углѣ, когда сущность вопроса составляетъ дерево, совершенно незачѣмъ?.. И все это произошло отъ желанія придать своему сочиненію возможно ученый видъ. Отъ этого же г. фонъ-Гребнеръ пускается въ разсужденія, разумѣется ровно ничего необъясняющія, о креозотѣ, парафинѣ, пикаморѣ, капноморѣ, цедрирстѣ, нитокалѣ, евпюнѣ и даже упоминаетъ о хризентѣ и пиренѣ и вездѣ, гдѣ только представляется хоть малѣйшій случай, выставляетъ въ скобкахъ латинскія названія веществъ.

Кончивъ первый, ученый отдѣлъ руководства, г. фонъ-Гребнеръ начинаетъ вторую часть слѣдующимъ положеніемъ: «разнохарактерность всѣхъ этихъ началъ (т. е. креозота, парафина и т. д.) уже ясно показываетъ какую важную роль они играютъ въ составѣ смолы и дегтя». Не знаемъ въ какой степени все ясно для автора руководства, что же касается до тѣхъ, кого хочетъ наставить г. Гребнеръ, то для нихъ совершенно не ясна роль какую играютъ въ смолѣ, а тѣмъ болѣе въ дегтѣ, перечисленные вещества. Что, напримѣръ, можно узнать о роли копномора изъ слѣдующаго описанія: «запахъ его, т. е., копномора, болѣе нѣженъ и приятный, а въ-особенности при растираніи на ладони; на языкѣ онъ сперва не производитъ никакого ощущенія, но скорѣ оказывается чрезвычайно ѣдкимъ, что, однакоже, скоро проходитъ.» При описаніи парафина г. Гребнеръ говоритъ, что онъ соединяется при растапливаніи съ саломъ, жиромъ, воскомъ, спермацетомъ и каннфолью; но не соединяется съ камфорою, нафталиномъ и варомъ. Здѣсь г. Гребнеръ употребилъ совершенно невѣрно терминъ «соединяется», потому что при растапливаніи парафина съ перечисленными жирными веществами не происходитъ никакого соединенія, а простое механическое смѣшеніе.

Вообще тотъ отдѣлъ руководства, гдѣ г. фонъ-Гребнеръ хочетъ объяснить химическіе процессы и на который онъ рассчитываетъ, какъ на высоко-ученую часть своего труда, болѣе ничего какъ слабая компиляція, неимѣющая никакой связи и ничего общаго съ слѣдующими отдѣлами сочиненія. Это два отдѣла нисколько не нужные одинъ для другаго, и до того непроницанные единствомъ мысли, что рѣшительно трудно понять для чего первые тринадцать страницекъ посвящены такому ученому вступленію и почему авторъ считалъ его необходимымъ, если не воспользовался научными положеніями для объясненія процессовъ гонки смолы, дегтя и скипидара. — Объясненіе этихъ

производство сдѣлано также просто, также не научно, какъ это дѣлалось, блаженной памяти, такими технологами какъ Фелькеръ. Но они были добросовѣстнѣе потому, что не карабкались на ходули учености, не маскировались не кстати поставленными химическими формулами, а описывали что они знали по просту, какъ Богъ положилъ на разумъ. Вотъ почему трудъ Фелькера былъ трудъ честный и останется такимъ.

Частое употребленіе стереотипныхъ фразъ о честности не принесло намъ особенной пользы и понятіе о честности не вышло у насъ оттого чище. Оно и ясно: — наша внутренняя работа идетъ еще вчера, и къ отдѣлкѣ подробностей мы не приступали. По этому мы нерѣшимся вытащить кошелекъ изъ чужаго кармана, но не краснѣя воспользуемся чужой идеей и не постыдимся выдать чужой умственный трудъ за свой собственный. Съ г. фонъ-Гребнеромъ случилось то-же нѣчто подобное. Вотъ маленькое доказательство справедливости нашего замѣчанія.

Читателямъ Русскаго Слова вѣроятно неизвѣстно, что наше вольное экономическое общество издавало нѣкогда Лѣсной Журналъ и что въ этомъ журналѣ, за 1849 годъ, была помѣщена статья г. Шелгунова подъ названіемъ: «о гонкѣ смолы въ смольной печи съ кожухомъ»; такую же печь описываетъ г. фонъ-Гребнеръ, подъ названіемъ: добываніе смолы въ четвероугольныхъ русскихъ печахъ. Мы нашли въ этихъ статьяхъ поразительное сходство; разумѣется тутъ можетъ быть случайность, но по всякомъ случаѣ до того замѣчательная, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать обѣ статьи въ параллели.

Описаніе г. фонъ Гребнера,
страница 34.

Печь съ кожухомъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: ящика *a*, (фиг. 9) и кожуха *b*. Основаніе ящика *c* имѣетъ видъ двухъ плоскихъ опрокинутыхъ пирамидъ, въ полтора аршина длины и такой же ширины каждая. Для вытеканія смолы изъ печи устраиваются въ вершинахъ пирамидъ два отверстія *d*, по одному въ каждой пирамидѣ. Продукты образующіеся при гонкѣ

Статья Лѣснаго Журнала, N° 39,
1849 года, страница 310.

Печь съ кожухомъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: ящика *a* и кожуха *b*.

Основаніе ящика *c*, въ видѣ двухъ плоскихъ опрокинутыхъ пирамидъ, въ три съ половиною фута длины и такой же ширины каждая.

Для вытеканія смолы изъ печи, устраиваются въ вершинахъ пирамидъ два отверстія *d*, по одному въ каждой пирамидѣ.

смолы вытекають черезъ отверстіе *d*, въ устьѣ колоды *e*, проходящей черезъ фундаментъ печи наклонно наружу.

Колоду *e* долбятъ изъ толстой сосны, такой емкости, чтобы вся смола, вытекающая изъ ящика, могла въ ней вмѣститься удобно. Вложенную колоду закрываютъ плотно широкою доской, чтобы образовать трубу и у наружнаго края ее, выставляющагося изъ основанія печи, просверливаютъ дыру отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ вершка въ діаметрѣ, для выпусканія смолы въ чанъ *g*. У наружнаго конца колоды устраивается деревянная, сбитая изъ досокъ труба *f*, служащая для отведенія газа, который, въ противномъ случаѣ, могъ бы замедлять вытеканіе смолы изъ печи.

Положивъ такимъ образомъ основаніе печи, начинаютъ возводить стѣны.

Внутренняя стѣна *h*, устраивается въ $2\frac{1}{4}$ аршина вышиною, а толщиною въ длину кирпича; до двухъ третей вышины своей стѣна эта идетъ вертикально и потомъ оканчивается нѣсколько съуживающимся сводомъ.

Продукты, образующіеся при гонкѣ смолы вытекають черезъ отверстіе *d*, въ устьѣ колоды *e*, проходящей черезъ фундаментъ печи наклонно наружу.

Колоду *e* долбятъ изъ толстой сосны, — такой емкости, чтобы вся смола вытекающая изъ ящика, могла въ ней вмѣститься удобно. Вложенную колоду закрываютъ плотно широкою доской, чтобы образовать трубу, и у наружнаго края ее, выставляющагося изъ основанія печи, просверливаютъ дыру въ одинъ дюймъ въ діаметрѣ, для выпусканія смолы въ чанъ *g*.

У наружнаго конца колоды устраивается деревянная, сбитая изъ досокъ труба *f*, служащая для отведенія газа, который, въ противномъ случаѣ, могъ бы замедлять вытеканіе смолы изъ печи.

Положивъ такимъ образомъ основаніе печи, — начинаютъ возводить стѣны.

Внутренняя стѣна *h* устраивается въ пять футовъ вышиною, а толщиною въ длину кирпича; до двухъ третей вышины своей, стѣна эта идетъ вертикально и потомъ оканчивается нѣсколько съуживающимся сводомъ.

Этому случайному сходству двухъ статей мы не приписываемъ особой важности; но все-таки думаемъ, что если авторъ пользовался разными источниками, то онъ не уронилъ бы нисколько свой трудъ указаніемъ этихъ источниковъ. Подобное указаніе тѣмъ болѣе важно, что въ русскихъ сочиненіяхъ по лѣсоводству пользуются нерѣдко трудами нѣмецкихъ лѣсныхъ технологовъ, не заслуживающихъ особаго довѣрія; но есть въ этомъ польза еще и другая, что читающій знакомится съ источниками и можетъ обратиться къ нимъ самъ, что можетъ быть иногда полезнѣе чтенія компіляціи. Изъ руководства г. фонъ-

Гребнера видно, что онъ вѣроятно не знакомъ съ компиляціей г. Гогенштейна — «Die Theer-Fabrikation für Forstmänner und Waldbesitzer. Wien. 1857.» г. Гогенштейнъ былъ нѣкогда въ Россіи, познакомился съ русскими способами добыванія смолы и съ русскими сочиненіями по этому предмету и, возвратившись домой, издалъ по этому предмету очень полное сочиненіе (260 стр. и 132 политипажа), куда вошло описаніе почти всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ способовъ добыванія смолы. Въ концѣ своего труда г. Гогенштейнъ приложилъ списокъ сочиненій, служившихъ ему пособіемъ; въ этомъ списокѣ можно найти и памятную книжку для офицеровъ корпуса лѣсничихъ, — которой пользовался также и г. Гребнеръ — и Газету лѣсоводства и охоты и Записки вольнаго экономическаго общества, Экономъ, Лѣсной словарь и названія двадцати шести нѣмецкихъ сочиненій. Гогенштейнъ не пускается нигдѣ въ химію, онъ чувствуетъ, что это не его мѣсто; но описываетъ просто печи и способы добыванія, не дѣлая никакихъ поясненій и выводовъ почему одинъ способъ лучше или хуже другаго и почему именно худой худъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Гогенштейна стоитъ безспорно выше руководства г. Гребнера, и по полнотѣ, по достоинству политипажей и по отсутствію желанія ввести описываемые способы во всеобщее употребленіе. Жаль, что г. фонъ-Гребнеръ не зналъ объ этомъ сочиненіи.

Руководство г. Гребнера можно раздѣлить на три части: первая — отдѣлъ химическій, о которомъ мы уже говорили; во второмъ, авторъ разсматриваетъ качество смолъ существующихъ у насъ въ торговлѣ: смолу красную, смолу-перегонъ, кубовую, обыкновенную черную, черную съ отстоемъ и, наконецъ, смолу недѣлянку. Здѣсь же онъ говоритъ о матеріалахъ, служащихъ для добыванія смолы. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ, какъ мы уже говорили, совершенно отступилъ отъ начатаго имъ способа изложенія предмета, здѣсь началось нехитростное изложеніе, и потому пошли попадаться слѣдующія выраженія, напримѣръ: красная смола отъ укорачиванія холодильныхъ трубъ, неуспѣвая слишкомъ *перегорать*, получаетъ желтовато-красный цвѣтъ; или: «смолокуръ съ этого времени ни болѣе ни менѣ какъ наблюдатель *стигн*, разлагающей *вещество*.»

Въ третьемъ отдѣлѣ описаны процессы гонки смолы, дегтя и скипидара; они описаны просто и безъ разъясненія химически, почему при одномъ процессѣ смола хуже, а при другомъ

лучше и какъ нужно вести производство, чтобы худой способъ сдѣлать хорошимъ. Что, напримѣръ, можно понять изъ подобныхъ объясненій? «И хотя добывается смола не высокихъ достоинствъ, но все-таки она имѣетъ свою цѣнность, и потому, при обугливаніи дерева въ кострахъ, нельзя не совѣтывать заботиться и о сборѣ смолы»; или — «что касается качества смолы — то они выше сортовъ, получаемыхъ по вышеизложеннымъ способамъ». А при описаніи круглой французской печи и совѣтъ не сказано какого достоинства и въ какомъ количествѣ получается смола.

Описываемые способы г. фонъ-Гребнеръ раздѣлилъ на *древнѣйшіе* и на *новѣйшіе*. Къ первымъ причисляетъ: сидку въ ямахъ, гонку въ обыкновенныхъ кострахъ, гонку въ горшкахъ и корчагахъ и сидку въ печахъ: французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Подъ рубрикой новѣйшихъ способовъ описаны: сидка смолы въ чугунныхъ котлахъ, въ вертикальныхъ кубахъ и въ казанахъ, или въ кубахъ лежачихъ.

Способы эти описаны достаточно полно и ясно и полнѣе, если не отличаются особенной чистотой, то на столько удовлетворительны, что дозволяютъ понять вполне въ чемъ дѣло.

Последній отдѣлъ руководства посвященъ описанію скипидарнаго производства, и здѣсь въ химической части его попадаютъ описанія ретинафта, ретинила, ротиноля и метонафталина; описанія нѣсколько не связанные съ изложеніемъ самаго процесса добыванія скипидара. Эта слабость автора, т. е., желаніе щегольнуть химическими формулами и не всегда вѣрными химическими терминами, много вредитъ кредиту всего руководства. Будь это сочиненіе изложено просто, отъ него бы и не требовалось много; но когда авторъ высказалъ желаніе ввести во всеобщее употребленіе новѣйшіе, болѣе усовершенствованные методы смолокурения и счелъ нужнымъ изложить сущность процесса сухой перегонки, то не слѣдовало ограничиваться коротенькими выписками изъ Химіи о веществахъ, въ настоящее время еще не вполне изслѣдованныхъ; а нужно было разъяснить химически и разницу одного процесса отъ другаго и указать способы для улучшенія менѣе рациональныхъ методовъ. — Безъ этого руководство г. фонъ-Гребнера вышло компиляціей, лишенной внутренняго единства и нельзя не пожалѣть еще разъ, что автору было неизвѣстно «Die Theer-Fabrikation» Гогенштейна.

Н. Л.

6*

Категорическая классификація воззвней. Сочиненіе доктора медицины Росновскаго. Санктпетербургъ. 1859. in-8°. IV и 187 стр.

Непріятно писать рецензію плохой книгѣ; скучно, досадуетъ за убитое время, жалѣешь о необходимости разочаровать бѣднаго автора на счетъ достоинства его произведенія. Но верхъ непріятности рецензировать такую книгу, какою подарилъ русскую публику докторъ медицины Росновскій. Такой книги не только не слѣдуетъ покупать и не слѣдуетъ читать, ея не слѣдовало бы даже печатать, не слѣдовало бы и писать. И мы не читали бы ея, если бы на рецензентѣ не лежала обязанность имѣть въ виду не столько свою пользу, сколько пользу читателей, и предостерегать ихъ, чтобы они бросивши деньги въ воду не попали въ западню, не попали бы въ такое же безвыходное положеніе, въ какое докторъ Росновскій ставитъ и критиковъ и рецензентовъ своего сочиненія. Мы послушались бы совѣта нашего пріятели, который утверждалъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. Въ большей части случаевъ это справедливо, говорили мы; однакожъ есть правила, рѣшительно недопускающія ни малѣйшихъ исключеній. — А, напримѣръ? спросилъ нашъ пріятели съ какою-то насмѣшливою и самоувѣренною улыбкою. — Да вотъ хоть это, что всякое дѣло слѣдуетъ начинать съ начала. — Да, слѣдовало бы, отвѣчалъ онъ, но не всегда слѣдуетъ, потому что иногда полезнѣе начать съ конца. И онъ подаль намъ категорическую классификацію доктора Росновскаго. — Вотъ вамъ и доказательство, продолжалъ пріятели нашъ; если вы начнете читать эту книгу съ конца, то уже на *третьей* страницѣ вы увидите, что авторъ, несколько не стѣняясь, ругается, называетъ своихъ критиковъ и рецензентовъ *скоморохами*, и такимъ образомъ даетъ вамъ право бросить его книгу на третьей же страницѣ. Если же вы начнете читать книгу съ начала, то вы придете къ тому же результату и убѣдитесь, что этой книги не слѣдуетъ читать и не слѣдовало бы писать, но убѣдитесь въ томъ только на *пятой* страницѣ. Но въ первомъ случаѣ вы въ правѣ бросить книгу на третьей страницѣ, а во второмъ только что на пятой; *ergo*..... Что было сказать противъ такихъ аргументовъ? Оставалось повѣрить на самой книгѣ, нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь недоразумѣній. Ничуть; авторъ начинаетъ браниться съ пятой страницы и кончаетъ ругаться на 125-ой, третьей отъ конца. И ругаетъ онъ не только критиковъ прошедшаго, настоящаго и будущаго времени, которые

къ несчастію не согласились бы съ умозрѣніями автора, но бранить и васъ, читатель, такъ-таки и ругаетъ. Вы не вѣрите? Вы скажете, что мы, можетъ быть, нашли какую-нибудь опечатку, обрадовались ей и поставили ее въ вину автору; скажете, что тутъ кроется какое-нибудь недоразумѣніе. Мы такъ и думали и обратились къ послѣдней страницѣ книги; но тамъ, подъ рубрикою ошибки — обозначены только двѣ опечатки и затѣмъ сказано: *друія, не значительныя, исправлять, сами читатели.* Видите ли вы, читатель, это несчастное, непрошенное, затесавшееся сюда зловердное *Л*? Это опечатка, скажете вы, и мы съ вами согласны; но если это опечатка, и притомъ принадлежащая не Русскому Слову, а произведенію доктора Росновскаго, то никакъ нельзя назвать опечаткой бранное слово, отпечатанное цѣликомъ, разборчивымъ шрифтомъ, и сопровождаемое приличными приложениями. И такими словами усѣяна вся книга любезнаго доктора. Тутъ не можетъ быть недоразумѣній. Вы все еще сомнѣваетесь, такъ послушайте, въ чемъ дѣло, но не выслушавши, не покупайте книги, въ которой кромѣ брани вы ничего не приобретете. Довольно и того, что брань досталась на долю невольнымъ читателямъ доктора Росновскаго, критикамъ и рецензентамъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 1857 г. лѣкаръ Росновскій написалъ, напечаталъ и защитилъ свою докторскую диссертацию: *De classificatione morborum*, диссертацию ужасающаго объема, 261 страница убористой печати. Мы не желали покупать этой книги, но насъ *упросили*; мы купили, но, сказать правду, не читали ее. Диссертация была написана на такую тему, которая, будь принципы автора ясны и вѣрны, не требовала многословія; ясное дѣло всегда говоритъ само за себя. Мы заподозрили пользу книги и не читали ее; можетъ быть, мы были несправедливы къ доктору Росновскому, но дѣло въ томъ, что мы не были обязаны читать ее, потому что трудъ рецензировать ее вынаѣ на долю другимъ труженикамъ. Само собою разумѣется, что спеціальныя журналы не могли оставить безъ вниманія диссертацию ученаго доктора. Рецензенты прочитали ее и нашли невозможнымъ согласиться съ положеніями автора; не могли убѣдиться въ превосходствѣ его классификаціи, и заподозрили незыблимость ее уже потому, что авторъ выводитъ ее *a priori*; не могли допустить, чтобы симптомъ, припадокъ болѣзни былъ болѣзнію, и проч., и проч. Одинъ изъ рецензентовъ рѣшился даже сказать, что писать о классификаціи болѣзней въ 1857 году значило

грѣшить анахронизмомъ. *Indeira*. Докторъ Росновскій, и теперь еще утверждающій съ самоувѣренностію (стр. 151), что классификація его лучше всѣхъ доселѣ предложенныхъ, разсердился не въ шутку; мало того, что разсердился, онъ разсвирѣпѣлъ; мало того, что разсвирѣпѣлъ, онъ взбѣсился, да и какъ еще. Онъ начинаетъ тѣмъ, что классифицируетъ всѣхъ петербургскихъ медиковъ — насылилъ ему крѣпко петербургскіе медники — на восемь разрядовъ по ихъ достоинству, и мѣриломъ этого достоинства беретъ русскую звонкую монету; пятачекъ, гривенникъ, пятналтынный, двугривенный, полтинникъ, рубль, полумперіалъ и имперіалъ; а въ распредѣленіи медиковъ по этимъ разрядамъ докторъ соображается съ тѣмъ, въ какой степени его собраты, критики, даже читатели согласны или не согласны съ его мнѣніями (стр. 5). Вы совершенно согласны со мною, говоритъ онъ; да вы прелюбезный, предорогой, презолотой человекъ, вы — имперіалъ. А вы, милостивый государь, вы кажется не понимаете меня? Ну, вы того.... это ужъ и видно; вы нахватились уму-разуму на мѣдныя деньги; вы, сударь, просто *пятачекъ*. Какъ, пятачекъ! Да такъ, пятачекъ. Положеніе критика, какъ вы видите, и читателя незавидное и, что хуже всего, безвыходное. Вы бы желали, читатель, разойтись миролюбиво съ авторомъ и готовы согласиться съ нимъ для виду, но и тутъ запятая. Вы согласились для виду, да вѣдь и онъ намекнулъ объ имперіалѣ только для виду, а самъ онъ себѣ на умѣ, и готовъ васъ озолотить только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы были и лучше и искуснѣе его, а иначе, не прогнѣвайтесь, туда же, — въ пятачки или гривенники. И хорошо, если бы этимъ и покончились выходки и неприличное обращеніе доктора, но нѣтъ; лучшее впереди. Далѣе онъ просто *ругается*.

Докторъ Росновскій, ругаясь, не забываетъ однакожъ защищать свою классификацію; но какъ онъ ее защищаетъ, всемогущіе боги! Мы не будемъ подробно разбирать его книгу; игра не стоила бы свѣчъ; въ книгѣ нѣтъ ничего хорошаго, нѣтъ ничего поучительнаго, кромѣ очевиднаго доказательства, что между ученостію и образованіемъ можетъ лежать иногда бездонная пропасть. — Понытавшись, но безуспѣшно, опровергнуть извѣстнаго нѣмецкаго доктора Лотце, котораго онъ называетъ Ліотце, сомнѣвающагося въ пользѣ и состоятельности всѣхъ вообще патологическихъ классификацій, авторъ выставляетъ, какъ главнѣйшее достоинство своей собственной, то, что она выведена *a priori*, а не *a posteriori*, не на основаніи фактовъ,

которыя, кажется, также ненавистны ему, какъ и афоризмы (стр. 95). Авторъ берется доказать, что симптомъ, т. е., припадокъ болѣзни, явленіе, указывающее на присутствіе болѣзни, есть болѣзнь. Такимъ образомъ, синева ногтей, дурной запахъ изъ рта, усики у женщинъ, гусиная кожа при ознобѣ, непріятный вкусъ во рту, запахъ пораженныхъ гангреною частей, урчаніе (въ значеніи звука) въ животѣ, осунувшееся лице умирающихъ, — все это болѣзни, включенныя и поименованныя въ его классификаціи. Защищая это положеніе, онъ не понимаетъ, говоритъ онъ, зачѣмъ бы хромотѣ не быть болѣзнію, когда нехромота представляетъ здоровье; онъ не понимаетъ разницы между расположеніемъ къ болѣзни и самою болѣзнію. По его мнѣнію симптомъ — болѣзнь, потому что если отъ болѣзни отнять всё симптомы ея, то отъ болѣзни ничего не останется.

Ученѣйшій докторъ не понимаетъ, что это нелогично; да и мало ли, чего онъ не понимаетъ? Онъ не понимаетъ важности фактовъ; микроскопія для него мнѣт или американская утка, и онъ остроумно называетъ ее *моллоидъ*; онъ не понимаетъ Биша, сказавшаго, что жизнь есть совокупность функций, противоборствующихъ смерти; онъ не понимаетъ афоризма: *febris est umbra morbi*; не понимаетъ нелѣпости лѣчить симптомъ болѣзни. Докторъ Росновскій говоритъ или о томъ, о чемъ будутъ говорить и послѣ него сотню лѣтъ, не получая никакого окончательнаго результата; или онъ повторяетъ то, что уже сложено въ архивъ, какъ дѣло рѣшенное, или уже принято къ свѣдѣнію. А какое чудное, необычайное изложеніе! Вся книга представляется настоящимъ *tutti-frutti*, чего хочешь, того просишь; не найдется въ ней развѣ только птичьяго молока.— Вулканъ, Юпитеръ, Минерва, бородобрѣй Паре, *балагуръ* Сократъ, Кузьма, Демьянъ, Петръ, Павелъ, Ньютонъ, Гете, портные и сапожники, Наполеонъ, профессоръ логики Карповъ, охтенскіе огородники и *огородники кругомъ Волкова поля*; *Куломбъ*, открывшій Америку; персидскій царь Ксерксъ, раздѣлившій свое войско на *десять стоилъ*, *знаменательный ерчикъ* того же профессора Карпова, Ломоносовъ, Хемницеръ, Сперанскій, Сибирь, Дунай, Днѣпръ, Рейнъ, Оріонъ, Сириусъ, Шиллеръ, неаполитанскіе *лэзарони*, уланы, *селитреродъ*, головы сахару и капусты, — все это, перемежаемое съ сотнею различныхъ медицинскихъ цитатъ, приводится авторомъ для поясненія и подтвержденія его положеній. Чего бы тутъ недоставало? Авторъ говоритъ и объ маслѣ,.... можно было бы потребовать блиновъ.... Что же? есть и блѣны, есть и *Гатомъ*

qué qu'est qu'ça. Не вѣрите? Мы выписываемъ цѣликомъ это казусное мѣсто:

«... Медицинѣ нужны факты, факты, и еще разъ факты.

«Такъ, можетъ быть, готовъ отозваться который-либо изъ моихъ читателей. Я бы воспользовался случаемъ и спросилъ: что такое факты? что такое фактъ?»

«Въ самомъ дѣлѣ, что такое фактъ?»

«Не блины ли?»

«Не любовь ли?»

«*Qu'est-ce que c'est que l'amour?* Что такое любовь? Подите на Михайловскій театръ и посмотрите, хорошъ ли тамъ фактъ, или не-фактъ любовь?»

«Откуда взялось въ Русской рѣчи слово: фактъ? Оно не Русскаго корня. Оно, увѣряютъ, не Норманскаго и не Целтійскаго корня. Когда мальчикомъ я заучивалъ Нѣмецкіе вокабулы, я узналъ, что Нѣмцы передаютъ фактъ словомъ *Thatsache*. Странно, что съ тѣхъ поръ, когда произнесу слово *Thatsache*, мнѣ, какъ ни сопротивляюсь, лѣзетъ на языкъ заученное въ дѣтствѣ другое слово, именно — *Tasche*. Отъ того ли, что оба слова начинаются съ буквы *T*? Вы не взыщите за мои воспоминанія; да и чѣмъ живемъ мы всѣ, ежели не воспоминаніемъ. О будущемъ говорить нечего, и покамѣстъ не зачѣмъ; настоящее, какъ на примѣръ водевилъ трехъ Парижскихъ водевиллистовъ: *L'amour, qué qu' c'est qu' ça?* видѣли вы и я; и такъ какъ вы знаете, что такое фактъ, то позвольте еще....»

И такъ далѣе. И все это *tutti-frutti* перемѣшано, какъ мы уже сказали, съ сотнею различныхъ медицинскыхъ цитатъ, переведенныхъ, какъ выражается авторъ, *дословно*, и поясненныхъ — тамъ, гдѣ приходится употребить терминъ затруднительный, по мнѣнію автора, или для перевода на русской языкъ, или для понятій читателя, — приложеніемъ оригинальнаго текста. Употребляя, на примѣръ, выраженія: логическій педантизмъ, натура, классификація, физика, процессъ, эмпирическій и т. п., онъ за каждымъ ставитъ въ скобкахъ оригинальное слово: *logische Pedanterie, Natur, Klassifikation, Physik, Process, empirisch*, и пр. Любитель такой необычайной ясности, авторъ не прочь однакожъ и отъ того, чтобы гдѣ нужно, преднамѣренно или нѣтъ, подпустить туманцу. Классифицируя болѣзни, авторъ долженъ, разумѣется, опредѣлить болѣзнь, а чтобы опредѣлить болѣзнь, это видоизмѣненіе жизненной дѣятельности, ему необходимо опредѣ-

лить, что такое жизнь. И вотъ этотъ перлъ ясности, эта основа, на которой воздвигнуты умозрѣнія доктора Росновскаго:

Сказавши, что важнѣйшія три явленія, которыми организмы отличаются отъ тѣлъ неорганическихъ: способность произрождать подобныя себѣ организмы; ограниченное во времени существованіе ихъ; зависимость отъ пособій, получаемыхъ ими отъ окружающаго міра, авторъ продолжаетъ такъ: «Хотя изъ приведенныхъ явленій каждое порознь, уже само по себѣ, достаточно обозначаетъ и опредѣляетъ организмы, но всѣ три вмѣстѣ, совершенно ограничиваютъ область существъ неорганическихъ отъ органическаго царства. *Между ними самое главное есть третье явленіе: ибо когда первое, указывая на способъ происхожденія организмовъ, относится къ прошедшему времени; когда второе, представляя ихъ кончину, имѣетъ въ виду будущее время; тогда помянутое послѣднее явленіе совершается въ настоящемъ, т. е., длится не прекращаясь, и подобно наукѣ, то есть знанію (абсолютному разумѣется), есть вѣчнымъ, то есть безпереходно настоящимъ и постояннымъ, и поэтому явленій прошедшаго времени указателемъ, будущаго же источникомъ.* Передавая это явленіе словами сказалъ я, что организмы пособія окружающаго міра, въ которыхъ слѣдовательно нуждаются, обращаютъ въ свою пользу, то есть, какъ это по необходимости слѣдуетъ, имѣютъ свою собственную цѣль, и своей собственной цѣли достигаютъ собственной дѣятельностію. Усвоивать себѣ эти пособія, такъ сказать покорять ихъ себѣ, и покоряя пользоваться ими, это въ языкѣ всѣхъ народовъ выражается словомъ — *жить*, и я называю жить; этотъ актъ усвоенія и пользованія языкъ называетъ *жизнію*, и я называю *жизнію*. *И такъ жизнь есть такое дѣйствіе, посредствомъ котораго дѣйствитель преслѣдуетъ не чужую, но свою собственную цѣль, или, сокращая опредѣленіе, жизнь есть дѣйствіе (родъ) автотелесматическое (признакъ видовой).*»

Вы можете быть скажете, читатель, что это опредѣленіе не совсѣмъ ясно, что васъ какъ-то пугаетъ это автотелесматическое дѣйствіе? — Э! да вы, милостивый государь, отвѣтитъ вамъ докторъ Росновскій, вы, сударь пятачекъ! Если вы не понимаете такого пустяка, такой книги, не понимаете сочиненія доктора Росновскаго, то съ вами и словъ не стоитъ тратить! Чего пугаются они (читатели и рецензенты)? говорить докторъ «*Витъ*» категорія — это такбе вервіе простое, такое простиныкое, что проще и придумать нельзя. Это вервіе, которое пока цѣло, то медика

Пятачка называютъ только пяточкомъ; лопни оно, лопни это простое вервие, и медикъ Пятачекъ — даже не пятачекъ (стр. 67).» «Вы добряки (стр. 126)! Если бы вы не были такъ близоруки, вы бы увидѣли, сколько въ нашемъ сочиненіи неподдѣльной скромности (!). Конечно мы знали наше достоинство, потому что мы узнали и измѣрили наше разстояніе отъ — нуля (стр. 155). Сидите дома, пятачекъ, чтобы исторія не подкосила вамъ ногъ. Вы, кажется, больны (стр. 70)?» — Но бѣда вамъ, читатель, если бы вы осмѣлились сказать, что вы не согласны съ мнѣніями и воззрѣніями доктора! «Да, вы сударь, *скоморохъ* (стр. 185)! Вы, сударь, *журнальный сверчокъ* (стр. 173)! Вы *добровольный критикъ* (стр. 43)! Чего вы хотите отъ меня? *Чего хотятъ въ Медицинѣ и отъ Медицины, эти критики-попуган*, (стр. 156)? *Открывали: фактовъ. Что такое факты? Открывали: хе, хе, хе!* Вы нищѣ! Мнѣ бы слѣдовало презирать васъ, но я далъ клятву общему пращуру Иппократу — во всякомъ пѣзъ васъ видѣтъ брата: я сожалѣю о васъ (стр. 154).» — И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ нашъ докторъ Росновскій. «*Для такихъ критиковъ, говоритъ онъ, нужны аргументы ad posteriora. Miotly, miotelki tam.* (Метлы, метелки! — старая польская комедія; стр. 153).» О! душка!

Вы видите, какъ любезенъ докторъ Росновскій. И былъ бы еще любезнѣе, если бы онъ не пугнулъ насъ, и чѣмъ еще? — «*Я не теряю надежды, говоритъ онъ, что болѣе благоприятныя обстоятельства, раньше или позже, дозволятъ друному врачу, или, при совокупности труда, которой пользы я никогда не отрицалъ, друнымъ врачамъ, сочинить общую и частную патологию по основаніямъ моей системы.*» (О! боги!) «*Когда и гдѣ совершится это, мнѣ неизвестно (sic); но совершится непременно (О! боги!). Если отвернутъ мою систему окружающіе меня собраты (sic), она найдетъ пріютъ въ какомъ-нибудь уголкѣ остальной Европы (О! боги!); если не въ Европѣ, то, хотя бы очень поздно (sic), тамъ, гдѣ растетъ александрійскій листъ, или тибетанскій корень.*» — И съ Богомъ, лишь бы не въ Европѣ. Мы даже готовы сами поручиться автору въ томъ, что когда-нибудь какая-нибудь статсъ-дама мароккаго императора прочтетъ, пойметъ наконецъ прелесть категорической классификаціи доктора Росновскаго, и напишетъ къ ней какой-нибудь прологъ и эпилогъ. Но пока совершится это, мы считаемъ необходимымъ сказать на прощаніе нѣсколько словъ доктору Росновскому.

Мы не знаемъ, докторъ, вашей личности; не знаемъ обстановки ея; мы не предлагаемъ вамъ вопроса: *dis moi qui tu hantes,*

je te dirai qui tu es. Этотъ вопросъ совершенно удовлетворительно разрѣшается вашимъ сочиненіемъ, которое нисколько не возбуждаетъ въ насъ желанія ближе ознакомиться съ вашею сферою. Мы не знаемъ, приличны ли тамъ, въ вашей сферѣ, употребляемыя вами выраженія и подобное вашему обращеніе. Мы не можемъ объ этомъ судить. Можетъ быть оно тамъ и нужно такъ. Но вамъ показалось тѣснымъ въ вашей сферѣ; вы захотѣли выглянуть на свѣтъ, явиться въ образованное общество, и явились съ вашею книгою. И съ этой минуты вы ужъ виноваты. Вы должны были сообразить, что всякой классъ общества имѣетъ свои понятія о приличіи; что рекомендуясь образованнымъ людямъ, нельзя являться въ общество по домашнему, въ халатѣ или базухонѣ. Если у васъ, тамъ, позволительно и прилично ругаться, то это считается невѣжливымъ между образованными людьми. И у насъ возникаютъ споры, прѣнія; и между нами стоятъ до упаду за свои убѣжденія, спорятъ пылко, но не ругаются. Если рецензенты вашей диссертациіи огорчили васъ, плачьте, приходите къ намъ съ вашими слезами; между нами найдутся добрые люди, которые утѣшутъ васъ. Вамъ досадно?—Что-жь дѣлать? Пересильте это чувство; оставьте безъ вниманія выходки и нападки критиковъ, если дѣло ваше мало-важно или ясно какъ день; если же оно важно, или въ немъ замѣшаны интересы науки или общества, то отвѣчайте съ достоинствомъ человѣка, сознающаго достоинство и того дѣла, за которое онъ стоитъ, и свое собственное; защищайтесь, но не сердитесь.—Ты сердился, Юпитеръ, слѣдовательно ты не правъ.—Если, наконецъ, вы черезъ-чуръ пылки, то посердитесь, но не бранитесь; не ругайтесь, а гѣчитесь на основаніи вашей же классификаціи. Если бы даже рецензенты ваши поступили съ вами такъ, какъ вы обращаетесь теперь съ ними, то и въ такомъ случаѣ обращеніе ваше неприлично. Вамъ и въ этомъ случаѣ слѣдовало отвѣчать съ достоинствомъ, и вы получили бы тогда на защиту вашу адвоката, предъ которымъ ничтожны всѣ ваши громы, будьте вы самъ Зевесъ-громовержецъ; на вашей сторонѣ стало бы общественное мнѣніе, и оно казнило бы прерѣніемъ человѣка, который позволилъ себѣ, въ дѣлѣ науки и общечеловѣческой пользы, говорить лицепріятнымъ языкомъ простонародной распри. Но ни въ какомъ случаѣ вамъ не слѣдовало браниться. Брань неприлична, и унизительна для васъ. Вы заслуживали бы сожалѣнія, если бы ваша брань только унизила ваше дѣло, если бы она только унизила васъ самихъ. Но

вы оскорбили общество образованныхъ людей, на судъ которыхъ вы явились съ вашею книгою. И не думайте, чтобы вы оскорбили его вашею бранью. Ваша брань такъ далеко не залетаетъ. Но общество оскорблено вашимъ присутствіемъ, присутствіемъ челоуѣка, способнаго выразаться между образованными людьми такъ, какъ вы выражаетесь. Вы забыли всякое уваженіе къ обществу, и потому не погнѣвайтесь, если образованные люди замѣтятъ вамъ, что пока вы не получите болѣе вѣрныхъ понятій о свѣтскомъ приличіи, вамъ не мѣсто между ними. — Подайте шляпу господину доктору Росновскому!

Гальвано-терапия, или лечение гальванизмомъ болѣзней мышечной и нервной системъ. Обработалъ по Ремаку *Оскаръ Ковалевскій*, докторъ медицины, членъ обществъ императорскаго вольнаго экономическаго и русскихъ врачей въ С. Петербургѣ. Съ двумя чертежами. С. Петербургъ. 1859 г. in-8°. X и 97 стр.

Исторія открытій и приложенія ихъ на пользу челоуѣчества представляетъ замѣчательныя, рѣзкія различія въ судьбѣ ихъ. Въ однихъ случаяхъ едва только успѣетъ сложиться въ умѣ какая-нибудь полезная мысль, какъ ей уже даютъ примѣненіе; она разрабатывается съ жаромъ другими умами и получаетъ наконецъ всемірное значеніе. Съ другими открытіями судьба обходится словно мачиха. Разсудокъ говоритъ, что открытіе полезно, нѣсколько опытовъ подтверждаютъ это; но опыты и результаты принимаются къ свѣдѣнію, и только. Являются по временамъ поборники новой истины, опыты и наблюденія умножаются, сфера новыхъ свѣдѣній расширяется, но настоящая точка зрѣнія, настоящій путь, которымъ бы слѣдовало идти для разработки сдѣланнаго открытія и для приложенія его къ общественной пользѣ, какъ-то не дается. И въ такомъ застоѣ проходятъ годы, десятилѣтія, столѣтія, пока открытіе получаетъ наконецъ надлежащее научное примѣненіе.

Такая судьба постигла и открытіе Гальвани съ медицинской точки зрѣнія. И странное дѣло! открытіе сдѣлано врачомъ — физиологомъ; слѣдовательно, естественнѣе всего было ожидать, какъ кажется, что открытіе будетъ разработано преимущественно въ физиологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Ничуть не бывало. Медицинское употребленіе открытаго видоизмѣненія электричества оставлено было, сравнительно, безъ вниманія; блеснувши подобно метеору въ хаотической сферѣ тогдашней медицины, это открытіе не имѣло особенныхъ резуль-

татовъ, не смотря на то, что важное значеніе гальванизма въ животной экономіи было такъ очевидно, даже въ глазахъ людей незнакомыхъ съ медициною. Физиологи говорили, правда, объ аналогіи между гальваническимъ токомъ и нервнымъ, допускали даже тождество ихъ; врачи упоминали о полезномъ дѣйствіи гальванизма въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ; но всѣ эти наблюденія были поверхностны, не полны, отрывочны и, принимая въ соображеніе неоспоримое соучастіе электрическихъ токовъ во всѣхъ жизненныхъ процессахъ животнаго организма, — въ высшей степени неудовлетворительны и даже ничтожны. Только въ новѣйшее время обратились съ усиленною, методическою дѣятельностію къ изученію новой отрасли медицинскихъ знаній. Явились Гумбольтъ, Фафъ, Риттеръ, Эрманъ, Маттеуччи, Нассе, Мюллеръ, Валентинъ, Гераръ, наконецъ Дубоа-Реймонъ, начертавшій законы животнаго электричества, и Ремакъ; но поприще, на которое они выступили, было до такой степени неразработано, представилось столько неразрѣшенныхъ еще вопросовъ, что, не смотря на всѣ усилія этихъ корифеевъ науки, собранные и выведенные ими факты хотя и сложились въ систематическое цѣлое, науку — гальвано-терапію, по ученію это и до сихъ поръ еще находится въ періодѣ младенчества.

Какъ бы то ни было, однакожъ иностранные ученые трудились, — рано или поздно, много или мало, — надъ темою, предложенною имъ Гальвани; но отечественная медицина не можетъ указать ни одного достойнаго вниманія факта, доказательства своего соучастія въ этомъ дѣлѣ науки. Во всей медицинской отечественной литературѣ не было ни одной книги, ни одной статьи, сколько нибудь замѣчательной по этому предмету, пока наконецъ докторъ Ковалевскій не пополнилъ этого пробѣла, на всегда связавъ свое имя съ исторіею гальвано-терапіи въ Россіи, изданіемъ цѣлаго ряда сочиненій о животномъ электриствѣ.

(Объ электриствѣ и методическомъ его примѣненіи къ врачевнымъ цѣлямъ, 1858 г.; О мѣстной фардизаціи по способу Дюшенна, 1857 г.; Электрофизиологія мышечной системы, 1857.)

Мы, русскіе, еще молоды, говорятъ патріоты, извиняющіе отсталость, всюду выглядывающую изъ подъ мишуры наружной блестящей обстановки; извиненіе плохое, особенно въ виду того монументальнаго опроверженія, которое въ скоромъ времени воздвигнется на торжищѣ Новгорода, чтобы возвѣстить тысячелѣтнюю давность нашихъ стремленій и вѣрованій на пути къ достиженію общечеловѣческой цѣли. Допустимъ даже, что мы

молоды для самостоятельной реформы, для самостоятельного прогресса по нѣкоторымъ отраслямъ человѣческихъ знаній; но тамъ, гдѣ дѣло уже сдѣлано другими, это извиненіе уже странно, не логично. Что мѣшаетъ брать хорошее тамъ, гдѣ его видишь и находишь! Гдѣ корень этого зла? Не въ молодости и не въ старости, не въ бездарности русскаго человѣка, смышленнаго, перепичиваго и богатаго принципами добра. Нѣтъ; причину всему какой-то столбнякъ, напущенный на даровитую русскую натуру; тотъ столбнякъ, который побудилъ одного остроумнаго французскаго писателя искать подобія судьбъ Россіи въ народной сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ, сиднемъ сидѣвшаго тридцать три года, пока не пробудилъ его къ дѣятельности и подвигамъ вызывающій дерзкій свистъ могучаго соловья-разбойника. — И все это, скажутъ намъ, по поводу монографіи Ремака, обработанной докторомъ Ковалевскимъ? О нѣтъ! Дѣло еще проще; вся эта филиппика — по поводу несчастной кабинетной электрической машины, которою замѣняли, не болѣе пяти или шести лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ обширѣйшихъ гражданскихъ больничныхъ заведеній Петербурга, индуктивные электрическіе аппараты, въ то время, когда эти снаряды были уже во всеобщемъ употребленіи по заграничнымъ больницамъ. Чѣмъ бы мы могли извиниться въ глазахъ иностраннаго врача, который бы увидѣлъ эту смѣшную по времени процедуру? Скажутъ, что за бѣда, пускай бы смотрѣлъ себѣ, вѣдь это пустяки! Пустяки, — это такъ, но отъ этихъ пустяковъ становится страшно на душѣ, когда подумаешь, что вездѣ и все, отъ великаго до малаго, отъ государственныхъ учреждений до малѣйшихъ бездѣлицъ, говорить о необходимости реформы, о возможности лучшаго порядка вещей. Исправлять такъ много, а времени такъ мало, и бѣжить оно такъ быстро, а съ нимъ идутъ впередъ такъ быстро старѣйшіе наши братья — человѣки! Пустяки, такъ покончимъ же это отступленіе, эту вспышку сдержанной хандры вопросомъ о пустякѣ: неужели и теперь, когда докторъ Ковалевскій ознакомилъ отечественную медицину съ современнымъ состояніемъ гальвано-терапии, когда въ Петербургѣ уже устроены, а въ Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ должны скоро устроиться при военныхъ госпиталяхъ электро-терапевтическія отдѣленія, — этотъ прогрессъ ограничится военною сферою? Если бы не опытъ прошедшаго, мы не позволили бы себѣ считать такое предположеніе слишкомъ отважнымъ.

Ремакъ, котораго имя упоминается вездѣ, гдѣ только чи-

тается, говорится или пишется о галвано-терапии, и который долгое время ограничивался только отрывочными, и разбросанными по различнымъ английскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ журналамъ, статьями о примѣненіи имъ галваническихъ постоянныхъ токовъ къ терапии, издалъ, наконецъ, въ 1858 г., описание своей методы лѣченія: «Galvanotherapie der Nerven- und Muskelkrankheiten, Berlin.» Докторъ Ковалевскій перевелъ и обработалъ эту монографію, поясняя тѣ мѣста, въ которыхъ Ремакъ случайно или преднамѣренно становится темнымъ. Ремакъ *отказался* сообщить точное описание употребляемаго имъ снаряда механику Сименсу, которому докторъ Ковалевскій поручилъ приготовленіе такого же аппарата и который уже прежде устраивалъ его для Ремака. Въ монографіи своей Ремакъ держится той же эгоистической методы и сообщаетъ весьма неудовлетворительное описание своего снаряда. Однакожъ, доктору Ковалевскому удалось добыть точную модель прибора отъ брата этого механика, живущаго въ Петербургѣ, и даже усовершенствовать снарядъ, такъ, что при помощи новаго коммутатора, устроеннаго Эльснеромъ, можно получать токи трехъ родовъ: удары *закананія* цѣпи (*Schliessungsschläge*); удары *размыканія* цѣпи (*Oeffnungsschläge*) и, наконецъ, тѣ и другіе по-переменно; этотъ коммутаторъ даетъ, сверхъ того, возможность превращать по произволу разнополярные индуктивные токи въ однополярные. Чертежи, приложенные г. Ковалевскимъ къ тексту, какъ нельзя лучше объясняютъ устройство всего прибора. Помощію этой батареи можно получать слѣдующіе токи: 1) неизмѣнно-постоянные галваническіе токи, постоянные по силѣ и теченію; 2) *измѣнчиво-постоянные* токи, непостоянные по силѣ, но непрерывающіе своего теченія; 3) прерывистые галваническіе токи съ перемежающеюся по желанію быстротою; 4) индуктивные токи галвано-магнитной индукціи при посредствѣ снаряда Дюбуа, присоединеннаго къ батарее Реймона.

Описавши усовершенствованный имъ снарядъ, докторъ Ковалевскій переходитъ къ изложенію, по Ремаку, оцѣнки терапевтическаго дѣйствія постоянныхъ токовъ и индуктивныхъ, между которыми Ремакъ, вопреки убѣжденію Ковалевскаго, отдаетъ рѣшительное и исключительное преимущество постоянному току, какъ по легкости, быстротѣ, такъ и по цѣлебности его дѣйствія. Показанія къ употребленію галваническаго тока у Ремака немногочисленны: параличи, хроническія воспаленія мышцъ, сухожильй, надкостной плевы и подреберной, нервовъ, черепнаго

мозга и спинного; хроническія и острыя воспаленія суставовъ большія воспалительныя опухоли; нѣкоторыя судорожныя болѣзни: отраженныя судороги (*Reflexkrämpfe*), судороги плечевъ; *заиканіе*, особенно у молодыхъ людей (и при томъ съ *рышительнымъ успѣхомъ*). Ремакъ утверждаетъ, что едва ли существуютъ какія-либо противопоказанія, въ собственномъ смыслѣ слова, къ врачебному употребленію гальваническаго электричества (!), потому что даже при лихорадочномъ состояніи можно употребить токи столь слабыя, что они, не дѣйствуя на кровеносную систему, окажутъ однакожъ свое дѣйствіе на мѣстную болѣзнь. Изложивши довольно подробно сущность физиологическихъ дѣйствій гальваническаго тока по Ремаку, Ковалевскій прилагаетъ тридцать случаевъ лѣченія гальваническимъ электричествомъ, взятыхъ изъ монографіи Ремака, и *одинъ* изъ собственной своей практики. Въ заключеніе, къ книгѣ приложена форма дневника для электрическаго лѣченія.

Если бы не эти исторіи болѣзней, излѣченныхъ гальванизмомъ, мы бы ужъ покончили съ рецензіей монографіи Ремака, но прочитавъ ихъ невольно приходишь въ недоумѣніе и спрашиваешь себя, съ какою цѣлію онѣ приложены? Единственное заключеніе, которое можно повидимому вывести изъ нихъ, состоитъ въ томъ, что гальвано-терапия полезна во всѣхъ случаяхъ, вычисленныхъ между показаніями къ употребленію ея; то есть, другими словами, что гальвано-терапия полезна тамъ, гдѣ она можетъ быть полезна. Этого кажется не нужно было доказывать, да этого и не могутъ доказать приложенныя исторіи. Если мы довѣряемъ знанію и добросовѣстности автора, то прочитавъ его показанія къ употребленію гальванизма, намъ не нужно другихъ удостовѣреній, и исторіи бесполезны; если же мы не довѣряемъ ему, то и въ этомъ случаѣ исторіи бесполезны, не имѣя силы и достовѣрности формальныхъ документовъ. Предположимъ даже, что каждая исторія была бы засвидѣтельствована и скрѣплена надлежащими подписями, и получила бы значеніе документа; развѣ это возвысило бы сколько-нибудь гальвано-терапію во мнѣніи врачей и образованныхъ людей? Нисколько. Въ дѣлѣ науки важна только присущая факту достовѣрность, а не наружная, придаточная; примѣръ тому на глазахъ. Чего добился Леруа съ своею пресловутою универсальною методою лѣченія? его бутылки продаются и теперь, но покупаются заурядъ съ женеvesкою мазью, майскимъ бальзамомъ и другими подобными средствами; а между тѣмъ универсальная польза его лѣкарства

засвидѣтельствована 736 благодарственными письмами, отзывами, записками, приложенными къ описанію его метода лѣченія (*La médecine curative prouvée et justifiée par les faits, Paris. 1824*). — Но, скажутъ намъ, приложенныя исторіи могутъ быть полезны, указывая въ какой степени цѣлбно гальваническое электричество и различныя видоизмѣненія въ приложеніи этого способа лѣченья, обусловливаемая индивидуальностію каждого частнаго случая. Такъ, но приложенныя исторіи не достигаютъ къ несчастію ни той, ни другой цѣли; напротивъ того, онѣ приносятъ вредъ, или вводя въ заблужденіе неопытныхъ врачей, незнакомыхъ съ этимъ методомъ лѣченія, или наводя нелестное подозрѣніе на автора со стороны опытныхъ практиковъ. Всѣ исторіи, заимствованныя Ковалевскимъ изъ монографіи Ремака, говорятъ только объ *успѣшномъ дѣйствіи* гальванизма, и потому весьма легко могутъ дать неопытному, легко увлекающемуся врачу слишкомъ высокое понятіе о цѣлбности электричества. Напротивъ того, опытные практики, уже не разъ приходившіе въ недоумѣніе при постелѣ больнаго, когда ихъ средства, прописанныя на основаніи самыхъ вѣрныхъ повидимому соображеній, или оказывались вовсе недѣйствительными или дѣйствовали совершенно не согласно съ предположенною цѣлію, — эти опытные врачи, читая только объ *успѣшномъ дѣйствіи* гальванизма, къ употребленію котораго не находится даже противопоказаній (!), покачаютъ головою и усумнятся еще болѣе въ дѣйствительности средства или даже заподозрятъ добросовѣстность автора. И почему бояться такъ, въ медицинской литературѣ, несчастныхъ случаевъ лѣченія? Случаи неуспѣшнаго лѣченія, хорошо описанные, часто, если не большею частію, поучительнѣе примѣровъ удачнаго лѣченія, заставляя врача быть осмотрительнѣе и менѣе полагаться какъ на себя, такъ и на употребляемыя имъ средства. Сообщая неудачные случаи изъ своей практики, врачъ нисколько не теряетъ во мнѣніи сотоварищей и образованнаго общества, понимающихъ ограниченность средствъ, представляемыхъ ему наукою; и русскимъ ли врачамъ доказывать и напоминать это послѣ знаменитой исповѣди Н. И. Пирогова (О трудностяхъ распознаванія хирургическихъ болѣзней и о счастіи въ хирургіи, объясняемыхъ наблюденіями и исторіями болѣзней. Воен. Мед. журналъ. ч. LXIV. 1854. г.)?

Если бы докторъ Ковалевскій представилъ русской публикѣ только переводъ монографіи Ремака, наши слова относились бы только къ Ремаку. Но ученый нашъ соотечественникъ, кото-

раго заслуги дають намъ право быть взыскательнѣе къ нему, говорить, что онъ обработалъ трудъ германскаго ученаго; слѣдовательно, мы въ правѣ были ожидать, что монографія Ковалевскаго избѣгнетъ недостатковъ оригинала. Къ чему же тутъ эти исторіи? Чтобы стоило приложить къ книгѣ хотя бы только статистическій перечень удачныхъ и неудачныхъ случаевъ лѣченія гальванизмомъ, заимствованныхъ изъ собственной, весьма обширной практики доктора Ковалевскаго? Это нисколько не повредило бы оригинальности приготовленной имъ къ изданію въ свѣтъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаемой врачами, второй части сочиненія его: *Объ электричествѣ и методическомъ его примѣненіи къ врачебнымъ цѣлямъ*; а между тѣмъ такая таблица, совѣстливо начертанная, совершенно замѣнила бы эти краткія, неполныя исторіи, трубящія фальсетою славу гальвано-терапіи. Не будь этихъ исторій, книга доктора Ковалевскаго сократилась бы, можетъ быть, листа на два, не въ ущербъ ни издателю, ни читателю; сократились бы издержки на изданіе и, можетъ быть, цѣна самой книги.

В. ХАНКИНЪ.

С М Ъ С Ъ.

Письмо изъ Праги.

12 июля (н. с.) 1859 г.

Не только надъ человѣкомъ, но и надъ цѣлой страной оправдывается русская пословица: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ. Такъ Прага по наружности не только нѣмецкій, но даже *австрійскій* городъ: на улицахъ вы слышите нѣмецкій языкъ, на главной площади — монументъ Радецкому, статуя котораго стоитъ на головахъ представителей всѣхъ племенъ австрійской имперіи, въ старомъ дворцѣ живетъ эксъ-императоръ Фердинандъ. Какихъ же еще лучшихъ доказательствъ нужно, чтобы считать Прагу за святыню политическаго уroda, называемаго австрійской имперіей? Но только приглядитесь немного, — и вы увидите во-первыхъ, что здѣсь нѣмцы на чужой сторонѣ, а во-вторыхъ что здѣсь чисто славянскій міръ. Видъ австрійскаго войска, котораго множество въ Прагѣ, наводитъ васъ съ самаго начала на первую мысль. По улицѣ безпрестанно проходили войска предъ моими глазами, вотъ идетъ одинъ отрядъ — солдаты небольшого роста, широкоплечіе, походка вялая, типъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ, костюмъ также — странная синяя шапка въ родѣ кокошника, бѣлые полукафтаны, синіе панталоны, оканчивающіеся какою-то трубочкою, — это мадьяры; другой отрядъ — смуглые, черноволосые итальянцы. Но посмотрите на офицеровъ: они цѣлой головой выше солдатъ, и по ихъ рыжимъ волосамъ, журавлинному шагу, педантизму, съ которымъ они командуютъ, вы узнаете чистыхъ тевтоновъ. Вотъ случай, бывшій при мнѣ: въ Прагѣ, который хорошо показываетъ что

такое австрійское войско и что такое Австрія. Какъ только пришло извѣстіе о заключеніи перемирія въ Вилла-Франкѣ, одинъ изъ полковъ пражскаго гарнизона, составленный изъ ломбардцевъ, пришелъ въ неописанный восторгъ; солдаты кричали *Evviva Italia*, объявили, что они, какъ ломбардцы, уже болѣе не слуги ненавистнаго австрійскаго знамени, прогнали нѣмцевъ-офицеровъ, и хотѣли плюминовать казарму. Насилу городское и военное начальство успѣло уговорить ихъ успокоиться. О мѣрахъ строгости нечего было и думать. Австрійцы совершенно пали духомъ, не смотря на краснорѣчивый манифестъ императора, смыслъ котораго весьма интересенъ: императоръ благодаритъ войско, что оно убѣдило его совершенно въ той мысли, въ которой онъ прежде нѣсколько сомнѣвался, именно въ его геройскомъ мужествѣ, тѣмъ, что въ двѣ недѣли потерпѣло три пораженія и потеряло лучшую область Австріи. Кстати объ этомъ манифестѣ. Въ немъ находится одно мѣсто, подающее приверженцамъ Австріи большія надежды: это обѣщаніе внутреннихъ реформъ. Нѣмцы положительно говорятъ о конституціи и даже о конституціяхъ, потому что Австрія хотя и носитъ одно имя, но она не одна, а много, — какъ діаволъ легионъ. Говорятъ также о свободѣ книгопечатанія, религіозной и проч. Но, разумѣется, всѣ эти надежды на будущую либеральную карьеру Австріи также основательны, какъ надежды Манилова на дипломатическую карьеру его сына. Не говоря уже о томъ, какъ подозрительны либеральныя тенденціи, для возбужденія которыхъ нуженъ ударъ непріятельскаго штыка, свободныя учрежденія физически невозможны для Австріи. Одна палата представителей невозможна — это было бы вавилонское столпотвореніе: не только двадцать различныхъ языковъ, но и двадцать различныхъ интересовъ. Что общаго имѣютъ Венгрія и Венеція, Трансильванія и Богемія? Ровно никакихъ ни національныхъ, ни историческихъ, ни торговыхъ связей. Образовать федерацію? Но федерація возможна только тогда, когда различныя части имѣютъ все-таки общее тяготѣніе, а австрійская монархія составлена изъ племенъ враждебныхъ, и которыя при нѣкоторой самостоятельности сейчасъ же оторвутся отъ габсбургскаго дома, подобно Тосканѣ и Моденѣ. По этому понятію, что въ Прагѣ съ улыбкою говорятъ объ ожидаемыхъ реформахъ: для чеховъ первое условіе возрожденія — паденіе австрійской имперіи.

Хранителемъ чешской національности служитъ литература. Въ Прагѣ можно узнать сколько великаго въ состояніи сдѣлать

кружокъ скромныхъ ученыхъ и литераторовъ, если онъ одушевленъ благородной цѣлью. Глава этого кружка — извѣстный профессоръ пражскаго университета, Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка. Не смотря на преклонныя лѣта, онъ съ жаромъ молодости работаетъ для славянской національности. Онъ продолжаетъ важное дѣло — сближеніе чешской грамотности съ русскою, замѣненіемъ латинскаго алфавита русскимъ. Еще въ 1851 г. изданъ былъ въ Прагѣ букварь русско-чешскій (Pravopis Rusko-cesky), въ которомъ очень ясно и обстоятельно объяснено русское произношеніе, главные правила грамматики русской въ сравненіи съ чешскою, и приложено русскимъ шрифтомъ нѣсколько басенъ, разсказовъ, пословицъ. Небольшая книжечка эта дышетъ глубокою любовью къ родинѣ и къ славянскому единству. Приведемъ нѣсколько чешскихъ пословицъ: «Вшуде добрѣ, дома нейлепе. Лепшій дома краиць хлѣба, нежь въ цизинѣ крава цѣла. Хваль цизину, але зоставей дома. Проти све крови боеу, кто свой народъ немилиуе. Гдѣ краиць немиливалъ краяна, ма цизинце за панѣ.

Ганка имѣетъ большое вліяніе на чешскихъ студентовъ (половина студентовъ пражскаго университета — чехи); онъ учредилъ для нихъ кабинетъ для чтенія, въ которомъ есть собраніе русскихъ книгъ. Но къ сожалѣнію Ганка получаетъ для себя и для кабинета весьма немного русскихъ журналовъ. Я видѣлъ у него Русскую Бесѣду, Отечественныя Записки, нѣсколько номеровъ Русскаго Вѣстника. Онъ просилъ меня сообщить нашимъ издателямъ журналовъ о существованіи студентскаго кабинета и о высылкѣ ихъ изданій. Сообщаемъ объ этомъ желаніи, и увѣрены, что наши почтенные редакторы и издатели книгъ съ удовольствіемъ помогутъ чешской ученой молодежи. Высылать изданія слѣдуетъ по простому адресу: Въ Прагу, профессору Вячеславу Вячеславовичу Ганкѣ *). Было бы прекрасно со стороны нашихъ студентовъ, еслибъ они прислали собраніе лучшихъ русскихъ литераторовъ своимъ пражскимъ сотоварищамъ.

Ганка живетъ въ домѣ чешскаго музея, котораго онъ хранителемъ. Онъ съ свойственнымъ ему радушіемъ показалъ намъ нѣкъ сокровища этого превосходнаго собранія памятниковъ сла-

*) Редакція Русскаго Слова выслала уже свой журналъ г. Ганкѣ. Вѣроятно и другія редакціи сдѣлають то-же, хотя нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ, что безчисленныя и обременительныя таможенныя формальности до того стѣсняютъ отправленіе книгъ за границу, что за него не берется никто изъ петербургскихъ книгопродавцевъ.

вянской народности. Въ одной изъ залъ музея хранятся знамена всѣхъ славянскихъ племенъ, представители которыхъ собраны здѣсь въ 1848; есть и огромное всеславянское знамя. Въ числѣ рукописей музея есть много удивительныхъ въ художественномъ отношеніи. Нельзя не замѣтить образа Богоматери не нарисованнаго, а написаннаго самыми мельчайшими буквами, видимыми только въ микроскопъ: буквы — это всѣ четыре евангелія; кромѣ буквъ нѣтъ ни одной черты нарисованной, а между тѣмъ все расположено такъ хорошо, что образъ представляется прекраснымъ рисункомъ. Это одно изъ тѣхъ средневѣковыхъ произведеній, для созданія которыхъ художникъ посвящалъ всю свою жизнь, и которыя возможны только при тихомъ и безконечномъ благочестіи. — Ненависть славянскаго племени къ нѣмцамъ проглядываетъ рѣшительно во всемъ: мнѣ показали въ музеѣ альбомъ средневѣковаго чешскаго рыцаря, въ немъ есть стишки про нѣмцевъ такіе, что безъ хохота нельзя читать, но выстѣсь съ тѣмъ нельзя и привести въ печати. Мнѣ показывали также молитвенникъ Жинки и собраніе сочиненныхъ имъ національно-религіозныхъ гимновъ; эти гимны исполнены величавой поэзіи.

Старая вражда славянской и нѣмецкой партій въ университетѣ продолжается до сихъ поръ; нѣмцы имѣютъ за себя правительство, чешскіе ученые — глубокое сочувствіе народа, масса котораго сохранила себя отъ германизированія. Я не могъ быть на лекціяхъ, потому что въ пражскомъ университетѣ лѣтній семестръ оканчивается въ началѣ іюля (въ другихъ германскихъ университетахъ онъ продолжается до 15-го августа, а новый открывается въ октябрѣ). Но мнѣ удалось, по приглашенію г. Ганка, присутствовать въ собраніи пражскаго ученаго общества, состоящаго изъ чешскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, составляющихъ и здѣсь двѣ партіи. Въ засѣданіи молодой чешскій ученый Гендели читалъ свой обширный трудъ объ изысканіяхъ, произведенныхъ имъ въ мюнхенскихъ архивахъ относительно богемскаго періода тридцатилѣтней войны. Предсѣдатель, профессоръ исторіи, нѣмецъ Гефлеръ, сдѣлавши весьма лестный отзывъ о трудѣ Гендели, представилъ нѣсколько замѣчаній, на которыя авторъ тотчасъ же отвѣчалъ и доказалъ ихъ праздность и неосновательность. Изъ засѣданія ученаго общества мы отправились въ чешскій клубъ — «Мѣщанская бесѣда». Здѣсь я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нѣсколькими чешскими учеными и литераторами. Въ клубѣ говорятъ только по чешски; на столахъ лежитъ множество газетъ съ разныхъ сторонъ славянскаго міра.

На другой день мнѣ представилось новое удовольствіе — быть въ чешскомъ театрѣ, основанномъ ревнителями славянской народности. Театръ расположенъ въ городскомъ саду; онъ очень великъ и прекрасно устроенъ; задняя стѣна (за сценой) была снята, и зрителю представлялись деревья городского сада, что придавало театру пріятный и оригинальный видъ, и спасало отъ удушья іюльскаго дня. Чешскій языкъ такъ близокъ къ русскому, что даже быстрая сценическая рѣчь была мнѣ понятна. Играли какую-то старинную драму, переведенную съ французскаго: богатая молодая вдова выходитъ замужъ за блестящаго молодаго человѣка; вдругъ передъ самымъ вѣнчаніемъ появляется человѣкъ страшнаго вида, измученный, раненный — это разбойникъ, бѣжавшій съ галеръ. При видѣ этого новаго лица женихъ блѣднѣетъ: онъ узнаетъ своего сотоварища по галерамъ. Послѣ разныхъ трагическихъ сценъ, слезъ, разрыва и проч. открывается, что женихъ былъ на каторгѣ только потому, что изъ самопожертвованія принялъ на себя преступленіе своего брата, который именно къ концу третьяго дѣйствія умираетъ, открывши всю истину. Пьеса была сыграна превосходно; жаль только, что чешская красота имѣла на сценѣ невыгодныхъ представительницъ. Играютъ также и чешскія національныя драмы и комедіи. Меня спрашивали нѣтъ ли русскихъ народныхъ комедій и водевилей, потому что представленіе такихъ пьесъ на пражской сценѣ всего бы лучше напоминало публикѣ о родствѣ съ великимъ народомъ русскимъ. Но, увы, что я могъ рекомендовать? Наши комедіи и водевили — или сколокъ съ французскаго, или, если такъ называемыя народныя, то и вовсе не годятся для чеховъ, потому что благодѣтельные помѣщики въ своихъ усадьбахъ съ цыганскими и калмыцкими танцами и пѣснями — не могутъ возбудить симпатіи чеховъ, у которыхъ нѣтъ крѣпостнаго состоянія. Наши трагедіи и драмы, даваемые въ табельныя дни, имѣютъ только мѣстное значеніе. Гоголь, Грибоевъ и фонъ-Визинъ — но они понятны только русскому, и какъ ни близокъ къ намъ чешскій народъ по языку — вопросы его общественнаго быта совсѣмъ другія. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается все различіе въ положеніи Россіи сравнительно съ другими славянскими племенами. Великій вопросъ прогресса принимаетъ различныя виды, различныя знамена, смотря по состоянію народа: для Россіи въ настоящее время задача прогресса состоитъ въ устройствѣ сословныхъ отношеній въ судебной и административной реформѣ; для чеховъ и другихъ запад-

ныхъ славянскихъ племень — въ національной независимости. Отъ того движеніе литературы и науки различно: для нихъ національная независимость составляетъ существенный жизненный вопросъ, — это ихъ идеалъ, и это наша дѣйствительность. Но между Россіей и другими славянскими племенами есть нѣчто общее, кромѣ языка и расы, это стремленіе къ быту цивилизованныхъ народовъ, стремленіе освободиться отъ угнетенія, тамъ — чуждой національности, у насъ — невѣжества и вредныхъ порожденій несчастной исторіи. Вотъ почва, на которой русскій сходится съ симпатіей съ западнымъ славяниномъ; только на этомъ условіи западный славянинъ признаетъ русскаго старшимъ братомъ. Идея славянскаго братства есть великая и благородная идея, если вы ей придаете тотъ смыслъ, что прогрессивная и разумноустроенная Россія поможетъ родственнымъ племенамъ достигнуть до независимости, — и она есть невозможность, нелѣпость и варварство, если вы, отымая отъ Россіи условіе прогресса, ею задавите другія славянскія племена. Единство языка и расы — великая вещь. Народы, совершенно разрозненные въ политическомъ отношеніи, узнаютъ свое родство въ единствѣ языка. Во время одной битвы революціонныхъ войнъ, отрядъ составленный изъ жителей Бретани выступилъ противъ англійскаго отряда валійцевъ; вдругъ оба отряда останавливаютъ наступленіе: французы-бретонцы слышатъ въ англійскомъ отрядѣ свою музыку, и наконецъ свою родную пѣснь. Оба отряда бросаютъ оружіе и съ радостнымъ кликомъ обнимаются. Въ настоящее время вопросъ о національностяхъ и племенныхъ симпатіяхъ поднятъ сильно: Франція симпатизируетъ румынскимъ княжествамъ потому, какъ это объявили лучшіе органы ея журналистики, что это народъ латинской расы; поэтому (независимо отъ другихъ причинъ) дѣло итальянской независимости пользуется такою популярностью во Франціи. Можетъ быть и Россіи суждено теперь, сдѣлавши великое дѣло внутри себя и для себя, сдѣлать многое и для западныхъ славянъ.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО КАДЕТСКАГО
КОРПУСА.

Я поступилъ въ —скій кадетскій корпусъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ переименованъ въ это заведеніе изъ простаго военнаго училища. Потому въ немъ оставалось еще много стараго, а лѣтъ десять тому назадъ заведеніе ни сколько не отличалось отъ бурсы. Весь составъ корпуса былъ соединенъ въ одну роту подъ начальствомъ капитана; процвѣтала одна дисциплина, и то только въ спальняхъ; а въ классѣ все шло чрезвычайно дурно: одинъ учитель не могъ справиться съ своими учениками, убѣгавшими отъ него на чердакъ починивать свое платье, такъ-что учитель сидѣлъ одинъ въ классѣ, пока не разносилась вѣсть, что идетъ генераль; тогда онъ спѣшилъ самъ на чердакъ, упрасивалъ учениковъ спуститься, и они спускались не иначе, какъ вполне удостоверившись въ справедливости извѣстія. Десятилѣтніе мальчики были приучаемы къ строгости, съ которой трудно было бы примириться большому; въ спальняхъ они должны были сидѣть на стульяхъ, каждый передъ своей кроваткой и отнюдь не говорить вслухъ; чуть-чуть можно было различить шопотъ разговаривающихъ; если въ это время на площади передъ училищемъ показался капитанъ, то по всѣмъ спальнямъ проносилась команда: смирно! и все вытягивалось въ струнку; тогда уже совсѣмъ нельзя было говорить; стояли, какъ во фронтѣ, руки по швамъ. Въ такомъ ожиданіи проходило четверть часа, пока приходилъ капитанъ, а въ отдаленныхъ спальняхъ ждали и три четверти, пока онъ дойдетъ до нихъ по очереди. — Тутъ-то было ужасовъ; если чехоль не совсѣмъ туго натянутъ на кровать, то это уже считали за признакъ, что на кровати сидѣли, и тогда лишеніе цѣлаго обѣда было наказаніемъ за это важное преступленіе.

Разумѣется, такой порядокъ требовагъ іерархическаго устройства; послѣ капитана былъ старшимъ фельдфебель, а за нимъ по унтеръ-офицеру въ каждой комнатѣ; всѣ эти чиновники были изъ среды воспитанниковъ; но имъ было дано столько произвола въ управленіи и внѣшней поддержкѣ, и черезъ это они сдѣлались такими агентами начальства, какъ будто задача послѣдняго состояла въ угнетеніи юношества. Заведеніе походило на тюрьму; унтеръ-офицеры дрались линейками и выдумывали наперывъ другъ передъ другомъ наказанія; такъ между прочимъ одно

состояло въ томъ, что провинившійся заѣзжалъ подъ кровать и высовывалъ оттуда руки, котрыми долженъ былъ держать на воздухѣ чугунныя плевальницы. Сами унтеръ-офицеры были первыми нарушителями правилъ, курили, посылали въ городъ своихъ подчиненныхъ покупать молоко, и пр., но младшее сословіе не имѣло никакой возможности обнаружить истину, будучи преслѣдуемо линейками за малѣйшее поползновеніе къ тому. Это была аристократія.

Все это должно было рушиться при перемѣнѣ устройства заведенія. Я уже засталъ блѣдные остатки этой старины. Корпусъ раздѣлили на роту и эскадронъ; въ первую отдѣлили дѣтей офицеровъ линейныхъ батальоновъ, во вторую дѣтей офицеровъ военныхъ поселеній. Кромѣ того, изъ Петербурга были присланы офицеры для роты и новый инспекторъ классовъ; старый капитанъ былъ сдѣланъ не болѣе, какъ взводнымъ офицеромъ въ эскадронъ; дисциплина рушилась. Новые офицеры въ ротѣ принялись за нововведенія; старое начальство, собранное въ эскадронъ, такъ же стало перенимать ихъ; вотъ это-то интересное для заведенія время я и провелъ въ немъ.

Первое, что было уничтожено, это «ты», которое говорили начальники воспитанникамъ, и «ваше благородіе» которое говорили воспитанники начальникамъ; въ первомъ случаѣ стали говорить «вы», а въ послѣднемъ «господинъ поручикъ и т. п.» За тѣмъ уничтожили семинарскій обычай, чтобъ одинъ воспитанникъ читалъ утромъ въ столовой заѣ молитву и оканчивалъ ее обращеніемъ ко всѣмъ: «ночевали здорово?» на которое всѣ отвѣчали: «здорово ночевали!» Прежде, если во время обѣда кому-либо нужно было хлѣба или что-нибудь такое, онъ поднималъ къверху руку, и служитель бѣжалъ изъ буфета справиться о родѣ просьбы; это обыкновеніе также уничтожили. Наконецъ даже стали преслѣдовать нѣкоторыя слова, и бывшія въ употребленіи татарскія слова замѣнили нѣмецкими.

Это были только наружныя нововведенія; но было много перемѣны и внутри; прежнія стѣсненія свободы исчезали; унтеръ-офицеры ушли въ значеніи и сдѣлались такими же кадетами, какъ и остальные; офицеры пустили въ ходъ, вмѣсто укоризны, слова «мальчишка» и «мальчишество». Всякаго, небрежно смотрѣвшаго на свою обязанность, стали называть «мальчишкой», и все неблагородное, несерьезное — «мальчишествомъ». Слова эти получили такую силу, что стало опасно упрекать ими кадетъ; товарищъ за названіе «мальчишкой» рисковалъ получить ошлеуху, а начальникъ

дерзости. Этими были созданъ идеалъ кадета; подъ кадетомъ стали разумѣть человѣка открытаго, благороднаго, смѣлаго и вѣрнаго товарища; остальной же міръ былъ — мальчишки!

Все это приводилось въ исполненіе сначала въ ротѣ, такъ какъ тамъ были все новые офицеры; отсюда уже это переходило въ эскадронъ, и потому послѣднему это постоянное заимствование, эта нравственная зависимость отъ роты казались оскорбительными. Притомъ ротные офицеры узко понимали свою роль; они, чтобъ придать болѣе вѣрности своимъ успѣхамъ, старались противопоставить ротѣ оставшійся въ невѣжествѣ эскадронъ, какъ закоснѣлое сословіе; ротные кадеты стали смотрѣть на себя, какъ на Европу, а на насъ, какъ на Азію, на старовѣровъ. Ротное начальство даже прервало сообщеніе между обѣими частями корпуса; рота была помѣщена вверху, а мы жили внизу; нельзя было перейти изъ одного этажа въ другой безъ билета, который не легко было получить. Вверху вдругъ заговорили о дворянскомъ происхожденіи и его врожденномъ качествѣ — благородствѣ; поэтому вверху стали смотрѣть на низъ, какъ на чернь. Непріязнь стала сопровождаться обидами и наконецъ разрѣшилась рядомъ войнъ, настоящихъ войнъ. Первая драка произошла на одной черной лѣстницѣ; это было къ веснѣ, и потому положено было подождать лѣта, чтобъ дать генеральное сраженіе; дѣйствительно, лѣтомъ начались на плацу, во время игръ, незамѣченныя сначала начальствомъ баталіи; каждая сторона имѣла своего предводителя; ротные назывались русскими, эскадронные непріятелемъ; нашъ предводитель повязывался всегда по головѣ платкомъ въ знакъ азіатскаго происхожденія; участниками были только маленькіе кадеты, потому что большіе сохранили еще связи съ своими прежними товарищами въ ротѣ, что значительно ослабляло ихъ непріязнь. Но иногда за толпой маленькихъ ползли прикорнувши, и большіе кадеты съ дюжими кулаками, которыми можно было и бока отломать. Войны эти возобновлялись почти каждый день, пока не разбили одному кадету носъ; тогда только открылась предъ начальствомъ опасная игра, которая и была тотчасъ запрещена; но начальству остался неизвѣстнымъ источникъ, изъ котораго развились эти войны, и онъ, кажется, продолжались еще два года, въ лѣтнее время.

Впослѣдствіи непріязнь перешла въ соревнованіе одной стороны передъ другой, часто переходившее въ зависть; замѣчательно, что это раздвоеніе воспитанники всегда уносятъ съ собою и за стѣны своего училища, на государственную службу.

Правда, встрѣчаются лица, тѣсно связанныя дружбой и принадлежащія къ различнымъ сословіямъ; но много есть и такихъ, которыя считаютъ за услугу своему сословію обвинить кого-нибудь изъ противной стороны; мнѣ кажется, что это раздвоеніе между дѣтьми дворянъ и военныхъ поселянъ существовало еще въ то время, когда корпусъ составлялъ одно цѣлое; но выраженіе его было сдерживаемо смѣшанностью двухъ элементовъ; когда же они были официально разгранчены, и особенно одинъ изъ нихъ пошелъ впередъ, раздвоеніе выразилось ясно.

До полной реформы, впрочемъ, еще оставалось далеко; реформаторы были поражены наружнымъ видомъ учрежденія и очистили его, но они не въ состояніи были вдохнуть въ него жизнь, потому-что не имѣли ея въ себѣ; они устранили препятствія, но не могли возбудить движенія; придали заведенію болѣе лоску, но не нравственности. Оказалось, что подъ новыми, болѣе изящными формами, продолжалось прежнее одностороннее направленіе и равнодушіе къ наукѣ.

Такъ какъ эти люди были внутренно выше той среды, въ которую они попали, то они не въ состояніи были бороться съ ея онемѣлостью и скоро даже усвоили себѣ ея наружные недостатки, которые только-что сами изгнали. Мало-по-малу притупляясь объ омертвѣлость учрежденія, дѣлая уступки упорному сопротивленію стараго порядка, они очутились, сами того не замѣтивши, защитниками той самой суровости обращенія, противъ которой недавно ополчались, оправдываясь тѣмъ, что здѣшніе мальчики по рожденію тупѣ петербургскихъ и съ ними нельзя иначе поступать, какъ попрежнему.

Мнѣніе, что наши дѣти были тупѣ, отчасти справедливо, и въ этой неразвитости нельзя обвинять корпусное начальство; провинціальное юношество развито менѣе столичнаго, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ и учителей и вообще образованныхъ людей меньше, слѣдовательно и плодотворныхъ встрѣчъ представляется мальчику не много, а между тѣмъ воспитаніе до десятилѣтняго возраста опредѣляетъ направленіе почти всей жизни. Домашнее воспитаніе у насъ состояло въ правилахъ, чтобъ скромно сидѣть при гостяхъ, не болтать ногами, не крикливо отвѣчать на заданные вопросы, однимъ словомъ питать благоговѣніе къ старшимъ. Въ этомъ заключалась вся нравственная часть домашняго воспитанія большинства, поступавшаго при мнѣ въ нашъ корпусъ; умственное же состояло въ одномъ приготовленіи къ вступительному экзамену, т. е., въ заученіи всего нуж-

наго для экзамена наизусть, безъ всякаго смысла. Поэтому провинціальныя мальчишки всегда будутъ тупѣе столичныхъ, пока не увеличатся средства воспитанія въ провинціи. На нашихъ офицерахъ лежалъ, слѣдовательно, тяжелый трудъ — пробудить въ этихъ мальчишкахъ умственную жизнь. Но они совсѣмъ не эту цѣль преслѣдовали; они ограничились охраненіемъ виѣшняго порядка, наблюденіемъ за тѣмъ, чтобъ менѣе было разбитыхъ тарелокъ, стеколъ и носовъ, за тѣмъ, чтобъ кадеты не выходили изъ видимаго повиновенія; они были не болѣе, какъ военные офицеры, отличавшіеся большимъ знаніемъ батальоннаго ученья, и довѣрять имъ наблюденіе за поведеніемъ дѣтей было все равно, что довѣрять его учителямъ фехтованья, танцованья, пѣнія и прочее. Кадеты часто задавали имъ серьезные вопросы и неглѣпости, которыми отвѣчающіе офицеры, тотчасъ распространялись по всему корпусу въ видѣ анекдотовъ. Никакая дисциплина не могла поддержать уваженіе кадетъ къ своимъ офицерамъ, которые безпрестанно себя компрометировали и постоянно находились въ неловкомъ положеніи.

Одинъ офицеръ въ эскадронѣ проповѣдывалъ только смиреніе; другой — терпѣливое перенесеніе неудобствъ. Если намъ подавали молоко, разведенное водою, гнилое мясо, и если мы шумѣли — намъ говорили: господа! будете сами собой жить, еще не такое будете ѣсть. Надо ко всему привыкать. — Если мы были недовольны чѣмъ-нибудь и кричали: гдѣ же справедливость? намъ отвѣчали: господа! не ваше дѣло разсуждать! смиреніе наче гордости!

Одинъ изъ нихъ старался внушить кадетамъ правило: смотреть начальнику въ глаза открыто и весело, и совѣтовалъ брать примѣръ съ себя. И дѣйствительно, если приходилъ генералъ, онъ видимо старался глядѣть ему въ глаза открыто и весело; разумѣется кадеты болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, понимали комизмъ этой сцены. Внушалось намъ также, что первое впечатлѣніе важнѣе послѣдующихъ, и потому при встрѣчѣ съ генераломъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга для ревизіи корпуса, намъ совѣтовали поразить его съ перваго разу видомъ, полнымъ здоровья, и силы, и надеждъ на будущее, словомъ, чтобъ онъ увидѣлъ, что не смотря на суровый климатъ и слишкомъ сѣверную широту, нашъ взглядъ на земную жизнь былъ такой же отрадный, какъ у грековъ.

Эскадронный офицеръ встрѣтился однажды съ какимъ-то старовѣромъ, который таинственно ввѣрилъ ему небольшую молитву

увѣривши, что она найдена была въ Иерусалимѣ, что тамъ видѣли, какъ бумажка слетѣла съ неба, и слышали голосъ ангела, что тотъ, кто распространитъ эту молитву болѣе, чѣмъ между семьюдесятью семью лицами, тому простятся всѣ тяжкіе грѣхи, прошедшіе и будущіе. Какъ не обрадоваться было случаю попасть такъ легко въ рай, когда можно было молитву распространить между вдвое большимъ числомъ адептовъ? и офицеръ сталъ вводить ее въ употребленіе посредствомъ унтеръ-офицеровъ.

Пользуясь довѣрчивостью этого господина, одинъ изъ моихъ товарищей вздумалъ подшутить надъ нимъ, принесъ ему одну сигару (которыхъ, конечно, было у него не одна, хотя куреніе строго преслѣдовалось) и объявилъ, что онъ поднялъ ее на полу. Офицеръ былъ въ восхищеніи отъ такого поступка и общался настоять, чтобъ это дѣло было описано въ приказѣ по корпусу въ назиданіе всѣмъ кадетамъ, да къ счастью нашлись люди, которые поняли продѣлку.

Офицеры старались спрятать отъ насъ свою дѣйствительную жизнь и рисоваться передъ нами не иначе, какъ свѣтлыми образами. А между тѣмъ мы знали лучше, чѣмъ кто-нибудь въ городѣ, кто изъ нихъ бьетъ жену, кто цѣлуетъ, кто какъ кормитъ лошадей, кто подарилъ ее и за что, сколько перемѣнено въ мѣсяцъ кухарокъ, кто въ кого влюбленъ и намѣренъ ли жениться, или такъ только жить, не женясь, по скольку каждому офицеру экономя послалъ яицъ въ нынѣшнюю пасху. Могли ли офицеры при этомъ всевѣдѣніи играть роль невинныхъ пастушковъ и обмануть насъ? могли ли они внушить уваженіе къ своему достоинству? Только старая дисциплина, дѣлавшая насъ совершенно безсловесными, могла удержать насъ отъ обнаруженія презрѣнія къ этимъ воспитателямъ.

Эскадронный командиръ, хотя и былъ одаренъ здравымъ смысломъ, но не могъ быть педагогомъ. Онъ болѣе заботился о порядкѣ, чѣмъ объ естественномъ развитіи дѣтей, и потому, чтобы управлять дѣтьми, завелъ между ними пиіоновъ, которые передавали ему всѣ мелочи домашней жизни кадетъ. Не говоря уже о томъ, что это растлило мальчиковъ, принявшихъ на себя такую обязанность, но и на всѣхъ остальныхъ это отразилось вредно, потому-что стѣснило ихъ свободу выраженія, стало убивать въ нихъ прямоту, откровенность. Онъ былъ человекъ сухой, безъ искры любви въ сердцѣ, какими бываютъ обыкновенно командиры армейскихъ полковъ. Высѣчь мальчика было для него наслажденіемъ; если кадету было назначено десять ро-

зогъ, то онъ всегда прибавлялъ еще десять. Никто не слышалъ отъ него ласковаго слова; съ какой боязнью я подходилъ къ нему просить какую-нибудь книгу изъ комнатной библіотеки! Нужно было только замѣтить ему маленькую не зашиту прорѣшку на курткѣ, какъ ужъ пиши книгѣ: «прощай!» Подходишь и просишь: Симеонъ Петровичъ! позвольте мнѣ второй томъ исторіи Карамзина?

— А какіе завтра классы?

— Географія и алгебра.

— А вы приготовились къ нимъ?

— Разумѣется.

— Ну, все таки не мѣшало бы еще разъ повторить. Займитесь сегодня повтореніемъ, а завтра, если будете хорошо отвѣчать, получите книгу.

Немногіе поэтому рѣшались брать книги; кому охота добровольно вытерпѣть рядъ испытующихъ взглядовъ, и потомъ еще, пожалуй, остаться невзначай безъ обѣда за волосы, не такъ причесанные или за галстукъ, неровно высунувшійся изъ-за воротника; а если еще завтра въ географіи или алгебрѣ случится неудача, сдѣлаться вдвое виноватымъ? Оттого книги брали только тѣ, которые имѣли къ чтенію непреодолимое стремленіе.

Изрѣдка онъ обращался къ кому-нибудь съ лаской, но и то всегда съ коварной цѣлью вывѣдать изъ довѣрчиваго мальчика какую-нибудь тайну. Сначала, приласкавши, онъ вызывалъ ребенка на смѣхъ и рассказы, и потомъ, когда тотъ откровенно расскажетъ, бывало, о своей сегодняшней ссорѣ, вдругъ осаживалъ его: «безъ обѣда сегодня, драчунъ!»

Всѣ боялись его и старались быть съ нимъ осторожниче; если онъ подсаживался къ шумному кружку, въ немъ вдругъ водворялось молчаніе. Это приучило насъ только къ преждевременному умѣнью вести себя при опасныхъ людяхъ.

Жизнь въ общественныхъ заведеніяхъ вообще приводитъ къ раннему жизненному опыту; мальчикъ, вдругъ очутившійся посреди чуждой ему толпы, оторванный отъ дорогаго семейства, долго не находящій сочувствія, которое бы наполнило хоть сколько-нибудь его сердце, такъ сильно уже любившее, съ перваго же шага за порогъ заведенія начинаетъ жить самостоятельно, и принужденъ огривичиться совѣтами одного своего собственнаго разсудка. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ заведеніи, онъ становится уже чуждъ нѣжнымъ стремленіямъ

дѣтства и занять однимъ стараньемъ составить о себѣ хорошее мнѣніе. Я особенно былъ пораженъ переходомъ отъ семейной жизни къ затворнической; въ продолженіи дня меня еще развлекали кой-какія новизны: но когда всѣ ложились спать, я вдругъ начиналъ чувствовать одиночество подъ своимъ одѣяломъ, и не могъ удержать слезъ; послѣ этого я цѣлю недѣлю страдалъ приливами слезъ при всякомъ случаѣ, когда оставался одинъ. Сначала меня уговаривали, но когда прошло нѣсколько дней безъ успѣха, всѣ были удивлены такимъ необычнымъ явленіемъ и стали смѣяться надо мной: ахъ, какой спрота! здѣсь, видно, нѣтъ ни папеньки, ни маменьки, не кому приголубить ребеночка, не кому пряника дать! Ну, разсмѣйся же! Агу, агу!» Эти злыя насмѣшки мопхъ новыхъ маленькихъ товарищей заставили меня удерживаться отъ слезъ и стыдиться привязанности къ своимъ роднымъ, и хотя я надолго удержалъ прозвище плаксы, но давно уже былъ такой же, какъ они, маленькій варваръ, схоластически смотрящій на свободу и жизнь, которая неслась за стѣнами нашей тюрьмы, и только черезъ три года по выходѣ изъ корпуса я пересталъ стыдиться названія плаксы и сталъ уважать свои слезы.

Начальство, сколько мнѣ помнится, спсходительно смотрѣло на новичковъ; но этого было мало; оно было тутъ безсильно, еслибъ и захотѣло облегчить этотъ трудный переходъ отъ семейной жизни къ кадетской; тутъ виновны духъ затворническаго заведенія и односторонняго воспитанія. На каждомъ недозволенномъ шагу, новичекъ встрѣчаетъ безжалостнѣйшія насмѣшки своихъ ровесниковъ, которыя никакая власть не въ состояніи отвратить; послѣ мѣсячнаго испытанія этихъ огорченій, новичекъ понимаетъ всю безвыходность своего положенія, необходимость подчиненія суровой жизни и отрывается отъ всѣхъ лучшихъ воспоминаній о прежней жизни.

При вступленіи мальчика въ корпусъ его поручаютъ на руки старому кадету, обыкновенно отличающемуся «благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ.» Это — типъ. Первое, что въ немъ бросается въ глаза, прическа на дюймъ неотступающая отъ положенія, какъ будто разграфленная по линейкѣ. Съ первыхъ же дней начинается наука; новичка каждый день спрашиваютъ, кто у него эскадронный командиръ, какъ его зовутъ, кто министр юстиціи, кто управляющій почтовымъ вѣдомствомъ и т. д., такъ что онъ, не знаю и теперь съ какой цѣлью, выучиваетъ наззуть цѣлый адрессъ-календарь. Потомъ мальчика заставляютъ

пропѣть сотню сигналовъ изъ егерскаго ученья. Иногда новичекъ молчитъ.

— Что жъ вы не играете?

— Я не умѣю.

— Такъ отчего жъ вы не научились?

— Да я совсѣмъ не умѣю пѣть.

— Такъ что жъ такое, что не умѣете.

— У меня голосу нѣтъ, я не могу пѣть.

— А говорить, кричать есть голосъ. Кто это васъ научилъ отвѣчать, что у васъ нѣтъ голосу?

Тогда заподозриваютъ тѣхъ кадетъ, къ которымъ уже успѣешь нѣсколько привязаться, въ подучиваньи говорить дерзости начальству, и начинаютъ ихъ преслѣдовать, запрещаютъ новичку сближаться съ ними, отнимаютъ у него право на выборъ друзей, и онъ постоянно видитъ около себя только строгія монашескія лица и начинаетъ ненавидѣть науку.

Однообразная жизнь, неумолимая, какъ рокъ, регулярность распредѣленія часовъ притупляетъ въ мальчикѣ до послѣдней крайности свободу дѣятельности; въ которомъ часу сегодня встали съ постелей, завтракали, пошли въ классъ, въ томъ же и завтра, и послѣ-завтра, и т. д. Время распредѣлено по минутамъ, извѣстная доля времени опредѣлена для того, чтобы вычистить сапоги, другая — умыться, третья — сѣсть кусокъ чернаго хлѣба передъ обѣдомъ, и все это по барабану: и по барабану начинаютъ играть, и по барабану начинаютъ готовить лекціи, и по барабану причисываютъ голову и проч. Вотъ вечеромъ послѣ ужина сошлись двое или трое товарищей въ одномъ углу комнаты, разговорились о прошломъ, о будущемъ, столько смѣху, остроумныхъ словъ, занимательныхъ разсказовъ, — такъ и продлилъ бы бесѣду до полночи, а тутъ неизбежный барабанъ гонитъ по своимъ кроватямъ. — Или считаешься такъ, что три обѣда готовъ подарить, толькобъ не мѣшали, и все таки — не хочешь, да иди, обѣдай *)! иногда опротивѣтъ какая-нибудь наука, потому-что преподаватель не можетъ придать ей интереса; съ каждымъ днемъ она становится отвратительнѣе, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неминуемости ея; когда, такимъ образомъ, разрушается почти всякое желаніе, всякое индивидуальное стремленіе, когда подъ этимъ математически правильнымъ теченіемъ времени неумолимо попи-

*) За обѣдомъ почему-то кадеты не смѣли сидѣть съ книгами.

раются всё привязанности, сочувствія, пристрастія, понятно что всякій думаетъ, какъ бы скорѣе добѣжать до послѣдняго дня своего заточенія, который издали кажется такимъ же свѣтлымъ, какъ пустынянику первый день небесной жизни.

Такая жизнь черезъ годъ, если не ранѣе, совершенно пере-дѣлываетъ мальчика; онъ уже не нуждается въ паленкѣ и ма-менькѣ и самъ убійственно смѣется надъ нѣжной грустью вновь поступающихъ новичковъ; онъ сживаетъ съ своимъ одиночест-вомъ; годъ жизни такъ сильно развиваетъ въ немъ способность самостоятельнаго существованія, что на двѣнадцатомъ году онъ уже удачно предвидитъ и искусно умѣетъ избѣжать опасности. Я даже помню, что союзы дружбы основывались у насъ какъ-то хладнокровно, не случайно, а какъ будто по расчету, предна-мѣренно. Иногда одинъ мальчикъ подходитъ къ другому съ оза-боченнымъ видомъ и прямо начинаетъ разговоръ просьбой: «бу-демъ Миша дружно жить?» — «Будемъ». И дружба заключена.

Здѣсь есть уже общественные интересы, потому что каждый классъ образуетъ изъ себя отдѣльную общину съ своими тай-нами и намѣреніями; притомъ начальство не въ состояніи изу-чить каждаго мальчика, слѣдовательно и правильная оцѣнка не возможна; эти два условія приводятъ мальчика къ мысли, что недостаточно вести себя хорошо, а нужно еще — *умѣть жить*. Здѣсь есть общественное мнѣніе, которое часто не совпадаетъ съ желаніями начальства, и которое часто проявляетъ замѣча-тельную силу; разумѣется, что наши офицеры не могли создать довѣрія къ власти; кадеты всегда смотрѣли на власть враждеб-но, какому бы доброму лицу ни была она вручена, и всегда ста-рались противорѣчить ей. Чѣмъ мягче характеръ офицера или преподавателя, тѣмъ продѣлки ихъ становились смѣлѣе и невы-носимѣе; при входѣ въ классъ такого добряка раздавался какой-нибудь маршъ, потомъ начинали передразнивать, какъ учитель пришептываетъ, ходили передъ нимъ вверхъ ногами и т. п. Высшее корпусное начальство думаю, что для сдерживанія ка-детъ нужно строгое обращеніе съ ними, и обвиняло мягкіе ха-рактеры въ томъ, что будто они даютъ кадетамъ потачку; но такой взглядъ не отличался пронизательностью; кадеты въ лицѣ мягкихъ характеровъ нападали только на принципъ, а не на лич-ности.

Для сопротивленія начальству кадеты находили могучее сред-ство въ единодушій классовъ. Какъ сильно классовое обществен-

ное мнѣніе и какъ жизнь кадета сознательна и сложна, можно судить изъ слѣдующаго разсказа.

Каждый классъ имѣлъ всегда своего предводителя, не того «старшаго въ классѣ», который былъ назначаемъ начальствомъ, а почти всегда другаго какого-нибудь кадета, вокругъ котораго классъ невольно группировался, привлекаемый къ нему условіями своей домашней жизни. По большей части эти классные идолы были не очень даровитые люди; небольшое дарованіе рассказывать, умѣнье понять симпатіи и антипатіи класса, умѣнье всегда совпадать съ ними — и этого довольно. Они сами не замѣчали, какъ дѣлались идолами; это была историческая неизбѣжность, и эта неизбѣжность и дѣлала ихъ такими сильными диктаторами, что личныя антипатіи ихъ превращались въ общія всему классу. Чтобъ стоять впереди класса, не нужно было особенной честности; тутъ скорѣе была нужна военная развязность, рѣшительность, даже неразборчивость средствъ и словъ. — Такъ, напримѣръ, у нашего класса былъ предводителемъ человекъ не совсѣмъ честный. Вотъ одинъ изъ его поступковъ. За завтракомъ намъ подали молоко, черезъ-чуръ разведенное водой, которое никто не могъ пить; мы выдумали такое наказаніе эконому: всѣ обернули стаканы вверхъ дномъ на столы, не проливая; однакожъ, молока; это сдѣлали при помощи бумажки, которую сначала покрывали отверзтіе стакана, потомъ обертывали стаканъ вверхъ дномъ, ставили его на столъ, а бумажку выдергивали изъ-подъ него; когда столовая зала опустѣла, служители стали перевертывать стаканы; но который ни возьмутъ — изъ подъ него хлещетъ молоко; послали за экономомъ, но и онъ не могъ придумать средства благополучно снять стаканы; столы и полъ были залиты. Между тѣмъ мы знали, что съ насъ требуютъ отчета за продѣлку; классъ собрался и нашъ предводитель предложилъ объявить, будто всѣ безъ исключенія участвовали въ заговорѣ: всѣхъ не накажутъ. — Но когда насъ дѣйствительно собрали и допросъ начался именно съ нашего предводителя, онъ постыдно струсилъ и первый отперся.

Въ классѣ, который, былъ ниже насъ, предводителемъ былъ еще болѣе недостойный человекъ. Объ немъ-то я и хочу рассказать исторію, чтобъ показать значеніе класснаго общественнаго мнѣнія. Если у нашего предводителя низость была слѣдствіемъ недостатка рѣшимости и потому всегда представлялась въ видѣ спасованья передъ подвигомъ обставленнымъ трудно-

стями, у предводителя нижняго класса Червоннаго *), низость происходила отъ излишества смѣлости, отъ богатства-изобрѣтательности и неусидчивости; онъ отличался спекулятивнымъ умомъ и вотъ какимъ путемъ онъ приобрѣлъ уваженіе своего класса. Всѣ кадеты приносятъ изъ воскресныхъ отпусковъ полные карманы разныхъ лакомствъ; Червонный непремѣнно каждое воскресенье торчалъ у дверей и выпрашивалъ себѣ часть лакомства; къ утру другого дня его столъ былъ похожъ на бакалейную лавку: въ продолженіе недѣли онъ велъ торговлю, промѣнивая конфекты, пряники, фрукты, шпрожное на бумагу, карандаши, перочинные ножи, гусиные перья и проч. Такимъ образомъ другая половина его стола представляла другую лавку — канцелярскихъ принадлежностей: на бумагу и прочее нанимались переписчики учебныхъ тетрадей; поэтому у Червоннаго всегда были исправны всѣ учебныя тетрадки; впрочемъ онъ не всегда одними спекулятивными способностями составлялъ свой капиталъ, но и иногда позволялъ себѣ воровство, что, однакожъ, оставалось долго не открытымъ. — Въ своемъ классѣ онъ не допускалъ себѣ ничего предосудительнаго; напротивъ, весь, почти вещественный капиталъ свой онъ предназначалъ въ обмѣнъ на классное довѣріе, на подкупъ класснаго общественнаго мнѣнія; въ классѣ много было людей безпечныхъ, часто забывавшихъ принести въ классныя залы перо или карандашъ; эти безпечные были почти всегда передовыми въ образованіи и всегда надѣлись найти, что нужно, у Червоннаго; и въ самомъ дѣлѣ, въ классѣ, посвященный, наиримѣръ сочиненію на темы, Червонный раздавалъ повсюду бумагу, чиненныя перья и проч. совершенно безвозмездно.

По рукамъ ходило нѣсколько его же перочинныхъ ножинокъ. Этимъ онъ такъ ослѣпилъ свой классъ, что ему позволялись капризы и гоненія на личности, къ которымъ онъ питалъ личныя антипатіи. Особенно Червонный ухаживалъ за лучшими воспитанниками по наукамъ; кадету, занимавшемуся превосходно исторіей, онъ давалъ свои учебныя тетрадки по другимъ предметамъ и вообще окружалъ его возможнымъ благосостояніемъ, за что, въ свою очередь, историкъ долженъ былъ готовить Червоннаго къ урокамъ исторіи. Отъ этого Червонный такъ хорошо шелъ во всѣхъ наукахъ, что имя его постоянно держалось на красной доскѣ.

---

*) Имя вымышленное.

Но и здѣсь, какъ въ жизни взрослыхъ, всѣ планы гибнутъ отъ страстишекъ; разница только въ характерѣ страстишекъ; у взрослыхъ, напримѣръ, карты, женщины, у Червоннаго была страстишка къ стихамъ; за тетрадь стиховъ онъ готовъ былъ отдать половину своей лавочки; онъ скупалъ ихъ повсюду. У одного пзъ его классныхъ товарищей была тетрадь стихотвореній, почему-то особенно его прельстившая, и онъ сталъ употреблять всѣ мѣры, чтобъ приобрѣсть ее; но хозяинъ не уступалъ, и Червонный, не смотря на все свое пониманье важности общественнаго мнѣнія, не устоялъ; страсть его сгубила; онъ укралъ тетрадь и бѣжалъ съ нею въ лазаретъ, т. е., притворился больнымъ; къ его несчастью, въ лазаретѣ между больными былъ ротный кадетъ, товарищъ хозяйна тетрадки, который увидѣлъ тетрадку и далъ знать хозяйну. Тотчасъ классъ отправилъ въ лазаретъ нѣсколько кадетъ, которые застали Червоннаго съ тетрадкой въ рукахъ и торжественно признали его воромъ. Съ этого времени авторитетъ Червоннаго сталъ быстро разрушаться; отпускные не стали давать ему лакомствъ, переписчики отказались отъ всякихъ сношеній съ нимъ; знатоки наукъ оставили его и торговая жизнь Червоннаго кончилась; онъ обѣднѣлъ и вещественно и нравственно; его стали преслѣдовать насмѣшками и часто случалось намъ быть свидѣтелемъ нравственнаго распинанія Червоннаго. Прежде еще дали ему кличку Мазепа за то, что онъ былъ черный *); но во время блеска Червоннаго, никто не осмѣливался произносить этого слова. Теперь его произносили во всѣхъ углахъ, гдѣ только появлялся Червонный; если онъ привязывался, грозилъ жалобой начальству, вся компата вдругъ оглашалась крикомъ: «мазепа!» И эта ненависть была такъ многозначительна для Червоннаго, что онъ черезъ мѣсяць перешелъ съ красной доски на черную, а черезъ три мѣсяца былъ исключенъ изъ корпуса за лѣность.

Паденіе Червоннаго было важной эпохой въ жизни нашей школы; это, кажется, былъ послѣдній предводитель ея съ дурнымъ характеромъ; послѣ этого стали пользоваться идолопоклонствомъ люди болѣе благородные; слѣдовательно идеаль улучшился. Итакъ, вы видите, что эта маленькая школа имѣла

---

*) Какъ и всегда въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы все носили клички; нѣкоторыя клички имѣли уже опредѣленное значеніе, потому ихъ носили многіе; такъ, напримѣръ, *кошка* означала рѣзваго, навязчиваго мальчика, и потому кошекъ было нѣсколько. Черныхъ называли мазепами, корчагами, лагунами и проч.

свою исторію, свою общественную жизнь со всѣми ея атрибутами: антагонизмомъ, возмущеніями и разрушеніями.

Ни въ одномъ классѣ товарищество еще не развивалось такъ, какъ въ классѣ Червошняго послѣ его паденія. Развитие товарищества въ закрытыхъ заведеніяхъ весьма естественно; по видимому, для мальчика, вступившаго въ школу, должны замѣнить прежнихъ его родныхъ — начальники школы; къ нимъ онъ, по видимому, долженъ обращаться со всѣми вопросами, со всѣми сомнѣніями и секретами; но для этого нужно предполагать въ начальникѣ не естественное богатство отеческой любви, которую онъ могъ бы распространить на нѣсколько согъ дѣтей; поэтому задача начальника состоитъ въ возможномъ безпристрастїи. Разумѣется, что мальчикъ чувствовалъ съ перваго же раза робость предъ начальникомъ и искалъ поддержки и любви въ своихъ ровесникахъ; взаимная потребность поддержки и развивала товарищество. Въ первыхъ классахъ оно еще не бываетъ сильно; въ классѣ чувствуется еще разъединенность и направленіе умовъ не слилось; но черезъ два года или болѣе товарищество становится тѣснѣе. Это явленіе единственный добрый плодъ закрытыхъ заведеній; оно опора нравственности, благородства, строгаго исполненія долга; никогда наказаніе начальства не считалось такъ позорнымъ и не оставило такого глубокаго впечатлѣнія, какъ приговоръ класса. Но наше начальство не довѣряло этой общественной силѣ, и видѣло въ ней оппозицію себѣ; оно было справедливо въ этомъ взглядѣ, но нужно замѣтить, что оно само же и создало эту оппозицію, не дѣлая никакихъ уступокъ въ пользу общественнаго контроля; тогда бы классъ самъ изгналъ изъ себя всѣхъ безнравственныхъ мальчиковъ или, по крайней мѣрѣ, преслѣдовалъ бы ихъ, а это преслѣдованіе исправило бы нравственность кадетъ гораздо скорѣе, чѣмъ таблица балловъ поведенія, выставленная въ загѣ, на которую никто не обращалъ вниманія. — Но начальство не дѣлало уступокъ, слѣдовательно оно не довѣряло кадетамъ, слѣдовательно оно считало ихъ мнѣніе не вѣрнымъ; могло ли это общественное мнѣніе не признать начальство своимъ противникомъ? Начальство пренебрегало общественнымъ мнѣніемъ, слѣдовательно оно не признавало товарищества, которое не существуетъ отдѣльно отъ общественнаго мнѣнія. Последнее есть мысль товарищества, товарищество — форма.

Притомъ начальство и не въ состояніи было вникнуть въ каждое проявленіе общественной жизни кадетъ, не зная ея дру-

жизнь. Общественное мнѣніе не могло гласно высказываться, и потому начальство не совсѣмъ понимало поступки класса. Вотъ одинъ поучительный примѣръ. Онъ случился въ классѣ, который изгналъ Червоннаго. Дежурный офицеръ распекъ классъ за шумъ и вышелъ; какой-то шалуна ударилъ нѣсколько разъ кулакомъ въ дверь вслѣдъ ему, такъ что сосѣдній классъ слышалъ это и подтвердилъ показаніе офицера; не было сомнѣнія, что преступленіе совершено, но классъ отперся, и объявилъ, что онъ не видѣлъ, чтобъ кто-нибудь подходилъ къ двери и былъ въ нее. За такую явную ложь классъ былъ приговоренъ не ходить въ отпускъ, пока не объявитъ имени шалуна; но классъ полгода не ходилъ въ отпускъ, и все-таки не объявилъ; даже кадеты другихъ классовъ не могли вывѣдать у него тайну; на наши вопросы намъ отвѣчали только: «пусть виновникъ всего этого самъ пойдетъ и признается, а до тѣхъ поръ мы не нарушимъ правилъ товарищества, хотя и признаемъ этого мальчика безсовѣстнымъ шалуномъ и преслѣдуемъ его въ настоящее время за его безчестный поступокъ.» — Начальство было принуждено наконецъ уступить. Не въ этомъ ли товариществѣ образуются неподкупные граждане? не показываетъ ли этотъ анекдотъ, что начальство, принявшее поступокъ за сопротивление своей власти, не поняло его? не показываетъ ли это также, какое большое довѣріе можно бы допустить къ классному общественному мнѣнію? Поэтому намъ кажется, что гоненія, которыя дѣлаютъ на рукописные журналы, составляемые почти во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ, не справедливы. Напротивъ, эти же журналы можно было бы сдѣлать могущественнѣйшими орудіями для распространенія между учащимися нравственности, охоты къ занятіямъ и любви къ знанію; кромѣ того они сильно могутъ служить для развитія способности къ сочиненію.

Взгляды непроницательнаго начальства всегда будутъ скользить только по поверхности и оно не будетъ и подозрѣвать, какія внутреннія стремленія двигаютъ классами; они могутъ быть обнаружены только полнымъ допущеніемъ изданія журналовъ. Если какое начальство захочетъ видѣть въ этомъ неудобство, то его можно заподозрить въ недобросовѣстности; если вы заглянете въ каррикатуры этихъ журналовъ, то вы не увидите тамъ ничего, кромѣ насмѣшекъ надъ развратомъ, подлостью и другими недостатками, которые быстро прививаются къ юношеству, не будучи останавливаемы общественнымъ контролемъ. А если и попадется карриатура на толстаго

эконома, или и ка другое что-нибудь, такъ неужели въ этомъ большая опасность? во-первыхъ, значить эконома въ самомъ дѣлѣ подалъ поводъ къ неудовольствію, во-вторыхъ неужели для сорокалѣтняго эконома будетъ обидна насмѣшка дѣтей, если онъ не заслужилъ ее, и наконецъ въ-третьихъ, неужели запрещеніе писать каррикатуры на эконома будутъ благодѣтельны для нравственности дѣтей? оно избавить эконома отъ смѣшного положенія, но дѣтямъ только приведетъ на память басню Крылова «Рѣка и Крестьяне.» Благодородное начальство никогда не постыдится отразиться въ этихъ дѣтскихъ журналахъ во всей своей наготѣ.

Начальство нашей школы не умѣло совпадать съ прекрасными побужденіями юношества, не умѣло угадывать, когда юношество само готово къ принятію полезныхъ идей и всегда ошибалось, потому что не изучало исторіи внутренняго развитія школы. Все, что оно хотѣло внушить юношеству добраго, принималось враждебно; притомъ оно и не казалось намъ безукоризненнымъ; правда, что не ошибаться нельзя, но — не сознаваться въ своихъ ошибкахъ безнравственно.

Журналы развили бы другой взглядъ на науку и ученіе. Мы всё смотрѣли на науку, какъ на средство для полученія офицерскаго чина. Журналы уничтожили бы этотъ односторонній взглядъ. У насъ въ классѣ существовало гоненіе на разные преступленія, но не на лѣнь; напротивъ лѣнницы пользовались большимъ расположеніемъ; журналы очистили бы товарищество отъ тѣхъ злоупотребленій, какія пзъ него дѣлали эти люди, пріобрѣвшіе себѣ значеніе въ классѣ единственно толстыми кулаками, постоянно подзадоривавшіе весь классъ «не выдавать», и всегда первые отступавшіе.

При такомъ равнодушіи къ наукѣ, кадеты нерѣдко составляли заговоры противъ учителей, сговаривались не готовиться и молчать на всё вопросы; въ этомъ опять заподозрѣвали товарищество, тогда какъ не оно, а духъ заведенія былъ тому виною, поддерживая между нами и вліяніе жокаковъ. Мы инстинктивно понимали несостоятельность этого вліянія, основаннаго единственно на виѣшнихъ средствахъ, на кулачномъ или денежномъ господствѣ, боролись съ такими лицами и уничтожали ихъ значеніе. Но послѣ паденія однихъ возникли другіе, такіе же дурные предводители, и опять начиналась такая же борьба, такъ что вся исторія внутренней жизни школы представляетъ рядъ конвульсій, въ которыхъ она бьется, стараясь

возвыситься надъ односторонностью, пустотой и бесплодностью воспитанія, дающаго единственно исправныхъ и неразумяющихъ офицеровъ, и я, можетъ быть, былъ только свидѣтелемъ одной изъ этихъ конвульсій, которымъ суждено повторяться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится самый принципъ воспитанія. Вѣдь инаго конца нельзя предполагать этимъ живымъ, успіямъ юности; оно борется только противъ личностей и изгоняетъ ихъ, но оно не въ состояніи уничтожить самый типъ, зародыши котораго лежатъ на такой глубинѣ, куда не достигаютъ классныя потрясенія.

Равнодушіе къ наукѣ еще болѣе подкрѣплялось незанимательностью преподаванія наукъ; нельзя было одобрить тогдашняго выбора учителей; многіе изъ нихъ читали свои лекціи по книгѣ; нѣкоторые откровенно держали передъ собой книгу и читали ее; скандалъ доходилъ до того, что учитель, слышавъ въ сосѣднемъ классѣ голосъ директора, бросалъ книгу и вызывалъ ученика для репетиціи, какъ-будто чтенія и вѣкъ не бывало; директоръ входилъ; учитель обращался къ ученику, какъ-будто тотъ давно уже отвѣчаетъ: «ну, далѣе! еще что скажете объ этомъ предметѣ!» И ученикъ начиналъ фантазировать отвѣтъ. Другіе читали наизусть, книги въ рукахъ не держали и даже ходили изъ угла въ уголъ; но слѣдовало только взять въ руки печатанный учебникъ и только мѣстами вычеркивать то, что улетѣло у учителя изъ памяти, когда онъ шелъ въ классъ; остальное было слово въ слово. Такая бездѣятельность учителя производила въ его ученикахъ апатію, и во всѣхъ такихъ предметахъ, я хорошо помню, мы всегда дурно учились, и вотъ противъ такихъ-то учителей составляли заговоры.

Я хочу особенно остановиться на учителяхъ словесности, какъ на лицѣ, которому одному слѣдуетъ приписать хорошія впечатлѣнія ученія, вынесенныя многими изъ этой школы. И кромя него были люди честные, но они не имѣли важнаго значенія. Учитель географіи отличался обширными свѣдѣніями въ элементарной географіи, каталожнымъ запасомъ собственныхъ именъ и цифръ; его любили за мягкость его характера, также какъ и учителя исторіи, но оба они читали свои предметы не удовлетворительно, потому что не имѣли силъ быть самостоятельными. Географія казалась легкой, но въ то-же время и скучной наукой; одни собственные имена и краткія понятія объ устройствѣ вселенной составляли предметъ ея; заучить наизусть какой бы ни было реестръ названій и общія фразы о фигурѣ

земли было не трудно, но и безразлично; къ выводамъ астрономіи мы должны были питать во большей части слѣпую вѣру, отчего мыслительность нисколько не развивалась, и изъ школы выходили такіе, какъ напримѣръ одинъ мой товарищъ, который никакъ не могъ отказаться отъ видимаго движенія солнца. Будучи уже офицеромъ, онъ иногда говорилъ: все это ловко придумано, и больше ничего; и телескоповъ нѣтъ, и Европы нѣтъ; всѣ наши учителя сговорились обмануть насъ, и дѣйствуютъ по общему плану. — И европейской Россіи нѣтъ? спрашивали его. — Нѣтъ. — И Петербурга нѣтъ? — И Петербурга нѣтъ. Только и есть одинъ городъ въ свѣтѣ, въ которомъ я живу. — Но вѣдь о Петербургѣ разказываютъ точно то-же, что въ географіи, такіе люди, которыхъ никакъ нельзя считать участниками въ заговорѣ учителей. — Ихъ подкупили, когда они сюда пріѣхали. — Но какая же цѣль этого заговора? — Не знаю. — Разумѣется, что это была шутка; но изъ нея видно, что онъ, чувствуя свое безсиліе углубиться въ доводы науки, не хотѣлъ принять ея выводы слѣпо, и старался оправдать себя хоть непризнаніемъ всей науки. По крайней мѣрѣ, это показывасть его мучительное положеніе.

Открытія астрономіи и геологіи остались для насъ неизвѣстны; существованія послѣдней науки изъ насъ никто даже и не подозрѣвалъ; мы знали множество рѣкъ, горъ, озеръ, городовъ, и между тѣмъ были лишены маглѣйшаго понятія о космическихъ явленіяхъ и послѣдовательности образованія планетной системы. Также ничего мы не узнали о характерѣ земной поверхности, о вліяніи физическихъ условій на развитіе рода человѣческаго, о постепенномъ ходѣ этого развитія и картинѣ настоящаго положенія человѣческихъ расъ на различныхъ ступеняхъ просвѣщенія; что все, по настоящему, и слѣдоваю составлять этнографическую (политическую) географію. Но отсутствіе этого высокаго интереса облегчало занятія учениковъ; кромѣ того, географія много вытравывала и тѣмъ еще, что въ ней не трудно было фантазировать, присочинять, гдѣ не хватало памяти; напримѣръ: городъ Геттингенъ имѣетъ канатную фабрику, городъ Кельнъ ведетъ торговлю съ Америкой. Конечно много забавныхъ промаховъ надѣласть ученикъ при сочиненіи этихъ характеристикъ, но кто же ихъ замѣтитъ, когда онъ говоритъ съ увлеченіемъ, а экзаменатору вслушиваться въ каждое слово — надоѣло; прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ когда-то учился географіи, гдѣ ему теперь помнитъ,

чѣмъ каждый городъ займчателенъ; онъ караулитъ только, чтобъ ученикъ не махнулъ ужь черезъ чуръ, что-нибудь въ родѣ того, что Архангельскъ владѣеть обширными виноградниками, или Калуга пограничный городъ.

Преподаватель исторіи, по существу своей науки не могъ довести свои лекціи до той умѣренности, до которой были доведены лекціи географіи; но и здѣсь не представлялось свободы размышленію, потому что учитель передавалъ одинъ голый перечень событій; не имѣя примѣра для обсужденія событій, ученики смотрѣли на науку, какъ на длинную сказку, которую нужно знать, чтобъ получить удовлетворительный баллъ.

Учитель словесности одинъ изъ всѣхъ приучилъ насъ къ правдѣ въ жизни. О многомъ онъ умолчалъ, за что будетъ отвѣчать предъ судомъ своихъ учениковъ, но все-таки далъ имъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Его преподаваніе было неудовлетворительно, и болѣе, чѣмъ чье-нибудь, походило на шарлатанство. Онъ приходилъ въ классъ, приносилъ съ собой кипу книгъ для выдержекъ, зачитывался про себя до звонка, и уходилъ, не сказавши ни слова; такъ тянулось почти до экзамена; тутъ онъ вдругъ озадачивалъ всѣхъ громадой листовъ, написанныхъ имъ для руководства; всѣ спѣшили переписать ихъ, и за день до экзамена знакомились совсѣмъ годичнымъ курсомъ; самое руководство было составлено изъ критическихъ отрывковъ, выбранныхъ изъ журналовъ, иногда слово-въ-слово. Но всю эту безалаберность ему прощали за его отвращеніе къ всему отсталому въ заведеніи. Онъ заклеивалъ всѣхъ стариковъ, тяготѣвшихъ надъ юношествомъ, злыми насмѣшками; хотя онѣ и не производили никакого измѣненія въ порядкѣ вещей, потому что и произносились-то не передъ лицомъ врага, но все-таки приносили облегченіе душамъ; послѣднія успокоивались и этимъ маленькимъ мщеніемъ. — Крохѣ этой заслуги, онъ одинъ знакомилъ насъ съ русскимъ народомъ и научилъ любить его. — Насмѣшка придавала ему такую силу, что сказать ему дерзость было дѣломъ большой отваги; въ его классѣ всегда было тихо, хотя мальчики занимались, чѣмъ хотѣли; эта свобода, нетребованіе какаго-то тушаго вниманія къ репетиціи о предметахъ, которые всякій уже изучилъ наизусть, притомъ часто къ репетиціи слабого ученика, наводящаго тоску своимъ занканьемъ, — дѣлали его классъ любимымъ. Образъ его всѣ уносили пзъ заведенія въ своемъ воображеніи, его высокій лобъ, очки, которые онъ поправлялъ четвертью, коричневый сюртукъ, ротъ,

который онъ широко открывалъ, когда смѣялся и тихія движенія, придававшія ему важность.

Болѣе успѣшно было преподаваніе русской грамматики; здѣсь онъ былъ менѣе безпеченъ, но также чуждъ предразсудковъ. преподаваніе начиналось прямо съ синтаксическаго разбора, оканчивалось этимологическимъ, и только. Разумѣется этого было недостаточно вообще для полнаго образованія, но достаточно для того, чтобъ мы писали понятно и правильно. Менѣе успѣха было въ сочиненіи, но въ этомъ онъ, кажется, былъ ограниченъ вышними наставленіями, съ которыми онъ боролся постоянно, но не всегда съ успѣхомъ. Мы писали сочиненія на темы; вообще трудно выбирать темы для дѣтей, а для насъ задавали постоянно: «о благодарности обществу за воспитаніе», «о любви къ Богу, и преданности престолу и отечеству», «о преимуществѣ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ», «о дружбѣ и товариществѣ». При этой методѣ научились сочинять только тѣ, которые имѣли такія дарованія, что сами инстинктивно умѣли найдти средства къ образованію слога. Чтобъ писать на такую отвѣченную тему, необходимо было имѣть объ предметѣ свое мнѣніе, необходимо уже принадлежать къ партіи, а мы, когда намъ задавали «о преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ» въ первый разъ узнавали, что существуютъ такія преимущества. Недостатокъ мыслительности происходилъ отъ сухости преподаванія географіи и исторіи, гдѣ не заботились о критической способности въ головѣ мальчика. Потому большая часть ограничивалась списываньемъ у другихъ, а тѣ, которые считали унижительнымъ списыванье, съ трудомъ могли написать болѣе шести строкъ, почти всегда состоявшихъ изъ нелѣпостей.

Метода образованія слога посредствомъ переложенія стиховъ въ прозу у насъ не была употребляема, хотя она была въ употребленіи въ другихъ заведеніяхъ. Здѣсь также хотять отъ мальчика невозможнаго; чтобъ распространить мысли поэта нужно уже имѣть силу творчества; а ея то и нѣтъ у мальчика, ея то и нужно пробудить въ немъ. Вотъ отчего взрослому кажется легко расшлодить слова въ стихотвореніи, а мальчикъ тупо смотритъ на это. Я расскажу, какія случайныя обстоятельства развили во мнѣ способность изложенія; однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ моихъ къ тому было составленіе лекцій исторіи и географіи; ни тѣхъ, ни другихъ нельзя было найдти ни въ какомъ руководствѣ; это заставило меня записывать ихъ во время учительскаго чтенія, и приходя въ спальни, я приводилъ ихъ въ

порядокъ, давалъ имъ видъ гладкаго разсказа; составленіе такихъ записокъ въ продолженіе шести лѣтъ плодотворно подѣйствовало на *сочинительную* способность. Иногда я инстинктивно нападалъ на мысль дѣлать переложенія, но болѣе естественныя, чѣмъ переложеніе стиховъ. Такъ, напримѣръ, я однажды для своего товарища написалъ по своему «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», которые прочиталъ въ городѣ, но не могъ принести съ собой въ корпусъ. Въ этомъ случаѣ мысли уже готовы, а слогъ предоставляется мальчику создать свой. Большое чтеніе и оживленное преподаваніе исторіи и географіи разовьетъ его мыслительную способность. У насъ недоставало чтенія; всѣми мѣрами старались о томъ, чтобы гимнастикой и играми поддержать здоровье мальчиковъ, о чемъ не стоило и хлопотать, потому что и безъ того мальчики не подавали опасеній о здоровьи и не стлчались особенной усидчивостью. И надъ чѣмъ было засидѣться? Библіотека была недоступна для насъ; не многіе пользовались позволеніемъ доставать оттуда книги; но и этихъ старался обмануть библіотекаръ, почти всегда отиѣчая, что требуемой книги нѣтъ въ библіотекѣ, пока его не уличали во лжи и не указывали книгу въ шкафѣ. Боялись, впрочемъ, чтобъ мы не зачитывали книгъ; въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые брали книги только съ цѣлью вырвать оттуда картинки; но это варварство и происходило оттого, что масса не была заинтересована правомъ брать книги и потому продѣлки палуновъ не подвергались общественному суду.

Въ комнатныхъ библіотекахъ было не много книгъ; вотъ лучшія: сочиненія Пушкина, исторія Карамзина, путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля и Юрій Милославскій. Я уже говорилъ, легко ли было достать книгу изъ этого хранилища; современные журналы вовсе не пропускались; боялись безнравственности, повѣстей и стихотвореній, какъ будто пустая безцвѣтная жизнь не была самымъ богатымъ источникомъ безнравственности. Слѣдствіемъ этого было то, что мы всѣ выходили изъ своей школы, многого не прочитавши; такимъ образомъ я прочиталъ Мертвыя Души черезъ пять лѣтъ по выходѣ изъ корпуса, не смотря на постоянныя исканія этой книги. Провинція бѣдна книгами; первое произведеніе Шекспира прочитано мной чрезъ семь лѣтъ. Вотъ еще любопытныя статистическія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; изъ двадцати моихъ товарищей по классу, возвысившихся до чтенія вполне ученыхъ книгъ — не вышло никого; двое поднялись до критики въ журналахъ; пять читали

повѣсти и рассказы; остальные охотно слушали, исключая одного, который вышелъ изъ корпуса, не прочитавши ни одной книги. Ничто такъ не развиваетъ индивидуальныя способности, какъ чтеніе по собственному произволу учащагося, а не по указанію; разумѣется, въ развитіе вкрадутся ошибки, но предусмотрѣть ли ихъ учитель, который обязанъ разомъ заботиться объ двухъ стахъ мальчикахъ. Не знаю, какая была польза у насъ стараться сдѣлать господствующимъ чтеніемъ — біографіи русскихъ генераловъ, въ которыхъ, кромѣ формулярныхъ списковъ, ничего не было.

Выводъ изъ этого разсказа я предоставляю сдѣлать самому читателю, пусть онъ самъ рѣшитъ, гдѣ коренные недостатки учрежденія; я только прибавлю, что нѣкоторые лица и не могутъ дать другаго воспитанія своимъ дѣтямъ, какъ только въ этомъ заведеніи — это военные поселенцы.

ГРИГОРІЙ ПОТАНИНЪ.

ГАЛЛЕКРЕЯ ДАГЕРОТИПНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія.

Если вы когда-нибудь приглядывались къ толпѣ, останавливающейся передъ картинами и гравюрами или даже просто-напросто передъ фотографическими портретами, и замѣчали въ этой толпѣ пожилаго человѣчка (не хочется сказать старичка) небольшого роста, съ пріятною улыбкою и живыми глазками — это былъ я. Если въ театрѣ съ вами заговаривалъ веселый старичокъ и высказывалъ свое мнѣніе о драматическомъ искусствѣ такъ ловко, что оно непремѣнно сходилось съ вашимъ — это былъ я. Если на пароходѣ, петергофскомъ, кронштадтскомъ или какомъ-нибудь другомъ, вы встрѣчали старичка, дружелюбно разговаривающаго съ капитанами и шкиперами и уступающаго свое мѣсто дамѣ, хотя бы она представляла идеальное безобразіе — это былъ я. Коротко сказать: я — тотъ самый, милый (говорю безъ лести), пріятный старичокъ, еще весьма бодрый, котораго вы встрѣтите въ Петербургѣ на каждомъ шагу, встрѣтите всюду, отъ приходской церкви до самаго безобразнаго гулянья, гдѣ-нибудь за московскою заставой. Я истинный сынъ Петербурга и знаю его какъ свои пять пальцевъ. Ёдетъ ли въ великолѣпнѣйшей коляскѣ прекрасная дама, нарядная и граціоз-

ная, спросите меня кто она — я вамъ скажу; она меня не знаетъ; но я, я знаю ее отлично; она такая же необходимость въ Петербургѣ, какъ и я. Пройдетъ ли по Невскому баринъ сановитой наружности, который покажется вамъ тузомъ, — я могу по секрету сообщить вамъ, что это просто-на-просто роевщикъ. Пролѣтитъ ли на рысакѣ молодой человѣкъ съ лицомъ, сияющимъ довольствомъ и беззаботностью, я могу шепнуть вамъ:

— Не вѣрьте беззаботной и веселой наружности, этотъ молодой человѣкъ не знаетъ какъ отдѣлаться отъ грозящей ему тюрьмы.

Остановилась ли у моднаго магазина карета, изъ которой выскочило прелестнѣйшее созданіе природы, невинное и скромное, такъ что посмотрѣть на нее — грѣхъ и преступленіе, я знаю положительо, что это невинное созданіе пріѣхало на свиданіе, а мужъ въ должности. Я знаю поголовно весь цвѣтъ нашей аристократіи; знаю чиновничество и купечество; знаю всѣхъ литераторовъ и артистовъ и нерѣдко случается мнѣ объяснять толпѣ зѣвакъ, что вотъ это-де портретъ Ивана Сергѣевича Тургенева, это Василія Васильевича Самойлова, это Анны Ивановны Прихуновой и проч. и проч. Никто изъ нихъ не знаетъ меня; но развѣ это мѣшаетъ дѣлу? дѣло въ томъ, что я-то знаю всѣхъ безъ исключенія; знаю всю подноготную.

Долгое время, сознаюсь откровенно, я занимался сплетнями; занимался ими съ омерзеніемъ, потому что на днѣ души моей лежитъ много благородства: но дѣло-то въ томъ, что не было другаго исхода моей юркости. Характеръ у меня живой, а занятій нѣтъ; наблюденій бездна — надо же подѣлаться ими съ кѣмъ-нибудь, — я и сплетничалъ.... Теперь баста! Когда дѣло пошло на усовершенствованія, улучшенія, перемѣны и прогрессъ; когда самыя улицы получили новыя названія, что какъ я полагаю, можетъ способствовать распространенію географическихъ познаній, когда наконецъ, полиція облечена въ новую, благороднѣйшую форму, — тогда, ясно, и я долженъ переродиться.

Подумалъ я, подумалъ: какъ мнѣ переродиться? посмотрѣлъ на право, посмотрѣлъ на лѣво и озарило меня свыше! Самое пріятное и самое модное занятіе — писать. Всѣ пишутъ; я не говорю уже о студентахъ, гимназисты среднихъ классовъ принялись за романы, повѣсти и обличительныя статьи — вотъ оно куда пошло! Чегожъ мнѣ задумываться; сплетни въ сторону; перо въ руки и пошла писать! Я открываю галерею дагеротипныхъ портретовъ; тутъ будутъ показываться всѣ мои знакомцы

и знакомки, т. е., не тѣ, которые меня знаютъ, а тѣ, которыхъ я знаю.

Милые образы! долго носилъ я васъ въ душѣ своей, долго любовался вами, долго жилъ съ вами, скрывая васъ отъ посторонняго взора, какъ скрываетъ ревнивый паша своихъ престеленныхъ одалискъ... Но, ударилъ часъ! намъ должно разстаться; отрывая отъ сердца, пускаю васъ въ мѣръ Божій; пусть вами любуются. Полюбоваться есть чѣмъ.

I.

Было часа три ночи; фонари горѣли только на видныхъ улицахъ, да и то весьма тускло и неровно; словно они мигали; сентябрьскій дождь хлесталъ немилосердно; вѣтеръ шумѣлъ, неустойчиво и порывисто разгуливая по улицамъ, тѣсно ему было между высокими домами, хотѣлось бы ему опрокинуть всѣ эти ненавистныя зданія и вырваться въ чистое поле, погулять на свободѣ. Грязно, сыро и холодно было на дворѣ; вообще погода стояла такая, въ какую, какъ говорится, добрый хозяинъ и собаки не выгонять изъ дому. Извозчики словно провалились; кромѣ дежурныхъ дворниковъ, постукивающихъ съ просонья палками, на улицахъ не было ни души; кого понесетъ въ такую погоду? Такъ полагалъ и генералъ Завалищевъ, страдающій безсонницею и хроническимъ ревматизмомъ.

— Погодка-то разгулялась, говорилъ онъ своему несчастному камердинеру; несчастному потому, что ему не было покоя ни днемъ, ни ночью.

— Разгулялась, ваше превосходительство, отвѣчалъ камердинеръ, потирая генеральскую поясницу.

— Скверная погода.

— Скверная, ваше превосходительство.

— Теперь, я думаю, ни одной собаки нѣтъ на улицѣ.

— Надо полагать всѣ спятъ, ваше превосходительство.

— Да, всѣ спятъ; кого понесетъ въ такую погоду?...

Такое же предположеніе дѣлала и Марья Семеновна Ахлебова, разбуженная мужемъ, которому пригрѣзились черти.

— Матушка, Марья Семеновна, они меня унесутъ, шепталъ еще не совсѣмъ протрезвѣвшій Ахлебовъ.

— Очень имъ нужно этокое сокровище, толковала разгнѣванная Марья Семеновна: — и кабы и унесли, такъ бы доброе дѣло сдѣлали.

— Унесутъ; слышь — воютъ, слышь?...

— Полно ты, бестыжіе твои глаза, ишь ты какъ налопался своего проклятаго зелья, до сей поры пьянъ; воютъ, пьяная ты рожка! вѣтеръ воесть... ты посмотри погодка какова; чай, на улицѣ-то ни одной окаянной души не покажется...

Извѣстная многимъ брюнетка, та самая, на которую въ театрахъ такъ заглядываются сладострастные старички, то-же не спала и кокетливо потягиваясь на батистѣ и кружевахъ, говорила кому-то:

— Все къ лучшему; видишь какая погода, на улицу носа пельзя высунуть; я думаю собаки и тѣ попрятались.

То-же думала и какая-нибудь обитательница Песковъ или петербургской стороны, заботливо прикрывая своего ребенка. То-же думалъ, вѣроятно, каждый, проснувшись объ эту пору и прислушиваясь къ шуму проливнаго дождя и жалобному завыванью вѣтра; у всѣхъ, я думаю, было одно на умѣ и на языкѣ: кого понесетъ въ такую погоду?...

А между тѣмъ былъ такой злополучный. Несло его вѣтромъ черезъ грязь и лужи. Съ отчаяннымъ смрениемъ, заложивъ руки въ карманы драповаго пальто, пробитаго насквозь дождемъ, шагаль Артамонъ Родіоновичъ Рожковъ. Невозможно, да и бесполезно было ему разбирать и обходить лужи; кругомъ все одно и то-же. Высокій ростомъ и, въ хорошую погоду, довольно видный, Артамонъ Родіоновичъ согнулся теперь, скорчился отъ мокроты и холода и представлялъ весьма некрасивую фигуру — такова сила обстоятельствъ. Иной въ одномъ мѣстѣ — пѣтухъ, пѣтухомъ, а въ другомъ — хуже мокрой курицы. Шляпа Рожкова превратилась въ безобразный колпакъ; воротнички, обыкновенно гордо и высоко торчащіе, опустились мокрыми тряпочками; сапоги и калоши, налитые дождемъ, шлепали и прпсвистывали. Артамонъ Родіоновичъ шагаль больше по какому-то чутью, чѣмъ на-глазъ; спотыкался о тумбы, натыкался на заборы и радъ-радъ бывалъ когда выбирался на улицу, хоть кое-какъ освѣщенную. Промокшаго до костей, его такъ прохватывало вѣтромъ, что зубы начинали постукивать и руки коченѣли въ мокрыхъ карманахъ. Но, кто повѣритъ этому, Рожковъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа; онъ былъ доволенъ; не тѣмъ, конечно, что на дворѣ стоитъ такая скверная погода, а тѣмъ.... Позвольте, Артамонъ Родіоновичъ у берега, т. е., у своей квартиры. Отряхнувшись нѣсколько, почти такъ, какъ отряхивается выкупанная собака, Рожковъ осторожно позвонилъ.

— Кто тутъ? раздаѣся за дверью полусонный голосъ кухарки.

— Я, я, отвори, проговорилъ полупешотомъ Артамонъ Родіоновичъ.

Дверь отворилась. Сбросивъ пальто, калоши и шляпу, Рожковъ на цыпочкахъ и выставивъ руки впередъ, сталъ ощупью пробираться по комнатамъ. Кухарка зажгла свѣчу и явилась въ помощь барину, безпрестанно цѣпляющемуся за стулья, диваны и другую мебель.

— Экъ васъ отлущило, Артамонъ Родіоновичъ, замѣчаетъ кухарка, помогая Рожкову раздѣваться: — чай нитки сухой нѣтъ.

— Ничего, ничего, отвѣчаетъ Рожковъ шуточно: — не сахарный, не разстаялъ; видишь — весь тутъ.

Отпустивъ кухарку и облачившись въ халатъ, Артамонъ Родіоновичъ съ пріятною улыбкою входитъ въ спальню. Супруга его Дарья Петровна спитъ, спитъ легко всхрапывая. Снится ей балъ въ благородномъ собраніи, Лядовъ играетъ польку, къ Дарьѣ Петровнѣ подходитъ офицеръ вѣдомства путей сообщенія и она несется съ нимъ по залѣ, не касаясь, какъ говорили баронъ Розенъ и другіе знаменитые повѣтствователи, паркета, несется, опираясь на руку соблазнительнаго путейскаго офицера, и слышитъ его дыханье, пріятно отзывающееся табакомъ. Сладкія рѣчи путейскаго офицера, всѣ они мастера на это дѣло, льются божественнымъ нектаромъ въ нѣжную душу Дарьи Петровны и уносятъ ее на седьмое небо, куда, по всей вѣроятности, никогда не попадетъ Артамону Родіоновичу. Какъ это пріятно! какъ это пріятно! восклицаетъ мысленно счастливая Дарья Петровна. Ловкій кавалеръ какъ-бы въ награду за то, что унесъ свою даму на седьмое небо, нагибается и цѣлуетъ ее въ плечо.

— Ахъ! вскрикиваетъ Дарья Петровна и... просыпается; передъ нею мужъ. Тѣ изъ дамъ, которымъ снилось когда-нибудь седьмое небо, куда не пускаютъ мужей, легко поймутъ непріятное положеніе пробужденной Дарьи Петровны.

Сильно раскрасившееся лицо Рожкова, украшенное коротко подстриженными волосами и бакенбардами съ просѣдью, улыбалось; глазки, нѣсколько прищуренные и веселые, глядѣли тѣмъ заискивающимъ и ласкательнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ обыкновенно ловкіе подчиненные. Дарья Петровна посмотрѣла такъ сурово и кисло на мужа, что онъ немного сконфузился и, растерявшись, нашелся только спросить:

— А ты уже спала, душечка?

— Какой глупый вопросъ! разумѣется спала, не шататься же мнѣ по ночамъ, какъ вы шатаетесь.

— Я не шатаюсь, съострилъ Рожковъ, желая разсмѣшить разгнѣванную супругу: — я душечка, былъ въ такомъ обществѣ, въ такомъ пріятномъ обществѣ, что просто вотъ что... онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и присѣлъ на кровать.

— Въ какомъ это? спросила Дарья Петровна, лѣниво зѣвая и отварачиваясь отъ мужа.

— Вотъ люди, вотъ жизнь-то гдѣ истинная! началъ восторженно Рожковъ: — мы что такое? мы несчастные чиновники, мы прозябаемъ; а тамъ все это кишитъ... Тамъ умъ работаетъ... Разумная жизнь и дѣятельность... вопросы... Очень ясно: корень зла лежитъ въ воспитаніи... гласность нужна... открытое судопроизводство... Что такое генералъ? мы всѣ равны... Я все это понимаю очень хорошо, я кончилъ курсъ въ университетѣ... До сихъ поръ все это было подавлено во мнѣ, забыто; но теперь меня разбудили, я прозрѣлъ... я гляжу на вещи трезво, я признаю права женщины, я даю тебѣ полную свободу, слышишь, душечка; слышишь, повторилъ Артаномъ Родіоновичъ, но душечка уже давно ничего не слышала; ей, можетъ быть, опять снились седьмое небо и путейскій офицеръ.

Нѣсколько обезкураженный, Рожковъ тихо раздѣлся и легъ, но долго еще не могъ заснуть. Воображеніе уносило его въ то пріятное общество, о которомъ повелъ онъ было свою восторженную рѣчь. Все въ этомъ обществѣ представлялось мысленному оку Рожкова чѣмъ-то великимъ, недосягаемымъ.

— И вдругъ—думалъ онъ съ пріятною гордостью—вдругъ я, простой начальникъ отдѣленія, знакомлюсь съ литераторами, провожу время въ ихъ обществѣ. Господи! какое наслажденіе посылаешь ты мнѣ!

Мало-по-малу мысли его путаются; онъ думаетъ о томъ, что литература теперь въ модѣ и что не мѣшаетъ въ первомъ же докладѣ щегольнуть краснорѣчіемъ и упомянуть какъ-нибудь о крестьянскомъ вопросѣ или о гласности; думаетъ и о томъ, что все дьявольски дорого въ Петербургѣ, а то бы можно давать вечера и приглашать литераторовъ и артистовъ; за тѣмъ крылатая мысль переноситъ Рожкова въ театръ, за кулисы и какимъ-то пріятнымъ жаромъ охватываетъ его остывающее сердце... Вотъ Артаномъ Родіоновичъ ѣдетъ въ каретѣ, онъ сдѣланъ мнистромъ народнаго просвѣщенія; пытый мундиръ его увѣшанъ

звѣздами... Потомъ звѣзды и шитый мундиръ пропадаютъ; онъ въ нагольномъ тулупѣ, на рукахъ и на ногахъ кандалы: «я либераль, я красный!» говоритъ Рожковъ, а Дарья Петровна, вдругъ очутившаяся подлѣ, говоритъ: «Ты старый дуракъ!» Потомъ Артамонъ Родіоновичъ купался въ морѣ; передъ глазами небо и вода; все покрывается туманомъ; туманъ становится гуще и чернѣе... И, наконецъ, въ спальнѣ слышно только храпѣнье двухъ супруговъ и однообразный стукъ маятника дешевыхъ стѣнныхъ часовъ.

Вѣрно очень хорошія сновидѣнія послалъ Богъ сна въ эту ночь пылкой Дарьѣ Петровнѣ, потому что проснувшись она утромъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и весьма терпѣливо выслушивала восторженные рассказы Артамона Родіоновича о томъ пріятномъ обществѣ, въ которомъ онъ засидѣлся вчера.

— Ты однако — замѣтила Дарья Петровна — часто засыживаешься тамъ; тебѣ видно тамъ очень пріятно...

— Ахъ, душечка, вѣдь что за люди, что за очаровательные люди; вѣдь я поумнѣлъ и помолодѣлъ съ ними.

— Ну, очень рада, очень рада... мнѣ хоть и скучновато безъ тебя, ну, да чтожь дѣлать? я для твоего удовольствія готова жертвовать своимъ... дѣлать нечего, буду скучать съ Иваномъ Николаевичемъ (путейскій офицеръ, котораго Дарья Петровна видѣла во снѣ), а ты веселись.

— Ахъ, ты моя умница, ахъ, ты моя душечка... я, ей Богу, не вытерплю, скажу тамъ, ей Богу, скажу: вотъ, господа, у меня жена, — стоитъ, скажу описать; можно сказать *femme d'esprit*, ни въ чемъ меня не стѣсняетъ, глядитъ на вещи трезво и разумно: однимъ словомъ, такъ сказать, Жоржъ-Зандъ...

— Вотъ какъ...

— Честное слово!

Дарья Петровна очень мило улыбнулась.

— А я знаешь что думаю иногда, душечка — началъ весело Артамонъ Родіоновичъ, хлебнувъ чаю — вѣдь они чего добраго опишутъ меня когда-нибудь, т. е., не въ дурномъ видѣ, мѣтъ... вѣдь я то-же штука; вѣдь я на тонкости пустился; я вѣдь рассказалъ тамъ такихъ штукъ, что другому и не выдумать... Я какъ махнулъ: вѣдь я, говорю, начальства непризнаю, мнѣ все равно; подчиненные мнѣ друзья — понимаешь?.. Вѣдь я, говорю, либераль, я и въ Бога не вѣрую — ей Богу, такъ и сказалъ...

— А они что же?

— Смѣются; о! говорятъ, да вы человекъ опасный. Я говорю: что дѣлать, какой есть, это мои убѣжденія... Однако, батюшки, батюшки! — перебилъ себя съ нѣкоторымъ ужасомъ Рожковъ, взглянувъ на часы. Безъ десяти минутъ двѣнадцать... ай! опоздаю, опять нахлобучка будетъ... Душечка милочка! дай мнѣ двугривенный, надо будетъ на извозчикъ ѣхать... Афросинья! одѣваться скорѣй!..

Рожковъ одѣвался съ тою быстротою, съ какою одѣваются военные на тревогѣ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже готовъ.

— А что же ты не надѣлъ крестъ — замѣтила ему Дарья Петровна.

— Онь у меня въ карманѣ — отвѣтилъ Артамонъ Родіоновичъ — я его надѣваю только въ должности — понимаешь тонкость?... ну прощай душечка... гдѣ Сережа? — добавилъ онъ, обращаясь къ Афросиньѣ.

— Да чай съ ребятишками на дворѣ балуютъ.

— Ну, прощай.

— Прощай, вотъ тебѣ на извозика.

Артамонъ Родіоновичъ полетѣлъ въ должность, а Дарья Петровна занялась туалетомъ, припоминая всѣ соблазнительные сны прошедшей ночи.

Что сулятъ они на яву? Приѣдетъ ли сегодня Иванъ Николаевичъ? Будетъ ли онъ также милъ на яву, какъ является въ грезахъ?..

Вотъ о чемъ задумалась уже принарядившаяся Дарья Петровна, сидя у окна и зажмурившись, съ какимъ-то лукавымъ и вмѣстѣ мечтательнымъ видомъ. Въ передней раздался громкій звонокъ, отъ котораго вздрогнула и сильно забилось сердце Дарьи Петровны.

Въ швейцарской Артамонъ Родіоновичъ Рожковъ навязалъ крестъ на шею и, принявъ официальную наружность, важно и торжественно поднялся по широкой лѣстницѣ въ свое отдѣленіе. Шумъ отдвигающихся стульевъ, шарканье ножками и поклоны выразили то почтеніе, какое внушало къ себѣ Артамонъ Родіоновичъ.

— Директоръ здѣсь? спросилъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому; но хорошо уже извѣстно было всѣмъ, что отвѣтить на такой вопросъ можетъ только столоначальникъ или, въ самомъ крайнемъ и удобномъ случаѣ, какой-нибудь бойкій помощникъ столоначальника.

Столоначальникъ Буркаловъ отвѣтилъ:

— Да-съ, директоръ здѣсь.

Рожковъ пересмотрѣлъ на-скоро поданныя ему бумаги, высмотркася, поправилъ крестъ, воротнички, бакенбарды и легкою поступью отправился въ *директорскую*. Здѣсь каждому легко было бы убѣдиться, что Артамонъ Родіоновичъ сильно клеветалъ на себя, увѣряя, что онъ не признаетъ начальства. Вся фигура его, слегка наклоненная, сладкій и пріятно-скромный взглядъ, каждый мускулъ на лицѣ, каждое движеніе изобличали то глубочайшее и нѣсколько подленькое уваженіе, которое привыкъ питать Рожковъ къ старшимъ. Голосъ его вдругъ получилъ какой-то мягкій, въ душу вливающійся звукъ; рѣчь, при объясненіи по какому-нибудь дѣлу, текла плавно и тихо, словно скромный ручеекъ. Движенія были умѣренны и не лишены нѣкоторой, такъ сказать, чиновничей граціи. Лицо имѣло серьезный, дѣловой видъ и въ то-же время улыбалось, улыбалось такъ, какъ прилично улыбаться передъ начальникомъ, давая ему объясненія по дѣламъ. Словомъ — будь у начальника желѣзное сердце, и то его тронулъ бы такой подчиненный.

Директоръ подписалъ бумаги, отдалъ кое-какія приказанія Рожкову, и за тѣмъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

— Я давно собираюсь поговорить съ вами серьезно.

Артамона Родіоновича покорило; лицо его приняло печально-вопросительный видъ.

— У насъ — продолжаетъ директоръ, сильно нахмуривъ брови и подергивая бакенбарды — съ нѣкотораго времени, какъ я замѣчаю, завелись франты, т. е., знаете этикіе, модники, вольнодумцы... Газеты тамъ разныхъ начптаются, набьютъ себѣ голову разнымъ вздоромъ и потомъ пускаются судить да рядить о такихъ вещахъ, о какихъ имъ и думать не слѣдуетъ... По моему это вредитъ службѣ и должно быть искореняемо.

— Вы, ваше превосходительство, изволили сказать святую истину; у насъ дѣйствительно развелись такіе господчики и это, точно, вредитъ службѣ, надо искоренять.. Либерализмъ — дѣло опасное. Изъ исторіи извѣстно, что, такъ сказать, цѣлыя царства и народы погибали отъ вольнодумства.

— Да, я это знаю — замѣтилъ весьма серьезно директоръ — потому-то и заговорилъ объ этомъ съ вами: надо принять рѣшительныя мѣры...

— Можно будетъ исключить нѣкоторыхъ изъ службы; кое-

кого я даже замѣтилъ, и если вашему превосходительству будетъ угодно....

— Пока еще можно потерпѣть, попробовать: не подѣйствуютъ ли увѣщанія; ну, а если нѣтъ, тогда, чтожъ дѣлать, въ дѣлѣ касающемся блага цѣлаго государства объ единицахъ задумываться нечего; вы знаете: одна паршивая овца...

— Все стадо портить-съ, ваше превосходительство, — добавилъ, легко улыбаясь, Артамонъ Родіоновичъ.

— Да, да, — проговорилъ начальникъ въ какомъ-то раздумьѣ.

— Никакихъ приказаній больше не будетъ, ваше превосходительство, — спросилъ Рожковъ, изгибаясь.

— Нѣтъ.

Рожковъ вышелъ на цыпочкахъ. За порогомъ директорской комнаты онъ уже былъ не тотъ; въ одно мгновеніе въ наружности его появилось что-то олимпійское, внушающее. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, Рожковъ довольно дружественно заговорилъ съ столоначальникомъ Буркаловымъ.

— Усталъ я страшно, — началъ онъ, сдѣлавъ кислую гримасу, — вчера былъ въ одномъ литературномъ обществѣ; затюкались мы и засидѣлись часовъ до трехъ.... Боже мой! какъ поглядишь: какіе мы еще варвары; сколько на насъ и въ насъ татарщины..

Онъ зажмурился, — потрясъ головой и пожалъ плечами.

— Однакожъ, — замѣтилъ Буркаловъ, — теперь вездѣ хлопчуть объ улучшеніяхъ; на все обращено вниманіе...

— Конечно; но всего этого недостаточно... Корень зла лежитъ въ воспитаніи.... гласность нужна... открытое судопроизводство....

И пошелъ опять Артамонъ Родіоновичъ городить околесную, и городилъ такъ, что Буркаловъ нѣсколько разъ въ страхѣ оглядывался. Рожковъ безпрестанно увѣрялъ своего сослуживца:

— Это мои убѣжденія, я не привыкъ скрывать своихъ убѣжденій, я готовъ всѣмъ пожертвовать за истину и убѣжденія.

О разговорахъ съ директоромъ не было и помину.

Вообще, какъ легко замѣтить каждый, Артамонъ Родіоновичъ былъ характера мягкаго, гибкаго, и умѣлъ соединить свои старыя, подленькія привычки съ новымъ увлеченіемъ. Такихъ господъ не мало и не стоило бы и говорить о Рожковѣ, еслибъ онъ нѣкоторымъ образомъ не являлся представителемъ цѣлой новой фаланги, которая съ неподражаемымъ искусствомъ умѣетъ изъ всего сдѣлать смѣшное и пошленькое, бѣгаетъ за извѣст-

ностями и почему-то поставила себѣ священнымъ долгомъ поклоняться каждому, кто напечаталъ хоть три страницы. Я думаю, скоро и мнѣ стануть кланяться всѣ петербургскіе Рожковы — очень пріятно; но къ дѣлу.

Артамонъ Родіоновичъ дома. Дарья Петровна о чемъ-то задумалась; Сережа, заложивъ руки въ карманы коротенькихъ панталончиковъ, стоитъ передъ отцемъ и слушаетъ его наставленія. Наставленія заключаются въ слѣдующемъ:

— Ты знаешь ли что такое литераторъ?.. Литераторъ, друг мой, это значитъ сочинитель; понимаешь?.. который книжки сочиняетъ, стихи, повѣсти и проч. Вотъ, если изъ нихъ кто-нибудь будетъ у насъ, ты, смотри, не ударь лицомъ въ грязь, отвѣчай бойко, молодецъ... слышишь?

— Слышу.

— Ну, спросятъ тебя, напримѣръ, боишься ли ты лягушекъ?

— Боюсь.

— Врешь, ты долженъ сказать: не боюсь.

— Да я боюсь...

— Все равно, говори: не боюсь... Потомъ, спросятъ тебя, вѣруешь ли ты въ Бога?

— Вѣрую.

— Врешь, ты долженъ сказать: не вѣрую. Спросятъ, признаешь ли какія-нибудь власти — говори: не признаю.

Артамонъ Родіоновичъ долго наставлялъ въ этомъ родѣ своего сына, Богъ знаетъ почему вообразивъ, что такимъ образомъ мальчикъ блеснетъ развитіемъ. Дарья Петровна не мѣшалась въ родительскія поученія; мысли уносили ее далеко отъ домашнего очага, и она не обращала вниманія ни на мужа, ни на сына. Подобныя сцены съ нѣкотораго времени повторялись чуть не каждый день, и, мало-по-малу, новая наука далась Сережѣ. Нахватавшись отъ папаша Богъ знаетъ какихъ идей, онъ сталъ болтать какъ попугай, и приводилъ этимъ нѣжнаго родителя въ восторгъ и умиленіе. Учился Сережа плохо, шалилъ страшно, за то скоро узналъ, что такое либерализмъ, атеизмъ, социализмъ, словомъ — все то, что туманно и безтолково бродило въ свихнувшейся головѣ папаша. Папаша дѣйствительно становился все болѣе-и-болѣе похожимъ на свихнувшагося. Онъ то и дѣло рыскалъ по знакомымъ литераторамъ; это были, большею частью, студенты, сочиняющіе весьма плохіе стишонки, или занимающіеся составленіемъ кой-какнхъ, грѣшныхъ статей въ мелкіе журналы и газеты; но каждый такой литераторъ пред-

ставлялся Рожкову чѣмъ-то выше обыкновеннаго смертнаго, и Рожковъ смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Побывать въ обществѣ литераторовъ, даже просто встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, было Рожкову праздникомъ сердца. Лицо его получало выраженіе совершеннаго, тихаго счастья, глазки шурились, голосъ звучалъ чѣмъ-то сладострастнымъ.

— Добраго здоровья, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, — говорилъ Рожковъ, входя, напимѣръ, къ одному молодому человѣку, написавшему двѣ статейки: одну о безконечной пользѣ любочныхъ картинъ, а другую о болѣзни картофеля. — Какъ васъ Богъ милуетъ?

— Благодарю васъ, понемножку.

— Ну, слава Богу, слава Богу, здоровье ваше драгоценно всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ.... Не подарите ли вы насъ чѣмъ-нибудь новенькимъ...

— Да вотъ я началъ статью о значеніи свѣтописи въ народномъ образованіи...

— Ахъ, это прелестная мысль, это чудная мысль! — восклицаетъ Рожковъ сладострастно.

— Потомъ — говоритъ Петръ Петровичъ — принимаюсь за повесть изъ крестьянскаго быта.

— Ахъ, это прелестная мысль, это чудная мысль! — поетъ опять Артамонъ Родіоновичъ. — А со мной, знаете, сейчасъ случилась презабавная исторія.

— Что такое?

— Иду я по гороховой; только впереди, вижу, идетъ какой-то генералъ; ну, вы знаете моя убѣжденія — мы всѣ равны; вотъ я и думаю, дай-ко я переиюню генерала и толкну его... А? вѣдь хорошо придумалъ? Прибавляя шагу, прохожу мимо и плечомъ, плечомъ, знаете, его.

— Ну, а онъ что?

— Ничего, не пикнулъ.

Нужно ли прибавлять, что презабавная эта исторія была плодъ живой фантазіи, т. е., чистѣйшее вранье. Артамонъ Родіоновичъ, разходившись, рассказалъ Петру Петровичу и другую исторію о томъ, какъ какой-то мужичокъ указалъ ему дорогу и онъ, Рожковъ, пожалъ ему руку.

— Но представьте себѣ, замѣтилъ Артамонъ Родіоновичъ, — какъ еще не развиты наши мужики. Когда я пожалъ ему руку, онъ говоритъ мнѣ: не за что, почтенный, — и потомъ прибавилъ: а вѣдь я сперва подумалъ, что ты баринъ... Можете во-

образить какое невѣжество! Просто грустно смотрѣть... А что, скажите, какъ здоровье Андрея Ивановича? Я такъ давно не имѣлъ удовольствія видѣть его. Не написалъ-ли онъ чего-нибудь новенькаго? Последнее его стихотвореніе — прелестно; помните какъ хорошо это мѣсто:

А въ саду, отъ черешень и липъ
Такъ раздражительно шло благовонье!..

раздражительно шло благовонье! — чувствуешь этотъ чудный запахъ черешни и липъ. — Сколько тутъ лиризму! Андрей Ивановичъ пойдетъ далеко. Какъ хороши его переложенія, помните:

Говорятъ фарисей: — Учитель!
Покажи намъ источникъ добра...
Отвѣщаетъ спокойно Спаситель:
Погодите, настанетъ пора!..

стихъ-то, стихъ каковъ!

Артамонъ Родіоновичъ продекламровалъ за тѣмъ цѣлое стихотвореніе Андрея Ивановича, переложеніе изъ Библии, гдѣ двадцать четыре стиха рѣзовали собственными именами.

— Знанія, знанія сколько, — восклицалъ восторженно Рожковъ — знанія той жизни!

— То-есть, географіи и исторіи — замѣтилъ желчно Петръ Петровичъ.

— Конечно, — согласился Рожковъ; — но, все-таки, это прелестно. Знаете мнѣ такъ понравилось это стихотвореніе, что я всѣхъ чиновниковъ своего отдѣленія заставилъ его выучить наизусть... то-есть, — поправился онъ — заставилъ дружески, упрямъ; говорю: сдѣлайте милость, господа, изъ дружбы ко мнѣ, выучите наизусть это прелестное стихотвореніе. Я вѣдь люблю развивать молодежь; я даже даю имъ часто запрещенныя книги... А сынъ у меня есть, такъ тотъ и въ Бога не вѣруетъ, и властей не признаетъ.

— Хорошъ — замѣтилъ двусмысленно Петръ Петровичъ, — въ отца пошелъ.

— Да, пребойкѣиіи мальчишка!

Литературная миссія росла въ Рожковѣ не по днямъ, а по часамъ; гоняясь за литераторами, онъ сталъ даже манкировать службой. Это, впрочемъ, было зло еще не такъ большой руки; Артамонъ Родіоновичъ пошелъ дальше. Онъ сталъ, какъ говорится, зашибаться хмѣлемъ; сталъ онъ пивать, не потому, чтобы находилъ въ этомъ удовольствіе; а ради того только, чтобы показать, что онъ человѣкъ натуры широкой, русской,

которой надо развернуться, побушевать. Къ этому, конечно, примѣшивалось и желаніе возбудить старческое безсліе, и погасить чуть-чуть тлѣвшуюся искру благоразумія, которое еще шептало ему порой:

— Остановись, Артамонъ Родіоновичъ, опомнись! Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты ужъ не мальчишка, вѣдь у тебя волоса съ просѣдью, сынъ подростаетъ. Вся жизнь твоя прошла мирно и скромно и, вдругъ, сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.... И изъ чего ты хлопчешь?... служилъ бы себѣ да служилъ, дослужился бы до высокыхъ чиновъ и высокыхъ отличій.... Вѣдь ты смѣшонъ....

Но слабъ былъ голосъ благоразумія; не внималъ ему Артамонъ Родіоновичъ, и шелъ путемъ безумія и несчастнаго увлеченія. Онъ всѣми силами старался разыгрывать роль повѣсы и кутилы; но удавалось ему это плохо. Слабая натура его не выдерживала многого; послѣ двухъ-трехъ стакановъ вина, Артамонъ Родіоновичъ уже размягчался; лицо принимало необычайно нѣжное выраженіе; голосъ возвышался на нѣсколько нотъ, и тогда Рожковъ пускался въ безконечныя любезности:

— Петръ Петровичъ, Андрей Ивановичъ, говорилъ онъ, пожимая, безъ всякой причины, руки всѣмъ, кто только подвертывался ему на глаза; — милые мои! какъ благодарить васъ за эти счастливыя минуты.... Онѣ незабвенны, я унесу ихъ въ могилу.... Дорогие друзья мои, позвольте мнѣ называть васъ этими священными именами, дорогие друзья мои, вы озарили мою жизнь новымъ свѣтомъ.... Я понимаю, что корень зла лежитъ въ воспитаніи.... нужна гласность.... открытое судопроизводство — это мои убѣжденія.... позвольте еще разъ пожать вамъ руки — слезы навертывались на глазахъ Рожкова. — Вы видите: я плачу, это слезы чистѣйшаго наслажденія! Я счастливъ, давайте, кутнемъ, кутнемъ такъ, чтобы чорту тошно стало....

На послѣднихъ словахъ плаксивый голосъ Рожкова обрывался; Рожковъ тяжело опускался на стулъ и внадалъ въ совершенное изнеможеніе. Комната начинала качаться, глаза застилало туманомъ, лицо выражало полное безмысліе.

— Красивъ! замѣчалъ кто-нибудь изъ сотоварищей Рожкова. Рожковъ слышалъ это замѣчаніе и только улыбался, отвѣтитъ онъ ничего не могъ.

— Поѣдьте къ цыганамъ, подбивала иногда молодежь Рожкова. Онъ тотчасъ же соглашался.

— Ыдемъ, ѣдемъ; я съ вами готовъ хоть на край свѣта.

И у дыгаль, какъ вездѣ, Артамонъ Родіоновичъ восхищался главнѣйшимъ образомъ обществомъ. Ему было все равно: поютъ ли цыганы, играетъ ли музыка; онъ помнилъ только, что онъ въ обществѣ литераторовъ.

— Тройку! командовалъ Петръ Петровичъ. И Рожковъ подхватывалъ:

— Тройку, тройку! это прелестная вещь, чудная вещь!

— Лучше — «Лень», говорилъ Андрей Ивановичъ. И Рожковъ подхватывалъ:

— Да, дѣйствительно, «Лень, Лень»! это восхитительная вещь; вѣдь ужъ Андрей Ивановичъ знатокъ по этой части, добавлялъ Рожковъ, сладко улыбаясь и слегка трогая Андрея Ивановича за талию.

Хоръ ревѣлъ «*Лень, ты мой лень*», и Рожковъ приходилъ въ неудержимый восторгъ, потому что приходили въ восторгъ и Петръ Петровичъ и Андрей Ивановичъ. Если Маша или Матреша затыгивала «*Что такъ грустно глядишь по дорожъ*» — Рожковъ наклонялъ на бокъ голову и съ пріятно-грустнымъ видомъ покачивался на стулѣ. Когда пѣснь кончалась, Рожковъ свойственнымъ ему, сладострастнымъ шепотомъ, говорилъ:

— Прелестно, прелестно!...

Къ концу вечера, онъ, по обыкновенію, размягчался, всѣ нравственныя силы его угасали и домой привозилось только тѣло Артамона Родіоновича. Дарья Петровна, по извѣстнымъ ей причинамъ, смотрѣла на это сквозь пальцы; такимъ образомъ ничто не удерживало слабоумнаго Рожкова отъ губельной страсти. Съ каждымъ днемъ становился онъ равнодушнѣе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и стараясь, какъ онъ выражался, расширить свой умственный кругозоръ, впадалъ, все болѣе и болѣе, въ тупоуміе. Самъ Петръ Петровичъ замѣтилъ однажды Андрею Ивановичу:

— А вѣдь Рожковъ, право, свихнется.

— Весьма вѣроятно, сказалъ Андрей Ивановичъ.

Рожковъ накупилъ огромное количество портретовъ всѣхъ литературныхъ знаменитостей; завелъ особую книжечку, куда вписалъ имя и отчество всѣхъ литераторовъ; выучилъ ихъ наизусть, заставилъ выучить и Серезу.

Если вамъ, я обращаюсь къ гг. литераторамъ, случалось когда встрѣтить совершенно незнакомаго человѣка, низко и почтительно раскланывающагося вамъ — это, увѣряю васъ, былъ Артамонъ Родіоновичъ Рожковъ. Онъ нерѣдко два-три часа

шатался по улицамъ съ единственнымъ желаніемъ встрѣтить кого-нибудь изъ литераторовъ, и поклониться ему. И какъ бывалъ онъ счастливъ, когда это ему удавалось. Возвращаясь домой, онъ съ восторгомъ говорилъ Дарьѣ Петровнѣ:

— А я, душечка, встрѣтилъ сегодня одного литератора.

— Ну, такъ что же?

— Какъ, что же?... ахъ, душечка, какая ты, право, странная; вѣдь это передовые люди; вѣдь это цвѣтъ нашего общества; вѣдь они, такъ сказать, ведутъ всю Россію; вѣдь они... э, да вы, женщины, этого не понимаете!

Описать чувства, наполнявшія душу Артамона Родіоновича въ тѣ незабвенные вечера, когда къ нему приходили Андрей Ивановичъ, Петръ Петровичъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей того же покроя — я рѣшительно отказываюсь, это невозможно. Рожковъ не чувствовалъ земли подъ собой; лицо его изображало цѣлый радостный гимнъ; онъ суетился и хлопоталъ:

— Душечка, обращался онъ къ Дарьѣ Петровнѣ, — чайку, чайку намъ вели подать и рому, Петръ Петровичъ любитъ съ ромомъ.... Андрею Ивановичу налей не такой крѣпкій, онъ не можетъ пить крѣпкаго чаю.... Садитесь сюда, Андрей Ивановичъ, это ваше, ваше привилегированное мѣсто.... Отодвиньтесь, Андрей Ивановичъ, умоляю васъ, отодвиньтесь, вамъ надуетъ въ бокъ.... Ахъ, дорогіе мои гости, вѣдь вы, просто, праздникъ мнѣ сдѣлали.... Я не знаю какъ и благодарить васъ.... Петръ Петровичъ, вы не желаете ли коньяку пропустить передъ чаемъ, и я съ вами хвачу.... Эй! Афросинья! попроси намъ у барыни коньячку.... Сигарочку не угодно ли, Андрей Ивановичъ, превосходная сигарочка; для васъ нарочно поберегъ.... Что новаго, что новаго?... Сережа, Сережа! Поди-ка сюда.... ну-ка, скажи, ты либералъ?

— Либералъ не либералъ, а властей не признаю.

— Слышите, слышите, говорилъ Рожковъ, радостно захлебываясь, — слышите, каковъ молодецъ?...

— А въ Бога вѣруешь?

— Нѣтъ, не вѣрую.

— А если бы тебя, спросилъ однажды желчный Петръ Петровичъ, — высѣкли розгами, тогда повѣрилъ-бы?

Не приготовленный къ такому вопросу, Сережа смутился и, подумавъ нѣсколько, отвѣтилъ:

— Тогда повѣрилъ бы.

— Ахъ, ты трусь, трусь, сказалъ Артамонъ Родіоновичъ, — розогъ испугался, фи! стыдно, стыдно....

— Нисколько не стыдно; вѣдь ты же боишься маму....

— Ну, ужъ ты заврался, проворчалъ совершенно сконфуженный Рожковъ, — ступай чай пить... Господа, что же хлѣба-то къ чаю; сдѣлайте милость, безъ церемоніи.

Закуска повергала Рожкова еще въ сильнѣйшія хлопоты; онъ то и дѣло подчивалъ своихъ гостей; хвалилъ то одно, то другое; выбиралъ для гостей лучшіе куски и навязывалъ ихъ чуть не силою:

— Кушайте, кушайте, сдѣлайте одолженіе; это довольно порядочная рыба ... Сама жена мариновала. Рожковъ, разумѣется, вралъ, Дарья Петровна и не думала о хозяйствѣ. — Вотъ, рекомендую, котлеты, вы вѣдь любите ихъ, Андрей Ивановичъ....

Андрей Ивановичъ все любилъ и ѣлъ за троихъ; Рожковъ былъ въ восхищеніи.

Когда гости, напившись и наѣвшись уходили домой, Артамонъ Родіоновичъ провожалъ ихъ чуть не на улицу; кланялся, цѣловался, пожималъ руки и тысячу разъ благодарилъ ихъ, за оказанную ему честь, за доставленное удовольствіе.

— Не забывайте меня, упрасивалъ онъ, — ради Бога, не забывайте.... и жена васъ просить.... Миѣ всегда такъ пріятно поговорить съ хорошими людьми.

Въ какомъ-то особенно наивномъ умиленьи приходилъ Рожковъ въ спальню, ложился подлѣ своей супруги, которая обыкновенно отворачивалась отъ него, и долго еще распространялся о томъ, какъ пріятно и полезно общество литераторовъ. Дарья Петровна скоро засыпала; но снились ей, съ нѣкотораго времени, уже не путейскій офицеръ и не багъ въ благородномъ собраніи, а какіе-то арמידины сады, дерновая скамья и молодой поэтъ Андрей Ивановичъ.

Андрей Ивановичъ сталъ весьма часто посѣщать Рожковыхъ и просиживалъ у нихъ довольно долго, чѣмъ Артамонъ Родіоновичъ гордился. Путейскій офицеръ являлся очень рѣдко; Дарья Петровна полюбила теперь страстно русскую литературу вообще и стихотворенія Андрея Ивановича въ-особенности; Артамонъ Родіоновичъ радовался этому.

— Довольны ли вы мной? спрашивала Дарья Петровна. — Вы видите, какъ я сошлась и подружилась съ Андреемъ Ивановичемъ?...

— Вижу, душечка, вижу и очень, очень радъ этому. Могу тебѣ сказать безъ лести — ты умная женщина.

Однажды Артамонъ Родіоновичъ какъ-то не впопадъ наткнулся на такую сцену, отъ которой покорило-бы равнодушнѣйшаго изъ мужей; и поэтъ и сама Дарья Петровна струсили не на шутку; но Артамонъ Родіоновичъ съ самымъ добродушнѣйшимъ видомъ обнялъ Андрея Ивановича и даже поцѣловалъ его.

— Я въ восторгѣ, — сказалъ онъ, — я совершенно счастливъ, что вы такъ сдружились съ моею женою.. Я гляжу на вещи трезво и разумно. Я понимаю, что ваше вліяніе можетъ принести пользу ей — онъ указалъ на жену — развить ее.. Да, душечка, — обратился онъ къ Дарьѣ Петровнѣ. — Я радуюсь за тебя; ты получишь ясный взглядъ на вещи; ты поймешь, что корень зла лежитъ въ воспитаніи... Нужна гласность, открытое судопроизводство. По крайней мѣрѣ таково мое убѣжденіе.

Послѣ такого подвига, во имя прогресса, нисколько не удивительнымъ покажется слѣдующее обстоятельство. Въ одно прекрасное утро начальникъ Артамона Родіоновича, между прочимъ, рассказывалъ ему:

— А я вчера чуть не сломилъ себѣ шею; мостовыя у насъ отвратительныя; я не понимаю, какъ на это не обратятъ вниманія...

— Это дѣйствительно, ваше превосходительство, у насъ еще во многомъ какой-то, если можно такъ выразиться, татарскій застой; мы далеко отстали отъ просвѣщенной Европы...

— Что вы говорите? — спросилъ начальникъ, нѣсколько нахмурившись.

— Я говорю, ваше превосходительство, что мы далеко отстали отъ просвѣщенной Европы..

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ? — спросилъ генералъ еще суровѣе.

— Въ томъ смыслѣ, ваше превосходительство, что намъ необходимо множество перемѣнъ....

— Какихъ перемѣнъ?

Начальникъ принималъ уже со всѣмъ грозный видъ.

— Главный корень зла, ваше превосходительство, лежитъ въ воспитаніи; нужна гласность, открытое судопроизводство....

— Я долженъ замѣтить вамъ — сказалъ генералъ — что слова ваши отзываются моднымъ вольнодумствомъ, которое я не люблю...

— Извините, ваше превосходительство, это мое убѣжденіе.

— На службѣ убѣжденія не допускаются. Повторяю вамъ, милостивый государь, я не люблю вольнодумства и мнѣ странно, что вы въ вашихъ лѣтахъ и въ вашемъ званіи, какъ-будто заразились моднымъ духомъ... Если вамъ угодно вольнодумничать, то можете прінскать себѣ мѣсто, гдѣ это позволятъ, а я не позволяю.

Это объясненіе послужило началомъ, первымъ звѣномъ длинной цѣпи непріятнѣйшихъ стычекъ Артамона Родіоновича съ начальникомъ. Рожковъ былъ признанъ отъявленнымъ вольнодумцемъ, и чиновникомъ опаснымъ. Кто-то довелъ до свѣдѣнія начальства и о наклонности Рожкова къ горячимъ напиткамъ, и изъ всего этого вышла скверная исторія: Артамонъ Родіоновичъ долженъ былъ перейти въ другое вѣдомство. Дарью Петровну онъ увѣрялъ, что новое мѣсто, если и не принесетъ ему большаго содержанія, за то не будетъ отнимать такъ много времени.

— Я могу, — говорилъ онъ, — заняться какими-нибудь частными дѣлами... Это гораздо выгоднѣе...

Дарья Петровна не спорила; поэтическое настроеніе ставило ее выше мелкихъ дразгъ обыденной жизни.

— Дѣлай, какъ знаешь, — сказала она, — это до меня не касается.

Главное утѣшеніе, при этомъ происшествіи Рожковъ нашелъ въ томъ, что могъ рассказывать Андрею Ивановичу и Петру Петровичу:

— Я за свои убѣжденія готовъ на ножи лѣзть. Я ничѣмъ не подорожу; я своему генералу такъ отпѣлъ, что у него волосы встали дыбомъ.. Я ему прямо отрѣзалъ: вы, говорю, человѣкъ отсталый; вы не понимаете, что человѣкъ прежде всего — человѣкъ... что необходима свобода мысли... что нужно искоренять зло, которое лежитъ въ воспитаніи, нужна гласность, открытое судопроизводство....

Полагаю, что портретъ Рожкова очерченъ достаточно; нѣтъ, я думаю, надобности прибавлять дальнѣйшую исторію болѣзней, сильно свирѣпствующей въ послѣднее время. Не все-ли равно читателю, продолжаетъ-ли Артамонъ Родіоновичъ гоняться за литераторами и корчить либерала, или спился онъ съ кругомъ и, ряхнувшись, попалъ наконецъ въ домъ умалишенныхъ? Еслибы и усадили туда одного Рожкова, останется множество другихъ. Было-бы болото, а лягушки сыщутся.

ВРАСТЬ ВЕСЕЛКИНЪ.

ТУДА И ОБРАТНО.

Исполнилось наконецъ мое давнишнее желаніе побывать за-границей. Путешествіе мое было не продолжительно — всего два съ половиною мѣсяца; изучить что-нибудь основательно въ такое короткое время я, разумѣется, не могъ. Но жадное вниманіе русскаго, попавшаго въ первый разъ въ чужія земли, помогаетъ ему и въ непродолжительный срокъ замѣтить кой-что, особенно изъ того, чего нѣтъ у насъ или, если и есть, да не такъ, какъ тамъ. Тутъ сравненіе неизбежно для всякаго, кому не чужды общественные интересы и благо своего отечества. Кажется, въ настоящее время у насъ исчезаетъ уже то пошлое и чрезвычайно-вредное понятіе о патриотизмѣ, по которому тотъ, кто любитъ свое отечество, долженъ все находить въ немъ прекраснымъ и хвалить безусловно. Ктожъ не убѣжденъ теперь, что подобныя патріоты — вредные члены общества; отъ такихъ людей трудно ждать какихъ-бы то ни было улучшеній; хорошо еще, когда подобныя господа лишены всякихъ средствъ останавливать общее дѣло развитія и мѣшать другимъ идти впередъ, къ свѣту Божію. — Признаюсь, я ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты отъѣзда изъ Петербурга, но при самомъ началѣ моего путешествія случилась маленькая неприятность. — Извѣстно, что заграничныя пароходы останавливаются въ Кронштадтѣ; изъ Петербурга къ нимъ ѣздятъ на маленькихъ. Вотъ мы наконецъ и отправились. Еще часа полтора, и я почти за-границей. Но не кстаті любезный на этотъ разъ Петербургъ, какъ кажется, еще разъ хотѣлъ проститься со мною. Едва отъѣхали мы верстъ семь, какъ пароходъ нашъ, въ полномъ смыслѣ слова биткомъ набитый пассажирами, сталъ идти медленнѣе, медленнѣе — наконецъ остановился совсѣмъ. Что это значитъ? всѣ спрашиваютъ другъ-друга и никто не знаетъ причины. До шкипера добратся не было никакой возможности; чтобъ сдѣлать три шага впередъ надобно было употребить большое усиліе. Между пассажирами возникло безпокойство. Вдругъ — о ужасъ! — мы поворачиваемъ назадъ, мы ѣдемъ обратно въ Петербургъ. Оказалось, что одинъ изъ котловъ машины далъ течь и шкиперъ, боясь, что мы не доѣдемъ до Кронштадта, поворотилъ въ Петербургъ. Прошло болѣе двухъ часовъ, пока мы доѣхали до пристани, пока дождали другаго парохода, пока перенесли на него наши вещи. А между тѣмъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ употреблялъ

всѣ возможные усилія выдуть насъ поскорѣе изъ Петербурга. Только въ шестомъ часу, холодные и голодные добрались мы до прекраснаго «Прусскаго Орла» и во время обѣда, ровно въ шесть часовъ снялись съ якоря.

На морѣ картины обыкновенныя: любуйся, сколько душѣ угодно, изумруднымъ цвѣтомъ волнъ, играющихъ и пѣнящихся около парохода, — заходящимъ и восходящимъ солнцемъ; разсматривай встрѣчающіяся суда, смотри въ трубу на отдаленные берега какого-нибудь острова. Все это сначала доставляетъ нѣкоторое развлеченіе, но скоро надоѣдаетъ. Впрочемъ, въ хорошую погоду, на пароходѣ есть чѣмъ заняться: общество новыхъ знакомыхъ, книга, шахматы, карты — выбирай любое развлеченіе по своимъ склонностямъ.

Пассажировъ на пароходѣ было множество. Изъ нихъ особенно интересными показались мнѣ двое. Одинъ — петербургскій мясникъ Е., старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, отправляющійся за-границу посмотрѣть, какъ живутъ тамъ добрые люди, *«торовцы, примѣрно, по нашей части, такъ ли точно, какъ и у насъ или какъ нибудь тамъ иначе»*. Я заговорилъ съ нимъ. Понесъ ужаснѣйшую допетровщину. Изъ всѣхъ рѣчей его, приведенная мною фраза была самая *интересная*. Но не можетъ быть, что бы онъ былъ глупъ; иначе какимъ же образомъ могла придти ему въ голову эта мысль, болѣе нежели оригинальная для его лѣтъ и для его быта — путешествовать. Онъ одѣтъ, говоритъ и смотритъ настоящимъ мужикомъ. Въ рѣчахъ его, какъ онѣ ни были глупы, нельзя было не замѣтить крайней, совершенно-излишней въ настоящемъ случаѣ, осторожности. Въ нихъ не отзывалось ничего свѣжаго, живаго. Все это есть только необходимое слѣдствіе привычки постоянно скрывать свои мысли, а никакъ не природной глупости. Неужели и на этихъ людей повѣяло свѣжимъ воздухомъ новаго времени? Любопытно было бы съ нимъ встрѣтиться въ Петербургѣ, послѣ возвращенія его изъ-за границы. Что-то онъ скажетъ, когда увидитъ, съ какою щегольскою опрятностію содержатся мясныя лавки въ Парижѣ, въ Бернѣ, въ Берлинѣ; подъ какимъ чистымъ полотномъ развозится раннимъ утромъ по городу мясо, какія чистыя бѣлые куртки и передники носятъ мясники, которые болѣе похожи на главныхъ поваровъ какого-нибудь богача, чѣмъ на мясниковъ. Что-то онъ скажетъ, побывавши на главномъ парижскомъ рынкѣ (*halles centrales* близъ церкви св. Евстафія) съ стеклянною крышею, въ родѣ хрустальнаго дворца, гдѣ продаютъ разные

овоци и съѣсные припасы. Вѣроятно онъ вспомнить при этомъ о своихъ прогулкахъ по сѣнной площади, особенно въ осеннее время подъ холоднымъ дождемъ по непроходимой грязи.

Съ этимъ оригиналомъ-мясникомъ случилось довольно непріятное приключеніе: у него пропалъ паспортъ не изъ кармана, а какъ-то затерялся въ конторѣ пароходства, такъ что его не оказалось на пароходѣ у капитана. Въ конторѣ пароходства въ Петербургѣ существуютъ совершенно особеннаго рода порядки, какихъ я не встрѣчалъ нигдѣ за-границей. За два дня до отъѣзда надобно привезти паспортъ на большую морскую, за день — вещи на англійскую набережную, наконецъ въ третій разъ только уже собственную персону для отправления. Представьте же себѣ, что вы живете версть за пять отъ конторы; выходите, что вамъ надобно сдѣлать двадцать пять версть, чтобы сѣсть по всѣмъ правиламъ на заграничный пароходъ. Кромѣ того, въ полученіи отъ васъ вещей не даютъ никакого удостовѣренія, ни квитанціи, ни контромарки. Что вы будете дѣлать въ случаѣ пропажи? Хорошо еще, если вы сдадите ихъ сами; въ такомъ случаѣ вы еще, пожалуй, можете быть спокойны; ну, а если пошлете ихъ съ слугою и онъ возвратится не принеся вамъ никакого удостовѣренія въ томъ, что онъ дѣйствительно сдалъ ихъ въ контору? Вѣдь не всѣ же слуги честнѣйшіе люди, это извѣстно всякому. Понятно, что все это дѣлается для удобства гг. чиновниковъ, но не худо бы позаботиться и объ удобствѣ публики. Теперь, слава Богу, ѣздятъ за-границу не одни только знатные да богатые люди, которые могутъ разсызгать по своимъ дѣламъ прикащиковъ, повѣренныхъ, пожалуй, и подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ. Притомъ для такихъ людей дѣлаются всегда исключенія изъ постановленій, стѣснительныхъ только для мелкаго человѣка.

Узнавъ, что его паспорта нѣтъ на пароходѣ, бѣдный старикъ не зналъ, что дѣлать; но нѣкоторые изъ значительныхъ пассажировъ, особенно издатель одного извѣстнаго журнала, упростили капитана дать ему свидѣтельство, что у него былъ паспортъ, да затерялся въ конторѣ. По этому свидѣтельству ему, вѣроятно, выдадутъ другой, въ Берлинѣ, въ русскомъ посольствѣ.

Другая замѣчательная личность — это русскій дворянинъ — купецъ изъ Симбирска. Назадъ тому четыре года онъ былъ гусарскимъ штаб-ротмистромъ; но утомившись безконечными ученіями и смотрами и разочаровавшись въ прелести ментика и доломана,

промѣнялъ ихъ на аршинъ, вѣсы и счеты. Съ-тѣхъ-поръ онъ весьма доволенъ своимъ положеніемъ. Въ его магазинѣ можно найти все, чѣмъ можно удовлетворить нужды и прихоти образованнаго и полуобразованнаго русскаго провинціального общества. Чтобы исполнить какъ можно добросовѣстнѣе свое новое призваніе, онъ каждое лѣто ѣздитъ за-границу, покупаетъ самаго разнообразнаго товару и продаетъ его по цѣнамъ умѣреннымъ сравнительно съ другими торговцами, и не смотря на то съ значительною выгодною для себя; состояніе его растетъ съ каждымъ годомъ. Между тѣмъ его общественное положеніе нисколько не унизилося съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ записался въ купцы: его дворянство осталось при немъ. Это — также живая современность; дай Богъ, чтобы побольше было подобныхъ явленій.

Во вторникъ, 26 мая, въ семь часовъ утра, мы вѣхали въ устье Одера, въ Свинемюнде. Вотъ наконецъ и иностранная земля. Посмотримъ же, что я увижу въ ней новаго для меня, того, чего нѣтъ у насъ. Пароходъ остановился возлѣ таможи. Вотъ съ другаго берега ѣдутъ на плоту солдаты; точно такіе же бѣлые панталоны, какъ и у нашихъ солдатъ, мундиры такіе же зеленые; каски точно такія же, какъ у насъ, только больше какъ-то нахлобучены на-передъ, да ружья покорооче нашихъ, вѣрно штуцера. Вонъ, одинъ изъ нихъ держитъ большую картину, изображающую человѣка во весь ростъ; это — она отправляется на стрѣльбу въ цѣль. Вонъ офицеръ въ очень коротенькомъ сюртукѣ какъ-то особенно вытягиваетъ ноги, крутитъ усы и силится придать своему лицу марсовское выраженіе, — все это покуда точно также, какъ и у насъ. Кто-то называлъ Пруссію страной школь и казармъ, но теперь она уже не то, что была назадъ тому нѣсколько лѣтъ: у ней есть камеры и почти свободное книгопечатаніе. Принявъ на пароходъ таможенныхъ чиновниковъ, мы тронулись далѣе. Они не будутъ насъ задерживать, а произведутъ осмотръ на ходу отъ Свинемюнде до Штетина. Вотъ это, пожалуй, ужъ иностранное: значить, здѣсь думаютъ такъ устроить, чтобы удобно было не чиновникамъ, а публикѣ. Но что за манія къ таможеннымъ осмотрамъ? Что можно привести съ выгодною изъ Россіи въ Пруссію, особенно въ обыкновенныхъ дорожныхъ чемоданахъ? Кому придетъ въ голову дикая мысль нагрузить ихъ паюсною крою, которая, говорить, особенно преслѣдуется прусскою таможеню. Впрочемъ осмотръ былъ совсѣмъ не строгій: я подошелъ къ одному изъ чиновниковъ и сказалъ ему, что у меня нѣтъ рѣшительно ни-

чего запрещеннаго; онъ повѣрилъ на слово и, не отпирая чемодана, велѣлъ наклеить на него значекъ для свободнаго пропуска. Итакъ мы плывемъ по Одери. Берега большею частію отлоги, даже болотисты, но на нихъ превосходные луга и нивы, потому что они прорѣзаны канавами, столь глубокими и широкими, что жители прибрежныхъ деревень ѣздятъ по нимъ въ лодкахъ, нагруженныхъ сельскими произведеніями.

Отличная рѣка для судоходства: такой большой пароходъ, акъ «Прусскій Орелъ», который не можетъ ходить между Кронштадтомъ и Петербургомъ, доходитъ по Одери до самаго Штетина. Впрочемъ природѣ здѣсь помогаетъ искусство: во многихъ мѣстахъ намъ попадались суда съ паровыми машинами, которыя желѣзными ведрами вытаскиваютъ со дна рѣки илъ, и такимъ образомъ фарватеръ постоянно поддерживается въ достаточной глубинѣ. Не пропадаетъ и самый илъ; его сваливаютъ на пашни, которыя имъ утучняются. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Одеръ расширяется и образуетъ огромные гафы, въ другихъ — онъ суживается до того, что едва могутъ разойтись два большія встрѣчныя судна. Утро было ясное и грозило жаркимъ днемъ; съ полей доносился запахъ свѣжаго сѣна и слышались заливныя пѣсни жаворонковъ. Въ концѣ каждой канавы виднѣлась деревенька съ каменными двухъ-этажными домами, крытыми черепицей. Нѣсколько выше, картина измѣняется: оба песчаные берега Одера, до самаго Штетина застроены почти сплошь, и весьма оживлены мануфактурною дѣятельностію. вмѣсто нивъ и луговъ стали проходить передъ нами высокія, закоптѣлыя фабричныя зданія съ гигантскими трубами. Ароматическій запахъ скошенныхъ луговъ смѣнился смрадомъ каменнаго угля, пѣніе жаворонковъ — стукомъ топора и молота.

Но вотъ передъ нами Штетинъ.

Пароходъ остановился у пристани. Этотъ первый заграничный городъ производитъ на русскаго живое впечатлѣніе новизны своими высокими домами и узкими улицами: на возвратномъ пути изъ-за границы и не такіе города, какъ Штетинъ, иногда пропускаешь безъ вниманія. Я взялъ у пристани дрожки и отправился прямо на берлинскую желѣзную дорогу. Позвольте сказать нѣсколько словъ объ этомъ интереснѣйшемъ предметѣ для русскаго человѣка за-границей, объ этихъ удивительныхъ Droschken. Въ лексиконѣ Гейзе это слово объясняется такъ: ein leichtes, einspänniges russisches Fuhrwerk (легкій, русскій экипажъ въ одну лошадь), стало быть эти экипажи — русскаго происхож-

денія. Но когда же у насъ было что-нибудь подобное? Мы можемъ только мечтать о томъ блаженномъ времени, когда у насъ заведутся такіе публичные экипажи, ѣзда въ которыхъ не будетъ тяжкою, утомительною работою для сѣдока. Теперешніе петербургскіе дрожки, особенно такъ называемыя гитары, съ дрожками берлинскими, дрезденскими, кѣльнскими, вообще съ какими хотите заграничными, составляютъ самый разительный контрастъ. Даже наши извозничьи кареты и коляски не могутъ идти съ ними въ сравненіе, за исключеніемъ только весьма немногихъ изъ нихъ, въ которыхъ дверцы не растворяются на каждой минутѣ, стекла не разбиты и которыя запряжены дѣйствительно лошадьми, а не жалкими клячами, видъ которыхъ возбуждаетъ состраданіе и навѣваетъ самыя печальныя мысли. Впрочемъ, кто не знаетъ бѣдственнаго состоянія нашихъ публичныхъ экипажей, кому не приходилось терпѣть отъ нихъ! Спросите особенно дамъ, которыхъ они доводятъ иногда до отчаянія. И за такую дрянъ вы платите вчетверо, впятеро, а иногда и вдесятеро (какъ, напримѣръ, по большимъ праздникамъ) дороже, нежели за-границей. При выѣздѣ изъ Парижа, отъ биржи до станціи сѣверной желѣзной дороги я заплатилъ за карету въ двѣ лошади полтора франка, то есть тридцать семь съ половиною копеекъ, а въ Петербургѣ отъ пароходной пристани на Васильевскомъ острову до моей квартиры (почти за такое же разстояніе, какъ въ Парижѣ) два рубля серебромъ, то есть, восемь франковъ. Тамъ экипажъ былъ опрятный, чистый, почти щегольской, лошади крѣпкія и бодрыя, вещи мои лежали на верху кареты, стянутыя ремнемъ; здѣсь я ѣхалъ въ какой-то грязной развалинѣ, въ которой визжалъ и звенѣлъ каждой винтикъ; одна изъ лошадей хромала самымъ жалкимъ образомъ. Вещи я долженъ былъ взять къ себѣ въ карету. Можетъ быть, мнѣ кто-нибудь скажетъ, за чѣмъ я заплатилъ два рубля; по таксѣ слѣдуетъ за одинъ конецъ всего шестьдесятъ копеекъ. Но кто же не знаетъ, что заплатить по таксѣ за коляску или за карету почти нѣтъ ни какой возможности; администрація, установивъ таксу, не сдѣлала никакихъ распоряженій къ приведенію ея въ исполненіе, не дала публикѣ никакихъ средствъ пользоваться этимъ постановленіемъ, которое остается только на бумагѣ, мертвою буквою, не переходя въ дѣйствительность. Со времени учрежденія таксы экипажи стали даже дороже и нисколько не лучше прежнихъ, хотя полиціи и предписывается смотрѣть за ихъ исправностію; извѣстно, что на десять лошадей, большею

частію клячь, приходится, по крайней мѣрѣ, пять хромыхъ. И къ этому важному предмету общественной потребности всѣ остаются равнодушными, никто не хочетъ оказать содѣйствія къ улучшенію, по очень простой причинѣ: люди, для которыхъ этотъ предметъ важенъ, по болѣе части, не имѣютъ никакого значенія и потому ничего не могутъ сдѣлать, у тѣхъ же, которые могли бы сдѣлать многое, есть свои собственные отличные экипажи; слѣдовательно къ чему же имъ заботиться о приведеніи въ исполненіе какой-то таксы; для нихъ довольно того, что она написана и издана, а исполняется или нѣтъ, имъ все равно. Въ Берлинѣ, уже на станціи желѣзной дороги, вы видите плоды разумныхъ распоряженій: вамъ кажется, какъ будто васъ здѣсь ждали и заботились, какъ бы вамъ было по-удобнѣе да по-приятнѣе. Безъ толкотни, безъ шума, минутъ черезъ пять по приѣздѣ машины, я получилъ свои вещи и тотчасъ же нашелъ возлѣ себя носильщика съ номеромъ на фуражкѣ. Такому человѣку вы можете ввѣрить все, что вамъ угодно, и велѣть доставить куда вамъ угодно, безъ малѣйшаго опасенія что-либо потерять. И все это за установленную правительствомъ цѣну, весьма умеренную. Я остановился въ Hôtel de Saxe, въ Burgstrasse, на Шпре, противъ стараго дворца, не далеко отъ музеевъ и отъ лучшей улицы Unter den Linden. Было еще не поздно и я отправился бродить по улицамъ. Берлинъ — городъ опрятный, чистый, прекрасный. Возьмите лучшую треть или даже около половины нашего Петербурга, и получите Берлинъ. Онъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе не потому только, что для русскаго, ѣдущаго за-границу моремъ, это первый большой иностранный городъ; нѣтъ, онъ имѣетъ свои безотнотельныя достоинства, свои прекрасныя особенности. Въ немъ нѣтъ той роскоши, того великолѣпія и блеска, который васъ поражаетъ въ Парижѣ; но за то при безукоризненной чистотѣ вы найдете въ немъ тотъ благоразумный комфортъ, съ которымъ жизнь становится удобнѣе и пріятнѣе. Отели превосходныя и недорогіе (за шестьдесятъ копеекъ въ сутки можно имѣть спокойную и приличную комнату въ одной изъ лучшихъ частей города); публичныя экипажи — роскошныя для нашего брата русскаго, привыкшаго къ петербургскимъ и московскимъ ванькамъ; мостовыя прекрасныя, лошадей хромыхъ и разбитыхъ совсѣмъ нѣтъ. Когда я смотрѣлъ изъ окна вагона на дорогѣ между Штетиномъ и Берлиномъ на крестьянскія телѣги, запряженныя парокъ, а иногда и четвернею, мнѣ все думалось, что это не крестьянскія лошади,

а господскія, которыхъ запрягли въ телѣги только для того, чтобы объѣздить. А что здѣсь за телѣги: кажется, нѣтъ никакой возможности чему-нибудь въ нихъ сломаться, такой онѣ прочной и почтенной наружности. На улицахъ не слышишь ни крику, ни ругательствъ, ни бичеванья, ни пьяныхъ. Все это для насъ новость, которая очень занимаетъ въ первые дни по приѣздѣ. Войдешь въ кондитерскую, въ кофейную, въ ресторацію, гдѣ собираются ремесленники и солдаты — вездѣ чистота, опрятность, все такъ прилажено, приспособлено, что, кажется, и желать чего-нибудь лучшаго нельзя, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. И вездѣ газеты; ремесленники, извозчики, солдаты — всѣ читаютъ газеты. Солдаты, читающій газету и разсуждающій о политикѣ — какъ это вамъ покажется! Прибавьте къ этому, что почти вездѣ вы встрѣчаете честность и признаки благороднаго самолюбія и самоуваженія даже между людьми низшихъ классовъ. Однажды мнѣ вздумалось позавтракать въ обществѣ солдатъ. Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ я вошелъ въ ресторацію, которая помѣщалась въ подвалѣ. Человѣкъ до двѣнадцати егерей сбились объѣдать, и въ ожиданіи супа, толковали о сраженіи при Маджентѣ и о предстоящемъ прусскомъ передвиженіи войскъ — *Mobilmachung*, которое надѣлаю въ Германіи такъ много бесполезнаго шума. Я спросилъ себѣ стаканъ молока съ хлѣбомъ. Подали огромную порцію, но молоко мнѣ пришлось не по вкусу, такъ что я, отпивъ нѣсколько, велѣлъ его принять и хотѣлъ расплатиться; но мнѣ отвѣчали очень вѣжливо, что такъ какъ молоко мнѣ не понравилось и я его только попробовалъ то — *brauche nichts zu bezahlen*; такъ я и долженъ былъ уйти, ничего не заплативши.

Мы русскіе привыкли считать нѣмцевъ людьми не практическими, теоретиками. Но этотъ взглядъ вѣренъ только въ отношеніи ихъ политическаго устройства и былъ когда-то вѣренъ относительно науки; что же касается до удобствъ жизни, общественной и частной, нѣмецъ является совершенно практическимъ человѣкомъ; у него похвала какому-нибудь устройству выражается весьма часто словами: *es ist so praktisch*; у него даже собаки не даромъ ѣдятъ хлѣбъ: въ Берлинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Германіи ихъ запрягаютъ въ телѣжки, порядочно нагруженныя хлѣбомъ, овощами и разными другими припасами, которые онѣ преисправно развозятъ по всему городу. Иногда хозяинъ такой телѣжки отлучится куда-нибудь, а собака роль лошади перемѣняетъ на роль сторожа и сторожа самаго

вѣрнаго. Собаки, бѣгающія по городу на волѣ однѣ или сопровождающія своихъ хозяевъ, носятъ проволочные намордники (Maulkorb); и ни одинъ хозяинъ, подѣ опасеніемъ вѣрнаго денежнаго взыскапія, не смѣетъ выпустить изъ дому свою собаку безъ такого намордника. Слѣдовательно несчастныхъ случаевъ отъ укушенія собакъ быть не можетъ. Въ гостинницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ музеяхъ, словомъ — во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ существуетъ такой разумной порядокъ, такъ все хорошо придумано для удобства публики и — главное: всякое постановленіе исполняется съ такою точностію, что нельзя не уважать и не полюбить этотъ честный и добродушный народъ. Въ Австрію я не былъ, и говорю не объ австрійскихъ нѣмцахъ.

Я знаю, что большинство русскихъ, ѣздящихъ за-границу, совсѣмъ другаго мнѣнія о нѣмцахъ и о Германіи; въ Россіи существуетъ, Богъ знаетъ, почему, какое-то странное предубѣжденіе противъ этой страны. Нападаютъ у насъ и на нѣмецкую кухню, и на однообразную и скучную жизнь германскихъ городовъ, и на медленную ѣзду на желѣзныхъ дорогахъ и на явный — будто-бы — грабежъ въ гостинницахъ, — словомъ на все нѣмецкое; говорятъ, что путешествовать по Германіи — мука, тоска, ее надобно читать, а видѣть, какъ она живетъ, не стоитъ; пріѣхавъ въ Берлинъ по необходимости, потому что онъ приходился на большой дорогѣ въ Парижъ, нечего въ немъ и останавливаться, а взять дрожки и прямо на магдебургскую желѣзную дорогу, сѣсть въ вагонъ, зажмурить глаза и ровно черезъ сутки открыть ихъ въ столицѣ модъ, вкуса и роскоши, которая одна заслуживаетъ вниманіе извѣстнаго рода русскихъ путешественниковъ. Все это чистѣйшіе предрасудки. Я самъ былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ непріятностей, на которыя жаловались наши соотечественники и въ гостинницахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ; разузнавалъ, наводилъ справки, и что же оказывалось? Источниками этихъ неудовольствій были или наше барство, или недостатокъ чувства законности, вслѣдствіе котораго мы не любимъ подчиняться постановленіямъ, сдѣланнымъ для всѣхъ, а хотимъ, чтобы всегда дѣлались исключенія въ нашу пользу. Повѣрьте, въ Германіи путешественникъ огражденъ отъ всякихъ непріятностей самыми точными и ясными, строго исполняющимися, постановленіями. Напримѣръ, едва вы сядете въ экипажъ, пзвощикъ тотчасъ подаетъ вамъ карточку, на которой написано что и за что вы должны ему заплатить; если же онъ этого не сдѣлалъ, вы въ правѣ ему ничего не давать;

вслѣдствіе этого умнаго и практическаго распоряженія, дѣло обходится безъ скучной торговли, безъ канючанья, безъ оскорбительнаго для порядочнаго человѣка униженія со стороны извозчика, которое при неудачѣ онъ нерѣдко мѣняетъ на дерзость и ругательства, вознаграждаемая иногда затрепинами со стороны сѣдока. — И вездѣ вы найдете подобныя удобства, старайтесь только во все вникать, не лѣнитесь, не барствуйте и не важничайте. Вездѣ надписи, печатныя объявленія, ихъ надо читать и исполнять, тѣмъ болѣе, что онѣ вовсе не заключаютъ безполезныхъ стѣсненій вашей свѣободы, а болышею частію клонятся къ вашему же удобству и удовольствію. И такихъ надписей, предохранительныхъ и запретительныхъ, множество; видно, что цѣмцы любятъ грамоту и что она стала для нихъ насущною потребностію жизни. Между этими надписями я не находилъ нигдѣ одной, очень извѣстной намъ русскимъ, — потому что мы встрѣчаемъ ее чуть не на всякой будкѣ, — о запрещеніи курить на улицахъ табакъ, вслѣдствіе котораго наши кучера, дворники и подобные имъ люди забпраются съ своимъ трубками и папиросами въ укромныя мѣста, т. е., на чердаки, на сѣновалы, въ конюшни, въ сараи; часто засыпаютъ тамъ съ ними, особенно въ праздникъ, подъ пьяную руку и производятъ пожары. Между тѣмъ безъ этого запрещенія они курили бы на тротуарахъ, у воротъ домовъ, гдѣ рѣшительно нечему загорѣться. За всякую необходимую для васъ услугу вы платите весьма умѣренную цѣну, даже дешевую; угодно вамъ прихотничать, капризничать, — можете, сколько душѣ угодно; но тогда надо платить втрое, вчетверо — и по дѣломъ. Первымъ впечатлѣніемъ, особенно нехорошимъ, увлекаться не слѣдуетъ, а нужно всегда прежде вникнуть въ дѣло и разсмотрѣть его хладнокровно. Вотъ, что случилось въ Эмсѣ на моихъ глазахъ съ однимъ нашимъ баринкомъ. Когда выложили его вещи изъ вагона, онъ обратился къ носильщику и велѣлъ ему перенести ихъ въ гостиницу. Широкоплечій паренъ, съ мѣдною нумерованною бляхою на рукавѣ синей блузы, мигомъ исполнилъ его приказаніе и потребовалъ слѣдующее ему вознагражденіе за трудъ. Гостиница находилась очень близко отъ станціи желѣзной дороги, почти рядомъ, и баринъ, по своему усмотрѣнію, даетъ ему три крейцера (копеекъ десять серебромъ). Носильщикъ возвращаетъ ихъ спокойно назадъ и требуетъ, твердо, но вовсе не грубо, двадцать одинъ крейцеръ. Баринъ вспылилъ, раскричался, произнесъ цѣлую филиппику противъ ненасытнаго корыстолюбія нѣм-

цевъ, противъ беззаконнаго произвола. Между тѣмъ произволато онъ именно и хотѣлъ, только въ свою пользу, по привычкѣ. Снятая блуза, спокойно выслушавъ эту рѣчь, проникнутую чувствомъ благороднаго негодованія, отвѣчала на нея флегматически: «теперь вамъ нѣтъ надобности платить, заплатите послѣ», и исчезла. Баринъ опѣшалъ, сконфузился и не зналъ, что ему сдѣлать. Оберъ-кельнеръ подалъ ему печатную таксу платы за переноску вещей, учрежденную правительствомъ. Тамъ было сказано: за большую вещь платится нять крейцеровъ, за маленькую — три, за какое бы ни было разстояніе въ городѣ. Всѣхъ вещей было пять — три чемодана и два ручные мѣшка. Стало быть носильщикъ былъ правъ, а баринъ съ своей филиппикой смѣшонъ. Въ этомъ родѣ происшествій случается много съ нашими путешественниками. Конечно, безчестные корыстолюбцы встрѣчаются вездѣ (особенно по гостинницамъ на Рейнѣ), но — повторяю — вы ограждены отъ нихъ разумными распоряженіями правительства.

А. П...НЪ.

Письмо изъ Китая.

(Къ редактору «Русскаго Слова».)

Гавань Вей-хай-вей въ Желтомъ морѣ. 1-го іюля 1859 г.

Сегодня графъ Муравьевъ-Амурскій, на пароходѣ «Америка», подошелъ на пути изъ Японіи и Кореи къ китайскимъ берегамъ и бросилъ якорь въ гавани Вей-хай-вей, близъ Печилійскаго залива. Тотчасъ же начальникъ нашей демаркаціонной комиссіи, подполковникъ Будогосскій, отправляется въ Пекинъ для утвержденія окончательной пограничной черты русскихъ владѣній въ Маньчжуріи. По этой чертѣ весь приморскій берегъ Маньчжуріи, прикасающійся Японскому морю и какъ по изслѣдованіямъ оказалось — никому не принадлежащій, зажеванъ въ черту русскихъ владѣній. Южная часть этого берега, близъ Кореи, — значитъ въ широтѣ закавказскихъ провинцій, — оказывается изрѣзанною такимъ множествомъ самыхъ отличнѣйшихъ бухтъ и гаваней, что едва ли можно найти другой берегъ въ мірѣ, гдѣ бы на такомъ маломъ пространствѣ прекраснѣйшія гавани слѣдовали одна за другою въ такомъ количествѣ, что трудно выбрать и опредѣлить, которая изъ нихъ лучше. Знаменитая

севастопольская гавань и «Золотой рогъ» въ Босфорѣ, должны уступить первенство здѣшнимъ гаванямъ и бухтамъ. Вблизи этихъ гаваней мѣстность покрыта дѣвственными тропическими лѣсами, перевитыми лианами, въ которыхъ дубы достигаютъ діаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительные и никогда нами не были еще видѣны, — подобное что-нибудь можно встрѣтить только въ лѣсахъ Америки. Какая великая будущность таится въ этихъ дарахъ природы, — въ этихъ доисторическихъ лѣсахъ въ связи съ великолѣпнѣйшими гаванями міра! Не даромъ этотъ лабиринтъ заливовъ, острововъ и островковъ носитъ названіе залива *Петра Великаго*, не даромъ лучшей изъ портовъ названъ *Владивостокъ*, потому что здѣсь колыбель нашего флота на Тихомъ океанѣ, русскаго значенія на его широкомъ лонѣ, не запертомъ пушками Зунда, Гибралтара и Дарданеллъ, — и нашего *главнѣйшаго Востока*. Здѣсь всѣ дары природы сосредоточены въ одну группу и способны развить сильную колонизацію и сильное торговое движеніе.

Это посланіе пойдетъ до Пекина съ нашимъ комиссаромъ, а оттуда съ китайскимъ курьеромъ чрезъ Монголію до Кяхты. — Изъ чего вы можете судить о скорости сношеній и сухопутнаго сообщенія С.-Петербурга съ Пекиномъ и печелійскимъ заливомъ.

2 Юля. Устье р. Пейхо, въ Печелійскомъ заливѣ.

Мы прошли сюда не останавливаясь, здѣсь нашли американскій фрегатъ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ: сейчасъ начинается салютъ. Отсюда 200 верстъ до Пекина и письма сейчасъ отправляются.

Сейчасъ былъ у насъ съ поздравленіемъ о приходѣ офицеръ съ американскаго парохода «Паугатанъ» и рассказывалъ о дѣлѣ, бывшемъ у англичанъ съ китайцами при устьѣ Пейхо. Англійскія канонерскія лодки требовали пропуска англійскаго посланника въ Пекинъ, китайцы предложили идти другимъ рукавомъ рѣки, и общали стрѣлять, если англичане пойдутъ этимъ. Тѣ не послушали, китайцы открыли весьма сильный огонь, англійскія лодки въ отливѣ обмелѣли и не успѣвъ прорвать барража черезъ рѣку, потеряли сильный уронъ: винтовой корветъ «Корморандъ», канонерскія лодки «Ли» и «Пloverъ» затонули и остались на мѣстѣ; Пloverъ, за невозможностью спасти, англичане взорвали сами на воздухъ. Переднія батареи за-

молчали, англичане послали десантъ, который въ отливъ обмелѣлъ и солдаты, соскочивъ въ воду увязли по поясъ въ илѣ и подмочили ружья. Тогда китайцы открыли изъ затихнувшихъ батарей убійственный огонь, на который увязшій англійскій десантъ могъ отвѣчать только огнемъ двѣнадцати ружей, прочія подмокли. — Англичане потеряли убитыми 430 человекъ, восемь офицеровъ; ранено двадцать три офицера и адмиралъ Гопъ. Объ этомъ прочтете мое письмо въ с.-петербургскихъ вѣдомостяхъ.

Открытие въ Кіевѣ приготовительной школы.

15-го іюня 1858 г. на Подолѣ было празднуемо открытіе приготовительной школы для дѣтей, поступающихъ въ первый классъ средняго учебнаго заведенія *).

Содержатель школы — самъ учитель; онъ не разъ видѣлъ на дѣлѣ, съ какими скудными свѣдѣніями поступаютъ дѣти въ среднее учебное заведеніе. Это впрочемъ понятно и теоретически: *низшія учебныя заведенія*, приходскія училища, даютъ гимназіи очень мало учениковъ, за тѣмъ — что въ нихъ большею частью обучаются сыновья бѣдныхъ ремесленниковъ, которые удовлетворяются извѣстною *выучкою*, для домашняго обихода (писать, считать), часто вовсе не помышляя о продолженіи образованія. *Домашнее* приготовленіе или обходится слишкомъ дорого, или выходитъ слишкомъ гнило, когда обойдется дешево. Родители сами рѣдко имѣютъ для того достаточно познаній, времени и охоты; гувернантки обыкновенно занимаются безсистемно, не умѣютъ приладиться къ программѣ; студенты, набравшіеся идей и выводовъ, отвыкшіе отъ классныхъ уроковъ, почти не рѣшаются сами основательно утвердиться въ элементарныхъ знаніяхъ; рѣдко принаравливаются къ дѣтскимъ понятіямъ, рѣдко владѣютъ собою, хотя бы и при педагогическомъ талантѣ, уже по молодости; семинаристы всегда замучиваютъ дитя своею су-

---

*) Не лишнее знать, что есть собственно одно среднее учебное заведеніе (по министерству народнаго просвѣщенія) — *гимназія*; но сюда же причислены и такъ называемыя *дворянскія училища* (иными несправедливо смѣшиваемыя съ *уездными*), которыя суть ничто иное, какъ *низшіе классы гимназій*.

костью, выражающеюся и въ обращеніи, и въ толкованіяхъ свысока и въ педантическомъ слѣдованіи положенной книгѣ и т. п. и т. п. *).

Вѣроятно, на подобныхъ соображеніяхъ (назначивши весьма умѣренную плату) г. Балабуха и открылъ школу, — замѣтьте, школу для *приходящихъ*, а не частный пансіонъ, которые вообще лишаютъ дѣтей двухъ выгодъ: и казеннаго (денежнаго) обученія и домашняго воспитанія.

Такая школа не только полезна, но, по словамъ объявленія г. Балабухи, *составляетъ настоятельную общественную потребность*.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы нѣжные родители ясно видѣли несостоятельность своихъ дѣтей, если бы среднія учебныя заведенія не были почти-что поставлены въ необходимость принимать слабыхъ, за недостаткомъ сильныхъ, — подобныя школы, удовлетворяя *настоятельной потребности общества*, должны бы процвѣтать.

Но иное дѣло рациональное опредѣленіе общественныхъ потребностей, а иное дѣло мѣра ихъ дѣйствительнаго удовлетворенія. Мягкихъ родителей, жалующихся на собственную несостоятельность и невидящихъ несостоятельности своихъ дѣтей, подготавливающихъ ихъ кое-какъ — много; просьбы маменекъ, а иногда и посильныя приношенія (въ какомъ-нибудь Крутогорскѣ) попрежнему дѣйствуютъ на добрыя сердца начальниковъ и наставниковъ — и половина бѣдныхъ дѣтей, съ самого начала плохо-приготовленныхъ, принимается; волей-неволею стараются новые ученики, борются бессильно съ дальнѣйшими занятіями; учитель, безмолвно взявшій на себя обязанность пополнить недостатокъ первоначальной подготовки, иной разъ и радъ бы, да у него не стаетъ физической возможности, чтобы справиться съ неодинаково-подготовленными, особенно при возрастающемъ ежегодно числѣ учениковъ **).

*) Повидимому, я пропустилъ еще одно *низшее учебное заведеніе* — *уѣздное училище*; но оно составляетъ какое-то странное *низшее, окончательное заведеніе*; изъ него рѣдко-рѣдко переходятъ въ какое бы то ни было заведеніе, а скорѣе на государственную службу, въ уѣздный судъ, казначейство и т. п. Въ первый классъ гимназіи, прошедши три класса училища, молодой человекъ не желаетъ, да и онъ знаетъ много лишняго, напримѣръ *исторію, геометрію*; а во второй все-таки ему трудно — что дѣлать съ языками, которые въ уѣздномъ училищѣ считаются ненужными?

***) Легко принять! Да вѣдь гимназія не университетъ, гдѣ экзамены болѣе и болѣе теряютъ свой смыслъ. Студентъ не мальчикъ, на него не

Въ настоящемъ году кончило школу тринадцать человѣкъ (въ томъ числѣ два сына самого содержателя); это едва ли составитъ двадцатую часть поступившихъ въ кievскія среднія учебныя заведенія (двѣ гимназіи и одно дворянское училище). Какъ видите, школа не процвѣтаетъ!

Остается же она теперь при двадцати четырехъ человѣкахъ; слѣдовательно до выпуска всего было тридцать семь. Правда, въ продолженіе года перебивало въ школѣ всего на все сорокъ шесть человѣкъ; изъ нихъ тринадцать выбыло въ разное время, иные черезъ два-три мѣсяца, а иные ограничились и однимъ. Видимо, что нѣкоторымъ родителямъ срокъ ученія показался дологъ, что они думали не о томъ, чтобы дитя поосновательнѣе прошло опредѣленный курсъ ученія, а лишь бы полегче да подешевле выучилось кое-чему, что, дескать, требуется гимназіею *). Поэтому больше всего и выбывало изъ третьяго отдѣленія, не дождавшись аттестата. Это относится особенно къ дѣтямъ дворянъ, которымъ положено нѣкоторое приготовленіе дома... въ школѣ-де онъ *усовершенствовуется*, наскоро отъ нея отдѣлавшись. Кому неизвѣстно, какъ сильно хлопочутъ родители вообще, чтобы какъ ни есть сыночекъ поступилъ въ высшій, чѣмъ можетъ, классъ? О трудѣ при дальнѣйшихъ его занятіяхъ, о пользѣ ихъ — кто же думаетъ?

Въ третье отдѣленіе, то есть, на наименьшій срокъ, и поступало всего больше; нечего говорить о томъ, что изъ поступив-

---

наложишь *обязанности* учиться; его добрая воля — выучиться, чему и на сколько онъ хочетъ; профессоръ не обязанъ учить каждаго порознь, толковать о пользѣ той или другой науки; ему нѣтъ дѣла, на сколько подготовлены нѣкоторые слушатели; умныя уши найдутся въ аудиторіи и безъ вступительныхъ экзаменовъ. Кстати, въ одномъ изъ номеровъ кievскаго *Телеграфа* было писано о строгости приемныхъ испытаній въ университетѣ въ нынѣшнемъ году. Въ контрастъ, можно передать, что въ томъ же году въ одну изъ гимназій поступилъ ученикъ изъ втораго отдѣленія приготовительной школы, а другой даже изъ перваго (куда принимаются дѣти едва знающія грамоту). Школа приготовляетъ въ первый классъ, слѣдовательно мальчику не изъ третьяго отдѣленія, то есть не окончившему школы, по настоящему, нѣтъ ходу въ гимназію, — если онъ недостатокъ знаній не замѣняетъ блестящими способностями.

*) Не могли же родители забывать, что сама школа не задерживаетъ дѣтей: предположивъ для девятилѣтняго мальчика двухлѣтній курсъ, она не мѣшаетъ старшимъ дѣтямъ переходить въ высшее отдѣленіе раньше года, но переходить закононо, по удостовѣреніи въ успѣхахъ; назначены сроки переходныхъ экзаменовъ: для втораго отдѣленія не равнѣе шести мѣсяцевъ, а для перваго — трехъ мѣсяцевъ.

шихъ въ третье отдѣленіе въ началѣ ли, въ концѣ ли года, въ школѣ доучиваться никто не остался (хотя двое вышло довольно слабыхъ). Второе отдѣленіе (самое меньшее по числу школьниковъ) преимущественно наполнялося купеческимъ сословіемъ, — вѣроятно, на томъ основаніи, что въ третье ужъ совѣмъ трудно, а въ первое поступать-моль нечего: читать-писать выучить всякій. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ выходило не такъ: инымъ приходилось доучиваться читать-писать — прекрасная метода Золотова не приносила ожидаемыхъ плодовъ, именно потому, что дѣти кое-какъ умѣли читать. Дворянское сословіе помѣщало въ первое отдѣленіе, то есть на длиннѣйшій срокъ, какъ намъ кажется, случайно, по безпечности: дитя зашало, читать не начинало учиться; срокъ первоначальной выучки дома представляется такой длинный, неопредѣленный; самому скучно учить базованное дитя азбукъ, изъ *порядочныхъ* людей никого не нашлось.... отдать его лучше въ школу, благо же недалеко!... *).

11-го августа 1859 года въ школѣ происходилъ публичный экзаменъ. Почти всѣ выпущенные поступили въ подольское дворянское училище, и поступили безъ экзамена. Это оффиціальное доказательство успѣховъ дѣтей должно, кажется, послужить сильнымъ ручательствомъ родителямъ, что деньги въ школу внесены не даромъ. Положимъ, до сихъ поръ они имѣли право сомнѣваться въ пользѣ школы; теперь надо ожидать, что сомнѣнія разрѣшены, что число хорошо-приготовленныхъ учениковъ будетъ увеличиваться въ гимназій, что школа станетъ рости, полнѣть, благоденствовать. Но не слишкомъ ли рановременны и умѣстны ли наши предсказанія? И можно ли положительно сказать, что родители, увѣрившись лично въ успѣшномъ приготовленіи дѣтей въ школѣ, станутъ чаще обращаться къ ней? Врядъ ли.

Если и прибавится число учениковъ, сравнительно съ прежнимъ годомъ, можно съ достовѣрностью сказать, что прибавится оно далеко не въ той мѣрѣ, въ какой бы слѣдовало, по нашимъ

*) Не мѣшаетъ напомнить читателю, что въ первомъ отдѣленіи школы занимаются русскимъ письмомъ и чтеніемъ, начиная съ азбуки; во второмъ французско-нѣмецкимъ чтеніемъ и письмомъ и нумераціею; въ третьемъ проходитъ уже священная исторія, такъ называемый краткій катехизисъ и четыре первыхъ дѣйствій ариометическія.

ожиданіямъ. Многіе родители долго еще будутъ вліять, какъ бы мальчикъ пробылъ въ заведеніи по-меньше, воспользовавшись его *правами*; долго еще будутъ выходить въ свѣтъ не окончившіе курса, искать легчайшихъ средствъ къ поступленію въ высшее заведеніе и т. д. Это вѣдь не исключительныя явленія и школою не ограничиваются: мы какъ-то имѣемъ слабость къ высшему мѣсту, высшему чину, только не добиваемся ихъ посредствомъ высшаго труда и высшаго образованія.... Впрочемъ это постороннее! Конечно, какъ во всякомъ дѣлѣ, и въ упомянутомъ есть много временныхъ оправдывающихъ обстоятельствъ: и бѣдность нѣкоторыхъ родителей, и неспособность дорожить образованіемъ для образованія, и даже подчасъ неумѣніе понять важность и оцѣнить основательную подготовку своихъ дѣтей и т. д. При необразованности и недостаточности средствъ, деньги больше идутъ на комфортъ, чѣмъ на образованіе. Мать скорѣе купитъ шляпку, чѣмъ книгу. Пожалуй все можно оправдать, разумно и въ общемъ порядкѣ вещей со всѣмъ помириться, какъ ни грустны самыя явленія. Но что намъ кажется всего грустнѣе въ настоящую минуту — это невниманіе родителей къ образованію собственныхъ дѣтей. Родители, разумѣется, не прочь порадоваться похвальному листу, или хоть свидѣтельству съ золочеными орлами — результатамъ ученія, успѣхамъ. Но слѣдить за этими успѣхами куда-какъ тяжело! Г. Балабуха печатно приглашалъ родителей посѣщать во всякое время школу, гдѣ они могли бы знакомиться съ учителями своихъ дѣтей, со способами преподаванія и т. д. Едва ли нужно упоминать о томъ, что ни одинъ родитель, сдавши сына, не являлся потомъ въ классъ. Положимъ, это и не повелось у насъ, хоть и хорошо, да ново, дико. Но былъ одинъ день назначенный, торжественный, съ закускою въ виду — два-три родителя пришли на публичный экзаменъ. Впрочемъ, какъ подумаешь, найдутся и тутъ оправданія, и, можетъ быть, довольно законныя: сомнѣніе въ добросовѣстности экзамена. Кто не слыхалъ, что такъ называемыя публичныя испытанія обыкновенно дѣлаются выставкою больше доморощенныхъ талантовъ, чѣмъ необходимыхъ познаній, и въ то-же время преисполнены обмана: учениковъ вызываютъ самыхъ наилучшихъ; отвѣчаютъ они приготовленное заранѣе; начальство, учитель, все въ заговорѣ. Можно поручиться, что въ приготовительной школѣ подобныхъ приготовленій не существовало. Присланный изъ первой гимназій ассистентъ вызывалъ учениковъ по собственному выбору; люди посторонніе пред-

лагали вопросы; кроме того, законоучитель опоздалъ, и нѣсколькихъ учениковъ успѣли спросить безъ него. Предполагалось проэкзаменовать всѣхъ до одного, и только тогда прекратилось испытаніе, когда было замѣчено, что дѣтскіе отвѣты наскучили уже посѣтителемъ. Кажется, что и высшее начальство и почтенная публика остались довольны. Мальчики читаютъ по русски толково и пишутъ сносно, по навыку; знаютъ довольно французскихъ и нѣмецкихъ словъ и даже составляютъ легкія фразы; произношеніемъ однако не щеголяютъ, чего и трудно достигнуть, если оно испорчено дома; учитель нѣмецкаго языка довольно удачно началъ прилагать въ школѣ *наглядное* ученіе по картинкамъ *). Дѣти не забиты неудобоваримыми правилами и опредѣленіями, но у нѣкоторыхъ развито бойкое соображеніе для незатѣйливыхъ ариѳметическихъ задачъ. Вообще мальчики имѣютъ довольно знаній и развиты порядочно, — что замѣтно даже потому, что приучены отвѣчать, какъ говорится, своими словами; зубренія не видно даже по Закону Божию, какъ это въ обычаѣ. Еще бросается въ глаза: мальчики очень смѣлы, чему сильно способствуетъ отсутствіе оффиціально-начальническихъ отношеній учащихся къ учащимся, такъ сказать, семейный характеръ школы, который поддерживается всѣми преподавателями.

---

*) Здѣсь я не считаю неумѣстнымъ сдѣлать два примѣчанія, и по первымъ въ сотый разъ изъяснить общее сожалѣніе, что французскій и нѣмецкій языки не требуются при поступленіи въ гимназію: учителя очень затруднены тѣмъ, языки же вообще, какъ извѣстно, плохо идутъ; во-вторыхъ да позволено мнѣ будетъ сказать два слова объ *обученіи по картинкамъ*. Спору нѣтъ, что мысль прекрасная: а) вспоминая предметъ постоянно, легче запомнить слово, ему соответствующее; б) картинки могутъ служить средствомъ и къ развитію: способный, опытный учитель имѣетъ возможность многое запечатлѣть въ памяти *внимательныхъ* учениковъ, особенно если ихъ не много, если это дѣло семейное. Да и вообще я думаю, что эта прекрасная *метода* прекрасною выходитъ лишь въ семьѣ, и притомъ *богатой*, которая въ состояніи заплатить дорого за картинки. Картинки же, которыми пользуется наша школа (онѣ стоятъ больше десяти рублей серебромъ) далеко неудовлетворительны. Исодушевленные предметы изображены сносно; лучше всего цвѣты; что же до животныхъ, многихъ нельзя узнать; не говорю уже о характерѣ животнаго, размѣра нѣтъ, нарисованы грубо, тѣмъ иной разъ не отличишь отъ цвѣта, крыльевъ птицъ отъ листка дерева, на которомъ она сидитъ. Таковы отдѣльныя фигуры, а ужъ что имѣетъ видъ картины — изъ рукъ вонъ плохо. Безъ шутокъ, не всегда различаешь му-

Надѣюсь, что меня не упрекнутъ въ пристрастіи; я принимаю дѣятельное участіе въ школѣ, и потому именно не распространяюсь о ея недостаткахъ: что видимъ, то исправляемъ, по мѣрѣ силъ; чего не видимъ, пусть намъ укажутъ другіе. Нѣкоторые недостатки и всѣмъ замѣтны, напримѣръ домъ не совершенно удобенъ для школы: есть проходной классъ; но люди близкіе содержанию понимаютъ, что при существующемъ числѣ учениковъ трудно имѣть болѣе обширное помѣщеніе, что и такъ приходъ съ расходомъ вѣренъ. Надзиратели, до сихъ поръ служившіе для порядка и практики въ иностранныхъ языкахъ, могли бы быть лучше; но кто не знаетъ, сколько стоитъ, даже за порядочную цѣну, найти порядочнаго иностранца: одинъ ужъ черезъ чуръ необразованъ, другой не знаетъ русскаго языка, третій повелителенъ и суровъ съ дѣтьми и т. д. Въ заключеніе рѣшаюсь обнародовать на судъ публики часть нововведеній, предположенныхъ на одномъ изъ педагогическихъ засѣданій.

Кромѣ положеннаго казенною программю, мы сочли нужнымъ:

1) Передавать дѣтямъ общія географическія понятія, знакомя съ картою, а также коротенькую топографію Кіева, указывая на планѣ, дѣлая иногда экскурсіи, гдѣ, при случаѣ, обращать вниманіе на достопримѣчательности города и окрестностей.

2) Дать краткое понятіе о геометрическихъ тѣлахъ, наглядно, на деревянныхъ фигурахъ; прежде чѣмъ приступать дѣти къ

щину отъ женщины. Моменты изъ священной исторіи выбраны многіе не характеристическіе, представлены также неудачно, напримѣръ мальчикъ подаетъ Христу пять хлѣбовъ, вдали народъ, ничего не дѣлающій — это называется: *Насыщеніе 5,000 человекъ*. *Этнографическія* картинки еще хуже: это старинныя эмблемы, которыя въ состояніи оставить въ головѣ дитяти лишь *искусственное*, случайное представленіе страны, націи, лишь самый *узкій* взглядъ, который будетъ бороться съ самымъ пространнымъ объясненіемъ учителя. Составителю книжки не слѣдовало забывать о томъ, что *исполненіе* можетъ уничтожить полезную мысль. Для дитяти очень и очень важно *исполненіе*: дитя впечатлительно; оно не замѣтитъ ошибокъ, и первое впечатлѣніе надолго его будетъ *сбивать*. Кто не замѣчалъ, что если дитя въ урокъ заучитъ неправильно слово, поправляйте его десять разъ, оно все будетъ ошибаться. Картинки, о которыхъ я говорю, всего болѣе вредны для вкуса мальчиковъ: фальшивые тоны и грубые цвѣта, неправильныя, неизящныя линіи не могутъ не портить еще неразвившагося вкуса, и учитель рисованія, безъ сомнѣнія, первый это явственно замѣнитъ. Не лучше ли было бы за ту же цѣну купить нераскрашенныя картинки? Не такъ *наглядно*, правда, за то, доставляя болѣе напряженія глазу, можно было бы пріучать его къ болѣе строгому рисунку.

арифметическимъ дѣйствіямъ надъ отвлеченными числами (какъ требуется гимназическою программю), занимать ихъ рѣшеніемъ разнообразныхъ житейскихъ задачъ съ именованными.

3) Учитель русскаго языка обратитъ особенное вниманіе на мѣстные ошибки: малороссизмы и полонизмы; онъ же займется логическимъ разборомъ, который такъ развиваетъ мышленіе, — разумѣется, обходя грамматическіе термины, а просто по вопросамъ: *кто, какой?* и т. д.

Благодаря г. попечителю, первому двигателю въ нашей учебной дѣятельности, мы привыкаемъ къ педагогическимъ совѣщаніямъ. Они не секретъ, мы не связаны никакими административными соображеніями, и всякій родитель можетъ всегда знать ихъ результаты.

Остается пожелать самаго лучшаго: чтобы школа всегда одинаково добросовѣстно, съ трудомъ и умѣньемъ прилагала къ дѣлу тѣ прекрасныя начала педагогики, которыя въ наше время такъ легки кажутся на языкѣ каждаго, пмѣющаго претензію на педагога; остается пожелать, чтобы школа достойнымъ образомъ приобрѣла довѣріе хоть у тѣхъ родителей, которыхъ любовь къ дѣтямъ выражается въ серьезной любви къ ихъ образованію. На дѣтей пожаловаться нельзя: по общему признанію учителей, большая часть учится очень охотно *).

Е. СУД.

Кіевъ. 14-го августа.

Вѣсти изъ Новгорода.

Недавно возвратилась въ Новгородъ депутація здѣшнихъ гражданъ, ежегодно отправляющаяся въ Петербургъ къ 27 іюля, для поздравленія государя Великаго Князя Николая Николаевича-Старшаго съ днемъ рожденія и тезоименитства. На этотъ разъ депутація имѣла счастье представить его высочеству прошеніе гражданъ о проведеніи желѣзной дороги изъ Новгорода до Чу-

---

*) На другой же день выпуска, въ училище явилось шесть школьникозъ съ прошеніями, а черезъ три дня остальные. (Классы еще не начались, родители ихъ не принуждали.)

дова. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что вѣсть объ этомъ взволновала и обрадовала Новгородъ, ни о томъ, что эта радость едва ли не преждевременна. Конечно, эта дорога не была бы лишнею; но она не требуется *настоятельно* надобностию, и потому едва ли была бы въ состояніи содержать себя собственными средствами: слѣдовательно о томъ уже и говорить нечего, чтобъ она окупилась когда-нибудь. Что за Лондонъ такой или Манчестеръ нашъ Новгородъ, чтобъ можно было рассчитывать на успѣхъ этой дороги? Правда, черезъ него проходятъ ежегодно въ Петербургъ, по высшей мѣрѣ, до 2,500 судовъ своей губерніи и столько же судовъ другихъ губерній; но кто же въ состояніи думать, чтобы эти суда стали перегружаться въ немъ на желѣзную дорогу? Относительно судовъ своей губерніи и разговора не можетъ быть уже потому одному, что они везутъ преимущественно, если не исключительно, дрова, сѣно, костье, тряпье, паклю — предметы, которые всегда и вездѣ гнишаются желѣзною дорогою. Что же касается до судовъ другихъ губерній, то прежде, пожалуй, можно еще было допустить, и то полагая съ грѣхомъ, предположеніе, что они стали бы разгружаться въ Новгородѣ, но никакъ не теперь, когда уже извѣстно, что составляется или уже и составилось общество для проведенія желѣзной дороги изъ Рыбинска въ Петербургъ, а въ Рыбинскѣ-то и перегружаются теперь товары, изъ большихъ судовъ въ меньшія: слѣдовательно все, что только можетъ быть отправлено по желѣзной дорогѣ отсюда въ Петербургъ, разумѣется, и будетъ отправлено *при сей вѣрной оказіи* — не десять же разъ въ самомъ дѣлѣ перегружаться? Весь же остальной товаръ будетъ погруженъ на меньшія суда ужъ конечно не за тѣмъ, чтобъ снова разгружаться въ Новгородѣ: только и дѣла было бы, что знай перегружайся на каждомъ шагу; это ужъ была бы игра въ перегрузку, а недоставка товаровъ. Особенно несбыточна перегрузка судовъ послѣ того, какъ они уже прошли новгородскія Сцилу и Харпбду — боровицкіе пороги; послѣ нихъ желѣзная дорога для судовъ, что горчица послѣ ужина! Да еслибъ наконецъ и пришлось нѣкоторымъ изъ этихъ судовъ, какими нибудь судьбами, перегружаться послѣ прохода пороговъ, такъ вѣдь и теперь есть къ тому полная возможность — волховская станція желѣзной дороги, въ селеніи Соснинкѣ, до котораго отъ Новгорода рукой подать, всего какихъ нибудь 60 верстъ, что водою — бездѣлица! Защитники новгородской дороги напираютъ на то, что тогда складъ товаровъ

могъ бы быть въ Новгородѣ, гдѣ постройка и содержаніе магазиновъ гораздо дешевле, нежели въ Петербургѣ, въ который между тѣмъ товаръ могъ бы быть доставленъ изъ Новгорода во всякое время. Но кто же, Боже мой, мѣшаетъ теперь устроить эти магазины въ селеніи Соснинкѣ, гдѣ они обошлись бы еще дешевле, чѣмъ въ Новгородѣ, а между тѣмъ и по желѣзной дорогѣ былъ бы еще выигрышъ въ 60 верстъ. А вотъ въѣд не устраиваютъ же здѣсь магазиновъ, стало быть не нужно, и стало быть и желѣзная дорога не нужна. И точно не нужна, а слѣдовательно и бесполезна, съ которой стороны не подойди къ ней. Впрочемъ, кое-кому была бы полезна, и даже очень полезна, не дорога собственно, а только постройка ея. Этотъ кое-кто *во-первыхъ*, лица, которыя строили бы ее, что впрочемъ ужъ само собою разумѣется, а *во-вторыхъ* — кто бы вы думали во-вторыхъ? Во-вторыхъ, нынѣшній новгородскій откупъ — право! Судите сами: всѣ работы по желѣзной дорогѣ производились бы въ этомъ откупѣ, слѣдовательно рабочіе только бы въ немъ и пропивали задѣльную плату, а извѣстно, что рабочихъ тутъ была бы тьма-тьмуца, что плата на желѣзныхъ дорогахъ очень хороша, и что почти вся она остается въ кабакахъ, какъ уже показали блистательные опыты. По этому нисколько не удивительно, что душою этого дѣла явился откупъ, что просьба и сочинялась и переписывалась его усердными стараніями, какъ это всѣмъ въ городѣ извѣстно.... Правда, говорятъ, что дорога эта принесла бы пользу не одному откупу, но и всему Новгороду тѣмъ, что товары, получаемые имъ теперь изъ обѣихъ столицъ, доставлялись бы тогда прямо въ городъ, а не на чудовскую станцію, какъ теперь, отъ которой они доставляются уже на извозникахъ; извозники же берутъ будто бы, что хотятъ, а это, молъ, сильно увеличиваетъ стоимость товаровъ. Положимъ, и такъ; но извозники могутъ куражиться только зимою, а не лѣтомъ, когда доставка товаровъ съ желѣзной дороги въ Новгородъ можетъ быть произведена водою, что гораздо дешевле всякой желѣзной дороги: такъ и запасайся ими купцы преимущественно въ навигацію, а для пассажировъ есть у насъ сколько угодно пароходовъ, зимою же дилижансъ, который впрочемъ рѣдко полонъ бываетъ — такъ много желающихъ ѣздить отсюда и сюда! Но положимъ, что желѣзная дорога и удешевила бы доставку къ намъ товаровъ, да сбавили бы тогда наши купцы хоть кое-что съ нынѣшнихъ цѣнъ — это еще бабушка сказала на двое: либо да, либо нѣтъ. Но еслибы и сбавили, такъ

вѣдь это, при ничтожности новгородской торговли, составило бы въ сложности не болѣе нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ и ужъ никакъ не тысячъ: вотъ если для нихъ, для этихъ рублей, строить желѣзную дорогу, ну это дѣло — спору нѣтъ! Я не сталъ бы такъ много говорить о новгородской дорогѣ, еслибы многіе, даже очень многіе, видя всю бесполезность ея, не были убѣждены однакожъ, что она *будетъ*, — *будетъ во чтобы то ни стало*: вотъ чего я боюсь смертельно! Убѣжденіе ихъ истекаетъ изъ того, что лица, которыя считаютъ эту дорогу полезною, *употребятъ всѣ усилія и ничего не пожалеютъ, чтобы она осуществилась...* Объ этомъ даже открыто говорятъ въ Новгородѣ, и конечно, не такъ коротко и неясно, какъ говорю я.... Впрочемъ, желѣзной дороги въ Новгородѣ желаютъ многіе даже изъ тѣхъ, которые ясно видятъ всю бесполезность ея. Они говорятъ: мы не Европа; тамъ желѣзные дороги вызываются потребностію ихъ, а у насъ, напротивъ, сами дороги рождаютъ эту потребность; со временемъ, нѣтъ сомнѣнія, что и новгородская дорога бесполезная въ настоящемъ, мало-по-малу сильно развила бы торговлю и промышленность въ цѣлой губерніи и далѣе. Съ этимъ нельзя не согласиться, но никакъ не съ тѣмъ, чтобы въ ожиданіи будущихъ благъ строить теперь же эту дорогу. Въ настоящее время въ Россіи есть много мѣстностей, которыя *настоятельно* требуютъ хорошихъ путей сообщенія, не говоря уже о безднѣ другихъ неотложныхъ потребностей ея: будемъ же русскими, а не только новгородцами, и пусть капиталы, которыхъ потребовала бы новгородская дорога, будутъ употреблены на болѣе необходимое. Будьте увѣрены, что Новгороду не отвертѣтся отъ желѣзной дороги, *когда настанетъ ея пора*.

Но вотъ новость старорусская: это столкновение, начавшееся въ трактирѣ на кіяхъ и кончившееся за городомъ... на сабляхъ. Съ пистолетомъ же вѣдь шутки плохи, того и гляди, что положишь на мѣстѣ, ну а саблей многого не сдѣлаешь...

О другихъ новостяхъ Новгорода въ другой разъ.

Н. Н.

Новгородъ. 18-го августа 1859 г.

НЕКРОЛОГИ.

I.

Академикъ А. В. Тырановъ.

«Слава, насъ учили, дымъ» — сказаѣь одинъ пзъ русскихъ поэтовъ и истина эта въ-особенности подтвердилась надъ Алексѣемъ Васильевичемъ Тырановымъ. Было время, когда, начиная отъ дворца, аристократическихъ салоновъ и псходя до средняго класса петербургскаго общества и скромныхъ художниковъ, пня его, какъ портретиста, произносилося почти съ такимъ же уваженіемъ, какъ и имя Карла Павловича Брюлова. Тырановъ былъ живописной модой Петербурга, завалень заказами, чествуемъ, восхваляемъ. Съ его картинъ дѣлались многочисленныя копіи, немѣвшія застою; стилю и манерѣ его явилось много подражателей. Онъ былъ обезпеченъ, почти богатъ, и вотъ, недавно, третьяго августа, этотъ же самый Тырановъ умеръ въ Кашинѣ (тверской губерніи) бѣднымъ и безызвѣстнымъ. Не праздность, не беспорядочность нравовъ и слабости, а только одна судьба, преслѣдовавшая столько же гениальныхъ художниковъ, была единственною причиною его артистическаго упадка, его удаленія въ глушь провинціи, его долгихъ страданій и, наконецъ, самой смерти.

Академикъ Тырановъ родился въ Бѣжецкѣ, тверской губерніи, отъ бѣдныхъ родителей, въ 1808 году, и еще будучи ребенкомъ, обнаружилъ сильную склонность къ живописи. Какъ наукамъ, такъ и искусству рисованія учился онъ первоначально въ бѣжецкомъ уѣздномъ училищѣ. Кроткій, прилѣжный и сосредоточенный, онъ скоро обратилъ на себя симпатическое вниманіе тогдашняго директора училищъ тверской губерніи Воронцова-Вельяминова, приѣзжавшаго въ Бѣжецкъ на годовичныя экзамены. Въ-особенности рисунки Тыранова, преимущественно предъ бойкими учебными отвѣтами, приостановили на себѣ взглядъ директора. То не были копіи съ головокъ Марсовъ, Антиноевъ, Александровъ Македонскихъ, Магдалинъ и прочихъ литографическихъ оригиналовъ, которыми подчуютъ и насилуютъ своихъ учениковъ уѣздные преподаватели рисовальной школы, то были самобытныя созданія, или импровизаціи врожденнаго таланта, исполненныя мысли, вкуса и обдуманности на столько, на сколько допускали то и возрастъ школьника, и средства, и тѣсная сфера уѣзднаго обученія. Въ зачаткахъ, хотя еще грубыхъ и неопредѣленныхъ, Воронцовъ-Вельяминовъ прозрѣлъ зачатки самобытнаго, замѣчательнаго художественнаго таланта. Умный, симпа-

тичный *человѣкъ*, словомъ и дѣломъ, Воронцовъ-Вельяминовъ успѣлъ наконецъ уговорить родственниковъ Тыранова отнустить его съ нимъ въ Тверь. Родственники согласились; Воронцовъ-Вельяминовъ помѣстилъ маленькаго живописца въ тверскую гимназію на свой счетъ.

Въ гимназіи, какъ и въ училищѣ, Тырановъ вскорѣ превзошелъ въ рисованіи не только своихъ товарищей, но даже и учителей, а его успѣхи въ наукахъ не замедлили доставить ему расположеніе прочихъ начальниковъ. Онъ готовился уже поступить въ послѣдній курсъ, когда обстоятельства вдругъ измѣнились. Директоръ Воронцовъ-Вельяминовъ получилъ назначеніе въ другую, дальнюю губернію. Напрасно снова уговаривалъ онъ родныхъ Тыранова отпустить своего любимца, напрасно представлялъ онъ имъ всѣ выгоды для его будущности; даль разстоянія, сомнѣніе, привязанность къ мальчику, котораго они и безъ того давно не видали, поколебали рѣшимость родственниковъ и отразились и на гимназистѣ. Видя упорство родни, Тырановъ отказался, вышелъ изъ гимназіи и переселился снова въ Бѣжецкъ, недоучившись, потому, что для этого не было у него ни какихъ средствъ. Чтобы заняться чѣмъ-нибудь и приобрести средства къ существованію, Тырановъ началъ исключительно заниматься живописью у старшаго своего брата, который, выучившись кое-какъ у бѣжецкихъ живописцевъ, производилъ иконостасы и образа. Лучшія церковныя живописныя произведенія, разумѣется, выходили изъ подъ кисти Алексѣя Васильевича, и скоро онъ такъ свыкся съ масляными красками, что братъ его, челоѣкъ добросовѣстный, началъ серьезно думать о средствахъ отправить его какъ-нибудь въ императорскую академію художествъ развить истинно замѣчательное дарованіе. Самъ случай скоро помогъ въ томъ Тыранову и вывелъ его на тотъ путь, который доставилъ ему впоследствии заслуженную извѣстность. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ братъ Александра Васильевича занимался отдѣлкой иконостаса, находилось имѣніе академика Алексѣя Гавриловича Венеціанова, въ высшей степени замѣчательнымъ способностямъ котораго русская живопись обязана между прочимъ введеніемъ въ употребленіе изображенія народныхъ сценъ. Венеціановъ, какъ и Тырановъ, образовавшійся въ академіи и развившій свой талантъ почти самоучкой, просмотрѣлъ рисунки и эскизы бывшаго гимназиста и съ радостію согласился взять его съ собою въ Петербургъ. Рекомендація Венеціанова, который лично представилъ Тыранова

тогдашнему президенту академіи, Оленину, скоро доставила ему возможность посѣщать рисовальныя академическія классы; онъ сдѣлался ученикомъ своего покровителя, и началъ заниматься перспективною живописью. Счастіе благопріятствовало Тыранову и въ товарищеской обстановкѣ, неволью подстрекавшей къ благородному соревнованію. Какъ будто нарочно возрастала тогда въ академіи талантливая фаланга питомцевъ, сдѣлавшихся впоследствии извѣстными своими произведеніями. Сотоварищами Тыранова въ продолженіе его художничьего курса были, хотя и неодновременно: Капковъ, Штеренбергъ, Ставассеръ, Воробьевъ (нынѣшній профессоръ пейзажной живописи) Шамшинъ, Завьяловъ, Айвазовскій, Пименовъ, Рамазановъ, Логановскій, Теребневъ, умершій съ Тырановымъ почти одновременно, и нѣкоторые другіе. Врожденную любовь къ искусству понукала притомъ еще и вопіющая нужда. Нещадя здоровья, Тырановъ трудился безъ устали, и на второмъ году своего пребыванія въ академіи получилъ *первую* серебряную медаль; на слѣдующій годъ онъ удостоился *второй* золотой медали. Талантъ Тыранова возрасталъ, а лишенія оставались все тѣ-же; приходилось такъ, что онъ часто нуждался въ самомъ необходимомъ. Тогдашній президентъ общества поощренія русскихъ художниковъ, графъ П. И. Кутайсовъ, желая поддержать рвеніе молодаго художника и обезпечить его положительнымъ содержаніемъ независимо отъ невѣраго сбыта своихъ произведеній любителямъ, которыхъ въ то время въ Петербургѣ было очень мало, принялъ Тыранова въ число пансіонеровъ общества. Тырановъ вздохнулъ свободнѣе, стѣсненному таланту были развязаны крылья и онъ блистательно оправдалъ надежды своего новаго покровителя. Не прошло и года какъ въ квартирѣ Тыранова явилась замѣчательно-оконченная картина: перспективный видъ библіотеки императорскаго эрмитажа. Картина эта, находящаяся нынѣ въ русской галереи эрмитажа, апробованная совѣтомъ академіи, какъ произведеніе выходящее изъ обыкновеннаго рода ученическихъ работъ, поднесена была Тырановымъ государю императору, и молодой художникъ награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ. Царское вниманіе удвоило художественное рвеніе, и Тырановъ еще два раза подносилъ свои картины перспективныхъ видовъ государю императору и каждый разъ удостоивался награжденія. Возвращеніе Карла Павловича Брюлова изъ-за границы, измѣнившее столько художественныхъ карьеръ и вызвавшее на сцену столько незамѣтныхъ до того еще дарованій, подвинуло и Тыранова на

новую художническую стезю. Онъ оставилъ перспективную живопись и началъ заниматься живописью портретной и исторической. Совѣты и наставленія Брюлова, помогавшаго всему талантливому въ художествѣ, еще болѣе развили врожденныя способности Алексѣя Васильевича. Изъ вѣрнаго кописта мертвой природы, онъ скоро сталъ замѣчательнымъ воспроизводителемъ живыхъ, граціозныхъ типовъ, извѣстность его росла, и уже въ 1836 году онъ признанъ былъ совѣтомъ академіи *назначеннымъ въ академики*, т. е., кандидатомъ на полученіе этого художественнаго званія по исполненіи заданной программы, вмѣстѣ съ товарищами своими: Кухаревскимъ, Плюшаромъ и Фросте.

Картина, выставленная Тырановымъ на академическую выставку этого года, была извѣстная «Дѣвушка съ тамбуриномъ,» купленная тотчасъ же, на мѣстѣ, графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. Не смотря на присутствіе, на этой же выставкѣ, многихъ замѣчательнѣйшихъ произведеній живописи, какъ-то: Божіей Матери, окруженной Небесными Силами, профессора Егорова, Фортуна и нищій г. Маркова, явленіе Христа Спасителя Маріи Магдалины въ вертоградѣ А. А. Иванова, картоновъ Мѣднаго змія О. А. Бруни, трехъ пейзажей Лебедева и знаменитой Сивиллы-Тибуртінанской, Кипренскаго, — всѣхъ присланныхъ изъ Италіи, «Дѣвушка съ тамбуриномъ» Тыранова произвела фуроръ. Толпа не рѣдѣла предъ этой граціозной головкой, отмѣченной строгостію рисунка, блескомъ красокъ, и неподражаемою естественностію тоновъ и умно-придуманномъ эффектомъ. Быть можетъ, что еслибъ освѣщеніе этой картины было болѣе обыкновенно, при всемъ прочемъ возможномъ совершенствѣ, то Дѣвочка съ тамбуриномъ и неудерживала бы предъ собою такъ долго толпы посѣтителей, но таково одно изъ печальныхъ условій искусства. Поразить правдой строгою, не украшенною, непридуманною — трудно и доступно только для немногихъ геніевъ. Тамбуриръ поднятый вверхъ заслоняетъ лице, не упавая на плечо. Отражаясь отъ краснаго платья, яркій полдневный лучъ солнца, проникая сквозь кожу инструмента, окрашиваетъ прозрачнымъ пурпуромъ самовольныя, чисто римскія черты. Объ этой картинѣ скоро сталъ говорить цѣлый городъ, и болѣе-или-менѣе удачныя копіи появились во-всѣхъ извѣстныхъ петербургскихъ художественныхъ магазинахъ. Кромѣ Дѣвушки съ тамбуриномъ находились на той выставкѣ и пять портретовъ Тыранова: Его Высочества, Великаго Князя, Наслѣдника Цесаревича, генерала Кавелина, П. А. Плетнева, г-жи Плетневой и еще одного неизвѣстнаго лица,

должно полагать, купца. Всѣ они отличались поразительнымъ сходствомъ и безукоризненной оконченностью. Стиль Брюлова, сливался въ нихъ съ самобытною тырановской манеры.

Всѣ эти портреты были первыми, выставленными Тырановымъ, и для полнаго ихъ совершенства недоставало только нѣсколько большей строгости и правды въ тонахъ. Въ-особенности для перваго публичнаго дебюта въ портретной живописи, бывшаго перспективнаго художника, были превосходно имъ выполнены головы купца и г-жи Плетневой. Общество поощренія художниковъ, которое ему покровительствовало и на счетъ котораго онъ награжденъ былъ золотыми медалями, изъ числа жертвуемыхъ въ пользу академіи художествъ, вправдѣ было ожидать отъ Тыранова по этимъ зачаткамъ, что онъ нѣкогда способенъ будетъ замѣнить незабвеннаго Кипренскаго, умершаго въ Италіи въ этомъ же году. Съ этой поры Тырановъ началъ обрабатывать не только одинъ наружный образъ, какъ требовала того лишь перспективная живопись, но сталъ также тщательно обрабатывать и мысль, требуемую полнымъ и общественнымъ художествомъ.

Въ 1838 году, послѣ упорной борьбы съ разными препятствіями, Тырановъ, признанный академикомъ, былъ отправленъ въ Италію. С.-Петербургское общество поощренія художниковъ, доставившее средства усовершенствовать свой талантъ столькимъ русскимъ замѣчательнымъ художникомъ и въ томъ числѣ А. А. Иванову, Штеренбергу, барону Константину Клодту-фонъ-Юргенсбургу (граверу на деревѣ, брату извѣстнаго профессора скульптуры П. К. Клодта), профессору гравированія Иордану, академикамъ братьямъ Чернецовымъ и столькимъ другимъ, доставило и Тыранову возможность жить безбѣдно за-границей, назначивъ ему по триста червонцевъ въ годъ содержанія.

При отъѣздѣ Тыранова за-границу, государь императоръ, во вниманіе къ замѣчательному дарованію молодаго художника, повелѣлъ академіи войти въ сношеніи съ знаменитымъ мюнхенскимъ историческимъ живописцемъ Генрихомъ Гессе относительно принятія его подъ свое особенное руководство. Все, что зависѣло отъ правительства для художественнаго развитія Тыранова было сдѣлано; оставалось ему съ своей стороны только дѣйствовать и онъ блистательно оправдалъ ожиданія своего покровителя, его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, поступившаго президентомъ общества поощренія художниковъ на мѣсто умершаго графа Кутайсова.

Пять лѣтъ пребыванія Тыранова, въ отечества, было ознаменовано непрерывнымъ рядомъ успѣховъ и славы. Онъ въ непродолжительномъ времени сдѣлался извѣстнымъ не только одному Риму, но и почти цѣлой Италиі, раздѣляя симпатію римскихъ художниковъ вмѣстѣ съ Марковымъ, Завьяловымъ, Шампиннымъ и Айвазовскимъ. Во всѣхъ произведеніяхъ этого періода замѣтна сильная оригинальность, усовершенствованіе въ колоритѣ и просторъ въ концепціи, при полной самобытности манеры. Картины присылаемыя Тырановымъ на академическія петербургскія выставки: Мать Моисея на берегахъ Нила (обширное сочиненіе, пріобрѣтенное графомъ А. Х. Бенкендорфомъ) Вакханка, Дѣвушка выжимающая изъ волосъ воду; Ангелъ слетающій съ неба съ масляничной вѣтвію въ рукѣ (находящаяся въ галлерей Ѳ. И. Прянишникова) и портреты, продолжали постоянно собирать передъ собою многочисленную публику.

Возвратившись въ концѣ 1843 года въ Петербургъ, Тырановъ не остался безъ занятій и ему немедленно поручено было написать портреты съ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, а также вторично портретъ съ государя Наслѣдника Цесаревича. Съ этимъ вмѣстѣ обратился къ Тыранову съ заказами и весь аристократическій Петербургъ, обезнадеживаемый то отказами Брюлова, то медленностію его исполненія. Тырановъ принялся за всѣ эти работы съ обычною неутомимостію и многія изъ нихъ успѣлъ уже покончить, когда одинъ несчастный, непредвидѣнный случай, вдругъ измѣнилъ всю его будущность.

Этотъ фазисъ жизни Тыранова нѣсколько сходился съ фазисомъ жизни О. А. Кипренскаго. У пріятеля своего, академика П—ва, увидалъ онъ дѣвушку, служившую ему натурщицей. Со страданіе къ миловидности, молодости и бѣдности, вдохнуло въ Тыранова чувство горячаго участія, и ревельская натурщица скоро превратилась для него, въ своего рода Маріуччи Кипренскаго. Онъ пристроилъ ее къ мѣсту, озаботился объ ея образованіи, помогалъ въ ея нуждахъ, и за все это благодѣтельствованная имъ заплатила самою черною неблагодарностію и даже преступленіемъ. Въ одинъ день, во время его отсутствія, питомица его похитила у Тыранова все, что только успѣлъ скопить онъ продолжительнымъ тяжелымъ трудомъ и бережливостію. Капиталъ, прострившійся до двѣнадцати тысячъ рублей серебромъ, исчезъ безвозвратно. Нервная, глубоко-впечатлительная натура художника не вынесла этой неожиданности. Не столько

утрата средствъ къ жизни, сколько обстоятельства ея сопро-
вождавшія, такъ губительно и сильно подѣйствовали на Тыра-
нова, что онъ сталъ задумываться, пересталъ всѣхъ принимать,
оставилъ работы и наконецъ впалъ въ недугъ, близкій къ по-
мѣшательству. Два года пробылъ онъ въ этомъ безотрадномъ
положеніи, бродя между палитрами и кистямъ, подернутыми
пылью, покуда друзьямъ не удалось, наконецъ, уговорить его
ѣхать для излеченія и отдыха въ родимый городъ. Тырановъ
согласился, и въ 1846 году простился съ Петербургомъ. Въ про-
долженіе трехлѣтняго пребыванія въ Бѣжецкѣ, онъ нѣсколько
оправился, мрачная психондрія его ослабла и онъ, мало-по-малу,
снова началъ заниматься живописью. Всѣ занятія его въ Бѣ-
жецкѣ ограничились, впрочемъ, только нѣсколькими портретами
да нѣсколькими образами для церкви.

Въ 1849 году Тырановъ снова вернулся въ Петербургъ, но
уже не тѣмъ, какимъ былъ прежде; всѣ обстановки въ его ху-
дожественной и частной жизни измѣнились, а съ этимъ вмѣстѣ
еще осталась у него и нѣкоторая привычка къ отчужденію.
Видъ города, гдѣ прежде все пророчило ему о славѣ и обезне-
ченомъ положеніи, былъ для него неволью тягостенъ, и тѣмъ
болѣе, что все это время, не смотря на свои постоянные труды,
его окружали лишенія, недостатки, мало этого — сама нищета.
Перебиваясь со дня на день, онъ часто неимѣлъ почти насущ-
наго хлѣба. Съ послѣдней поразившей его катастрофы, не имѣя
средствъ къ исполненію картинъ для академическихъ выставокъ,
сопряженныхъ, какъ извѣстно съ немалыми расходами — най-
момъ натурщиковъ, закупкой костюмпровокъ, удобною мастер-
ской, онъ, между-тѣмъ, не впалъ въ безнадежность отчаянія и
выказалъ необыкновенно твердый характеръ и желѣзную волю
надъ трудными обстоятельствами. Тырановъ трудился непре-
рывно, безъ устали, не отличая ни дня, ни ночи, писалъ кар-
тину за картиной, но всѣ онѣ исполненыя слѣшно, подъ влія-
ніемъ нетерпящей отлагательствъ нужды, не могли быть уже
такъ цѣнны, какъ прежде, и едва доставляли ему возможность
существовать кое-какъ, не обращаясь къ чужой помощи. Въ де-
сятилѣтній періодъ времени, по возвращеніи своемъ въ Петер-
бургъ, Тыранову удалось написать только двѣ истинно замѣча-
тельныя картины, одну — спящую женщину, въ 1856 году, и се-
мейную картину изъ провинціального быта, представляющую при-
готовленіе варенья, въ 1857 году. Обѣ онѣ поднесены были
имъ Государю Императору и доставили Тыранову, первая триста

рублей, а вторая пятьсотъ рублей серебромъ изъ кабинета Его Величества.

Памятуя заслуги Тыранова въ живописи и дѣянія достойно талантъ его, начальство императорской академіи художествъ обратило, наконецъ, должное вниманіе на его положеніе и исходатайствовало ему въ прошедшемъ году пожизненную пенсію по триста рублей серебромъ въ годъ; но эта помощь уже запоздала. Труды и долговременная борьба съ всякаго рода лишеніями развили въ немъ сильную чахотку. Силы его примѣтно ослабѣвали, всякая надежда на изцѣленіе оказалось тщетна, и Тырановъ, сознавая неминуемое приближеніе смерти, задумалъ написать еще послѣднюю картину, въ которой хотѣлъ сожнуть все свое обманувшее его горячее чувство, все горе, всѣ страданія, всю жизнь. Въ убитомъ жеищиной поображеніи его создалось видѣніе того, что могло быть и что межъ тѣмъ не совершилось, — видѣніе умрающаго художника, сидящаго на кровати, окруженнаго заботами красавицы жены. Двѣ противорѣчащія грезы мерещатся предъ взоромъ отходящаго отъ земли: съ одной стороны улыбающійся ангелъ, съ другой демонъ, мѣшающій счастью. Картина эта была послѣднимъ художественнымъ усиліемъ Тыранова. Послѣнія напряженныя силы окончательно измѣняли ему; кисть выпадала изъ похудѣлой руки; ѣдкое воспомнаніе душевнаго горя еще болѣе усиливало физическія страданія.

Въ началѣ нынѣшняго лѣта случайно пріѣхали въ Петербургъ его племянники и посѣтили больнаго дядю, лишеннаго возможности поддерживать себя чѣмъ-либо инымъ, кромѣ академической пенсіи. Тырановъ, обрадованный неожиданнымъ свиданіемъ, выразилъ желаніе ѣхать съ ними къ своему брату, жившему съ многочисленнымъ семействомъ въ Кашинѣ. Слабый, едва живой, прибылъ онъ подъ родственной кровъ, для того лишь, чтобъ умереть не на чуждыхъ рукахъ. Все, что имѣла мѣстная медицина—знанія и средствъ, призвано было ему на помощь, но уже было поздно. Еще двѣ недѣли продолжались страданія А. В. и 3-го августа, въ восемь часовъ утра, онъ тихо скончался, оплакиваемый приближенными къ нему и какъ замѣчательный художникъ, и какъ рѣдкій человѣкъ.

Люди коротко знавшіе жизнь Тыранова не знаютъ чему было удивляться: степени ли его художественнаго таланта или святости его правилъ? По удостовѣренію близкихъ къ нему, онъ никогда ни кого не только не обидѣлъ, но и заочно, про людей дѣлавшихъ ему зло, не говорилъ и не позволялъ другимъ гово-

рить дурно. Въ самомъ своемъ болѣзненномъ состояніи, послѣ того, какъ существо любимое имъ болѣе прочихъ, казалось бы, должно было уничтожить въ немъ вѣру во-все благородное и прекрасное своимъ поступкомъ и возбудить желчь и озлобленіе, онъ и тогда, вѣрный своей природѣ, былъ кротокъ и всепрощающъ. Терпя постоянно лишенія и нужды, оставленный всѣми друзьями (родственники, не имѣя сами средствъ не могли быть ему полезны), онъ не ропталъ, не переставалъ трудиться, не впалъ ни въ одинъ порокъ и кончилъ жизнь, истинно христіански.

Отпѣваніе его тѣла происходило 5-го августа въ кашинской Богоявленской церкви. Краткая, трогательная надгробная рѣчь уѣзднаго священника, семья недостаточныхъ родственниковъ, два художника, двое студентовъ петербургскаго университета, прибывшихъ на ваканцію, и толпа праздныхъ зѣвакъ, ничему не сочувствующая, ничего кромѣ собственныхъ утратъ не постигающая — вотъ какова была послѣдняя земная обстановка того, которому въ свѣтлой порѣ его творчества такъ привѣтливо и такъ неизмѣнно улыбались и слава и богатство.

В. Т—НЪ.

II.

Академикъ А. И. ТЕРЕБЕНЕВЪ.

За два дня до кончины Тыранова, русское искусство понесло еще одну чувствительную утрату. Оно лишилось скульптора Александра Ивановича Теребенева, человѣка, имѣвшаго въ продолженіе своей жизни заказовъ болѣе чѣмъ на триста тысячъ руб. а между тѣмъ, какъ и Тырановъ, скончавшагося въ бѣдности въ С.-Петербургской обуховской больницѣ, 31 іюля.

А. И. Теребенева родился въ С.-Петербургѣ, 24 января 1812 года, и слѣдуя врожденной склонности къ художествамъ, четырнадцати лѣтъ поступилъ воспитанникомъ въ императорскую академію художествъ, гдѣ уже находился братъ его, посвятившій себя портретной живописи, и первое время также намѣревался образовать изъ себя хорошаго рисовальщика, но впоследствии перемѣнилъ направленіе и пристрастился къ ваянію. Профессоромъ его былъ извѣстный въ свое время, ректоръ скульптуры Демуть-Малиновскій, образовавшій, вмѣстѣ съ Гальбергомъ, столько замѣчательныхъ художниковъ. Случай какъ будто особенно благопріятствовалъ Теребенева, соединивъ его художественное воспитаніе, съ воспитаніемъ многихъ, сильно да-

ровитыхъ товарищей. Пименовъ и Логанопскій, Ставассеръ и Клименко, Ивановъ и Рамазановъ — сколько пменъ, украшающихъ достойно страницы нашей, покуда еще только устной, художественной исторіи! Вмѣстѣ съ подобнымъ счастливымъ товариществомъ, развитію таланта Терebeneва, много благопріятствовало и новое направленіе, которое начала принимать въ то время наша научная скульптура. Древнія формы классической Греціи начали замѣняться болѣе естественными, дѣйствительными формами; обыкновенные смертные переставали уже изображаться какими-то олимпійскими богами и молодое поколѣніе, почувствовавъ истину, отклонилось отъ античныхъ, не существующихъ типовъ и стремилось подражать только одной существующей живой природѣ, во всемъ ея разнообразіи. Ставассеръ первый подавъ этому примѣръ своимъ мальчикомъ, удищимъ рыбу, и Терebeneвъ съ нѣкоторыми другими сознавъ также, что время прежней рутинны прошло, и что идеалы ничѣмъ не выше въ творествѣ строгой, граціозной дѣйствительности. Побуждаемый соревнованіемъ, онъ въ шесть лѣтъ получилъ семь академическихъ наградъ: три вторыхъ серебряныхъ медалей за рисунокъ съ натуры, и за лѣпку группы съ натуры, и за бюстъ съ натуры, книгопродавца Сленина; двѣ *первыя* серебряныя медалей, — одну также за лѣпку съ натуры группы, и за барельефъ, исполненный по программѣ; золотую медаль второй степени, опредѣляемую за *экспрессию* за вылѣпленный, на заданную программу барельефъ: Иосифъ разсказывающій въ темницѣ о значеніи сновъ, видѣнныхъ двумя царедворцами Фараона, и наконецъ вторую же золотую медаль за программу барельефа: Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ пустынѣ о пришествіи Спасителя. Этой послѣдней награды онъ удостоился вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ивановымъ, награжденнымъ за этотъ же самый сюжетъ. Въ 1836 году, на выставкѣ художественныхъ произведеній, находился замѣчательный барельефъ Терebeneва: «Построеніе ковчега,» обратившій на себя общее вниманіе, и сдѣлавшійся достояніемъ императорской академіи. Не говоря уже объ умномъ расположеніи фигуръ, естественности позъ и сильной экспрессіи, всѣ ученическія работы Терebeneва носили на себѣ отпечатокъ замѣчательнаго самобытнаго таланта, не стѣснявшагося научной рутинной. Намѣреніе жениться воспрепятствовало Терebeneву воспользоваться поѣздкой въ Италію. Онъ остался въ Петербургѣ, и скоро получилъ заказъ, сдѣлавшій имя его извѣстнымъ цѣлой Россіи. То были громадныя каріатиды изъ сердобольскаго гра-

нпта, которыя украшаютъ нынѣ порталъ императорскаго эрмитажа. Глиняная модель каріатиды, представленная на конкурсѣ, доставила Терebeneву званіе академика. Громадность труда и трудность исполненія были преодолены съ изумительнымъ терпѣніемъ и усидчивостію. Семи-аршинные гиганты, одинъ за другимъ выросли подъ молотомъ скульптора, удивляя знатоковъ легкостію своихъ формъ, при всей ихъ массивности. Мастерская Терebeneва постоянно наполнялась посѣтителями, и неоднократно удостоивалась посѣщенія покойнаго государя императора, пожаловавшаго художнику драгоцѣнный брилліантовый перстень, за первую оконченную фигуру. Но этимъ не ограничилось еще царское вниманіе. Какъ замѣчательное произведеніе, достойное европейской извѣстности, каріатида послана была государемъ въ подарокъ прусскому королю, и Терebeneвъ назначенъ былъ сопровождать самъ свое созданіе въ Берлинъ, чтобы лично представить его по назначенію. Берлинцы, имѣвшіе у себя до того, въ этомъ родѣ искуства, только три гранитныя статуи богини *Нимфы*, пришли въ удивленіе отъ громадности размѣровъ терebeneвской статуи. Брилліантовый перстень съ вензелевымъ именемъ былъ наградой, которою король выразилъ свое уваженіе къ русскому таланту. По окончаніи работъ, государь императоръ пожаловалъ Терebeneву орденъ св. Анны третьей степени, и приказалъ выдать сверхъ подрядной суммы еще семнадцать тысячъ рублей серебромъ. вмѣстѣ съ каріатидами, исполнены были Терebeneвымъ для эрмитажа девять музъ, и многія другія лѣнные работы, какъ для наружнаго, такъ и для внутренняго украшенія.

Колоссальный бюстъ Александра I-го, поднесенный вскорѣ государю императору, доставилъ Терebeneву второй драгоцѣнный брилліантовый перстень, и мѣсто начальника втораго отдѣленія эрмитажа по скульптурной части, а въ непродолжительномъ времени, и завѣдываніе всѣми скульптурными вещами, находящимися во всѣхъ императорскихъ дворцахъ и садахъ. То былъ самый дѣятельный періодъ жизни Терebeneва, не мѣшавшій ему впрочемъ, не смотря на служебныя обязанности, заниматься и скульптурой, и только одна временная поѣздка въ Крымъ, въ которомъ онъ состоялъ при керченскомъ музеумѣ, по изысканію древностей, оторвала Терebeneва отъ многочисленныхъ заказовъ ожидавшихъ его въ Петербургѣ.

Колоссальная фигура атлета, вырубленная изъ мрамора, три фронтона для воспитательнаго дома, саркофагъ его высочеству герцогу Лейхтенбергскому, заказанный покойнымъ государемъ

императоромъ, горельефъ, изображающій Богородицу и св. Феоктиста, для новгородскаго юрьевскаго монастыря, фигуры ангеловъ для дворцоваго іордана, памятники пастору Муральду, генералу Кононову, и въ особенности бюсты, доставляли Теребенева значительныя средства къ существованію. Бюсты Теребенева отличаются разительнымъ сходствомъ и тщательною оконченностію, въ особенности же замѣчательны изъ нихъ бюсты актеровъ Самойлова и Каратыгина, и бюстъ А. С. Пушкина, исполненный изъ мрамора. Теребенева исполнилъ также два небольшіе бюста, Ея Императорскаго Высочества Маріи Николаевны, а будучи въ Керчи, выгнѣшилъ тамъ бюстъ керченскаго градоначальника князя Херхеулидзе. О прочихъ мелкихъ произведеніяхъ Теребенева не упоминаемъ.

Казалось бы что при тѣхъ обстоятельствахъ, которыми такъ долго былъ окруженъ Теребенева, будущность не должна-бы была пугать его; но безграничная доброта, склонность къ расточительности и пристрастіе къ веселымъ обществамъ до того мало-помалу измѣнили судьбу художника, и даже самое здоровье, что онъ долженъ былъ выйдти по болѣзни въ отставку, и уволенъ изъ арміажа, не дослужившись до пенсіона. Съ этихъ поръ для всего семейства Теребенева начались дни тяжелыхъ испытаній и крайнихъ нуждъ. Обремененный семействомъ, забытый пріятелями, которыхъ онъ такъ роскошно когда-то чествовалъ, лишенный возможности работать съ прежнею энергіей, Теребенева перебивался кое-какъ до начала прошлаго года, но наконецъ силы ему измѣнили, и онъ долженъ былъ поступить въ Маріинскую больницу. Тамъ заболѣлъ онъ оспою, которая повлекла за собою новое, неожиданное имъ несчастіе. Жена его, ежедневно его навѣщавшая, также получила эту болѣзнь и скончалась. Это обстоятельство окончательно сломило здоровье Теребенева. Получивъ по ходатайству начальника перваго отдѣленія арміажа, г. Жила, единовременное пособіе въ триста руб. сер. онъ вышелъ изъ больницы гипохондрикомъ. Грустное душевное настроеніе, еще болѣе увеличивалось разлукою съ сыновьями, изъ которыхъ одному, сильно раненому на Кавказѣ, онъ не имѣлъ возможности послать ни малѣйшаго вспомошествованія. Въ началѣ лѣта нынѣшняго года, къ душевнымъ страданіямъ присоединилась сплывшая простуда. Знакомые и близкіе родные помѣстили Теребенева въ обуховскую больницу, и 31 іюля его не стало. Онъ умеръ всѣми оставленный, всѣми забытый, и похороненъ усердіемъ бывшаго своего десятичника, нынѣ петербургскаго купца Ба-

лушкина. Кромѣ родныхъ, одинъ только академикъ Ухтомскій не позабылъ своего стараго товарища, и былъ единственнымъ представителемъ того художественнаго міра, въ которомъ Теребеневъ имѣлъ немалое значеніе. Жизнь Теребенева, какъ частнаго человѣка, представляетъ много чертъ преоригинальной эксцентричности, обличающей размашистость широкой, русской художнической природы, безпечной, нерасчетливой, любящей наслаждаться только настоящимъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Изъ огромныхъ суммъ, получаемыхъ имъ за свои произведенія, ни одна не оставалась у него долго въ рукахъ. Онъ ихъ или раздавалъ, кто только не лѣнился брать, никогда не требуя обратно одолженнаго, или тратилъ на самыя бесполезныя, суетныя вещи. Причудамъ его не было конца, и видъ его квартиры мѣнялся нѣсколько разъ въ годъ, смотря потому, какъ получались деньги. То комнаты его были полны лакеями, въ причудливыхъ либреяхъ, то замѣняла ихъ вдругъ кухарка, то ѣздилъ онъ четвернею, то прогуливался на дрянномъ извозикѣ; то заводилъ онъ все у себя до избытка, то все продавалъ подъ вліяніемъ первой странной фантазіи. Но какъ бы то нибыло, а нашей академіи художествъ, не лишнимъ было бы озаботиться о судьбѣ несовершеннолѣтней дочери человѣка, имя котораго останется всегда почетнымъ въ исторіи нашихъ искусствъ. Также сближеніе двухъ печальныхъ смертей, при всей даровитости, окончившихъ жизнь въ нищетѣ, и воспоминаніе о талантливомъ Капковѣ, умершемъ въ такой же бѣдности, вызвало у нѣкоторыхъ художниковъ мысль о стараніи учредить между собою такой же художественный фондъ, какой замыслили между собою литераторы, ибо сумма, на вспоможеніе вдовамъ и сиротамъ художниковъ, учрежденная въ честь Брюллова, оказывается весьма недостаточной. Желательно, чтобъ подобная мысль осуществилась.

В. Т.—НѢ.

Туринъ и Миланъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Переѣздъ черезъ Мон-Сени.

Я пріѣхалъ въ Туринъ въ началѣ августа. Послѣ тѣсныхъ, громоздкихъ городовъ южной Франціи, послѣ древней Генуи съ почтенной плѣсенью ея башенъ и осьми-этажныхъ зданій, вѣчною тѣнью покрывающихъ узкіе проходы или щели, называемые

улицами, Туринъ производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе щеголеватой правильностью просторнаго, свѣжаго, чистенькаго города. Планъ его похожъ на разчерченную квадратами шахматную доску. Срединна города, пожалуй, напомнитъ наше петербургское однообразіе; но за то обстановка другая. Кругомъ, какъ рамка, идутъ густыя вязовыя аллеи; у станціи генуэзской желѣзной дороги обширная площадь съ высокимъ фонтаномъ и съ красивою колonnадою, которая отдѣляетъ ее къ югу; а въ другой, восточной части города замковая площадь (Piazza Castello), гдѣ поразитъ васъ дикан, старинная громада замка (нынѣ музей) рядомъ съ пристройкою въ новѣйшемъ вкусѣ. Здѣсь, какъ и по всей улицѣ, ведущей отсюда къ рѣкѣ По (Via di Po), вы ходите по галереямъ съ богатѣйшими магазинами: это, пожалуй, подобіе нашего невскаго проспекта съ тою разницею, что здѣсь на каждомъ шагу встрѣтите столики съ продаваемыми газетами и брошюрами. Прошедъ улицу По, вы вступаете на площадь Виктора-Эмануэля, изукрашенную французскими и италіянскими знаменами, а тутъ и мостъ черезъ желтую, совсѣмъ желтую По, и за нимъ тотчасъ же амфитеатромъ подымаются горы съ ихъ укутанными въ зелени дачами и замками. Къ сѣверу отъ города близъ сузскихъ воротъ (Porta di Suza) другая картина: горизонтъ заставленъ синею громадою горъ Сени, вѣчно одѣтыхъ туманами и облаками; заманчивой прогулкою служитъ высокий валъ съ двумя аллеями, идущій параллельно съ новарскою желѣзною дорогою. На немъ и за нимъ въ полѣ расположенъ французскій лагерь. По одну сторону стоятъ длинный рядъ палатокъ, растянутыхъ очень просто на двухъ шестахъ съ поперечною перекладной: внутри постилка изъ соломы и кромѣ аммуниціи да порою бѣднаго столика, никакого убранства. Французскій промышленный солдатъ вѣчно за работой: то строчитъ что нибудь, то строгаеть, или клентъ, то рисуеть. По другую сторону вала живописно тянутся безконечныя струи дыма отъ маленькихъ, складенныхъ на землѣ, печей, гдѣ солдаты варятъ себѣ вѣчный супъ съ булкою и разною зеленью. Супъ дается два раза въ день, и такъ наскучилъ солдату, что онъ не можетъ говорить о немъ безъ отвращенія. Тутъ находите также лавки съ пивомъ, виномъ и съѣстными припасами. Въ полѣ за валомъ увидите группы играющихъ: кегли, чехарда, мячъ самыя любимыя изъ игръ. Въ полѣ же видѣется одинокая палатка, около которой ходитъ часовой. Это тюрьма или гауптвахта, гдѣ заключаютъ виновныхъ. Вообще французскій солдатъ довольноно

смирень и разсудителенъ: веселость и развязность соединены въ немъ скорѣе съ какою-то сентиментальностью, чѣмъ съ буйствомъ. Пьянство почти совсѣмъ неизвѣстно. При мнѣ единственною виною былъ своевольный выходъ изъ лагеря: по причинѣ непомѣрныхъ жаровъ солдатамъ до шести часовъ вечера запрещено было оставлять лагерь.

Осмотрѣвъ городъ, я съ усердіемъ принялся за газеты. Въ публикѣ все тѣ-же смутныя сожаленія о Кавурѣ: его отсутствие по общему мнѣнію, причина всѣхъ настоящихъ неприятностей. Туринская сатирическая газета il Fischietto такъ шутила надъ народными жалобами: «Ахъ! еслибы былъ Кавуръ, то не было бы такой духоты въ городѣ: на рынкахъ съ избыткомъ продавались бы апельсины. Ахъ! еслибы былъ Кавуръ, то не случилось бы несчастій на желѣзныхъ дорогахъ: развѣ не управлялъ онъ всѣми машинами государства? Ахъ! еслибы былъ Кавуръ, то улицу По не украсили бы такъ *неожиданно*, безъ всякаго извѣщенія публики, знаменами и гирляндами. Ахъ! еслибы былъ Кавуръ, то намъ бы не знать такъ называемой италіанской конфедераціи, Венеція возлагала бы надежды на пюрихскую конференцію, Италія — на европейскій конгрессъ.» Авторъ статьи въ отвѣтъ на эти жалобы рассказываетъ слѣдующую исторію. «Всѣ эти дни по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я иногда былъ въ опасности оставаться безъ обѣда. Къ счастью, я имѣю не мало добрыхъ друзей. Я сажусь у окна и жду.... Кто-нибудь изъ друзей проходитъ мимо и приглашаетъ меня съ собою обѣдать. Но недавно случилось, что я прождалъ напрасно. Я сидѣлъ и утѣшалъ себя такими непитательными восклицаніями: *Ахъ! если бы были жареные цыплята, какъ бы я славно съѣлъ ихъ! Ахъ! если бы былъ бифштексъ съ картофелемъ! если бы горошку, да рыбокъ, да спаржи!* Конецъ концевъ тотъ, что я все таки остался безъ обѣда. Такъ и съ сожалѣніями о Кавурѣ.»

Какъ сатирическая газета, Фискетто исключительно занята политикою: многія изъ ся статей и карикатуръ чрезвычайно остроумны. Едва только пришло извѣстіе о пюрихской конференціи, какъ Фискетто уже изложилъ всѣ тайны перваго совѣщанія. Совѣщаніе состоитъ въ томъ, что уполномоченные распрашиваютъ свободаго гражданина Бауэра, хозяина отеля, о блюдахъ, которыя онъ для каждаго изъ нихъ приготовить. Услужливый швейцарецъ объясняетъ все съ приличною важностью,

прибавляя на каждомъ словѣ: *Essellenza*. (Ваше сіятельство). Вотъ отрывокъ:

«Ваше сіятельство, говоритъ Бауэръ французскому уполномоченному, займете номеръ 2-ой — Отчего же № 2, г-нъ Бауэръ? Кому же № 1? — Онъ былъ назначенъ вашему сіятельству, по политическія соображенія заставляютъ меня предложить № 2. — Соображенія? — Да, политическія, ваше сіятельство. Если ваше сіятельство не займете поста въ срединѣ, то австрійскій и сардинскій представители, которые сейчасъ придутъ, должны обитать рядомъ, выходъ къ выходу, — а это можетъ породить нѣкоторыя столкновения»....

Предсказанія Фискетто сбылись: прежде всего мы узнали о великолѣпныхъ пирахъ, устроенныхъ въ Цюрихѣ, во время которыхъ, по шутливому замѣчанію женевской газеты, въ Швейцаріи, господствовала анархія, потому что всѣ члены фѣдеральнаго совѣта были въ разбродѣ: кто захворалъ, кто отпавилъ для приѣма и угощенія уполномоченныхъ. Въ Цюрихѣ рассказывали, что однажды чуть-чуть не исполнилось страстное желаніе публики проникнуть въ тайны конференціи. Къ этому представился случай во время пира, когда дипломатическія лица противъ воли сдѣлались не въ мѣру откровенны. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ гостей, отрезвившись, не могъ припомнить, о чемъ было говорено въ то время. Шутя надъ угодливостью швейцарской, кто-то сдѣлалъ предложеніе завести на время въ Цюрихѣ секретную полицію — такъ, изъ учтивости.

И другія современныя обстоятельства довольно удачно отмѣчены были шутками Фискетто. Когда шли толки о выполненіи условій виллафранкскаго мира, то Италія, конечно, находилась въ незавидномъ положеніи. Положеніе это очень наглядно изображено было въ слѣдующей карикатурѣ. Прекрасную женщину въ боевой коронѣ на головѣ и въ легкой туникѣ, насильно повалили на землю. Она силится встать; но одна рука ея привязана къ столбу, на которомъ написано: «Миръ въ Виллафранка», а нога прикована къ мечу съ головою австрійца, скрежещущаго зубами. Между тѣмъ дипломатія, принявшая видъ старухи въ кринолинѣ, въ очкахъ, съ прической *à la chinoise* и съ перомъ за ухомъ, безцеремонно придерживаетъ ее за грудь, а другою рукою со всѣхъ силъ суетъ ей въ ротъ маленькую статуэтку папы. Подъ картинкою подпись: «Хоть и подслащена, а все таки горькая пилюля.»

Въ другой разъ мы видимъ Италію въ образѣ печально-кающейся монашенки съ четками въ рукахъ передъ веселымъ бостомъ святаго отца. Тутъ смыслъ ясенъ. Но картинку, символически изображающую мощь Наполеона, не знаешь, какъ объяснить: тонкой лестью или сатирой? Нарисована Вандомская колонна, очень небольшая по отношенію къ перспективѣ: къ ней приставлена лѣстница, далеко не доходящая до верхушки. Фигурка Наполеона I, отступивъ на край, съ вопросительнымъ видомъ наклонилась съ высоты колонны къ огромной, увѣчанной женщинѣ, стоящей внизу и означающей Францію. «Скажите пожалуйста, придетъ мой племянникъ или нѣтъ? Я ужъ ему приготовилъ здѣсь немножко мѣста.» Такъ спрашиваетъ фигурка. — «Любезный мой дядюшка!» отвѣчаетъ женщина, «ужъ онъ въ поту своемъ переѣхалъ не одну рубашку и сталъ таки на половинѣ лѣстницы: теперь.... теперь, кажется, хочетъ поотдохнуть, чтобъ съ новыми силами подняться дагѣе.»

Какъ будто въ дополненіе къ этому, служить другая картинка, изображенная на томъ же листкѣ. Старый знакомецъ, голый циникъ Діогенъ выскакиваетъ съ фонаремъ изъ своей бочки и смотритъ, растопыривъ руки въ недоумѣніи: «нашелъ, нашелъ человѣка!» Передъ нимъ, сложивъ руки на груди въ гордомъ спокойствіи, стоитъ Викторъ-Эмануэль. Тутъ уже нѣтъ ни лести, ни сатиры. Посѣтивъ миланскій праздникъ 7-го августа, я самъ былъ свидѣтелемъ народнаго энтузіасма, съ которыми встрѣчали короля сардинскаго.

Въ Туринѣ я остановился довольно удачно въ чистенькомъ отелѣ, гдѣ за пять дней съ меня взяли не болѣе тридцати франковъ. Кельнеръ, мнѣ прислуживавшій, представлялъ истый типъ итальянца со смуглымъ лицомъ, съ черными, горячими глазами. Однажды пришелъ онъ, какъ будто, сильно недовольный: брови дико хмурились, сверкающіе глаза чуть не выскакивали изъ обриту — и онъ стукнулъ объ столъ подносомъ съ чаемъ такъ, что посуда задрезжала. «Что вы? нездоровы?» спросилъ я. — «Какой!» отвѣчалъ камерьере: «Развѣ намъ весело на это смотрѣть? Что онъ хочетъ съ нами сдѣлать? Отдать насъ папѣ? Мы не хотимъ папы. Спрашивалъ ли онъ насъ, чего мы хотимъ? Мы у него не просили такихъ одолженій.» — «Да что такое случилось? Кто онъ? Я не понимаю.» — «Онъ думаетъ, что нами такъ и можно распоряжаться, какъ дѣтьми.... О! мы все очень хорошо понимаемъ. За чѣмъ онъ скорѣе не уводитъ своего войска? за чѣмъ? Какія еще тамъ услуги? Пусть-ка вспомнить, какъ

его встрѣтили, когда возвращался изъ Сольферино!...» — «Какъ встрѣтили?» — «Да кто-то хотѣлъ закричать: Viva! такъ чуть на мѣстѣ не задушили... И по дѣломъ! Что намъ дружитья что-ли съ французскими жандармами?... Вонъ, вчера одинъ ихъ полковникъ при всѣхъ разорвалъ нумеръ журнала... Вишь, не понравилось... Развѣ мы покоренный народъ? развѣ мы не можемъ высказывать своихъ мнѣній?»

«Да успокойтесь», сказалъ я: «все кончится къ лучшему: переѣздъ войскъ въ Сузу, вѣроятно, остановили по причинѣ несогласій съ австрійцами». — «У! эти австрійцы! Не будь у меня жены и дѣтей, я бы сейчасъ пошелъ на Минчио, чтобъ вотъ такъ заколоть хоть одного» — и онъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто бы хотѣлъ колоть меня, вмѣсто австрійца. Въ это время пришелъ портѣе, длинный, сухощавый старикъ со всегдашнюю улыбкою на лицѣ, усѣянномъ мелкими морщинами. «Объ чемъ такъ горячо изволите спорить?» началъ онъ: «Все касательно политики... вонъ, тамъ внизу то-же кричатъ: никакъ дойдетъ до драки; а по моему такъ, знаете, это все пустыя слова. Я служилъ и у принцевъ, и у графовъ при большихъ дворахъ; ужъ чего тамъ не толковалъ? А никакъ напередъ не узнаешь, что выродится изъ княжеской головы. По моему, лучше ужъ молчать и ждать: когда-нибудь извѣстятъ въ газетахъ.... Я вотъ два раза цаловалъ и туфли у папы... Чтожъ дѣлать? Обстоятельства!... обстоятельства!...» и онъ убѣдительно развелъ руками. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого покорнаго старца, который стоялъ предо мною, наклонясь впередъ и умильно выпятивъ свой подбородокъ.

«Позвольте прописать вашъ паспортъ?» продолжалъ онъ: «Хоть этого здѣсь и не требуютъ, а все-таки... при настоящихъ смутахъ... ужъ это, знаете, мой кусокъ хлѣба». Я отдалъ паспортъ и просилъ на другой день разбудить меня какъ можно ранѣе, потому что собирался съѣздить въ Миланъ на праздникъ, который мнѣ называли по преимуществу италіанскимъ. На другой день портѣе разбудилъ меня передъ самымъ отъѣздомъ омнибуса на желѣзную дорогу. Я кое-какъ одѣлся въ попыхахъ и, только взглянувъ съ сожалѣніемъ на принесенный мнѣ кофе, успѣшилъ занять мѣсто. Но вотъ, ужъ я въ вагонѣ, вотъ, машина двинулась — и въ мысляхъ, что увижу мѣста, прославленная послѣдней войною, я забылъ всѣ свои невзгоды. Отъ Турина дорога сначала шла цвѣтущимъ садомъ: по горамъ мелькали каменные деревеньки, веселыя дачки, и свѣжо улыбались

игривыя купы зелени въ этомъ свѣтломъ, мягкомъ воздухѣ подъ иѣжно-голубымъ утреннимъ небомъ. Но отъ Кивассо къ Верчелли и Новаррѣ почва сгладилась въ необозримыя низменныя поля, однообразно засѣянные рисою, и только вгѣво на горизонтѣ виднѣлись синія полосы далекихъ Альпъ. Не смотря на позднюю пору лѣта и на страшный зной, еще можно различить эти страшныя болота, въ которыхъ такъ неудачно покупались австрійцы; длинныя каналы пересѣкаютъ повсюду поля, орошая корни маленькихъ деревьевъ, порою совсѣмъ ихъ закрывающихъ. Кивассо и Верчелли имѣютъ обыкновенный видъ уѣздныхъ городковъ: пестрая груда стѣсненныхъ зданій и надъ нею одиноко возвышается узкая церковная башня. Новарра раскинулась шире и живописнѣе: четырехугольная, высокая колокольня ея собора очень похожа на наши византійскія и по своему положенію представляетъ самый удобный пунктъ для наблюденія надъ неприятелемъ; соборъ, принадлежащій еще къ V-му вѣку, былъ, конечно, свидѣтелемъ многихъ событій: въ окрестностяхъ Новарры и въ 1849 году рѣшилась судьба Сардиніи. Чѣмъ ѣдете дальше, тѣмъ болѣе замѣчаете слѣды, оставленные военною бурей, которая пронеслась надъ сѣверной Италіей: вотъ, страшно изрытая почва, чуть поросшая мелкой травой; вотъ, цѣлый лабиринтъ земляныхъ укрѣпленій, которыя тянутся на огромномъ разстояніи... И теперь на каждой станціи встрѣчаете смѣшанныя группы французскихъ, сардинскихъ солдатъ и волонтеровъ, или пушки и другіе военные припасы, стоящіе на очереди при отправленіи: все какъ будто напоминаетъ, что кровавымъ паромъ, недавно подымавшимся съ этихъ полей, еще зараженъ воздухъ... Вдали, среди осоки и болотныхъ кустовъ заблестѣла рѣчка: весною она, конечно, была опасною преградой для войска; теперь же приняла скромные размѣры нашей Фонтанки. А между тѣмъ намъ, читателямъ газетъ, она казалась заповѣдною гранью, которую могъ переступить только побѣдитель, и мы уже не сомнѣвались въ исходѣ дѣла, прочитавъ: «Французы перешли Тичино».

«Вотъ тутъ», указывалъ мнѣ своимъ костылемъ сосѣдь, французскій солдатъ, раненный въ ногу и нижнюю часть живота: «мы защищали мостъ и просторожили цѣлую ночь, окруженные со всѣхъ сторонъ неприятелемъ, а потомъ перешли и выбили австрійцевъ вонъ изъ этого лѣсу». Гдѣ же слѣды двадцати восьми тысячъ труповъ, схороненныхъ въ этой землѣ? Кругомъ цвѣтущій ландшафтъ, и на зло воображенію, какая-нибудь прозаическая капуста или овесъ развлекаютъ взоры. Рука человѣка

вѣчно создаетъ идиллію надъ поэзіей смерти, чему служитъ доказательствомъ и миръ въ Виллафранка, и увѣренія Монитера, что итальянцы, слѣдуя его совѣтамъ, были бы счастливѣе. Я невольно вспоминалъ слова газеты del Popolo: «Австрійская амнистія нынѣ свирѣпствуетъ еще болѣе, чѣмъ передъ войною: мы слышимъ о новыхъ арестахъ, производимыхъ сотнями въ Венеціи. Папская амнистія еще великодушнѣе: семь знатнѣйшихъ гражданъ осуждены на смерть въ Перуджии за то, что по призыву Франціи защищали независимость Италіи. Можно надѣяться, что амнистія эскерцоговъ была бы еще энергичнѣе, въ той мѣрѣ, въ какой безпощаднѣ однажды-пзгнанные правители. Вотъ освобожденіе Италіи, которое запечатлѣли своею кровью до сорока тысячъ французовъ и сардинцевъ!» Неужели таковъ дѣйствительно результатъ войны? Нельзя ли хоть для будущаго создать лучшей надежды? Почти подобныя разсужденія приходили мнѣ въ голову, когда кондукторъ прервалъ ихъ крикомъ: Маджента! Да, мы въ Маджентѣ, и австрійская таможня ни разу не остановила насъ на дорогѣ. Съ полчаса пробыли мы на этой станціи, слушая извѣстные всѣмъ разсказы о битвѣ 4 іюня. Тутъ ломали рѣшетку, тутъ рѣзались во рву и чрезъ сплошную массу труповъ штыками пробивались къ каменнымъ домикамъ, стоявшимъ вправо отъ дороги къ Милану, откуда французы вытѣснили австрійцевъ. Станція перестроена вновь, и мѣстами просто бѣлыя доски прикрываютъ слѣды разрушенія. Вся избороденная почва усеяна пулями и картечью: поселяне собираютъ ихъ и продаютъ путешественникамъ. Я самъ купилъ нѣсколько штукъ на память. Коническія французскія пули тупыя съ пустотою внутри въ формѣ толстаго, широкаго наперстка; австрійскія напротивъ тоненькія, востренькія, съ пуговкой сзади; картечь съ три четверти дюйма въ діаметрѣ, и до тридцати штукъ помѣщалось въ гранатѣ. Полюбовавшись этими мизыми снарядами и напившись какой-то мутной воды съ остатками лимона, мы отправились далѣе. Плодородныя поля Ломбардіи вовсе не напоминаютъ объ ужасахъ войны; тѣмъ болѣе забываешь объ ней въ Миланѣ, весело разубранномъ для дружеской встрѣчи. Выѣхавъ въ восемь часовъ утра изъ Турина, мы пріѣхали въ Миланъ въ два часа пополудни. Торжественный въѣздъ Виктора Эмануэля назначенъ былъ въ шесть часовъ вечера, и до того времени я могъ свободно осмотрѣть городъ. Нѣсколько прямыхъ и довольно просторныхъ улицъ ведутъ въ средину города, къ знаменитому собору; красивѣе и шире другихъ восточная улица

(Corso Orientale), идущая отъ восточныхъ воротъ: на ней самыя громадныя зданія, испещренныя, по здѣшнему обычаю, почти при каждомъ этажѣ, множествомъ балконовъ, украшенныхъ цвѣтами; на ней много богатыхъ магазиновъ и кофейнъ. Но тѣмъ ближе къ собору, тѣмъ болѣе стѣсняются улицы и тѣмъ болѣе движенія, разнообразія, пестроты представляетъ городъ: тутъ амврозіанская бібліотека, дворцы, главные театры, изъ которыхъ громадный театръ della Scala нѣсколько подалѣе къ сѣверу. Миланскій Домъ, по моему, еще великолѣпнѣе кельнскаго. Занимая чуть не цѣлую площадь, онъ прежде всего поражаетъ своею громадностью: это цѣлый лѣсъ стрѣльчатыхъ колонокъ или башенокъ, это безконечная узорная ткань всевозможной скульпторной работы, гдѣ насчитываютъ болѣе четырехъ тысячъ пяти сотъ фигуръ. А войдешь внутрь, то готовъ почти мириться съ католицизмомъ при видѣ этого обаятельнаго величія. Что за грандіозные ряды колонъ уходятъ въ высоту и переплетаются въ таинственномъ полумракѣ сводовъ! что за ослѣпительная живопись въ окнахъ, которыя бросаютъ на смѣжныя стѣны яркія цвѣтистыя радуги! Насмотрѣвшись вдоволь на зданія, на толпу, на украшения, приготовленные для встрѣчи, я припомнилъ, что не худо было бы найти какой-нибудь пріютъ для ночлега. Я завернулъ въ первый встрѣтившійся трактиръ: говорятъ, что всѣ нумера заняты и даже въ залѣ откупленъ каждый уголъ. Мнѣ указали большой отель по сосѣдству. Половиъ надежды, пошелъ я къ указанному зданію, думая про себя: «Неужели и въ этомъ новомъ ковчегѣ не найдется мѣста?» — «Къ сожалѣнію, нѣтъ», отвѣчалъ хозяинъ, съ непритворнымъ сожалѣніемъ пожима плечами: «даже на чердакѣ принужденъ я быть постлать матрацы... А вотъ, пройдите эту улицу, а потомъ направо, а тутъ третій домъ направо — трактиръ Анстъ: тамъ навѣрно найдете мѣсто». Нечего дѣлать, пошелъ я отыскивать Анста, уже значительно упавъ духомъ. Но Анстъ отослалъ меня къ Голубю, гдѣ я въ утѣшеніе узналъ, что уже двадцати такимъ, какъ я, странникамъ принуждены были отказать за неимѣніемъ мѣста. Съ горя отправился я въ кофейню на площадь Дома, и тутъ разговорился о своей бѣдѣ съ однимъ италіанцемъ. «Да», замѣтилъ онъ: «уже третьяго дня заняты были всѣ нумера въ главныхъ отеляхъ. Со всей Ломбардіи и Сардиніи и откуда только можно было поспѣть, собрались сюда толпы народа: этотъ день для насъ большое торжество, въ которомъ пируетъ вся Італія. Даже частныя квартиры наполнены путе-

шествениками... Что дѣлать? Я самъ взялъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ *нашихъ*. — «Научите же меня, что дѣлать», сказалъ я съ отчаяніемъ, «здѣсь, конечно, тепло и можно безъ вреда остатъ на ночь подъ открытымъ небомъ; но вѣдь это будетъ слишкомъ подозрительно». — «О, какъ можно! что вы? Пойдемте, я вамъ найду квартиру».

Если бы не огромная толпа, насъ окружавшая, я навѣрно обнялъ бы добраго италянца. Съ часъ пространствовали мы по улицамъ, заходя чуть не въ каждый домъ. Какъ ни щекотливо было для меня видѣть усердіе моего спутника, я на этотъ разъ потерялъ всякую совѣсть. Наконецъ остановились мы у какой-то пивной лавки и вступили въ переговоры съ толстою хозяйкою съ добрымъ, простодушно-привѣтливымъ лицомъ. «У меня есть комнатка на верху», отвѣчала она, «только стоитъ дорого» — «А сколько?» спросилъ я. — «Два франка». — «Покажите, пожалуйста». По узенькой, совсѣмъ темной лѣстницѣ, бокомъ и держась другъ за друга, пробрались мы на верхъ; хозяйка съ трудомъ отыскала дверь и ввела насъ въ неблестящую, но довольно чистую комнату съ неизбѣжнымъ балкономъ на улицу, на которомъ развѣвались какія-то разноцвѣтныя лоскутья и знамена, и уже приготовлены были особеннаго рода фонари: согнутые полукругомъ листы бумаги съ аляповато-нарисованными портретами Виктора-Эмануэля и Наполеона, лицомъ къ улицѣ, а позади cadaго полукруга свѣчка. Я осмотрѣлся: въ одномъ углу комнаты стоялъ дамскій туалетъ съ разбросанными на немъ булавками, нитками, тесемками; въ другомъ — довольно приличная постель, и надъ нею висѣлъ огромнѣйшій кринолинъ, который тотчасъ же не безъ труда вытащили въ дверь. Я былъ несказанно радъ найденной квартирѣ: мой спутникъ, казалось, радовался еще болѣе, что исполнилъ обѣщаніе, и мы разстались очень дружески.

Еще оставался часъ до вѣзда короля; но восточная улица и площадь Дома уже были давно полны народомъ. У портала собора красовался высокій, красный павильонъ, въ которомъ торчали французскія и сардинскія знамена. Съ этимъ павильономъ утромъ случилось извѣстное происшествіе. Сначала муниципалитетъ употребилъ для украшенія какія-то старыя тряпья, оправдываясь тѣмъ, что въ два дни, (съ тѣхъ поръ, какъ получено извѣстіе о намѣреніи короля посѣтить Миланъ) не успѣлъ сдѣлать лучшихъ приготовленій. Народъ съ негодованіемъ опрокинулъ подставки; упавшія завѣсы прикрыли толпу, которая ба-

рахтались подъ ними и разрывала ихъ на части, подымая страшную пыль — «Австрійская пыль! австрійская пыль!» кричали окружающіе. Любопытно, что нѣсколько зуавовъ помогали ломать павильонъ, говоря, что Викторъ-Эмануэль ихъ солдаты и они должны для него что-нибудь сдѣлать.

Послѣ этого въ два часа муниципальное правленіе исправило дѣло, поставивъ новыя, болѣе приличныя украшенія. По этому случаю миланскій корреспондентъ газеты *il Diritto* замѣчалъ: «Мы ожидали украшеній, если не слишкомъ богатыхъ, то по крайней мѣрѣ сколько нибудь характеристичныхъ и особенно не похожихъ на тѣ, какія были сдѣланы для чужеземнаго императора. Муниципалитетъ навѣсилъ напротивъ какой-то дрянн, построивъ павильонъ, не достойный города Милана, доказывавшій презрѣніе, не скажу, къ королю, а къ національной идеѣ, которой онъ представитель, къ торжеству народныхъ желаній, имъ олицетворяемыхъ.... Теперь городской совѣтъ униженъ: онъ съ первыхъ дней нашей свободы не сумѣлъ выразить собою страну, не сумѣетъ и послѣ. Эти люди покорно служили австрійцамъ; они готовы признать и всякую власть, которая возьметъ верхъ: идеѣ для нихъ ничего не значать. Между тѣмъ наши непріатели обвинять народъ въ волненіяхъ.... Нѣтъ народа хочетъ только порядка и справедливости.»

Вѣроятно же однако, что муниципалитетъ дѣйствовалъ здѣсь изъ угожденія королю, который не любитъ никакихъ напрасныхъ тратъ на внѣшнія украшенія. Но онъ поступилъ неблагоразумно, выражая своимъ оффиціальнымъ слогомъ надежду, что граждане *выкажутъ достойныя изъ чувства патриотизма*. Граждане выказали эти чувства тѣмъ, что оборвали прикѣпленные къ стѣнѣ объявленія съ этими неумѣстными совѣтами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что любовь народа къ Виктору-Эмануэлю, «королю гражданину», высказалась искренне и глубоко.

Въ немъ всѣ видѣли олицетвореніе лучшихъ надеждъ своихъ на единство Италіи. Когда онъ еще выѣзжалъ изъ Турина, то тосканская депутація подала ему букетъ цвѣтовъ, овеянный трехцвѣтными лентами съ надписью: «Эти цвѣты — храброму и благородному (*galantuomo*) королю — пусть напомнятъ Тоскану — ваше величество — какъ сегодня Миланъ — Флоренція васъ ожидаетъ — Да здравствуетъ свобода Италіи — Да здравствуетъ Викторъ-Эмануэль.» По приѣздѣ въ Миланъ король встрѣченъ былъ властями города, вновь составленной національной гвардіей и французскими войсками. Онъ отправился верхомъ

со свитою по восточной улицѣ въ соборъ. Трудно описать, какой граціозный видъ представляла тогда эта улица! Всѣ балконы разубраны были дорогими матеріями и дамасскими коврами, роскошно висѣвшими чуть не до тротуара; южныя растенія и разноцвѣтныя знамена пестрили ихъ еще болѣе; миланскія красавицы, въ самыхъ богатыхъ бальныхъ нарядахъ, перегнувшись черезъ перила, щедро сыпали цвѣты на короля и его свиту—улица походила на великолѣпный театръ съ блестящими ложами. Народъ, волнуясь болѣе и болѣе, наконецъ, совсѣмъ отгѣснилъ свиту. Одинъ безконечный, неистовый крикъ: Viva! Evviva! покрылъ всѣ другіе голоса. Изъ всѣхъ оконъ, съ кровель и даже съ трубъ махали шляпами, шапками, платками и чѣмъ ни попаало. При этомъ громъ нѣсколькихъ оркестровъ музыки и стукъ французскихъ барабановъ одурялъ окончательно. Проѣзжалъ ли какой-нибудь сардинскій генералъ или членъ парламента, проходилъ ли отрядъ гвардіи или французскаго войска, всякій разъ съ балконовъ сыпались громкія рукоплесканія. Затерянный въ толпѣ, я по неволѣ двигался по ея направленію. Вдругъ насъ сдавили сильнѣе обыкновеннаго. Отрядъ французовъ, исполненный воинственнаго азарта, безцеремонно пробирався сквозь народъ, барабана съ такимъ отчаяніемъ, какъ будто дѣло шло о приступѣ на австрійскую батарею. Итальянецъ, спасавшій подлѣ меня своихъ дамъ, не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать: «Эхъ, эти французы! только и знаютъ, что барабанить.» Но не менѣе отчаянныя рукоплесканія съ балконовъ были наградою усерднымъ воинамъ, и вотъ, слышу, два французскихъ офицера, на которыхъ я въ эту минуту натолкнулся, говорятъ между собою: «Не правда ли? Эти итальянцы ужасные фанатики!» Рассказываютъ, что изъ собора король, оставивъ свиту, одинъ и пѣшкомъ пробрался сквозь толпу въ свой дворецъ, лежащій на той-же площади, что онъ былъ глубоко тронутъ и тяжелая грусть выражалась на лицѣ его. Я достигъ дворца, когда уже все давно кончилось. Тутъ все еще стояла сжатая толпа, привѣтствуя криками каждое лице, являвшееся на балконѣ. Наконецъ придворный служитель вышелъ сказать народу: «Король отъ души благодаритъ васъ и проситъ столько для него не беспокоиться: онъ совсѣмъ не ожидалъ и этого.»

Не буду описывать давки, какая произошла въ тѣсныхъ улицахъ около собора, когда толпа стала расходиться: всѣ однако пробирались терпѣливо сквозь сплошную массу людей, выжидая своей очереди, и никто не думалъ спрашивать, за чѣмъ тутъ

нѣтъ полиціи. Безъ визговъ, безъ драктъ, безъ пинковъ и проклятій, не дѣлая партизанскихъ наскоковъ съ кулаками, чтобы провести дамъ, и не крутятся подобно мячкуну въ тѣснотѣ, вышли мы изъ самой узкой трущобы, и большая часть народу отправилась по домамъ, чтобы, отдохнувъ, снова начать прогулку подъ вѣчно-лазоревымъ итальянскимъ небомъ. Иллюминація назначена была на другой день; но въ тотъ же вечеръ жители добровольно иллюминировали городъ: можно сказать безъ преувеличенія, что въ цѣломъ Миланѣ не было ни одного окна, въ которомъ не горѣло бы какой-нибудь свѣчи или фонаря. Я отправился въ театръ Della Scala, гдѣ игралъ Лючію. Всѣ кресла и ложки были уже разобраны; но въ мѣста за креслами еще давали билеты. Я вошелъ и не могъ протѣсниться даже въ дверь: все пространство между стульями и позади стульевъ zagrożено было французскими военными, которые, сжавшись тѣсной толпою, терпѣливо стояли, не смотря на африканскій жаръ. Отобравъ при входѣ билетъ, здѣсь не даютъ при выходѣ контромки, и во время каждого антракта свободно можетъ войти въ театръ, кому угодно. У подѣзда также тѣснились толпы любопытныхъ дѣвушекъ изъ средняго класса, которыя перебѣгали съ мѣста на мѣсто, высматривая богатые наряды дамъ, пріѣзжавшихъ въ каретахъ. Огромное стеченіе народа объясняется тѣмъ, что ждали короля, который однако не былъ. Театръ Della Scala, вмѣщающій около четырехъ тысячъ зрителей, не отлпчается ни особенно красивымъ фасадомъ, ни богатою отдѣлкою внутри: ряды ложъ и галлерей отъ ветхости приняли какой-то сѣрый видъ; но громадность его дѣйствительно поражаетъ.

На другой день Викторъ-Эмануэль прежде всего посѣтилъ госпитали, гдѣ раздавалъ медали раненымъ, потомъ отправился въ бредскій палацъ, и подробно осматривалъ здѣсь бібліотету и нумизматическій кабинетъ. Пинакотера, институтъ и въ-особенности технологическій кабинетъ также очень заняли короля: итальянцы упоминаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ этотъ день у королевскаго стола однимъ изъ главныхъ гостей былъ знаменитый писатель, Манзони. Между тѣмъ сто миланскихъ гражданъ и до сорока депутатовъ и сенаторовъ давали великолѣпный обѣдъ членамъ сардинскаго парламента. Тутъ говорено было много рѣчей и провозглашены тосты, между прочимъ въ честь парламента и Кавура. При этомъ одинъ изъ савойскихъ депутатовъ торжественно протестовалъ противъ изъ-

вѣстнаго адреса пятнадцати гражданъ Савойи о присоединеніи этой страны къ Франціи. Дружественныя отношенія между Ломбардіей и Сардиніей выразились также во взаимныхъ привѣтствіяхъ миланскаго и туринскаго муниципалитета, и еще сильнѣе въ адресѣ, поданномъ королю отъ представителей окрестныхъ Милану общинъ. Здѣсь было сказано: «Наша страна, столько вѣковъ служившая цѣлью всякаго вражескаго нашествія наконецъ увидѣла исполненіе живѣйшихъ своихъ желаній: она имѣетъ теперь въ своемъ монархѣ достойнаго представителя славнаго италіянскаго племени. Внемлите, государь, кликамъ народа, который, привѣтствуя васъ, какъ защитника общественныхъ правъ, вмѣстѣ рукоплещетъ вамъ, какъ борцу за національную свободу. Ваши ломбардцы сохранили въ сердцѣхъ ту-же преданность къ сыну, какую имѣли къ великодушному вашему родителю, славному мученику за святое дѣло, и десять лѣтъ неслыханныхъ истязаній и злостныхъ ковъ не могли поколебать этой преданности.»

Праздникъ 7-го августа, конечно, имѣлъ важное политическое значеніе. Любопытно, что онъ совпадалъ съ двумя обстоятельствами: съ посольствомъ Дезамбруа на цюрихскую конференцію и съ выборами, производимыми въ средней Италіи. Для Европы онъ былъ новымъ доказательствомъ того, что Италія строго вѣрна своей идеѣ единства; для Италіи онъ служилъ новою поддержкою въ дѣлѣ патриотизма. Когда, послѣ заключенія мира въ Виллафранка, Викторъ-Эмануэль проѣзжалъ черезъ Миланъ вмѣстѣ съ Наполеономъ, то всѣ были такъ поражены неожиданнымъ оборотомъ дѣла, что не знали скорбѣть или радоваться. Самъ король, какъ говорятъ, былъ очень не въ духѣ, и радостныя манифестаціи не могли утѣшить ни его, ни народъ. Между тѣмъ время и разсудокъ успокоили многихъ; надежды устроить судьбу Италіи согласно съ общими желаніями возникли съ новою силою; настала минута заявить права свои передъ цѣлою Европой, и эта минута какъ нельзя лучше избрана была королемъ, чтобы торжественно вступить въ управленіе вновь приобрѣтеннымъ краемъ. Онъ какъ будто хотѣлъ управлять не по милости своего великодушнаго союзника, а въ силу народнаго голоса, требовавшаго его господства не въ одной Ломбардіи, но и въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ.... Послѣ этого понятенъ энтузіазмъ, съ которымъ его встрѣтили. «Въ эту минуту, пишетъ народная газета, еслибы наша радость не была смущаема далекимъ, далекимъ стономъ, и не представлялся нашему взору

образъ одной бѣдной плѣнницы, мы улучили бы во лжи философію, говорящую, что нѣтъ на землѣ полной радости.»

Наше описаніе миланскаго праздника было бы очень не полно, если бы мы не просмотрѣли сужденія всѣхъ главныхъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Италіи касательно описаннаго событія. *Independente* по этому случаю кратко излагаетъ всю исторію Ломбардіи, свидѣтельствуя, что еще за четыре вѣка тому назадъ савойскій домъ былъ призванъ къ ея управленію. Амедей VIII, вступивъ на папскій престолъ подъ именемъ Феликса V, хлопоталъ для сына своего Людвигга о наслѣдіи послѣдняго герцога Висконти. Умѣй Людвигъ устроить, какъ слѣдуетъ, свои дѣла, онъ, можетъ быть, избавилъ бы Ломбардію отъ послѣдовавшаго за тѣмъ трехсотлѣтняго рабства и ста различныхъ революцій. Миланъ подпалъ подъ власть австрійскаго дома. Генрихъ IV, король Франціи, вмѣстѣ со своимъ министромъ Сюлли, составили тогда проэктъ возстановленія Италіи, совершенно подобный тому, какой придумалъ Наполеонъ III, въ 1859 году. Въ 1610 году положено было, уничтоживъ преобладаніе Австріи, устроить конфедерацію изъ независимыхъ итальянскихъ республикъ (въ томъ числѣ и венеціанской) и герцогствъ подъ предсѣдательствомъ папы, который долженъ былъ пріобрѣсть Неаполь. Герцогъ савойскій, Карлъ-Эмануэль, получалъ титулъ короля ломбардскаго. Но князь Равальяка положилъ конецъ и жизни Генриха IV, и этому проекту. Сто двадцать пять лѣтъ спустя, Людвигъ XV снова поднялъ это дѣло съ цѣлю принудить Австрію къ признанію Станислава Лещинскаго королемъ Польши. Карлъ-Эмануэль III въ 1733 году вступилъ въ Миланъ и два года правилъ Ломбардіей; но также не умѣлъ удержать за собою страны, потому что предать ее во власть джунтъ и французамъ, которые распорядились всѣмъ подъ именемъ покровителей. По вѣнскому миру 1738 года только Новара и Тортонна остались за Сардиніей.

Хотя эти древніе факты говорятъ не совсѣмъ въ пользу савойской династіи, они получаютъ новое значеніе послѣ того, какъ Сардинія своимъ либеральнымъ правленіемъ и безчисленными жертвами для итальянской независимости, пріобрѣла себѣ право на уваженіе цѣлой Европы. Старыя ошибки послужатъ урокомъ для будущаго, и Виктору-Эмануэлю останется одна слава скрѣпить окончательно союзъ Ломбардіи съ Пиемонтомъ. Конфедерація, не удавшаяся двѣсти сорокъ лѣтъ тому назадъ, тѣмъ менѣе удастся нынѣ, и непрочность австрійскаго господства до-

казывается тѣмъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ оно не могло привлечь къ себѣ народъ, тогда какъ савойская династія, не смотря на всѣ неудачи и ошибки, пользовалась его расположеніемъ. Всѣ миланскія газеты единогласно высказываютъ свою преданность новому правительству. Такъ національная италіянская газета въ трогательныхъ словахъ благодаритъ короля: «Вамъ обязаны мы, что ломбардскія матери могутъ теперь безъ страха воздвигнуть памятникъ своимъ дѣтямъ, падшимъ въ войнѣ за независимость и насадить цвѣтовъ на могилѣ, и высѣчь надпись: «умерли за отечество» — сладчайшее, невыразимое, единственное утѣшеніе италіянки!... Вы и вашъ народъ совершили много великаго для національнаго дѣла въ это послѣднее десятилѣтіе: Италія знаетъ это, и она вамъ благодарна.... вы не только великодушный государь, герой — солдатъ, истинный патриотъ — вы для насъ олицетвореніе италіянской національности». Gente Latina восклицаетъ: «Викторъ-Эмануэль съ нами. Нашъ король пришелъ дать намъ свободныя учрежденія и на вѣкъ запечатлѣть союзъ довѣренности и любви, уже десять лѣтъ насъ съ нимъ связывающій. Царь — galantuomo еще разъ свидѣтельствуетъ италіянцамъ, что онъ сражался не за династическіе интересы, а за національные... Ты Вашингтонъ между королями! не влагай же шпаги въ ножны, пока не исполнишь святое призваніе Вашингтона!» Но газета Pungolo воспѣваетъ цѣлый страстный дионрамбъ въ честь Віктора-Эмануэля: «Есть имя, которое съ уваженіемъ, съ любовію произносятъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ... Это имя — Викторъ Эмануэль!» и далѣе нѣсколько подобныхъ же строфъ въ прозѣ. Особенно замѣчательны здѣсь два мѣста: 1) «Этому государю деспоты земли сказали: Пойдемъ съ нами, и наши штыки тебя сдѣлаютъ сильнымъ и страшнымъ, и наши войска будутъ твоею почетною стражей. Но онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, я останусь съ моимъ народомъ — и одинъ отважно брошусь въ среду его, и моею почетною свитой будетъ двадцать пять милліоновъ человѣкъ!...» 2) «Вознося привѣтственный крикъ, мы думаемъ о судьбѣ нашей несчастной, но могучей, благородной Италіи и, между тѣмъ какъ король идетъ посреди насъ, говоримъ сыновьямъ своимъ: Помните, что въ Венеціи плачутъ, что въ Неаполѣ и Римѣ плачутъ, что во Флоренціи, въ Моденѣ, въ Пармѣ, въ Болоньи надѣются; — вспомните, что придетъ день, когда онъ вновь скажетъ вамъ: Пойдемте со мною!» Такое страстное увлеченіе очень естественно въ народѣ, едва успѣвшемъ сбросить тягостныя цѣпи

долгаго чужеземнаго владычества; но его, конечно, не раздѣляетъ воплѣ сардинское правительство, которое, при неопредѣленности своего настоящаго положенія, принуждено слѣдовать болѣе благоразумной и осторожной политикѣ. Во всякомъ случаѣ оно не можетъ не сочувствовать голосу лучшихъ гражданъ, которые говорятъ: «Только въ жертвахъ вырастаютъ и зрѣютъ идеи... наше призваніе показать цѣлому міру, что въ состояніи сдѣлать сила братской любви, чуждая всякихъ расчетовъ».

Среди однообразныхъ хвалебныхъ возгласовъ пріятно поражаетъ васъ и другой, болѣе трезвый голосъ. Народная газета (del Popolo) сообщила въ формѣ письма стараго солдата нѣсколько очень здравыхъ сужденій по случаю тѣхъ же обстоятельствъ. Солдатъ этотъ пишетъ: «Хоть я и лишился лѣваго глаза на войнѣ, вижу однако еще довольно ясно. Австрійскіе книжники и фарисеи, къ сожалѣнію, оставили цѣлый амбаръ пустыхъ фразъ вамъ въ наслѣдье. Когда говорите о королѣ, должно говорить съ уваженіемъ и любовью, а не съ униженностью фразерства, понятною развѣ только въ положеніи собаки или шамбеляна. Я слышалъ, что великій Августъ, императоръ римскій, однажды сильно разгнѣвался на человѣка, который стоялъ предъ нимъ, стучая колѣнами отъ страху. Августъ сказалъ ему: «Кажусь я тебѣ слономъ, что ли, что ты такъ дрожишь?» Надо помнить, что настоящее правительство есть *мое* правительство, истекающее отъ тебя, и будь ты простымъ плотникомъ, все же долженъ принять въ немъ участіе. Убѣдись наконецъ, что то не чужеземное правительство, что теперь уже слѣдуетъ его не свергнуть, а поддержать и улучшить... Истинная тайна конституціонной оппозиціи состоитъ не въ томъ, чтобы *отрокидывать колесницу*, а чтобы *двигать ее впередъ*. И притомъ, двигая, надо знать мѣру: слѣдуетъ, напримѣръ, просить *сто* и послѣ того быть довольну, получивъ *пять*. Все-таки величайшая выгода получить пять отъ собственнаго правительства, чѣмъ не получить ничего, или, что еще хуже, имѣть пятьдесятъ палокъ отъ правительства чужеземнаго».

Вопросъ о сліяніи Ломбардіи и Сардиніи, выступилъ на первый планъ въ италянскій прессѣ, послѣ того, какъ самыя сѣбитія настоятельнѣе потребовали его рѣшенія. Въ Миланѣ, во всѣхъ окнахъ книжныхъ лавокъ, появились брошюры о конституціонной формѣ правленія, объ обязанностяхъ гражданина, о сардинскомъ парламентѣ и т. д. Касательно этого вопроса существуетъ двоякое мнѣніе: одни требуютъ немедленныхъ и рѣши-

тельныхъ реформъ въ новыхъ провинціяхъ, и чтобъ эти реформы были совершены одною властію короля и его совѣта; другіе напротивъ настаиваютъ на постепенномъ рѣшеніи вопроса, путемъ парламентскихъ рѣшеній, доказывая, что и сардинское государственное устройство не во всемъ безукоризненно, и оно нуждается во многихъ реформахъ. Правительство уже кое-что сдѣлало для Ломбардіи, подтвердивъ, напримѣръ, свободу прессы: оно отмѣнило всѣ стѣснительныя узаконенія, изданныя съ 1852 года, и дало силу Ломбардскому уголовному кодексу, приведши только статьи его въ соотвѣтствіе съ сардинскимъ кодексомъ и предоставивъ полную власть провинціальнымъ трибуналамъ. Однако отдѣльныя распоряженія не удовлетворяютъ нѣкоторыхъ патриотовъ, желающихъ, чтобы совершенно уничтожено было временное (provisoire) управленіе Ломбардіей. На другой день, послѣ вѣзда короля, по улицамъ Милана, въ числѣ другихъ печатныхъ манифестацій, продавалось письмо къ Виктору-Эмануэлю Бенедета Кастиглио, извѣстнаго изъ газетъ по разнымъ политическимъ статейкамъ. Кастиглио, привѣтствуя короля, прежде всего воздастъ хвалу Сардиніи: «Почти мѣсяць тому назадъ видѣлъ васъ этотъ городъ: загорѣлый подъ лагернымъ солнцемъ, вы явились съ радостью побѣды во взорѣ, и со скорбью о заключеніи жестокаго мира въ сердцѣ. Объ чемъ же, государь, такая забота? Миланъ это знаетъ: вашъ городъ — Туринъ. Миланъ признаетъ въ братнемъ городѣ, въ народѣ разсудительномъ, спокойномъ и великодушномъ, городъ и народъ, которые зачали, поддержали и исполнили на дѣлѣ возрожденіе Італіи своими идеями, прессою, мудрыми совѣтами. Налоги за налогами, наборы за наборами, все новые труды, новыя испытанія — и ни разу этотъ народъ не поколебался, ни разу не измѣнилъ себѣ. *Италія и спичо Италія!* — и въ продолженіе десяти лѣтъ Туринъ и Пиемонтъ ни на мигъ не остановились въ своемъ дѣлѣ. Страдая отъ нашествія безчеловѣчныхъ враговъ, раззоренные, истерзанные, они сохранили то-же спокойствіе, великодушіе и тотъ же самый жаръ.»

«Миланъ и Ломбардія наконецъ свободны,» продолжаетъ Кастиглио, «свободны уже два мѣсяца; но все еще не уничтожено тяжелое, стѣснительное временное управленіе. Надежды, внушенныя намъ графомъ Кавуромъ, должны исполниться. Оны, послѣ вашей, первая слава Італіи. Въ это послѣднее время чего не сдѣлалъ оны для отечества? Въ продолженіе пяти лѣтъ его мыслию только и жила Італія. Какъ администраторъ, какъ ди-

пломать, онъ обладалъ силою, мудростью, почти даромъ пророчества. Онъ пожертвовалъ нашею кровью въ Крыму, но за то поднялъ голосъ въ парижскомъ конгрессѣ. Этотъ голосъ не смолкъ: онъ возбудилъ надежду Италиі, смутилъ Австрію, двинулъ на благородный подвигъ Францію. Вы солдатъ, графъ Кавуръ — политикъ итальянской независимости.... Въ Ломбардіи должно теперь разомъ исчезнуть все, что осталось отъ Австріи. Довольно для этого восемь дней, шестнадцать, двадцать.... но въ подобныхъ случаяхъ время считается не днями, а часами. Чтобъ самое названіе Австріи, ея учрежденія, законы, монета — словомъ, все было уничтожено безъ слѣда.» «Политика» замѣчаетъ дагѣ нашъ публицистъ, «не дозволяетъ вамъ присоединить нынѣ къ своимъ владѣніямъ Модену, Парму, Тоскану, Романью, но, сливши Ломбардію съ Сардиніей, вы подготовили бы единство Италиі. Старая машина выгнила, распалась и всеялетъ отвращеніе своей неподвижностью; съ новою все оживетъ и бодро пойдетъ впередъ, при клкахъ энтузіазма. Государь, не рутинисты, не ученые, не чиновники спасаютъ народы, а спасаютъ люди, которые находятъ легкимъ то, что для другихъ кажется невозможнымъ. То люди, которые разомъ поймутъ, разомъ создадутъ планъ и разомъ начнутъ дѣйствовать. Для нихъ машиною государства управляетъ мысль, и они проникаютъ въ самую глубину этой мысли. Произвести то, что другимъ кажется невозможнымъ, значить разомъ, какъ подъ впечатлѣніемъ чуда, овладѣть народнымъ чувствомъ, увлечь его не одной идеею о свободѣ и независимости, но и необычайностью самой реформы, какою Кавуръ отличался въ политикѣ, а вы на войнѣ.» Кастигліо на этомъ основаніи требуетъ полной свободы прессы, уничтоженія старыхъ тарифовъ, введенія сардинскаго статута, немедленнаго учрежденія сорокатысячнаго войска. «Управлять, — говоритъ онъ, — значить поддерживать мыслью и дѣломъ и возвышать все болѣе общественную жизнь. Ломбардія надѣялась на силу и встрѣтила только боязнь; она ожидала быстроты, и нашла медлительность. Чтожъ удивительнаго, если при временномъ характерѣ управленія, она будетъ считать временною и свою новую итальянскую жизнь?» Ораторъ не одобряетъ дагѣ учрежденія многочисленныхъ комиссій, назначенныхъ обсуживать вопросъ о соединеніи новыхъ провинцій со старыми. По его мнѣнію, онѣ только оттягиваютъ дѣло своими безконечными разсужденіями и не кончатъ его въ десять лѣтъ, да и тутъ, того гляди, восторжествуетъ посредственность. Онъ ставитъ

въ образецъ Флоренцію, гдѣ диктаторская власть быстро совершила всѣ реформы въ управленіи: такъ и слѣдовало сдѣлать, потому что исключительныя обстоятельства требуютъ исключительныхъ мѣръ. А бояться рѣшительныхъ реформъ нечего. «Въ Ломбардіи, — говоритъ онъ, — въ странѣ столь граждански развитой, безпорядки невозможны. Если они гдѣ и появятся, самъ народъ мгновенно ихъ уничтожитъ. Какъ Европа, преданная нынѣ торговлѣ, не можетъ терпѣть войны, такъ Ломбардія не стерпитъ безпорядковъ. Гдѣ общество достаточно развито, тамъ оно нравственно, спокойно и предано мирной дѣятельности. Здѣсь жандармамъ нечего будетъ дѣлать.» Въ заключеніе, Кастигліо, выражая желаніе, чтобы реформы были совершены окончательно диктаторскою властію короля, говоритъ: «Васъ прозвали зуавомъ въ войнѣ за независимость, будьте же *политическимъ зуавомъ* реформы».

Мы думаемъ, что не наскучили читателю, сдѣлавъ нѣсколько длинныя выписки изъ этого письма. Оно живо знакомитъ насъ съ мнѣніями партій, готовой пожертвовать даже конституціоннымъ началомъ для достиженія любимой идеи національности. Но сардинское правительство не вполнѣ заслуживало упрековъ за свою медлительность въ преобразованіяхъ Ломбардіи. Страна эта, полученная Викторомъ-Эмануэлемъ, какъ подарокъ, изъ рукъ Наполеона, была еще одними только *условіями* присоединена къ Сардиніи. Излишняя поспѣшность въ реформахъ, произведенныхъ одними декретами, дала бы и для другихъ италянскихъ государствъ незавидный примѣръ той самостоятельности, какою они могутъ пользоваться подъ конституціоннымъ скипетромъ Виктора-Эмануэля. Кромѣ того примѣненіе сардинскихъ законовъ не могло имѣть полной силы въ Ломбардіи и потому, что здѣсь, помимо австрійскихъ, господствовали свои особенныя постановленія, основанныя на давнихъ обычаяхъ. Между тѣмъ вопросъ о реформахъ живо занимаетъ сардинское правительство. Офиціальная піемонтская газета, говоря о финансовыхъ преобразованіяхъ, именно замѣчаетъ, что, уничтоживъ учрежденія австрійскія, имѣвшія связь съ прежнею центральною властію, можно оставить въ полной силѣ другіе законы. Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ только улучшеній; но не возможно въ такомъ разнообразномъ управленіи, каково финансовое, мгновенно произвести перемѣны. Для этого прежде необходимо со всею строгостью разобрать, какія изъ постановленій могутъ остаться безъ измѣненій, какія ихъ требуютъ; такой трудъ, кромѣ знанія мерт-

вой буквы, требует опытности и вмѣстѣ съ безпристрастнымъ уваженіемъ къ прошедшему (въ чемъ оно заслуживаетъ уваженія), полной любви къ прогрессу. Въ письмѣ одного юрисконсульта изъ Милана, напечатанномъ въ газетѣ: *il Diritto*, сказано, что насильственное примѣненіе сардинскихъ законовъ принесло бы страшный вредъ Ломбардіи. Признавая превосходство сардинской политической системы, этотъ юрисконсультъ находитъ много недостатковъ въ отношеніи судебного производства, господствующаго въ Сардиніи: какъ напримѣръ, запутанность процедуры. Требуя для Ломбардіи полной гласности суда, онъ однако отдаетъ преимущество законамъ о собственности, введеннымъ австріяцами. По его мнѣнію, рѣшеніе дѣла должно быть предоставлено парламенту, составленному изъ лицъ, въ одинаковой мѣрѣ выбранныхъ изъ новыхъ и старыхъ провинцій. Впрочемъ и газета *l'Opinione* признаетъ, что реформы должны быть произведены на самыхъ широкихъ основаніяхъ административной свободы. Мнѣнія ея по этому предмету заслуживаютъ вниманія.

«Мы смотримъ, — говоритъ она, — на хорошо устроенныя свободныя учрежденія, общинныя и провинціальныя, какъ на вѣрнѣйшее средство образовать во всѣхъ частяхъ государства независимыя мнѣнія и дать общественному духу направленіе, согласное съ политической свободой. Свободное управленіе и административная централизація — двѣ вещи, которыя не легко соединить вмѣстѣ. Власть, которая заботится о великихъ государственныхъ интересахъ и въ то-же время должна устроить малѣйшія дѣла какой-нибудь темной общины, часто подвергается двумъ опасностямъ: или забываетъ мѣстные интересы, предоставляя заботу о нихъ мелкимъ чиновникамъ; или до того стѣсняетъ ихъ, что мѣстные интересы становятся только орудіемъ для великихъ политическихъ цѣлей. Въ одномъ случаѣ общинное и провинціальное управленіе подвергается безпорядкамъ, въ другомъ имъ пожертвовано для видовъ и плановъ правителей. Административная централизація чрезъ это становится или правительственнымъ обманомъ или однимъ изъ элементовъ политическаго равнодушія и тяжелаго преобладанія центральной власти. Со свободою можно избѣгать этихъ двухъ крайностей. Общинамъ даются самыя полныя права: онѣ не будутъ болѣе обязаны обращаться къ интендантамъ или къ министру внутреннихъ дѣлъ за малѣйшими рѣшеніями. Приданіе большихъ правъ интенданту имѣетъ мало значенія, потому что при многосложныхъ

дѣйствіяхъ этой посредствующей власти теряется только время и происходитъ вредъ для правильнаго теченія дѣлъ. Синдикъ, напротивъ, тѣмъ болѣе получаетъ значенія, чѣмъ болѣе служитъ представителемъ интересовъ своей общины. Необходимо также уменьшить число провинцій, сообразуясь, конечно, съ топографическими условіями, чтобы упростить администрацію и избавить государство отъ излишнихъ тратъ на содержаніе чиновниковъ. Настоящіе муниципальные и провинціальныя совѣты въ Ломбардіи должны быть уничтожены, потому что не основаны на началѣ выборовъ. Чтобы ввести это начало, необходимо скорѣе устроить новый порядокъ администраціи, и такимъ образомъ выдти изъ настоящаго ненормальнаго положенія.»

Вотъ вкратцѣ мысли, высказанныя газетою *l'Opinione* совершенно согласно съ намѣреніями правительства. Изъ нихъ видно, что за реформами дѣло не станетъ; но онѣ будутъ произведены въ духѣ конституціонномъ, и слѣдовательно не съ такою поспѣшностью, какой требовалъ Кастигліо.

Наконецъ я разстался съ Италіей. Мнѣ предстояло перенестись черезъ горы *Mont-Seni* въ Швейцарію. Несчастіе, случившееся на сузской желѣзной дорогѣ при переправѣ французскихъ войскъ, возвращавшихся изъ Италіи, еще не совсѣмъ было забыто, и многіе изъ путешественниковъ предпочли другой путь, черезъ *Lago Maggiore*. Передъ самымъ отъѣздомъ я прочелъ въ газетѣ *del Popolo* извѣстіе о новомъ столкновеніи поѣздовъ на одиночныхъ рельсахъ этой дороги, которое однако не повело за собою никакихъ несчастій. Извѣщая о томъ, какъ поѣзды встрѣтились, и примѣтивъ во время другъ друга, успѣли приостановить ходъ и разошлись на прежнія станціи, газета прибавляла: «Нечего сказать, хороша администрація! Если она такъ нуждается въ добрыхъ урокахъ, такъ мы ее прочинимъ!»

Не смотря на эти опасенія, я взялъ билетъ прямо изъ Турина въ Женеву, и совершенно благополучно прибылъ въ Сузу: отсюда съ тѣмъ же билетомъ, состоявшимъ изъ маленькой книжечки, каждую страничку которой отрывали на главнѣйшихъ станціяхъ, я долженъ былъ семнадцать часовъ ѣхать въ дилижансѣ черезъ знаменитую гору Сени, въ городокъ *St.-Jean de Morienne*, а потомъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Шамбери, во французскій городъ Кюлозъ (*Culoz*) и наконецъ въ Женеву. Приѣхавъ въ Сузу, мы совершенно уперлись въ громады горы, образовавшія около этого городка глубокую котловину. Вамъ извѣстно впечатлѣніе, какое производитъ пережѣна ѣзды по

железной дорогѣ на ѣзду въ дилижансѣ. Нетерпѣливые путешественники, поторопясь кончить завтракъ, ходятъ взадъ и впередъ по станціи и не знаютъ что начать отъ бездѣля, а сколько нужно времени, чтобъ разобрать кладъ и нагрузить его до десяти громаднѣйшихъ дилижансовъ. Не многіе ѣхали въ Женеву: большая часть отправлялась въ Савойю, въ Лионъ и въ Парижъ — все по той же дорогѣ. Отъ нечего дѣлать, мы смотрѣли три часа на эту суматоху, пока кондукторъ не началъ вызывать по нумерамъ и по фамиліямъ путешественниковъ, чтобы по очереди занимать мѣста. Вслѣдъ за каждымъ вызовомъ поднимался всеобщій, оглушительный смѣхъ. Администрація страннымъ образомъ перепутала номера съ фамиліями. «La comtesse Tourgo, номеръ 251», крикнулъ кондукторъ — и вдругъ на самый верхъ полѣзъ маленькій худенькій французикъ, объявляя, что его фамилія Турно, а ни съ какими княгинями онъ никогда не знался... «Господинъ Джило съ супругою, № 253» — и явился какой-то Гильо, утверждая, что онъ никогда не былъ даже поползновенія вступать въ брачныя узы. Наконецъ дошла и до меня очередь, и по железнымъ подножкамъ не безъ труда взмогся я на свое мѣсто, называемое *banquette*, родъ передняго кабриолета выше кладки и почтальона. Эти мѣста въ лѣтнее время очень высоко цѣнятся: проѣзжая черезъ города, вы сидите наравнѣ съ трубами одноэтажныхъ зданій и заглядываете такъ близко во вторые и третьи этажи, что вамъ даже становится совѣстно. Расположившись сколько возможно удобнѣе на высотѣ своей, я съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ вдаль, недоумѣвая, какъ взберемся мы на эту громадную, чуть не отвѣсную стѣну, загоравивавшую отъ насъ четверть неба. Почтальонъ ударилъ длиннымъ бичемъ своимъ по восьми лошадамъ, которыя запряжены были гуськомъ четырьмя парами безъ всякаго фореитора, и странная процессія дилижансовъ двинулась въ гору. Со всѣмъ незамѣтно въѣхали мы въ темное ущелье. Было уже восемь часовъ вечера, и въ продолженіе ночи должны мы были одолѣть гору, высотой почти въ 7,000 футовъ. На чистѣйшемъ, тепломъ небѣ, какимъ даритъ только югъ, полнымъ, серебрянымъ шаромъ взошла луна, и еще чуднѣе казались стѣны утесовъ, которые, лоснясь, со всѣхъ сторонъ подымались передъ нами дикими массами. Иногда скалы раздвигались; изъ глубокихъ овраговъ и пропастей выглядывали верхушки темнаго лѣса, а за ними, вдали, безконечныя хребты горъ за полосами свѣтлаго тумана видѣлись во всѣхъ направленіяхъ. Дорога

столь широкая, что безъ труда могли бы ѣхать три дилижанса въ рядъ, выровнена, какъ паркетъ, и крѣпкія перила, особенно около пропастей, служатъ къ немалому успокоенію путешественника. Хоть и построенная съ военною цѣлю, она, конечно, служитъ лучшимъ памятникомъ Наполеону I. Съ большимъ искусствомъ избраны для нея довольно рѣдкія здѣсь отлогости скалъ и удобные проходы въ ущельяхъ, и она вьется змѣею, безпрестанно пропадая въ поворотахъ то направо, то налѣво и раскрывая все новыя перспективы горъ, все новыя морщинистыя фигуры голыхъ утесовъ или окраины безднъ съ непроницаемою въ ночной мглѣ глубиною. Вотъ, кажется, совсѣмъ передъ вами неправильнымъ, зубчатымъ конусомъ поднялась широкоплечая горище, сходясь своимъ безмѣрнымъ основаніемъ съ другими каменными зубцами, чернѣющими въ небѣ; кажется, далѣе совсѣмъ некуда ѣхать. Но дорога заботливо отводитъ васъ отъ этого сумрачнаго гиганта и на часъ ѣзды вы его болѣе не видите.... какъ вдругъ опять является тотъ же гигантъ и все на томъ же разстояніи. Да когда же мы наконецъ его объѣдемъ? Горы, на каждомъ шагу загораживая путь, какъ будто не хотятъ пустить васъ далѣе. Дилижансъ еле-еле тянется на высоту.... вы наконецъ испытываете какое-то нравственное утомленіе, то-же чувство, какъ если бы въ густомъ лѣсу продирались сквозь вѣтви, или, застѣпнутые въ морѣ туманомъ, шли въ опасную пустоту, ощупывая, такъ сказать, каждый шагъ въ безмѣрномъ пространствѣ. Я невольно вспомнилъ такой эпизодъ изъ поѣздки на морѣ. Все, какъ бѣлымъ копакомъ, закрыто кругомъ надъ вами и передъ вами. Машина, какъ будто то-же испуганная, едва поворачиваетъ свои рычаги; пароходъ кажется неподвижнымъ.... Вдругъ изъ тяжелой мглы загремѣла труба подъ самымъ ухомъ. Капитанъ крикнулъ: Stop! Звонки, свистки раздались и все переполошилось. «Ай! столкнемся, погибли!» кричатъ пассажиры. Незримая труба еще разъ грянула, но ужъ тише — и всѣмъ отлегло отъ сердца. «Должно быть, англійскій корабль», сказалъ матросъ; но сколько ни напрягали мы зрѣнія, ничего не видали. Простите за мое отступленіе. Въ нашемъ утомительномъ подъѣмѣ на горы, мы не испытали никакихъ тревогъ. Избалованный грандіозными видами, я ждалъ все новыхъ. Но скалы все болѣе загораживали горизонтъ; луна также спряталась за ними: стало темнѣе и какъ будто прохладнѣе. Только однообразный свистъ бича, которымъ почталыонъ крутилъ по воздуху, нарушалъ тишину, да съ обѣихъ сторонъ до-

роги, во мракѣ пропастей, глухо шумѣли водопады. Изрѣдка попадались на встрѣчу огромные возы съ кладью, которые на одной лошаденкѣ во весь опоръ катили съ высоты, что еще болѣе раздражало нашу усталость. Наконецъ мнѣ наскучило смотрѣть и на коней, которые, какъ муравьи тянулись длинной вереницей и на каменные, призрачныя стѣны, смотрѣвшія сквозь налегавшую мглу, — и я уснулъ, мечтая о томъ, что дѣлаетъ въ это время Гарибальди въ какомъ-нибудь уголку Ломбардіи и какъ подъ навѣсомъ винограда и миртовыхъ вѣтвей или въ гондолѣ, на озерѣ Комо, слушаетъ красавица съ бѣлымъ вуалемъ на плечахъ звонкую пѣснь своего чернокудраго *innamorato*, и молится ли папа о гибели безбожниковъ, уничтожающихъ темницы и казни, или спокойно спитъ въ мягкихъ подушкахъ, надѣясь на благочестіе вождя французовъ, — и, не смотря на поздній часъ, бушуетъ ли еще неугомонная толпа гдѣ-то тамъ на сѣверѣ, нестово выкликаая Машу и Сашу и дая кулаками встрѣчнаго и поперечнаго, и слышится неласковый голосъ: «Что лѣзешь, мазурикъ?» или заботливая полиція ужъ увела главныхъ виновниковъ мятежа безъ шапокъ и съ обтрепанными волосами? Такъ мечталъ я на высотахъ *Mont-Seni*, пока не заснулъ окончательно.

У! какъ холодно!... Я взглянулъ на часы: ужъ дѣло идетъ къ утру. Мой сосѣдъ, савоецъ изъ Шамбери, преспокойно лежалъ на мнѣ и храпѣлъ подъ самое ухо. Я перевалилъ его на другую сторону и поспѣшилъ закутаться въ теплое пальто; но рѣзкій холодъ проникалъ въ рукава, знобилъ ноги, и первый разъ послѣ двухмѣсячнаго странствія, я начиналъ потѣть не обыкновеннымъ, а цыганскимъ потомъ. Прощай югъ, здравствуй сѣверъ: горы *Mont-Seni* считаются гранью двухъ климатовъ. Какая безотрадная картина вокругъ! Безконечныя громады скалъ и почти ни одного кустика; сѣрые туманы повсюду обнимаютъ подобно саванамъ, эти страшныя каменные трупы, и вѣютъ изморозью въ лице, уже истребивъ иносемъ черныя вершины, стоящія рядомъ съ нами. Вонъ, вдали что то странно свѣтлѣетъ и серебрится между группами облаковъ, образовавшими длинную гирлянду. Также облако или свѣгъ? — Снѣгъ, отвѣчаетъ вочтальонъ. Уже кажется на послѣднюю грань подымается эта дорога, идущая по самому краю стѣны высоко надъ нашею головою. Рядомъ съ дорогою темноснѣжная туча прислонилась къ противоположной скалѣ, поднятой въ заоблачную высоту съ того же безмѣрнаго гранитнаго фундамента, который заложила при-

рода въ періодъ своихъ первыхъ, геологическихъ упражненій, — въ то время, когда еще не было и помину о двуногой твари, которая нынѣ такъ безцеремонно разгуливаетъ посреди ея созданий, роскошно качаясь на пружинныхъ подушкахъ, съ сигарою во рту, въ блестящей кареткѣ, запряженной другими тварями, неизвѣстно за что преданными на вѣчную службу. Когда мы всползли на послѣднюю громаду, собственно и называемую Монт-Сені, то я такъ продрогъ, что ужъ ничего не понималъ, кромѣ чувства, какое должны были испытывать лошади, печально кивавшія головами въ своемъ усердіи дотянуть до станціи нашу увѣсистую колесницу. Тутъ мы увидѣли небольшое, продолговатое озеро, что-то въ родѣ резервуара, изъ котораго вода, скопляясь отъ тающихъ снѣговъ, падаетъ внизъ и образуетъ, послѣ множества каскадовъ, сначала пѣнный потокъ, а потомъ бурливую рѣчку, текущую на нѣсколько миль въ долину. По сосѣдству съ озеромъ оказались и снѣжные бугры, которые мы видѣли прежде. Вся окрестность уже представлялась площадью съ тѣснымъ горизонтомъ, который огороженъ былъ разными выпуклостями каменной почвы, а порой и невысокими зубцами посреди бѣгѣющихъ снѣговъ. Вотъ ужъ близокъ перевалъ. Мы вѣзжали на отлогую поверхность, за которою уже не было видно никакихъ возвышеній; но едва поднялись мы, какъ открылся опять какой-то холмикъ, заслоняющій даль на зло любопытству, которое тянуло насъ впередъ, туда за горы, не только на край, но и за край міра. Наконецъ дилижансъ остановили и лошадей перепрягли, оставивъ только двухъ, самыхъ коренастыхъ. Это означало, что начинается спускъ, хотя мы его еще не видѣли. Итакъ, къ пяти часамъ утра были мы на вершинѣ, употребивъ на подъѣмъ около девяти часовъ. Ну, горка! Между тѣмъ солнце, уже давно заманчиво озарявшее верхушки утесовъ, лежавшихъ вправо, заглянуло и къ намъ, и разомъ пригрѣло окостенѣвшіе члены. Мы весело двинулись впередъ и скоро колеса застучали наперерывъ, погоняя лошадей: мы уже легко катили по ровному спуску. «Что, какова савойская-то сторона! не то, что въ Піемонтѣ»..... сказалъ почтальонъ, обращаясь къ намъ уже на французскомъ діалектѣ. «Да, въ Піемонтѣ приходится круто» отвѣчалъ сидѣвшій со мною савоецъ. Не могу передать въ точности игры словъ; но савоецъ видимо хотѣлъ укорить Піемонтъ въ крутыхъ мѣрахъ, которыя иногда употребляетъ его правительство. Не знаю, сколько тутъ помогла Савойя, но мы вихремъ неслись съ горы, и я живо могъ представить

себѣ летанье въ воздушномъ шарѣ по воздуху. Передъ нами въ далекой глубинѣ открылась великолѣпнѣйшая долина съ широкимъ потокомъ, сіявшимъ бѣлою лентою, съ городкомъ, заброшеннымъ внизу, какъ птичье гнѣздо; а вокругъ всю ее оставили заоблачныя горы, выказывая на гигантскихъ бокахъ своихъ всѣ измѣненія климата и растительности: внизу зеленѣли цвѣтущіе сады, выше полоса елей мрачно опоясывала скалы, а голыя каменные вершины еще мрачнѣе глядѣли надъ ними, и развѣ только безконечныя фигуры облаковъ, то въ видѣ легкаго свѣтлаго пухка или нѣжно вьющагося шарфа, то въ видѣ темной, сердито нахлобученной шапки, или узорнымъ вѣнцемъ, составленнымъ изъ множества прозрачныхъ струекъ, придавали имъ смѣющийся маскарадный видъ, столь противоположный ихъ строгому величію. Сени со стороны Савойи спускается почти отвѣсно, и до самой долины дорога вьется по окраинамъ, прислоняясь къ стѣнѣ утеса съ одной стороны и вися съ другой надъ глубочайшею бездною. Особенно на моей высотѣ мнѣ не шута казалось, что теряю подъ собою твердую почву: я съ недоумѣніемъ глядѣлъ, какъ почтальонъ безопасно придерживая возжи одною рукою, другою закуривалъ трубочку, между тѣмъ какъ лошади, взѣрошивъ гривы, скакали во весь опоръ и нашъ машина-длижансъ, непридерживаемый ни на одномъ поворотѣ, мчался все шибче. Все уступало ему дорогу: работники, которые гуськомъ въ девять лошадей или муловъ съ трудомъ тянули въ гору свои нагруженные повозки, при встрѣчѣ съ нами со всѣхъ силъ толкали и кладъ и коней въ сторону. «Ужъ не шибко ли мы ѣдемъ?» невольно спросилъ я почтальона. — «Ничего» отвѣчалъ онъ. «Видишь, дорога какая гладкая: ни камешка... а впрочемъ, попадись камешекъ подъ колесо, такъ и поминай, какъ звали!» Это увѣреніе, конечно, было не утѣшительно; но мнѣ надоѣло глядѣть съ опасеніемъ на ѣзду, и я предпочелъ любоваться видами. Не берусь описывать этихъ видовъ: скалы всѣхъ цвѣтовъ, со всѣми оттѣнками зелени уходили подъ облака, то чернѣя въ небѣ въ яркой противоположности съ его нѣжною синевою и съ серебристымъ покровомъ собственной макушки, то блестя на солнцѣ желтыми, розовыми, фіолетовыми отливами. Формы ихъ здѣсь и дагѣ къ городу St.-Jean de Morienne, до котораго надо ѣхать еще около пяти часовъ по ущельямъ и глубокимъ долинамъ, безконечно разнообразны: острые или надломленные конусы; наклонныя, висящія на воздушънхъ отроги скалъ; длинныя стѣны съ иззубренною вершиною;

высокія башни, какъ будто остатки построенныхъ на высотѣ замковъ; совсѣмъ почти круглыя массы въ видѣ широкаго купола; острые, тонкіе пласты, какъ будто отколотые отъ прочей громады. Въ продолженіе цѣлаго дня вы довольно не насмотритесь на это разнообразіе и при каждомъ поворотѣ встрѣтите что-нибудь новое. Дорога изгибается такъ, что вы со всѣхъ сторонъ можете оглядывать поразившую васъ картину, и иногда по нѣскольку разъ исчезаетъ передъ вами и является вновь тотъ же видъ, какъ въ волшебной попорамѣ. Съ Mont-Seni спустились мы въ какіе-нибудь полтора часа и остановились въ томъ самомъ городкѣ, который видѣли еще съ высоты. Отсюда, напившись кофе, мы отправились далѣе. Желтая рѣчка, страшно пѣнясь и шипя, бѣжала по камнямъ въ глубинѣ ложбины, и такіе же городки съ узкими, тѣсными улицами, съ узкими остроконечными башенками церковей встрѣчали мы на дорогѣ. Огороженные со всѣхъ сторонъ утесами, они вдругъ являютя вамъ при выѣздѣ изъ какого-нибудь дикаго ущелья; иногда нестрѣютъ они и по скатамъ, спускаясь въ широкую котловину, подальше отъ скалъ, насылающихъ ненастье. Зимой дорога нерѣдко бываетъ здѣсь завалена непроходимыми снѣгами, да и лѣтомъ нельзя сказать, чтобы было слишкомъ жарко. Здѣсь уже проститесь съ тѣмъ мягкимъ, вѣчноласкающимъ воздухомъ, который окружаетъ васъ какой-то нѣгой въ Италіи. Савойя и въ политическихъ убѣжденіяхъ много разнится отъ Сардиніи, что доказали разногласія послѣдняго времени. Въ Савойи преобладаетъ французскій языкъ, господствуетъ довольно сильная французская партія.

Въ послѣднее время стремленіе къ національности, столь сильно возбужденное италіянскою войною, порою выражалась въ крайне оригинальныхъ претензіяхъ. Между прочимъ городъ Ницца изъявилъ желаніе быть *космополитнымъ* городомъ и на этомъ основаніи получить особыя права, потому-де, что въ немъ останавливается много знатныхъ путешественниковъ. Болѣе разумны, хотя и не менѣе эгоистичны, были притязанія Савойи. Изъ числа двадцати двухъ депутатовъ, посылаемыхъ этой страной, двѣнадцать составили адресъ противъ Сардиніи. Они высказали ту мысль, что хотятъ дѣйствовать самостоятельно, заботясь болѣе всего о промышленномъ развитіи государства и слѣдовательно объ уменьшеніи налоговъ. А такъ какъ нѣтъ надежды, чтобы Сардинія, въ настоящемъ ея положеніи, сколько

нибудь уменьшила тягости войны, то желательно было бы присоединение Савойи ко Франціи. Извѣстіе объ этомъ произвело сильное негодованіе въ Сардиніи. Газеты доказывали, что замыселъ депутатовъ можно назвать измѣною, потому что не болѣе пятнадцати гражданъ изъ Шамбери подписались на адресъ. Вслѣдъ за тѣмъ Кавуръ и сардинскіе принцы посѣщали Савойю и, судя по итальянскимъ извѣстіямъ, приняты были съ энтузіазмомъ. Но Швейцарія подхватила савойское дѣло. При самомъ началѣ цюрихскихъ конференцій, женевскій кантонъ рѣшительно выразилъ требованіе, чтобы часть Савойи, лежащая къ югу отъ Женевского озера, съ городами Шамуни, Фосиньи присоединена была къ федеральному союзу. Отсюда произошло въ газетахъ довольно недружелюбная полемика между двумя свободными государствами. Сардинія упрекала республику въ низкопоклонствѣ передъ могучимъ императоромъ Франціи съ цѣлю выгадать маленькій ключекъ земли, по подобію того, какъ заяцъ при раздѣлѣ добычи пріобрѣлъ себѣ конецъ ушка, увѣряя, что также участвовалъ въ охотѣ. Напротивъ Швейцарія доказывала, что скорѣе сардинское правительство можно обвинить въ бонапартизмѣ, что время пріобрѣтеній для республики прошло, между тѣмъ какъ Сардинія стремится къ безконечному разширенію. Швейцарія представляла только опасность, какая грозитъ ей, если въ случаѣ присоединенія Савойи къ Франціи не только западная, но и большая часть южной ея границы окажется въ сосѣдствѣ съ государствомъ, обладающимъ полумилліоннымъ войскомъ. Женевцы говорили, что имъ не нужно получать изъ Турина извѣстій о расположеніи умовъ въ Савойи, и они знаютъ, какое сильное вліяніе имѣетъ Франція на эту страну, объ отдѣленіи которой отъ Пиемонта было почти рѣшено въ началѣ итальянскаго похода. Въ самой Франціи не разъ подымался вопросъ о присоединеніи Савойи въ видѣ вознагражденія за жертвы, принесенныя въ послѣдней войнѣ. Странно было бы думать, что Франція начала ее уже совершенно безкорыстно, какъ въ одно время готовы были увѣрять даже англійскія газеты. Мы знаемъ, что и рѣчи императора и ноты Монитера имѣютъ свое особое значеніе и ихъ не слѣдуетъ толковать по буквальному смыслу. Наполеонъ не желалъ ничего болѣе, какъ имѣть въ лицѣ Италіи, подлѣ границъ своихъ, дружественное государство; но такъ какъ его дружественные совѣты не были приняты, что видно и изъ горькихъ собогѣзнованій Монитера, обращающихся почти въ угрозу, то нужно же какое-нибудь другое вознаграж-

деніе для Франціи. Безъ этого врядъ ли скоро будутъ выведены французскія войска изъ предѣловъ Ломбардіи и Піемонта.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Французскія провинціи *).

IV.

Ла-Рошель. 8-го августа 1859 года.

На театральной площади города Нанта уже стояли дилижансы, когда я, хорошо пообѣдавъ въ городскомъ пассажѣ (мѣстный пале-рояль), явился сюда въ сопровожденіи трактирнаго гарсона. Въ Ла-Рошель не проведена еще отсюда желѣзная дорога, мнѣ предстояло верстъ сто проѣхать въ дилижансѣ: и я не безъ любопытства вошелъ въ тѣсную карету, напомнившую мнѣ не болѣе, не менѣе какъ курятникъ. Со мной вмѣстѣ усѣлись въ этомъ курятникѣ трое молодыхъ людей, кучеръ взобрался на козлы, хлопнулъ бичомъ и пара сильныхъ лошадей крупной рысью повлекли тяжелый экипажъ. Хлопанье кучера навело меня на мысль о бичѣ, отъ него по логическому сочетанію идей я перешелъ къ русскому кнуту.... воля ваша, а есть о чемъ подумать: здѣшніе кучера, здѣшніе извозчики, смотрите, какъ они обращаются съ лошадьми, и это животное какъ бы цѣнитъ это обращеніе — оно не требуетъ сильнаго понужденія: одинъ взглясъ, хлопанье въ воздухѣ бича — и оно уже несется, или упираясь всею силою своихъ могучихъ ногъ, тащитъ страшныя тяжести, громадные камни; колѣна ея обтянуты сукномъ въ предостороженіе отъ ушиба при паденіи, уши закрыты особыми чехлами — въ избѣжаніе пыли, у глазъ по обѣимъ бокамъ заслонки, чтобъ лошадь не испугалась чего-нибудь и не бросилась бы въ сторону; остановились, тотчасъ разгоряченную морду коня заботливый кучеръ вытираетъ мокрой губкой.... вездѣ уходъ, заботливость, чистота, человѣчность въ обращеніи даже со скотомъ.... и вспомнилась мнѣ сѣверная Пальмира: вотъ Фонтанка, на мостъ взбирается возъ съ дровами, чахлая лошаденка натуживается, натуживается, тщетны усилія: ей не подъ силу громадный возъ. Тоскливо поглядываетъ она по сторонамъ, мотаетъ головою и останавливается неподвижно. Мужичекъ суетится, кричитъ,

---

*) Смотр. письма № 1, 2 и 3 въ 9-й книжкѣ Русскаго Слова 1859 года.

бранится, понукаетъ, махаетъ возжами, кнутъ змеей обвиваетъ высунувшіяся ребра клячки, дѣло плохо: буточникъ съ городовымъ спѣшатъ на подмогу, т. е., принимаются хоромъ бранить мужика, тотъ оправдывается, продолжая метаться въ разныя стороны; для приданія ему расторопности буточникъ отвѣшиваетъ нѣсколько пинковъ; сзади, между тѣмъ, наѣзжаетъ коляска — въ ней какой-то красный господинъ, въ красномъ костюмѣ, кричитъ громко, ругается лихо — и ругаетъ браво полицію «что де ничего не дѣлаетъ, ни за чѣмъ не смотритъ», сильный голодъ и крѣпкія слова даютъ знать мимоидущимъ, что господинъ лице важное; но дѣло не подвигается впередъ, собирается толпа; какой-то сострадательный зипунъ берется помочь дубиной и новые удары сыплются на лошаденку, сибирка съ рыжей бородой берется за оглоблю, но, ощулавъ ее, отодвигается. Хожалый разрѣшаетъ дѣло: скидываетъ къ будкѣ нѣсколько десятковъ полѣнъ и возъ взлѣзаетъ на мостъ, генералъ проѣзжаетъ, будочникъ выправляетъ кулакъ, а двое проходящихъ въ пальто говорятъ, что они не такъ давно читали новыя подтвержденія о томъ, чтобы извозчики не нагружали бы возовъ, не мучили бы лошадей, чтобы полицейскіе вѣжливо обходились бы со всѣми... «но нѣтъ, замѣтилъ одинъ изъ бесѣдующихъ, предписанія о человѣчности въ обращеніи со скотами и людьми не скоро будутъ имѣть силу тамъ, гдѣ въ сознаніи народа не вошло еще....

— Позвольте узнать, вы англичанинъ? спросилъ мой сосѣдъ, прерывая цѣпь моихъ размышленій.

— Нѣтъ — русскій.

Завязался разговоръ; оказалось, что сосѣдъ — медицинскій студентъ, проводящій лѣтніе мѣсяцы у родныхъ въ Нантъ и Ла-Рошелл. Двое остальныхъ были парикмахеръ и портной. Первый съ жаромъ толковалъ о всѣхъ прелестяхъ парижской жизни вообще и латинскаго квартала въ особенности, послѣдніе жаловались на то, какъ трудно составить во Франціи «большую fortuna», передавали розказы земляковъ-ремесленниковъ, перебравшихся въ Россію, о томъ, какое раздолье тамъ, въ этой Сквѣн. портнымъ, перчаточникамъ, парикмахерамъ, содержателямъ ресторановъ и модисткамъ, въ особенности модисткамъ. «Только бы сколотить намъ франковъ по восьмисотъ, да развязаться съ здѣшними долгишками, право бы не задумались, сейчасъ бы въ Дюнкеркъ, на пароходъ да и маршъ въ Россію», говорили молодые люди. Но съ каждымъ часомъ наша болтовня ослабѣ-

вала, въ длижанскѣ темно, я уже не вижу лица собесѣдниковъ, въ правомъ углу слышу храпъ, напротивъ громкое позѣвыванье, а въ окно смотритъ чудная лунная ночь... Если бы умѣлъ, я бы вамъ рассказалъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ вдыхалъ я чудный воздухъ полей и садовъ, какъ слѣдилъ за тѣнями, ложившимися отъ деревьевъ и каменныхъ домиковъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ, я бы повѣдалъ о томъ, какъ рокоталъ вдали ручеекъ или шумѣла рѣчка, я бы рассказалъ вамъ все это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ обычаѣ нашихъ туристовъ наполнять свои письма этими *поэтическими* описаніями, а во-вторыхъ потому, что *поэтическія картины* наполняютъ печатные листы, а печатные листы... но позвольте, что это за городокъ, въ которомъ мы остановились на третьемъ перегонѣ нашей поѣздки? Это — Napoléon-Vendée, имѣющій семь тысячъ жителей. Городокъ, созданный не ради потребности мѣстныхъ жителей, а волею правительства первой имперіи, желавшей съ своимъ гарнизономъ основаніемъ города въ этой странѣ положить конецъ постояннымъ возстаніямъ вандейцевъ. Какъ и всѣ подобныя города, Vendée въ пятьдесятъ лѣтъ не получилъ ни малѣйшаго значенія: малъ, бѣденъ, ничѣмъ не замѣчательнъ, если не называть замѣчательностями главный костелъ, который я принялъ за театръ; библіотека, префектура, казармы, театръ, всѣ эти зданія столь же общи городамъ французскимъ, сколько наши желтые казенные дома, острогъ, соборъ, грязное училище, скверная мостовая, да кабаки на перекресткахъ. Но за то, какъ и всѣ города Франціи, Наполеонъ-Ванде не преминулъ украсить свои площади статуями: безъ монументовъ я не видалъ здѣсь города. При свѣтѣ луны я любовался бронзовой статуей генерала Travot на пьедесталѣ которой не безъ труда прочелъ надпись: «Au général Travot, pacificateur de la Vendée 1838». Другая статуя поставлена въ 1844 году въ честь Наполеона I.

Прошло нѣсколько минутъ какъ мы остановились, а уже лошади перемѣнены и кондукторъ торопитъ насъ войти въ свой курятникъ; на слѣдующей перемѣнѣ лошадей, въ деревушкѣ, я не безъ удивленія услышалъ, напротивъ, въ маленькомъ домикѣ звуки фортепьяно: домикъ принадлежалъ владѣльцу небольшого лоскутка зелени, иначе сказать это въ хатѣ крестьянина его дочь, либо племянница отдыхала послѣ рабочаго дня за фортепьяно. А я забылъ какъ проводятъ досужее время наши крѣпостныя дѣвушки въ деревняхъ и имѣютъ ли они досужее время?

На башнѣ главнаго костела пробило семь часовъ утра, когда я, покрытый пылью, выѣзъ изъ дилижанса на ла-рошельской площади. Крѣпость важная въ прежнее время, ознаменованная обороною гугенотовъ, пріютившихся здѣсь послѣ кровавой варолюмеевской ночи, принимавшая участие..... но позвольте, не скажу *въ чемъ* и прекращу своимъ историческія разсужденія изъ боязни, что вы заподозрите меня въ компилированіи этихъ разсужденій.

«Ла-Рошель извѣстна, такъ гласитъ гидъ, прекраснымъ учрежденіемъ морскихъ купаленъ, привлекающихъ въ городъ съ іюня по сентябрь множество иностранцевъ» — дѣйствительно, лучшій отель de France, въ которомъ я остановился, былъ наполненъ путешественниками. Но городъ далеко не имѣетъ вида мѣста увеселительнаго — все въ немъ мрачно, онъ весь памятникъ старины: превосходно сохранившіяся укрѣпленія, рвы, наполненные водой, мосты поднимающіяся каждый день въ одиннадцать часовъ вечера, гостинный дворъ на подобіе нашего, l'hôtel-de-ville—зданіе временъ Франциска I, съ особымъ крыльцомъ, родъ кафедры, съ которой объявлялись и объявляются новыя распоряженія народу, привлекаемому на дворъ барабаннымъ боемъ; далѣе портъ, чрезвычайно обширный съ громадными двумя башнями при входѣ.....

Вдоволь насмотрѣвшись на всѣ эти достопримѣчательности, я отправился отыскивать одного изъ своихъ парижскихъ знакомыхъ.

Мосье Condammu дома? спросилъ я милостивую прислужницу, отворившую мнѣ дверь. Потупля глаза и конфузясь, явленіе крайне рѣдкое между французенками, она мнѣ объявила что мосье Condammu уѣхалъ въ подгородную деревню.

Черезъ часъ я сидѣлъ въ кабриолетѣ съ блузникомъ и ѣхалъ въ деревню à la Jagne, извѣстную своими винами. Жара была нестерпимая, мелкая известковая пыль ѣла глаза, а между тѣмъ лошадь, доставшаяся на мою долю, хромала. Досадно мнѣ было и на извозчика, впрягшаго большую лошадь, и на лошадь, крѣпко хотѣлось, по русско-дворянской привычкѣ, *сорвать сердце* на кучера *крѣпкимъ словомъ*, да — каюсь — струсилъ, вспомнилъ что здѣсь не у себя. Тамъ дворянинъ, да еще военный, смѣло говори половиноу населенія *ты*, смотри свысока, бранись, сколько душѣ угодно, да пожалуй и давай волю рукамъ гдѣ нибудь подальше, за угломъ, въ захоlustь.

Съ удовольствіемъ любовался я на деревенскую жизнь моего

добраго знакомаго. Вездѣ такъ чисто, свѣтло, уютно; комнаты высоки, убранство самое простое, въ покояхъ прохлада — окна закрыты ставнями; подъ окнами чудные цвѣтнички, тамъ тѣнистый садъ — нѣтъ ни безвкусія въ убранствѣ дома, ни кучи слугъ, ни Матрешки, ни Гаврюшки..... «Я здѣсь провожу лѣто съ маменькой, старшимъ братомъ женатымъ и моими книгами, сказалъ мнѣ Condammu, и вотъ наша единственная *рабыня*, продолжалъ онъ шутя, указывая на расторопную, наемную прислужницу.

Я провелъ почти цѣлый день и чуть ли не въ первый разъ среди французскаго семейства. — Хозяйка дама старушка въ корсетѣ, чепцѣ, букляхъ, немножко нарумянившись (безъ всего этого нельзя найти французенку даже и девяностолѣтнюю) съ добродушіемъ русской хозяйки и любезностью французской дамы угостила отличнымъ, сытнымъ обѣдомъ, чуднымъ виноградомъ, персиками, абрикосами; напоила превосходнымъ виномъ и какъ все это дешево въ благословенной сторонкѣ!

Жители Ла-Рошеля имѣютъ одно *пьяное кафе*, въ которое и я не преминулъ отправиться въ сопровожденіи добрыхъ знакомыхъ: четверо дѣвушекъ, всѣ сестры, со скрипками въ рукахъ, составляли хоръ, отецъ игралъ на басу, пятая дочь пѣла куплеты да чувствительные романы, двое юношей являлись на подмосткахъ въ различныхъ маленькихъ сценахъ. Комическіе таланты французскихъ актеровъ дѣйствительно необыкновенны. На берегу Атлантическаго океана, въ мирной Ла-Рошели я встрѣтилъ — и именно въ этомъ кафе, юношу, который съ поразительнымъ искусствомъ, перемѣняя голоса, представилъ множество типовъ разнощиковъ, разнощицъ и всякаго рода парижскихъ торговцевъ.

Разсказчики отдѣльныхъ народныхъ сценъ, появившіеся у насъ недавно, здѣсь попадаютъ въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ кафе-шантанъ и для этихъ актеровъ третьей руки существуетъ цѣлый отдѣлъ литературы, если не слишкомъ богатый богатствомъ содержанія, то замѣчательный количествомъ произведеній.

V.

Рошфоръ. Августа 9-го 1859 года.

Когда отправитесь въ Рошфоръ, смѣло вѣрьте вашему гиду: это дѣйствительно городокъ одинъ изъ лучшихъ во всей Франціи. Его широкія улицы, большія площади, тѣнистыя аллеи, не-

обыкновенная чистота водостоковъ, прекрасный воздухъ — все вмѣстѣ дѣлаютъ пребываніе въ Рошфорѣ чрезвычайно приятнымъ *). Расположенный въ шестнадцать километрахъ отъ моря, почти въ устьѣ рѣки Шаранты — рѣки, въ которую совершенно свободно входятъ большія суда, онъ имѣетъ прекрасный портъ, который годъ отъ году получаетъ больше значенія, въ торговомъ и военномъ отношеніи.

Я не безъ любопытства осматривалъ этотъ портъ: входъ въ него открытъ всѣмъ и каждому, съ обязательствомъ только осматривать мастерскія въ сопровожденіи проводника. Болѣе часа надо употребить на то, чтобъ обойти все обширное пространство, на которомъ раскинулись всѣ заведенія: столярни, кузницы, точильни, канатныя фабрики, доки — болѣе восьми громадныхъ судовъ въ закладкѣ, почти 4000 работниковъ трудятся здѣсь ежедневно. Одинъ портъ — это обширный городъ и что за трудъ, что за дѣятельность кипятъ въ немъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Впрочемъ, кто впадетъ наши порты, наши казенныя мастерскія, наши превосходные арсеналы и литейные дворы, тотъ не придетъ въ безграничный восторгъ отъ заведеній рошфорскаго порта. Надо отдать справедливость: наши заведенія подобнаго рода безупречны, образцовы во многихъ отношеніяхъ, но вотъ вопросъ: многіе ли изъ насъ русскихъ посѣщали эти образцовыя учрежденія, всегда ли, такъ ли удобно получить дозволеніе ихъ видѣть? По этому поводу нельзя не сдѣлать маленькаго замѣчанія: почему въ самомъ дѣлѣ нашей публики не совсѣмъ доступны наши музеумы, картинныя галлерей и проч. Почему, напримѣръ, чтобы получить право входа въ эрмитажъ петербургскій, надо отправиться въ какую-то контору, отыскать какого-то чиновника, которому надо отвѣсить поклонъ, да другой, а онъ взглянетъ на васъ прилично-ли вы одѣты, да благоволятъ дать билетъ. Съ билетомъ еще не все кончилось: вы, буде штатскій, облакаетесь во фракъ, бѣлые перчатки etc.; буде военный, приказываете деньщику подать себѣ мундиръ, надѣваете эполеты, не забываете каску, непременно каску, въ шапкѣ нельзя; вошли, росписываетесь у швейцара.... А зипунъ, а сибирка, а

---

*) Позднѣйшія статистическія свѣдѣнія показываютъ, что примѣры долгого житія здѣсь чрезвычайно часты. Смертность ничтожная: такъ съ 1844-го года по 1853-й среднимъ числомъ приходится одинъ покойный на тридцать шесть человѣкъ. За это же время средній выводъ жизни здѣшнихъ жителей былъ тридцать два года и девять мѣсяцевъ.

солдатская шинель могутъ они видѣть нашу роскошную картинную галерею. Нѣтъ, — да и за чѣмъ?

Смѣшно мнѣ было, когда concierge рошфорскаго музеума въ портѣ съ удивительною гордостью и хвастливостью водилъ меня по небольшой залѣ, показывая модели кораблей, разныхъ судовъ, машинъ и разныхъ снарядовъ, относящихся къ морскому дѣлу. Нѣтъ сомнѣнiя, что не одинъ русскiй путешественникъ (буде таковыя появлялись здѣсь, ибо для насъ русскихъ Парижъ цѣль путешествiя, Парижъ—это Францiя), такъ не одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ восхищался этимъ музеумомъ, а многiе ли изъ нихъ осматривали богатѣйшiй музеумъ морскаго кадетскаго корпуса въ С. Петербургѣ? Музеумъ — безспорно занимающiй мѣсто вряду лучшихъ европейскихъ музеумовъ, и въ послѣднее время, при глубоко просвѣщенномъ начальникѣ морскаго министерства, особенно обогатившiйся.

А все отъ чего? Не оттого, что у насъ русскихъ нѣтъ еще любознательности, а оттого, что и здѣсь пустая формальность полагаетъ не одно препятствiе. И купчикъ съ бородкой, и мѣщанинъ въ зипунѣ, крытомъ сукномъ, и солдатикъ — они же прохаживаются ежегодно по заламъ академической выставки? А загляните въ публичную библiотеку — какiя разнородныя лица ходятъ за г. Коссовичемъ, внимательно слушая его указанiя на важнѣйшiя достопримѣчательности каждой залы. А многiе ли видѣли у насъ румянцовскiй музеумъ, музеумъ горнаго корпуса, академическую библiотеку, музеумъ медико-хирургической академiи, кунсткамеру, нѣкоторые дворцы, внутренность биржи, монетный дворъ и многiе другiе общественные памятники: тамъ извѣстный день для осмотра, тамъ извѣстное время года, тамъ какой-то билетъ, тамъ фракъ либо эпoletы....

Разговаривая съ однимъ изъ русскихъ, я замѣтилъ почему бы у насъ не завелись балаки для народа, пѣвучiя кофейни, народные, небольшiе, но дешевые театры и проч. и проч. — что такъ хорошо во Францiи, и что такъ много способствуетъ развитiю народа, смягченiю его нравовъ, развитiю его вкуса, отдаляетъ его отъ развратно-пьянаго убиванья досужаго времени. «Но помилуйте, отвѣчалъ мнѣ русскiй, нашъ народъ еще такъ дикъ, такъ загрубѣлъ, что онъ непременно обратилъ бы всѣ эти удовольствiя во что-то пошлое и омерзительное.»

Но если эти невинныя удовольствiя опасны для русскаго человека, если для всего Петербурга опасно имѣть болѣе нежели

два театра, то разумеется заурядъ вреденъ и свободный доступъ въ наши музеумы.

— Что это за корабль? спросилъ я, указывая на одно старое судно, желая прервать разсужденія проводника.

— А это старый адмиральскій корабль, да теперь онъ служить мѣстомъ тюрьмы для офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и другихъ чиновъ морской службы. И въ настоящую минуту посаженъ сюда лейтенантъ на тридцать дней на хлѣбъ и воду, но надо думать, что его освободятъ пятнадцатаго августа.

— За что же онъ арестованъ?

— Да какъ вамъ сказать, за маленькую ссору съ своей метрессой. Какъ и въ Парижѣ, здѣсь всякой обзаводится любовницей разныхъ достоинствъ, — смотря потому сколько онъ можетъ на нее расходовать: вся разница съ Парпжемъ въ томъ, что здѣсь нельзя мѣнять такъ часто любовницъ, что ихъ трудно достать, и что поэтому вѣрность взаимная здѣсь иногда возможна. Но надо вамъ сказать, что одно и то-же, да одно и то-же.... одинъ хлѣбъ прѣдается.... такъ для разнообразія любовники ссорятся, расходятся, бранятся, снова мирятся, съ тѣмъ однако, чтобы вновь поссориться. Ссоры эти отъ маленькой сцены доходятъ до страшной бури, все зависить отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ; такъ и случилось на этотъ разъ: въ жару ссоры, красавица пустила тѣмъ-то въ своего пріятеля, да и бросилась бѣжать, тотъ за нею, на улицу, на площадь, безъ мундира, съ саблей—догналъ на площади, отвѣсилъ нѣсколько полновѣсныхъ вухтелей; за тѣмъ былъ приглашенъ предъ трибуналь, откуда отправился сюда въ тюрьму.

А кстати вотъ нашъ трибуналь для военныхъ.

Я вошелъ въ довольно большую залу; она раздѣлялась на двѣ части—въ одномъ концѣ висѣло распятіе, подлѣ стоялъ бюстъ Наполеона, стоялъ президенской стулъ и шесть стульевъ для судей; столикъ для дѣлопроизводителя, прокурора.... здѣсь нѣтъ только мѣсть для присяжныхъ; скамья обвиненныхъ; въ другомъ концѣ залы мѣста для зрителей; подлѣ залы небольшая комната съ большимъ круглымъ столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ. Здѣсь-то произносятся приговоры, здѣсь совѣщаются безпристрастные судья въ то время какъ обвиненный нерѣдко съ неопытнымъ страхомъ ждетъ роковой мируты.... Самому неопытному, самому несвѣдущему человѣку легко понять какъ высоко здѣшнее судопроизводство при полной гласности, при всевозможныхъ средствахъ, которыя имѣетъ обвиненный на своей стѣ-

ронѣ, при отсутствіи *личности* со стороны судей, которыхъ съ президентомъ семь.... По обыкновенію я не могу не взглянуть при этомъ назадъ къ намъ; но позвольте оговориться. Многие изъ нашихъ читателей и читательницъ, читая статьи, рассказы, стихи и прочія произведенія, въ которыхъ хвалили многое иностранное и выставяли дурное въ Россіи говорили: «къ чему это, за чѣмъ? Съ какой цѣлью находить все скверное только у насъ, о немъ только и говорить, его раскапывать, его обнаруживать.... это презрѣніе, эта ненависть къ всему родному, это недостойное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ.» Да, мы не разъ слышали эти замѣчанія въ разное время, отъ разныхъ лицъ по поводу различныхъ произведеній въ той или другой формѣ, принадлежащихъ къ обличительной литературѣ. И какъ несправедливы эти замѣчанія! Повторяемъ мысль одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей: «не ненависть и презрѣніе руководитъ перомъ нашихъ обличителей.... по большей части доброе чувство, любовь и любовь теплая къ Россіи побуждаетъ ихъ, такъ или иначе, съ большимъ или меньшимъ талантомъ и умѣньемъ обнаруживать язвы нашей отчизны. Эта любовь, повторяемъ, но любовь наизнанку.» И такъ подъ ея прикрытіемъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу рошфорскаго трибунала военнаго суда о нашемъ военномъ судопроизводствѣ. Еще на нашей памяти какъ велись дѣла въ ордонанстаузѣ (давно уже это было). Сидитъ въ военно-судной комнатѣ старичекъ генералъ, дремлетъ онъ въ президентскихъ креслахъ, нюхаетъ табакъ время отъ времени, чтобы отогнать сонъ, подлѣ него сидятъ ассесоры суда, т. е., шесть, восемь офицеровъ разныхъ полковъ, разныхъ чиновъ. Они явились сюда по наряду, они заняли эти кресла ради формальности, они скучаютъ, какъ скучаютъ всякимъ нарядомъ, они не понимаютъ дѣла, да тѣ, которые по старѣе и не берутъ на себя труда разобрать дѣло: къ чему-де, наше дѣло только подмахнуть нашу фамилию съ завиточкомъ всюду, гдѣ укажетъ аудиторъ. Кто помозоже, да понавнѣе проситъ прочесть дѣло. Аудиторъ даетъ съ неудовольствіемъ или насмѣшливой улыбкой, торопитъ юнаго прапорщика или подпоручика — ех-судью. И тѣтню юноша, по наряду полковой канцеляріи сдѣланный судьей, старается понять что-нибудь въ толстомъ, претолстомъ дѣлѣ.... итакъ хлопочетъ, суетится одинъ аудиторъ. Онъ допрашиваетъ, онъ приговариваетъ, онъ громоздитъ на бумагу выписки изъ законовъ и дѣло идетъ.... хорошо если подсудимый имѣетъ деньги, значеніе, и скверно, если это голякъ по молодости

и неопытности прокутившій нѣсколько десятковъ рублей, не ему принадлежащихъ.

Какъ теперь помню: нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ ассесоромъ по дѣлу одного полковника, безцеременно обходившагося съ кадровыми магазинами вѣреннаго ему резервнаго батальона. Опытный аудиторъ велъ дѣло лихо: факты говорили всѣ противъ полковника — спасти его не было возможности, и ассесоры не безъ изумленія выслушали приговоръ лишить полковника крестовъ, чиновъ и зачислить въ солдаты безъ выслуги. — Однако какъ не виновать подсудимый, но наказаніе изъ рукъ вонъ строго, сказалъ я аудитору, разумѣется послѣ засѣданія, ибо въ продолженіе его прапорщикъ ассесоръ не смѣлъ разпнуть рта въ присутствіи г-на президента генерала. — «Да-съ, оно стротовато, успокоительно отвѣтилъ аудиторъ, но вѣдь вы не понимаете тайныя причины-съ: все въ пользу подсудимаго сдѣлано, у него дядя дивизионный, онъ уже представилъ приговоръ къ смягченію отъ высшихъ властей и увидите...» Дѣйствительно я встрѣтилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя полковника: онъ долженъ былъ только выдти въ отставку.

Въ одномъ зданіи съ военно-судной залой въ Рошфорѣ, залой, которая навела меня на вышепозложенныя мысли, помѣщается большая бібліотека; пять тысячъ томовъ, ее составляющихъ, исключительно посвящены морскому искусству, путешествіямъ и проч. Вообще прекрасный городокъ Рошфоръ обладаетъ многими учрежденіями чрезвычайно замѣчательными, которыхъ большая часть принадлежитъ морскому вѣдомству: изъ нихъ здѣшній морской госпиталь по общему мнѣнію путешественниковъ принадлежитъ къ числу лучшихъ заведеній сего рода въ Европѣ! Восемнадцать залъ — чистыя, свѣтлыя, просторныя, заняты тысячу триста кроватями, всѣ онѣ устроены съ необыкновеннымъ искусствомъ: всѣ надѣлены механизмомъ, посредствомъ котораго можно приводить ихъ въ положеніе болѣе удобное для больного; всѣ заведенія при госпиталѣ — кухни, прачешныя, сушильни, кладовыя бѣлья и особенно послѣднія, въ высшей степени замѣчательны: такъ все удобно, такъ хорошо, что вы не удивляетесь, если вамъ скажетъ французскій солдатъ: «я не боюсь госпиталя, тамъ употребятъ всѣ старанія къ моему выздоровленію.» А почему же у насъ — вѣдь та-же чистота, паркетъ, мраморъ, а нашъ солдатикъ боится госпиталя болѣе чумы? потому, извольте видѣть, что ему вѣдомы подвалы куда стаскиваютъ ежедневно изъ всѣхъ палатъ госпиталя покойниковъ

и кладутъ ихъ sans chemise на общія нары съ билетикомъ, воткнутымъ между ножныхъ пальцевъ: на билетикѣ написано имя покойнаго; облачаютъ его на другую ночь въ какую-нибудь куртку, да башмаки, голенищи изъ экономіи сберегаютъ, и везетъ госпитальная фура нѣсколько гробовъ по утреннему холоду.... А тамъ въ полтавской, тобольской и другой какой-нибудь губерніи какая-нибудь Марьюша ждетъ своего Петра, дивится что нѣтъ отъ него вѣсточки, не знаетъ жена-ль, аль вдовица она, да благодаритъ Господа-Бога, что уже нынче времена-то хороши, не возьмутъ отъ нея по седмому году ея единственнаго Андрюшу.

Но съ нашими постоянными отступленіями, мы никогда не покончимъ съ достопримѣчательностями Рошфора — а ихъ много. Будете здѣсь, осмотрите богатѣйшій арсеналъ въ которомъ болѣе тысячи двухсотъ ружей sont rangés avec une coquetterie admirable. Нельзя не подивиться ботаническому саду, существующему уже съ 1740 года и богатому самыми разнообразными породами растений. Еще лучше публичный садъ: для такого маленькаго города какъ Рошфоръ онъ рѣшительно роскошь необыкновенная. Представьте себѣ нашъ лѣтній садъ въ маленькомъ городкѣ, имѣющемъ около двадцати тысячъ жителей!

Не смотря на ничтожность числа населенія, городъ имѣетъ три публичныя бібліотеки и четыре кабинета для чтенія. Эти цифры не маловажны для характеристики города, исторія котораго описана въ пяти или шести сочиненіяхъ, составленныхъ обстоятельно и добросовѣстно.

М. С.

Общественная жизнь въ Петербургѣ.

Гласность. — Жалобы на кухарокъ, лавочниковъ и зубныхъ врачей. — Жалобы супруга. — За чтѣ можно иногда попасть въ острогъ. — Популярность А. С. Пушкина. — Чтѣ дѣлаютъ различныя компаніи и ихъ десятники. — Нѣсколько словъ о томъ, какъ прежде чинили дороги. — Истинный любитель балета и излишняя услужливость. — Иллюминація и нѣкоторыя приключенія. — Гонка яликовъ на Невѣ. — Балъ въ дворянскомъ собраніи. — Шамиль и его семейство. — Сюжетъ для драмы. — Водевиль. — Французская трупа въ конномъ циркѣ. — Новости драматической литературы. — Новыя книги.

Долго сидѣла красная дѣвица въ заперти; не позволено было ей и носа показать на свѣтъ Божій. Долго някто и въ глаза

не видавъ эту красную дѣвицу; многіе не подозрѣвали ея существованія. Наконецъ, пришло такое время, что выпустили ее на волю. Какъ вышла она, какъ поглядѣла кругомъ.

Господи! сколько дѣла-то, дѣла-то сколько! на что ни взгляни, до чего ни коснись, все, словно заброшенный садъ, поросло крапивой и другими негодными травами. Долго и много придется полоть....

Красную дѣвицу почти всѣ встрѣтили радостно, не обращая вниманія на тѣхъ, которые сильно нахмурились и глядятъ на нее изъ подлобья

— Къ намъ, къ намъ въ помощь! раздается со всѣхъ сторонъ, и бѣдная дѣвица не знаетъ куда кинуться.

Зовутъ ее туда порой, гдѣ она и ненужна вовсе; тормошатъ ее безцеремонно и безжалостно; задаютъ ей такую работу, до которой не слѣдъ бы ей и дотрогиваться; а между тѣмъ, дѣло, истинное ея дѣло, лежитъ себѣ да лежитъ....

Если вы имѣете привычку читать наши газеты, то легко поймете, что красною дѣвицею называю я гласность, бѣдную гласность, которую рѣшительно затормозили мои почтенные собраты и благородные сограждане. Одинъ обращается къ гласности съ трогательнымъ разсказомъ о томъ, что супруга его имѣла неприятность смѣнить въ одинъ день, представьте себѣ: въ одинъ день, восемь кухарокъ. Другой жалуется, что лавочникъ отпускаетъ ему въ долгъ, о! ужасъ! дурное ламповое масло. Третій коритъ и обличаетъ злонамѣреннаго зубнаго врача, который, выдернувъ ему больной зубъ и вычистивъ здоровье, заломилъ непопозволительную цѣну.....

Боги! заступитесь за гласность! вѣдь этакъ ее вгонять въ чаютку. Вѣдь она такимъ образомъ погибнетъ во цвѣтѣ лѣтъ. Неужели этой, только что выпущенной, затворницѣ только п дѣла, что докладывать почтеннѣйшей публикѣ о коварствѣ кухарокъ, лавочниковъ и зубныхъ врачей. Пожалуй найдется охотникъ объявить публично, что камердинеръ его дурно чиститъ сапоги и волочится за горничной изъ сосѣдняго дома. Я только и жду этого, статья будетъ носить громкое заглавіе, наирягѣрь: *Нѣсколько словъ о пренебреженіи къ исполненію своихъ обязанностей и безправственности нашей прислуги* и возбудитъ жаркую полемику. Я знаю одного мужа, который намѣренъ пожаловаться публикѣ на непреодолимую холодность своей супруги.

— Я — рассказываетъ этотъ супругъ — недавно укорялъ мою жену въ холодности. Что ты, душечка, говорю ей, обходящися

со мной такъ холодно; всегда со мной точно чужая, все *сы* да *сы*, хоть бы разъ, говорю, употребила дружеское *ты*. А она ниѣ на это: ступай, говорить, ты вонъ! каково?....

И такихъ исторій наберется вѣдь не мало; но будто до нихъ есть какое-нибудь дѣло гласности? Будто передъ нашими глазами не совершается кое-какихъ грѣшковъ посерьезнѣе супружеской холодности и коварства зубныхъ врачей. Намъ не мѣшало бы обратить вниманіе на то, что дурно именно у насъ, а зубные врачи, надо полагать, вездѣ коварны, равно какъ и лавочники, отпускающіе въ долгъ. У насъ творятся еще такіа чудеса, какихъ я думаю нигдѣ не увидишь.

Недавно, напримѣръ, одного извѣстнаго собирателя русскихъ пѣсенъ посадили въ Исковѣ чуть ли не въ острогъ, и, какъ бы вы думали, за что?... за то, что онъ былъ въ русскомъ кафтанѣ. Вотъ такъ милое происшествіе. Пріятно посвятить себя труду и науки и попасть въ острогъ. И такіа вещи дѣлаются въ 200-300 верстахъ отъ Петербурга. Да ужъ если пошло на правду, такъ и въ Петербургѣ встрѣчаются хорошіе гуси. Мнѣ рассказывалъ недавно одинъ изъ моихъ пріятелей слѣдующее:

— Ъхалъ я нынчѣ лѣтомъ на полюстровскомъ пароходѣ, подлѣ меня офицеръ; вотъ, говорю я, указывая на извѣстный домъ на гагаринской набережной, здѣсь жилъ когда-то Пушкинъ.

— Какой Пушкинъ? спрашиваетъ офицеръ.

— Александръ Сергѣевичъ — отвѣчаю я.

— Не знаю, говорятъ офицеръ, я такого; знаю только бывшаго командира полка, а другаго Пушкина никакого не знаю.

Честь имѣю поздравить и Пушкина и офицера.

Если обратиться къ текущимъ новостямъ нашей прелестной столицы, прежде всего приходится сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сюрпризахъ, которые приготовлены компаніями водопроводовъ и гасоваго освѣщенія и которые всякую ѣзду по петербургскимъ улицамъ обращаютъ въ скачку, съ довольно опасными препятствіями. Опасности эти довольно разнообразны. Во-первыхъ, чрезвычайно легко столкнуться экипажу съ экипажемъ и, при стараніи разѣхаться, попасть въ канаву или опрокинуться. Во-вторыхъ, ночью, за неимѣніемъ спасительныхъ маяковъ, т. е. фонарей, легко заѣхать въ такую трупобу, изъ которой трудно выбраться съ цѣлою головою или по крайней мѣрѣ съ неполоманными членами. Въ-третьихъ, сохрани васъ Господи

остановится у канавы, вотъ въ поученіе произшествіе, разсказанное въ одной изъ нашихъ газетъ:

«3-й адмиралтейской части, 4-го квартала, отставной рядовой Михайло Малковъ, 7-го сентября, проходя по гороховой улицѣ, остановился, изъ любопытства, у вырытой канавы для газовыхъ трубъ; при чемъ десятникъ при работахъ, крестьянинъ Иванъ Будаевъ, безъ всякой причины, ударилъ его въ грудь, такъ что онъ упалъ въ канаву и ушибся. Малковъ отправленъ въ Обуховскую больницу....

И это не единственный случай нахальства и дерзости десятниковъ и рабочихъ новыхъ компаній, которой именно — незнаю. Мнѣ разсказывали еще такую продѣлку. У какого-то дома стали рыть канаву, такъ что изъ воротъ нельзя было проѣхать на улицу. Чей-то кучеръ, выѣзжая, замѣтилъ это неудобство десятнику. Десятникъ обругалъ его; кучеръ настаивалъ на справедливости сдѣланнаго имъ замѣчанія. Тогда храбрый десятникъ подлетѣлъ къ кучеру и презрѣдно поколотилъ его....

И почему только теперь, когда всѣ, съ дачъ и изъ деревень, съѣхались въ городъ, началось копаніе улицъ?... Можетъ быть изъ экономіи, лѣтомъ рабочіе дороже чѣмъ осенью; но будто интересы нѣсколькихъ лицъ, положимъ даже и очень авжныхъ, выше общественныхъ интересовъ? На какомъ основаніи десятники компаній получили привилегію разбойничать посреди бѣла-дня? По моему такое нахальство и самоуправство во сто кратъ хуже коварства кухарокъ, завочниковъ и зубныхъ врачей; тѣ, по крайней мѣрѣ, не дерутся.

Заговоривъ о попорченныхъ путяхъ сообщенія, я невольно припоминаю старину. Одинъ почтенный старпчокъ, разсказывая мнѣ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, говорилъ между прочимъ:

— Въ наше время все было проще, все гораздо проще. И начальство обходилось, такъ сказать, по отечески, призоветъ виновнаго, да келейно, своимъ судомъ, никто и не узнаетъ, все шито да крыто. Вотъ, къ примѣру, былъ у насъ начальникъ, князь Борисъ Петровичъ — человекъ горячій, у! какой горячій, да за то ужъ и жаловать умѣлъ. Бывало какъ поѣдетъ по губерніи, такъ всѣхъ лихорадка бьетъ. Замѣтитъ, напримѣръ, что гдѣ нибудь тамъ дорога не исправлена, такъ онъ что дѣлаетъ.... Поди-ко, крикнетъ, сюда, кому слѣдуетъ; поди, анаема! ухватитъ его за волосенки да мордой-то, мордой, въ испорченное мѣсто.... ну, ужъ, за то и дороги были — любо-дорого прокатиться!...

О! прекрасное старое время!

Кстати, на дняхъ одинъ изъ любезнѣйшихъ моихъ собратовъ также нѣкоторымъ образомъ ударился въ старину. Это случилось по поводу дебюта новой танцовщицы г-жи Розатти. Любезнѣйшій собратъ мой, имени и отчества не знаю, оплакалъ вскозъ упадокъ нашего балета, упомянулъ съ признательностью имя Дядю и прибавилъ, что европейская извѣстность нашего балета, прибрѣтенная имъ *когда-то*, кажется въ настоящее время не совсѣмъ основательною, что балетъ нашъ ничто иное, какъ эквилибрестическія и гимнастическія представленія. За этимъ историческимъ очеркомъ балетнаго искусства, собратъ мой приступилъ къ дѣлу, а дѣло-то, изволите видѣть было вотъ въ чемъ. Надо было объяснить почтеннѣйшей публикѣ, принявшей новую танцовщицу довольно холодно, что ты-де почтеннѣйшая публика поступила несправедливо, у тебя вкусъ испорченъ, г-жа Розатти такая танцовщица, какой не бывало да, можетъ быть, и не будетъ никогда, появленіе ея есть праздникъ для истинныхъ любителей балета (Маниловъ говорилъ: *праздникъ сердца*), она нѣкоторымъ образомъ то-же, что *просвѣтляющій свѣтъ истины* (вотъ оно куда пошло)... она произведетъ переворотъ не только во взглядѣ публики на балетное искусство, но и во взглядѣ на него самой балетной труппы.... Просто, за человѣка страшно!..

И пускай бы себѣ собратъ мой объявлялъ все это публикѣ, пускай бы утверждалъ, что у г-жи Розатти ножки совершенство, которымъ бы позавидовала Діана-звѣроловительница; что полна она, но на столько, на сколько допускаютъ полноту самые строгіе законы изящнаго. Все это, какъ говоритъ И. Ѳ. Горбуновъ, при немъ бы и осталось. Но, вотъ въ томъ-то и бѣда, что поклонникъ новой знаменитости для ея возвеличенія избралъ не совсѣмъ хорошее средство. Онъ вздумалъ унижить все, что окружаетъ новую танцовщицу, и такимъ образомъ доставить ей незавидное преимущество рака на безрыбьи.... Ай, да услужливый другъ!

До появленія г-жи Розатти, по мнѣнію ея поклонника, петербургская балетная сцена представляла дикій, непроходимый лѣсъ, въ которомъ танцовщицы *избавались кольцомъ, поджигали подъ себя ноги въ полетъ аршина на два отъ сцены, ходили на двухъ пальцахъ, кожа лопалась у нихъ на мускулахъ и изъ башмаковъ кровь лилась ручьями, окрашивая чулки и трико* (какъ еще никто не утонулъ), *танцовщицы зныживались, какъ замятые лошади, а*

блѣдые истинные любители смотрѣли, скрѣпя сердце, на эти эксцентрическія и гимнастическія представленія....

Боги! и все это дѣлалось въ просвѣщенной столицѣ, и полиція не прекратила такихъ ужасовъ, дирекція ничего не замѣчала, публика ничего не видала и рукоплескала г-жамъ Прихуновой Муравьевой, Лебедевой, и другимъ; наконецъ, самъ-то истинный любитель и мой собратъ, который видѣлъ всѣ эти ужасы, что же онъ молчалъ? Вѣдь это преступленіе! кровь льется ручьями, танцовщицы изгибаются кольцомъ, запыхиваются какъ загнанныя лошади, и онъ, истинный любитель, сидитъ себѣ, да скрѣпя сердце, посматриваетъ, и только?...

Надо сознаться что вся статья, о которой идетъ рѣчь, написана бойко и напоминаетъ рассказы тѣккереевскаго маіора Гагана. *Истинный* любитель если разговорится, такъ ужъ непременно заговорится. Положа руку на сердце, и вы, мой любезнѣйшій собратъ, разговорились.... По вашему въ нашей балетной группѣ нѣтъ ни одной мимической актрисы? А не случилось вамъ видѣть г-жу Прихунову въ пересозданной ею роли *Лизы* въ «Тщетной предосторожности», гдѣ эта даровитая артистка умѣла такъ искусно соединить кокетливую женственность игры съ идеальной граціею танцевъ? не случилось вамъ видѣть г-жу Лебедеву въ *Эсмеральдѣ*, напоминающую своею игрою незабвенную Фанни Эльслеръ? не случилось видѣть г-жу Рюхну въ сценѣ магнетизма въ «Мраморной красавицѣ», г-жу Петипа въ роли Марты въ «Фаустѣ»?... Если не случилось — посмотрите....

Вы нападаете на самые балеты послѣдняго времени, слѣдовательно и на балеты г. Перро, но неужели вы, истинный любитель, не замѣтили, что они, именно со стороны высокой цѣннѣйшей вамъ пантомимы, безупречны. Развѣ вы не замѣтили, что всѣ мимическія сцены въ этихъ балетахъ требуютъ отъ артиста не избитыхъ эффектныхъ переходовъ отъ выраженія тихой грусти къ необузданнымъ порывамъ страсти, а мимики, поражающей естественностью, въ выраженіи болѣе тонкихъ оттѣнковъ чувства.... Вы, впрочемъ, въ концѣ вашей статьи нѣсколько сблизись, указывая, въ числѣ произведеній, достойныхъ дарованія г-жи Розатти, на балеты «Эсмеральда» «Четыре времени года» и «Стихи»... Вѣдь это произведенія г. Перро. Вы, можетъ быть, этого не знали?

Противу вашего мнѣнія, будто европейская извѣстность нашего балета не основательна, я могу, во-первыхъ, указать на всѣ статьи, какія писались о балетѣ въ той же газетѣ, гдѣ и вы

позволили отличиться, а во-вторыхъ, что еще важнѣе, на лестные отзывы о нашемъ балетѣ такихъ лицъ, какъ напимѣръ Тальони.... Вы, вѣроятно, согласитесь, что Тальони понимаетъ балетное искусство нѣсколько болѣе самыхъ истинныхъ любителей....

Но довольно о балетѣ, не любите ли вы иллюминацій?... Давайте говорить объ иллюминаціи 8-го сентября; вотъ тутъ ужъ дѣйствительно многимъ, я думаю, пришлось изгибаться кольцомъ, а у нѣкоторыхъ, можетъ быть, и кожа лопалась на мускулахъ.

8-го Сентября, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, праздновалось совершеннолѣтіе Наслѣдника Престола. Въ этотъ день съ часу пополудни началось гулянье на царпыномъ лугу. Огромная площадь была усѣяна различными палатками, шарманщиками, фокусниками, акробатами и толпами гуляющаго и нѣсколько подгулявашаго народа. Вечеромъ палатки украсились разноцвѣтными фонариками и, къ неудержимому восторгу гуляющей публики, сожженъ былъ великолѣпнѣйшій фейерверкъ. Въ это же время озарился и весь Петербургъ милліонами разноцвѣтныхъ огней. Невскій проспектъ, большая морская, англійская набережная, биржа, зданіе 1-го кадетскаго корпуса, адмиралтейство, главный штабъ, синодъ и сенатъ.... пересчитывать долго.... все было залито огнемъ. Годильо и Шишко соперничествовали. Годильо, да будетъ извѣстно иногороднымъ читателямъ, — французъ, выписанный *нарочито* для устройства иллюминаціи, доказалъ еще разъ, что славны бубны за горами. Онъ, говоря безпристрастно, не сдѣлалъ ничего особеннаго. Висячія въ воздухѣ люстры давно уже извѣстны петербуржцамъ по иллюминаціямъ Излера. Гирлянды, арабески и орлы его устройства ознаменовались только копотью, попортившею дома и вызвали очень удачное красное словцо въ «Искрѣ»:

«Корпорація маляровъ объявляетъ господину Годильо свою искреннюю признательность, за доставленіе имъ работы послѣ прошедшей иллюминаціи.»

Мнѣ удалось бросить на всю иллюминацію взглядъ à vol d'oiseau съ бельведера фотографическаго отдѣленія на главномъ штабѣ. Видъ великолѣпный въ полномъ значеніи этого слова. Мнѣ кажется, только на такомъ отдаленіи и можно любоваться иллюминаціею, вблизи весь рисунокъ пропадаетъ; вы видите только массу огня, и массу довольно безобразную, съ весьма рѣдкимъ включеніемъ. Если прибавить, что удовольствіе смотрѣть на иллюминацію вблизи неизбѣжно сопровождается давкою, толчками, а иногда и крупною бранью, то конечно никто не станетъ спо-

рять, что чѣмъ дальше, до пзвѣстной степени, отъ плюминаціи, тѣмъ лучше.

Въ толпѣ, двигающейся по улицамъ, совершалось много смѣшнаго и много грустнаго. Чего тутъ не было! Тутъ вырывались и крики физической боли и крики самолюбія; какой-то господинъ придавленный къ стѣнѣ дома, съ примѣрною наивностью, крикнулъ:

— Господа! дайте пройти!...

Купецъ, необычайной толщины, должно быть подрядчикъ и шутникъ, кричалъ:

— Ой! батюшки! не въ ту комиссію попалъ!...

Въ одномъ углу пицали дѣти, въ другомъ раздавалось отчаянное восклицаніе женщины:

— Господа! пощадите, я въ такомъ положеніи!...

Въ иномъ мѣстѣ, лицомъ къ лицу, сталкивалось двое задорныхъ господъ, словно два пѣтуха, и завязывалась исторія:

— Нельзя ли по-осторожиѣе, милостивый государь...

— Ну, ужъ не взыщите, здѣсь за каждымъ толчкомъ не угоняешься...

— Однакожь, можно быть по-вѣжливіе.

— Трудновато, а вотъ благоразуміе можно быть...

— Невѣжа!

— Болванъ!

— Ты не знаешь съ кѣмъ говоришь...

— Я съ дураками никогда не знакомлюсь.

Въ толпѣ раздается смѣхъ и новый натискъ уноситъ въ разныя стороны ссорящихся.

— Милостивый государь! какъ вы смѣете щипаться, я не какая-нибудь...

— Это и видно.

Новый смѣхъ, новый натискъ и неудовольствіе прекращается въ самомъ началѣ.

— Послушай, любезный! ты мнѣ въ карманъ загѣзъ...

— По ошибкѣ, сударь, ненарокомъ; мнѣ чужаго не надо...

— Ай, ребенка задавили! Ай, батюшки,дохнуть не могу! — Не толкайся ты, мужланъ; эка чернь проклятая! — Полно, баринъ, не горячись, печенка лопнетъ! — Ура!... Тысячу подобныхъ восклицаній сливаются въ одинъ неопредѣленный гулъ и составляютъ у насъ неотъемлемую принадлежность всякой толкотни, всякаго народнаго гулянья. Давка была страшная, дѣло доходило даже до смертныхъ случаевъ. У полицейскаго моста

обрушились перила и нѣсколько десятковъ человѣкъ полетѣло въ канаву... По поводу этого печальнаго происшествія, въ которомъ, впрочемъ, никто не виноватъ, я позволю себѣ еще разъ обратиться къ «Искрѣ». Тамъ представлены обрушившіяся перила, падающій въ канаву мужичокъ и стоящій на мосту блюститель общественнаго порядка и благочинія, подъ картинкой подпись:

«— Самъ виноватъ, дуракъ! Извѣстное дѣло — перила на мостахъ не за тѣмъ сдѣланы, чтобъ на нихъ облакачиваться.»

Странно отчего не прибѣгаютъ у насъ до сихъ поръ къ самому простому средству избавляться отъ давки при иллюминаціяхъ, т. е., не пускать экипажей по главнымъ улицамъ. Охотники или истинные любители иллюминацій, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ согласятся прогуляться по городу пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что имъ, за отсутствіемъ экипажей, будетъ и просто и покойно...

Въ этотъ же день была гонка ялботовъ и яликовъ на Невѣ; вотъ что сказано объ этомъ въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи»:

«На основаніи правилъ, составленныхъ по приказанію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, производилась, 8 сентября, осенняя гонка между невскими ялботами и яликами, вверхъ по рѣкѣ Большой Невѣ, между Петербургскимъ и Дворцовымъ мостами, и началась въ половинѣ третьяго часа пополудни. Изъ явившихся на состязаніе въ яликахъ и на ялботахъ выиграли: на яликахъ первымъ Иванъ Александровъ, Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда, крестьянинъ г. Воейкова, получившій и въ весеннюю гонку нынѣшняго года первый призъ. Вторымъ Николай Ивановъ Клычинъ, государственный крестьянинъ Вологодской губерніи, Тотемскаго уѣзда. Третьимъ Иванъ Степановъ, уроженецъ Тверской губерніи, оберъ-офицерскій сынъ(!). На ялботахъ первый призъ выиграли: Антонъ Васильевъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, и Петръ Ѳедоровъ, Смоленской губерніи, Юхновскаго уѣзда, крестьянинъ г. Воейкова. Яличники и ялботчики, равно строители судовъ: ялика Степановъ и ялбота Дребезговъ, согласно правиламъ гонки, получили награды. Скорость хода судовъ была: яликовъ пять минутъ сорокъ пять секундъ, ялботовъ четыре минуты пятьдесятъ пять секундъ.»

Какимъ образомъ оберъ-офицерскаго сына занесло въ перевошки?... Ужъ конечно главную роль тутъ играетъ гнусная бѣдъ-

ность, которая не позволила родителямъ Ивана Степанова дать своему сыну хоть какое-нибудь образованіе и... пошелъ онъ въ переводчики. Лучше, впрочемъ, быть переводчикомъ и выигрывать призъ, чѣмъ попасть въ число безграмотныхъ чиновниковъ и быть исключеннымъ изъ службы за взяточничество...

Празднество 8 сентября продолжалось и на другой день. Кромѣ уже отчасти описаннаго народнаго гулянья, торжество было ознаменовано большимъ обѣденнымъ столомъ при Дворѣ и блестящимъ баломъ въ дворянскомъ собраніи. Я не имѣлъ чести быть участникомъ этихъ удовольствій; но, для иногороднихъ моихъ читателей, могу сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ, заимствуя ихъ у фельетониста одной изъ нашихъ газетъ:

«Огромная зала Дворянскаго Собранія, украшенная живыми деревьями и цвѣтами, блистала тысячами огней съ девяти часовъ вечера до трехъ часовъ утра. Военные и придворные, залитые золотомъ мундиры смѣшались съ изящными нарядами дамъ, блестящихъ бриліантами; иностранные посланники и свиты ихъ, въ парадныхъ мундирахъ, придавали еще болѣе разнообразія этой чудесной картинѣ. Въ началѣ одиннадцатаго часа вступилъ въ залу Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, сопровождаемый Августѣйшими сыновьями своими и братьями съ ихъ супругами. Музыка заиграла польскій изъ «Жизни за Царя»; начались танцы; польскій смѣнился кадрилими; за кадрилими слѣдовали вальсы, польки, мазурка — и въ это время зала Собранія представляла такое оживленное зрѣлище, какое не всякому удается видѣть въ своей жизни. Балъ удался въ полномъ смыслѣ. Нечего говорить уже о роскоши угощенія: въ галереяхъ и боковыхъ залахъ стояли буфеты, блестяшіе серебряною и золотою посудой и предлагавшіе гостямъ всякаго рода прохладительное — фрукты, мороженое, конфекты; ужинъ, накрытый въ залахъ и верхнихъ галереяхъ, ужъ не знаю, на сколько сотъ кувертовъ, отличался роскошью и отличною сервировкою; однимъ словомъ, петербургское дворянство на славу почествовало гостей своихъ такимъ вечеромъ, который на долго останется у нихъ въ памяти, какъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ, роскошныхъ, веселыхъ и наиболѣе удавшихся праздниковъ.»

Такъ отпраздновано совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника въ Петербургѣ; 10 сентября утромъ Императорская Фамилія уѣхала въ Царское-Село, гдѣ также не обошлось безъ гулянья и иллюминаціи.

Къ числу самыхъ животрепещущихъ петербургскихъ новостей принадлежитъ полученное здѣсь недавно телеграфическое извѣстіе: «Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ». Всѣ, отъ мала до велика, были одинаковы взволнованы и заинтересованы этою вѣстью: Шамиль въ плѣну; Шамиль будетъ въ Петербургѣ! Поднялись толки безъ конца. Одни серьезно разсуждали о значеніи покоренія восточнаго Кавказа, о новомъ сообщеніи, которое открывается между Европою и Азією; другіе заботливо освѣдомлялись куда дѣнутся жены Шамиля; третьи спрашивали какъ привезутъ Шамиля въ желѣзной кѣткѣ или въ обыкновенномъ экипажѣ... Въ книжныхъ магазинахъ появились портреты Шамиля, изданіе Мюнстера; не могу ничего сказать утвердительнаго о сходствѣ этого портрета съ оригиналомъ; но гляжу, однакожъ, на портретъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, припоминая, что Шамилю — шестьдесятъ два года отъ роду.

Газеты сообщили нѣкоторые біографическія данныя о плѣненномъ героѣ. Въ молодости, рассказываетъ г. Горійновъ, Шамиль продавалъ виноградъ нашимъ солдатамъ, потомъ попалъ въ мюриды и когда въ Гимрахъ почти всѣ они погибли съ Казимуллою, онъ, оставшись живымъ, увѣрилъ другихъ, что Казимулла, умирая, назначилъ его своимъ преемникомъ, и принялся проповѣдовать непримиримую вражду христіанамъ — русскимъ. Дѣйствуя чрезъ изувѣрство и фанатизмъ, Шамиль скоро усилился и варварства его начались: такъ въ Дарго, предъ приходомъ русскихъ, онъ разстрѣлялъ изъ пушекъ осьмнадцать человекъ нашихъ плѣнныхъ. Въ другомъ случаѣ засадилъ, безъ малѣйшей нужды, въ глубокую яму князя Орбеліани, со многими другими русскими и лишая ихъ почти воздуха, обходился съ ними хуже, чѣмъ съ *нечистыми животными* и т. д. Остановливаясь и переходя къ болѣе свѣтымъ извѣстіямъ о женахъ и семейныхъ отношеніяхъ Шамиля.

У Шамиля, по рассказамъ одной газеты, за достовѣрность которыхъ я, впрочемъ, не ручаюсь, три жены: Заиде, Шуанетъ и Аминета. Заиде — происхожденія татарскаго; ей двадцать девять лѣтъ и она считается первою женою, т. е. старшею. Всѣ дѣти и слуги Шамиля повинуются ей, какъ самому имаму. У нея въ рукахъ всѣ ключи и она главная хозяйка. Отъ этой жены Шамиль имѣетъ дочь — удивительной красоты и чрезвычайно-умную; только ноги у нея выворочены внутрь. Имя ея — Наважата. Второй женѣ, Шуанетѣ, тридцать-шесть лѣтъ. Она небольшого роста, съ лицомъ очень хорошенькимъ, но про-

стымъ. Шуанетъ — дочь богатаго армянина; двадцать лѣтъ назадъ, она, со всѣмъ семействомъ, попалась въ плѣнъ къ Шамилю. Армянинъ предлагалъ сто тысячъ выкупа, но Шамилю нравилась Шуанетъ и онъ изъявилъ согласіе выпустить ея семейство на волю не за сто тысячъ, а на условіи, чтобы молодая дѣвушка вышла за него замужъ. Шуанетъ согласилась и бракъ былъ заключенъ. «Шуанетъ» говоритъ Дюма — «ангель-хранитель плѣнниковъ и особенно плѣнницъ Шамиля. Княгини Чавчавадзе и Орбеліани нашли въ ней покровительницу, которая услаждала плѣнъ ихъ всѣмъ, что только было въ ея силахъ.» Наконецъ, третьей женѣ, Аминетѣ двадцать пять лѣтъ; она моложе и красивѣе двухъ первыхъ; но, увы, Шамиль оставилъ ее за безплодіе.

Вотъ все что я успѣлъ прочесть о Шамилѣ и что толкуютъ о немъ въ Петербургѣ. Рядомъ съ толками объ этомъ европейскомъ героѣ, въ Петербургѣ ходитъ довольно поучительный рассказъ о героѣ темномъ, никому неизвѣстномъ, но заслуживающемъ не менѣе участія.

Жилъ былъ, въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ, почтенный старпчокъ весьма приличнаго званія и ранга. Сей почтенный старецъ, кто Богу не грѣшенъ, покровительствовалъ сильно своей крѣпостной женщиной и ея сыну. Умирая онъ, т. е., сей старецъ покаялся въ прегрѣшеніи своей супругѣ и сказалъ ей, между прочимъ, слѣдующее:

— Матушка, Татьяна Сергѣевна (имя вымышленное) прости меня, виноватъ я передъ тобою, умираю и каюсь...

— Богъ тебя проститъ — отвѣтила добродушная Татьяна Сергѣевна; тогда умирающій старецъ продолжалъ:

— Я Матрену отпускаю на волю, а сыну, ея и моему, оставляю пять тысячъ рублей серебромъ; когда онъ вырастетъ, отдай ему эти деньги.

Старецъ вздохнулъ и перешелъ на лоно авраамова. Татьяна Сергѣевна, поплакавъ, похоронила невѣрнаго, но, впрочемъ, покаявшагося мужа; и скоро и сама послѣдовала за нимъ, оставивъ все имѣніе своему сыну, единственному наслѣднику съ просьбою отдать пять тысячъ незаконному братцу. Этотъ несчастный подростъ и былъ отданъ своимъ старшимъ братцемъ въ ученье, кажется, къ обойщику. Когда ученье его окончилось, добродѣтельный братецъ уже отличающійся на служебномъ поприщѣ, не только не отдалъ завѣщанныхъ старикомъ отцемъ пяти тысячъ; но возымѣлъ еще истинно благородное желаніе сдѣлать

незаконнаго брата своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ и опредѣлить къ себѣ въ конюхи. Несчастный молодой человѣкъ осмѣлился воспротивится этому желанію и тогда, по праву сильнаго, на него опрокинулся рогъ изобилія всякихъ гоненій и терзаній, которыя неизвѣстно чѣмъ и когда кончатся... Вы не подумайте, что все разсказанное мною истинное происшествіе... Нѣтъ, это просто содержаніе драмы, еще не оконченной....

За драмою слѣдуетъ водевиль:

Не давно я встрѣтился съ однимъ американцемъ, который только что пріѣхалъ сюда и очень мало знакомъ съ нашими нравами. Распросамъ небыло конца, я едва успѣвалъ удовлетворять его любопытству. За тѣмъ, и я, въ свою очередь, очень естественно, старался вызвать американца на разсказы о его отечествѣ. Мало-по-малу онъ разговорился и передалъ мнѣ очень много любопытнаго. Говорилъ онъ о многомъ и между прочимъ дѣло коснулось театра.

— У насъ, сказалъ американецъ, въ театрахъ не безъ грѣшка.

— А что? спросилъ я.

— Да такъ, директоры иногда творятъ непростительныя штуки....

— Напримѣръ? перебилъ я.

— Да вотъ, отвѣчалъ американецъ, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ сюда. Къ директору одного маленькаго театра явилась молоденькая, очень хорошенькая, но весьма не богатая артистка, съ просьбой о прибавкѣ ей содержанія. Какъ вы думаете, что отвѣчалъ ей директоръ?

— Не знаю.

— Онъ отвѣтилъ ей: съ большимъ удовольствіемъ, если вы согласитесь принять отъ меня квартиру, прислугу и экипажъ... вы понимаете что это значить?

— Понимаю.

— Такъ, стало быть, и у васъ случаются подобныя вещи?

— Никогда.

— Не можетъ быть?

Я побожился, но американецъ ни какъ не хотѣлъ вѣрить; какой странный народъ эти американцы!

Спектакли начались; но наслажденіе говорить о нихъ я оставляю до слѣдующей книжки; теперь скажу только, что французская труппа отличается въ деревянномъ зданіи новаго коннаго цирка. Зданіе это представляетъ въ настоящее время всѣ возможные неудобства и недостатки. Шумъ, сквозной вѣтеръ, холодъ и

другія прелести въ этомъ родѣ возбуждаютъ совершенно справедливое неудовольствіе публики; впрочемъ и дирекція невиновата: для шести труппъ у нея только двѣ сцены; въ такомъ положеніи трудно быть слишкомъ разборчивымъ.

Говорятъ, не знаю справедливо ли, что любителямъ русской драматической литературы готовятся сюрпризы въ видѣ трехъ новыхъ произведеній: Г. Островскій написалъ — «Темное царство;» Г. Сухово-Кобылинъ — «Смерть Кречинского;» князь Кугушевъ — «Приемышъ.»

Въ пополненіе моей болтовни о петербургскихъ новостяхъ я могу указать моимъ читателямъ на новости нашей литературы; вышли и продаются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, слѣдующія сочиненія:

Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть I. Дневникъ студента.

Начала политической экономіи, соч. Ивана Горлова.

Путешествіе на Амуръ, совершенное по распоряженію сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1855 году, Р. Маакомъ. Одинъ томъ, съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго и съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Изданіе С. Ф. Соловьева.

Шиллеръ, въ переводѣ русскихъ писателей. Часть VI. Изданіе Ник. Вас. Гербеля.

Въ запасѣ у меня остается еще огромное количество новостей; но вѣдь всего вдругъ не перескажешь; позвольте духъ перевести.

Е. МОЛЛЕРЪ.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ.

А. Докучаевъ приноситъ живѣйшую благодарность почтенному редактору газеты «Русскій Инвалидъ» и почтенному сотруднику его, В. П., во-первыхъ за прилежное чтеніе его статей; во-вторыхъ за безденежное напечатаніе объявленій объ исправномъ выходѣ книжекъ Русскаго Слова съ весьма лестнымъ сужденіемъ о самомъ журналѣ*); въ-третьихъ — и это главное, — за скорую и исправную росписку въ полученіи.

---

*) Читатели Русскаго Слова найдутъ его въ особомъ приложеніи.

Этимъ сердечнымъ изліяніемъ благодарности и слѣдовало бы покончить мнѣ объясненія съ почтеннымъ редакторомъ Русскаго Инвалида. Но благодарность — чувство столь же похвальное, какъ и защита угнетенной невинности; оно заставляетъ меня сказать еще нѣсколько словъ о «Литературной замѣткѣ», помѣщенной въ 190 № Русскаго Инвалида, чтобы выставить въ полномъ блескѣ первоклассныя достоинства этого образцоваго произведенія.

Къ сожалѣнію, похвалы вырываемыя у меня глубочайшею благодарностью, относятся собственно къ духу и направленію статьи. Въ ту литературную эпоху, которую мы переживаемъ, «Литературная замѣтка», по духу и направленію, составляетъ самое утѣшительное явленіе: Ѳаддей Венедиктовичъ скончался, оставивъ вакантнымъ мѣсто защитника угнетенной и гонимой добродѣтели... Но, скажемъ мы, утѣшая всѣхъ страждущихъ за правду, — лучи славы со свѣжей могилы *) Ѳаддея Венедиктовича падаютъ прямо на г. Лебедева и г. В. П. Пока будутъ живы они, не переведутся въ нашей журналистикѣ болгаринскія стремленія...

Если бы не промахи, происходящіе отъ незнанія самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ вещей, «Литературная замѣтка», образцовая по духу, была бы образцовою и по изложенію. Покорнѣйше просимъ г. Лебедева, если можно, исправить эти промахи: второе, исправленное изданіе «Замѣтки», мы напечатаемъ золотыми буквами и будемъ раздавать безденежно (какъ раздается одна знакомая г. Лебедеву брошюра).

А г. Лебедевъ не знаетъ весьма многого.

Не знаетъ г. Лебедевъ (или его почтенный сотрудникъ: это все равно) различія между вѣдомствомъ и правительствомъ. Не знаетъ, что такое гласное судопроизводство и смѣшиваетъ его съ обнародованіемъ защитительной записки, давая такой смыслъ простой полемической статьѣ.

Не знаетъ и военной исторіи. Знай онъ ее, онъ не потерялъ бы случая **) блеснуть своею ученостью, въ которой съ нимъ развѣ г. Затлеръ можетъ соперничать, — и прочитать мнѣ личное наставленіе.

*) Подражаніе Карамзину.

**) Мнѣ сказывали, будто спустя недѣлю по напечатаніи «Замѣтки» г. Лебедевъ замѣтилъ и исправилъ мою опіску. Ужъ не по телеграфу ли прислали ему эту поправку?

Не знаетъ г. Лебедевъ, что въ журналѣ отвѣтственность передъ публикою несутъ въ равной степени и редакторъ и сотрудники; иначе не сталъ бы онъ удивляться, что имя одного изъ редакторовъ Военнаго Сборника поставилъ я вмѣсто имени автора ненавистной ему статьи.

Не знаетъ онъ г. Чужбинскаго и сомнѣвается въ его существованіи. Могу увѣрить васъ, г. Лебедевъ, что сомнѣніе въ этомъ случаѣ совершенно излишне. Г. Чужбинскій не призракъ (да и вамъ, г. Лебедевъ, не стыдно ли призраковъ пугаться?), а такое же живое существо, какъ и мы съ вами. Онъ сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ; но изъ этого вы не можете еще выводить заключеніе будто г. Чужбинскій имѣетъ что-нибудь общее съ парными и тройными буквенными перестановками (permutations *)), имѣющими честь быть сотрудниками Русскаго Инвалида.

Наконецъ, г. Лебедевъ не знаетъ, что теперь даже полицейскимъ внушается вѣжливое обращеніе съ публикою.

А. ДОКУЧАЕВЪ.

---

*) См. любую алгебру.— Примѣчаніе для г. Редактора Русскаго Инвалида.

ОПЕЧАТКА.

Въ библиографической статьѣ девятой книжки Русскаго Слова, стр. 49, строки 13—14, вмѣсто напечатаннаго, слѣдуетъ читать такъ:

«господинъ профессоръ — не утопистъ, не челоѣкъ далекаго идеала и проч.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 10.

О задачѣ А. Д. Петрова, посвященной американцу Морфи. — Рѣшеніе ея Н. И. Петровскимъ. — О различіи итальянскихъ правилъ отъ правилъ принятыхъ въ прочихъ странахъ Европы. — Рокировка. — *Passar bataglia*. — Переименованіе пѣшекъ въ офицеры. — О новомъ уставѣ С. Петербургскаго Общества Любителей шахматной игры. — Парти: Дюбуа съ французскимъ любителемъ, Чайковскимъ, Уейвиллемъ и Робелло. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. князя Урусова. (статья 8^а).

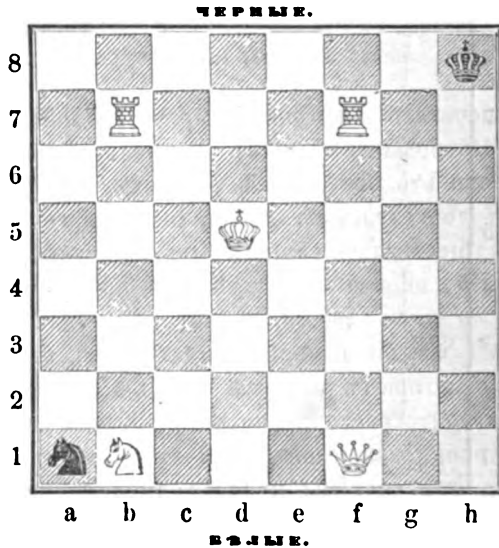
Долго не печатали мы рѣшенія превосходной задачи, составленной А. Д. Петровымъ въ честь американскаго героя Морфи,*) въ надеждѣ, что кто нибудь изъ русскихъ любителей собственными усиліями добьется разгадки таинственнаго фѣинкса. Надежда наше осуществилась самымъ блестящимъ образомъ; нѣкто Н. И. Петровскій, не только разрѣшилъ проблему, но и *сократилъ рѣшеніе на пять ходовъ*, а именно: задача заключается въ томъ, чтобы заставить черныхъ дать матъ въ 40 ходовъ, а г. Петровскій выполняетъ это условіе въ 35 ходовъ. Всего замѣчательнѣе то, что система, по которой онъ разрѣшаетъ эту въ высшей степени замысловатую и трудную проблему, совершенно отлична отъ системы предложенной самимъ авторомъ и даже окончательное положеніе шашекъ (т. е. положеніе мата) иное притомъ и другомъ рѣшеніи. Изъ этаго однако еще не слѣдуетъ, чтобъ русскій Филлидоръ *ошибся*, говоря, что его задача разрѣшается въ 40 ходовъ; онъ имѣлъ въ виду рѣшеніе не допускающее варіантовъ т. е. такое, въ которомъ всѣ ходы черныхъ вынужденные (*cours forcés*), а рѣшеніе г. Петровскаго,

---

*) Задача эта помѣщена была въ апрѣльскомъ Листкѣ подъ No. 7, а два мѣсяца спустя, по причинѣ опечатки въ изображавшей ее діаграммѣ, перепечатана съ надлежащимъ исправленіемъ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что и въ той формѣ въ какой задача сообщена была въ первый разъ, она разрѣшается точно также какъ и въ исправленномъ видѣ.

какъ увидимъ ниже, распадается на три варианта. Во всякомъ случаѣ, настоящая задача, еслибъ даже оказалось возможнымъ сократить ея рѣшеніе и при соблюденіи условія о вынужденности ходовъ, принадлежитъ къ числу остроумнѣйшихъ шахматныхъ проблемъ и мы весьма признательны г. Петрову за сообщеніе ея нашему Листку. Чтобъ дать нашимъ читателямъ возможность вполне насладиться этою задачей и ея двойнымъ рѣшеніемъ мы помѣщаемъ здѣсь: 1) Діаграмму изображающую первоначальное положеніе шашекъ. 2) Рѣшеніе А. Д. Петрова. 3) Діаграмму мата по этому рѣшенію. 4) Рѣшеніе Н. И. Петровскаго съ вариантами и діаграммами тѣхъ положеній, въ которыя является возможность варианта. 5) Положеніе мата по рѣшенію г. Петровскаго.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ШАШЕКЪ.

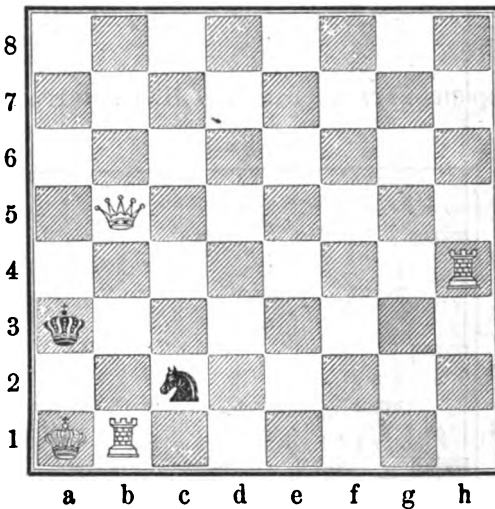
РѢШЕНІЕ А. Д. ПЕТРОВА.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.		
1) f1—f6+	h8—g8	8) e7—c7+	c8—b8
2) f6—g6+	g8—h8	9) c7—c2+	b8—a8
3) g6—h6+	h8—g8	10) d6—c6+	a8—b8
4) f7—g7+	g8—f8	11) e2—b2+	a1—b3
5) h6—f6+	f8—e8	12) g7—b7+	b8—a8
6) b7—e7+	e8—d8	13) b7—b6+	a8—a7
7) f6—d6+	d8—c8	14) b6—a6+	a7—b8
		15) c6—c5	b8—b7

16) a6—a5	b7—b8	29) b7—b5+	a5—a4
17) b1—d2	b8—b7	30) b5—h5+	a4—b4
18) d2—f3	b7—b8	31) c6—c5+	b4—a4
19) f3—e1	b8—b7	32) h5—h4+	b3—d4
20) d5—e4	b7—b8	33) c5—c6+	a4—a5
21) e4—d3	b8—b7	34) c6—b6+	a5—a4
22) d3—c2	b7—b8	35) a2—a1	a4—a3
23) c2—b1	b8—b7	36) b6—c5+	a3—a4
24) b1—a2	b7—b8	37) b2—b4+	a4—a3
25) a5—b5+	b8—a8	38) b4—b1+	a3—a4
26) c5—c8+	a8—a7	39) c5—b5+	a4—a3
27) b5—b7+	a7—a6	40) e1—c2+	d4—c2 ^o ×
28) c8—c6+	a6—a5		

ПОЛОЖЕНИЕ МАТА ПО РЪШЕНИЮ А. Д. ПЕТРОВА.

ЧЕРНЫЕ.

БЪЛЫЕ.

РЪШЕНИЕ Н. И. ПЕТРОВСКАГО.

БЪЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.	5) f7—d7+	d8—c8
1) f7—h7+	h8—g8	6) e2—c4+	c8—b8
2) f1—g2+	g8—f8	7) d7—b7+	b8—a8
3) b7—f7+	f8—e8	8) b7—b5	a1—c2
4) g2—e2+	e8—d8		

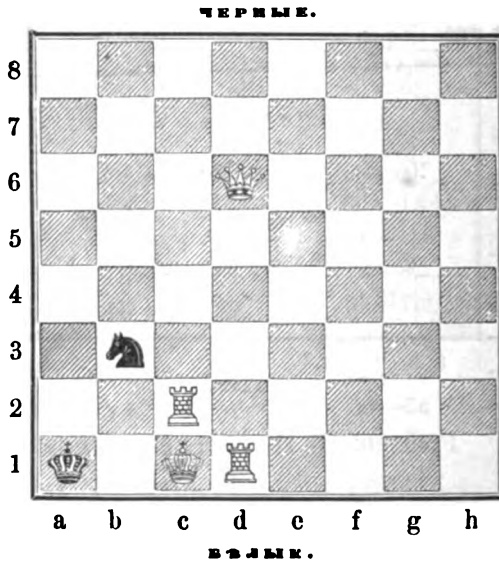
Вмѣсто a1—c2 черные могутъ сыграть a1—b3, но въ такомъ случаѣ задача разрѣшается еще скорѣе, а именно въ 29 ходовъ какъ видно изъ варіанта (А).

9) c4—a2†	c2—a3	15) a2—a1	a5—a4
10) h7—h8†	a8—a7	16) d5—c5	a4—a5
11) b5—b8	a7—a6	17) a1—c3†	a5—a4
12) h8—h7	a6—a5	18) h6—h4†	a3—c4
13) h7—h6	a5—a4	19) c3—f6	a4—a5
14) b1—d2	a4—a5		

А если черные пойдутъ a4—a3 то задача разрѣшается въ 33 хода см. вариантъ (B).

20) b8—b5†	a5—a4	28) c3—c2	a4—a3
21) h4—e4	a4—a3	29) c2—c1	a3—a4
22) f6—a6†	c4—a5	30) e1—d1	a4—a3
23) b5—b1	a3—a2	31) a6—d6†	a3—a4
24) c5—d4	a2—a3	32) b2—b4†	a4—a3
25) d4—c3	a3—a2	33) b4—c4†	a8—a2
26) e4—e1	a2—a3	34) c4—c2†	a2—a1
27) b1—b2	a3—a4	35) d2—b3†	a5—b3°×

ПОЛОЖЕНІЕ МАТА ПО РѢШЕНІЮ Н. И. ПЕТРОВСКАГО.

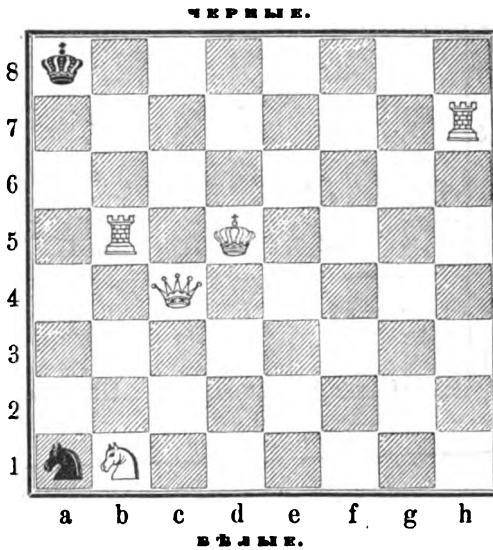

Переходя теперь къ разсмотрѣнію двухъ помянутыхъ вариантовъ, мы увидимъ, что во второмъ изъ нихъ на 33-мъ ходѣ игра приходитъ къ положенію совершенно тождественному съ вышеизображеннымъ, а въ первомъ бѣлые получаютъ матъ на

29-мъ ходѣ, при расположеніи шашекъ нѣсколько отличномъ отъ предыдущаго, а именно: ферзь стоитъ не на d6, а на e7.

(А.)

ПОЛОЖЕНІЕ ШАШЕКЪ ПОСЛѢ 8го ХОДА БѢЛЫХЪ.

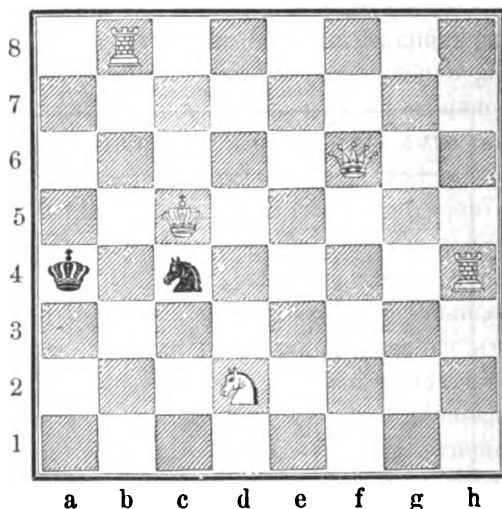

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.		
8)	a1—b3	19) d4—c3	a3—a4
9) c4—a4+	b3—a5	20) c3—c2	a4—a3
10) h7—h8+	a8—a7	21) c2—c1	a3—a4
11) a4—d4+	a7—a6	22) h6—h1	a4—a3
12) b5—b6+	a6—a7	23) h1—d1	a3—a4
13) b6—b2+	a7—a6	24) a6—a7	a4—a3
14) h8—h6+	a5—c6	25) a7—e7+	a3—a4
15) b1—d2	a6—a5	26) b2—b4+	a4—a3
16) d4—b6+	a5—a4	27) b4—c4+	a3—a2
17) b6—a6+	c6—a5	28) c4—c2+	a2—a1
18) d5—d4	a4—a3	29) d2—b3+	a5—b3 ^o ×

(В.)

ПОЛОЖЕНИЕ ШАШЕКЪ ПОСЛѢ 19го ХОДА БѢЛЫХЪ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.		
19)	a4—a3	26) h4—h1	a2—a3
20) f6—a6†	c4—a5	27) b1—b2	a3—a4
21) b8—b1	a3—a2	28) h1—d1	a4—a3
22) c5—d4	a2—a3	29) a6—d6†	a3—a4
23) d4—c3	a3—a2	30) b2—b4†	a4—a3
24) c3—c2	a2—a3	31) b4—c4†	a3—a2
25) c2—c1	a3—a2	32) c4—c2†	a2—a1
		33) d2—b3†	a5—b3 ^o ×

Нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ въ настоящемъ Листкѣ партій играны на основаніи итальянскихъ правилъ, а потому считаемъ необходимымъ объяснить здѣсь, въ возможной краткости, чѣмъ именно сіи послѣднія отличаются отъ правилъ принятыхъ въ прочихъ странахъ Европы. Различіе это касается трехъ пунктовъ: 1) рокировки, 2) такъ называемаго взятія пѣшекъ мимоходомъ (en passant) или, правильнѣе, на проходѣ (au passage) и 3) превращенія въ офицеры пѣшекъ достигшихъ крайней линіи доски.

I. Шахматные уставы, дѣйствующіе внѣ Италіи, допускаютъ, какъ извѣстно, только двѣ формы рокировки т. е. при рокировкѣ въ сторону короля (0—0), ладья ставится непременно на клѣтку королевскаго слона, а король на клѣтку своего коня; при рокировкѣ же въ сторону ферзя (0—0—0), король помѣщается на клѣтку ферзева слона, а ладья— на мѣсто ферзя.*) Напротивъ того въ Италіи, одновременное перемѣщеніе короля и ладьи, составляющее рокировку, совершается несравненно свободнѣе: каждая изъ помянутыхъ шашекъ можетъ занять, при такомъ перемѣщеніи, любую клѣтку первоначальнаго стана офицеровъ, лишь бы ладья не переходила клѣтки занятой въ началѣ партіи королемъ (e1, e8) и помѣщалась непременно не по ту сторону короля, по которой стояла первоначально. Обозначать письменно эти разнообразныя рокировки удобнѣе всего слѣдующимъ образомъ: написать сперва формулу той клѣтки, на которую помѣщается ладья, затѣмъ, два раздѣленные горизонтальною чертою нуля (для означенія, что совершаемый ходъ есть именно рокировка) и наконецъ, формулу клѣтки, на которую становится король. Изъ сказаннаго легко понять, что итальянскія правила допускаютъ не менѣе шестнадцати формъ рокировки, а именно: *Въ сторону короля*: $g1 \frac{0}{0} h1, f1 \frac{0}{0} h1, e1 \frac{0}{0} h1, f1 \frac{0}{0} g1, e1 \frac{0}{0} g1, e1 \frac{0}{0} f1$. *Въ сторону ферзя*: $b1 \frac{0}{0} a1, c1 \frac{0}{0} a1, d1 \frac{0}{0} a1, e1 \frac{0}{0} a1, c1 \frac{0}{0} b1, d1 \frac{0}{0} b1, e1 \frac{0}{0} b1, d1 \frac{0}{0} c1, e1 \frac{0}{0} c1, e1 \frac{0}{0} d1$.**)

Сверхъ того итальянскія правила воспрещаютъ давать посредствомъ рокировки шахъ неприятельскому королю и вообще атаковать этимъ маневромъ какую бы то ни было неприятельскую шашку. Необходимо замѣтить, что запрещеніе давать королю шахъ посредствомъ рокировки вошло въ составленный К. А. Яншемъ: *Новый уставъ Шахматной игры, принятый въ 1857 г. Обществомъ Любителей сей игры въ С. Петербургѣ, въ замѣнкъ издавнаго имъ въ 1854 году временнаго шахматнаго устава*. Вотъ отъ слова до слова статьи этого устава, опредѣляющія какимъ образомъ надлежитъ и въ какихъ случаяхъ воспрещается рокировать.

*) Изобрѣтеніе этой обще-принятой внѣ Италіи рокировки принадлежитъ Калабрійцу почему она и извѣстна подъ именемъ *Калабрійской рокировки*.

**) Для черныхъ шашекъ получимъ подобныя же знаки съ замѣщеніемъ только цифры 1 цифрою 8.

ст. VII. О рокировкѣ.

Однажды втеченіи партіи, каждому игроку дозволяется *рокировать*, т. е. перемѣстить совокупно короля и одну изъ ладей своихъ. При рокировкѣ съ ферзевой ладьей, должно перемѣщать ее на клѣтку ферзя, а короля на клѣтку ферзева слона; при рокировкѣ же съ королевскою ладьей, слѣдуетъ ставить ее на клѣтку слона королевскаго, а короля на клѣтку его коня.

Рокировка считается однимъ, *нераздельнымъ* ударомъ и, подобно всякому другому, совершается съ наступленіемъ для игрока очереди хода. Съ движеніемъ короля и ладьи при рокировкѣ, не можетъ быть сопряжено движеніе или взятіе какой либо другой шашки.

ст. VIII. Объ ограниченіяхъ рокировки.

Отъ играющаго во всякой партіи зависить воспользоваться правомъ рокировки или нѣтъ, а также выбрать для нея время. Но *рокировать воспрещается*:

1) Когда промежутокъ между ладьей и королемъ еще занятъ какою либо шашкою.

2) Когда соотвѣтственная ладья, либо самъ король уже сходили съ мѣста, хотя бы впоследствии на оное и возвратились.

Не позволено также рокировать:

3) *Подъ шахъ*, т. е. стать королемъ, при рокировкѣ, на клѣтку, атакованную непріателемъ.

4) *Черезъ шахъ*, т. е. шагнуть королемъ, при рокировкѣ, черезъ такую же клѣтку.

5) *Отъ шаха*, т. е. отвѣчать рокировкой на сдѣланный королю шахъ.

6) *Съ шахомъ*, т. е. сдѣлать рокировкой шахъ непріятельскому королю.

ст. IX. О рокировкѣ безъ ладьи.

Нельзя также рокировать *безъ ладьи*, т. е. пройти королемъ два шага въ направленіи къ углу доски, съ коего ладья уже взята непріателемъ, или *дана впередъ*. Въ послѣднемъ случаѣ обычно, однакоже, передъ начатіемъ игры, предоставляють себѣ право рокировки и на сторону снятой съ доски ладьи. Такая условная рокировка впрочемъ не изъята отъ общихъ ограничительскихъ статей VII и VIII, и позволительна лишь въ такое мгновеніе, когда уголъ уступленной ладьи не занятъ другою шашкою.

ст. X. О льготахъ при рокировкѣ.

При соблюденіи всѣхъ условій, изложенныхъ въ статьяхъ VII и VIII (а по обстоятельствамъ и IX), *отнюдь не воспрещено:*

- 1) Атаковать, при рокировкѣ, шашки противника (исключая короля), или защищать свои.
- 2) Рокировать съ атакованною ладьёю.
- 3) Рокировать по отраженіи одного или многихъ шаховъ.
- 4) Рокировать съ ферзевой ладьёю, когда клѣтка коня ферзева атакована непріателемъ.

II. Итальянскія правила вовсе не допускаютъ взятія пѣшекъ на проходѣ и въ этомъ случаѣ «Новый Уставъ» вполне съ ними согласенъ, постановляя, что «Всякая пѣшка, при первомъ движеніи своемъ, имѣетъ право, пройдя впередъ два шага, миновать *окончательно* ударъ непріательской пѣшки, которая, по положенію своему, могла бы взять эту тронувшуюся пѣшку, если бы она прошла *одинъ* только шагъ.» (ст. V).

III. Вопросъ о переименованіи пѣшекъ въ офицеры разрѣшается въ Новомъ Уставѣ слѣдующимъ образомъ. «Пѣшка, достигшая какой либо клѣтки первоначальнаго стана непріательскихъ офицеровъ, не остается пѣшкою, а при самомъ занятіи означенной клѣтки, вступаетъ во всѣ права избраннаго владѣльцемъ пѣшки офицера, изъ числа убитыхъ или запасныхъ того же цвѣта. Выборъ сего новаго офицера отнюдь не стѣсняется наличнымъ составомъ прежнихъ, ни даже предѣлами начальнаго комплекта; воспрещено только переименовывать пѣшку въ короля. (ст. VI).» Это правило давно уже принято всѣми хорошими игроками Россіи, Франціи, Германіи, Америки;*) одни только итальянцы ему противорѣчатъ, утверждая, что пѣшка не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ переименована въ офицера еще не снятаго съ доски. Впрочемъ, по новѣйшимъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, моденскіе любители, пользующіеся въ Италіи большимъ авторитетомъ, изъявили недавно согласіе принять относительно настоящаго пункта обще-европейское правило.

Причины, побудившія г. Яниша совершенно уничтожить взятіе пѣшекъ на проходѣ, сохранить калабрійскую рокировку съ *нѣкоторымъ только измѣненіемъ* и не сдѣлать никакой уступки итальянцамъ по вопросу о переименованіи пѣшекъ, — подробно

---

*) Единственное исключеніе составляетъ г. Ланге; онъ склоняется въ пользу итальянскаго правила.

изложены въ самомъ Уставѣ. Любители, желающіе составить себѣ ясное понятіе о значеніи и историческомъ развитіи постановленій игры, необходимо должны ознакомиться какъ съ этимъ Уставомъ, такъ и съ служащею ему какъ бы введеніемъ, брошюрою того же автора, подъ заглавіемъ: Règles du jeu des échecs adoptées par la Société des Amateurs d'échecs de St. Pétersbourg, comme base d'un code universel de ce jeu; suivies de notes explicatives, contenant l'histoire et la critique de chaque règle.

№ 64.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

ФРАНЦ. ЛЮБИТЕЛЬ. (Бѣлые.)	С. ДЮБУА. (Черные.)		
1) e2—e4	f7—f5(1)	14) b4—b5	d4—d3
2) e4—e5	e7—e6	15) e2—d3°	c6—e5°
3) g1—f3	d7—d5	16) f3—e5°	f7—e5°
4) d2—d4	c7—c5	17) d3—g3	b6—c7
5) c1—e3	d8—b6	18) f1—e2	0—0
6) b2—b3	b8—c6	19) 0—0	f5—f4
7) d4—c5°	f8—c5°	20) g3—g5	f4—f3
8) e3—c5°	b6—c5°	21) g2—f3°	f8—f3°
9) a2—a3	g8—h6	22) b1—d2	f3—h3°
10) h2—h3	h6—f7	23) c3—c4(2)	a8—f8
11) d1—e2	c8—d7	24) a1—d1	f8—f6
12) b3—b4	c5—b6	25) g1—g2(3)	h3—h2†
13) c2—c3	d5—d4	26) g2—g1	f6—g6

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи No. 64.

(1) Этотъ контръ-гамбитъ въ высшей степени рискованъ и, при правильной игрѣ начинающаго, непремѣнно ведетъ къ проигрышу, а потому его можно употреблять только противъ слабѣйшаго игрока. Одинъ изъ сильнѣйшихъ римскихъ любителей, сннборъ Филиберти, часто играетъ эту партію даже противъ хорошихъ игроковъ. Вотъ для примѣра начало двухъ партій, игранныхъ имъ, по итальянскимъ правиламъ, съ сннборомъ Беллоти, молодымъ очень талантливымъ римскимъ шахматистомъ:

I.

Белотти. (Бѣлые.)	Филиберти. (Черные.)
1) e2—e4	f7—f5
2) e4—f5°	g8—f6
3) g2—g4	d7—d5
4) g4—g5	f6—e4
5) d1—h5+	e8—d7
6) d2—d3	e4—d6
7) f1—h3	e7—e5
8) b1—c3	c7—c6
9) g1—f3	e5—e4
10) d3—e4°	d5—e4°
11) f3—e5+	d7—c6
12) c1—f4	b8—d7
13) c3—e4°	и бѣлые должны необходимо выиграть.

II.

Белотти. (Бѣлые.)	Филиберти. (Черные.)
1) e2—e4	f7—f5
2) e4—f5°	g8—f6
3) g2—g4	h7—h6
4) d2—d4	c7—c5
5) c2—c3	d7—d5
6) f1—g2	b8—c6
7) h2—h3	e7—e5
8) d4—e5°	c6—c5°
9) c1—f4	бѣлые имѣютъ превосходство положенія и лишнюю пѣшку.

(2) Очень слабый ходъ; бѣлымъ грозить матъ, а они заботятся о спасеніи пѣшки.

(3) Съ тѣмъ, чтобы если черные сыграютъ f6—g6, промѣнять ферзя на двѣ ладьи.

№ 65.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

С.Дюбуа. (Бѣлые.)	г. Чайковский.(1) (Черные.)	2) d2—d4	c7—c6(2)
1) e2—e4	e7—e6	3) c2—c4	d7—d5
		4) e4—d5°	c6—d5°

5) b1—c3	f8—b4	14) c3—c4	d5—a5
6) d1—b3	b4—c3° †	15) a3—d6	a5—d8
7) b2—c3°	g8—e7	16) c4—c5	a7—a6(3)
8) g1—f3	0—0	17) a1—b1	c6—e7
9) c1—a3	f8—e8	18) f1—e1	e7—d5
10) f1—d3	b8—c6	19) d3—c4	g6—e7(4)
11) b3—c2	f7—f5	20) f3—g5	e7—c6
12) 0—0	e7—g6	21) c2—f5°(5)	d5—f6
13) c4—d5°	d8—d5°	22) e1—e6°	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партии № 65.

(1) Г. Чайковскій хороший польскій игрокъ; настоящая партія играна была въ Туринѣ 5 Ноября 1855 г.

(2) Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ настоящемъ случаѣ, лучший ходъ есть 2) $\frac{d7-d5}{c7-c6}$; 2) $\frac{d7-d5}{c7-c6}$ гораздо слабѣе, хотя нельзя утверждать, чтобъ онъ велъ къ непремѣнному проигрышу.

(3) Слабый ходъ; лучше было бы играть c6—b4, а потомъ брать конемъ слона.

(4) Всѣ эти маневры конями рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а во время ихъ бѣлые усиливаютъ свою атаку. Положеніе бѣлыхъ слоновъ очень хорошо; оно-то какъ увидимъ, рѣшить участь битвы.

(5) Превосходный и совершенно неожиданный для черныхъ ходъ. Братъ ферзя ведетъ къ немедленному проигрышу и вообще какъ бы черные не съиграли, партія ихъ проиграна.

№ 66.

ГАМБИТЬ КРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

Г. Чайковскій.	С. Дюбуа.	9) c1—b2	b8—c6
(Бѣлые.)	(Черные.)	10) c3—d5	0—0
1) e2—e4	e7—e5	11) a2—a3	e7—g6
2) f2—f4	e5—f4°	12) d1—d3	c6—e7
3) g1—f3	g7—g5	13) d5—c3	c7—c6
4) f1—c4(1)	f8—g7	14) a1—e1(3)	d6—d5(4)
5) d2—d4	d7—d6	15) e4—d5°	e7—d5°
6) 0—0	h7—h6	16) c3—d5°	c6—d5°
7) b1—c3	g8—e7	17) c4—a2	g8—h8
8) b2—b4(2)	c8—g4	18) d3—b5(5)	g4—f3°

19) g2—f3°	g6—h4	30) a6—b7	g5—g4
20) a2—d5°	a7—a6	31) f3—g4°	f4—f3
21) b5—c4	a8—c8	32) f1—f2	h3—g4°+
22) c4—b3	d8—d7	33) g1—h1	d4—d1
23) c2—c4	d7—h3(6)	34) f2—f1	d1—d2
24) b3—c2	b7—b5	35) e1—e8+	d8—e8°
25) c4—c5	c8—d8	36) b2—d2°	e8—e2
26) d5—b7	g7—d4°+	37) d2—d8+	g8—g7
27) b2—d4°	d8—d4°	38) f1—g1	при этомъ г. Дюбуа объявляетъ и даетъ мать въ четыре хода.
28) c2—b2	h8—g8		
29) b7—a6°(7)	f8—d8		

Примѣчанія къ партіи № 66.

(1) Этотъ варіантъ королевскаго гамбита извѣстенъ въ Италіи подъ названіемъ «Gambitto lungo», для различія отъ тѣхъ партій, въ которыхъ начинающій на четвертомъ ходѣ подвигаетъ пѣшку королевской ладьи на два мѣста.

(2) Чтобъ помѣстить потомъ ферзева слона на клѣтку b2.

(3) Черные сохранили гамбитную пѣшку, но за то бѣлые имѣютъ прекрасное положеніе и сильную атаку.

(4) Едва ли хорошо, ибо вслѣдствіе этого хода пѣшка ферзева слона черныхъ будетъ изолирована.

(5) Этимъ ходомъ завоевывается пѣшка.

(6) Теперь черные начинаютъ сильную контръ-атаку.

(7) Пока бѣлые теряютъ время на истребленіе пѣшекъ, черные усиливаютъ свою атаку.

№ 67.

КОНТРЪ-ГАМБИТЪ ГРЕКО.

Уейвиль.(1)	С. Дюбуа.	8) d5—c3	c8—f5
(Бѣлые.)	(Черные.)	9) c4—e3	b8—d7
(Играна по итальянскимъ правиламъ.)		10) f1—e2	e8 ⁰ / ₀ a8
1) e2—e4	e7—e5	11) e3—f5°	f7—f5°
2) g1—f3	f7—f5(2)	12) e2—g4	f5—f7
3) f3—e5°(3)	d8—f6	13) g4—d7°	f7—d7°
4) d2—d4	d7—d6	14) c1—e3	d6—d5
5) e5—c4	f5—e4°	15) d1—d2	g8—f6
6) b1—c3	f6—g6	16) c3—e2	c8—d6
7) c3—d5(4)	g6—f7	17) a2—a3	h8—f8

18) h1—h2	h7—h6	28) a1—a2	h5—f4(7)
19) c2—c3	g7—g5	29) e2—f4°	d6—f4°
20) g2—g4	h6—h5	30) h4—h5	g4—f3
21) e3—g5°(5)	h5—g4°	31) h1—h4	e3—e2(8)
22) h3—h4	g6—h5	32) d3—f3°	e2—f1°ф.
23) e1— $\frac{0}{0}$ a1	f8—f2°	33) h4—f4°	f1—c4+
24) g5—e3	g4—g3(6)	34) b2—b3	e8—e2+
25) e3—f2°	g3—f2°	35) a2—a1	f2—f1 л.+(9)
26) e1—f1	e4—e3	36) f3—f1°	c4—c3°+
27) d2—d3	d7—g4	37) a1—b1	c3—b2×

Примѣчанія къ партіи No 67.

(1) Сильный англійскій игрокъ, получившій второй призъ на лондонскомъ турнирѣ 1851 г. Главный характеръ его игры—чрезвычайная осторожность; поэтому борьба его съ остроумнымъ и смѣлымъ Дюбуа очень интересна.

(2) Изобрѣтеніе этого контръ-гамбита приписывается знаменитому итальянскому игроку XVII вѣка Джіоакіно Греко, извѣстному, по мѣсту своего рожденія, подъ именемъ Калабрійца. Въ теоретическомъ отношеніи этогъ дебютъ не можетъ быть одобренъ, но на практикѣ его можно иногда употреблять съ успѣхомъ; при малѣйшей ошибкѣ начинающаго, онъ даетъ сильную атаку второму игроку.

(3) Лучшій ходъ; принимать гамбитъ нехорошо.

(4) d4—d5 было бы лучше.

(5) Брать пѣшку пѣшкой (g4—h5°) было бы основательнѣе.

(6) Очень остроумный ходъ; черные отдають ладью за слона, но за то имѣють двѣ пройденныя пѣшки, которыя скоро доставятъ имъ побѣду.

(7) h5—g3 было бы еще сильнѣе.

(8) Превосходный маневръ; вообще г. Дюбуа играетъ концъ этой партіи чрезвычайно блистательно.

(9) По принятымъ въ Италіи правиламъ, пѣшка можетъ превращаться только въ такого офицера, котораго нѣтъ на доскѣ въ моментъ достиженія ея крайней линіи.

№ 68.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

С. Дюбуа. (Бѣлые.)	Уэйвилль. (Черные)		
		29) d2—g2	e4—g2°+
		30) h1—g2°	c5—d4°
(Игра по итальянскимъ правиламъ.)		31) c3—d4°	a8—e8
1) e2—c4	e7—c5	32) a1—f1	g5—g4
2) d2—d4	e5—d4°	33) h2—h4(7)	a7—a6
3) f1—c4	d7—d6(1)	34) h4—h5	g6—g8
4) g1—f3	b8—c6	35) f1—f2	e8—e6
5) f3—d4°	g8—e7	36) f2—c2	g8—e8
6) f2—f4	c6—d4°	37) g2—f2	h7—h6
7) d1—d4°	e7—c6	38) a2—a4	b5—a4°
8) d4—f2	f8—e7	39) b3—a4°	e6—e4
9) b1—c3	0—0	40) f5—f4	e4—e6
10) f1 $\frac{0}{0}$ h1	c8—e6	41) f4—g4°	e6—f6°+
11) c3—d5	e7—h4(2)	42) f2—g2	f6—f5
12) g2—g3	h4—f6	43) c2—f2	f5—f2°+
13) c2—c3	c6—a5	44) g2—f2°	d6—d5
14) c4—d3	c7—c6	45) g4—f4	h8—g7
15) d5—f6°+	d8—f6°	46) f4—f5	e8—d8
16) c1—c3	b7—b5	47) f5—c5(8)	d8—d6
17) e3—d4	f6—d8	48) f2—e3	g7—f8
18) f4—f5	e6—c4	49) e3—f4	f7—f6
19) d3—c4°	a5—c4°	50) c5—e1	f8—f7
20) f5—f6	g7—g6	51) f4—f5(9)	d6—c6
21) f2—f4	g8—h8	52) e1—b1	c6—c4
22) f4—h6	f8—g8	53) b1—b7+	f7—g8
23) f1—f4(3)	g6—g5(4)	54) f5—g6(10)	g8—f8
24) f4—f5	g8—g6	55) g6—f6°	f8—e8
25) h6—h5	c6—c5(5)	56) f6—e5	c4—a4°
26) l2—b3	c4—d2(6)	57) e5—d5°	a6—a5
27) h5—e2	d8—e8	58) d6—e6	и послѣ еще нѣ- сколькихъ ходовъ черные сдаются.
28) e2—d2°	e8—e4°+		

Примѣчания къ партии No. 68.

(1) Нехорошо; вмѣсто этого надо играть b8—c6, что приводитъ игру къ гамбиту шотландскому или g8—f6, что по мнѣнію г. Ланге и Дюбуа, самая лучшая защита или наконецъ f8—b4+.

- (2) Ни къ чему неведущій ходъ.
 (3) Бѣлые слишкомъ торопятся атакой.
 (4) Самый лучший ходъ.
 (5) Теперь атака бѣлыхъ совершенно отражена, и черные имѣютъ даже превосходство положенія.
 (6) Едва ли хорошо; отводить коня на а5 или в6 было бы кажется лучше.
 (7) Не забывайте, что по итальянскимъ правиламъ пѣшки не могутъ брать на проходѣ.
 (8) Всѣ эти маневры ладью, какъ съ той такъ и съ другой стороны, очень хороши.
 (9) Теперь бѣлые имѣютъ очевидное превосходство положенія: король ихъ совершенно свободно можетъ маневрировать, тогда какъ черный напротивъ того очень стѣсненъ въ своихъ движеніяхъ.
 (10) Это сильнѣе чѣмъ брать непосредственно пѣшку.

№ 69.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

С. Дюбуа.	г. Ровелло.	16) d5—a8°	g6—f4°
(Бѣлые.)	(Черные.)	17) d2—f4°	c8—a6
1) e2—e4	e7—e5	18) d3—b3	a5—b5
2) f2—f4	e5—f4°	19) 0—0—0	b8—d7
3) g1—f3	g7—g5	20) b3—d5	b5—b6
4) h2—h4	g5—g4	21) e4—e5	f3—f2
5) f3—e5	h7—h5(1)	22) a8—c6	f2—f1 ф.
6) f1—c4	h8—h7	23) d1—f1°	a6—f1°
7) d2—d4	d7—d6	24) e5—e6	f7—e6°
8) e5—d3	f4—f3	25) d5—e6°+	h7—e7(4)
9) g2—g3(2)	g8—e7	26) c6—d7°+	e8—d8
10) d3—f4	e7—g6	27) f4—g5	b6—a5
11) d1—d3	c7—c6	28) g5—e7°+	f8—e7°
12) b1—c3	b7—b5	29) h1—f1°	b4—b3(5)
13) c3—b5°(3)	c6—b5°	30) f1—f8+	e7—f8°
14) c4—d5	d8—a5+		
15) c1—d2	b5—b4		

и бѣлые даютъ матъ въ три хода.

Примѣчанія къ партии No 55.

- (1) С. Дюбуа всегда утверждалъ, въ противность обще принятому мнѣнію, что этотъ ходъ не даетъ полной защиты; новѣйшіе

анализы подтвердили его мнѣніе и теперь признано, что лучший ходъ въ настоящемъ положеніи не h7—h5, но g8—f6.

(2) Это, по мнѣнію г. Дюбуа, лучше чѣмъ брать пѣшку. Онъ замѣчаетъ, что хотя пѣшки королевскаго фланга защищающагося очень сильны, но за то ему трудно будетъ развернуть своихъ офицеровъ.

(3) Это пожертвованіе совершенно безопасно ибо бѣлые получаютъ ладью за коня.

(4) e8—d8 было бы конечно лучше, но и при этомъ побѣда осталась бы за бѣлыми напр.

- 25) . . . . . e8—d8
26) c6—d7°   h7—d7°
27) h1—f1°   f8—e7 (Лучшій ходъ.)
28) f4—g5   e7—g5° †
29) h4—g5°   игра бѣлыхъ очевидно лучше.

(5) Весь конецъ партіи черные играютъ очень слабо.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 15.

- 1) g5—e6   f7—e6° (лучшій ходъ)
2) b2—e5   d6—e5° (лучшій ходъ)
3) e3—c5°   какъ угодно.
4) Ферзь даетъ матъ.

№ 16.

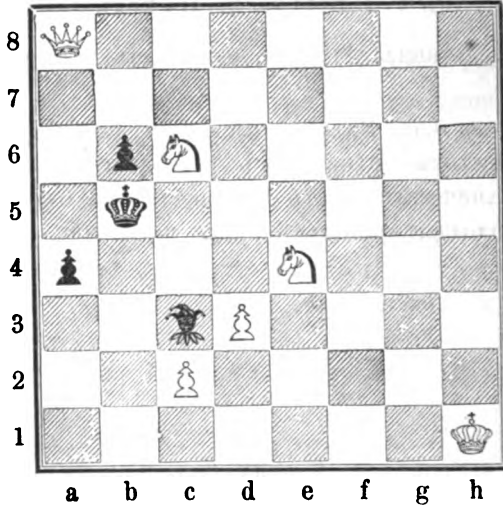
- 1) f4—h5   c4—c3 (лучшій ходъ)
2) f3—g3   c3—c2
3) f2—f4 †   e5—f5°
4) c5—d5   какъ угодно
5) g3—g5 ×

Задачи.

№ 19.

ГРИМША (заимствовано изъ «Chess Player's»).

ЧЕРНЫЕ.

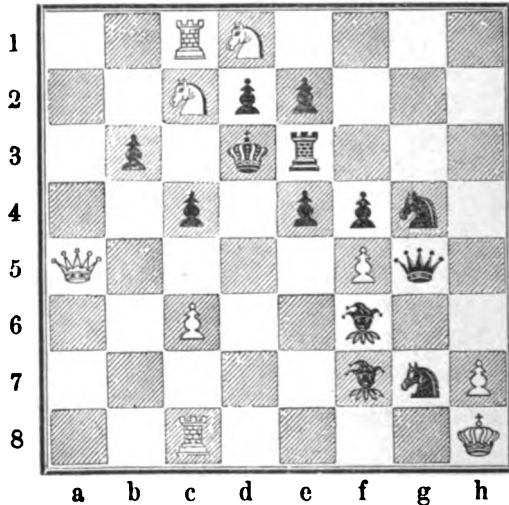
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 20.

ГРИМША (заимствовано изъ «Chess Player's»).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденция. *Н. И. Петровскому*. (въ Кронштадтѣ). Начало настоящаго Листка — служить отвѣтомъ на Ваше письмо. Разрѣшить кибергань въ 40 ходовъ и такъ великолѣпно разрѣшить, какъ Вы это сдѣлали, — подвигъ выше всякой похвалы!

Г—ну Ен—ву (въ С. Петербургѣ). На ходъ 1) $\frac{g5-f7^o}{}$, черные отвѣтять посредствомъ 1) $\frac{b7-e4}{}$ и мата въ четыре хода не будетъ.

Г—ну Лу—ву (въ Вяткѣ). Редакціи весьма пріятно, что Шахматный Листокъ читается съ удовольствіемъ въ провинціи. Отвѣтъ на техническую часть Вашего письма будетъ сообщенъ Вамъ въ непродолжительномъ времени по почтѣ.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. ВН. С. УРУСОВА.

(статья 8-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

Примѣры для ладьи и слона.

Діагр. СХХVIII. 1) $\frac{e4-d5}{e7-d8}$ 2) $\frac{e5-d6}{e7-d8}$, или: 1) $\frac{e4-c6}{e7-d8}$ 2) $\frac{e5-d6}{e7-d8}$.

Можно подумать, что послѣ занятія оппозиціи матъ близокъ; на самомъ же дѣлѣ выигрышъ такъ далекъ, что приводитъ даже въ сомнѣніе вопросъ относительно возможности удержанія короля черныхъ на послѣдней линіи.

1) $\frac{e4-c6}{e7-d8}$ 2) $\frac{h6-d6+}{d8-e7}$ (2) $\frac{h6-h8+}{d8-e7}$ 3) $\frac{h8-e8+}{e7-f7}$ 4) $\frac{e8-e6}{c7-e7}$ 3) $\frac{d6-e6+}{e7-f7}$
 4) $\frac{c6-e8+}{f7-g7}$ ($\frac{c6-d5}{c7-e7}$) 5) $\frac{c5-d6}{c7-a7}$ 6) $\frac{e6-g6+}{g7-f8}$ 7) $\frac{e8-c6}{f8-f7}$ 8) $\frac{g6-g1}{f7-f8}$ 9) $\frac{g1-f1+}{f6-g5}$
 10) $\frac{d6-e5}{a7-g7}$ — Выгѣсненіе невозможно и игра ничья.

Можно согласиться съ Филлидоромъ въ томъ, что король черныхъ можетъ быть приведенъ въ положеніи діагр. СХХIX, СХХХ, СХХХI, СХХХII, и т. п.; но нельзя согласиться, чтобы въ этихъ положеніяхъ ходъ могъ бы быть за бѣлыми.

Въ положенія діагр. СХХХ, при ходѣ бѣлыхъ было бы, какъ доказали Филлидоръ и Лолли, слѣдующее:

1) $\frac{e1-e8+}{d7-d8}$ 2) $\frac{e8-e7}{d8-d2}$ 3) $\frac{e7-f7}{d2-d1}$ 4) $\frac{f7-a7}{d1-b1}$ 5) $\frac{c5-a3}{c8-b8}$ 6) $\frac{a7-e7}{b8-a8}$
 7) $\frac{e7-e4}{b1-b7}$ 8) $\frac{e4-e5}{e4-e5}$ бѣлые выигрываютъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ положеніи ходъ бываетъ за черными, при чемъ, хотя бы слонъ стоялъ даже на b6, будетъ

1) $\frac{d6-e6}{d7-c7+}$ 2) $\frac{c6-d6}{c7-d7+}$ 3) $\frac{d6-e6}{d7-h7}$ игра ничья; ибо если 4) $\frac{e1-a1}{h7-h6+}$, а если 4) $c5-e7$, то $h7-h6+$ и $c8-c7$; король уходитъ съ послѣдней линіи.

Точно также: въ діагр. СХХХІ, 1) $\frac{b6-c6}{c7-b7+}$ 2) $\frac{b6-c6}{b7-c7+}$ 3) $\frac{c6-d6}{c7-h7}$ 4) $\frac{b5-c4}{h7-h6+}$ 5) $\frac{c4-e6}{b8-b7}$ 6) $\frac{f1-b1+}{b7-a6}$ игра ничья.

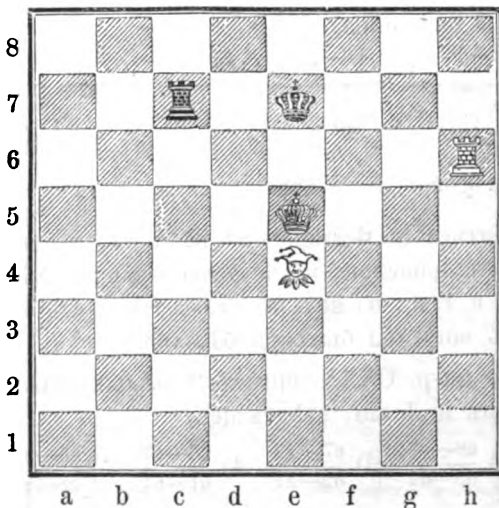
Но въ положеніи діагр. СХХХІІ, выигрышъ возможенъ даже при ходѣ черныхъ.

1) $\frac{a6-b6}{b7-a7+}$ 2) $\frac{a6-b6}{a7-b7+}$ 3) $\frac{b6-c6}{b7-h7}$ 4) $\frac{a5-c7}{h7-h6+}$ 5) $\frac{c7-d6}{h6-h7}$ 6) $\frac{c1-e1}{h7-b7}$ 7) $\frac{e1-e8+}{a8-a7}$ 8) $\frac{d6-c5+}{a7-a6}$ 9) $\frac{e8-a8+}{a7-a6}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ положеніяхъ діагр. СХХХІІІ, СХХХІV, СХХХV, СХХХVІ, СХХХVІІ, выигрышъ тоже возможенъ.

СХХVІІІ.

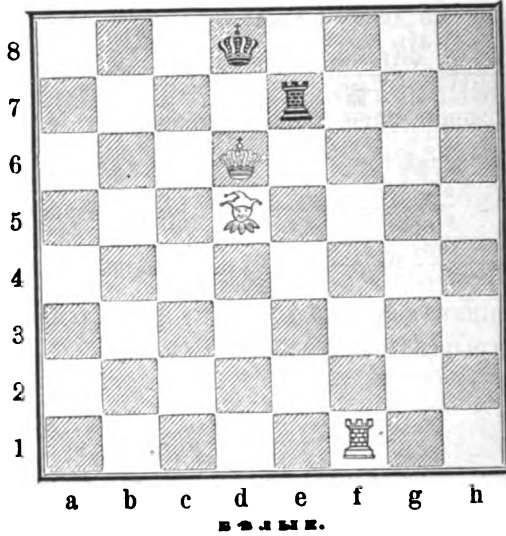
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

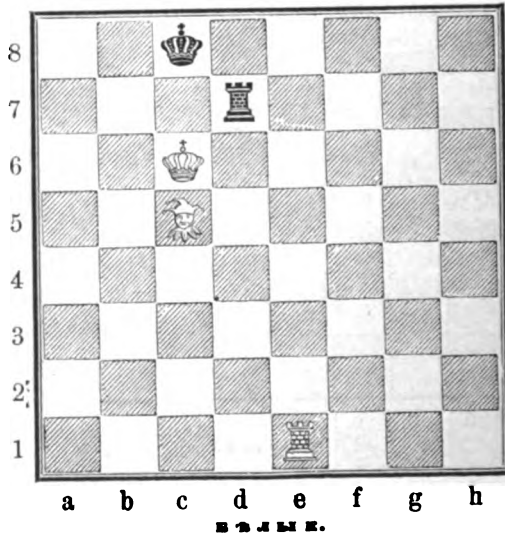
CXXIX.

ЧЕРНЫЕ.

CXXX.

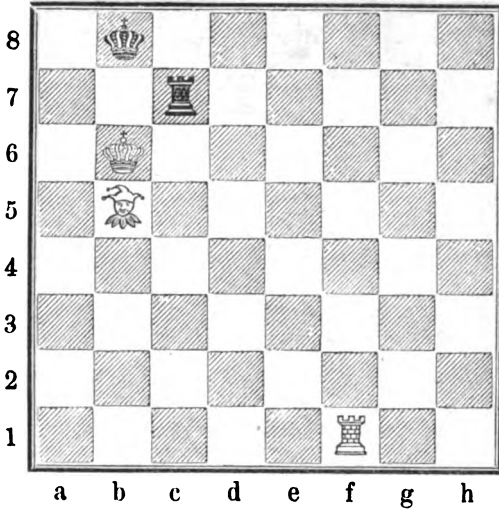
ЧЕРНЫЕ.

CXXXI.

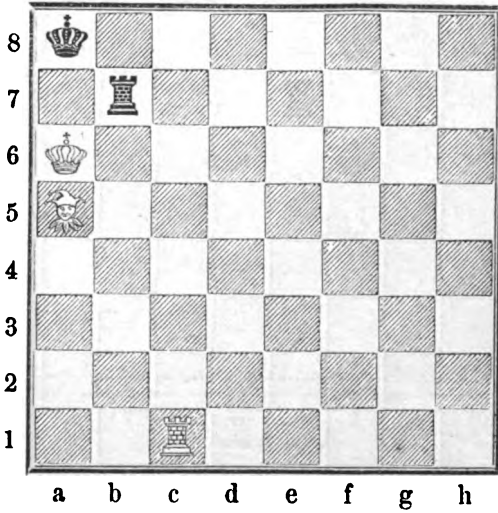
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CXXXII.

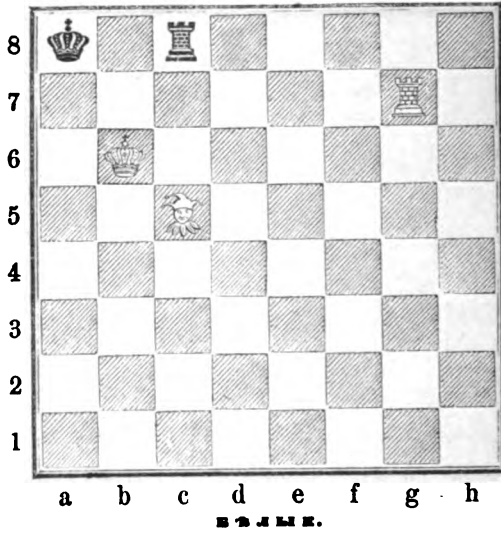
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

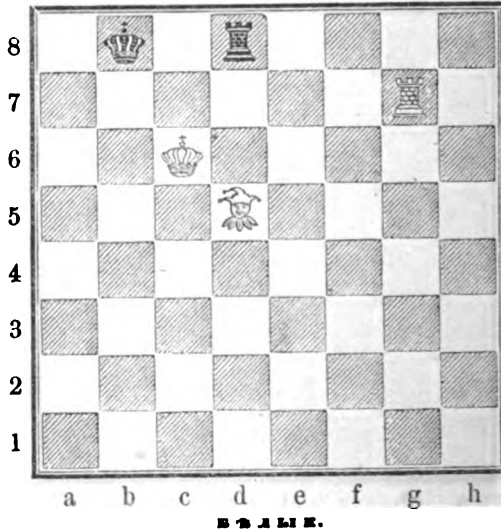
CXXXIII.

ЧЕРНЫЕ.

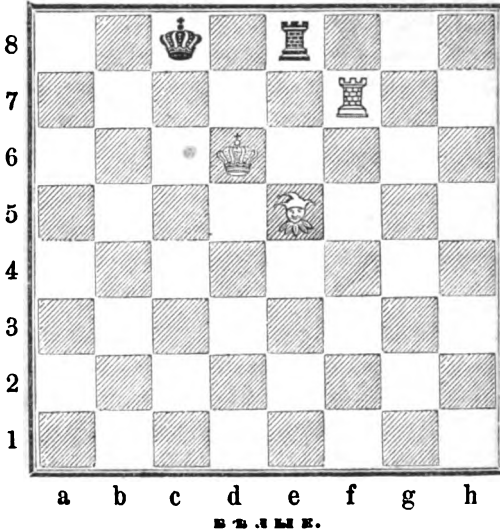
CXXXIV.

ЧЕРНЫЕ.

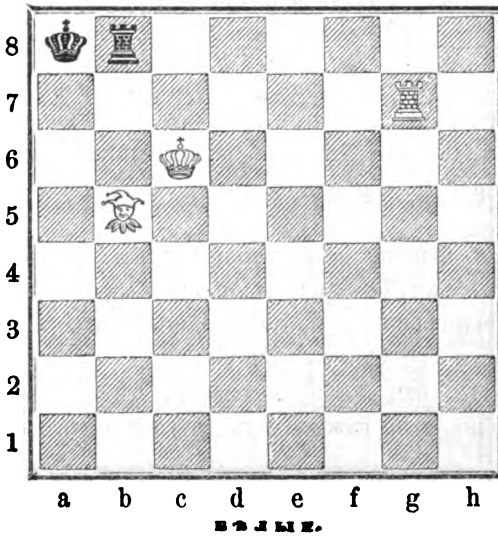
CXXXV.

ЧЕРНЫЕ.

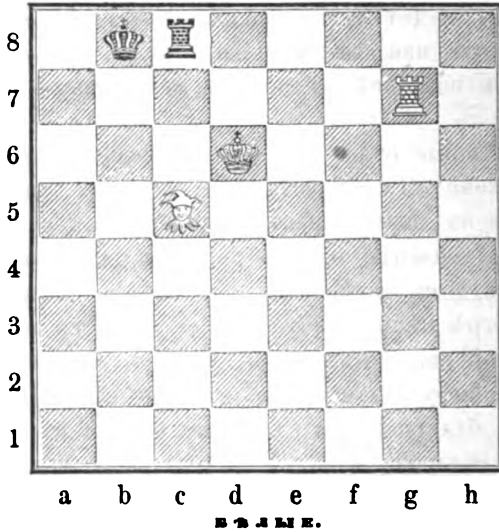
CXXXVI.

ЧЕРНЫЕ.

СХХХVII.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

10. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.*)

Важнѣйшій выводъ изъ анализа положеній перваго класса есть тотъ, что присутствіе въ игрѣ слона или коня только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ вліяніе на результатъ партій; большею частію результатъ игры зависитъ отъ ферзя, ладьи, короля, пѣшки и первенства хода. По этому о сравнительной силѣ шашекъ, на доскѣ подходящей къ свободной, должно судить слѣдующимъ образомъ.

Сильнѣйшая шашка есть ферзь. Сила его выражается въ томъ, что онъ быстрѣ другихъ шашекъ производитъ нападеніе и безусловно выигрываетъ противъ одинакаго короля; кромѣ того и въ способности его давать вѣчный шахъ.

Сила короля, хотя болѣе пассивная, чѣмъ активная, можетъ считаться больше силы каждой изъ другихъ шашекъ, ибо по усло-

*) Редакція Листка считаетъ необходимымъ замѣтить, что она не согласна со многими изъ мнѣній, положенныхъ почтеннымъ авторомъ въ настоящемъ «Заключеніи».

Прим. Ред.

віямъ игры для него существуетъ патъ, предохраненіе отъ опасности объявленіемъ шаха, и стремленіе всѣхъ шашекъ защитить его.

Ладья безспорно сильнѣе каждой изъ остальныхъ трехъ шашекъ; однако же, когда въ игрѣ нѣтъ пѣшекъ, игра почти всегда бываетъ ничья, и двѣ ладьи, равныя 28, слабѣе ферзя, который = $22\frac{3}{4}$; значить нападательная сила одной ладьи не только не соотвѣтствуетъ величинѣ 14, но она менѣе даже половины силы ферзя.

Для атаки конь лучше слона, а для защиты, на оборотъ, — слонъ лучше коня. Но поразительнѣе всего то, что и на практикѣ выходитъ, что на доскѣ близко подходящей къ свободной, пѣшка сильнѣе слона, сильнѣе одного коня, и даже во многихъ случаяхъ подходитъ къ силѣ ладьи. Нельзя не замѣтить, что присутствіе въ игрѣ пѣшки почти всегда рѣшаетъ игру въ пользу какой-либо стороны: розыгрышъ бываетъ весьма рѣдко. Такъ напр., если въ игру ладьи и слона противъ ладьи введемъ пѣшку — выигрышъ будетъ вѣроятнѣе, хотя бы эта пѣшка была бы и значительной поддержкой ладьѣ, при которой нѣтъ слона. Тоже самое будетъ въ игрѣ двухъ коней противъ короля, въ игрѣ ферзя противъ ладьи и слона, и т. п. Это вліяніе пѣшки на результатъ игры только тѣмъ и объяснимо, что сила ея отъ перестановки съ одной клѣтки на другую слишкомъ рѣзко измѣняется сравнительно съ другими шашками: иногда сила ея равняется какъ-бы отрицательной величинѣ, какъ напр. въ игрѣ противъ двухъ коней, иногда же дѣлается равной силѣ ферзя, то есть сильнѣйшей шашкѣ.

Если наставимъ на доску много шашекъ, — сила пѣшки сдѣлается почти не замѣтною, а иногда и отрицательною; но лишь только отыдемъ отъ каждой стороны по ровному числу офицеровъ, то есть произведемъ мѣну, сила пѣшекъ необычайно возрастетъ. Въ началѣ и срединѣ игры, т. е. при 32-хъ шашкахъ, сила пѣшки почти всегда бываетъ столь незначительна, что иногда не знаемъ какъ бы отдать всѣ пѣшки, чтобы только расширить кругъ дѣйствія офицеровъ, за то пожертвованіе пѣшки въ началѣ игры дорого обходится подъ конецъ.

Этимъ объясняется почему въ начальномъ положеніи выгодно давать гамбитъ; но этимъ же объясняется и то, что только тотъ гамбитъ хорошъ, который не отдаетъ пѣшку безъ надежды на возвращеніе ея.

Каждый сознается, что способность шашки измѣняться отъ перемѣщенія ея съ одной клѣтки на другую можетъ быть весьма полезнымъ орудіемъ въ рукахъ хорошаго игрока. Во многихъ

случаяхъ внезапное измѣненіе силы пашки можетъ уподобляться неожиданному появленію резерва.

Въ этомъ отношеніи слабѣйшая изъ шашекъ есть, очевидно, ладья. На свободной доскѣ она всегда равна 14, а на стѣсненной только ту пользу и можно изъ неё извлечь, что займешь ея открытую линію; да и то, для достиженія этой выгоды, почти всегда приходится или жертвовать пѣшкой, или разстраивать фронтъ пѣшекъ утвержденныхъ въ центрѣ. Это наводитъ на ту мысль, что на стѣсненной доскѣ выгоднѣе имѣть коня или слона, чѣмъ ладью. Но чѣмъ больше открытыхъ полей, тѣмъ выгоднѣе имѣть ладью. Въ особенности сильны двѣ ладьи дѣйствующія по одной линіи, то есть *дублированная ладья*.

Изъ вышеизложеннаго проистекаютъ слѣдующія правила для дѣйствія офицерами:

1) Для наступательной игры выгодно съ самаго начала вывести къ серединѣ доски коней, слоновъ и ферзя.

2) Ладью должно направлять туда, гдѣ предвидится открытая линія. Такъ напр. если предвидится мѣна центральныхъ пѣшекъ, — должно рокировать; если же предвидится открыть крайнюю линію, — не должно рокировать или, если и рокировать, то въ противную сторону.

3) Въ своемъ мѣстѣ замѣтилъ я, что ферзь сильнѣе нѣсколькихъ фигуръ вмѣстѣ, потому что силы двухъ фигуръ въ немъ сосредоточены. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣмъ сильнѣе дѣйствіе шашекъ, чѣмъ онѣ сосредоточеннѣе: лучше дѣйствовать тремя шашками на одинъ пунктъ, чѣмъ четырьмя на четыре.

4) Всякая вообще мѣна, а въ особенности мѣна большихъ фигуръ, напр. ферзей, должно ослаблять атаку уже потому, что сокращаетъ борьбу: чѣмъ атака продолжительнѣе, тѣмъ успѣхъ ея вѣроятнѣе. Нечего и говорить, что если у обороняющагося лишняя пѣшка, какъ это бываетъ въ гамбитныхъ играхъ, мѣну должно избѣгать во многихъ случаяхъ болѣе чѣмъ потерю пѣшки. Прежде чѣмъ рѣшиться на мѣну офицеровъ, должно стараться уничтожить пѣшки неприятеля. Надо всегда помнить и имѣть въ виду, что пѣшка рѣшаетъ игру, между тѣмъ какъ слонъ и конь не всегда.

5) Всего важнѣе при атакѣ — время. Изучая наступательный образъ игры, должно особенное стараніе приложить къ тому, чтобы научиться выигрывать, или по-крайней-мѣрѣ не терять время; ибо сила хода не то что сила шашки, которая почти всегда бываетъ очевидна: въ проигранномъ времени рѣдко кто изъ игро-

ковъ умѣть отдавать себѣ отчетъ; иногда думается, что правильно сыгралъ а входитъ противное. Этотъ элементъ игры, время, всего лучше постигается изъ чтенія, разумѣется внимательнаго, партій Калабрійца и другихъ ему подобныхъ.*)

6) Для обороны врядь ли полезно раскрывать игру съ самаго начала; лучше вывести своихъ офицеровъ тогда, когда обозначится планъ атаки. Но несомнѣнно то, что контръ-атака можетъ имѣть успѣхъ только по отраженіи атаки; ибо шахматы не военная игра: въ шахматахъ ходять по очереди и слѣдовательно, атака всегда возьметъ верхъ надъ контръ-атакой. Впрочемъ, всѣ эти правила относятся до противниковъ равносильныхъ.

7) Атака всего чаще прекращается мѣной; поэтому, если атакующій выводитъ королевскихъ офицеровъ, обороняющійся долженъ выводить ферзевыхъ, и т. п.

Предписать каждой шапкѣ особенную клѣтку и свой образъ дѣйствій — невозможно. На этихъ правилахъ покуда мы остановимся и перейдемъ къ игрѣ пѣшками. Въ этой игрѣ скрываются всѣ трудности, загадки и разгадка искусства владѣть шапками.

---

*) Калабріецъ (т. е. Джіоакино Греко) славился, въ особенности, искусствомъ вести сильныя атаки, сопровождавшіяся не рѣдко блестящими пожертвованіями; по этому надо полагать, что почтенный авторъ, подъ словомъ *другихъ ему подобныхъ* разумѣетъ шахматистовъ, игра которыхъ представляетъ тотъ же сильно-наступательный характеръ.

Прим. Ред.

ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ.

ГЛАВА I.

Нѣтъ на свѣтѣ картины, которая бы производила такое полное впечатлѣніе тишины и безопасности, какъ видъ деревенскаго господскаго дома въ первые часы послѣ восхожденія солнца. Яркій дневной свѣтъ, уже обливающій усадьбу, какъ бы покровительствуетъ ей и ручается за ея безопасность отъ всякаго злого покушенія, а между тѣмъ съ этимъ дневнымъ освѣщеніемъ соединяется тишина и спокойствіе ночи; все еще безмолвно и неподвижно въ дремлющемъ домѣ.

Было дивное іюльское утро: описанная нами тихая прелесть первыхъ часовъ дня покоилась на Башнѣ Мэнуарэй — усадьбѣ, которая носила это имя отъ того, что главная часть строенія состояла изъ квадратной башни, помнящей средніе вѣка и составляющей центръ, около котораго группировались со вкусомъ расположенныя пристройки позднѣйшихъ владѣльцевъ. Зданіе стояло посреди сада, роскошно украшеннаго цвѣтами, которые, привѣтствуя восходъ солнца, бодро поднимали лепесточки, посеребреныя каплями росы и солнечными лучами. Ниже Башни, въ лошинѣ расположена была деревня, оймленная садами и увѣнчанная куполомъ церкви.

Не прошло получаса, какъ, не взирая на раннее время, владѣлецъ дома отворилъ окно своего кабинета, передъ которымъ было устроено нѣсколько ступенекъ, вышелъ и направился, черезъ блистающій цвѣтами садъ,

къ конюшнѣ, гдѣ, по заведенному уже нѣсколько недѣль порядку, стояла приготовленная для него совсѣмъ осѣдланная лошадь: каждый день, когда была хорошая погода, онъ утромъ катался верхомъ. Только что онъ сѣлъ на лошадь, попался ему одинъ изъ находящихся при садѣ рабочихъ, у котораго онъ спросилъ что онъ теперь собирается дѣлать. Работникъ показалъ корзинку съ цвѣточными отростками, которые надобно было посадить въ цвѣтникѣ, и какъ онъ былъ малый довольно наивный, то спросилъ не можетъ ли ему баринъ сказать: какъ угодно барынѣ, чтобы голубья или бѣлыя георгины приходились съ края клумбы.

— Не знаю, сказалъ Фѣрроль:— сажай какъ хочешь.

— Вотъ-то ужъ расходится барыня, если я не угожу, сказалъ садовникъ, почесывая затылокъ.

Услышавъ такое выраженіе объ своей молодой жегѣ, Фѣрроль сурово взглянулъ на садовника и, приказавъ ему идти куда ему слѣдовало, поѣхалъ далѣе.

— Хорошо вотъ какъ вы старшій въ домѣ, сказалъ Ричардъ Фрэнксъ, смотря въ слѣдъ своему господину:— но если была когда нибудь барыня, отъ которой нашему брату, бѣдняку, приходилось жутко, такъ... — тутъ его слова слились въ неясное ворчаніе — но Фѣрроль былъ уже далеко и ничего не слышалъ.

Онъ ѣхалъ потихоньку. Утро было прелестно и онъ по временамъ заговаривалъ съ крестьянннмомъ, идущимъ на поле, или отвѣчалъ на поклонъ цѣлой семьи, работающей въ своемъ собственномъ саду, пока хозяину не пришло время отправляться на господскую работу. Нѣкоторые изъ крестьянъ, встрѣчавшихся ему, пока онъ былъ еще близко къ дому, говорили съ нимъ объ своихъ работахъ или объ какихъ нибудь поправкахъ въ ихъ хозяйственномъ строеніи. Владѣлецъ былъ очень внимателенъ и подробно переговорилъ съ ними со всѣми, такъ что сначала ему пришлось подвигаться впередъ довольно медленно, но, отѣхавъ подальше отъ дому,

онъ далъ шпоры лошади и благородное животное охотно поскакало быстрымъ галопомъ, который повидимому доставилъ всаднику большое удовольствіе. Ъхавши галопомъ, онъ сдѣлалъ небольшой кругъ, такъ что, послѣ всѣхъ остановокъ и отклоненія отъ прямого пути, онъ пріѣхалъ въ деревню, къ которой направлялся, нѣскольکو позже шести часовъ.

— Я очень ранній гость, мистеръ Астонъ, сказалъ онъ фермеру, къ дому котораго онъ подѣхалъ: — но я знаю, что въ этотъ часъ навѣрное застану васъ дома.

— Для насъ ничуть не рано, сэръ, сказалъ фермеръ: — п я много обязанъ вамъ, что вы потрудились пріѣхать. Кажется, что я запутался на-вѣкъ, но если только кто нибудь можетъ мнѣ пособить, такъ это вы.

— Когда назначенъ срокъ для повѣрки отчетовъ, спросилъ Ферроль.

— Черезъ недѣлю отъ завтрашняго дня, сэръ, и клянусь вамъ, что я также невиненъ, какъ малый ребенокъ, а между тѣмъ есть одна сотня фунтовъ, объ которой я рѣшительно не могу сказать куда она дѣвалась.

— Да развѣ вы не вели счеты, какъ другіе приходскіе старосты? сказалъ Ферроль.

— Да, я велъ ихъ точно такъ, какъ двое послѣднихъ старостъ мнѣ показали, но стало быть, сэръ, начальство нынче не такъ уже разсматриваетъ счеты, какъ бывало прежде.

— Можетъ быть, сказалъ Ферроль: — а знаете ли: былъ когда-то великій человекъ, котораго также допекали за денежные отчеты, какъ теперь васъ; его звали Бэконъ.

— Ужъ правду сказать, что достается мнѣ, сэръ. А что Бэкону доставалось, такъ немудрено: когоже и допекать какъ не Бэкона *), сказалъ фермеръ Астонъ, смѣясь отъ всей души.

---

*) Имя Бэкона, которое носилъ знаменитый философъ и канцлеръ, отставленный отъ службы за казно-крадство, по англійски значить ветчина.

— Хорошо сказано: я люблю людей, которые и въ трудныхъ обстоятельствахъ умѣютъ смѣяться. Я за васъ имѣю самыя лучшія надежды. Покажите мнѣ ваши книги и отчеты: я постараюсь въ нихъ добиться настоящаго толка.

— Завтракъ готовъ, сэръ, сказала жена фермера: — не выкушаете ли чашечку чаю съ хлѣбомъ прежде, чѣмъ приняться за счеты.

— Благодарю васъ, съ удовольствіемъ; — съ этими словами, стоя, Фэрроль отрѣзала себѣ ломоть вкусаго хлѣба, и стала ѣсть съ апетитомъ, запивая хлѣбъ чаемъ безъ сливокъ, который сильно отзывался сѣномъ.

— Я боюсь, сэръ, что вамъ не понравится нашъ чай, сказала хозяйка: — хоть мы и платимъ за него у Дюсона въ завѣкъ по пяти шиллинговъ и шести пенсовъ за фунтъ.

— Такъ и Дюсонъ нынче сводитъ счеты не по прежнему, сказалъ Фэрроль, улыбаясь: — впрочемъ благодарю васъ; мнѣ больше хотѣлось ѣсть, чѣмъ пить и вы видите, какой я сѣлъ у васъ ломоть хлѣба. Теперь, Астонъ, покажите мнѣ книги, и приметесь за работу.

Книги, веденныя приходскимъ старостою, дѣйствительно были въ такомъ видѣ, что, при разсмотрѣніи ихъ по улучшенной системѣ отчетности, принятой для приходскихъ суммъ, въ нихъ должно было оказаться не мало погрѣшностей. Впрочемъ фермеръ Астонъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться общественными деньгами; онъ только слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ въ томъ, что подводилъ итоги доходовъ и расходовъ по имѣющимся у него наличнымъ суммамъ, хотя бы этотъ итогъ и не выходилъ естественнымъ образомъ изъ предшествующихъ цифръ. Къ этому способу онъ прибѣгалъ всякій разъ, когда онъ не могъ доказать положительно куда что нибудь израсходовано, былъ ли то фунтъ стерлинга или шиллингъ. По тѣмъ самымъ предметамъ, по которымъ въ одномъ счетѣ кто нибудь

числился должнымъ приходской казнѣ, въ другомъ счетѣ общество оставалось въ долгу у кого нибудь другаго, а въ заключеніи, чтобы уравнять приходъ съ расходомъ, рукою старосты было написано: проскочило неизвѣстно какимъ образомъ 9 фунтовъ, 4 шиллинга 6½ пенсовъ.

Фёрроль сѣлъ за работу, чтобы по возможности разъяснить эту путаницу и со вниманіемъ слушалъ, какъ фермеръ изъ памяти объяснялъ ему то, чего нельзя было видѣть изъ письменныхъ документовъ. Столъ былъ весь покрытъ записочками, на запачканныхъ клочкахъ бумаги, которыхъ суммы Ферроль выписывалъ на чистомъ листѣ, стараясь терпѣливою повѣркою добиться въ нихъ почти невозможнаго толка, — какъ вдругъ раздался топотъ скачущей во весь опоръ лошади и голосъ человѣка, просящаго, что бы ему, ради самаго Бога, сказали, гдѣ мистеръ Фёрроль. Онъ услышалъ свое имя и съ удивленіемъ поднялъ голову, однакоже кончилъ выкладку, которою онъ въ ту минуту занимался, и потомъ уже послѣдовалъ за женою фермера, которая первая бросилась изъ комнаты: онъ нашелъ ее опустившеюся безъ силы на скамейку, которая была передъ дверями, между тѣмъ какъ посланный, прискакавшій за нимъ, стоялъ передъ нею, дрожа всѣмъ тѣломъ и блѣдный какъ смерть.

— Боже мой, вотъ и онъ, вскричала хозяйка, когда Фёрроль вышелъ изъ дому: — бѣдный, бѣдный баринъ — не говори ему, Томасъ.

— Въ чемъ дѣло? — сказалъ Фёрроль, у котораго вся кровь кинулась въ лицо отъ ожиданія. — Говори сію минуту.

— Барыня, сэръ... сказалъ лакей, и руки у него опустились, а поводъ упалъ на землю, но лошадь едва дышала послѣ бѣшеной скачки и не шевельнулась съ мѣста.

— Что же съ барыней?

— Кончила жизньъ, сказалъ слуга: — да еще хуже — барыня убита.

— Убита! повторилъ Фёрроль, — ты съ ума сошелъ.

— Какъ онъ спокойно это принялъ! сказала женщина.

— Онъ не вѣритъ, сказалъ посланный. — Сэръ, барыня зарѣзана въ постели.

Фёрроль не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ никакого вопроса, но, пошатываясь какъ пьяный, пошелъ въ конюшню, гдѣ стояла его лошадь, и, вскочивъ въ сѣдло, съ быстротою птицы проскакалъ мимо дома и исчезъ изъ вида по дорогѣ, ведущей къ Башнѣ.

Онъ примчался домой, но что онъ нашелъ дома? Когда онъ уѣхалъ, царствовали тишина и спокойствіе. Теперь все было въ смятеніи — около крыльца и въ саду толпились слуги и крестьяне. Люди бросались безъ памяти, какъ будто бы искать помощи и только приводили боги и боги дрожащихъ зрителей; ворота растворены настежь; нѣкоторыя изъ оконъ еще заперты ставнями, другія въ смятеніи выбиты; всѣ занятія въ домѣ остановлены — слуги, обезпамятѣвшіе отъ ужаса, толпятся и толкаютъ другъ друга — всѣ спѣшать, сами не зная куда.

Когда господинъ подъѣхалъ къ дому, всѣ бросились къ нему на встрѣчу.

— Что случилось? сказалъ онъ еще разъ, какъ будто бы у него не доставало силы повѣрить тому, что онъ слышалъ.

— Все правда, сэръ, сказалъ констэбль, который былъ приведенъ въ числѣ прочихъ свидѣтелей. — Ваша супруга зарѣзана.

Фёрроль былъ человекъ, одаренный могучею волею и страшною властью надъ самимъ собой; казалось, что онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы принудить себя къ дѣйствию, возмущавшему его душу — онъ направился къ комнатѣ жены.

— Вамъ бы лучше не видѣть ея, сэръ, сказалъ констэбль, останавливая его за руку.

— Видѣть еще не самое тяжкое — есть многое тяжеле, сказалъ Фёрроль и вошелъ въ комнату.

Врачъ еще былъ тамъ; онъ наклонялся надъ тѣломъ, стоя ногами въ крови, которая образовала лужу возлѣ кровати. Мужъ былъ смертельно блѣденъ, но принудилъ себя подойти.

— Были вы дома сегодня утромъ, сэръ? сказалъ докторъ.

— Да, до половины четвертаго. Жизни уже нѣтъ совсѣмъ?

— Жизнь прекратилась съ часъ или болѣе, сказалъ докторъ. — Окно было открыто, какъ вы уѣхали, сэръ.

— Да, она велѣла мнѣ оставить его открытымъ. Но кто убійца? кто?... повторилъ онъ задыхаясь, и съ трудомъ принуждая себя выговорить слово.

— Слѣдовъ никакихъ нѣтъ, — никакого подозрѣнія. Вы не видѣли ли кого нибудь, сэръ?

— Никого не видѣлъ, сказалъ Фёрроль.

— Нечего теперь и спрашивать, сказалъ врачъ, посмотрѣвши на него съ сожалѣніемъ. — Ради Бога, сэръ, выйдите вонъ изъ комнаты. — Но Ферроль въ молчаніи смотрѣлъ на трупъ, хотя по временамъ дрожь пробѣгала по его могучему тѣлу.

— Она убита сонная, сказалъ врачъ: — какимъ-то небольшимъ острымъ орудіемъ. Рана не велика, но смертельна — вотъ здѣсь, — и онъ указалъ пальцемъ немного ниже уха.

— И никакихъ слѣдовъ? повторилъ мужъ, осматривая полъ.

— Никакихъ кромѣ этого, сказалъ врачъ, указывая на приготовленную для купанья ванну, въ которой вода была сильно окрашена кровью. — Здѣсь убійца смылъ съ себя слѣды преступленія.

Фёрроль вздрогнулъ. Даже его сверхъестественно напряженная сила воли не выдержала. Безъ сопротивленія позволилъ онъ себя вывести изъ комнаты; оцуптив-

шись въ толпѣ, онъ опять собрался съ силою и прошелъ мимо всѣхъ твердымъ шагомъ; но оставшись одинъ, вдали отъ всѣхъ любопытныхъ глазъ, онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Констэбль, какъ только узналъ о случившемся, послалъ за коронеромъ; наскоро собраны были присяжные, которые и приступили къ изслѣдованію таинственнаго дѣла. Они осмотрѣли и комнату и самое тѣло, которое лежало распростертое во всемъ позорѣ насильственной смерти; глубокая тишина комнаты составляла рѣзкую противоположность съ царствовавшимъ въ ней безпорядкомъ; смятое бѣлье постели, окровавленный погъ — все это такъ мало походило на то преувеличеніе порядка и чистоты во всей обстановкѣ, которымъ обыкновенно сопровождается молчаніе смерти.

Въ комнатѣ не было найдено никакихъ признаковъ похищенія чего либо, пока кто-то не спросилъ не было ли у покойницы часовъ. Ферроль сказалъ, что она имѣла привычку класть свои часы подъ подушку. Искали подъ подушкой, но часовъ не оказалось, а было кровавое пятно, какъ будто бы рука, взявшая ихъ, была въ крови: все остальное было на мѣстѣ, кромѣ носоваго платка, который, по показанію горничной, былъ при ней, когда она легла въ постель. Пошли въ кабинетъ мужа, бывший рядомъ съ спальней, и тамъ всѣ вещи лежали точно такъ, какъ онъ ихъ оставилъ. Туалетный несесеръ его былъ открытъ на столѣ, и когда одинъ изъ присяжныхъ спросилъ непроцало ли чего нибудь въ немъ, то онъ сказалъ, что, какъ ему помнится, былъ въ несесерѣ ножикъ съ острымъ концомъ, котораго теперъ не оказывается.

Но напрасно искали этого ножа во всѣхъ углахъ спальни. Когда присяжные удалились для совѣщанія, то имъ доставлено было нѣсколько важныхъ показаній. Объяснено было, что мистриссъ Ферроль была женщина очень вспыльчиваго характера, и что за это ее весьма

не любили слуги. Выѣздной лакей показалъ, что ея горничная часто жаловалась на хлопоты, которыя барыня ей доставляла, и наканунѣ еще выразила желаніе, чтобы или ей или барынѣ поскорѣе умереть.

Затѣмъ одна изъ служанокъ, рыдая отъ страха, сказала, что горничная въ это утро встала раньше пяти часовъ, въ очень дурномъ расположеніи духа, и сказала, что она исполнить приказаніе госпожи, но что это будетъ въ послѣдній разъ. Возбудилось нѣкоторое подозрѣніе противъ горничной, но она оправдалась, сказавши, что барыня приказала ей достать цѣлый удой коровы для утренняго умыванія. Она уже прежде это сдѣлала разъ, но баринъ такъ смѣялся надъ нею, что она очень боялась, чтобы онъ опять не узналъ, и поставила горничную обѣщать, что она никому не скажетъ. Приказаніе было непріятное и вынуждало горничную встать раньше обыкновеннаго, и вслѣдствіе того она рѣшилась отказаться отъ мѣста. Такое объясненіе было подтверждено экономкою, къ которой она ходила за локомъ, и это, вмѣстѣ съ показаніемъ прежде допрошенной служанки, вполне удостовѣрило присяжныхъ въ томъ, чѣмъ была занята заподозрѣнная ими женщина, съ тѣхъ поръ какъ она встала и до того времени, когда, вошедши въ комнату госпожи, она громкими криками возвѣстила всему дому о случившемся, — и такимъ образомъ оправдало ее.

Одинъ изъ присяжныхъ, забывши объ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя доказывали, что смерть мистриссъ Ферроль произведена чужою рукою, выразилъ предположеніе, что если она была такъ вспыльчива, то могла весьма легко, будучи въ состояніи раздраженія, совершить самоубійство. Онъ спросилъ: не было ли у нея съ мужемъ какой нибудь ссоры? въ какихъ были они отношеніяхъ?

Нѣтъ, между ними не было никакой ссоры; у барина была рѣшимость не ссориться ни въ какомъ случаѣ.

На это было потребовано объясненіе и оказалось, что многіе изъ прислуги слышали отъ нея, въ разговорахъ ея съ мужемъ, весьма рѣзкія выраженія, но она всегда скоро умолкала передъ Ферролемъ, который имѣлъ особенное умѣніе обращаться съ нею. Затѣмъ слуги начали было пересказывать въ подробности что именно она ему говорила, но этого присяжнымъ не было надобности знать, и они остановили дальнѣйшіе рассказы.

Пропавшихъ часовъ искали съ величайшимъ стараніемъ по всему дому: при этомъ одна женщина, съ которою все время послѣ открытія убійства непрерывно дѣлались истерическіе припадки, показала сильнѣйшее нерасположеніе подвергнуться осмотру. Это была жена крестьянина Фрэнкса, которая жила въ домѣ работницею при кухнѣ. Она не хотѣла отдать свои ключи и говорила: я ужъ знаю навѣрно, что вы скажете будто нашли чтонибудь такое, за что меня надо повѣсать; нашли же разъ по законамъ, что мой сынъ укралъ лошадь, хотъ онъ ея никогда и въ глаза не видалъ; и теперь хотятъ только къ чемунибудь придратъся, чтобъ меня или мужа обвинить въ убійствѣ и всѣхъ насъ погубить. — Когда она упомянула мужа, то велѣно было его сыскать и привести къ присяжнымъ для допроса. Онъ почти столько же испугался, какъ и жена его и, когда его привели въ домъ, то онъ постоянно отворачивалъ голову отъ той комнаты, гдѣ былъ трупъ. Онъ старался отдѣлаться отъ всѣхъ вопросовъ, умоляя присяжныхъ не думать, что онъ убійца. Правда, что его барыня съ нимъ обращалась весьма круто, но онъ ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы на такое дѣло: барыня можетъ быть придаетъ значеніе тому, что онъ утромъ сказалъ, но онъ сказалъ это совершенно спроста, ничего не думая; а что касается до того, чтобы барыню убить, то онъ даже и поросенка зарѣзать рѣшается съ трудомъ.

Какъ работникъ упомянулъ о своемъ господинѣ, то

присяжные спросили у Фёрроля что онъ въ это утро замѣтилъ относительно Фрэнкса. Одинъ изъ присяжныхъ припомнилъ, что Фёрроль сказалъ, будто бы онъ никого не видалъ, когда уѣзжалъ изъ дому. Онъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно говорилъ съ Фрэнксомъ, но что мысль предположить какую нибудь связь между этимъ ужаснымъ дѣломъ и такимъ простымъ и хорошо извѣстнымъ человѣкомъ ему не пришла въ голову.

— Но гдѣ вы его оставили, когда вы уѣхали изъ дому.

— На дворѣ возлѣ конюшни.

— Что онъ собирался дѣлать?

— Работать въ цвѣтникѣ.

По изслѣдованію оказалось, что онъ былъ тамъ одинъ, и что онъ ушелъ оттуда за нѣсколько времени до того, какъ преступленіе было открыто. Одна изъ служанокъ видѣла, что онъ мылъ руки, и показала на допросѣ, что цвѣтъ воды послѣ того былъ красный, какъ отъ крови.

Фёрроль замѣтилъ, что земля въ саду была глинистая и что отъ этого могъ произойти красный цвѣтъ воды; но употребленное служанкою выраженіе сильно по дѣйствовало на присяжныхъ. Они стали подробно спрашивать Фёрроля о разговорѣ, бывшемъ у него съ работникомъ объ его женѣ, и онъ долженъ былъ повторить слова Фрэнкса, хотя съ неохотою, такъ какъ онъ видѣлъ, что обстоятельства соединяются противъ этого человѣка, котораго онъ, по прежде составленному понятію, не могъ считать виновнымъ. Отчаяніе, показываемое женой обвиненнаго, и его собственный ужасъ усиливали впечатлѣніе, такъ, что когда у нихъ насильно взяли ключъ и пошли обыскивать ихъ сундукъ, то всѣ ожидали найти часы и платокъ. Не нашлось ничего; тѣмъ не менѣе подозрѣніе было такъ сильно въ отношеніи къ Фрэнксу и такъ далеко отъ всѣхъ прочихъ слугъ, что его положено было взять подъ стражу.

Когда эта шумная и суетливая сцена кончилась, то

молчаніе смерти всею тяжестью своею налегло на домъ Фёрроля. Потомъ настало время обрядовъ, совершаемыхъ надъ мертвыми: тѣло было прибрано какъ можно лучше и покрыто безупречно-чистымъ полотномъ. Комната была приведена въ порядокъ, рядомъ съ нею расположились тѣ, которые должны были читать молитвы надъ усопшей; въ нѣсколько часовъ домъ перешелъ отъ мирнаго движенія и дѣятельности жизни, къ величественному, но страшному спокойствію, отличающему жилище смерти.

Фёрроль старался какъ можно болѣе избѣгать взглядовъ своихъ слугъ. Они безпрестанно слышали его немолкающіе шаги, видѣли, что съ наступленіемъ ночи онъ выходилъ изъ дому и быстро ходилъ по саду, какъ будто бы ему нигдѣ не было покоя, но онъ не входилъ въ ужасную комнату. Только сильная привязанность могла бы заставить кого нибудь смотрѣть на это зрѣлище, а было хорошо извѣстно, что, хотя супруги жили въ наружномъ согласіи, они давно перестали другъ друга любить.

Фёрроль былъ человѣкъ съ глубокими страстями и съ сильною волею. Первая серьезная привязанность его къ одной дѣвушкѣ была несчастлива, и женщина, на которой онъ въ послѣдствіи женился, была какъ-то замѣшана въ этомъ несчастіи. Она была молода и хороша и нѣкоторое время страстно любила своего мужа; послѣ неудачи въ первой любви своей, онъ скоро и необдуманно женился на ней, но свойства ея были такого рода, что трудно было долго любить ее; когда она нашла, что онъ далекъ отъ того, чтобы отвѣчать на ея страстное обожаніе, и что власть ея надъ нимъ съ каждымъ днемъ уменьшается, она дала волю своему неуживчивому нраву, который сдѣлалъ бы совершенно несчастнымъ всякаго человѣка менѣе энергичнаго, чѣмъ былъ ея мужъ. Но онъ съ непоколебимой рѣшимостью избѣгалъ всякой ссоры, и сохранялъ съ нею приличныя и даже

дружескія отношенія, которыхъ требовало ихъ положеніе. Человѣкъ, болѣе заботящійся о мнѣніи другихъ, вѣроятно принудилъ бы себя входить въ ея комнату, но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, Фёрроль былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что объ немъ говорили.

По этому не безъ удивленія увидѣли гробовщики, уже приготовившіеся заколачивать гробъ, что Фёрроль вошелъ въ комнату и приблизился къ тѣлу.

— Жена моя, сказалъ онъ, — оставила одно распоряженіе, которое я теперь хочу исполнить. — Съ этими словами онъ положилъ въ гробъ небольшой пакетъ, который онъ держалъ въ рукѣ. Потомъ онъ снялъ покровъ съ лица, котораго онъ не видалъ съ самаго дня убійства. Оно было такъ прилично убрано, какъ только было возможно, но черезъ столько дней и притомъ послѣ такой насильственной смерти весьма мало походило на прекрасное, сіяющее здоровьемъ лицо его молодой жены. Онъ не сказалъ ни слова, ни одна черта въ его лицѣ не шевельнулась; онъ посмотрѣлъ на нее, стольже блѣдный какъ ея тѣло, и наконецъ отвернулся съ усиліемъ, похожимъ на послѣднее усиліе человѣка, который борется съ параличемъ, но прежде чѣмъ прошелъ черезъ комнату, онъ опомнился и воротился, сказавши: я хочу видѣть крышку заколоченную надъ этимъ пакетомъ; — потомъ, взявшисъ за спинку кресла, простоялъ неподвижно пока покровъ былъ положенъ на мѣсто, тѣло закрыто саваномъ, крышка гроба наложена и прибита гвоздями. Прежде чѣмъ это все было кончено, онъ совершенно взялъ верхъ надъ своими чувствами и вышелъ изъ комнаты уже твердымъ шагомъ. Послѣ этого, до самаго дня погребенія, онъ нѣсколько разъ приходилъ и по нѣсколько минутъ смотрѣлъ на гробъ. Ни разу онъ не плакалъ и не молился надъ нимъ, и ни разу не притворялся въ томъ, что плачетъ или молится. Чтецы, привыкшіе видѣть плачь и моленіе родственниковъ надъ умершими, шопотомъ осуж-

дали Фёрроля за то, что онъ не былъ похожъ на другихъ людей, но ясно было, что онъ въ этомъ случаѣ, столькоже какъ и во всякомъ другомъ, равнодушенъ къ похвалѣ и порицанію своихъ поступковъ.

Не безъ нѣкотораго затрудненія судьи, къ которымъ приведенъ былъ Фрэнксъ, рѣшились его заключить въ тюрьму. Всѣ улики противъ него были весьма сомнительны. Даже кадка, въ которой его руки окрасили воду, свидѣтельствовала въ его пользу скорѣе, чѣмъ противъ него; очевидно было, что убійца смылъ съ себя кровь въ той самой комнатѣ, гдѣ совершено было преступленіе, и если бы это былъ Фрэнксъ, то весьма невѣроятно, чтобъ на его рукахъ осталось еще довольно крови, чтобы окрасить воду въ кадкѣ. Слѣдовательно догадка Фёрроля, что онъ смылъ съ рукъ своихъ глину, была самая вѣроятная.

Но одинъ изъ судей, мистеръ Бартлетъ, владѣлецъ замка ближайшаго къ Башнѣ, имѣнію Фёрроля, на котораго кадка сдѣлала сильное, хотя и безсознательное впечатлѣніе, замѣтилъ, что невѣроятно, чтобы вода получила цвѣтъ крови, если въ ней крови не было, и что такъ какъ Фрэнксъ мылъ руки въ кадкѣ, то счевдно, что руки у него были въ крови. — И если вы хотите знать мое мнѣніе, прибавилъ онъ, — то я полагаю, что не слѣдуетъ убивать никого, а въ особенности благородныхъ дамъ; и не вижу справедливости въ томъ, чтобы оставить гулять на свободѣ убійцу, который насъ всѣхъ перерѣжетъ.

Улыбка презрѣнія мелькнула на устахъ Фёрроля. — А въ томъ, чтобы повѣсить невиннаго человѣка? сказалъ онъ тихо; но жена Фрэнкса, услышавъ эти слова, бросилась передъ нимъ на колѣни, осыпала его благословеніями и прошептала: только спасите его, и я все расскажу, мистеръ Фёрроль.

— Все, воскликнулъ онъ, отступивши на шагъ, и повторилъ ея слова во всеуслышаніе.

— Такъ раскажи все.

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, вдругъ умолкли, только мистеръ Бартлетъ потиралъ руки и прошепталъ: вѣдь я вамъ говорилъ, господа.

Но женщина, опомнившись и понявши что она сдѣлала, отрекалась отъ своихъ словъ, сказавши, что ей нечего объявить и что это у нея только такая манера; что сосѣди знаютъ, что она иногда бываетъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ, и что у нея голова совсѣмъ кругомъ пошла съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла свою милую барыню въ этой ужасной комнатѣ. Дѣйствительно, когда она, говоря объ этомъ, возобновила въ своемъ воображеніи страшную картину, это впечатлѣніе подѣйствовало на нее такъ, что съ нею сдѣлалась истерика, въ которой ее и должны и были унести.

Но все это сдѣлало на судей впечатлѣніе невыгодное для обвиненнаго, который стоялъ передъ ними дрожащій и блѣдный какъ смерть, слушая показаніе за показаніемъ, какъ мы слушаемъ трагедію, и не различая уже лжи отъ истины. Его нерасположеніе къ госпожѣ доказано было многими свидѣтельствами; разговоръ Фэрроля съ нимъ доказывалъ, что онъ знаетъ, что она въ это утро была одна.

Онъ былъ, какъ оказалось, единственное лицо, находившееся въ саду, куда открывалось ея окно, и извѣстно было, что онъ находился тамъ одинъ; никакой другой двери или окна не было отворено въ домѣ; на рукахъ его были знаки царапинъ, о которыхъ онъ сказалъ сначала, что онѣ сдѣланы кошкою въ то время какъ онъ отнималъ у нея котятъ, а потомъ, когда его спросили куда онъ дѣлалъ котятъ, онъ представилъ другое объясненіе и сталъ утверждать, что оцарапался, пересаживая въ саду кустъ шиповника.

Все это подтверждало подозрѣнія, хотя Фэрроль и сказалъ, что этотъ человѣкъ, живущій у него уже нѣсколько лѣтъ, при всякомъ необыкновенномъ случаѣ

какъ-то особенно терялся и приводилъ одно за другимъ разныя оправданія, отъ которыхъ самъ черезъ минуту отступался.

Мистеръ Бартлетъ сталъ вертѣться на своемъ мѣстѣ и прошепталъ своему сосѣду, что, если кто желаетъ знать его мнѣніе, то онъ думаетъ, что весьма неприлично мужу оправдывать человѣка, зарѣзавшаго его жену.

Фёрроль отчасти разслышалъ эти слова и попросилъ повторить ихъ громко, и когда старый судья вынужденъ былъ повторить свои слова, то у Фёрроля вся кровь бросилась въ лицо; съ большимъ волненіемъ, нежели можно было замѣтить въ немъ до тѣхъ поръ, онъ сказалъ, что человѣка, который въ его глазахъ невиненъ, онъ защититъ, какія бы обвиненія ему ни пришлось навлечь на самого себя; затѣмъ обратившись къ Фрэнксу продолжалъ: даю тебѣ честное слово, Фрэнксъ, что тебѣ никто ничего не сдѣлаетъ — конечно если ты невиненъ, прибавилъ онъ другимъ тономъ.

Работникъ взглянулъ на него взоромъ, полнымъ надежды, но Фёрроль удалился отъ благодареній, въ которыхъ тотъ началъ разсыпаться, — какъ будто чувствуя, что онъ уже слишкомъ много сдѣлалъ и слишкомъ выставился впередъ, а судьи, при которыхъ происходили такія объясненія и которымъ все это должно было казаться довольно страннымъ, слѣдую своему крайнему убѣжденію, опредѣлили Фрэнкса заключить въ тюрьму.

Фёрроль естественно желалъ удалиться отъ того мѣста, гдѣ произошло такое несчастіе, но рѣшился дожидаться засѣданія суда и рѣшенія судьбы Фрэнкса. Между тѣмъ онъ приступилъ къ устройству дѣла, проптекавшихъ изъ смерти его жены. Она принесла ему значительное состояніе, пользованіе которымъ, по брачному контракту, было присвоено ему пожизненно, но онъ отказался оставить себѣ какую либо часть его. Онъ поручилъ своему стряпчему передать все это состояніе ея брату, который былъ единственный ея близкій родствен-

никъ; даже туалетныя драгоценности, ей принадлежавшія, онъ, не разсматривая ихъ, заперъ въ ящикъ, въ которомъ онъ всегда сохранялись, и на другой день послѣ похоронъ передалъ своему деверю.

Во всемъ этомъ выразалось болѣе печали объ судьбѣ покойницы нежели любви къ ней: кто бы рѣшился отдать добровольно все, что осталось отъ особы, о которой ему приятно вспомнить. Но что болѣе всего возбуждало негодованіе престоляродья и необразованныхъ людей другихъ классовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ мистеръ Барлетъ — это памятникъ, который онъ поставилъ на могилѣ мистриссъ Фэрроль. По ихъ мнѣнію о всякой покойницѣ слѣдовало сказать по крайней мѣрѣ, что она была хорошая жена, а женщина зарѣзанная должна была быть самою лучшею изъ женъ. Но лучшею изъ женъ мистриссъ Фэрроль не была и въ надписи этого не было сказано. Написаны были только слѣдующія слова.

Анна, дочь Роберта Гордона и жена Поля Фэрроля, владѣльца Башни — кончила жизнь отъ руки убійцы, 4 іюля 18 —.

Кто былъ убійца — этому не суждено было открыться: въ судѣ Фрэнксъ, имѣвшій адвокатомъ мистера Гарроби, одного изъ друзей Фэрроля, послѣ долгаго и весьма тщательнаго обсужденія дѣла, оправданъ. Но сосѣди никакъ не могли забыть, что онъ былъ въ подозрѣніи. По его усиленной просьбѣ, Фэрроль далъ ему и женѣ его средства переселиться въ Канаду. Много толковъ было возбуждено покровительствомъ, которое онъ оказывалъ этому человѣку, но Фэрроль къ общественному мнѣнію питалъ невыразимое презрѣніе, и, тотчасъ по окончаніи суда, устроилъ свои дѣла какъ бы для продолжительнаго отсутствія и отправился — осиротѣлый и сравнительно обѣдѣвшій — никто не зналъ куда.

ГЛАВА II.

Довольно долгое время послѣ этихъ событій, о Ферролѣ почти ничего не было слышно; хотя черезъ управителя его и знали, гдѣ онъ находится, но совершенно неизвѣстно было что онъ дѣлаетъ.

Прошло еще нѣсколько времени послѣ убійства первой жены Ферроля, какъ вдругъ онъ написалъ, чтобы домъ привели въ порядокъ для его возвращенія, и что онъ ѣдетъ съ женой. Къ этому онъ не прибавилъ ни одного слова, и простодушные поселяне были огорчены пренебреженіемъ своего помѣщика къ тому сочувствію, которое они не преминули бы выразить ему по случаю его бракосочетанія. Тѣмъ не менѣе, хотя и не имѣлось въ виду тѣхъ данныхъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ свадьбу, крестьяне смутно сознавали, что нужно было бы сладить какое нибудь торжество для приема попой барыни, и еще толковали нерѣшительно объ устройствѣ на дорогѣ триумфальной арки съ надписью изъ цвѣтовъ: добро пожаловать или поздравляемъ съ пріѣздомъ, — какъ въ одно прекрасное утро они узнали, что Ферроль съ женою пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ.

На другой день супруги гуляли по деревнѣ и вмѣстѣ обошли всѣ живописнѣйшіе виды, съ которыми обыкновенно старые жители какого нибудь мѣста знакомятъ новыхъ. Въ этомъ околodкѣ находились Паркъ — такъ назывался домъ семейства Бартлетъ и Башня — имѣніе Ферроля, а около двухъ господскихъ домовъ была раскинута деревня и группировались фермы, принадлежащія къ Парку и къ Башнѣ. Первое имѣніе прострaнствомъ было гораздо значительнѣе втораго, но Ферроль былъ можетъ быть богаче своихъ сосѣдей, потому, что у него было меньше нуждъ и меньше долговъ.

Мистеръ Бартлетъ, старый судья, котораго проницательность выказалась при слѣдствіи, вскорѣ послѣ того

умеръ, и вдова его съ многочисленнымъ семействомъ жила въ большомъ домѣ, и по крайнему разумѣнію управляла имѣніемъ своего старшаго сына. Она была самая честная и простая женщина на свѣтѣ, но принадлежала къ одному изъ первыхъ семействъ въ графствѣ, и потому держалась нѣкоторыхъ особыхъ понятій о томъ, что слѣдуетъ и чего не должно дѣлать. Она сама нѣсколько разъ говорила и многіе около нея говорили тоже самое, что весьма странно было со стороны Ферроля поѣхать и жениться на особѣ, о которой въ сосѣдствѣ никто ничего не зналъ, и никого не увѣдомить объ этомъ, пока дѣло не состоялось и даже, какъ оказывалось теперь, довольно долго послѣ свадьбы, — такъ какъ вмѣстѣ съ молодыми супругами пріѣхала нянька съ дѣтятей — притомъ бракъ его долженъ былъ придтись такъ скоро послѣ ужасной смерти первой его жены, бѣдняжки! и т. д.

По всѣмъ этимъ причинамъ, леди Люси Бартлетъ не сдѣлала Ферролямъ визита тотчасъ по пріѣздѣ ихъ, не сдѣлала также и послѣ перваго воскресенья, когда она видѣла ихъ въ церкви, — какъ было бы при другихъ обстоятельствахъ.

Ферроль замѣтилъ это и принялъ вслѣдствіе того свои мѣры. Онъ сообразилъ какія удобства должны были произойти, и какія непріятности избѣгнутся установленіемъ естественныхъ отношеній между его женою и леди Люси, и рѣшился употребить часть времени на устройство этого дѣла. Съ такимъ намѣреніемъ онъ, передъ завтракомъ, взялъ шляпу и, сказавши женѣ, что леди Люси Бартлетъ сдѣлаетъ ей визитъ около трехъ часовъ, отправился въ большой домъ. Леди Люси немного сконфузилась, но онъ поддержалъ ее дружескими распросами о здоровьи ея дѣтей и нѣсколькими добрыми совѣтами на счетъ одного изъ фермеровъ ея сына, который отбился отъ рукъ у нея и у управителя. Послѣ

этого онъ сдѣлалъ паузу въ нѣсколько секундъ и наконецъ заговорилъ объ себѣ:

— Вамъ нѣкого распросить объ моей женѣ, леди Люси. Здѣсь никто ничего не знаетъ объ ней, такъ я вамъ все скажу, и тогда не нужно будетъ вамъ разузнавать тамъ и сямъ, что привело бы васъ только къ какимъ нибудь нелѣпостямъ. Жена моя урожденная миссъ Шельдонъ.

— Какъ, изъ Царункнейскихъ Шельдоновъ, сказала леди Люси.

— Да, изъ этого самаго рода.

— Это очень древній родъ, сказала леди Люси.

— О конечно; Вильгельмъ Завоеватель отдалъ ихъ въ холопы Гантерамъ, имѣвшимъ привилегію носить за нимъ его перчатки, но это было такъ давно, что самое это рабство стало доказательствомъ ихъ знатности. Такъ, мистриссъ Ферроль одна изъ дочерей Джонсона Шельдона, и внучка Джона Шельдона, владѣвшаго имѣніемъ Абборкардсъ; отецъ ея умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія.

— Я объ немъ очень много слышала, сказала леди Люси.

— Я любилъ ее прежде, чѣмъ женился на первой женѣ, сказалъ Ферроль; — но насъ разлучили, и я въ слѣдствіе того сдѣлалъ два дѣла — едва не уморилъ ее съ горя, и женился на первой моей женѣ.

— Да! право... бѣдняжка — это ужасно — вамъ бы надо... право...

— Да! право, это ужасно, сказалъ Ферроль, передразнивалъ ее такъ, что она не замѣтила, — но такъ было, а потомъ, какъ вы сами сказали, она, бѣдняжка, кончила жизнь и я уѣхалъ. Я встрѣтился съ миссъ Шельдонъ — или нѣтъ, я даже поѣхалъ ее искать. Она была больна; мы открыли безчеловѣчную хитрость, которая насъ разлучила, и женились. Это женщина, которую я боготворю, сказалъ онъ съ порывомъ страсти и тотчасъ же продолжалъ спокойнымъ тономъ: вотъ вамъ ея исторія, а

приданого за нею не было ни одного шиллинга. Теперь вы все знаете изъ самаго вѣрнаго источника.

Леди Люси не знала, что ей сказать; она не была совершенно увѣрена въ томъ, что пріобрѣтенныя ею знанія приводили дѣло въ удовлетворительный порядокъ, но Ферроль не нуждался въ ея комментаріяхъ.

— Не хотите ли прогуляться по этой отличной погодѣ; сказалъ онъ, вставая съ мѣста.

— Да, сказала она, я вамъ покажу дугъ...

— Пойдемте лучше вмѣстѣ сдѣлать визитъ мистриссъ; позвольте вамъ предложить мою руку.

Леди Люси Бартлетъ пошла и надѣла шляпку, не разивъ ничего Ферролю.

На этомъ Ферроль желалъ остановиться, но его собесѣда, получивъ такимъ образомъ первый толчокъ, показала расположеніе къ ближайшему знакомству. Она была очарована мистриссъ Ферроль, которая по дѣйствительно могла сдѣлать впечатлѣніе на кого угодно: ея грація, пріятность обращенія и изящество занятій, которыми она была окружена, не были потеряны для леди Люси. Она понимала, что этой сосѣдкѣ не было бы цѣны, еслибы только удалось довести ее до ближайшаго знакомства, и затѣмъ, на сколько достало у нея умѣнія, старалась искусно вести свои подкопы. Въ послѣдній годъ передъ кончиною жены, Ферроль довольно часто у нея бывалъ; она была очень расположена къ нему, хотя немного его побанвалась, и, отдавалъ справедливость его уму, его умѣнію говорить со всякимъ, знала ему цѣну и какъ гостю за столомъ и какъ помощнику въ дѣлахъ. И такъ на первый разъ она послала къ сосѣдямъ въ подарокъ оленя — въ Паркѣ были олени, а въ Башнѣ ихъ не было; потомъ какъ только визитъ былъ ей, отданъ; отправила къ Ферролямъ приглашеніе къ обѣду. На это приглашеніе послѣдовалъ отказъ конечно весьма вѣжливый, но леди Люси показалось, что представленная сосѣдями причина болѣе похожа на придуманную,

нежели на дѣйствительно существующую. Она полагала, что отказъ произошелъ отъ неудовольствія, которое пѣли къ ней за замедленіе ея перваго визита, и отъ всей души бранила себя за неумѣніе упрочить себѣ пріятное знакомство, которое было ей такъ доступно, а теперь казалось недостижимымъ.

За обѣдомъ, на которомъ мистеръ и мистриссъ Фёрроль не присутствовали, леди Люси очень много говорила объ нихъ, въ особенности объ послѣдней, и внушила своимъ родственникамъ и сосѣдямъ, лорду и леди Ювайасъ, желаніе познакомиться съ ними. Вслѣдствіе того на другое утро они отправились изъ Парка, съ хозяйкою и еще человѣками двумя знакомыхъ, пѣшкомъ, сдѣлать визитъ жителямъ Башни. Они вошли черезъ садъ и приближаясь къ открытому окну услышали прелестное пѣніе.

— Какъ хорошо было бы для нашихъ большихъ обѣдовъ въ деревнѣ завербовать такую пѣвицу, сказала леди Ювайасъ. Подходя ближе, они увидѣли ее въ окно въ простенькомъ, но изящно спитомъ платьѣ, съ непокрытыми волосами: какъ по одеждѣ, такъ и по блѣдному, правильному лицу можно было узнать въ ней женщину лучшаго общества.

— О это дама, которая можетъ быть принята гдѣ угодно, сказалъ лордъ Ювайасъ.

Они вошли. Мистриссъ Фёрроль была одна дома, безъ мужа, но приняла ихъ прекрасно — хотя ей пришлось быть одной хозяйкою на цѣлый легіонъ гостей, но ея достало на все; не было минуты, въ которую она могла бы показаться слишкомъ угодливою, или въ чемъ нибудь странною; ни разу не затруднилась она своимъ положеніемъ; упомянули гости о какой-то мѣстности по сосѣдству, — у нея оказались рисунки съ этой мѣстности мастерски сдѣланные; разбился кружокъ гостей — она попросила ихъ посмотрѣть садъ и дать ей совѣтъ о переѣздѣ, которую ей хотѣлось сдѣлать въ немъ.

Этимъ и разными другими средствами она съумѣла, какъ нельзя удачнѣе, занять общество въ продолженіи всего визита.

Прежде чѣмъ онъ кончился, возвратился самъ Фёрроль; онъ умѣлъ себя держать соотвѣтственно разности половъ, также хорошо, какъ и его жена, притомъ ему не нужно было столько налегать на свою изобрѣтательность, потому, что онъ былъ уже болѣе или менѣе знакомъ со всѣми лицами, составлявшими кружокъ, и имѣлъ съ ними много предметовъ общаго интереса. Никогда разговоръ не могъ идти глаже, чѣмъ шелъ у него съ гостями. Но когда черезъ недѣлю, прежде чѣмъ Фёрроли успѣли отдать визитъ, лордъ и леди Ювайасъ послали просить ихъ погостить на нѣсколько дней, то хозяева Башни отвѣчали отказомъ, опять болѣе вѣжливымъ, нежели основательнымъ.

Лорду и леди Ювайасъ это было очень досадно, такъ какъ въ деревни потеря знакомства, которое могло бы быть пріятнѣе обыкновеннаго, весьма чувствительна; они приписали этотъ отказъ своей поспѣшности — тому, что они не дождались отдачи своего визита, и отъ души сожалѣли, что упустили пріобрѣтеніе, бывшее уже въ ихъ рукахъ, пожелавъ слишкомъ скоро имъ воспользоваться.

Такъ чтоже дѣлали Фёрроли, если они не хотѣли ѣздить къ своимъ сосѣдямъ? Жили одни, довольствуясь обществомъ другъ друга и находя достаточныя для себя занятія дома.

Большую часть своего времени мистеръ Фёрроль посвящалъ литературному труду; пріобрѣтенная имъ извѣстность на этомъ поприщѣ была одною изъ лучшихъ сторонъ его существованія и доставила ему, въ извѣстномъ кругу, значительное положеніе. Нѣсколько вещей, прежде имъ написанныхъ, встрѣчены были всеобщимъ одобреніемъ, и теперь, когда онъ сталъ жить въ деревнѣ, появлялись отъ времени до времени или блиста-

тельная журнальная статья или прелестное стихотворение или занимательная повѣсть, которыя напоминали объ немъ читающей публикѣ. Въстѣ съ тѣмъ онъ былъ одаренъ тѣмъ практическимъ складомъ ума, который доставляетъ человѣку возможность быть полезнымъ при всякомъ дѣлѣ, къ какому бы онъ ни приложилъ руки; съ этими преимуществами и съ хорошо устроеннымъ состояніемъ онъ былъ въ самомъ лучшемъ положеніи, какое только возможно имѣть. Леди Люси скоро замѣтила, что поддержать относительное положеніе большаго дома противъ меньшаго посредствомъ подарковъ невозможно. Она могла посылать Фѣрролю въ подарокъ только съѣстные вещи — фазановъ или рыбу; а онъ дарилъ ей въ началѣ января букетъ розъ изъ своего зимняго сада, и могъ дать ей прочесть каждое новое сочиненіе послѣ того, какъ оно было прочитано имъ и женой. На столько онъ и бывалъ любезенъ къ ней, но никогда не обѣдалъ въ Паркѣ, и не допускалъ слишкомъ короткаго знакомства; по его расположенію, дѣла могли идти такимъ образомъ до скончанія вѣка, но въ Паркѣ произошли такія вещи, которыя заставили Фѣрроля нарушить свою привычку или измѣнить принятому правилу.

Наслѣдникъ дома Бартлетовъ былъ славный мальчикъ, но нѣсколько измѣнился къ худшему послѣ смерти отца; онъ сталъ такъ упрямъ, что женщины, составлявшія семейство, всѣ боялись его и достигали спокойствія въ домѣ только тѣмъ, что угождали и подчплялись ему во всемъ, а онъ тиранствовалъ надъ ними, выказывая ежедневно капризы, которые слѣдовало въ школѣ выгнать розгою, и, не слушаясь никого, шелъ прямымъ путемъ къ тому, чтобы сдѣлаться совершеннымъ негодяемъ. Несчастливая мать была его опекуницей, и, сознавая въ тоже время и лежащую на ней отвѣтственность и свое безсиліе пособить бѣдѣ, приходила въ совершенное отчаяніе. Однажды она, будучи поставлена въ крайность, послала къ Фѣрролю просить его пріѣ-

хоть къ ней немедленно; исполнивъ ея просьбу, онъ вышелъ ея выходящую изъ себя отъ страха, что онъ не успѣетъ пріѣхать въ теченіи полчаса, оставшагося до возвращенія ея сына съ утренней прогулки.

Дѣло было вотъ въ чемъ: Гюгъ Барлеттъ заблагодарилъ объявить, что онъ въ этотъ день поѣдетъ кататься на лошади, которая была годна ко всему на свѣтѣ скорѣе, чѣмъ къ тому, чтобы на ней ѣздить мальчикъ; сдѣланныя матерью возраженія онъ назвалъ *чепухой*, и, такимъ образомъ отдѣлавшись отъ нея, приказалъ приготовить лошадь.

Фѣрроль разсмѣялся, когда ему рассказали дѣло. — Вы не рѣшитесь дѣйствовать сами, я знаю, сказалъ онъ, но я отъ вашего имени сейчасъ прикажу, чтобы лошадь разсѣдали — мальчикъ не долженъ сломать себѣ шею; — съ этими словами онъ всталъ, чтобы позвонить. — Ахъ! нѣтъ, сказала мать, онъ этого не стерпитъ — еслибы вы могли его уговорить... — Слово уговорить некстати, когда рѣчь идетъ объ мальчикѣ, сказалъ Фѣрроль, позвонивши и отдавая надлежащее приказаніе; — вы меня призвали и я буду дѣйствовать за васъ. Какіе бы упреки я отъ васъ заслужилъ, если бы я не сумѣлъ помѣшать этой поѣздкѣ, и его бы принесли домой съ переломанными костями.

— Ахъ! какъ можно... Боже мой! вскричала мать; но вы не знаете какъ онъ разсердится.

— Онъ разсердится — кому до этого дѣло?

— Это правда, отвѣчала она, заливаясь слезами; — но онъ такъ перемѣнился послѣ смерти отца, и мнѣ съ нимъ столько хлопотъ.

— Вамъ надобно отдать его въ школу, сказалъ Фѣрроль.

— Я знаю, что это было бы лучше, отвѣчала мать, — но отецъ его сказалъ, почти передъ самою кончиной, чтобы я этого не дѣлала; онъ взялъ меня за руку и поставилъ меня обѣщать, что я его никогда не отдамъ въ школу.

— Ну это *чепуха*, какъ говорить вашъ сынъ; почему могъ мистеръ Бартлетъ знать, что будетъ полезно его сыну черезъ нѣсколько лѣтъ.

Леди Люси совсѣмъ растерялась.

— Какъ! пренебречь послѣдними словами дорогаго моего мужа? вскричала она.

— Хорошо, скажите же мнѣ какого рода мальчикъ онъ былъ въ то время?

— О, совсѣмъ не такой, какъ теперь, вы сами знаете, онъ былъ очень смиренъ, даже робокъ; отецъ умѣлъ держать его въ рукахъ, и мнѣ кажется онъ даже подумалъ не слишкомъ ли строго онъ его держалъ; такъ ужъ, какъ пришелъ ему конецъ, онъ и говоритъ мнѣ: будь добра съ Гюгомъ, оставь его дома — обѣщай, что ты никогда не отдашь его въ школу.

— Но вы не можете сказать, чтобы онъ былъ робокъ теперь.

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно обѣщаніе ваше не имѣетъ силы.

— Но все таки я это обѣщаніе дала.

— Дали-то дали, но исполнять не приходится.

— Ахъ! мистеръ Фёрроль, какъ вы это говорите? еще такой ученый человѣкъ.

— До моей учености дѣло нисколько не касается, да и вообще разсуждать тутъ нечего. Мальчикъ, имѣющій отъ природы самыя лучшія качества, балуется; единственное средство образумить его и сдѣлать его достойнымъ назначеннаго ему въ жизни положенія — отдать его въ школу. Вотъ положительные факты, а все остальное надобно выкинуть изъ головы; по моему мнѣнію единственный вопросъ въ этомъ дѣлѣ тотъ: въ какую именно школу его помѣстить.

Съ этой точки зрѣнія невозможно было сбить Фёрроля, отвлеченныя же затрудненія — угрызения совѣсти, предстоящія матери онъ — оставлялъ совершенно въ сторонѣ, какъ незаслуживающія никакого вниманія; впол-

нѣ убѣжденный, что предлагаемая имъ мѣра полезна и даже необходима, онъ неотступно настаивалъ, чтобы она была принята, и тотчасъ уничтожалъ всѣ представляемыя леди Люси возраженія. Она издавна привыкла виноваться чужой волѣ: не имѣя ничего болѣе отвѣчать, и видя, что слезы ея нисколько не измѣняютъ дѣла, она съ удивительною скоростью приняла убѣжденіе Ферроля, и разрѣшила ему написать объ ея сынѣ одному изъ его знакомыхъ, весьма опытному по учебной части. Она была единственною опекуншею сына; тѣмъ не менѣе во все время спора ей казалось, что дѣло все-таки не сдѣлается: что объ немъ поговорятъ, погрозятъ мальчику и это будетъ имѣть полезное дѣйствіе на него, а затѣмъ, если полезнаго дѣйствія не послѣдуетъ, то пожалуй можно попытаться и исполнить; но, скрывая въ душѣ своей всѣ эти маленькія сомнѣнія, она не знала того человѣка, которому ввѣрилась.

Какая огромная перемена произошла въ судьбѣ молодого Бартлета къ тому времени, когда онъ заблагодарсудилъ вернуться домой, ожидая найти приготовленную лошадь! Ферроль взялся съ нимъ переговорить и объяснить ему, что, если онъ недоволенъ своею дѣтскою лошадкою, то долженъ гулять пѣшкомъ, и что, такъ какъ мать не можетъ съ нимъ справляться сама, то ему надобно поступить въ школу. Онъ взялъ его съ собою прогуляться для этого разговора, и мальчикъ, какъ всегда бываетъ съ дѣтьми, когда они нападутъ на благо-разумнаго и толковаго человѣка, оказался мягокъ, какъ воскъ, и совершенно подчинился Ферролю. Какъ онъ передъ этимъ тиранствовалъ надъ матерью и надъ всѣми служанками мы рассказывать не станемъ, но то достоверно, что мѣсяць спустя онъ уже былъ на пути къ одной изъ лучшихъ частныхъ школъ, изъ которой онъ долженъ былъ черезъ полтора года перейти въ Итонъ.

Эта важная услуга была не единственною, въ которой нуждалась леди Люси Бартлетъ. Незнаніе нѣкото-

рыхъ и плутовство другихъ между лицами, которымъ она ввѣрила свои денежныя дѣла, поставили ее въ такое положеніе, что она чувствовала себя запутанною и не находила исхода своимъ затрудненіямъ. Наконецъ, когда состояніе ея дѣлъ пришло къ кризису, управитель сказалъ, что онъ можетъ предложить ей средство къ спасенію. Подаваемые ей къ уплатѣ счета могли быть вѣрны, могли также быть преувеличены, но во всякомъ случаѣ онъ не можетъ отвѣчать за это, если леди будетъ продолжать расплачиваться по нимъ. Дѣла, по его мнѣнію, пришли къ настоящему запутанному состоянію отъ того, что она вездѣ расплачивалась сама; онъ съ своей стороны старался дѣлать все на свѣтѣ, чтобы удержать ихъ въ порядкѣ, но ясно, что пока ему не предоставлено полной власти, у него руки связаны, и всѣ старанія его не могутъ принести существенной пользы.

— Въ чемъ же средство выйти изъ затрудненій, спросила бѣдная леди Люси.

Средство состояло въ томъ, чтобы она ему довѣрила выдавать кредитивы на ея банкира *) за своею подписью; такимъ образомъ, имѣя возможность всегда уплачивать счета, онъ надѣялся скоро привести ея дѣла въ порядокъ. Леди конечно могла быть увѣрена, что слуга, пользовавшійся расположеніемъ ея незабвеннаго супруга, будетъ также беречь ея деньги, какъ свои собственныя и т. д.

Леди Люси исполнила его желаніе. Управитель любилъ пользоваться довѣріемъ и властью, но не имѣлъ намѣренія ее обманывать; между тѣмъ онъ задолжалъ и подвергся искушенію поправить свои дѣла, употребивъ въ свою пользу изъ ея денегъ небольшую сумму, которую онъ намѣренъ былъ непременно возратить. Скоро

---

*) У англичанъ есть обыкновеніе никогда не держать денегъ дома, но вносить даже свой текущій доходъ къ банкиру, такъ что всякая значительная уплата производится посредствомъ выдачи кредитива на этого банкира.

однакоже это сдѣлалось неудобносполнимымъ, а управитель, увидѣвъ невозможность возвратить даже и маленькую сумму, началъ смѣло брать большія. Задолжавъ значительно своей довѣрительницѣ, онъ вдругъ удвоилъ долгъ, предположивъ сдѣлать спекуляцію по торговлѣ хмѣлемъ, которая должна была доставить ему возможность совершенно расплатиться; но какъ урожай хмѣля оказался плохъ, онъ собралъ свои деньги и бѣжать въ Соединенные Штаты, оставивъ письмо, въ которомъ объяснялъ, что очень сожалѣетъ обо всемъ этомъ дѣлѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ леди Люси Барлетъ обратилась къ Фёрролю; смущенной, сбитой съ толку и неимѣющей никакого понятія о дѣлахъ, помощь была ей въ высшей степени необходима и Фёрроль охотно рѣшился помочь ей. Весь маленькій міръ, среди котораго она жила, былъ потрясенъ, и не малаго труда ему стоило возстановить порядокъ. Временное уменьшеніе всѣхъ расходовъ, радикальное сокращеніе всего домашняго штата, приведеніе въ должный размѣръ издержки на содержаніе птичьяго двора, составившее экономіи до ста фунтовъ въ годъ: прекращеніе вѣчнаго питья пива, которымъ сосѣдніе крестьяне за нѣсколько миль сходились угощаться въ господскій домъ; удаленіе садовника, который ставилъ въ счетъ ежегодно пятьдесятъ фунтовъ на покупку сѣменъ для огорода, а между тѣмъ всякій разъ просилъ повара поумѣреннѣе тратить петрушку, всѣ эти реформы и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе важныхъ, были результатомъ трудовъ Фёрроля въ пользу его сосѣдки и ея сына. Она почувствовала себя спасенною и умоляла его, чтобы довершить благодѣяніе, раздѣлить съ нею опеку надъ сыномъ.

Фёрроль съ минуту, молча, подумалъ объ этомъ предложеніи. Потомъ, хотя было очевидно, какъ много пользы его участіе въ опекѣ принесло бы мальчику, онъ рѣшительно отказался.

ГЛАВА III.

Нѣсколько лѣтъ прошло со времени начала нашего разказа. Молодой наслѣдникъ Бартлетовъ пробылъ два года въ школѣ, и все это время дѣла его матери велись по добрымъ совѣтамъ Фёрроля. Онъ и жена его жили въ своемъ счастливомъ уединеніи, дѣтя ихъ, оставшееся единственною отраслью семейства, бѣгало по саду и росло. На сколько ребенокъ можетъ быть милъ и граціозенъ, была мила и граціозна маленькая Жанета. У нея было самое прелестное личико и самый милый характеръ въ свѣтѣ, но пользовалась она отъ родителей меньшею нѣжностью, чѣмъ многія капризные и безобразныя дѣти. Вся нѣжность, заключающаяся въ природѣ Фёрроля, была сосредоточена на его женѣ; и все, что стѣснило бы эту страсть онъ устранялъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ она посвящала свое время ему, а не ребенку, не позволялъ ей самой ни нянчить ни учить дѣвочку, а тѣмъ болѣе откладывать для занятія съ нею прогулку съ нимъ или дальнюю поэтическую поѣздку въ прекрасный лѣтній день. Мѣсто Жанеты было въ дѣтской, учила ее гувернантка; она прибѣгала къ матери, когда мать была одна, и была счастлива съ нею; но она была счастлива и вездѣ, пѣла, и рѣзвилась одна; ея собственный веселый нравъ, болѣе чѣмъ рѣдкія ласки матери, составляли ея счастье.

Леди Люси, которая имѣла всѣ инстинкты доброй женщины и только въ одномъ видѣ умѣла проявлять ихъ, не могла вѣрить, чтобы Жанета, которую такъ мало ласкали, на которую такъ рѣдко обращали вниманіе, была счастлива. У нея дѣти были первыми лицами въ домѣ, и нерѣдко, лѣтомъ, когда она знала, что мистеръ и мистриссъ Фёрроль вмѣстѣ уѣхали на цѣлый день и не возвратятся до того времени, когда Жанета уже будетъ спать, добрая сосѣдка отправлялась въ Баш-

ню и за руку приводила дѣвочку въ шумный кружокъ, игравшій у нея дома въ саду или въ гостиной. При этомъ естественно образовалась чрезвычайная привязанность между маленькою Ферроль и Бартлетами, которые были нѣсколько старше. Отецъ ея смотрѣлъ на это совершенно равнодушно, не считая себя нисколько обязаннымъ за услуги, которыхъ онъ не просилъ. Въ одномъ только случаѣ онъ неожиданно и весьма рѣшительно вмѣшался въ отношенія, образовавшіяся между дѣтьми — тогда, когда молодой наследникъ замка, раздѣляя расположеніе своей матери и сестеръ къ веселенькой и добродушной Жанетѣ, называлъ, ее какъ часто дѣлаютъ дѣти, своей невѣстой. Лицо Ферроля омрачилось гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать, и странное выраженіе его на мигъ прекратило веселье дѣтей — такъ говорятъ, что тѣнь, мгновенно падающая на маленькихъ цыплятъ инстинктивно пугаетъ ихъ: они будто бы чувствуютъ, что между солнцемъ и ими паритъ коршунъ. Воспользовавшись какимъ-то предлогомъ, чтобы вызвать испуганную гувернантку Жанеты въ другую комнату, онъ строго запретилъ ей позволять на будущее время подобныя пошлыя шутки, подъ опасеніемъ немедленнаго удаленія отъ мѣста. И такъ маленькая Жанета не была болѣе невѣстою Гюга Бартлета, а гувернантки и няньки увидѣли, что не въ добрый часъ вздумалось имъ дать дѣтямъ эту идею. Кромѣ этого обстоятельства, Ферроль былъ въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ съ семействомъ Бартлетовъ. Доброта и неумѣніе обойтись безъ помощи, которыми отличалась вдова, привязывали его, какъ слабые побѣги плюща опутываютъ сильный дубъ; такимъ образомъ онъ очутился ея необходимымъ и постояннымъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ прежде, чѣмъ успѣлъ замѣтить на сколько онъ съ нею сблизился.

Лордъ Ювайасъ былъ пораженъ энергіею, которую Ферроль показалъ въ дѣлахъ леди Люси — ему самому

нужна была помощь, хотя другаго рода. Онъ былъ лордомъ-лейтенантомъ графства *) и находилъ мало поддержки въ мирныхъ судьяхъ, которые были люди весьма посредственныхъ способностей, между тѣмъ какъ обстоятельства, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, отчасти выходили изъ разряда обыкновенныхъ. Бѣдное населеніе края, вслѣдствіе уменьшенія заработной платы, сдѣлалось весьма склонно къ возмущеніямъ и образовало такіе сильные союзы, съ такими энергическими людьми въ главѣ ихъ, что слѣдовало ожидать значительныхъ опасностей.

Письма съ угрозами были получены многими лицами, и было уже нѣсколько примѣровъ, что эти угрозы исполнялись уничтоженіемъ разныхъ имуществъ, преимущественно поджогомъ анбаровъ, овиновъ и другихъ строеній. Последняя между всѣми владѣльцами могла бы ожидать подобныхъ преслѣдованій смиренная и охотно помогающая бѣднымъ леди Люси Бартлетъ. Однакоже въ одно утро ей было принесено дворецкимъ, человѣкомъ уже очень давно живущимъ въ ея домѣ, письмо довольно странной наружной формы: самъ онъ, подавши письмо, не вышелъ изъ комнаты, очевидно любопытствуя узнать содержаніе. Она распечатала письмо и прочла слѣдующія страшныя слова: «въ тотъ день, когда вы менѣе всего будете ожидать, васъ сожгутъ.» Леди Люси вскрикнула и старый слуга, какъ эхо, отвѣтилъ ей также крикомъ; въ ужасѣ же своемъ она не замѣтила, что дворецкій показалъ страхъ прежде чѣмъ могъ узнать въ чемъ дѣло: не прочитавши еще письма, онъ ломалъ руки и кричалъ, что всѣ пропали.

По обыкновенію обратились за совѣтомъ къ Ферролю; онъ совѣтовалъ соблюдать величайшую осторожность,

*) Лордъ-лейтенантъ старшій между мирными судьями графства; мѣсто, занимаемое имъ въ администраціи, имѣеть нѣкоторое сходство съ положеніемъ нашихъ губернскихъ председателей дворянства.

но полагать, что это дѣло какихъ нибудь лицъ, желающихъ получить деньги, и что за угрозою послѣдуетъ такого рода требованіе. Этого однакоже не произошло: недѣлю за недѣлей подавались письма тойже странной формы и всегда слово въ слово тогоже содержанія: въ тотъ день, когда вы менѣе всего будете ожидать, васъ сожгутъ.—Письма эти всегда приносились дворецкимъ Дидлеемъ, который при этомъ всегда бывалъ блѣденъ какъ полотно и каждый разъ оставался въ комнатѣ, чтобы узнать содержаніе; наконецъ это произвело такое дѣйствіе на его нервы, что онъ уже былъ не въ силахъ служить и оставался въ нижнемъ этажѣ дома, занимаемомъ прислугою, и на ежедневный вопросъ барыни объ его здоровьи, отвѣтъ былъ, что онъ очень плохъ.

При такомъ положеніи дѣлъ общественныхъ и частныхъ, человѣкъ съ такою свѣтлою головою и такою сильною волею, какъ Фёрроль, былъ безцѣненъ для всѣхъ, и какъ лордъ Ювайасъ, такъ и родственница его старалась обезпечить себѣ его содѣйствіе.

— Онъ вѣдь судья, не правда ли вашъ мистеръ Фёрроль? сказала Ювайасъ леди Люси.

— Да, и очень дѣятельный; онъ непрерывно бываетъ на малыхъ засѣданіяхъ и на сѣздахъ судей въ Чорчарджентѣ; а если по какому нибудь случаю его нѣтъ, такъ они стараются остановить всѣ дѣла.

— Гдѣ бы онъ ни появился, вездѣ онъ получаетъ вліяніе, сказалъ лордъ Ювайасъ:— это именно такой человѣкъ, какого мнѣ надобно имѣть подъ рукою, чтобы въ случаѣ нужды рассчитывать на него. Досадно только, что онъ такъ упрямъ. Какъ вы думаете: отчего онъ не хочетъ никуда ѣздить?

— Не знаю, сказала леди Люси:— развѣ только причиною это ужасное дѣло съ его первою женою.

— Однако, онъ не такой человѣкъ, чтобы страдать отъ слабости нервовъ и отъ слишкомъ нѣжныхъ чувствъ.— и притомъ это дѣло было такъ давно.

— Но никакъ не могли найти виновнаго, сказала леди Люси.

— А, такъ вы думаете, что это облегчило бы его горе. Да вѣдь кажется подозрѣвали кого-то, не такъ ли?

— Да, впрочемъ я не думаю, чтобы это его утѣшило, потому что онъ, знаете, самъ помогъ тому человѣку отдѣлаться; самъ платилъ за адвоката для убійцы своей жены. Какъ подумаешь объ этомъ, дѣлѣ, оно становится совсѣмъ непостижимо — кажется, что ужъ до такой степени доводить доброту невозможно.

— Конечно невозможно, сказалъ лордъ Ювайасъ; только я думаю, что Ферроль считалъ этого человѣка невиннымъ.

— Ахъ Боже мой! да онъ навѣрно убилъ ее. Я сама видѣла какъ онъ послѣ суда ходилъ по волѣ, какъ ни въ чемъ не бывало — помнится еще онъ въ то время городилъ изгородь.

— Все же я полагаю, что онъ не былъ убійца, а если дѣйствительно не былъ, то очень было бы жалко, еслибы его повѣсили.

— Но вѣдь онъ навѣрно былъ убійца, его и судили за это.

— И оправдали.

— Ахъ, Боже мой да это все равно, сказала леди Люси.

— Разумѣется все равно, отвѣчалъ смѣясь лордъ Ювайасъ: — но какъ бы то ни было — возвратимся къ прежнему разговору — какъ вы думаете, не можете ли вы свести меня съ Ферролемъ?

— За это не берусь. Какъ только у меня есть ктонибудь, его не зазовешь; онъ прїѣзжаетъ только тогда, когда я совсѣмъ одна — даже съ мистеромъ Юбюри, который слыветъ такимъ умникомъ, онъ не хотѣлъ видѣться.

— Къ намъ онъ не хотѣлъ прїѣхать, когда я его звалъ, сказалъ лордъ Ювайасъ; — но теперь онъ мнѣ ну-

женъ и я до него доберусь. Пригласите его такъ, какъ будто вы были бы однѣ, а я буду у васъ — я увѣренъ, что вы исполните мою просьбу.

— Конечно, только я боюсь, что онъ разсердится — притомъ бѣдный Дидлей не можетъ служить, онъ такъ разстроенъ этими ужасными псѣмами, что иногда по утрамъ даже на погахъ не держится.

— Такъ неужели вашъ мистеръ Фѣрроль человѣкъ, способный обратить вниманіе на то служить ли за столомъ дворецкій или нѣтъ.

— Ахъ, какъ можно, разумѣется это послѣдняя вещь, объ которой онъ подумаетъ. А вотъ, что найдетъ у меня чужое лицо, хотя-бы васъ, вотъ чего я боюсь.

— Хотя бы меня! ну ужъ это пустяки — сдѣлайте милость, кузина, исполните мою просьбу.

Леди Люси сомнѣвалась; наконецъ однакоже родственникъ убѣдилъ ее и она отправила письмо, въ которомъ просила мистера и мистриссъ Фѣрроль завернуть къ ней, какъ она дѣлала обыкновенно, когда имѣла въ нихъ нужду. Предлогъ, которымъ она воспользовалась, было годметное письмо. Они приняли приглашеніе, такъ какъ Фѣрролю казалось, что онъ открылъ автора псемъ и ему любопытно было убѣдиться въ вѣрности своей догадки: онъ думалъ, что въ этихъ псѣмахъ заключается больше опасности, чѣмъ леди Люси дѣйствительно видѣла въ нихъ, хотя и меньше, чѣмъ ей казалось, что она видитъ.

Когда доложили о приѣздѣ сосѣдей, то леди Люси вышла встрѣтить ихъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. — Какъ ваше здоровье — вы такъ добры — вы совершенно здоровы, мистриссъ Фѣрроль? надѣюсь, вы не затруднитесь тѣмъ, что не находите меня — то есть тѣмъ, что вы встрѣтите здѣсь — словомъ сказать лордъ Ювайасъ приѣхалъ не болѣе, какъ съ полчаса тому назадъ и — мнѣ нельзя было, неправда ли?

— Вы только успѣли одѣться? сказала Фѣрроль. Я не зналъ, что мнѣ придется найтти у васъ лорда Ювайаса,

но вы, милая леди, знали, что мы съ нимъ встрѣтимся какъ бы то ни было, я очень радъ у васъ видѣться съ вашими друзьями. — Сказавши это, онъ непринужденно поклонился лорду Ювайасу и такимъ образомъ изъяснилъ согласіе на навязанныя ему отношенія.

— Мы отчасти боялись, сказалъ лордъ Ювайасъ, обращаясь къ мистриссъ Фёрроль, когда послѣ обѣда разговоръ сдѣлался свободнѣе, — что вы будете сердиться на мою кузину и на меня, за то, что она доставила случай кому нибудь, кромѣ ея самой, воспользоваться преимуществомъ, которымъ она обязана близкому сосѣдству съ нами.

— Вамъ не слѣдовало, сказала мистриссъ Фёрроль, имѣть объ насъ такое дурное мнѣніе. Для насъ даже слишкомъ лестно, если вы находите, что стоитъ употребить малѣйшій трудъ для того, чтобы видѣться съ нами.

— Всякій трудъ съ моей стороны былъ бы вознагражденъ съ избыткомъ, если бы мнѣ только удалось услышать еще разъ пѣніе, которое я слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ — дѣйствительно тому уже нѣсколько лѣтъ. Оно было слишкомъ прелестно, чтобы только одни уши могли имъ вдоволь наслаждаться.

— Но, сказать правду — и мои уши не имѣютъ этого счастья, замѣтилъ Фёрроль; ко мнѣ иногда пріѣзжаютъ посовѣтоваться собратья по литературѣ, нерѣдко посѣщаютъ насъ разсылные пэръ типографіи; то тѣмъ, то другимъ, но вообще я очень занятъ, милордъ.

— Да, возразила леди Люси, но у васъ всегда въ одно время только одинъ кто нибудь. Кажется на прошлой недѣлѣ у васъ гостилъ какой то мистеръ М***, прибавила она, назвавши, сама того не зная, одного изъ людей, въ то время наиболѣе славившихся даромъ слова.

— О! сказалъ лордъ Ювайасъ, — онъ пріѣзжалъ къ вамъ и вы одни имъ завладѣли.

— Да, мы съ нимъ старые пріятель, и теперь даже сотрудики.

— Какое великодушіе было бы съ вашей стороны пригласить сосѣдей, которымъ никогда не удастся видѣть или слышать такого туза.

— Пригласить сосѣдей, для того, чтобы познакомить ихъ съ *какимъ-то* мистеромъ М***, сказалъ улыбаясь Фѣрроль.

— У лорда Ювайаса также промелькнула на лицѣ улыбка. — Ваша правда, сказалъ онъ.

— Что правда? спросила леди Люси.

— Леди Люси, сказалъ Фѣрроль, что вышъ дворецкій? не лучше ли ему. Я боюсь, что вамъ не придется болѣе пользоваться его услугой.

— О! я не могу подумать объ такихъ страшныхъ вещахъ, но это все вина радикаловъ. *) Всѣ эти пожары его на половину свели съ ума. Говорятъ, что онъ по ночамъ встаетъ два или три раза, чтобы посмотрѣть есть ли въ колодцѣ вода, и что онъ каждую ночь будить экономку, воображая, что слышитъ запахъ горѣлаго.

— Онъ бы долженъ былъ подумать, сказалъ лордъ Ювайасъ, — что онъ только жилецъ; какое ему дѣло, если домъ сожгутъ.

— Какъ! вскричала леди Люси, — этого различія я не понимаю, развѣ жильцы не могутъ сгорѣть также какъ владѣльцы дома.

— Говорятъ, что нѣтъ, сказалъ лордъ, — но если онъ полагаетъ, что могутъ, то не мудрено, что письма, которыя вы получаете, его пугаютъ.

— О! онъ страшно напуганъ: первый разъ, какъ онъ мнѣ принесъ одно изъ этихъ писемъ, я догадалась, что есть что нибудь особенное, уже потому, какъ дрожала его рука, когда онъ отворялъ дверь.

— Почему онъ могъ знать содержаніе письма? спросила Фѣрроль.

— Я полагаю, по виду письма и по почерку, которыя написанъ адресъ, сказала леди Люси.

---

*) Названіе, которое даютъ въ Англии ультралиберальной партіи.

— Развѣ вы никогда не получаете писемъ, странно сложенныхъ, иначе какъ отъ поджигателей? спросилъ Фёрроль.

— Какъ же — отъ мясника, ну и разумѣется отъ бѣдныхъ, которые просятъ пособія.

— И тѣ письма никогда не пугали его?

— Прежде я не замѣчала, чтобы онъ пугался; но пожалуйста не пугайте меня еще болѣе вопросами, которыхъ значенія я не понимаю, сказала вдова.

— Фёрроль весело засмѣялся; жена встрѣтилась съ нимъ взглядомъ и сказала:

— Я увѣрена, что мужъ мой ожидаетъ, что должно скоро случиться что нибудь особенное. Опасность всегда приводитъ его въ отличное расположеніе духа. — Онъ можетъ быть опровергнуть бы это замѣчаніе, еслибы леди Люпи не сказала, что ее всегда пугаетъ, когда она видитъ другихъ такими безстрашными, и не дала знака дамамъ перейти въ гостиную.

— Я думаю, сказать Фёрролю, когда дверь была затворена, — что дворецкій самъ пишетъ эти письма.

— Съ какой стати? вскричать лордъ Ювайасъ съ удивленіемъ.

— Такое ужъ убѣжденіе на меня нашло, отвѣчалъ Фёрроль съ улыбкой. Множество мелкихъ обстоятельствъ, которыхъ я ужъ не помню и не могъ бы пересказать, приводятъ меня къ этой мысли.

— И какже вы думаете, имѣеть онъ какія нибудь дурныя намѣренія?

— Этого я не знаю: или ужасъ, который онъ показываетъ, притворный и служить ему для скрытія его намѣренія, или онъ повредился въ умѣ и мысль объ пожарѣ его преслѣдуетъ и заставляетъ его писать эти письма.

— Лицо его очень болѣзненно, замѣтилъ лордъ Ювайасъ.

— Очень, и сегодня гораздо болѣе, нежели когда онъ

будь я его видѣлъ. Нынѣшнюю ночь непременно должно наблюдать за нимъ.

Лордъ Ювайасъ казался встревоженнымъ, но Фёрроль переменялъ разговоръ и употребилъ всѣ свои способности, чтобы занять своего собесѣдника и овладѣть его вниманіемъ. Они скоро увлеклись разговоромъ, и лордъ Ювайасъ почувствовалъ досаду, когда дверь отворилась и Дидлей, дворецкій, вошелъ въ комнату безъ зова и приблизился къ столу, какъ бы ожидая, что къ нему съ чѣмъ нибудь обратятся. — Вы изволили звонить, милордъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не звонилъ, отвѣчалъ лордъ; — я думалъ, что этотъ дуракъ боленъ и не можетъ никого обезпokoить, прибавилъ онъ, и продолжалъ споръ, который у него былъ начатъ съ Фёрролемъ; но не долго продолжался ихъ интересный и оживленный разговоръ, какъ Дидлей опять прервалъ ихъ и сдѣлавъ какую-то ничтожную перемену въ расположеніи стола, очевидно ожидая случая заговорить.

— Что тебѣ нужно, сказалъ лордъ Ювайасъ съ нетерпѣніемъ.

— Если милордъ позволить мнѣ сказать, то есть одно дѣло, объ которомъ мнѣ очень нужно было бы попросить совѣта.

— Не можешь-ли подождать до завтрашняго утра?

— Право, милордъ, я не могу. Это на счетъ писемъ, которыя миледи получаетъ, этихъ писемъ съ угрозами, какъ объ нихъ говорятъ.

— Которыя я пишу, повторилъ дворецкій, обращая къ Фёрролю глаза, выражающія самое глубокое недоумѣніе.

— Которыя ты самъ пишешь, сказалъ Фёрроль.

— Такъ вы думаете сэръ, что я ихъ пишу?

— Я знаю, что ты пишешь.

— Кто вамъ сказалъ, спросилъ Дидлей.

— О! мнѣ сказалъ такое лицо, которое не можетъ ошибаться.

— И оно положительно вамъ сказано, что это я?

— Да, положительно.

— Ну, это такая вещь, въ которой я никакъ не могъ увѣриться самъ, потому, что, когда я ихъ вижу и приношу ихъ миледи, то они меня такъ пугаютъ, какъ странно было бы человѣку пугаться своего собственнаго письма.

— Такъ отчего же ты пишешь ихъ? спросилъ лордъ Ювайась.

— Да вотъ, милордъ, объ этомъ отчасти я и пришелъ переговорить съ вами. Знаете ли, вотъ уже вѣскольکو мѣсяцевъ въ мою комнату приходятъ люди вовсе безъ моего позволенія. Прежде еще они были довольно тихи, а теперь начинаютъ очень меня безнокоить.

— Кто же они такіе? сказалъ лордъ Ювайась.

— Приходятъ довольно много такихъ, которыхъ я знаю и нѣскольکو неизвѣстныхъ мнѣ, первый между ними бывший мой господинъ, мужъ миледи. Онъ приходитъ и садится какъ разъ возлѣ меня и приказываетъ мнѣ написать къ ней и всегда тѣ же самыя слова: въ тотъ день, въ который вы менѣ всего ожидаете, васъ сожгутъ. Сто разъ я заклиналъ его сказать мнѣ откуда онъ приходитъ, съ неба или изъ ада, но онъ только качаетъ головой.

— Это могло бы дать поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ, сказалъ Ферроль. — Теперь ты знаешь кто сказалъ мнѣ.

— Да, сэръ, я такъ и думаю, хотя я очень удивляюсь тому, что онъ пришелъ къ вамъ. Я никогда не видалъ его, и никого изъ нихъ, когда какой нибудь другой живой человѣкъ былъ въ комнатѣ, только сегодня было исключеніе. И къ вамъ онъ сегодня приходилъ, сэръ?

Ферроль серьезно покачалъ головой и, избѣгая отвѣта, спросилъ: — А когда ты его видѣлъ?

— Въ то время, когда Джонъ, Генри и я накрывали на столъ къ обѣду.

— Видѣли они его?

— Нѣтъ, я спросилъ ихъ и они сказали, что не впа-
дали.

— И не слышали?

— Нѣтъ, онъ не захотѣлъ говорить при нихъ, а
только сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

— А потомъ онъ сталъ говорить?

— Да, да, и я думаю, что надо сдѣлать по его
словамъ.

— Ну, я такъ не увѣренъ, чтобы это слѣдовало.

— Да я и самъ иногда такъ думаю; по цѣлымъ ча-
самъ я стоялъ на колѣняхъ у моего изголовья, призы-
валъ Бога и молился пока, голова кругомъ не пойдетъ, а
все таки въ головѣ темно и настоящаго толку я не могу
добиться.

— Бѣдняга! сказалъ лордъ Ювайась.

— Но какъ ни говори, милордъ, великое дѣло при-
нимать посѣщенія духовъ; послѣднiе часа два, я долженъ
сказать — мнѣ такъ легко, какъ давно не бывало, и это
значить, что мнѣ разрѣшено исполнить волю покойника.

— Могло бы и такъ быть, но ты, какъ умный чело-
вѣкъ, пришелъ посовѣтоваться съ нами, сказалъ Фёр-
роль, — и судя по тому, что онъ мнѣ говорилъ, я по-
лагаю, что ты ошибаешься. Да что, онъ повторилъ тѣ же
сюва, какъ прежде?

— Нѣтъ — хуже, гораздо хуже!

— Я такъ и думалъ. Случается иногда этимъ духамъ
дѣлать престранныя ошибки; а въ отношенiи къ тому,
что тебѣ прикажетъ старшiй баринъ, совѣтую....

— Если вы скажете, чтобы я не исполнять его воли,
то я не могу принять вашего совѣта, прервалъ Дидлей.

— Отчего нѣтъ?

— Да оттого, что дѣло отчасти уже сдѣлано.

— Что сдѣлано? вскричалъ лордъ Ювайась.

— Домъ горитъ, сказалъ Дидлей.

— Боже мой! вскричалъ лордъ Ювайась, вскакивая съ
мѣста.

Но Дидлей, бросившись къ дверямъ, которые были позади его, заперъ ихъ и прислонился къ нимъ спиною. — Никто не помѣшаетъ окончанію моего дѣла, сказалъ онъ. Я знаю, что вы проговорите со мною, пока огонькъ не разгорится, и если бы онъ самъ меня не выдалъ одному изъ васъ, то....

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ кончить, Фёрроль кинулся на него, чтобы оттолкнуть его отъ дверей, но Дидлей былъ вооруженъ, и вдругъ вынулъ длинный ножъ, котораго рукоять была спрятана подъ отворотомъ его фрака. Фёрроль едва успѣлъ избѣгнуть удара, и схвативши его за руку сказалъ: Такъ-то ты поступаешь съ другомъ покойника.

— Не другъ ему тотъ, кто мѣшаетъ мнѣ исполнить его приказаніе, сказалъ сумасшедшій; раздраженіе его въ эту минуту достигло высшей степени, и съ тою страшною силою, которую получаютъ помѣшанные въ припадкахъ бѣшенства, онъ сталъ бороться съ своимъ противникомъ, чтобы высвободить руку съ ножомъ.

Въ этой борьбѣ онъ имѣлъ огромное преимущество передъ Фёрролемъ, такъ какъ онъ былъ вооруженъ и притомъ въ такомъ состояніи, въ которомъ ничто не могло остановить его. Фёрролю нужна была не только сила, но и особенная ловкость, чтобы избѣгнуть даже слабого удара острымъ и блестящимъ ножомъ, и онъ понялъ это затрудненіе.

— Ну, сказалъ онъ, ты правъ. Дѣлай какъ хочешь, выпусти меня — и я не буду тебѣ мѣшать, — самъ же онъ въ это время со всею силою держалъ помѣшаннаго.

— Поклянитесь въ этомъ, вскричалъ Дидлей.

— Клянусь.

— Еще — еще разъ.

— Хорошо, хорошо, клянусь; да видишь, ужъ дѣло сдѣлано. Развѣ ты не слышишь какъ запахло дымомъ?

Дѣйствительно запахъ гаря сталъ очень чувствителенъ.

— Да, правда, сэръ! сказали Дидлей и обратилъ блѣдное лицо свое въ ту сторону, откуда слышался запахъ, держа въ то же время Фёрроля сжатымъ какъ бы въ желѣзныхъ тискахъ; но лордъ Ювайасъ замѣтилъ только, что его вниманіе было отвращено и полагая, что опасность отъ него миновалась, бросился къ дверямъ.

— Клятва нарушена! вскричалъ Дидлей, замахиваясь ножомъ и дѣлая страшное усиліе, чтобы освободиться: — воля барина будетъ исполнена; — съ этими словами онъ еще разъ усилился нанести ударъ.

— Боже мой! вотъ онъ, сказалъ вдругъ Фёрроль, совершенно выпустивъ изъ рукъ Дидлея и обратившись глазами къ дверямъ.

— Гдѣ, гдѣ? вскричалъ Дидлей. Вниманіе его было отвлечено на мигъ, но этого мгновенія было довольно: Фёрроль умѣлъ обхватить и повалить его. Лордъ Ювайасъ подскочилъ на помощь. Они вырвали у него ножъ въ затѣмъ, не смотря на всѣ свои усилія, онъ былъ уже совершенно въ ихъ рукахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ двое изъ слугъ, которые слышали шумъ, прибѣжали къ нимъ на смѣну. — До сихъ поръ хорошо, сказалъ Фёрроль, теперь остается намъ еще второй актъ. — Съ этими словами они оба побѣжали искать мѣсто, гдѣ былъ подложенъ огонь, отъ котораго дымъ начиналъ уже распространяться по дому.

— Подите въ гостиную, любезный лордъ, сказалъ Фёрроль, и вызовите леди Люси и дѣтей въ садъ. Я не думаю, чтобы была опасность, но они будутъ такъ отвратительно кричать! Потрудитесь притомъ шепнуть мистриссъ Фёрроль на ухо, чтобы она пришла ко мнѣ на минуту. Заранѣе благодарю васъ за исполненіе моей просьбы.

Затѣмъ не дожидаясь жены, но будучи увѣренъ, что она найдетъ его, онъ началъ отдавать приказанія людямъ и отыскивать всѣ мѣста, гдѣ Дидлей подложилъ огонь.

— Элеопора, сказалъ Фёрроль, когда жена пришла къ нему, — ты видишь, что я живъ и здоровъ, но я имѣю

кое-что тебѣ рассказать, разумѣется только не теперь, а теперь, милая, съ твоимъ тонкимъ женскимъ соображеніемъ, помоги мнѣ осмотрѣть домъ: этотъ бѣдный Дидлей, — я вѣдь тебѣ сказалъ, что онъ нездоровъ — поджегъ его. Мы уже потушили огонь въ одномъ мѣстѣ, но можетъ быть онъ подложилъ и въ нѣсколькихъ другихъ. Дядя самого бояться ужъ нечего; онъ совсѣмъ помѣшался и его связали. Но теперь не думай объ немъ, а только пройди со мною и скажи мнѣ, если ты гдѣ нибудь увидишь признаки огня.

Къ счастью открытіе послѣдовало такъ скоро послѣ поджога, что, хотя огонь былъ подложенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ не успѣлъ сильно разгорѣться; при хладнокровно обдуманыхъ и быстро принятыхъ мѣрахъ опасность скоро совсѣмъ миновалась. Убытокъ ограничился нѣсколькими шелковыми занавѣсами, которые сгорѣли и нѣсколькими оштукатуренными потолками, насквозь которыхъ протекла вода. По видимому бояться было болѣе нечего, однакоже разставили людей караулить цѣлую ночь не окажется ли гдѣ нибудь еще подложенный огонь. Какъ только все это было сдѣлано, общество опять собралось въ гостиную, и начался разговоръ обо всемъ случившемся, въ которомъ Фёрроль говорилъ съ хозяйкою весьма серьезнымъ, а съ женою самымъ веселымъ тономъ. Его товарищъ по опасности содрогался при воспоминашн объ ней и былъ полнъ естественнаго состраданія къ помѣшанному, котораго крики изъ дальней комнаты, гдѣ онъ былъ запертъ, по временамъ долетали до гостиной. Фёрроль всѣми силами старался сохранить серьезный видъ и настроить себя согласно съ состояніемъ нервовъ леди Люси и съ расположеніемъ духа измученнаго возненіемъ лорда Ювайаса; но онъ былъ въ состояннн человека, слегка отуманеннаго виномъ, который если и поступаетъ и говоритъ какъ должно, то дѣлаетъ это съ сознаниемъ особеннаго усилія воли, которое замѣтно даже и со стороны. Тревога возбудила въ немъ всѣ жизненныя силы, и его

остроуміе, его познанія, сила характера— все было въ полномъ дѣйствіи. Онъ вполне наслаждался жизнью; ни нервное разстройство въ немъ самомъ, ни болѣзненное страданіе къ другому не мѣшали его ощущенію.

— Мнѣ бы очень хотѣлось итти домой пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ каретѣ, сказалъ онъ наконецъ женѣ; — тебѣ вѣдь все равно, не правда ли?

— Мнѣ самой это было бы очень приятно, сказала она, совершенно готовая итти.

— Какъ? послѣ такихъ потрясеній? вскричала хозяйка; — и еще въ потьмахъ.

— Не можетъ ли вамъ послужить моя карета? сказалъ лордъ Ювайасъ.

Мистриссъ Фэрроль вѣжливо отказалась, мужъ ея провороталъ что-то похожее на слово: пустяки— но это осталось бы незамѣченнымъ, если бы леди Люси не прошептала ему: ссѣ! у нихъ самихъ пропасть экипажей и лошадей, — предостереженіе, впрочемъ совершенно бесполезное, такъ какъ и безъ него конечно предложеніе не было бы повторено другой разъ.

Лордъ Ювайасъ оставилъ это безъ вниманія и, пожмая руки мужу и женѣ, просилъ ихъ о продолженіи знакомства. Фэрролю онъ сказалъ: Мы были вмѣстѣ въ смертельной опасности — сильнѣйшая причина попытаться иногда и жизнью насладиться вмѣстѣ.

Фэрроль улыбнулся и отвѣчалъ: кампанія наша была блистательна;— такъ они и расстались безъ всякихъ обѣщаній со стороны Фэрролей. Какъ только они уѣхали леди Люси сказала: теперь ужъ онъ къ вамъ не пріѣдетъ, вы обидѣли его, предложивъ ему экипажъ.

Но родственникъ ея отвѣчалъ: не можетъ быть; онъ слишкомъ уменъ и благовоспитанъ для этого.

ГЛАВА IV.

Такимъ образомъ Фёрроли уклонились отъ всѣхъ приглашеній въ Гарольдсъ-Кэстль и лордъ Ювайасъ счелъ себя обиженнымъ; но выказать свое неудовольствіе онъ не могъ, иначе какъ переставъ приглашать нелюбимыхъ сосѣдей, а какъ Фёрроль именно потому отказывался отъ приглашеній, что не желалъ быть у него, то и былъ очень радъ, когда лордъ Ювайасъ пересталъ приглашать его. Онъ дѣятельно продолжалъ свои занятія по званію мирнаго судьи, и, не смотря на свою досаду, лордъ-лейтенантъ не терялъ его изъ вида, рассчитывая, что можетъ встрѣтиться необходимость въ его услугахъ, хотя конечно лорду и не слишкомъ пріятно было бы обратиться къ нему. Но бѣдствіе, бывшее причиною волненія въ народѣ, привело наконецъ къ такимъ результатамъ, вслѣдствіе которыхъ отчасти пріостановились начавшіяся насилія; и мирные граждане, и буйные возмутители одинаково ужаснулись.

Появилась въ округѣ повальная болѣзнь; смертные случаи стали повторяться безпрестанно и скоро бѣдствіе сдѣлалось столь всеобщимъ, что для противодѣйствія ему потребовалась вся дѣятельность и все благоразуміе образованнаго класса. Принято было нѣсколько полезныхъ мѣръ, заведены въ нѣсколькихъ мѣстахъ больницы и наисканы средства для снабженія больныхъ и по домамъ сидѣлками и лекарствами. Но такъ какъ болѣзнь, отъ которой уже многіе пострадали, признана была за холеру—болѣзнь дотогѣ неизвѣстную въ краю—и привела всѣхъ въ большій ужасъ, нежели могла бы внушить всякая другая, уже знакомая народу болѣзнь, то чрезвычайно трудно было найти такихъ лицъ, которыя бы согласились принять главный надзоръ за исполненіемъ мѣръ, принятыхъ для охраненія общественнаго здравія.

Среди всеобщаго страха, одинъ Фёрроль не отказы-

вался дѣлать все, что было нужно и чего другіе боялись. При первомъ признакѣ опасности, леди Люси пріѣхала къ нему, какъ она имѣла обыкновеніе дѣлать при всякомъ затрудненіи, и была внѣ себя, услышавъ, что онъ совсѣмъ не намѣренъ запретъ свое семейство и прекратить всякія сношенія внѣ дома, такъ какъ она уже для этого приняла свои мѣры.

— Вы конечно вправѣ такъ поступить леди Люси, сказалъ онъ, но я не имѣю права сдѣлать то же. Во мнѣ имѣютъ надобность, и признаюсь мнѣ было бы неприятно оставаться въ безопасности за стѣнами своего дома.

— Но вѣдь я дѣлаю это не для своего удовольствія, отвѣчала леди Люси. Вы знаете, что отъ холеры умерли очень многіе — даже изъ нашихъ знакомыхъ. Бѣдный мистеръ Уэйлетъ даже умеръ — человекъ, съ которымъ мы всю жизнь были знакомы — это ужасно!

— Конечно, вы и меня знаете довольно долго; и я то же могу умереть отъ холеры, сказалъ Фёрроль, какъ бы размышляя объ основательности ея соображеній.

— Подумали-ли вы объ этомъ? спросила леди Люси.

— Самъ не знаю, думать ли я.

— А мистриссъ Фёрроль, а маленькая Жанета? сказала леди, продолжая свои разпросы.

— Конечно, какъ вы говорите, всѣ подвержены этой опасности. Что же касается до Жанеты, то мать ея поговариваетъ объ томъ, чтобы ее куда нибудь отправить.

— Отправьте ее ко мнѣ; я запрусь въ паркѣ и никто не будетъ входить туда ни выходить, только вы должны пріѣхать всѣ трое — должны непременно; а лучше всего пріѣзжайте завтра. Фёрроль покачалъ головой. «Такъ, по крайней мѣрѣ, мистриссъ Ферроль,» возразила добродушная леди.

— Какъ можно, безъ меня.

— Вы не можете же быть такимъ эгоистомъ, чтобы

желать подвергнуть ее опасности, для того только, чтобы она осталась съ вами?

— Въ самомъ дѣлѣ, я такой эгоистъ; мнѣ никакого удовольствія не будетъ безъ нея.

— Какое же можетъ быть тутъ удовольствіе? — объ чемъ вы толкуете?

— Какъ бы то ни было, мы съ нею должны остаться вмѣстѣ; но вы дѣйствительно очень, очень добры, что предлагаете взять нашу дѣвочку — она будетъ въ безопасности, и такъ близко, а между тѣмъ не на нашихъ рукахъ. Право, вы дѣлаете мнѣ большее одолженіе.

— Я только плачу вамъ имъ однимъ за десять тысячъ тѣхъ одолженій, которыя вы оказали мнѣ, отвѣчая леди Люси; и такъ, вы отпустите ее ко мнѣ.

Такимъ образомъ дѣло было рѣшено. Ферроль объявилъ объ этомъ дома, какъ объ очень удобномъ распоряженіи и въ душѣ былъ очень удивленъ тѣмъ, что ему самому не пришло на умъ считать его грустною крайностью, тогда какъ глаза жены въ то время, какъ она провожала Жанету до экипажа, который долженъ былъ увезти ее, были полны слезъ.

— Прощай, Жанета, сказалъ онъ поспѣшно догнавъ ихъ и останавливая дочь, чтобы поцаловать ее; потомъ, когда карета тронулась съ мѣста, онъ взялъ жену подъ руку и пошелъ съ нею въ садъ. — Точно какъ въ первые дни нашего супружества, сказалъ онъ, мы совершенно одни.

Здѣсь авторъ дѣлаетъ извлеченіе изъ дневника, который вели вмѣстѣ Ферроль и Элеонора.

«Девятнадцатый день моста инспекторства. Холера все увеличивается. Я былъ сегодня въ городѣ рано утромъ, и нашелъ, что изъ домовъ, находящихся въ узкихъ переулкахъ сидѣлки со страха разбѣжались. Я обошелъ всѣ дома, чтобы увидѣть нельзя ли чѣмъ нибудь помочь. Деньги въ такомъ маломъ размѣрѣ какъ графства и комитетъ могутъ ихъ дать, не прельщали ихъ достаточно,

чтобы заставить их пренебречь заразою, хотя через нѣсколько недѣль онѣ будутъ предлагать свои услуги за самую ничтожную цѣну; впрочемъ матери ухаживаютъ за дѣтьми, слуги — за господами. Между матерями и слугами есть какой-то общій инстинктъ. И тѣ и другіе какъ будто бы не могутъ не остаться вѣрными, если бы и не хотѣли. Аллей Бинъ, № 3, переулочъ тѣсный, сама безъ башмаковъ: она продала ихъ, чтобы купить то, что она называла *саламанкой*; одинъ сосѣдь сказалъ ей, что она этимъ вылечитъ своего ребенка. Въ томъ положеніи въ какомъ онъ находится, безъ сомнѣнія амоніакъ будетъ для него смертеленъ, но я этого ей не сказалъ. Я сказалъ, что она поступила очень благоразумно, потому что ребенка никакія средства уже не спасутъ, а она, по крайней мѣрѣ, будетъ думать, что сдѣлала все, отъ нея зависящее, чтобы спасти его.

Старая миссъ Фельшанъ, № 5, въ Чинъ-Стритѣ, дочь епископа Фельшана, съ которымъ ссорилъ мой дѣдъ, очень близка къ смерти. Лицо ея точно выжатый лимонъ. Она первая заболѣла на этой улицѣ, и сосѣди ея разбѣжались. Старый водовозъ съ старымъ осломъ своимъ не хотѣлъ возить воды къ ея дверямъ. За нею ходитъ сѣдой старичокъ, бывший лакей ея отца; онъ живетъ за цѣлую милю отъ города, и я нашелъ его въ ея жалкой комнатѣ, варящаго ей на огнѣ кашу. Никому изъ нихъ казалось не приходило въ голову найтти неестественнымъ, что онъ помогаетъ ей съ такимъ совершеннымъ безкорыстіемъ; только она жаловалась на то, что онъ не женщина, и онъ, повидному то же очень досадовалъ на себя за этотъ недостатокъ. Она умретъ.

Семейство Джонсъ, № 42, на первомъ поворотѣ въ кварталъ узкихъ переулковъ. Трое изъ нихъ больны; одинъ умеръ какъ разъ передъ моимъ приходомъ. Никто казалось не обращалъ вниманія на мертвого мальчика — они слишкомъ несчастны. Отецъ приближавшійся также къ послѣдней минутѣ, вообразилъ, что онъ выздоровѣетъ,

онъ одинъ говорилъ объ умершемъ. — Дитя мое скоро будетъ на небесахъ сказалъ онъ мнѣ, глядя на мертвого ребенка.

— Когда, спросилъ я. Отецъ съ минутою былъ въ затрудненіи: «какъ только его похоронятъ, сэръ, я полагаю.»

— И приходъ долженъ похоронить его на свой счетъ, прибавила мать.

У нихъ въ домѣ былъ убитый заяцъ, краденый или иначе пріобрѣтенный, но ни воды, ни тарелки, ни соли, ни огня. Я далъ денегъ одному нагому мальчику на улицѣ, чтобы онъ имъ прислуживалъ, и я думаю, онъ это сдѣлаетъ, такъ какъ онъ еще кажется не знаетъ что такое холера. Завтра я долженъ опять взглянуть на нихъ.

Цѣлый день на улицахъ и переулкахъ — цѣлый день посреди ужаса и смерти, посреди голода, лихорадки, мученій! Это любопытное зрѣлище — трагедія продолжающаяся цѣлый день, и въ которой природа человѣческая является во всей естественной наготѣ, разоблачаемая силою страстей. Я, здоровый и крѣпкій, имѣю мѣсто въ этомъ представленіи и рассматриваю все какъ нельзя удобнѣе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ представленіи и я имѣю свою роль. Въ 7 часовъ я оставилъ городъ, сѣлъ на коня и поскакалъ домой. Какое наслажденіе скакать домой! Впереди цѣль, къ которой стремишься съ нетерпѣніемъ, тишина въ воздухѣ становится вѣтромъ, выражающимъ быстроту ѣзды; конь, повидному неукротимый въ своеволіи, покоряется мнѣ какъ рабъ; сильное движеніе заставляетъ забыть всѣ заботы, всѣ мысли, даже время; чувствуешь удовольствіе опасности, потому что она могла бы быть, но ея нѣтъ. А пріѣхавши домой, я нахожу существо такъ любимое мною, какъ никто на свѣтѣ не любилъ никого. И послѣ всей этой нечистоты и бѣдности, послѣ всего этого безобразія, я нахожу ее въ прозрачной, бѣлой кисеѣ, съ широкими ру-

кавами, обнажающими по временамъ прекрасныя руки, и съ золотыми браслетами надъ этою кисеєю; ея чудные волосы, такъ мило заплетенные, маленькія ножки въ шелковыхъ туфляхъ; ея чистое блѣдное лицо, и какое то невыразимое благоуханіе красоты, наполняющее воздухъ вокругъ нея. Она цѣловала меня сегодня разъ двадцать, какъ будто для того, чтобы быть увѣренною, что если я заразился холерою, то и она ею заразится. И если бы у меня была холера, я бы охотно передалъ ее ей, и мы умерли бы вмѣстѣ, но я здоровъ. Я наслаждаюсь жизнью — мы оба наслаждаемся. Мы отобѣдали, и успѣлись въ библіотекѣ на весь счастливый вечеръ; теперь я кончаю свой журналъ, потомъ буду слушать пѣніе ея божественнаго голоса; и когда она вдоволь напоется, а я наслушаюсь, мы почитаемъ съ часъ времени и пойдемъ спать.

Тринадцатый день.

Я объѣхалъ миль двадцать прежде чѣмъ пріѣхалъ въ Уольчестеръ. Холера водворилась во всемъ краю изъ тѣхъ точекъ, гдѣ она началась, распространяется во всей сторонѣ. На дорогѣ я встрѣтилъ Гэя, аптекаря изъ Оустона. Онъ казался очень испуганъ. — Эпидемія становится очень серьезною сэръ, сказалъ онъ, двое врачей умерло.

— А изъ комитета посѣщенія больныхъ никого еще нѣтъ? спросилъ я. — «Нѣтъ еще, сэръ,» отвѣчалъ онъ, и удалися въ очень дурномъ расположеніи духа. Люди кажется не столько думаютъ о смерти, сколько о сопряженномъ съ нею страданіи. Эймасъ, девяностолѣтній старикъ, изъ Фронтъ-Лена, имѣвшій обыкновеніе говорить, что Господь Богъ забылъ его, покинулъ свою хижину и, занявъ телѣжку у своего сосѣда, отправился въ *Уислей*, потому что холера показала въ одномъ домѣ, за четверть мили отъ него. Проѣзжая черезъ *Уислей*, я освѣдомился объ немъ. «Говорятъ, сэръ, сказалъ онъ, что Уиліамъ умеръ черезъ три часа послѣ того какъ забо-

лѣлъ. Это ужасно скоро!» — «Но вы не можете умереть скоропостижно, мой добрый Эймасъ, сказалъ я; сколько лѣтъ ужъ вамъ становится что дальше, то хуже.

— Все это такъ, сэръ, но вотъ въ чемъ дѣло: они всѣ умираютъ прежде, нежели успѣютъ приготовиться, а потомъ люди боятся хоронить ихъ.

Я видѣлъ случай, который еще больше его бы испугалъ. Одинъ молодой человѣкъ — кто онъ такой я не знаю — сидѣлъ на какихъ то ступеняхъ въ Кинг-стритѣ; на лицѣ его была блѣдность не человѣческая, а такая, какую мы представляемъ себѣ у пришельцевъ съ того свѣта. Я попросилъ прохожаго постоять у него и бросился въ больницу за носилками, на которые положили его совершенно обезсиленаго, словно тряпку, и понесли въ холерное отдѣленіе. Здѣсь, такъ какъ мы не могли дать ему умереть какъ собакѣ (удѣлъ, которой разумѣется былъ бы гораздо счастливѣе), не оказавъ никакой помощи, доктора начали его терзать, и не щадя фланели и водки, достигли того, что привели его къ сознанию своего мученія. Я не думаю, чтобы когда нибудь терзанія пытки могли быть страшнѣе. Эти насильственныя извращенія членовъ, при которыхъ всѣ суставы шатаемаго, то выдергиваются изъ своего мѣста, то опять вдвигаются, — тутъ происходили естественно. Онъ безпрестанно обращался къ какой-то Аннѣ и какъ будто отклонялъ воображаемые поцѣлуи этой Анны. Никакой Анны тутъ не было — и даже не было ни одного существа, которое бы смотрѣло на него иначе, какъ на холернаго больнаго; между тѣмъ главная скорбь бѣднаго мальчика происходила отъ добраго чувства — опасенія, что смерть угрожаетъ Аннѣ. Наконецъ, я сказалъ ему: къ ней не приставай, и глаза его, уже потускнѣвшіе какъ стекло, просвѣтлѣли; онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы лучше слышать мои слова, но страданіе скоро одолѣло его, а я, не имѣя возможности посвятить болѣе времени ему одному, между сотнями другихъ страждущихъ, оставилъ его и

продолжалъ путь. Я думаю, впрочемъ, что ему теперь еще не скоро придется умереть, потому что обыкновенно передъ самымъ приближеніемъ смерти, эти бѣдныя страдальцы совершенно успокоиваются.

Я бѣгалъ изъ улицы въ улицу; дѣла было довольно на двадцать человѣкъ, а большая часть членовъ комитета боялась выходить и рѣшила, что все, чтобы я не сдѣлалъ, будетъ хорошо. Забавляясь этою простою хитростью, которою они обманули и совершенно успокоили сами себя, и увлекаясь самою быстротою, съ которою я долженъ былъ снѣшиться отъ одного любопытнаго зрѣлища къ другому, я наконецъ почувствовалъ себя въ такомъ бодромъ настроеніи духа, что остановился на перекресткѣ и разсмѣялся. Передо мной было отворенное окно, въ которое должно быть услышали мой смѣхъ, потому что изъ него выглянула голова — блѣдное лицо, окаймленное узкимъ, бѣлымъ воротничкомъ, на длинной черной одеждѣ, застегнутой до верху; худощавая, большая бѣлая рука лежала на подоконникѣ.

«Кто смѣется?» сказалъ голосъ. Я былъ почти пристыженъ, но отвѣчалъ смѣло:

«Мистеръ Фэрроль» — «Грѣшникъ, проговорило блѣдное лицо и рука сдѣлала надо мною знаменіе креста. «смерть застанетъ тебя съ безумнымъ смѣхомъ на устахъ. Тогда я узналъ его. Это былъ римско-католической священникъ изъ Аллерби, и мнѣ стало досадно, что я оскорбилъ его искреннія убѣжденія. «Впусти меня, братъ мой, сказалъ я ему, и ты научишь меня сдѣлаться лучшимъ.» Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, смѣющіеся, еще полные жизни, не должны мѣшать послѣднимъ минутамъ умирающаго съ покаяніемъ.

— Но, сказалъ я, неужели ты оттолкнешь меня; неужели ты упустишь случай обратить грѣшника?» — «Дверь отворена,» проговорилъ священникъ, и голова спряталась въ окно. Видя, что онъ былъ такъ легко обманутъ моими льстивыми словами, я рѣшился этимъ вос-

пользоваться, и взбѣжалъ на лѣстницу, желая уже видѣть все, что происходитъ съ человѣкомъ въ послѣдній часъ испытанія. На мое появленіе въ комнатѣ, онъ, по-видимому не обратилъ никакого вниманія; лучше сказать онъ игралъ роль, не отдавая себѣ самому отчета въ своемъ актерствѣ. Большой былъ близокъ къ смерти — самое увлекательное и любопытное зрѣлище, какое мы только можемъ видѣть. Пасторъ былъ погруженъ въ дѣйствіе, почитаемое въ его религіи самымъ важнымъ въ мірѣ — дѣйствіе, посредствомъ котораго душа спасается, и безъ котораго она не можетъ быть спасена. Я былъ вдвойнѣ заинтересованъ, наблюдая ихъ обоихъ: умпрающаго, который былъ уже безъ чувствъ, но еще дышалъ тяжело поднимавшеюся грудью, — и живаго человѣка, помазующаго его таинственнымъ масломъ, составляющимъ въ его религіозномъ убѣжденіи соединеніе человѣка съ верховнымъ существомъ, и какъ бы приговоръ, утверждаемый его собственною рукою, что эта душа должна переселиться въ жилищѣ праведныхъ. Но даже въ эти минуты, онъ былъ не прочь отъ удовольствія порисоваться передъ человѣкомъ, по своему положенію и воспитанію стоящимъ выше тѣхъ, съ которыми онъ обыкновенно имѣлъ дѣло. Я могъ видѣть, что онъ воображалъ себя Богомъ передо мною, — повелѣвая на этомъ жалкомъ чердакѣ — всѣ его движенія, казалось, говорили: «Смотри; я не обращаю на тебя никакого вниманія. Примирай, я продолжаю какъ будто бы тебя тутъ не было; для тебя я не ускорю и не замедлю моей рѣчи. Ты долженъ смирно стоять, и въ молчаніи слѣдить за всѣмъ, что я дѣлаю. Я такъ и сдѣлалъ, тронутый болѣе его этимъ обрядомъ — сравнительно новымъ для меня, для него же бывшимъ предметомъ ежедневнаго занятія.

Когда обрядъ былъ конченъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ на дурномъ латинскомъ языкѣ нѣсколько словъ — смысла которыхъ я не понялъ — и хотѣлъ уйти. « Поидете вы еще къ больнымъ?» спросилъ я его,

у васъ очень нездоровый видъ, вамъ лучше отдохнуть. — «Это тотъ же совѣтъ, отвѣчалъ онъ, который одинъ изъ вашихъ архіепископовъ далъ своему духовенству; онъ сказалъ имъ, чтобы они не подвергали себя напрасно опасности, исповѣдывая свою паству, такъ какъ она болѣе нуждается въ докторахъ, чѣмъ въ священникахъ.

— «По его убѣжденію это такъ» отвѣчалъ я.

— Пагубное убѣжденіе, считающее душу ниже тѣла, сказалъ онъ. Подумайте сэръ, которая изъ двухъ религій на этомъ основаніи должна быть истинною.

— Недоказываетъ ли это, спросилъ я песьма скромно, что по мнѣнію епископа душа не подвергается опасности, упуская исповѣдь?

— «Но мы знаемъ, что подвергается, сказалъ священникъ.

При этомъ доказательствѣ я притворился сильно пораженнымъ, и за тѣмъ предложилъ ему нѣсколько денегъ для бѣдныхъ его вѣронсовѣданія или для того, чтобы оставить ихъ себѣ за упокойныя обѣдни. — Когда коснулось до денегъ, важность его исчезла, и онъ благодарилъ меня такъ униженно, такъ несоответственно нашему взаимному положенію въ предыдущей сценѣ, что трагедія эта, какъ мнѣ показалось, не сохранила своего достоинства до конца.

Когда я пріѣхалъ домой, сегодня вечеромъ, Элеонора показала мнѣ нѣсколько блѣдна. Я тотчасъ подумалъ:

«Не боленъ ли и я то же?» Умереть вмѣстѣ, и теперь, было бы такъ отрадно; мы такъ счастливы, и это время такъ полезно заняты, а безжизненное тѣло, покоясь послѣднимъ сномъ и не подвергаясь болѣе никакимъ волненіямъ, кажется мнѣ всегда достойнымъ зависти.

Пятнадцатый день. Когда я пріѣхалъ сегодня, я нашелъ посланнаго, ожидающаго чтобы призвать меня въ комитетъ, прежде нежели я куда нибудь отправлюсь. Я увидѣлъ всѣхъ, сидящихъ вокругъ стола и занятыхъ какимъ-то господиномъ, котораго привелъ Солли и который

имѣлъ, будто бы, вѣрное средство противъ холеры. Если бы даже она господствовала въ цѣломъ округѣ, онъ брался всѣхъ вылѣчить; онъ даже уже и сдѣлалъ это въ окрестностяхъ мыса Матапана.

Солли сильно стоялъ, какъ онъ говорилъ, за пользу человѣчества и за то, чтобы всѣ вылѣчивались. Онъ утверждалъ, что самъ бы даже желалъ заболѣть холерою, чтобы доказать вѣру свою въ лѣкарство своего друга. Я попросилъ объяснить мнѣ въ чемъ оно состояло. Шарлатанъ не хотѣлъ объяснить свое средство въ точности, но объявилъ, что оно состоитъ въ особенномъ употребленіи холодной воды. Холера, по его мнѣнію, дѣйствуетъ также, какъ потеря крови; за тѣмъ, онъ началъ пространно доказывать, какъ неосновательно останавливать кровотеченіе возбуждающими средствами. Я высказалъ нѣсколько причинъ, почему сомнѣвался въ первомъ его предположеніи, но меня не очень-то слушали. Нѣкоторые изъ составляющихъ комитетъ думали, что такъ какъ имъ ввѣрено здоровье людей цѣлаго округа, то очень дурно было бы съ ихъ стороны оставлять этихъ людей на жертву смерти, имѣя подъ рукою вѣрное средство къ спасенію; другіе же говорили, что когда у нихъ было кровотеченіе носомъ, то холодная вода всегда очень помогала. Я попробовалъ обратиться отдѣльно къ нѣсколькимъ благомыслящимъ членамъ и составилъ изъ нихъ партію, которая, убѣдившись моими здоровыми доводами, согласилась поддержать меня, — тогда я всталъ и сказалъ рѣчь. Я сказалъ имъ, что время коротко, что Остъ-Индія есть мѣстороженіе холеры и нѣкоторыя средства были тамъ испытаны, признаны единственно полезными; и что я, и всѣ тѣ, которые согласились съ моимъ мнѣніемъ, мы откажемся отъ возложенной на насъ обязанности, если будетъ принято другое какое либо лѣченіе. Солли отвѣчалъ, что онъ отказывается, если другое лѣченіе не будетъ принято; но на него не обратили вниманія. Послѣ нѣкотораго шума, онъ сдался и все пошло по старому.

Мистриссъ Ферроль продолжала дневникъ: — «Поль уѣхалъ сегодня въ 7 часовъ. Мы очень засидѣлись вчера вечеромъ; гѣлп, потомъ начали говорить, и заговорились почти до двухъ часовъ, такъ, что ни которому изъ насъ и въ голову не приходило разойтись.

Было бы очень пріятно, еслибъ можно было иногда останавливать время, такъ чтобы дѣлать то, что правится, такъ долго, какъ захочешь, и по окончаніи находить тотъ же часъ, какъ былъ при началѣ.

Миѣ жаль, что все должно старѣть. Теперь мы молоды; но немного лѣтъ пройдетъ, и молодость наша кончится, такъ что я начинаю не желать наступленія слѣдующаго дня, какое бы удовольствіе онъ ни доставилъ. Надо быть почти ребенкомъ, когда жизнь кажется еще очень долгою, чтобы хотѣть перескочить черезъ недѣли и мѣсяцы съ гѣмъ, чтобы достигнуть какого нибудь желаемаго дня. Но конечно въ ранней молодости нельзя быть счастливымъ, такъ какъ это возможно въ наши года. Это время, такое тяжелое для всего нашего сосѣдства, принесло намъ, очень, очень много счастья. Поль наслаждается жизнью вполне, и я также — когда онъ пріѣзжаетъ домой. Какой онъ увлекательный собесѣдникъ! Все что бы онъ только ни видѣлъ или ни дѣлалъ, онъ воспроизводитъ для меня, такъ что и я равно испытываю событія и ощущенія приведеннаго имъ дня. Все что я дѣлала или дѣлаю занимаетъ его въ той же степени, какъ меня. Что я въ теченіе дня пишу или читаю, что я пою, кого я вижу, что я думаю, все повторяется для насъ обопхъ въ счастливые часы вечера, точно какъ въ жаркіе, лѣтніе часы, которые мы проводили въ тѣни, на берегу Луары, въ первое время нашего супружества — жизнь чувствуется въ избыткѣ, но какъ это утро ясно и покойно.

Я пересматривала въ разныхъ сочиненіяхъ мѣста, относящіяся къ великимъ народнымъ эпидеміямъ. Онъ задумалъ очеркъ нынѣшняго холернаго времени и мои выписки будутъ служить ему матеріалами.

Начну читать, пока не услышу его шаговъ въ передней, тогда всё мои желанія будутъ исполнены. Больше ничего мнѣ не нужно, ничего я не буду желать; но, будемъ ли мы молчать или говорить, читать, ѣсть или спать, я буду счастлива съ той мноты, какъ онъ пріѣдетъ, до завтрашняго утра.»

Мистеръ Ферроль продолжаетъ:

«Я пріѣхалъ домой позже обыкновеннаго. Элеонора, ждавшая меня съ такою увѣренностію, заплатилась двумя часами сомнѣній: не случилось ли что? что могло случиться? что могло его задержать?»

Въ то же время, я счастливый и довольный, зналъ что ничего особеннаго не было, что я прождалъ доктора и только это меня задержало, и пока моя милая Элеонора, моя граціозная, моя хорошенькая, моя дорогая, безцѣнная жена была въ лихорадкѣ отъ пустыхъ опасеній, я, совершенно покойный, ѣхалъ крупный рысью, поспытая и поглядывая изъ стороны въ сторону, на востокъ, гдѣ уже темнѣло отъ ложившейся тѣни и на западъ, еще алѣвнѣй отъ лучей заходящаго солнца. Но наконецъ послышался топотъ — этотъ топотъ, который она такъ любитъ слышать у крыльца, вмѣстѣ съ нимъ явился упрекъ, всегда приходящій на мысль, когда сомнѣнію уже конецъ — она подумала: какое сумасшествіе съ моей стороны вѣчно воображать какое нибудь несчастіе! Испытавши скорбь, видѣть окончаніе этой скорби, наслаждаться часами, вмѣсто того, чтобъ страдать цѣлые часы — это такое блаженство для души человѣческой, что его трудно себѣ представить.

Такъ теперь и со мною, со мною, который въ этомъ самомъ домѣ выстрадалъ муки невѣроятныя! Я хорошо знаю, что я дѣйствительно жилъ *тутъ*, въ этомъ домѣ, съ тою женщиною; считалъ себя связаннымъ съ нею на всю мою жизнь; зналъ что ты, Элеонора, страдаешь; зналъ что я имѣлъ счастье въ рукахъ, и оттолкнулъ его, послѣдовавъ какому-то дьявольскому вліянію — все это такъ же

ясно и живо въ моемъ воображеніи, какъ было когда-то въ дѣйствительности, и часто даже теперь, когда осуществилось все возможное для меня счастье, — это настоящее блаженство переносить мою душу къ ненавистному прошедшему.

Въ сновидѣніяхъ я возвращаюсь къ тѣмъ ужаснымъ днямъ, которые прошли; я становлюсь тѣмъ, чѣмъ я нѣкогда былъ, хотя послѣдняя мысль моя передъ сномъ была сознаніе въ томъ, чѣмъ я теперь сталъ. Хотя ты подлѣ меня, мнѣ снится, что ты не жена моя; мнѣ снится, что ты разлучена со мною навсегда; все что было горькаго въ тѣ два года возвращается ко мнѣ во снѣ. Никогда въ моихъ снахъ не вижу я, какъ смерть избавила меня отъ этой женщины, хотя путь къ избавленію былъ необыкновенный и страшный.

Однажды наша добрая насѣдка, леди Люси спросила меня (я полагаю для удовлетворенія своихъ сомнѣній на этотъ счетъ): «Вы очень огорчены ея потерей?..» Я огорченъ? Нѣтъ; я былъ *очень*, очень, очень радъ.... но я сказалъ ей, что былъ очень огорченъ.... Прошедшую ночь мнѣ не спилось ничего дурнаго; кажется даже ровно ничего не снилось. Мальтустъ прекрасно выразился, говоря о супружеской жизни: «Такъ много невинности, и такъ много счастья,» это пзрѣченіе вертѣлось у меня въ головѣ, когда я выѣхалъ изъ дома, и мнѣ казалось, что въ каждомъ шагѣ моей лошади мѣрно звучало повтореніе этихъ словъ. Достоверно, что холера усиливается; чѣмъ ближе мы хлопочемъ, тѣмъ страшнѣе она свирѣпствуетъ. но такъ какъ наиболѣе страдаютъ отъ нея обитатели самыхъ бѣдныхъ переулковъ и самыхъ жалкихъ хижинъ, то они, по крайней мѣрѣ, благодаря нашимъ попеченіямъ, умираютъ въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели когда нибудь были; а когда холера принимается за людей нѣсколько болѣе обезпеченныхъ, то ее выносятъ съ меньшимъ терпѣніемъ.

Я сдѣлалъ свой обыкновенный обходъ и, въ каж-

домъ домѣ гдѣ я былъ на первой недѣлѣ, нашелъ что кто-нибудь умеръ или еще умираетъ.

Я вошелъ въ домъ Джемса Бина, именно въ ту минуту, когда его дочь пускала послѣдній вздохъ. Я всегда восхищаюсь, видя какъ поэтична становится природа человѣческая въ главные моменты нашего существованія. Въ выраженіяхъ иногда бываетъ отгѣнокъ смѣшнаго, но само чувство, одушевляющее людей, именно таково, что можетъ вдохновить поэта. Эта четырнадцатилѣтняя дѣвочка всегда была болѣзненна. Когда мать плакала подлѣ нея, она сказала слабымъ голосомъ: — «Послѣдняя минута уже почти настала — не плачь обо мнѣ, матушка; я всегда была несчастнымъ существомъ, и никогда не могла бы пробить себѣ дорогу въ жизни.... Я рада, что умираю! Простодушный эгоизмъ этотъ мнѣ нравится. Умирающіе совершаютъ такое важное дѣйствіе; они такъ дѣйствительно составляютъ главное лицо въ сценѣ, что чувствуютъ себя въ правѣ думать только о себѣ самихъ, прежде всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

— Мистриссъ Ферроль. — «Поль уѣхалъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Онъ былъ обворожителенъ все время завтрака: читалъ много изъ статьи, которую онъ пишетъ; съ удивительною памятью и воображеніемъ представлялъ, одну послѣ другой, картины, то смѣшныя, то трогательныя, того, что люди въ минуты необычайныхъ волненій дѣлаютъ. Никто кромѣ меня не знаетъ всей прелести его бесѣды; ему нужно любить такъ, какъ онъ меня любитъ, чтобы до такой степени сливаться въ одно существо съ тѣмъ, кто его слушаетъ, чтобы умѣть слушать, умѣть рассказывать все, что у него на сердцѣ, какъ онъ это дѣлаетъ; одинаково сильно желать найти въ словахъ полное выраженіе для всей своей мысли, и всего своего понятія, какъ и ясно выработать то и другое въ своемъ умѣ. Эта глубоко-покойная жизнь, которую я веду съ тѣхъ поръ какъ я замужемъ, пред-

ставляетъ въ себѣ совершенство возможныхъ человѣку отношеній. Его избранные друзья, или лучше сказать, его сотрудники приходятъ къ намъ, и ихъ свѣтлый умъ, чувствуя себя совершенно на свободѣ въ нашемъ обществѣ, еще болѣе изощряется и какъ будто возбуждается присутствіемъ Поля.* Сосѣди насъ не беспокоятъ: за исключеніемъ доброй леди Люси, или какъ Поль называетъ ее, госпожи (* Бартлетъ, которая къ намъ очень привязана и ни въ чемъ безъ насъ обойтись не можетъ. Поль избѣгнулъ всѣхъ другихъ посѣщеній.

— Пока я это писала, пришла почта. Я узнала руку Леди и Люси кончила начатую мною фразу прежде, чѣмъ распечатала ее письмо; но теперь, какъ я его прочтала, оказывается, что оно болѣе чѣмъ важно для меня. Моя маленькая Жанета нездорова: они думаютъ, что это корь, но не знаютъ еще этого навѣрно. Въ захолустьи, гдѣ они живутъ, нельзя отыскать хорошаго доктора. Я желала бы тотчасъ ѣхать къ ней, — но, не простившись съ Подемъ, я не могу этого сдѣлать. Я не могу перенести, чтобъ онъ, возвратившись домой, не нашелъ бы меня; не могу уѣхать безъ его слова: «Поѣзжай!» и не спросивши его: «Согласенъ ли ты пустить меня, Поль?» Онъ всегда говорилъ мнѣ, что нянька и гувернантка необходимѣе для ребенка, чѣмъ мать; вообще это можетъ быть такъ и есть; но Жанета больна, и окружающіе ее не знаютъ что это за болѣзнь... Ѣхать ли мнѣ? Я взошла на верхъ, и позвонила, чтобъ велѣть моей Пристонъ готовиться къ отъѣзду, но — не могла рѣшиться. Еслибы я уѣхала, то завтра, въ это же время, я пожелала бы опять быть здѣсь. Никогда въ жизни не оставляла я его для какого нибудь удовольствія, потому что быть съ нимъ для меня высочайшее удовольствіе въ мірѣ. Поѣздка эта конечно не была бы для меня удовольствіемъ, кромѣ того, что мнѣ было бы отра-

---

*) Имя, которое англичане даютъ насѣдкѣ: то же, что нашъ медвѣдь. Мишка, кошка Машка и т. под.

дно самой быть съ моею бѣдною малюткою, и хотя я бы не могла принести ей пользы — все таки меня тянетъ къ ней ѣхать. Несчастное время, когда я считала невозможнымъ принадлежать ему; когда для меня уже не было никакой надежды послѣ того какъ я услышала роковую вѣсть о его женитьбѣ — это время часто приходитъ мнѣ на память, и потому я не люблю терять ни одного дня его присутствія со мною. Я прихожу въ ужасъ при мысли, чтобы не пришло опять такое время, когда я не была бы съ нимъ, и вспоминала какое безуміе было съ моей стороны потерять хоть одинъ день, который бы мы могли провести вмѣстѣ. — Я должна ждать его возвращенія, чтобы рѣшиться на счетъ поѣздки.»

Далѣе рука самаго Ферроля: «Элеонора уѣхала къ нашей маленькой Жанетѣ. Въ душѣ ея происходила борьба, которая меня восхищала; но когда сегодня утромъ пришла почта безъ письма отъ госпожи Парлетъ, ея безпокойство взяло верхъ надъ желаніемъ остаться, и я теперь дома одинъ, въ первый разъ, потому что я иногда оставляю ее, она же до сихъ поръ никогда не оставляла меня. Что я безъ нея? Нѣчто похожее на то ужасное существо, какимъ я былъ, когда она была для меня потеряна. Сегодняшній день былъ для меня очень занимателенъ, и нѣтъ никого, кому бы я могъ рассказать все это; нѣтъ Элеоноры, долженъ я сказать, — потому что она единственный товарищъ, съ которымъ я громко думаю. Меня не занимаетъ ничто, объ чемъ я не могу поговорить съ нею.

Сегодня я былъ въ округѣ Кея, потому что онъ самъ боленъ и уѣхалъ; время ли теперь хворать въ такіе тревожные дни? Здѣсь есть, на Мурѣ, хижина, хозяйка которой пользуется ею на правѣ посессіи, поэтому самому не можетъ обратиться за помощію къ приходу; все семейство привыкло жить въ страшной бѣдности. Имя ихъ Скенфритъ. Я поѣхалъ къ нимъ, и нашелъ всѣхъ больными, исключая матери и одного уже довольно большаго

мальчика. Она сказала мнѣ, что сосѣды покинули ее, а докторъ объ ея больныхъ даже и не знаетъ; она съ своей стороны знаетъ, что доктору надо заплатить, если онъ прійдетъ, а у нея нѣтъ денегъ, чтобы тратить ихъ на докторовъ. Больной ребенокъ лежалъ возлѣ отца и плакалъ. Я ему сказалъ, чтобы онъ замолчалъ, но ребенокъ отвѣчалъ, что онъ голоденъ. Отецъ былъ очень плохъ, и, повидимому, изнемогалъ отъ страданія; онъ подозвалъ меня къ себѣ, въ то время какъ я послалъ его жену къ моеи лошади, услыжавъ, что она бьется. Сэръ, сказалъ онъ мнѣ, заставьте ее дать этому малюткѣ одну картофелину; у нея его много въ запасѣ, но она бережетъ его для себя и для Джемса, потому что оба они здоровы и вѣроятно будутъ жить, а для насъ, которые должны умереть, она не хочетъ тратить его; но у меня сердце надрывается, глядя на бѣднаго голоднаго малютку.» Это была черта природы человѣческой, еще новая для меня — я припомнилъ одну мать, которая при отступленіи отъ Москвы, нѣсколько разъ бросала своего ребенка на снѣгъ, говоря: «Только бы *мнѣ* спастись — *онъ* не знаетъ что такое Парижъ.» Я пошелъ къ занавѣсу, открылъ его и въ самомъ дѣлѣ, тамъ былъ порядочный запасъ картофеля, сберегаемаго матерью съ неумолимой расчетливостію для тѣхъ, кому онъ могъ послужить въ прокъ. Она вошла въ эту минуту, и сдѣланное мною открытіе было ей весьма неприятно — поступить такимъ образомъ казалось ей довольно справедливо, но она знала какъ на это должны смотрѣть другіе люди, и была пристыжена. Я не сдѣлалъ ей никакого упрека. Какое право имѣлъ бы я на это? Я только далъ ребенку поѣсть, а матери денегъ, и сказалъ ей, что я пришлю для больныхъ сидѣлку, отъ которой бы я могъ требовать отчета во всемъ, что будетъ прислано для нихъ; при этомъ она оказалась болѣе женственною, чѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что начала громко плакать. Толстый, неповоротливый мальчикъ, стоя подлѣ нея, скапалъ зубы.

Въ сосѣднемъ домѣ, у Джона Парри, мнѣ сказали съ перваго слова, и нисколько не думая о положеніи самаго Джона Парри, что лордъ Ювайасъ въ холерѣ. — Говорять что милордъ долженъ умереть, сказала мистрисъ Парри, Боже мой! неужели это правда? «Я спросилъ отчего Джонъ былъ безъ лѣкарства? Оттого, что сынъ Джона находится на побѣгушкахъ при разсыльномъ замкѣ, и его послали верхомъ въ Унтгергъ за горчицею для пластыря лорду, такъ какъ у буфетчика горчица вся вышла.

Все семейство казалось совершенно удовлетвореннымъ этими причинами, такъ что и я счелъ нужнымъ выразить полное одобреніе.

Я поѣхалъ въ Гарольдсъ Кэстль, и нашелъ владѣльца его дѣйствительно больнымъ. Леди Ювайасъ была испугана, и волненіе ея старался поддерживать аптекарь, очень довольный тѣмъ, что имѣлъ случай пугать знатную леди. Лордъ Ювайасъ лежалъ въ постели, думая что онъ скоро умретъ, и что смерть его будетъ самымъ большимъ бѣдствіемъ, какое только могло случиться для пѣлаго края.

Какъ слѣпы люди всегда окруженные лестью! Какъ не пришло ему въ голову, что принятіе новымъ лицомъ титула лорда Ювайаса будетъ рассказано въ газетахъ какъ счастливое событіе? Я высказалъ ему мое искреннее убѣжденіе, что онъ не умретъ. Онъ небылъ похожъ на выжатый лимонъ, и докторъ оставилъ ему разумныя предписанія. Среди своихъ страданій, лордъ Ювайасъ не потерялъ изъ виду своего прежняго желанія имѣть меня въ числѣ своихъ прислуженныхъ — своихъ *habitués*. Онъ произнесъ довольно сносную рѣчь, въ которой сравнивалъ порогъ своего дома съ Рубликономъ и выразилъ желаніе, чтобы я пріѣхалъ въ какой-то праздничный день, черезъ мѣсяць, но я этого не хочу. Они не должны имѣть право сказать, что я когда либо былъ гостемъ у котораго нибудь изъ нихъ; они не могутъ пзбѣгнуть того, чтобы быть мнѣ обязанными, но я могу не дать имъ права говорить, что я былъ у нихъ въ домѣ на короткой ногѣ.